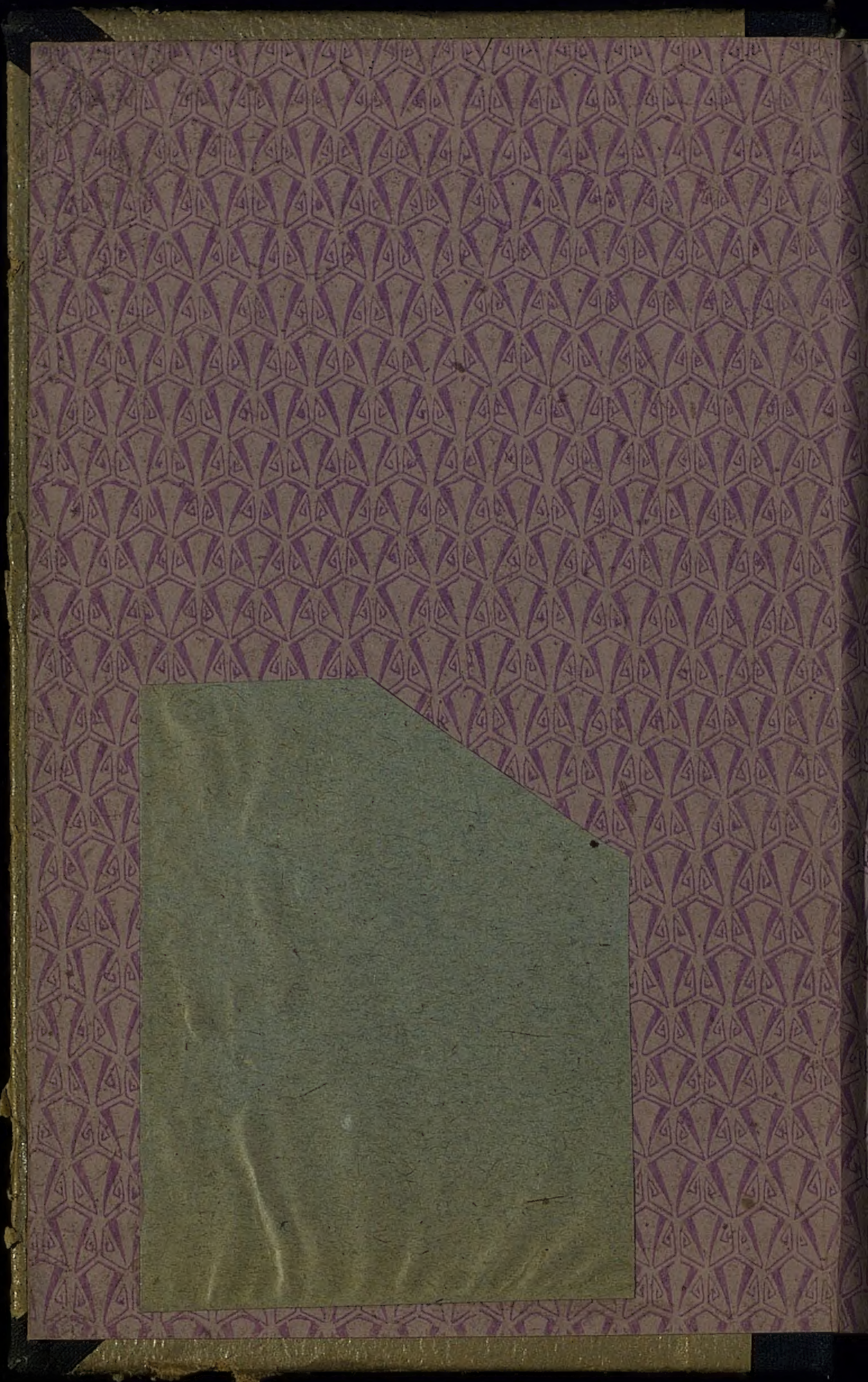

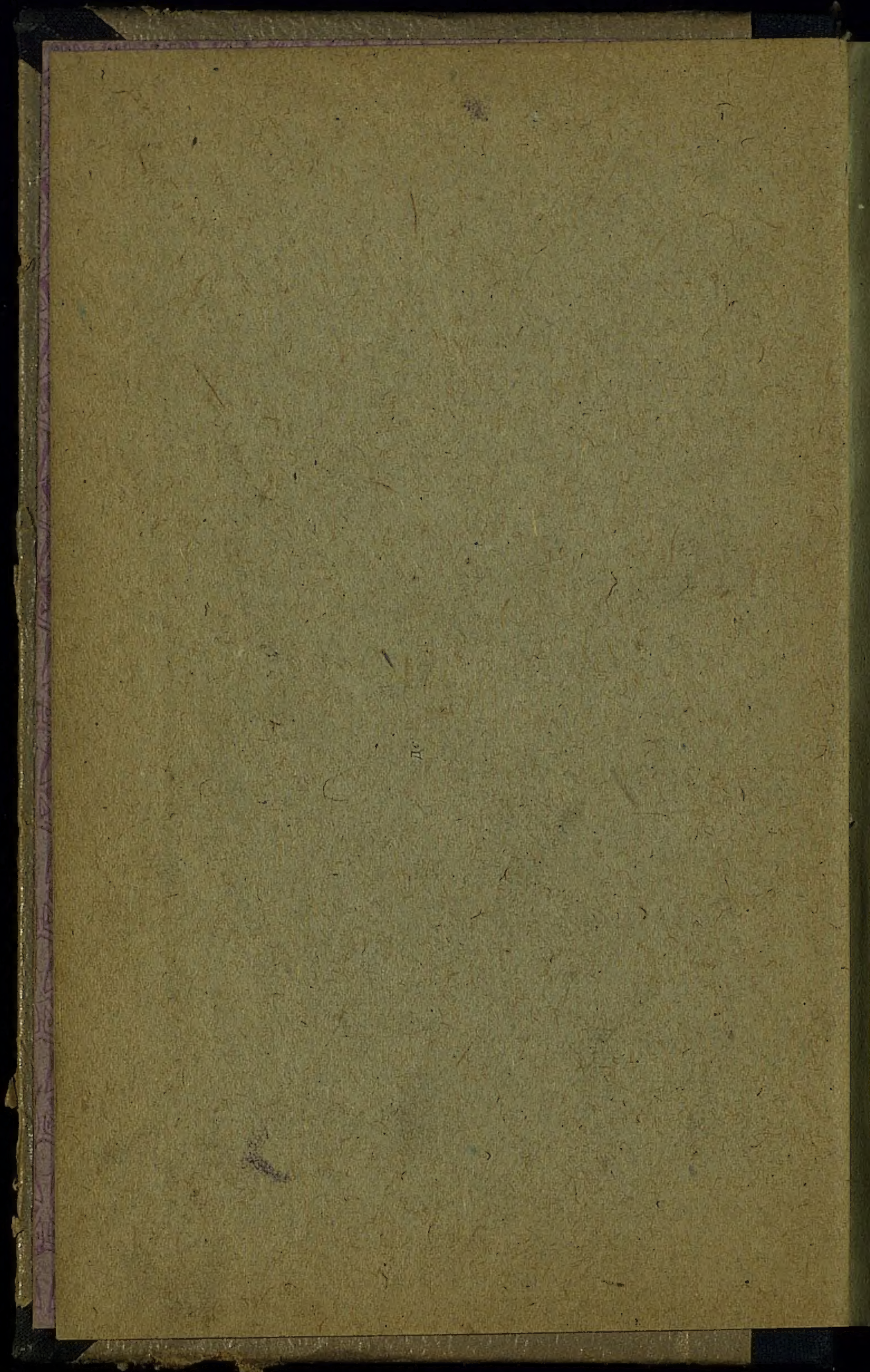
Ручеек и

Бережок.

1862

№ 1-2.

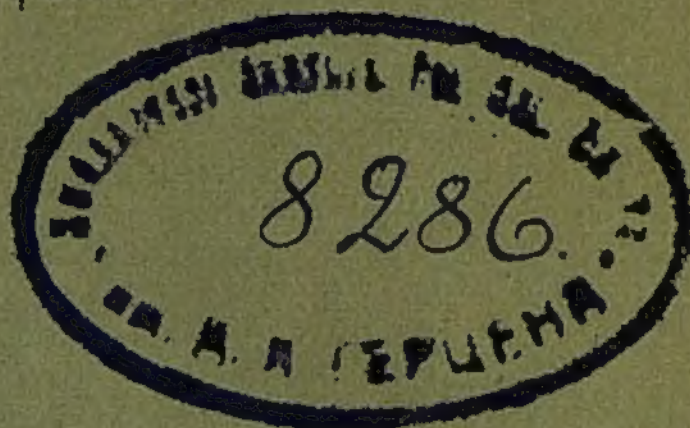

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1862

Я Н В А Р Ъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- І. ПОПЫТКИ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ.
Ф. Т. Тернера.
- ІІ. ВОСПОМИНАНІЕ О ГОГОЛѢ. **Л. Арнольди.**
- ІІІ. НОВЫЙ ТАЛАНТЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЛИ-
ТЕРАТУРѢ. **А. В. Дружинина.**
- ІV. ЗАПИСКИ ВІЛЬСОНА. **Ю. В. Толстаго.**
- V. СТОЯЧАЯ ВОДА. Повѣсть. **В. Крестовскаго.**
- VI. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА МУРАВЬЕВА О
ВОЙНѢ 1855 ГОДА ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.
- VII. ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ. **А. С. Троянскаго.**
- VIII. ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА, ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ.
Я. К. Грота.
- IX. HÔTEL „LA SIRENA“. Стихотвореніе. **Н. Ф. Щер-
бины.**
- X. ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ. Стих. **Б. Н. Алмазова.**
- XI. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: *Ложныя и отреченныя книги рус-
ской старины.* Собр. **А. Н. Пыпинымъ.** **Н. С. Тихо-
нова.**
- XII. ЗАМѢТКА.

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К°.

BRITISH MUSEUM

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Е.
241.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

РАССКАЗЫ

ПЕЧАТЪ

ПОДЪ

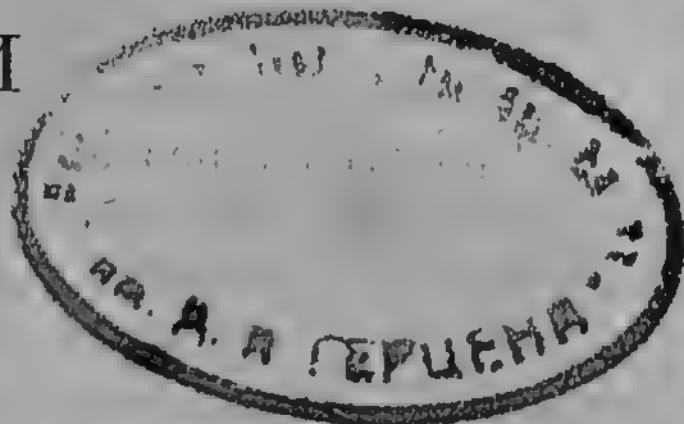
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 8-го января 1862 года.

Цензоръ А. Петровъ.

ПОПЫТКИ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ

ВО ФРАНЦІИ

L. de Lavergne, *Les assemblées provinciales en France avant 1789*
(*Revue des Deux Mondes*).

H. T. Buckle, *History of civilisation in England*.

J. Stuart Mill, *On liberty*.

По какому-то странному капризу судьбы, Франція считающаяся родоначальницею либеральныхъ идей, центромъ, изъ котораго онѣ распространились по материку всей Европы, отстала въ ихъ практическомъ примѣненіи почти отъ всѣхъ европейскихъ странъ.

Вмѣсто гражданской свободы и мѣстнаго самоуправленія, мы находимъ во Франціи всепоглащающее начало правительственной централизаціи; вмѣсто экономической свободы, встрѣчаемъ протекціонизмъ, всемогущій до послѣднихъ реформъ произведенныхъ Наполеономъ III во французскомъ тарифѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ централизаціонное начало постоянно крѣпло, расло и расширялось во Франціи, несмотря ни на какіе государственные перевороты. Во всѣхъ формахъ государственнаго устройства, централизаціонное направленіе находитъ себѣ постоянную опору для дальнѣйшаго развитія.

Исторія французской административной жизни представляетъ намъ только одинъ моментъ, когда проявляет-

ся стремленіе къ правильнѣйшему распредѣленію административной дѣятельности между всѣми частями страны. Но этотъ опытъ развитія мѣстнаго самоуправленія во Франціи принадлежитъ не революціи и непослѣдующимъ правительствамъ, а до-революціонной монархіи, именно Лудовику XVI.

Это знаменательное явленіе служитъ доказательствомъ, что реформы, предпринятыя Лудовикомъ XVI и заглушенныя послѣдовавшимъ громомъ революціи, имѣли важное значеніе; оно указываетъ на необходимость ближайшаго изученія характера этихъ реформъ, довольно мало извѣстныхъ до настоящаго времени.

Сравнивая результаты достигнутые этими реформами съ наслѣдіемъ, которое было завѣщано Франціи революціей, какъ-то естественно задаешь себѣ вопросъ: что бы произошло во Франціи, еслибы эта блестящая, но грозная эпоха была вычеркнута судьбою изъ ея исторіи, еслибы революціи не случилось? На сколько успѣла бы эта страна подвинуться въ своемъ развитіи путемъ естественныхъ реформъ, и на сколько революція, разумѣя подъ этими словами событія 1789—1794 годовъ, ускорила осуществленіе тѣхъ либеральныхъ началъ, которыя были ею провозглашены?

Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этомъ вопросѣ и произнести сколько-нибудь основательное рѣшеніе, необходимо предварительно вникнуть въ сущность той преобразовательной дѣятельности, которая развилась при Лудовикѣ XVI въ провинціальныхъ собраніяхъ, вызванныхъ Тюрго и Некеромъ, и служившихъ въ царствованіе Лудовика XVI средоточіемъ главнѣйшихъ до-революціонныхъ преобразованій.

Посвящая нашу статью изслѣдованію этого важнаго и еще мало извѣстнаго момента исторіи Франціи, мы для большей ясности раздѣлимъ нашу статью на три части. Въ первой коснемся слегка историческихъ условій развитія централизаціи во Франціи, пользуясь остроумными очерками Бекла; вторую часть посвятимъ обзору дѣятельности провинціальныхъ собраній при Лудовикѣ XVI, при чемъ примемъ въ руководство трудъ Лаверня; наконецъ въ третьей части представимъ нѣкоторые выводы и соображенія.

I.

Причины содѣйствовавшія во Франціи развитію централизаціи и духа правительственной опеки, въ противоположность болѣе нормальному направленію, въ которомъ стала развиваться государственная жизнь въ Англіи, начинаютъ оказываться уже въ ту темную и отдаленную эпоху исторіи, которой принадлежатъ первые зачатки гражданского устройства въ Европѣ, то-есть въ X и XI столѣтіяхъ. До того времени невѣжество и суевѣріе почти въ равной мѣрѣ господствовали повсюду. Во времена общаго мрака и хаоса, духовенство было единственнымъ хранителемъ умственного и нравственного достоянія; оно было единственною нравственною силой, простиравшею свое покровительство на всѣ народы. Но съ XI и особенно XII вѣка начинается возникать самостоятельная гражданская жизнь и умственная дѣятельность. Оба эти новые элемента стремятся пріобрѣсти независимую почву.

Первая самостоятельная, независимая отъ клерикальнаго начала, административная форма является въ феодальной организаціи. Въ этихъ зачаткахъ гражданского устройства является въ первый разъ нѣкоторое различіе въ условіяхъ французской и англійской жизни; это различіе слѣдуетъ признать первою причиною той противоположности въ направленіяхъ, которымъ слѣдовали эти двѣ страны въ развитіи ихъ внутренней гражданской дѣятельности. Означенныя причины слѣдуетъ искать въ условіяхъ, предоставившихъ въ самаго начала французской аристократіи болѣшую силу, но и въ большей степени отдѣлившія ее отъ народа.

Утвердившись въ Англіи, во второй половинѣ XI столѣтія, Вильгельмъ Нормандскій, ввелъ въ завоеванной странѣ тѣ же феодальныя учрежденія, которыя господствовали и въ его отечествѣ; но при этомъ перенесеніи феодальныхъ учреждений на новую почву измѣнился нѣсколько и самый характеръ ихъ въ пользу усиленія королевской власти. Бароны, находившіеся въ арміи Вильгельма-Завоевателя, получивъ отъ него земли въ завоеванной странѣ,

должны были вмѣстѣ съ тѣмъ утратить часть той независимости, которою пользовались феодальные землевладѣльцы во Франціи. Первымъ разительнымъ примѣромъ отступленія отъ обычныхъ условій феодализма является требованіе Вильгельма, чтобы всѣ землевладѣльцы присягали прямо ему, между тѣмъ какъ по феодальному праву каждый вассалъ присягалъ только своему сюзерену, то-есть лицу, отъ котораго онъ получилъ землю, такъ что нижніе вассалы присягали среднимъ, средніе высшимъ, и уже эти послѣдніе королю. Отъ этого обычая отступилъ Вильгельмъ, потребовавъ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти прямой присяги отъ всѣхъ вассаловъ то-есть землевладѣльцевъ страны.

Во Франціи, напротивъ, дворяне пользовались почти неограниченною властію въ своихъ помѣстьяхъ. Владѣя землями по стародавнему праву, они не признавали въ этомъ отношеніи за королемъ никакого права ограничивать ихъ произволъ. Разность въ характерѣ власти, принадлежавшей въ феодальную эпоху каждой изъ этихъ двухъ аристократій, обнаруживается, напримѣръ, въ томъ обстоятельстве, что французскіе дворяне имѣли право чеканить монету, право, которымъ никогда не обладали англійскіе вассалы въ своихъ владѣніяхъ.

Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на послѣдующую судьбу обоихъ государствъ. Въ Англіи относительная слабость дворянства и большее подчиненіе его центральной власти побуждали дворянское сословіе съ самыхъ раннихъ временъ искать опоры въ народѣ и сливать съ его интересами свой. Вотъ почему всѣ права, въ разное время дарованныя въ Англіи королями своимъ подданнымъ, относились не къ одному дворянству, а къ цѣлому народу. При такихъ отношеніяхъ между дворянствомъ и народомъ, послѣдній не былъ поставленъ въ такую безусловную зависимость отъ феодальной аристократіи, какъ во Франціи. Вслѣдствіе этого, въ Англіи очень рано начинаютъ развиваться первые элементы общиннаго самоуправленія, и развитіе ихъ шло безпрепятственно впередъ, все болѣе и болѣе сливаясь съ народною жизнью. Въ Англіи, уже въ первое время существованія государства, были мелкіе землевладѣльцы изъ свободнаго не-дворянскаго сословія (*freeholder, yeomanry*), классъ людей, который во Франціи не существовалъ почти до XVIII столѣтія. Самое крѣпостное право исчезло въ Анг-

ліи совершенно уже въ XVI столѣтіи, между тѣмъ какъ во Франціи оно продолжало существовать еще два столѣтія и рушилось только подъ ударомъ революціи. Классъ свободныхъ собственниковъ не изъ дворянъ, не мало содѣйствовалъ въ Англіи развитію духа мѣстной самостоятельности и обычаевъ мѣстнаго самоуправления, развитію, однимъ словомъ, въ англійскомъ народѣ той нравственной силы, которая побуждаетъ его непреклонно стоять за свои права, но также и безусловно исполнять свои обязанности, вызывая въ людяхъ глубокое уваженіе къ закону, какъ священному хранилищу этихъ правъ и соединенныхъ съ ними обязанностей.

Во Франціи, напротивъ, феодальная аристократія была слишкомъ сильна, слишкомъ независима отъ центральной власти, а потому не нуждалась въ поддержкѣ народа. Вотъ почему дворянство смотрѣло съ презрѣніемъ на народъ, отъ котораго отдѣляли его непроходимыя грани и съ которымъ не связывалъ его никакой общій интересъ. При неограниченномъ господствѣ феодальнаго права, во Франціи не только не существовало свободныхъ владѣльцевъ не-дворянскаго сословія, какъ въ Англіи, но даже не были извѣстны потомственные арендные владѣнія въ средѣ народа. Не-дворяне пользовались землею исключительно на *ленномъ* правѣ, то-есть въ полной зависимости отъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. При такихъ условіяхъ, когда вся власть была сосредоточена исключительно въ рукахъ дворянства, могли ли выработаться въ народѣ какія-либо самостоятельныя мѣстныя учрежденія, могло ли развиваться общинное или муниципальное самоуправленіе?

Вотъ почему, когда въ послѣдствіи французскимъ городамъ было дано муниципальное устройство, оно оставалось только внѣшнимъ призракомъ гражданскаго городского самоуправления; не находя подготовленной почвы, оно и не могло бросить глубокихъ корней въ народной жизни. О сельскомъ же общинномъ устройствѣ и самоуправленіи не могло быть и рѣчи при исключительномъ господствѣ крѣпостнаго права. Всѣмъ этимъ объясняется, почему, послѣ упадка феодальной аристократіи, всеобъемлющая власть ея должна была, по необходимости, замѣниться правительственною централизациею; народъ не былъ воспитанъ для самоуправления и для самостоятельности; выйдя изъ

крѣпостной зависимости, онъ какъ безпомощное дитя, не умѣвшее даже въ своихъ частныхъ, мѣстныхъ интересахъ дѣйствовать самостоятельно, долженъ былъ подчиниться во всемъ опеку бюрократической централизаціи.

Въ XIV столѣтіи королевская власть замѣтно усилилась во Франціи. Роль дворянства относительно центрального правительства значительно умалилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ не видно еще никакихъ льготъ для народа. Попрежнему, онъ находится въ узахъ крѣпостнаго права. Попрежнему, дворянство пользуется полнымъ изъятіемъ отъ платежа налоговъ, считая дѣломъ постыднымъ участвовать наравнѣ съ простонародьемъ въ жертвахъ необходимыхъ для доставленія государству средствъ существованія. По прежнему, дворянству исключительно предоставлены всѣ мѣста въ военномъ и духовномъ управленіи и т. п. Духъ привилегіи и исключительности обнаруживается во всемъ, отъ важныхъ предметовъ до пустыхъ мелочей; такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, право содержать голубятни на своей землѣ исключительно принадлежало дворянству.

Такимъ образомъ, пока въ средѣ англійскаго народа все болѣе и болѣе развивался духъ гражданской самостоятельности, основанный на привычкѣ жить своимъ умомъ, во Франціи народъ не имѣлъ и тѣни гражданской или умственной самостоятельности. Реформація была подавлена во Франціи, между тѣмъ какъ она восторжествовала въ Англіи. Реформація была проявленіемъ того же духа анализа и самосужденія въ духовныхъ дѣлахъ, который въ гражданской сферѣ уже существовалъ въ Англіи. Католицизмъ, власть котораго зиждется на преданіи, не могъ не противодѣйствовать развитію въ народѣ личнаго анализа, грозившаго ему потерю свѣтской власти. Но мудрая дочь Генриха VIII стала на сторону народа, и рѣшилась поддержать протестантизмъ. Понимая, что въ этомъ стремленіи ей не найдти поддержки въ дворянствѣ, она избрала главныхъ своихъ совѣтниковъ не изъ аристократической среды; главные государственные люди при Елисаветѣ, Сесиль, Садлеръ, Смитъ, носили имена весьма мало извѣстныя до того времени.

Значительная разница между развитіемъ французской и англійской государственной жизни обнаружилась, между

прочимъ, въ двухъ важныхъ политическихъ событіяхъ, весьма близкихъ одно къ другому по времени: это войны фронды во Франціи и революція въ Англіи. Между тѣмъ какъ послѣдняя приняла совершенно общественный характеръ, изъ котораго должна была выработаться новая гражданская жизнь Англіи, между тѣмъ какъ здѣсь движеніе не имѣло въ себѣ ничего сословнаго, и во главѣ его являются люди во все не изъ бароновъ, какъ и самъ Кромвель,—во Франціи фронда не измѣнила отношеній народа къ дворянству. Она добивалась только осуществленія нѣкоторыхъ исключительно сословныхъ интересовъ,—и въ числѣ ихъ было не мало самыхъ мелочныхъ вопросовъ мѣстничества и этикета.

При Лудовикѣ XIV, съ окончательнымъ низверженіемъ фронды, власть надъ умственной, политической и матеріальной жизнью народа перешла изъ рукъ дворянства въ руки правительства. Феодальный гнетъ преобразовался въ правительственную централизацию. Централизовавъ гражданскую власть, Лудовикъ XIV подчинилъ себѣ и клерикальную партію; но достигнувъ этой цѣли, онъ не только не считалъ уже нужнымъ противодѣйствовать ей исключительной опекой надъ умственной жизнью страны, а даже сталъ содѣйствовать ей усиленію. Отмѣною Нантскаго эдикта онъ лишилъ Францію и той доли религіозной свободы, которою она пользовалась до него. Но Лудовикъ XIV не удовольствовался этимъ. Онъ поработилъ себѣ и умственную жизнь страны въ ея литературѣ. Съ помощію денегъ и почестей, онъ овладѣлъ всѣми замѣчательными писателями своего времени, и превратилъ ихъ въ хвалителей своихъ дѣяній. Его старанія не остались безуспѣшными. Дѣйствительно, благодаря льстивымъ возгласамъ современныхъ ему писателей, его царствованіе казалось самою блестящею эпохою науки и искусства во Франціи. Мнѣніе это, господствовавшее довольно долго, не устояло однако передъ анализомъ исторіи. Этотъ анализъ раскрылъ прежде всего, что Лудовикъ покровительствовалъ преимущественно искусствамъ. Между тѣмъ какъ искусства и литература, по видимому, процвѣтали въ его царствованіе, науки приходили въ упадокъ. Время Лудовика XIV было въ сущности эпохой упадка умственной жизни Франціи, стоявшей до того времени гораздо выше. Въ духовной жизни человѣка и народа различные элементы находятся въ тѣсной между собою связи, такъ что одинъ не можетъ развиваться безъ

другаго. Съ подавленіемъ всякой самостоятельной умственной жизни, была подавлена и всякая творческая сила въ народѣ, — а безъ нея и искусство не могло процвѣтать. Упадокъ искусства обнаружился еще при жизни Лудовика XIV. Если сравнить послѣднюю половину его царствованія съ первою, то нельзя не удивиться разительному между ними контрасту; все что было блестящаго при Лудовикѣ XIV принадлежитъ первой половинѣ его царствованія. Этотъ контрастъ ясно доказываетъ, что послѣ искусственного блеска неизбѣжно слѣдуетъ внезапный упадокъ. Послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлище самой безотрадной пустоты; въ это время во Франціи уже не было ни одного знаменитаго ученаго, ни одного замѣчательнаго государственнаго чловѣка, ни одного истинно-даровитаго художника. Повсюду самая ужасная бездарность. Вотъ какихъ результатовъ достигъ Лудовикъ XIV, всю жизнь свою стремившійся поработить всякую самостоятельную мысль, уничтожить всякую критику и поставить на ея мѣсто одну лесть, безусловно преклонявшуюся передъ нимъ, какъ при дворѣ, такъ и въ литературѣ. При вступленіи на престолъ, онъ нашелъ богатые зародыши умственной дѣятельности въ наукѣ и искусствѣ, — зародыши, возникшіе въ предшествующія правленія Ришелье и Мазарина; а къ концу своего царствованія, онъ оставилъ Франціи одну бездарность, и на долгое время подавилъ въ ней всякое честное, добросовѣстное и независимое умственное направленіе.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, царствованіе Лудовика XIV является одною изъ коренныхъ причинъ революціи. Не скоро послѣ него очнулась самостоятельная мысль; но, проснувшись отъ своего искусственнаго сна, она безотчетно бросается къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя такъ долго были въ ней совершенно подавлены. Въ своемъ анализѣ, въ своей критикѣ, она уже не знаетъ границъ, она не останавливается ни передъ чѣмъ, какъ бы желая этимъ излишкомъ дѣятельности искупить свое продолжительное и насильственное бездѣйствіе. Оторванное отъ дѣйствительной жизни, умственное движеніе бросается исключительно въ самую отвлеченную теорію; то приходитъ къ утопіямъ, въ неосуществимости которыхъ убѣждается не прежде какъ перейдя рѣки крови, проли-

тыя революціей. Могла ли изъ подобныхъ элементовъ выработаться здоровая политическая жизнь во Франціи? Съ одной стороны, народъ лишенный всякихъ правъ, подавленный и униженный; съ другой стороны, умственная дѣятельность, возбужденная до нелзя, совершенно отрѣшившаяся отъ дѣйствительной жизни, стремившаяся все пересоздать по новымъ утопическимъ началамъ: подобное сочетание должно было неминуемо повести къ той ужасной катастрофѣ, которая разразилась во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что этотъ ужасный переворотъ, потрясшій все государственное и общественное устройство въ его основахъ, не могъ немедленно создать во Франціи нормальную политическую жизнь, для которой въ народѣ еще не доставало элементовъ. Подъ именемъ свободы революція еще болѣе укоренила во Франціи самую деспотическую централизацию. Когда же республика пала предъ имперіей, то въ сущности это былъ только внѣшній переворотъ; внутренніе элементы гражданской жизни отъ этого нисколько не измѣнились; одна деспотія смѣнилась другой, а централизція только усилилась.

„Революція, замѣчаетъ г. Бодрильяръ въ *Journal des Débats*, по поводу книги Реньё, *La province ce qu'elle est et ce qu'elle doit être*, освятила диктатуру Парижа. Ей принадлежитъ развитіе до крайнихъ предѣловъ теоріи единства. Она же, повѣривъ Руссо и нѣкоторымъ другимъ своимъ учителямъ, возвела въ апофеозу государство. Теоріи революціи, дополненныя дисциплинарными идеями имперіи, привели Францію къ настоящему порядку вещей.“

Этотъ порядокъ вещей Бекль описываетъ весьма остроумно и характеристически слѣдующимъ образомъ:

„Во Франціи все сводится къ одному общему центру, которымъ поглощаются всѣ гражданскія функціи страны. Всѣ сколько-нибудь значительныя улучшенія, всѣ планы, касающіеся даже матеріальныхъ вопросовъ народнаго благосостоянія, должны быть утверждаемы центральнымъ правительствомъ, потому что оно считаетъ мѣстныя учрежденія недостойными права рѣшать столь затруднительные вопросы. Дабы предохранить мѣстныя учрежденія отъ злоупотребленій власти, имъ не предоставляется никакой власти. Все что происходитъ въ этой странѣ должно

рѣшаться въ главной квартирѣ. Центральное правительство должно все видѣть, все знать и обо всемъ заботиться. Для приведенія въ дѣйствіе этой чудовищной монополіи, придумана достойная машина. Вся страна покрыта неслѣтной арміею чиновниковъ, которые по правильности своей іерархіи и по порядку восходящихъ ступеней, представляютъ поразительную картину феодальнаго принципа, превращеннаго изъ поземельнаго въ личный. Все государственное дѣло ведется въ томъ предположеніи, что ни одинъ человѣкъ не способенъ во Франціи сознать свой личный интересъ и самъ о немъ заботиться. Французское правительство печется съ такою отеческою предусмотрительностію о благѣ своихъ подданныхъ, что подчинило своей опеке какъ самые обыкновенные, такъ и самые рѣдкіе случаи жизни. Опасаясь чтобы Французы не совершали безразсудныхъ духовныхъ завѣщаній, оно ограничило самое право завѣщаній, и опасаясь чтобы они не передавали неправильно своего имущества, оно вообще запретило имъ передавать большую часть имущества. Изъ желанія охранять общество въ полицейскомъ отношеніи, оно запретило разѣзжаться безъ паспорта. Отправляясь въ путешествіе, французскій подданный встрѣчаетъ въ каждомъ закоулкѣ тотъ же духъ вмѣшательства, который, подъ предлогомъ охраненія его личности, ограничиваетъ его личную свободу. Та же самая система введена во Францію и въ другую, еще гораздо высшую сферу, — въ судопроизводство. Правительство французское до того заботится объ охраненіи общества отъ преступниковъ, что преслѣдованіе обвиняемаго передъ судомъ представляетъ зрѣлище, котораго въ Англіи общественное мнѣніе не вынесло бы ни одной минуты. Важный государственный сановникъ, которому поручено судить обвиняемаго, самъ его допрашиваетъ, стараясь всевозможными доводами довести его до признанія предполагаемой вины, дѣйствуя такимъ образомъ не какъ судья, а какъ публичный обвинитель. Этотъ важный сановникъ употребляетъ противъ обвиняемаго все значеніе своего высокаго положенія, всѣ тонкости своего юридическаго искусства, всю свою опытность и всю ловкость своего ума. Это едва ли не одно изъ опаснѣйшихъ проявленій французскаго централизованнаго духа, потому что подобный порядокъ вещей лишаетъ судъ, это высокое нрав-

ественное учрежденіе, всякой независимости по отношенію къ центральной власти, и вслѣдствіе того лишаетъ его довѣрія въ глазахъ общества. Нарушая у судьи необходимое ему спокойствіе духа, французское судоустройство прямо ведетъ къ несправедливости, потому что не даетъ судѣ возможности сохранять полное безпристрастіе. Можетъ ли судья сохранять спокойствіе духа, когда онъ превращается въ заинтересованную сторону? Но это только часть обширнаго механизма. Къ такого рода средствамъ для открытія преступленія присовокупляются всевозможныя средства для его предупрежденія. Съ этою цѣлю, народъ подвергается охраненію и опеке, даже при самыхъ невинныхъ, ежедневныхъ своихъ удовольствіяхъ. Для предупрежденія могущихъ встрѣтиться при этомъ, по необдуманности частныхъ лицъ, обидъ или поврежденій, правительство охраняетъ ихъ мѣрами, которыя употребилъ бы отецъ чтобъ оградить своихъ дѣтей отъ всякаго необдуманнаго поступка могущаго причинить имъ вредъ. На ярмаркахъ, въ театрахъ, въ концертахъ, во всѣхъ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, всегда присутствуютъ солдаты ¹, надзирая за тѣмъ, чтобы никому не было причинено вреда, чтобы не было лишней тѣсноты и чтобы никто не побранился съ своимъ сосѣдомъ. Но и этимъ не ограничивается бдительность правительства. Самое воспитаніе дѣтей не предоставлено личному возрѣнію родителей и учителей, а поставлено подъ непосредственную опеку государства. Вся централизованная организація проведена съ такимъ искусствомъ, съ такою послѣдовательностію, что ни въ какую эпоху жизни Французы не бываютъ оставлены на собственный произволъ; въ дѣтствѣ, юношествѣ, въ зрѣломъ возрастѣ,—всѣ ихъ дѣйствія совершаются подъ опекою правительства. Нельзя предполагать, чтобы люди воспитанные въ подобной опеке имѣли въ чемъ-либо, даже въ выборѣ пищи, вѣрное сужденіе. Поэтому правительство позаботилось и объ опеке матеріальной стороны ихъ жизни.

¹ Бекль говоритъ здѣсь исключительно о присутствіи военной силы во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ. Трудно предполагать, чтобъ онъ порицалъ присутствіе на нихъ обыкновенной полиціи, потому что и въ Англіи, на публичныхъ собраніяхъ, бываютъ *полисманы*.

Зоркій глазъ его слѣдитъ за мясникомъ на бойнѣ и за булочникомъ въ его печи. Отечественная рука правительства испытываетъ все продаваемое мясо, чтобъ убѣдиться хорошаго ли оно качества, и весь хлѣбъ, чтобъ убѣдиться полновѣсенъ ли онъ. Однимъ словомъ, во Франціи, вслѣдствіе развитія духа опеки и централизаціи, правительство монополизировало всѣ отправленія жизненной дѣятельности какъ цѣлой страны, такъ и каждого гражданина. Эта монополія инициативы, это вмѣшательство проникающее въ частныя дѣла и помышленія каждого человѣка, особенно опасны по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ. Слагая съ каждого члена общества естественно лежащую на немъ отвѣтственность передъ самимъ собою, оно лишаетъ его такимъ образомъ главной побудительной причины къ нравственному развитію, заключающейся какъ въ постоянной необходимости заботиться о своихъ потребностяхъ, такъ и въ навыкѣ бороться съ трудностями жизни. Вотъ почему Французы, при малѣйшихъ затрудненіяхъ, обращаются къ помощи правительства. Что въ Англіи приводится въ исполненіе подъ вліяніемъ конкуренціи, то совершается во Франціи съ помощью монополіи. Что въ Англіи дѣлается частными обществами, на то во Франціи требуется содѣйствіе правительственныхъ департаментовъ. Во Франціи общество во всемъ сообразуется съ мнѣніемъ центрального управленія и живетъ его жизнью; въ Англіи правительство, напротивъ того, слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ въ народѣ и сообразуется съ его направленіемъ. Во Франціи, исполнительная власть есть центръ, изъ котораго исходитъ лучеобразно всякая инициатива общественной жизни. Въ Англіи эта инициатива принадлежитъ обществу, а центральное управленіе удерживаетъ только значеніе органа народной жизни. Разница въ результатахъ объясняется разницею въ условіяхъ общественнаго организма. Англійское общество постепенно пришло къ участию въ политическомъ управленіи страны, воспитавъ себя къ этому участию продолжительнымъ пользованіемъ гражданскими правами и исполненіемъ гражданскихъ обязанностей возлагаемыхъ на него мѣстнымъ самоуправленіемъ; французское общество пренебрегло пользованіемъ гражданскими правами и несеніемъ соединенныхъ съ ними обязанностей, оно захотѣло прямо перейти къ пользованію

политическими правами. Вслѣдствіе этого, до сихъ поръ пользованіе законною свободою было во Франціи несовмѣстимо съ существованіемъ твердаго правительства; французское общество могло переходить только отъ неограниченной свободы съ шаткою правительственною организаціей къ твердымъ правительственнымъ формамъ не предоставлявшимъ обществу никакой обезпеченной свободы. Вотъ тѣ два полюса, между которыми вращается французское общество со временъ революціи.“

Пагубныя послѣдствія, которыя должно было имѣть, для гражданской и общественной жизни Франціи, развитіе духа централизаціи,—послѣдствія такъ рельефно и эффектно описанныя Бекломъ,—были уже предугаданы Некеромъ, какъ мы увидимъ ниже.

Коснувшись главныхъ условій историческаго развитія французской централизаціи, мы обозримъ теперь, хотя кратковременную, но въ высшей степени замѣчательную эпоху, когда французское правительство, измѣнивъ внезапно свою внутреннюю политику, само пыталось уменьшить всепоглощающее дѣйствіе уродливой централизаціи въ организмъ Франціи равномернымъ распредѣленіемъ экономической, гражданской и политической жизни между всѣми частями страны.

II.

Единственный существенный опытъ децентрализаціи, въ продолженіи всей государственной жизни Франціи, былъ сдѣланъ въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Людовика XVI. Призванные имъ къ дѣятельности, провинціальныя собранія успѣли, несмотря на свое кратковременное существованіе, сосредоточить въ себѣ всю мѣстную административно-хозяйственную власть, и оживить ее началомъ мѣстнаго самоуправления въ замѣнъ исключительно-бюрократическаго начала. Изучая живую дѣятельность, которая кипѣла въ средѣ провинціальныхъ собраній, массу вопросовъ, которые были возбуждены ими и которыхъ значительная часть была окончательно разрѣшена этими собраніями, не можемъ не удивляться, что исторія почти забыла объ ихъ существованіи. Казалось,

ихъ скромная дѣятельность была совершенно заглушена громомъ разразившихся вслѣдъ за тѣмъ событій, такъ что даже память объ этихъ собраніяхъ исчезла со страницъ исторіи. Даровитому перу де-Лаверня было дано воскресить ихъ забытое значеніе.

Уже въ средніе вѣка, почти во всѣхъ провинціяхъ Французскаго королевства, возникали провинціальныя собранія для вотированія и раскладки налоговъ. Но по причинамъ, о которыхъ рѣчь была выше, эти учрежденія не могли пустить глубокихъ корней въ народной жизни. Они исчезали одно за другимъ передъ напоромъ центральной власти, и послѣдній ударъ имъ былъ нанесенъ рукою Ришелье, такъ что въ началѣ XVII вѣка почти всѣ провинціальныя собранія уже прекратили свое существованіе. Франція, вмѣсто прежнихъ областей, была раздѣлена на двадцать провинцій, *généralités*, которыя управлялись королевскими наместниками, *интендантами*. Власть этихъ послѣднихъ не знала другихъ границъ кромѣ личнаго произвола. Только нѣкоторыя области (Бретань, Бургундія, Лангедокъ, Фландрія и Артуа) сохранили свое прежнее историческое устройство и тѣнь мѣстнаго самоуправленія. Управленіе интендантовъ, истощавшихъ и угнетавшихъ провинціи всѣми возможными способами, вызывало всеобщіе вопли негодованія; жалобы на нихъ слышались повсюду, и общественное мнѣніе было страшно возстановлено противъ нихъ. Буажильберъ, Вобанъ, Буленвилье, указываютъ въ своихъ мемуарахъ на вопіющіе недостатки и злоупотребленія существовавшего въ то время интендантскаго управленія. Первый пытавшійся указать средства къ исправленію столь вреднаго порядка вещей былъ Фенелонъ. Въ планѣ необходимыхъ реформъ, писанномъ имъ секретно для наслѣдника престола Лудовика XIV, герцога Бургундскаго, онъ требовалъ, въ числѣ самыхъ необходимыхъ мѣръ, возстановленія прежнихъ областей съ ихъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, объясняя, что безъ этого преобразованія невозможно и помышлять объ улучшеніи существовавшей тогда системы податей. Онъ предлагалъ, кромѣ того, собирать отъ времени до времени генеральныя штаты, но такимъ образомъ чтобъ ихъ дѣятельность основывалась главнымъ образомъ на дѣятельности провинціальныя штатовъ, находясь съ ними

въ тѣсной связи. Фенелонъ оканчивалъ свой проектъ словами: „Plus d'intendant.“

Всѣмъ этимъ мыслямъ не было суждено осуществиться. Со смертію герцога Бургундскаго, пали въ прахъ и всѣ великодушныя стремленія его мудрыхъ воспитателей; со смертію герцога Бургундскаго, погибла и всякая надежда на политическое и общественное возрожденіе страны. Въ теченіи продолжительнаго царствованія Лудовика XV, обычаи произвола и централизаціи, введенные въ государственное управленіе кардиналомъ Ришелье и Лудовикомъ XIV, сохранились почти безъ измѣненія. Но мысль о необходимости децентрализаціи и возстановленіи мѣстнаго управленія однако не исчезла. Въ первый разъ она начинаетъ высказываться въ литературѣ около половины XVIII столѣтія, въ сочиненіяхъ тогдашнихъ экономистовъ. Мысль о провинціальныхъ собраніяхъ подробно развивалась между прочимъ въ спеціальномъ мемуарѣ, напечатанномъ маркизомъ Мирабо въ 1750 году. Авторъ этого мемуара напоминалъ въ немъ Лудовику XV, что еще отецъ его помышлялъ о возстановленіи мѣстнаго самоуправленія. Но мемуаръ этотъ остался безъ всякаго вліянія на Лудовика XV.

Уже при Лудовикѣ XVI, Тюрго, немедленно по вступленіи въ министерство, занялся составленіемъ плана всеобщаго преобразованія внутренняго управленія Франціи. Работа эта, какъ полагаютъ, была поручена имъ Дюпонъ-де-Немуру. Предполагалось учредить въ каждой общинѣ выборное собраніе; избирателями должны были быть исключительно мѣстные землевладѣльцы имѣющіе извѣстный доходъ, безъ различія сословій; наравнѣ съ сельскими обществами, подобныя учрежденія должны были образоваться и въ городскихъ обществахъ. Эти собранія должны были заниматься распределеніемъ податей, распоряженіемъ общественными работами и попечительствомъ о бѣдныхъ. На нихъ же возлагался выборъ членовъ въ окружныя собранія; послѣднія съ своей стороны должны были выбирать членовъ въ провинціальныя собранія, и уже провинціальныя собранія назначали членовъ въ генеральныя штаты. Тюрго такимъ образомъ совершенно устранилъ сословный элементъ; полагаютъ, что это и было причиною, почему король не утвердилъ его предположенія. Впрочемъ, неизвѣстно, былъ ли даже представленъ этотъ планъ королю; потому

что, получивъ проектъ отъ Дюпонъ-де-Немура, Тюрго оставилъ его у себя для дальнѣйшей разработки.

Несмотря на то что вся сила интендантовъ основывалась главнымъ образомъ на разъединеніи, которое они старались поддерживать между сословіями, послѣднія, какъ бы не понимая настоящаго положенія дѣлъ, не хотѣли соединить своихъ силъ для общаго противодѣйствія произволу интендантовъ. Проектъ Тюрго въ сущности оставлялъ главную власть въ рукахъ дворянства, потому что выборы были основаны на поземельномъ цензѣ, а бѣольшая часть земель находилась въ рукахъ дворянъ. Но сословныя предубѣжденія до того еще были сильны, что проектъ, основанный не на сословныхъ выборахъ, никакъ не могъ надѣяться найти поддержку въ общественномъ мнѣніи.

Тюрго оставилъ министерство въ 1776 г., не успѣвъ еще дать никакого движенія своему проекту. Вскорѣ ему наследовалъ Некеръ. Хотя и Некеръ не сочувствовалъ сословнымъ началамъ, но понимая ихъ силу въ господствовавшемъ мнѣніи, онъ предложилъ Лудовику XVI проектъ мѣстнаго самоуправленія, съ выборными отъ сословій; планъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ королемъ. Въ запискѣ представленной королю, Некеръ указывалъ главнымъ образомъ на злоупотребленія власти со стороны интендантовъ и на всеобщія жалобы вызываемыя ихъ управленіемъ. „Едва ли заслуживаетъ названія администраціи,“ замѣчалъ онъ, „порядокъ вещей, при которомъ всѣ дѣла въ провинціи зависятъ отъ произвола одного лица,—интенданта. Этому человѣку, находящемуся часто въ отсутствіи, иногда хорошо знакомому съ бытомъ провинціи, но часто совершенно не посвященному въ мѣстныя потребности, предоставлено безусловное распоряженіе самыми важными дѣлами общественнаго порядка и мѣстныхъ интересовъ. Могутъ ли предшествующія исключительно бюрократическія занятія интенданта, подготовить его къ удовлетворительному исполненію тѣхъ обязанностей, которыя на него возлагаются? Не признавая большею частію самой важности этихъ обязанностей, онъ обыкновенно смотритъ на свое положеніе только какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія. Зная что онъ часто занимаетъ свое мѣсто только

временно, можетъ ли онъ дѣйствительно заботиться о благосостояніи порученной ему провинціи, предвидя, что многое ему не удастся докончить, и исполненіе начатаго придется предоставить своему преемнику? Увѣренные болѣею частію, что легче сдѣлать карьеру интригами чѣмъ усиленнымъ и совѣстливымъ трудомъ, эти лица только и помышляютъ о томъ какъ бы урваться въ Парижъ, сваливая исполненіе всѣхъ возложенныхъ на нихъ обязанностей на своихъ дѣлопроизводителей.“

Нельзя не признать вѣрности этого очерка, который можетъ быть примѣненъ ко всякому бюрократически-централизованному порядку управленія. Далѣе, указывая на необходимость развитія мѣстнаго самоуправления, Некеръ говоритъ въ своей запискѣ: „Нѣкоторыя части администраціи, касающіяся полиціи, общественнаго порядка, исполненія повелѣній вашего величества, не могутъ быть раздѣлены, и должны быть поѣтому вполне предоставлены въ вѣдѣніе непосредственнаго органа центрального правительства или интенданта; но многія другія дѣла, какъ на примѣръ распредѣленіе и взиманіе налоговъ, содержаніе и устройство дорогъ, выборъ средствъ для поощренія торговли и труда, и забота объ открытіи новыхъ рынковъ для сбыта произведеній мѣстной промышленности,—подобныя дѣла, исполненіе которыхъ идетъ медленнымъ, но непрерывнымъ шагомъ, преимущественно должны быть поручены мѣстнымъ комиссіямъ состоящимъ изъ землевладѣльцевъ; дѣйствіе же интендантовъ по этимъ дѣламъ должно ограничиваться исключительно доставленіемъ правительству необходимыхъ свѣдѣній относительно ихъ хода и образа ихъ исполненія.“ Указывая на разнообразіе провинцій по ихъ мѣстнымъ условіямъ и мѣстнымъ интересамъ, Некеръ продолжаетъ: „Такъ какъ умственные и физическія силы одного лица, какъ бы онъ ни были обширны, не въ состояніи обнять столь обширной и многосложной задачи какъ разсмотрѣніе и удовлетвореніе такихъ разнообразныхъ интересовъ, то по необходимости, при существующемъ порядкѣ вещей, управленіе переходитъ изъ рукъ министра въ руки его канцеляріи. Отъ степени знакомства канцелярій съ дѣломъ, отъ ихъ безпристрастія и внимательности къ исполненію своихъ обязанностей, зависитъ поѣтому бѣольшая или меньшая удовлетворительность всего

государственнаго управленія. Приводя всѣ нити управленія къ одному пункту, Парижу, правительство сосредоточиваетъ распоряженіе всѣми административными и исполнительными мѣрами въ такомъ центрѣ, который можетъ судить о мѣстныхъ нуждахъ только по отдаленнымъ отчетамъ, который довѣряетъ только одному лицу и который не имѣетъ ни времени, ни возможности глубоко вникать во всѣ подлежащія его разрѣшенію вопросы. Министры должны бы сознавать, что доводя до себя столь значительную массу дѣлъ, которая превышаетъ силу вниманія одного человѣка, они тѣмъ самымъ отказываются отъ управленія, передавая оное въ руки своихъ чиновниковъ.“ Въ заключеніе Некеръ высказываетъ слѣдующее соображеніе: „Не подлежитъ сомнѣнію“, говоритъ онъ, „что сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ значительно увеличиваетъ ея дѣйствительность; но хотя я и вѣрю, столько же какъ и всякій другой, въ силу дѣятельности одного лица соединяющаго въ себѣ геній, силу, мудрость и добродѣтель, но я убѣжденъ въ то же самое время, что подобныхъ людей не много, что не всегда легко ихъ отыскать и особенно трудно найти ихъ въ томъ небольшомъ кружкѣ, изъ котораго выбираются интенданты. Опытъ и теорія учатъ, что провинціальную администрацію невозможно составлять изъ геніальныхъ людей, что приходится только избирать провинціальныхъ дѣятелей изъ наибольшаго числа людей, извѣстныхъ съ хорошей стороны, и если только можно достигнуть этого послѣдняго условія, то задачу слѣдуетъ считать удовлетворительно разрѣшенною. Въ постоянной комиссіи, состоящей изъ главнѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи, совокупность познаній и непрерывность работъ придають значеніе даже дѣятельности посредственныхъ умовъ; публичность обсужденій вынуждаетъ къ честности; если полезное дѣло исполняется при такихъ средствахъ медленнѣе чѣмъ при руководствѣ геніальныхъ личностей, то по крайней мѣрѣ достигнутые результаты остаются прочнымъ достояніемъ извѣстной мѣстности, и въ существованіи своемъ не зависятъ отъ личнаго произвола, между тѣмъ какъ самый благомыслящій и мудрый интендантъ можетъ быть замѣненъ другимъ, который испортитъ все дѣло, начатое его предшественникомъ.“

Предвидя со стороны государственнаго совѣта сильное

сопротивленіе совершенной отмѣнѣ интендантской должности, Некеръ не рѣшался предлагать такой радикальной мѣры, а старался только ограничить дѣятельность этихъ сановниковъ болѣе тѣснымъ кругомъ. При такомъ ограниченіи, интенданты могли даже приносить пользу, какъ прямые исполнители воли правительства; это доказывала дѣятельность Тюрго, который также служилъ интендантомъ.

Представленные Некеромъ соображенія вполне убѣдили Лудовика XVI, и въ 1778 г. было предписано открытіе провинціального собранія въ Берри. Въ началѣ, для опыта, была избрана эта провинція именно потому, что она находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Осторожныя и истинно-полезныя реформы рѣдко удовлетворяютъ всѣхъ. Въ настоящемъ случаѣ особенно возстали двѣ самыя крайнія партіи; именно партія ультра-консерваторовъ, которая находила что правительство зашло уже слишкомъ далеко на пути нововведеній, и партія ультра-либераловъ, находившая что сдѣланнаго слишкомъ мало.

Скоро послѣ того было рѣшено открытіе подобныхъ собраній въ Дофинѣ, Гиенѣ и въ Бургундіи. Гиенское собраніе удалось вполне; два другія не состоялись. Въ Дофинѣ, которая сохранила прежніе штаты, преобразование ихъ въ провинціальныя собранія встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны сословіи; а въ Бургундіи Некеръ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны интенданта, который отказался открыть собраніе. Онъ воспользовался секретною запискою, представленною королю (въ которой Некеръ высказывался противъ вмѣшательства въ административныя дѣла со стороны парижскаго парламента, указывая на пользу ограниченія этого вліянія съ предоставленіемъ большей свободы мѣстнымъ учрежденіямъ),—чтобы возстановить противъ Некера парижскій парламентъ, такъ что когда Некеръ потребовалъ отъ короля удаленія непослушнаго интенданта, король отказался исполнить его желаніе, и Некеръ подалъ въ отставку. Это происшествіе отсрочило дальнѣйшее осуществленіе проекта на семь лѣтъ. Только въ 1787 году Калонъ представилъ Лудовику XVI объ учрежденіи новыхъ провинціальныхъ собраній въ большей части провинцій. Польза дѣятельности Беррійскаго и Гиенскаго собраній, имѣвшихъ

значительное вліяніе на общественное мнѣніе, привела правительство къ убѣжденію въ необходимости дальнѣйшаго развитія проекта Некера. Замѣчательно, что несмотря на успѣхи самой мысли въ общественномъ мнѣніи и на убѣдительный примѣръ провинціи Берри, новыя учрежденія снова встрѣтили сопротивленіе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, со стороны разныхъ эгоистическихъ и дурно-понятыхъ мѣстныхъ интересовъ. Но это были уже только исключенія изъ общаго правила; вообще можно было сказать, что дѣло удалось.

Разсматривая общіе результаты дѣятельности провинціальныхъ собраній, Лавернь старается опровергнуть мнѣніе Токвиля, который, несмотря на свою непріязнь къ централизаціи, не только не оцѣнилъ достаточно пользы этихъ учреждений, но даже упрекаетъ ихъ въ томъ, что они въ слишкомъ-короткое время возбудили слишкомъ много вопросовъ. Возможно ли однако, возражаетъ Лавернь, приступивъ къ реформамъ, касаться однихъ вопросовъ и не касаться другихъ, которые тѣсно съ ними связаны? Не реформы произвели броженіе въ умахъ, а броженіе умовъ остановило дальнѣйшее ихъ осуществленіе. Еслибы Некеръ могъ привести въ исполненіе весь свой планъ въ 1778 году, еслибы бѣольшая часть провинціальныхъ собраній, открытыхъ въ 1787 году, дѣйствовали одновременно съ Беррійскимъ и Гіенскимъ, то-есть десять лѣтъ ранѣе, когда умы еще не были такъ возбуждены и когда благоразумная спокойная дѣятельность была еще возможна, то, можетъ-быть, всѣ эти вопросы, при тѣхъ предосторожностяхъ, которыми они были обставлены Некеромъ, разрѣшились бы удовлетворительно и постепенно, и, можетъ-быть, Франція, вмѣсто ужасной революціи, ограничилась бы только полезными административными и политическими реформами.

Чтобы лучше оцѣнить образъ дѣятельности провинціальныхъ собраній и достигнутые ими результаты, мы должны прослѣдить съ нѣкоторою подробностію дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Только подобный обзоръ позволить намъ судить о числѣ, характерѣ и свойствахъ возбужденныхъ ими вопросовъ, равно какъ о способѣ и степени ихъ разрѣшенія. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ этому обзору, мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о личномъ составѣ провинціальныхъ собраній.

Лавернь приводит имена лицъ бывшихъ членами каждаго изъ этихъ собраній. Въ его перечнѣ мы встрѣчаемъ имена какъ высшихъ дворянскихъ фамилій и духовенства, такъ и средняго сословія, которое до сихъ поръ нигдѣ еще не сливалось, въ одномъ и томъ же учрежденіи, съ представителями высшей дворянской аристократіи. Несмотря на такой разнородный составъ, несмотря на сопротивление, которое учрежденіе провинціальныхъ собраній встрѣтило со стороны дворянства вообще, а въ особенности со стороны парижской аристократіи,—въ дѣятельности провинціальныхъ собраній проявляется большое единство; мы видимъ въ нихъ общій духъ, одно направленіе, стремящееся только къ возможно-лучшему устройству дѣлъ и интересовъ всѣхъ жителей провинціи. Всякіе отдѣльные интересы,—интересы касты, сословія,—забываются въ средѣ этихъ собраній; мы видимъ какъ представители первыхъ дворянскихъ фамилій проводятъ самыя либеральныя идеи, сознавая, что истинное значеніе высшаго сословія, то-есть самаго образованнаго и самаго богатаго, какъ бы оно ни называлось, заключается въ заботахъ о благѣ страны, а не въ мелкихъ вопросахъ личнаго тщеславія и ложно-понятаго властолюбиваго произвола надъ низшими классами. Это, можно сказать, былъ исключительный случай, когда французское дворянство поняло свое истинное назначеніе. Предшествующій очеркъ показываетъ намъ, какъ далеко оно было отъ пониманія этого назначенія до того времени. Въ послѣдующую же затѣмъ эпоху мы видимъ, что революція совершенно подавляетъ и вытѣсняетъ дворянство. Потомъ, по возвращеніи въ страну, оно распадается на двѣ партіи: одна сливается съ наполеоновскимъ правительствомъ; другая держится совершенно въ сторонѣ, какъ бы чуждая странѣ и ея жизни. Совокупно же, въ видѣ высшаго сословія, двигателемъ какихъ-либо важныхъ политическихъ или нравственныхъ интересовъ, оно уже не является. Въ настоящее время часть дворянства совершенно слилась съ народомъ, но такъ какъ это сліяніе произошло путемъ административнымъ, такъ какъ народъ дворянству, какъ сословію, ничѣмъ не былъ обязанъ во Франціи, то оно и потеряло всякое значеніе. Остальную же часть дворянства постигла еще худ-

шая участь; отдѣлившись совершенно отъ политической жизни страны, оно подверглось необходимымъ послѣдствіямъ такого уединенія. Жизнь, оставила его далеко за собою, и нынѣ между обществомъ предмѣстій Сентъ-Оноре и Сентъ-Жермена и національною жизнью всей Франціи, нѣтъ никакого общаго интереса, ничего родственнаго: это уже не часть общаго политическаго тѣла, а отрѣзанный мертвый членъ.

Но перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію дѣятельности главнѣйшихъ провинціальныхъ собраній. Этотъ обзоръ лучше всего разъяснить намъ какъ значеніе разныхъ элементовъ дѣйствовавшихъ въ этой средѣ, такъ и самый характеръ результатовъ этой дѣятельности.

Первое провинціальное собраніе въ царствованіе Лудовика XVI, какъ уже было замѣчено, открылось въ провинціи Берри. Провинція эта, нѣкогда одна изъ самыхъ цвѣтущихъ во всей Франціи, находилась въ XVIII вѣкѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Мирабо называлъ ее Сибирью Франціи. Буржъ, главный городъ провинціи, былъ при Карлѣ VII столицею Франціи; но въ 1487 году, бѣлая часть города была разрушена ужаснымъ пожаромъ; а въ слѣдъ за тѣмъ, по освобожденіи Франціи отъ ига Англичанъ, столица была переведена въ Парижъ, и съ этихъ поръ начинается упадокъ Берри, значительно пострадавшей отъ междоусобныхъ войнъ XVI и XVII столѣтій и еще болѣе во время царствованія Лудовика XIV. При Лудовикѣ XV положеніе жителей нѣсколько улучшилось, но Беррійская провинція все еще принадлежала къ бѣднѣйшимъ во Франціи. Во вторую половину XVIII столѣтія, при пространствѣ 1.500.000 гектаровъ (около 1.370.000 дес.), во всей провинціи было около полумилліона жителей. Вся сумма податей, лежавшихъ на этой провинціи, составляла по разчету Некера 8 милліоновъ франковъ; нынѣ два ея департамента, Шерскій и Эндрскій, платятъ вдвое болѣе (16 милліоновъ) налоговъ. Беррійская провинція затруднялась особенно въ платежѣ денежныхъ повинностей по недостатку сбыта сельскихъ произведеній. Способъ взиманія налоговъ тоже представлялъ множество неудобствъ. Самый значительный налогъ, la taille, взимался не съ цѣнности земли, а съ предполагаемаго имуществва или скорѣе съ предполагаемыхъ платежныхъ силъ (taille personnelle), не

допуская никакого справедливаго распредѣленія. Натуральныя повинности на содержаніе дорогъ, находившихся тѣмъ не менѣе въ самомъ печальномъ положеніи, очень тяготѣли на податномъ населеніи; наконецъ, кромѣ того, Беррійская провинція была обложена, въ сравненіи съ прочими, чрезвычайно высокимъ налогомъ на соль, *la grande gabelle*.

Открывая провинціальное собраніе въ Берри, Некеръ намѣревался, какъ мы видѣли, распространить это полезное учрежденіе мало-по-малу и на всѣ прочія провинціи королевства. Въ исполненіи этого намѣренія, онъ встрѣтилъ почти всеобщее сопротивленіе со стороны чиновниковъ и части дворянства. Чтобы нѣсколько успокоить этихъ людей и облегчить проведеніе своей мысли, онъ былъ принужденъ вставить въ эдиктъ, которымъ предписывалось открытіе Беррійскаго провинціальнаго собранія, слова: „Возложенныя на оное обязанности остаются въ вѣдѣніи собранія до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно королю (*aussi longtems qu'il plairait à Sa Majeste*)“. Этимъ онъ какъ бы лишалъ новое учрежденіе окончательнаго узаконенія, подвергая вопросъ о существованіи его исключительно волѣ короля.

Правительствомъ были назначены первые шестнадцать членовъ собранія, то-есть одна треть, — и имъ предоставлялся выборъ остальныхъ тридцати двухъ членовъ. Засѣданія собранія въ полномъ составѣ открылись въ Буржѣ, 12-го ноября 1778 года, послѣ торжественнаго молебна въ соборѣ. Начавъ свои работы, собраніе, для болѣе успѣшнаго производства ихъ, раздѣлилось на четыре бюро или отдѣленія, распредѣливъ между ними вопросы о податяхъ, объ общественныхъ работахъ, о земледѣліи и торговлѣ и объ устройствѣ будущихъ собраній (*réglement*). Опредѣливъ выборъ членовъ для перваго собранія, Некеръ предоставилъ ему составить проектъ послѣдующихъ выборовъ. Эта работа и была поручена четвертому отдѣленію, которое прежде другихъ окончило свои занятія; оно предложило слѣдующій порядокъ выборовъ: для выбора депутатовъ изъ средняго сословія вся провинція должна была дѣлиться на двадцать четыре округа, съ предоставленіемъ каждому права выбора одного депутата. Избирательныя коллегіи должны были состоять изъ бургомистровъ (*maïres*) и другихъ городскихъ должностныхъ лицъ главнаго города въ округѣ

(chef-lieu) и шести представителей сельскаго населенія, выбираемыхъ приходами; въ каждомъ приходѣ представители избирались исключительно крестьянскими должностными лицами, то-есть синдиками и мерами. Депутаты двѣнадцати округовъ, въ которыхъ находились главнѣйшіе города провинціи, должны были считаться городскими представителями; остальные двѣнадцать — сельскими. Этимъ самымъ измѣнялся существовавшій до тѣхъ поръ порядокъ, по которому право выбора депутатовъ предоставлялось исключительно нѣкоторымъ привилегированнымъ городамъ; принимая въ соображеніе, что тогда въ городовъ развилось уже значительное среднее сословіе въ сельской средѣ, состоявшее изъ мелкихъ собственниковъ, отдѣлъ нашелъ необходимымъ и справедливымъ распространить и на нихъ право выбора, не оставляя его исключительно привилегіею городовъ. Въ депутаты изъ дворянства положено было выбирать только владѣльцевъ большихъ имѣній, приносящихъ не менѣе четырехъ тысячъ франковъ дохода, съ условіемъ въ то же время, чтобъ эти лица принадлежали къ древнему дворянству. Въ этомъ постановленіи высказывалось очевидно желаніе ограничить число лицъ составляющихъ привилегированное сословіе, принудивъ такимъ образомъ все мелкое дворянство слиться съ среднимъ сословіемъ. Наконецъ, депутаты отъ духовенства должны были назначаться самимъ провинціальнымъ собраніемъ; одинъ архіепископъ Буржскій былъ непремѣннымъ депутатомъ. Выработанный на этихъ главныхъ основаніяхъ проектъ выборовъ былъ принятъ общимъ собраніемъ, и представленъ на утвержденіе короля.

Вслѣдъ за четвертымъ отдѣломъ кончилъ свои работы податной отдѣлъ. Разсмотрѣнію провинціальнаго собранія были предоставлены одни прямые налоги, дававшие доходу 2.500.000 франковъ. Они состояли изъ поголовнаго сбора (capitation), личного поимущественнаго сбора (taille personnelle) и добавочнаго сбора, называемаго двадцатою частію (les vingtièmes). Самый значительный и самый обременительный изъ нихъ былъ личный поимущественный сборъ (taille personnelle). При распределеніи этого налога, сборщики соображались только съ предполагаемою ими степенью богатства cadaго податнаго лица,

и плательщики такимъ образомъ подвергались полному произволу сборщиковъ. Личные интересы, благорасположеніе, ненависть, наконецъ подкупъ—все это дѣйствовало совокупно на сборщиковъ, такъ что они не имѣли ни возможности, ни желанія распредѣлять налогъ сколько-нибудь справедливо, причемъ, разумѣется, самые бѣдные жители страдали наиболѣе. Подобный порядокъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія. Такъ какъ на исправнаго плательщика возлагалась обыкновенно самая большая цифра налога, то каждое податное лицо старалось скрыть свое имущество, чтобы не быть наказаннымъ за видимое благосостояніе и исправность въ платежѣ увеличеніемъ налога. Вслѣдствіе этого, жители не только отказывали себѣ въ существенныхъ предметахъ благосостоянія, ограничиваясь въ своемъ помѣщеніи, пищѣ и одеждѣ только самымъ необходимымъ,—но даже уклонялись отъ труда, въ увѣренности, что всякая лишняя заработанная копѣйка уйдетъ въ руки сборщика. Для устраненія недостатковъ существовавшей системы, отдѣлу представились два средства: кадастръ и взиманіе налога натурою, опредѣливъ его извѣстнымъ процентомъ урожая, приплода и т. д. на подобіе церковной десятины. Этотъ послѣдній способъ имѣлъ достоинство соразмѣрности съ валовымъ доходомъ, весьма важное особенно въ неурожайные года, въ которые существовавшій тогда поимущественный сборъ совершенно разорялъ жителей своею неизмѣнностію. Несмотря на это отдѣлъ отвергъ натуральный налогъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, хотя этотъ способъ и соразмѣряетъ цифру налога съ валовымъ доходомъ, однако, съ другой стороны, онъ въ значительной степени оказывается несправедливымъ по отношенію къ чистому доходу, не принимая въ соображеніе издержекъ производства; а во вторыхъ, самое взиманіе податей натурою представляетъ множество трудностей. Второй способъ, предложенный отдѣлу, состоялъ въ кадастраціи страны; но отдѣлъ не рѣшался и на эту операцію, требующую весьма продолжительнаго времени и значительныхъ издержекъ. Замѣчательно, что въ преніяхъ, происходившихъ по этимъ вопросамъ, уже тогда высказалась мысль принятая въ послѣдствіи въ основаніе французской податной системы. Графъ дю-Бюа предлагалъ обложить податью три рода дохода: доходъ съ недвижимостей (земли и дома), доходъ съ движимостей (*mobilier*), и доходъ промыш-

словый. Отдѣлъ, сознавъ справедливость этой системы съ теоретической точки зрѣнія, нашелъ однако невозможнымъ привести ее немедленно въ исполненіе. Не отыскавъ такимъ образомъ средства къ немедленному радикальному преобразованію существовавшей тогда податной системы, собраніе рѣшилось ограничиться на первое время нѣкоторыми частными въ немъ измѣненіями. Оно предложило консолидацію добавочнаго налога и предоставляло распредѣленіе поимущественнаго налога (taille) сборщикамъ *выбираемымъ* самими приходами. Обѣ эти частныя мѣры, принесли значительное облегченіе мѣстному населенію.

Вслѣдъ за податнымъ отдѣломъ окончилъ свои труды отдѣлъ публичныхъ работъ. Въ Беррійской провинціи, гдѣ въ настоящее время 4.500 верстъ дорогъ, не считая желѣзныхъ и мелкихъ проселочныхъ, тогда было подъ дорогами всего 368 верстъ; всѣ дороги сооружались натуральною повинностію (corvée), и лишь въ послѣднее время были постановлены нѣкоторыя ограниченія относительно разстояній, на которыя мѣстные жители могутъ высылаться на работу. Имѣя въ виду трудность немедленнаго замѣна натуральныхъ повинностей денежными по устройству путей сообщенія, собраніе постановило продлить натуральную повинность до 1779, распредѣливъ работы уроками между обществами,—съ тѣмъ однако, чтобы слѣдующее собраніе прежде всего приступило къ разсмотрѣнію вопроса о принятіи необходимыхъ мѣръ для совершеннаго, если возможно, прекращенія натуральной повинности, или по крайней мѣрѣ, для значительнаго ея облегченія.

Лавернь не упоминаетъ о трудахъ отдѣла земледѣлія и торговли; вѣроятно, они не имѣли особеннаго значенія.

Хотя результаты перваго собранія и не были еще очень значительны на практикѣ, однако по крайней мѣрѣ бѣольшая часть мѣстныхъ вопросовъ были уже затронуты имъ и подготовлены для послѣдующаго рѣшенія.

Второе собраніе было созвано, до истеченія двухлѣтняго срока, именно 16 августа 1779 года. Оно продолжалось только двѣ недѣли и было посвящено главнымъ образомъ разсмотрѣнію изслѣдованій промежуточной комиссіи (для занятій въ двухлѣтній промежутокъ отъ одного собранія до другаго, послѣднее собраніе состояло изъ своихъ членовъ промежуточную комиссію).

По этимъ изслѣдованіямъ оказывалось, что для постройки одной мили дороги наймомъ требовалось 24.000 франковъ, такъ что ассигнуя ежегодно 250.000 франковъ можно было строить ежегодно шесть миль новыхъ дорогъ и починять старыя, между тѣмъ какъ при натуральной повинности издерживалось ежегодно пѣшихъ и конныхъ рабочихъ дней суммою на 624.000 франковъ, съ помощью которыхъ оканчивалось ежегодно не болѣе трехъ миль новыхъ дорогъ; то-есть расходъ при натуральномъ отправленіи повинности превышалъ на 374.000 франковъ вышеисчисленный расходъ при исполненіи работъ наймомъ, а между тѣмъ, при натуральной повинности, работъ исполнялось вдвое менѣе.

Окончательное разрѣшеніе этого важнаго вопроса собраніе отложило до третьяго своего засѣданія, открывшагося въ 1780 г., и принадлежащаго къ самымъ замѣчательнымъ, по важности достигнутыхъ результатовъ.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на обстоятельство, которое обнаружилось уже при самомъ началѣ этихъ учреждений, именно: на жалобы собраній касательно противодѣйствія, которое они встрѣчали со стороны мѣстныхъ чиновниковъ, а равно членовъ инженернаго вѣдомства путей сообщенія. Такое столкновение между органами централизаціи и органами мѣстнаго самоуправления можно было легко предвидѣть, ибо едва ли возможна совокупная дѣятельность этихъ разнородныхъ органовъ по однимъ и тѣмъ же предметамъ. Мѣстное выборное самоуправленіе полезно только тогда, когда оно можетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, подчиняясь только контролю закона и общественнаго мнѣнія; — лучше, поэтому, ограничить кругъ его дѣятельности, но за то предоставить ему въ этомъ тѣсномъ кругу полную самостоятельность, чѣмъ приводить въ столкновение два совершенно разнородные органа управленія, — столкновение всегда вредное для самаго дѣла, уже потому что оно задерживаетъ его ходъ. Тогдашнее французское правительство, кажется, лучше нынѣшняго понимало эту необходимость, и потому рѣшилось предоставить болѣе значительную самостоятельность провинціальнымъ собраніямъ. Третье засѣданіе было открыто извѣщеніемъ объ этомъ благопріятномъ оборотѣ дѣла, и также сообщеніемъ о согласіи короля на консолидацію добавочнаго налога. Затѣмъ началась подписка на покрытіе расходовъ по разнымъ

полезнымъ мѣстнымъ сооруженіямъ, и въ нѣсколько часовъ духовенство подписало до 68.000 франковъ, а дворянство до 20.000. Окончательно было приступлено къ разрѣшенію вопроса о натуральныхъ земскихъ повинностяхъ. Некеръ желалъ совершенной ихъ отмѣны. Собраніе опасалось однако податься на такую радикальную мѣру; оно склонялось болѣе къ предоставленію самимъ приходамъ—отправлять дорожную повинность, по ихъ желанію, деньгами или натурой, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были сдѣланы тогда опыты лучшаго распредѣленія натуральныхъ повинностей и болѣе экономическаго употребленія ихъ, давшіе весьма удовлетворительные результаты. Несмотря на то, вслѣдствіе желанія Некера, собраніе согласилось на немедленное и обязательное преобразование натуральной дорожной повинности въ денежную. Поступая такимъ образомъ, оно дѣйствовало, по мнѣнію Лаверня, опрометчиво и слишкомъ радикально. При превращеніи натуральной повинности въ денежный налогъ, являлась необходимость уменьшить ее на одну треть. По этому поводу, сторонники предложеннаго преобразования возражали, что путемъ найма съ гораздо-меньшими издержками можно будетъ достигнуть болѣшихъ результатовъ. Мнѣніе это, справедливое само по себѣ, не всегда однако безусловно примѣнимо въ частности, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ условій. Лавернь полагаетъ, что лучше было бы превратить только часть повинности въ деньги, оставивъ другую въ натурѣ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что отъ внезапнаго прекращенія натуральной повинности дороги во Франціи значительно пострадали, такъ что въ послѣдствіи французское правительство принуждено было возстановить часть натуральной дорожной повинности, хотя и подъ другимъ названіемъ (*prestations*), которая сохранилась тамъ и до сихъ поръ; можно предполагать поэтому, что еслибы тогда рѣшено было предоставить каждому приходу право выбора между натуральнымъ и денежнымъ способомъ исполненія дорожной повинности, какъ это предлагали нѣкоторые члены собранія, мѣра эта принесла бы гораздо болѣе пользы странѣ.

Некеръ не могъ однако остановиться на этихъ соображеніяхъ, потому что онъ здѣсь имѣлъ въ виду политическій интересъ, желая уничтоженіемъ ненавистныхъ народу нату-

ральныхъ повинностей, популяризовать значеніе провинціальныхъ собраній въ общественномъ мнѣніи.

Уничтоживъ натуральную повинность, беррійское собраніе замѣнило ее прибавочнымъ окладомъ къ поимущественному налогу (*taille*); занявшись, кромѣ того, разсмотрѣніемъ косвенныхъ сборовъ, оно предложило многочисленныя измѣненія и улучшенія въ системѣ налога на соль, напитки, также въ гербовыхъ пошлинахъ, и т. п. Наконецъ герцогъ Шарость, богатѣйшій землевладѣлецъ Беррійской провинціи, извѣстный своими личными трудами и значительными денежными пожертвованіями на дѣло общественной пользы, предложилъ, слѣдуя примѣру герцога Бриджватера въ Англіи, обширную систему канализаціи, долженствовавшую открыть произведеніямъ Беррійской провинціи легкій сбытъ на главнѣйшіе рынки Франціи. Но въ то время Франція принимала участіе въ амеріканской войнѣ; расходы государственные увеличились до чрезвычайности, и потому нельзя было и думать о немедленномъ приведеніи въ исполненіе этого полезнаго предположенія. Собраніе рѣшило подвергнуть его новому изслѣдованію, и только шесть лѣтъ спустя, въ послѣднюю свою сессію, бывшую въ 1786 г., разрѣшило заключать, въ теченіе десяти лѣтъ, ежегодный заемъ въ 150.000 фр. для производства канализаціонныхъ работъ, предложенныхъ герцогомъ Шаростомъ. При началѣ революціи, этотъ проектъ былъ оставленъ; затѣмъ онъ возобновленъ въ 1807 году, опять оставленъ къ концу имперіи, и отчасти приведенъ въ исполненіе во время реставраціи,—и вотъ, благодаря осуществленію этого проекта, хотя и далеко неполному, Шерскій департаментъ принадлежитъ, въ настоящее время, вслѣдствіе своей канализаціи, къ числу самыхъ благосостоятельныхъ и богатыхъ департаментовъ Франціи. Окончивъ свои работы въ томъ же 1780 г., собраніе постановило печатать и обнародовать протоколы засѣданій, и издало ихъ немедленно въ одномъ большомъ томѣ, напечатанномъ въ Буржѣ.

Четвертая сессія была уже гораздо бездѣятельнѣе. Некеръ оставилъ въ это время министерство. Новое министерство смотрѣло враждебно на это учрежденіе, и потому, въ 1782 г., когда собраніе должно было открыться, отсрочило его до слѣдующаго года, запретивъ въ то же время печатаніе протоколовъ. Засѣданія его, открытыя въ 1783 г., были

посвящены разсмотрѣнію разныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ; кромѣ того, оно выразило благодарность Некеру за выработанный и проведенный имъ уже въ послѣдніе дни своей министерской дѣятельности законъ, установившій, что окладъ прямаго налога можетъ увеличиваться только законодательнымъ порядкомъ, а не простыми приказами совѣта и министровъ, какъ это было до тѣхъ поръ, и полагавшій такимъ образомъ границу слишкомъ быстрому возвышенію его.

Пятая сессія въ 1786 г. ознаменовалась утвержденіемъ проекта канализаціи, предложеннаго герцогомъ Шаростомъ. Въ слѣдующемъ году, провинціальное собраніе послало своихъ депутатовъ въ такъ-называемую *assemblée des notables*. Въ 1788 г. слѣдовало быть шестой сессіи, но ея не было, по причинѣ всеобщаго возбужденія умовъ произведеннаго созваніемъ генеральныхъ штатовъ;—наконецъ учредительное собраніе (*assemblée constituante*) совершенно уничтожило провинціальныя собранія, устроивъ новое мѣстное управленіе съ раздѣленіемъ Франціи на департаменты.

Мы разсмотрѣли довольно подробно дѣятельность беррійскихъ провинціальныхъ собраній, особенно замѣчательныхъ по своимъ занятіямъ и представляющихъ наилучшую характеристику какъ самой задачи возложенной на эти собранія, такъ и образа ея исполненія. Вникнувъ во всѣ подробности работъ и очертивъ по возможности точно значеніе беррійскихъ собраній, мы теперь только упомянемъ вкратцѣ о замѣчательнѣйшихъ результатахъ дѣятельности главнѣйшихъ изъ остальныхъ провинціальныхъ собраній.

На первомъ планѣ послѣ беррійскихъ являются провинціальныя собранія Верхней Гіени (*Haute Guienne*), заключавшей въ себѣ прежнія провинціи Руэргъ и Керси, которыя уже въ средніе вѣка имѣли свои самостоятельныя собранія отмѣненныя только при Ришелье. Къ концу XVIII столѣтія положеніе Гіени было нѣсколько лучше положенія Беррійской провинціи. Окладъ поимущественнаго сбора (*taille*) хотя и былъ въ ней нѣсколько значительнѣе, но за то съ одной стороны распредѣленіе его было справедливѣе и менѣе произвольно, а съ другой стороны косвенные сборы, особенно соляной налогъ, были тамъ гораздо легче.

Гіенское провинціальное собраніе было открыто въ 1779 г. въ Вилльфраншѣ. Оно занялось сначала вопросомъ объ устраненіи многочисленныхъ препятствій затруднявшихъ, въ видѣ внутреннихъ таможенъ и другихъ подобныхъ учрежденій, сбытъ главнаго мѣстнаго произведенія, то-есть вина. Затѣмъ оно перешло къ податному вопросу. Поимущественный сборъ (taille) былъ въ Гіени не личный, какъ въ Берри, а разложенъ на недвижимыя имущества, на основаніи издревле-существовавшаго кадастра. Кадастръ этотъ однако былъ до такой степени неудовлетворителенъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ весь доходъ съ недвижимости поглощался налогомъ, что можно заключить изъ слѣдующихъ словъ закона, дозволявшаго *„владельцамъ отказываться отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, слишкомъ обремененныхъ податью, только съ условіемъ, чтобъ они одновременно отказывались и отъ всѣхъ другихъ недвижимостей, которыми они обладаютъ въ томъ же обществѣ.“* При невозможности приступить къ совершенно новому кадастру, провинціальное собраніе рѣшило ограничиться частнымъ пересмотромъ кадастра въ наиболѣе обремененныхъ налогомъ обществахъ. Окончательно собраніе вотировало нѣкоторую прибавку къ прямому налогу для покрытія расходовъ на необходимыя сооруженія дорогъ. При этомъ случаѣ дворянство и духовенство, изъятая отъ платежа податей, объявили, что они добровольно принимаютъ на себя обязанность нести наравнѣ съ прочими сословіями, вновь-устанавливаемый налогъ.

Вторая сессія была въ 1780 г. Большая часть представленій первой сессіи были утверждены правительствомъ. Выслушавъ это сообщеніе, собраніе посвятило главную свою дѣятельность вопросу о болѣе-справедливомъ распредѣленіи налога, и объ облегченіи наиболѣе-обложенныхъ лицъ и мѣстностей. Одинъ изъ членовъ собранія, г. де-Ришенрей (Richeprey), предложилъ новую систему кадастраціи, которая передъ тѣмъ была уже испытана въ виллафраншскомъ округѣ съ полнымъ успѣхомъ. Собраніе постановило подвергнуть ее подробному изслѣдованію. Улучшеніе дорогъ и усовершенствованіе разработки мѣстныхъ рудниковъ не остались безъ вниманія со стороны собранія. Но особенно интересны предположенія его о раздѣлѣ общинныхъ, коммунальныхъ земель. „Общественное мнѣніе во Франціи“, говорилъ докладчикъ по этому вопросу, „уже давно тре-

буетъ раздѣла общинныхъ земель, а начала политической экономіи не могутъ не порицать учрежденія уменьшающаго массу производства и задерживающаго развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства. Общинныя земли, предназначенныя на обезпеченіе судьбы бѣдныхъ людей, никогда не достигаютъ своей цѣли. Бѣднякъ, не имѣя скота, не можетъ пользоваться общинными пастбищами, которыя такимъ образомъ оказываются бесполезными какъ ему, такъ и самому обществу. Предпріимчивые крестьяне забираютъ обыкновенно въ свои руки значительныя части общинныхъ земель, сваливая налогъ на другихъ бѣднѣйшихъ членовъ общества. Отъ этого возникаютъ безчисленные процессы и всеобщее требованіе раздѣла, для устраненія столь вреднаго порядка вещей, ведущаго только къ раззоренію обществъ.“ Побужденное этими доводами, собраніе склонилось на сторону общественнаго мнѣнія и опредѣлило раздѣлить общинныя земли, частію равными участками между всѣми жителями страны, частію пропорціонально цифрѣ налога платимаго каждымъ.

Третья сессія состоялась въ 1781 г., несмотря на то что Некеръ оставилъ тогда министерство. Труды этой сессіи замѣчательны по изслѣдованію о состояніи мѣстнаго сельскаго хозяйства, которое было произведено г-мъ де-Ришепреемъ и напечатано подъ заглавіемъ: „Описаніе различныхъ родовъ почвы въ провинціи.“ Собирая свѣдѣнія для этой важной работы, авторъ ея отправлялся лично, въ сопровожденіи двухъ инженеровъ, въ каждое общество, сзывалъ тамъ главнѣйшихъ мѣстныхъ жителей, и старался получить отъ нихъ на мѣстѣ необходимыя ему данныя въ возможной точности.

Дѣятельность четвертой сессіи въ 1788 г. началась не всѣмъ удачно; она была стѣсняема противодѣйствіемъ мѣстной администраціи и особенно казенной палаты (*la cour des aides*), которая даже приказала прекратить кадастровыя работы начатыя собраніемъ. Приказаніе это было однако отмѣнено высшимъ правительствомъ, но несмотря на то противодѣйствіе мѣстныхъ административныхъ учрежденій продолжало значительно затруднять работы провинціальнаго собранія. Когда наконецъ интендантъ запретилъ печатаніе протоколовъ собранія, предсѣдатель комиссіи, епископъ Кольберъ, потомокъ знаменитаго Кольбера, отправилъ къ ми-

нистру энергическій мемуаръ съ изложеніемъ дѣла. Такъ какъ основаніемъ запрещенія было опасеніе, что публикація протоколовъ распространяетъ въ народѣ опасныя извѣстія о неурожаѣ, то въ опроверженіе этого довода Кольберъ старался доказать, что искусственными правительственными мѣрами невозможно ни обезпечить общественное продовольствіе, ни успокоить общественное мнѣніе, что неурожай нельзя скрыть отъ народа, который самъ видитъ положеніе дѣлъ, и что потому гораздо полезнѣе распространять о немъ точныя свѣдѣнія, чтобы тѣмъ самымъ вызвать необходимую осторожность и бережливость. „Вѣрныя свѣдѣнія о мѣстныхъ интересахъ, продолжалъ онъ, правительство можетъ получать только отъ мѣстныхъ представителей; поэтому оно должно не противодѣйствовать, а содѣйствовать ихъ изслѣдованіямъ. Обнародованіе протоколовъ возбудило въ жителяхъ провинціи особенную энергію, показавъ имъ истинное положеніе дѣлъ и стараніе правительства обь улучшеніи ихъ участи. Во всякомъ случаѣ публикація протоколовъ, прибавлялъ онъ, не можетъ компрометировать губернскія правительственныя власти, потому что отвѣтственность за высказанныя въ оныхъ мнѣнія падаетъ не на послѣднія, а на провинціальное собраніе.“ Эта записка имѣла полный успѣхъ, и министерство разрѣшило Гіенскому провинціальному собранію продолжать публикацію протоколовъ своихъ засѣданій. Несмотря на несовсѣмъ удачное начало работъ собранія 1782 г., оно затѣмъ успѣло развить свою дѣятельность самымъ многостороннимъ образомъ, и дѣятельность эта особенно усилилась въ слѣдующую сессію, въ 1784 г. Учрежденіе агрономическихъ съѣздовъ, съ цѣлію поднять мѣстное хозяйство, улучшение содержанія случныхъ конюшенъ, привозъ фламандскихъ барановъ для усовершенствованія мѣстной породы овецъ, устройство путей сообщенія, на которыя собраніе вотировало 3.000.000 фр., основаніе родовспомогательныхъ заведеній для предотвращенія смертности новорожденныхъ дѣтей погибавшихъ во множествѣ отъ недостатка медицинскихъ пособій,—вотъ тѣ разнообразныя предметы, на которые это собраніе обратило свое вниманіе и свою полезную дѣятельность. Въ то же время, желая провѣрить свои предположенія о кадастрѣ, собраніе послало свой проектъ на критику парижской академіи, которая вполне одобрила его. Тогда собра-

ніе, увѣренное въ своемъ дѣлѣ, рѣшило учредить въ Кагорѣ школу межевщиковъ, подъ начальствомъ самаго автора проекта, Ришенпрея. Наконецъ, по поводу кадастраціоннаго вопроса, въ собраніи возникъ вопросъ о введеніи единообразной системы мѣръ и вѣсовъ во всей Франціи. Сессія 1786 г. была послѣдняя; изъ предполагаемаго займа въ 3.000.000 фр. король утвердилъ только половинную цифру; заемъ долженъ былъ ограничиться суммою 1.500.000 фр., и подписка на него должна была продолжаться пять лѣтъ. По открытіи подписки, первая доля займа была собрана въ одну недѣлю: до такой степени было велико довѣріе къ этому предпріятію и желаніе всѣхъ въ немъ участвовать. Означенный заемъ и нѣкоторыя другія вспомогательныя мѣры весьма значительно развили средства провинціи, и усилили работы по сооруженію разныхъ путей сообщенія.

Всеобщее возбужденіе умовъ, послѣ 1786 г., распространилось и на Гіенскую провинцію; неопредѣленные идеи о всеобщемъ перерожденіи занимали мысли всѣхъ лицъ и приводили ихъ къ забвенію существенныхъ мѣстныхъ интересовъ. Гіенскому провинціальному собранію уже не суждено было болѣе сходиться.

Мы не будемъ слѣдить за всѣми работами остальныхъ собраній, которыя были открыты въ Шампани, Пикардіи, Суассонѣ, Генегау, Иль-де-Франсѣ и Орлеанской провинціи. Предметы ихъ занятій весьма похожи на занятія уже разсмотрѣнныхъ нами провинціальныхъ собраній: преобразованіе натуральныхъ повинностей въ денежныя и распредѣленіе денежныхъ налоговъ, мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства, собраніе статистическихъ свѣдѣній, общественныя работы, осушеніе болотъ, уничтоженіе нищенства, и тому подобныя вопросы мѣстнаго интереса были возбуждены почти въ каждомъ изъ нихъ. Замѣчательны соображенія, заключавшіяся въ рѣшеніи короля, которое было сообщено провинціальному собранію Шампани, о дозволеніи свободной торговли хлѣбомъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Король оставлялъ за собою только право пріостановить на одинъ годъ свободную хлѣбную торговлю, въ томъ случаѣ еслибы вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ сами мѣстности стали о томъ ходатайствовать. Въ соображеніяхъ этихъ было сказано:

„Мы убѣдились, что тѣ же доводы, которые требуютъ свободы внутренней торговли хлѣбомъ, указываютъ и на необходимость свободы внѣшней торговли, что запрещеніе вывоза хлѣба, когда цѣна его достигаетъ извѣстныхъ границъ, не только совершенно излишне, потому что, по необходимости, хлѣбъ остается въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дорогъ, но даже причиняетъ положительный вредъ, потому что оно пугаетъ общественное мнѣніе, искусственно усиливаетъ покупки, затрудняетъ торговлю и не допускаетъ привоза; наконецъ, потому что высокая цѣна хлѣба можетъ быть произведена на разныхъ рынкахъ искусственнымъ образомъ, слѣдовательно никакъ не въ состояніи служить указаніемъ того момента, когда отпускъ могъ бы сдѣлаться опаснымъ.“ Мысль эта, высказанная до революціи, была забыта послѣ революціи, и свобода торговли хлѣбомъ восстановлена только въ послѣднее время Людовикомъ-Наполеономъ, послѣ полувѣковаго господства запретительной системы. Такимъ образомъ, надобно было болѣе полувѣка, чтобы восстановить въ полной силѣ начало признанное уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Не менѣе замѣчательны господствовавшія въ то время мнѣнія о расходахъ на военныя надобности. Вопросъ объ организаціи военныхъ силъ страны и о степени ихъ развитія занималъ тогда не только администраторовъ, но и чуждыхъ администраціи ученыхъ теоретиковъ; общественное мнѣніе сознавало тогда, что свобода тѣсно связана съ миромъ, а потому и развитіе значительной военной силы въ государствѣ считалось излишнимъ бременемъ, истощающимъ благосостояніе страны. Еще Монтескье чуть ли не разчитывалъ, что всякая страна можетъ содержать, безъ истощенія себя, войска не болѣе какъ на одинъ процентъ всего населенія, то-есть не болѣе десяти тысячъ на каждый милліонъ жителей. Адамъ Смитъ принималъ тотъ же разчетъ. По этому разчету, Франція при ея тогдашнемъ населеніи, въ 26 милліоновъ жителей, могла содержать не болѣе 260.000 человѣкъ войска. Къ такой умѣренной цифрѣ она съ тѣхъ поръ уже не возвращалась. Во время войнъ революціи и имперіи у нея было по крайней мѣрѣ двойное число солдатъ, а въ настоящее время численность французскаго войска чуть ли не превзошла эту пропорцію.

До Людовика XVI рекрутскими наборами вызывались

самыя ужасныя бѣдствія и безпорядки. Жители деревень уходили въ лѣса; между ними и преслѣдователями ихъ обыкновенно происходили драки, которыя оканчивались смертоубійствами и разными безпорядками. При Лудовикѣ XVI, особенно во время министерства Тюрго, способъ наборовъ былъ значительно улучшенъ; предоставленіе рекрутамъ права ставить за себя другихъ лицъ, наймитовъ, много смягчило эту повинность. Но несмотря на эти облегченія, воинская повинность была все еще очень ненавистна народу. Возбуждаемое ею неудовольствіе особенно поддерживалось привилегією, которою пользовались многія лица и сословія, освобожденные отъ обязанности отправлять ее; тяготѣя исключительно на нѣкоторыхъ сословіяхъ, она и физически и нравственно ложилась на нихъ двойнымъ бременемъ. Въ настоящее время, когда число лицъ несущихъ обязательную военную службу во Франціи относительно гораздо значительнѣе чѣмъ въ то время, народъ несетъ повинность безропотно; она не кажется тягостною народу только потому, что распредѣлена равномерно на всѣхъ жителей страны, только потому, что уже нѣтъ болѣе изъятій.

Обозрѣвая дѣятельность провинціальныхъ собраній, не можемъ не подивиться массѣ возбужденныхъ вопросовъ и значительности достигнутыхъ результатовъ, если принять въ соображеніе кратковременность существованія этихъ полезныхъ учрежденій. Не служитъ ли это обстоятельство лучшимъ возраженіемъ противъ доводовъ тѣхъ централизаторовъ, которые утверждаютъ, что одною изъ причинъ затрудняющихъ развитіе мѣстнаго самоуправленія, бываетъ недостатокъ въ странѣ людей способныхъ принять на себя управленіе дѣлами мѣстнаго интереса? Не доказываетъ ли этотъ фактъ, напротивъ, что гдѣ является дѣйствительная потребность въ способныхъ людяхъ, гдѣ открывается поприще для ихъ дѣятельности,—дѣятельности не бюрократической, а живой, непосредственной, тѣсно связанной съ практическою жизнію,—тамъ находятся и люди способные для исполненія возлагаемыхъ на нихъ общественнымъ довѣріемъ обязанностей? Печальнымъ исключеніемъ была бы та страна, гдѣ въ минуту надобности не нашлось бы необходимыхъ дѣятелей. Исторія доказываетъ непреложно, что гдѣ правительство обращается къ

обществу съ довѣріемъ, предоставляя ему нравственно и логически возможный кругъ дѣятельности, тамъ на призывъ правительства и общественнаго мнѣнія всегда являлись способные дѣятели.

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этой мысли служили, какъ мы видѣли, французскія провинціальныя собранія. Не слѣдуетъ забывать, что они встрѣчали въ своей живой и полезной дѣятельности не мало препятствій, какъ сверху такъ и снизу, для преодоленія которыхъ требовалась значительная энергія: сверху—со стороны органовъ центральной власти, которые долго не могли свыкнуться съ мыслию Тюрго о предоставленіи мѣстнымъ собраніямъ полного *хозяйственного* самоуправленія; а снизу—со стороны народа, смотрѣвшаго съ недовѣріемъ на каждое новое учрежденіе и видѣвшаго въ немъ только поводъ къ усиленію налоговъ и къ новому отягощенію. Если, несмотря на то, провинціальныя собранія въ такое кратковременное существованіе могли достигнуть значительныхъ, полезныхъ результатовъ, то лишь благодаря живой энергіи ихъ дѣятельности, проникнутой патріотическимъ духомъ, который въ общемъ дѣлѣ сливалъ всѣ сословія въ единство, какого мы ни до того, ни послѣ того уже не видимъ во Франціи. Казалось, будто всякіе эгоистическіе интересы касты исчезли въ лицахъ сходящихся на этихъ собраніяхъ; ихъ занимала единственно забота о благосостояніи страны и о необходимыхъ, для достиженія этой цѣли, учрежденіяхъ и мѣрахъ. Въ этомъ дѣлѣ, ни одно изъ сословій, ни дворянство, ни духовенство, ни среднее, ни сельское сословіе, не отставали одно отъ другаго. Въ этой общей гармоніи, въ этомъ истинно-патріотическомъ чувствѣ проникавшемъ провинціальныя собранія, не было ничего утопическаго; это не были тѣ теоретическія увлеченія которыя высказывались въ послѣдствіи въ центральныхъ парижскихъ собраніяхъ,—въ мѣрахъ чуждыхъ дѣйствительной жизни и не имѣвшихъ потому дѣйствительной силы. Дѣятельность провинціальныхъ собраній непосредственно вызывалась мѣстными практическими интересами, и результаты ея прямо обращались въ практическую жизнь страны. Чтобы судить о духѣ, которымъ были проникнуты тогда общественные дѣятели, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ рѣчи, произнесенной архіепископомъ Талейранъ-

Перигоромъ, предсѣдателемъ провинціального собранія Шампана, при открытіи этого собранія: „Изученіе общественной администраціи, говоритъ онъ, возвышаетъ духъ, занимая умственные способности. Время употребленное на сужденія и размышленія о предметахъ государственной экономіи наполняетъ сердце пріятными впечатлѣніями; оно удовлетворяетъ той настоятельной потребности, которую ощущаетъ каждый человѣкъ, быть полезну своимъ согражданамъ. Въ этомъ дѣлѣ сама работа несетъ съ собою награду, въ этомъ дѣлѣ душа можетъ спокойно наслаждаться успѣхами ума.“

III.

Въ виду столь энергической и живой дѣятельности, въ виду патріотическаго и истинно-просвѣщеннаго духа, которымъ были проникнуты самые дѣятели, нельзя удержаться отъ глубокаго сожалѣнія, что обстоятельства не дозволили этимъ полезнымъ учрежденіямъ закончить свое дѣло.

Учрежденіе провинціальныхъ собраній не могло устоять противъ всеобщаго недоброжелательства и со стороны бюрократіи, и со стороны высшихъ классовъ, и даже со стороны народа, смотрѣвшаго на нихъ съ недовѣріемъ. Изъ первыхъ собраній, открытыхъ Некеромъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, продолжали работать только два: Беррійское и Гіенское; всѣ остальные прекратили свое существованіе въ самомъ началѣ. Около десяти лѣтъ спустя, правительство и общество, видя на дѣлѣ полезныя результаты дѣятельности двухъ собраній оставшихся въ жизни, опять обратились къ покинутой мысли, стараясь окончательно и повсюду ввести провинціальныя собранія въ политическую организацію страны. Но было уже поздно, удобный моментъ былъ упущенъ: революціонный духъ сдѣлалъ страшные успѣхи, и его уже нельзя было остановить никакими реформами. Грянула революція и поглотила всѣ юные зачатки мѣстнаго самоуправленія, замѣнивъ ихъ сильнѣйшимъ противъ прежняго сосредоточеніемъ правительственной власти. Дѣло начатое революціей было достойно и ревностно продолжаемо первою имперіей. Съ возстановленія Бурбоновъ и

по настоящее время централизационное начало то ослабѣвало, то усиливалось во Франціи, но въ общемъ результатъ окончательное вліяніе его скорѣе увеличилось чѣмъ уменьшилось, какъ можно судить по рельефной картинѣ настоящаго устройства правительственной организаціи въ этой странѣ, представляемой Бекломъ и приведенной въ первой части нашей статьи.

При поверхностномъ взглядѣ на ходъ упомянутыхъ событій, можно удивиться тому, что революція во многихъ, даже главныхъ, вопросахъ пришла къ результату совершенно противоположному тѣмъ началамъ, которыя она сама же провозгласила. Провозгласивъ своимъ догматомъ безусловную власть народа и всеобщую свободу, она не только уничтожила возникшія до нея зачатки мѣстнаго самоуправленія, но и лишила отдѣльных лицъ всякой свободы и всякаго участія въ государственномъ управленіи.

Это кажущееся противорѣчіе совершенно исчезаетъ, если нѣсколько глубже вникнуть въ дѣло. При болѣе подробномъ анализѣ фактовъ въ ихъ общей связи, мы видимъ, что революція была строго послѣдовательна, и что она никакъ не могла придти къ другимъ результатамъ.

Французская революція, разумѣя подъ этимъ названіемъ событія 1789 — 1794 годовъ, не могла сама создать ничего существенно-новаго; начала, провозглашенныя ею выработались въ общественномъ мнѣніи Франціи задолго до того времени, когда разразилась революція; она была только окончательнымъ и крайнимъ выраженіемъ тѣхъ идей, которыя господствовали во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Утверждать, что революція, то-есть эпоха 1789—1794 года, создала всѣ тѣ элементы, которые въ ней обнаружили, значило бы принимать послѣдствія за причину. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что зачатки того новаго порядка, которому революція положила начало въ практическомъ примѣненіи, уже существовали въ странѣ до того времени.

Переворотъ въ государственномъ устройствѣ Франціи могъ произойти путемъ естественныхъ и послѣдовательныхъ реформъ, постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ существовавшаго тогда устройства, то-есть тѣмъ путемъ, по которому шли провинціальныя собранія, — или же онъ долженъ былъ совершиться насильственнымъ внезапнымъ переломомъ.

Революція именно и была этотъ насильственный переломъ, а потому она и не могла сохранить необходимую связь съ исторически-выработавшимися обычаями и учрежденіями страны. Прервавъ внезапно всякую связь съ исторіей и съ существовавшимъ порядкомъ вещей, революція могла выработать только утопическую государственную организацію, которая была исключительно продуктомъ теоретическихъ идей. Иначе и быть не могло. Всякое государственное устройство только тогда можетъ бросить глубокіе корни въ странѣ, когда оно вышло изъ жизни самого народа и сообразуется съ ея потребностями. Достоинство государственнаго устройства зависитъ поэтому не столько отъ того, въ какой мѣрѣ оно правильно съ отвлеченной точки зрѣнія, а въ какой мѣрѣ примѣняется оно къ историческому характеру, сообразуется съ его дѣйствительными потребностями. Англійская конституція, съ отвлеченной точки зрѣнія, представляетъ можетъ-быть значительныя и многочисленныя шероховатости; но тѣмъ не менѣе она предметъ удивленія всѣхъ образованныхъ людей, она могущественна въ своихъ результатахъ, именно потому, что она порождена жизнью, что она выработалась на почвѣ исторіи, что она превосходно примѣняется ко всѣмъ потребностямъ и обычаямъ англійскаго народа. Та же самая конституція, дѣйствующая такъ превосходно въ Англіи оказалась бы несостоятельною, еслибы нѣкоторыя формы ея взяли да перенесли въ другую страну, въ среду другого народа. Но точно также какъ формы организаціи, оказавшейся вполне удовлетворительною въ одной странѣ, нельзя механически переносить, съ надеждой на успѣхъ, въ другую страну, точно также невозможно привить къ странѣ государственное устройство выработанное исключительно на началахъ отвлеченной теоріи и не имѣющее никакой связи съ народною жизнью, какъ бы это устройство само по себѣ ни казалось правильнымъ.

Расторгнувъ всякую связь съ историческими преданіями страны, революція должна была создать утопическую организацію, которую трудно было поставить на твердыя основанія, при невозможности вселить искусственно или насильственно въ народную жизнь элементъ совершенно ей чуждый. Выступивъ на этотъ путь, революція не могла остановиться

передъ такою трудностію; разорвавъ связь съ исторіей, она должна была идти на проломъ народной жизни. То, что не прививалось къ странѣ естественнымъ образомъ, она рѣшилась ввести насильственно, деспотически. Эта печальная необходимость должна была неизбежно привести революцію къ принятію политическаго принципа древней исторіи, провозглашавшаго *аповеозу государства*. Желая ввести, въ видахъ воображаемой высшей государственной пользы, устройство противное народной жизни, революція необходимо должна была провозгласить принципъ, что не государство существуетъ для блага гражданъ, а граждане существуютъ для блага государства, или, другими словами, что не только не слѣдуетъ смотрѣть на государственное устройство какъ на учрежденіе главнымъ образомъ направленное къ охраненію и обезпеченію законныхъ правъ всѣхъ жителей страны, а что напротивъ нѣтъ столь важнаго, столь священнаго права, которымъ граждане не должны были бы жертвовать для государства. Видя главное условіе этого блага въ единствѣ и однообразіи доведенномъ до послѣднихъ границъ, революція не могла остановиться передъ необходимостію пожертвовать этой идеѣ личною свободою и правомъ самодѣятельности гражданъ. Такимъ образомъ, незамѣтно и послѣдовательно, революція была приведена къ крайней демократіи, или скорѣе демагогіи, высказавшейся во всеобщемъ равенствѣ, при совершенномъ отсутствіи свободы и въ самой тиранической централизаціи. Мы видимъ такимъ образомъ, что ходъ революціи былъ вполне послѣдователенъ, и съ практической, и съ теоретической точки зрѣнія. На практикѣ она должна была прибѣгнуть къ терроризму, чтобъ утвердить насильственно то, что не сливалось естественнымъ образомъ съ народною жизнью, а въ теоріи она была совершенно послѣдовательна, не предоставляя отдѣльнымъ личностямъ, значеніе которыхъ въ государствѣ она отвергла, ни малѣйшаго участія въ рѣшеніи даже самыхъ обиходныхъ дѣлъ мѣстнаго интереса, то-есть доводя систему централизаціи до послѣднихъ границъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что революція должна была придти къ двумъ капитальнымъ ошибкамъ, которыя по необходимости должны были повлечь за собою всѣ печальныя послѣдствія, завѣщанныя ею Франціи.

Эти двѣ капитальныя ошибки заключаются въ непризна-

ни святости нѣкоторыхъ законныхъ правъ отдельныхъ личностей въ виду государства и второе въ отрицаніи вообще высокаго значенія индивидуальности.

Эти два начала такъ важны и представляютъ столь значительныя условія нормальнаго развитія государственнаго благоустройства, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нихъ и посвятить имъ здѣсь нѣсколько соображеній, основываясь на книгѣ извѣстнаго англійскаго мыслителя Джона Стюарта Милля по этому предмету.

Принимая за исходную точку, что государство не есть окончательная цѣль, а только средство къ достиженію цѣли, заключающейся въ благосостояніи наибольшаго числа лицъ составляющихъ общество, мы приходимъ къ двумъ различнымъ началамъ, въ гармоническомъ сочетаніи которыхъ заключается разрѣшеніе вопроса о наилучшемъ устройствѣ государственной организаціи. Принимая за цѣль благосостояніе гражданъ, государство должно искать, по возможности, полного и всесторонняго охраненія тѣхъ личныхъ правъ, которыя составляютъ непремѣнное условіе благосостоянія каждаго лица; но, въ то же время, чтобы по возможности обезпечить за всѣми гражданами пользованіе этими личными правами, необходимо положить нѣкоторыя законныя ограниченія ихъ свободѣ, — ограниченія необходимыя для существованія общества. Всякое право должно окупаться извѣстными пожертвованіями, а потому неудобомыслимо такое право, которое не влекло бы за собою извѣстныхъ обязанностей. Въ настоящемъ случаѣ жертва заключается въ огражденіи закономъ произвола личной дѣятельности каждаго человѣка. Истинная свобода обусловливается святостію закона ограждающаго всѣхъ и каждаго въ пользованіи правами, предоставленными закономъ каждому гражданину въ обществѣ, и принуждающаго въ то же время всѣхъ и каждаго подчиняться тѣмъ ограниченіямъ и тѣмъ обязанностямъ, которыя возлагаются на каждаго гражданина самою идеей существованія государства. Весь вопросъ между централизаціей и свободой заключается въ трудности найти эту границу. Гдѣ та черта, за которою государственное устройство затрогиваетъ естественныя права каждаго лица и потому возлагаетъ на гражданина жертву выше мѣры?

По мнѣнію Милля, самосохраненіе есть то единствен-

ное начало, въ силу котораго можетъ быть предоставлено какъ обществу, такъ и отдѣльному лицу, право ограничивать свободу дѣятельности другихъ лицъ; — только для предупрежденія ущерба законнымъ интересамъ другихъ, можетъ быть, по его мнѣнію, употреблена, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, понудительная сила противъ члена общества. Никого нельзя принуждать дѣйствовать въ извѣстномъ смыслѣ или воздерживаться отъ извѣстнаго дѣйствія только потому, что, по мнѣнію правительства, отъ того произошла бы какая-либо польза для самого дѣятеля или было бы устранено какое-либо вредное для него послѣдствіе. Въ подобномъ случаѣ можно увѣщевать, совѣтовать, но всякое понужденіе становится несправедливостію, потому что каждому человѣку должна быть предоставлена полная отвѣтственность въ его личномъ счастіи или несчастіи. Насильственное вмѣшательство, законодательное запрещеніе, оправдываются только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе, которое желали бы мы предупредить, можетъ нанести вредъ третьему лицу.

Кромѣ вмѣшательства закона для предупрежденія такихъ дѣйствій, отъ которыхъ можетъ произойти вредъ для третьихъ лицъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливость можетъ допускать еще вмѣшательство закона для понужденія отдѣльныхъ лицъ къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій, непосредственно необходимыхъ для блага другихъ лицъ: такъ можетъ быть обязательна подача извѣстнаго свидѣтельства передъ судомъ, участіе въ общественной защитѣ, или въ другихъ дѣйствіяхъ необходимыхъ для процвѣтанія общества, въ видѣ платы за доставляемое обществомъ членамъ своимъ охраненіе; таковы, на примѣръ, спасеніе жизни согражданина, охраненіе беззащитныхъ отъ обидъ и т. д. Подобныя дѣйствія, составляя обязанность каждого гражданина, въ случаѣ уклоненія отъ нихъ, по всей справедливости, могутъ подать поводъ къ преслѣдованію виновнаго карательною силой закона или общественнаго мнѣнія. Но допущеніе понудительныхъ мѣръ въ послѣднемъ случаѣ требуетъ гораздо большей осторожности чѣмъ въ первомъ случаѣ. Отвѣтственность за вредъ, причиняемый другимъ лицамъ, должна быть общимъ правиломъ; отвѣтственность же за уклоненіе отъ предупрежденія вреда, наносимаго другимъ лицамъ, можетъ быть допускаема только въ видѣ исключе-

нія, которое впрочемъ становится въ извѣстныхъ случаяхъ необходимою.

Итакъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ касающихся отношеній къ третьимъ лицамъ, то-есть къ обществу, каждое отдѣльное лицо, по всей справедливости, несетъ отвѣтственность передъ тѣми лицами, интересы которыхъ оно затрагиваетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и передъ обществомъ, которое есть хранитель интересовъ всѣхъ гражданъ.

Затѣмъ есть еще значительный кругъ дѣйствій только косвенно касающихся общества, имѣющихъ значеніе только для самого дѣятеля, а если и другихъ лицъ, то при полномъ, непринужденномъ ихъ согласіи. Кругомъ подобныхъ дѣйствій очерчивается поле совершенной свободы дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица. Къ этимъ дѣйствіямъ относится, прежде всего, внутренняя душевная дѣятельность человѣка; поэтому, все что касается совѣсти, убѣжденій, внутреннихъ ощущеній человѣка, должно стоять внѣ всякаго вліянія внѣшней власти закона; каждому должна быть предоставлена полная свобода думать и чувствовать по всѣмъ предметамъ, какъ практическимъ такъ и умственнымъ, научнымъ, религіознымъ, нравственнымъ и общественнымъ; свобода труда и пользованія его результатами, свобода образа жизни подъ личною отвѣтственностію человѣка за могущіе произойти отъ его неблагоразумія неблагопріятныя послѣдствія, и наконецъ свобода ассоціаціи для извѣстныхъ цѣлей, пока эти цѣли и результаты дѣятельности ассоціаціи не причиняютъ вреда другимъ лицамъ, и пока не употребляется никакихъ принудительныхъ средствъ ко вступленію въ подобную ассоціацію.

Только такое общество можетъ считать себя свободнымъ, въ которомъ всѣ эти личные права достаточно ограждены; въ противномъ случаѣ, какой бы ни былъ образъ правленія въ странѣ, она не заслуживаетъ названія свободной; республика можетъ въ этомъ отношеніи быть менѣе свободна чѣмъ неограниченная монархическая форма правленія. Свободою требуется только, чтобы каждому предоставлено было полное право искать своего счастія какъ и гдѣ ему заблагоразсудится лишь бы только не были нарушаемы интересы другихъ лицъ.

Уваженіе со стороны общества къ извѣстнымъ пра-

вамъ личности и невмѣшательство въ извѣстный кругъ частной дѣятельности, оправдываются кромѣ того еще однимъ соображеніемъ. Только при подобномъ порядкѣ возможно развитіе индивидуальности въ людяхъ составляющихъ общество, а развитіе индивидуальности и собственной инициативы въ характерѣ гражданъ необходимо для благосостоянія самого общества.

Не подлежитъ сомнѣнію, что степень благосостоянія общества зависитъ отъ степени его развитія, а чѣмъ болѣе развиты отдѣльныя личности въ обществѣ, тѣмъ на высшей степени развитія стоитъ и само общество. Поэтому, въ интересѣ собственнаго своего благосостоянія, общество должно стремиться къ развитію личностей, его составляющихъ. „Главное назначеніе развитія человѣка,“ говоритъ Вильгельмъ-фонъ-Гумбольдтъ, „заключается въ самостоятельности, а для этого необходима свобода дѣйствій и многообразіе положеній, въ которыя онъ приводится жизнью; только сочетаніемъ этихъ двухъ элементовъ поддерживается сила отдѣльныхъ личностей и разнообразіе ихъ характеровъ, то-есть, другими словами, оригинальность людей.“

Дѣйствительно, всѣ нравственныя качества человѣка получаютъ только тогда силу и значеніе, когда развитіе ихъ предоставлено личной самодѣятельности. Способность наблюденія, сужденія, воспріимчивости, и вообще всѣ нравственныя стремленія въ человѣкѣ будутъ развиваться только тогда, когда онъ можетъ дѣйствовать вполнѣ свободно. Человѣческая природа не машина, которую можно выстроить по извѣстному плану, предназначивъ ее къ извѣстной работѣ; подобно растенію, она должна развиваться и расширяться по всѣмъ тѣмъ направленіямъ, куда ее выдвигаютъ внутреннія стремленія. При самостоятельномъ развитіи характера, нечего опасаться преобладанія инстинктовъ и чувственныхъ стремленій, если только развитіе ума идетъ съ ними гармонически рука объ руку; нечего опасаться сильной воспріимчивости, если соразмѣрно развиваются и умственные способности, потому что послѣднія всегда сумѣютъ удержать инстинктивную воспріимчивость отъ вредныхъ уклоновъ, — а между тѣмъ результатъ всей дѣятельности будетъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ здоровѣе, тѣмъ полезнѣе. Сила

восприимчивости, придающая всѣмъ стремленіямъ человека болѣе жизненности, болѣе напряженія, служитъ въ то же время тою пружиной, которая возбуждаетъ въ немъ стремленіе ко всему хорошему и высокому, и придаетъ ему способность самоуправленія и самоограниченія. Поэтому только развитіемъ этихъ способностей общество исполняетъ свой долгъ относительно отдѣльных личностей и въ то же время возвышаетъ собственное благосостояніе. Вся задача заключается въ благоразумномъ развитіи данныхъ элементовъ, а не въ заглушеніи нѣко-
которыхъ за неумѣніемъ развить ихъ. Сопоразмѣрно съ развитіемъ индивидуальности каждаго человека, возрастаетъ и достоинство его, и польза, которую онъ въ состояніи принести другимъ своимъ согражданамъ. Индивидуальность и стремленіе къ развитію являются такимъ образомъ однозначащими понятіями,—а потому можно сказать, что общественное устройство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе приближаетъ оно каждаго человека къ его цѣли, то-есть къ развитію его индивидуальности. Съ чисто-практической точки зрѣнія не слѣдуетъ наконецъ забывать, что всѣ открытія и вообще всѣ полезныя дѣйствія суть продукты извѣстныхъ индивидуальностей; слѣдовательно, чѣмъ болѣе будетъ въ обществѣ индивидуальностей, тѣмъ болѣе въ его средѣ будетъ происходить полезныхъ дѣйствій.

Прилагая эти общія начала къ вопросу о централизаціи, мы легко находимъ черту, которою разграничивается централизація съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Какъ централизація при излишнемъ развитіи становится зломъ, наносящимъ вредъ всему государству, такъ точно и мѣстное самоуправленіе развитое далѣе извѣстныхъ границъ наноситъ вредъ единству государственнаго устройства и приводитъ къ федераціи, то-есть къ распаденію государства на отдѣльныя части, соединенныя между собою весьма слабыми узами. Границею между этими двумя противоположными началами должно принять характеръ интереса, затронутого въ каждомъ данномъ случаѣ. Вѣдѣнію центральной правительственной власти должны подлежать всѣ тѣ явленія, въ которыхъ прямо и непосредственно затронуты интересы цѣлаго государства. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о частныхъ интересахъ извѣстной мѣстности, не касаясь прямо общихъ государственныхъ интересовъ,

долженъ быть предоставленъ полный просторъ мѣстной самодѣтельности.

При естественномъ ходѣ дѣлъ, правительство должно начинать свои реформы съ развитія въ народѣ гражданской свободы, обнаруживающейся главнымъ образомъ въ уваженіи къ святости закона и въ мѣстномъ самоуправленіи.

Эти два условія служатъ необходимымъ основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ. Стремясь укоренить въ обществѣ убѣжденіе въ святости закона и въ непоколебимости правъ и обязанностей опредѣляемыхъ закономъ, правительство лучше всего можетъ достигнуть этого собственнымъ примѣромъ. Уважая во всѣхъ случаяхъ непреклонность закона, ограничивая имъ постоянно всякій произволъ, правительство достигнетъ скорѣйшимъ образомъ своей цѣли, именно привитія законности къ правамъ народа. Затѣмъ не менѣе важно развитіе мѣстнаго самоуправления. Только въ средѣ мѣстной самостоятельной администраціи развиваются политическіе люди, то есть лица способныя принять участіе въ общемъ политическомъ управленіи всей страны. Наконецъ, какъ мы уже замѣтили выше, только съ развитіемъ самостоятельныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления центральное правительство можетъ получать основательныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ потребностяхъ каждой мѣстности въ данный моментъ.

Съ постепенностію и послѣдовательностію въ системѣ реформъ должна быть соединена и непрерывность ихъ. Начать преобразованія съ тѣмъ чтобъ остановиться на полѣ-пути, съ тѣмъ чтобы прервать ихъ, не окончивъ начатаго дѣла, значитъ возбуждать неосуществимыя надежды въ обществѣ. Въ этомъ случаѣ, едва ли не лучше не трогать стараго порядка. Между всѣми проявленіями какъ государственной, такъ и частной жизни, существуетъ нѣкоторая связь, а потому трудно затронуть одинъ предметъ, не трогая другого. Для полученія удовлетворительнаго результата, необходимо въ самомъ преобразованіи сохранить гармоническую стройность и, начавъ дѣло, совершить его вполнѣ.

Не менѣе важна и необходима ясная система, отсутствіе противорѣчій въ дѣйствіяхъ. Мы видѣли, что при началѣ своихъ преобразованій, правительство Лудовика XVI не совершенно сознавало эту необходимость. Вводя

съ одной стороны въ провинціальныя собранія начала полнаго мѣстнаго самоуправленія, оно сохраняло неизмѣнно кругъ власти интендантовъ. Отъ этого необходимо должны были происходить столкновенія между означенными двумя разнородными органами управленія, столкновенія, которыя во всякомъ случаѣ не могли приносить пользы. Убѣдившись въ несообразности подобнаго порядка вещей, французское правительство позаботилось впрочемъ, какъ мы видѣли, объ его устраненіи. Характеръ отношеній интендантовъ къ провинціальнымъ собраніямъ вскорѣ совершенно измѣнился; предупредительность и содѣйствіе заступили мѣсто прежняго противодѣйствія и вмѣшательства. Свободное развитіе мѣстнаго самоуправления возможно только при полномъ невмѣшательствѣ органовъ центральнаго правленія въ тотъ кругъ дѣятельности, который предоставленъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Созывать же послѣднія только для виду, не предоставляя имъ никакой инициативы и подчиняя ихъ безусловно органамъ центральнаго правительства, значитъ возлагать на общество новую тягость, безъ всякой пользы для него. Эта тягость является въ видѣ мѣстнаго сбора въ тѣхъ случаяхъ, когда лица выбранныя въ мѣстное учрежденіе получаютъ жалованье отъ общества; если же служба ихъ безвозмездна, то вся тягость ложится непосредственно на выборныхъ, и является уже не правомъ, а обремененіемъ. Только въ такомъ случаѣ могутъ найдтись достойные люди, которые согласятся принять безвозмездно выборныя должности, когда они не будутъ связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ ко благу мѣстнаго общества. Только въ сознаніи пользы своей дѣятельности въ уваженіи и почетѣ въ средѣ мѣстныхъ жителей,—подобныя лица могутъ найти вознагражденіе и поощреніе въ своей безкорыстной дѣятельности на пользу общую.

Итакъ постепенность, послѣдовательность и ясная система—вотъ главнѣйшія условія удовлетворительнаго хода правительственнаго преобразованія въ каждой странѣ.

Примѣняя эти начала къ исторіи государственныхъ преобразованій во Франціи, мы не можемъ не остановиться съ уваженіемъ передъ дѣятельностію провинціальныхъ собраній, умѣвшихъ удовлетворить означеннымъ условіямъ. Не отрываясь отъ прошедшаго, не пренебрегая историческою

жизнію страны, они стремились къ постепенному, но въ то же время коренному и энергическому преобразованію существовавшего во Франціи порядка, на началахъ выработанныхъ знаніемъ. Ихъ реформы не были безжизненными, утопическими созданіями, а практическимъ примѣненіемъ знанія къ дѣлу. Нельзя не удивляться безчисленному множеству экономическихъ и разнаго рода другихъ вопросовъ, возбужденныхъ этими собраніями, и истинамъ высказаннымъ въ ихъ средѣ. Нельзя не согласиться въ то же время, что революція успѣла осуществить только часть той обширной программы реформъ, которая была задумана провинціальными собраніями. Желая разрѣшить гордиевъ узелъ разомъ и насильственно, революція не могла придти къ удовлетворительному результату. Можно предположить, что еслибы полезная дѣятельность провинціальныхъ собраній не была прервана, то политическое и административное преобразование Франціи совершилось бы хотя и болѣе медленнымъ, но болѣе существеннымъ образомъ. Реформы начатыя провинціальными собраніями могли положить начало образованію новой самостоятельной формѣ правленія, сообразной съ потребностями страны и съ народною жизнію, и предохранили бы Францію отъ кровавыхъ политическихъ переворотовъ, которымъ она съ тѣхъ поръ периодически подвергается.

Полезная дѣятельность провинціальныхъ собраній должна была однако испытать судьбу всѣхъ умѣренныхъ, но энергическихъ стремленій,—она должна встрѣтиться сильное противодѣйствіе со стороны двухъ крайнихъ партій. Ультраконсерваторы и ультрарадикалы соединились въ своихъ нападкахъ на провинціальныя собранія. Коалиція этихъ двухъ противоположныхъ партій одержала верхъ. Провинціальныя собранія пали, не окончивъ своего дѣла, то-есть, не успѣвъ окончательно установить въ странѣ ни гражданской свободы, ни мѣстнаго самоуправленія.

Но какими результатами увѣнчались стремленія ихъ противниковъ?

О. Тернеръ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ¹

Я познакомился съ Гоголемъ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ, въ году, скоро послѣ его возвращенія въ Россію, слѣдовательно, уже послѣ всѣхъ толковъ о немъ и его книгѣ *Переписка съ друзьями*. Любопытство мое было сильно возбуждено; мнѣ хотѣлось ближе узнать эту замѣчательную личность, въ которую бросали камни со всѣхъ концевъ Россіи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, я былъ поклонникомъ Гоголя; я зналъ почти наизусть его *Арабески*, его *Вечера на хуторѣ*, его *Ревизора*. *Мертвыя Души* долго были моею настольною книгою. Но понятіе, составленное мною о прежнемъ Гоголѣ, теперь казалось никуда не годилось. Гоголь, заставлявшій насъ смѣяться до слезъ своими гениально-художественными произведеніями, выступалъ теперь передъ публикой, послѣ долгаго молчанія, какимъ-то проповѣдникомъ, аскетомъ и монахомъ, и обманулъ всѣхъ своихъ почитателей и враговъ. Я вѣроятно былъ бы, тоже пораженъ не менѣе другихъ появленіемъ въ свѣтъ этой книги, еслибы не особенное обстоятельство, о которомъ скажу послѣ. Всѣ увидѣли тогда, что ошибались въ Гоголѣ, что не поняли его. Враги Гоголя извѣстны: это люди стараго времени, которые никогда не могли простить ему его таланта, его успѣховъ, его славы. Мелкая зависть, или грубое пониманіе его произведеній, заставляли ихъ отзываться о Гоголѣ съ пренебреженіемъ, называть его героевъ карриатурами и бранить его за то, что онъ описывалъ

¹ Автора этихъ воспоминаній о покойномъ Гоголѣ нѣтъ уже самого въ живыхъ, и статья его доставлена въ редакцію уже по его смерти.

всегда съ любовію предметы грязныя и людей пошлыхъ, а не свѣтскихъ львовъ или героевъ добродѣтели. Изъ этого, и въ особенности изъ долгаго пребыванія его за границей, вывели заключеніе, что онъ мало любитъ Россію. Съ такими людьми спорить нельзя, точно также какъ нельзя спорить съ слѣпыми о цвѣтахъ и краскахъ. Если они не поняли, что Гоголь въ лицѣ Акакія Акакіевича или въ Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ заставлялъ любить своего брата, своего ближняго, простаго, бѣднаго, показывая, что и они такіе же люди какъ мы, и что у нихъ есть душа, требующая отъ насъ любви и справедливости; если они не поняли, что Маниловы, Сабакевичи, Поздревы, и въ особенности Хлестаковы и Чичиковы, бываютъ вездѣ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что съ ними можно встрѣтиться и въ блестящей гостиной знатнаго вельможи въ Петербургѣ, и въ скромномъ уѣздномъ городишкѣ,—то стоить ли съ ними спорить? Пусть восхищаются сочиненіями гг. Масальскаго, Зотова, и другими историческими и нраво-описательными романами. Эти люди вездѣ, при всякомъ случаѣ, кстати и некстати, печатно и изустно, бранили Гоголя; они видѣли въ немъ начальника какой-то школы, человека не уважавшаго никакихъ авторитетовъ, вреднаго и даже опаснаго писателя, увлекавшаго за собою все новое поколѣніе и грозившаго отбить у нихъ всѣхъ читателей. Вдругъ Гоголь совершенно неожиданно сбиваетъ ихъ съ толку своею *Перепиской съ друзьями*. Они видятъ съ удивленіемъ, что онъ говоритъ въ этой книгѣ съ уваженіемъ о классической литературѣ, о церкви, о властяхъ, о Россіи. Они видятъ, что онъ не проповѣдуетъ никакихъ переворотовъ, бранить только себя, унижаетъ только свои прежнія произведенія. И съ злобною радостію пишутъ эти отсталые люди: вы видите, что мы были правы; Гоголь самъ отказывается отъ своихъ ничтожныхъ созданій, онъ самъ ихъ унижаетъ; но, слава Богу, онъ опомнился. И они хвалятъ съ какимъ-то снисхожденіемъ, съ какою-то злобною радостію, его новую книгу, и прощаютъ ему прежнія его заблужденія. Вотъ каково было положеніе противниковъ Гоголя, при выходѣ въ свѣтъ *Переписки съ друзьями*. Съ почитателями же его таланта было совсѣмъ другое. Они всегда раздѣлялись на два лагеря. Въ одномъ засѣдали люди прогресса, всякаго движенія впередъ, почти все новое

поколѣніе, всѣ студенты, профессора, учителя, и за ними цѣлая толпа молодежи читающей и мыслящей. Они уважали Гоголя: во первыхъ за его громадный талантъ, а во вторыхъ за то, что онъ употреблялъ этотъ талантъ на пользу своимъ ближнимъ, въ томъ смыслѣ какъ понимали они пользу. Вліяніе Гоголя въ самомъ дѣлѣ было огромное. Онъ заставлялъ всѣхъ погружаться въ самихъ себя, отвращалъ отъ порока и въ особенности отъ этихъ мелкихъ презрѣнныхъ слабостей, которыми заражена бѣольшая часть людей нашего времени. Онъ казнилъ и бичевалъ всенародно эти маленькія страстишки, эти ежедневныя подлости, которыхъ не скоро замѣтишь подъ маскою какого-то приличія, съ которыми между тѣмъ сталкиваешься на каждомъ шагѣ и которые, къ сожалѣнію, очень часто не мѣшаютъ человѣку прослыть въ свѣтѣ благороднымъ и честнымъ. Эти первые почитатели Гоголя видѣли въ немъ передоваго человѣка на пути просвѣщенія своего отечества, и страстно любили его глубоко-нравственныя сочиненія. Другой лагерь составляли люди не менѣе ихъ достойные, столь же умные и просвѣщенные, но съ другими убѣжденіями, съ другими вѣрованіями. Сочувствуя всему прекрасному и доброму, они вмѣстѣ съ тѣмъ подняли знамя исключительной національности, и явились жаркими противниками всякаго иностраннаго, западнаго вліянія. Гоголя считали они совершенно раздѣляющимъ ихъ убѣжденія, писателемъ народнымъ по преимуществу, и слѣдовательно писателемъ ихъ школы, представителемъ ихъ направленія. Эти два направленія, столь различныя въ своихъ основаніяхъ, въ своихъ принципахъ, имѣли впрочемъ между собою много общаго. Были вопросы, въ которыхъ они сходились совершенно. Гоголь въ своей *Перепискѣ съ друзьями*, разрѣшилъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ по своему, такъ что не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ. Къ тому же всѣ были возмущены и оскорблены его завѣщаніемъ, тономъ нѣкоторыхъ писемъ его, и наконецъ его отреченіемъ отъ прежнихъ своихъ произведеній. Друзья, или тѣ которые считали себя друзьями Гоголя, возстали на него съ непостижимою злобой! Одни называли его безумнымъ, больнымъ; другіе упрекали въ лести и подлостяхъ всякаго рода; третьи провозглашали совершенное паденіе его таланта; наконецъ, почти всѣ сомнѣвались въ искренности его смиренія и называли его въ глаза

безчестнымъ человѣкомъ. Бѣдный Гоголь! Какъ вспомнишь все что говорили, писали и даже печатали про него въ то время, то становится страшно за человѣка, и удивляешься, какъ могъ онъ все это вынести и не изнемогнуть. Я читалъ все, что писали тогда про Гоголя и къ Гоголю, всѣ оскорбленія, всѣ проклятія посланныя къ нему за границу его мнимыми друзьями. Я говорю—мнимыми, потому что они всѣ ошибались въ немъ, никто его не понималъ, никто не вступился за него. Забыли его талантъ, забыли то высокое наслажденіе, которое доставлялъ онъ намъ такъ долго своими чудными созданіями, забыли всякое приличіе, всякую справедливость, не обратили никакого вниманія на нѣкоторыя прекрасныя страницы въ его новой книгѣ, все смѣшали, перепутали, и не разобравъ дѣла, осыпали бѣднаго автора неслыханными подозрѣніями и язвительными насмѣшками. Признаюсь, я не раздѣлялъ мнѣнія друзей Гоголя, точно также какъ не раздѣлялъ мнѣнія его противниковъ, и послѣ, познакомившись съ нимъ короче, слушая второй томъ его *Мертвыхъ Душъ*, имъ самимъ при мнѣ читанный, бесѣдуя съ нимъ о разныхъ современныхъ вопросахъ, присутствуя наконецъ при его кончинѣ и прочитавъ его *Авторскую Исповѣдь*, я всегда радовался тому, что не оскорбилъ его ни однимъ подозрѣніемъ, ни однимъ изъ тѣхъ страшныхъ упрековъ, на которые такъ были щедры его поклонники. Не скажу, чтобъ я былъ совершенно доволенъ книгою Гоголя, нѣтъ, я особенно былъ не доволенъ ея появленіемъ въ свѣтъ; меня огорчили два, три письма Гоголя, завѣщаніе и предисловіе; но я прощалъ ему его заблужденіе, я восхищался нѣкоторыми чудными мѣстами его *Переписки*; точно также какъ восхищаюсь ими и теперь; я вѣрилъ въ его искренность, я не сомнѣвался ни одной минуты въ его талантъ, я не боялся за него, но напротивъ того ожидалъ съ нетерпѣніемъ втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, и былъ убѣжденъ, что Гоголь появится въ немъ еще съ большею силой, чѣмъ въ первомъ томѣ, еще глубже заглянетъ въ душу человѣческую и выразитъ все въ истинно-художественной формѣ. Я думалъ такъ потому, что зналъ Гоголя можетъ-быть лучше всѣхъ друзей его, хотя и не былъ знакомъ съ нимъ, хотя никогда не видалъ его. Узналъ же я Гоголя именно не задолго до появленія въ свѣтъ его новой книги, изъ разказовъ сестры моей, съ которою Гоголь былъ

дружень и находился въ постоянной дружеской перепискѣ, въ теченіи четырнадцати лѣтъ. Читая эти прекрасныя, откровенныя письма, я видѣлъ всѣ сомнѣнія тревожившія поэта, я видѣлъ его борьбу, я догадывался чего онъ такъ сильно желалъ, чего такъ страстно добивался. Содержаніе *Мертвыхъ Душъ* стало мнѣ понятно. Не скажу, чтобъ я надѣялся вмѣстѣ съ Гоголемъ на полный успѣхъ его втораго тома, чтобъ я думалъ найти въ немъ послѣднее слово, чтобъ я вѣрилъ, что ему удастся все согласить, все примирить, и выставить ясно передъ очами читателя тѣ идеалы, которые еще смутно носились даже въ его воображеніи. Нѣтъ, я не смѣлъ вѣрить этому; но я былъ твердо убѣжденъ, что во второмъ томѣ Гоголь еще ближе подойдетъ къ дѣйствительности, и что герои его поэмы будутъ еще чловѣчнѣе, еще понятнѣе для насъ;—и думалъ такъ потому, что видѣлъ изъ писемъ его къ сестрѣ моей, что онъ сталъ строже къ самому себѣ, и строже глядѣлъ на искусство. Даже въ неотдѣланныхъ пяти главахъ втораго тома, мы видимъ уже, что характеры дѣйствующихъ лицъ задуманы глубже; а что бы сдѣлалъ изъ нихъ Гоголь, еслибъ они явились въ совершенно-оконченномъ видѣ? Генералъ Бетрищевъ, Тенетниковъ, Кошкаревъ, и въ особенности Хлобуевъ, не имѣютъ уже въ себѣ ничего каррикатурнаго, ничего преувеличеннаго; это живые люди, со всѣми своими дурными и хорошими наклонностями, люди, которыхъ мы встрѣчаемъ каждый день, но въ которыхъ не замѣчали, по собственному намъ легкомыслію, тѣхъ слабыхъ сторонъ, тѣхъ душевныхъ болѣзней, которыя такъ тонко подмѣтилъ Гоголь. Собакевича и Ноздрева мы замѣтили сами, а Хлобуевыхъ мы очень часто принимаемъ за людей достойныхъ и милыхъ, но только несчастныхъ. А самъ Чичиковъ? Посмотрите, какъ вырастаетъ онъ постепенно во второмъ томѣ, какъ онъ дѣлается еще противнѣе, по мѣрѣ того какъ становится приличнѣе, по мѣрѣ того какъ ему все удастся; прежде онъ внушалъ къ себѣ презрѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ—какое-то состраданіе; теперь же онъ просто дѣлается гадою въ своемъ фракѣ наваринскаго дыма съ пламенемъ. И вотъ по какой причинѣ *Переписка съ друзьями* не такъ сильно поразила меня, какъ остальныхъ читателей. Я видѣлъ, что Гоголь ошибся въ своихъ

силахъ, ошибся въ томъ, что хотѣлъ невозможнаго, хотѣлъ разрѣшить неразрѣшимое, хотѣлъ намъ добра и пользы, и не зналъ какъ за это взяться, съ чего начать и какъ кончить. И вотъ, вровень этой сильной любви, какъ плодъ долгаго, мучительнаго страданія, является сперва *Переписка съ друзьями*, а потомъ отысканные уже послѣ смерти Гоголя—пять главъ съ непонятнымъ Муразовымъ, съ неудачнымъ Костанжого и идеальнымъ генераль-губернаторомъ! Велика была ошибка, но за то и несоразмѣрно наказаніе! Бѣдный Гоголь! Ты не ожидалъ, что всѣ отъ тебя отвернутся, что самые близкіе друзья твои пошлютъ тебѣ проклятіе, обвинять тебя въ притворствѣ, въ тщеславіи и гордости, въ пристрастіи къ знатнымъ и богатымъ, въ желаніи достигнуть этимъ путемъ какихъ-то своекорыстныхъ цѣлей. Чѣмъ можно было болѣе поразить человека въ самое сердце, за нѣсколько страницъ временнаго заблужденія? Миръ праху твоему, бѣдный страдалецъ! Своею смертию, своею авторскою исповѣдью, своимъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ послѣдняго своего достоянія, ты доказалъ намъ, что былъ искрененъ и не лукавилъ ни передъ собою, ни передъ нами. Къ чести одного изъ друзей Гоголя, болѣе другихъ возставшаго противъ него за его *Переписку съ друзьями*, мы должны вспомнить здѣсь, что вскорѣ послѣ кончины Гоголя, онъ печатно сознался, что былъ виноватъ передъ нимъ, сомнѣваясь въ его искренности, но что теперь видитъ ясно, что ошибался¹. Впрочемъ, къ сожалѣнію, такихъ людей немного. Иные и до сихъ поръ еще, по какому-то непонятному для насъ упрямству, называютъ его іезуитомъ Тартюфомъ! Вотъ что думалъ я о Гоголѣ въ году, и вотъ почему такъ сильно желалъ я познакомиться съ нимъ и увидеть своими глазами этого знаменитаго автора, строгаго художника-монаха, возбудившаго столько шума и разныхъ толковъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ; сестра моя пріѣхала изъ Калуги и остановилась въ гостинницѣ Дрезденъ. При первомъ же свиданіи, она объявила мнѣ, что Гоголь здѣсь, и въ 6 часовъ вечера будетъ къ ней. Я, разумѣется, остался обѣдать и ждалъ Гоголя съ нетерпѣніемъ. Ровно въ 6 часовъ, вошелъ въ комнату человекъ маленькаго роста съ

¹ С. Т. Аксаковъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

длинными бѣлокурыми волосами причесанными *à la moujik*, маленькими карими глазками, и необыкновенно длиннымъ и тонкимъ, птичьимъ носомъ. Это былъ Гоголь! Онъ носилъ усы, чрезвычайно странно тарантилъ ногами, неловко махалъ одною рукой, въ которой держалъ палку и сѣрую пуховую шляпу; былъ одѣтъ вовсе не по модѣ и даже безъ вкуса. Улыбка его была очень добрая и пріятная, въ глазахъ замѣчалось какое-то нравственное утомленіе. Сестра моя познакомила насъ, и Гоголь дружески обнялъ меня, сказавъ сестрѣ: „ну теперь я знакомъ кажется со всѣми вашими братьями; это кажется самый младшій.“ Дѣйствительно, я былъ младшій. Мы сѣли вокругъ стола; разговоръ завязался о здоровьи; Гоголь внимательно спрашивалъ сестру о ея положеніи, давалъ какіе-то совѣты, и не сказалъ ничего замѣчательнаго. Вечеромъ я проводилъ его домой; намъ было по дорогѣ, потому что онъ жилъ тогда на Никитскомъ бульварѣ у графа А. П. Т.....го, а я у Никитскихъ воротъ. Гоголь говорилъ со мною о моей службѣ, и совѣтывалъ не брать видныхъ мѣстъ. „На нихъ всегда найдутся охотники, прибавилъ онъ; а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно въ этой должности полезнымъ; тогда вы увидите какъ будетъ вамъ весело на душѣ.“ Я отвѣчалъ, что надѣюсь скоро быть совѣтникомъ въ губернскомъ правленіи. „Вотъ и хорошо,“ отвѣчалъ Гоголь, тутъ работы будетъ много и пользу принести можно; это не то что франты чиновники по особымъ порученіямъ, или служба министерская; очень, очень радъ за васъ, и душевно поздравлю васъ, когда получите это мѣсто.“ На другой день, вечеромъ, Гоголь опять былъ у сестры, но почти все время молчалъ. Пришелъ С...; говорили много о Нѣмцахъ, шутили, смѣялись. С., со свойственнымъ ему остроуміемъ, представлялъ все въ лицахъ и смѣшилъ насъ до слезъ. Такъ прошелъ почти весь вечеръ. Гоголь упорно молчалъ и наконецъ сказалъ: „Да, Нѣмецъ вообще не очень пріятенъ; но ничего нельзя себѣ представить непріятнѣе Нѣмца-Ловеласа, Нѣмца-любезника, который хочетъ нравиться; тогда можетъ онъ дойти до страшныхъ нелѣпостей. Я встрѣтилъ однажды такого Ловеласа въ Германіи. Его возлюбленная, за которою онъ ухаживалъ долгое время безъ успѣха, жила на берегу какого-то пруда, и всѣ вечера проводила на балконѣ передъ

„этимъ прудомъ, занимаясь вязаніемъ чулокъ и наслаждаясь
„вмѣстѣ съ тѣмъ природой. Мой Нѣмецъ, видя безуспѣш-
„ность своихъ преслѣдованій, выдумалъ наконецъ вѣрное
„средство плѣнить сердце неумолимой Нѣмки. Ну что вы
„думаете? Какое средство? Да вамъ и въ голову не при-
„детъ что! Вообразите себѣ, онъ каждый вечеръ раз-
„дѣвшись бросался въ прудъ, и плавалъ передъ глазами сво-
„ей возлюбленной, обнявши двухъ лебедей, нарочно имъ
„для сего приготовленныхъ! Ужь право не знаю, зачѣмъ
„были эти лебеди, только нѣсколько дней сряду, каждый
„вечеръ, онъ все плавалъ и красовался съ ними передъ за-
„вѣтнымъ балкономъ. Воображалъ ли онъ въ этомъ что-то
„античное, мифологическое, или разчитывалъ на что-нибудь
„другое, только дѣло кончилось въ его пользу: Нѣмка дѣй-
„ствительно плѣнилась этимъ Ловеласомъ и вышла скоро
„за него замужъ“. Всѣ мы расхохотались, Гоголь же очень
„серіозно увѣрялъ, что это не выдумка, а фактъ, и что онъ
„можетъ даже назвать и Нѣмца и Нѣмку, которые живутъ
„и теперь еще счастливо на берегу все того же пруда. Когда
„мы остались втроемъ, сестра попросила Гоголя разказать
„ей что-нибудь о его путешествіи въ Іерусалимъ. „Теперь
„уже поздно, отвѣчалъ онъ, вамъ пора и на отдыхъ,
„лучше когда-нибудь въ другой разъ. Скажу вамъ только,
„что природа тамъ не похожа нисколько на все то, что мы
„съ вами видѣли; но тѣмъ не менѣе поражаетъ васъ сво-
„имъ великолѣпіемъ, своею шириной. А Мертвое море—что
„за прелесть! Я ѣхалъ съ Базили, онъ былъ моимъ путе-
„водителемъ. Когда мы оставили море, онъ взялъ съ меня
„слово, чтобъ я не смотрѣлъ назадъ, прежде чѣмъ онъ мнѣ
„скажетъ. Четыре часа продолжали мы наше путешествіе
„отъ самаго берега, въ степяхъ, и точно шли по ровному
„мѣсту, а между тѣмъ незамѣтно мы поднимались въ гору;
„я уставалъ, сердился, но все-таки сдержалъ слово и ни
„разу не оглянулся. Наконецъ Базили остановился, и ве-
„лѣлъ мнѣ посмотрѣть на пройденное нами пространство.
„Я такъ и ахнулъ отъ удивленія! Вообразите себѣ что я
„увидалъ! На нѣсколько десятковъ верстъ, тянулась степь
„все подъ гору; ни одного деревца, ни одного кустарника,
„все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи, или
„лучше сказать—горы, внизу, виднѣлось Мертвое море, а
„за нимъ прямо, и направо, и налѣво, со всѣхъ сторонъ

„опять то же раздолье, опять та же гладкая стена, поднимающаяся со всѣхъ сторонъ въ гору. Не могу вамъ описать какъ хорошо было это море, при захожденіи солнца! Вода въ немъ не синяя, не зеленая и не голубая, а фіолетовая. На этомъ далекомъ пространствѣ не было видно никакихъ неровностей у береговъ; оно было правильно-овальное и имѣло совершенный видъ большой чаши, наполненной какою-то фіолетовою жидкостію.“

Разказывая это, Гоголь оживился, говорилъ съ жаромъ, глаза его блестѣли; я узналъ поэта, и вспомнилъ лучшія лирическія мѣста въ его произведеніяхъ! На другой день, я съ сестрой заѣхалъ къ Гоголю утромъ. Въ комнатѣ его былъ большой безпорядокъ; онъ былъ занятъ чтеніемъ какой-то старинной ботаники. Покуда онъ разговаривалъ съ сестрой, я нескромно заглянулъ въ толстую тетрадь лежавшую на его письменномъ столѣ, и прочелъ только: *Генералъ-губернаторъ*,—какъ Гоголь бросился ко мнѣ, взялъ тетрадь и немного разсердился. Я сдѣлалъ это неумышленно и безсознательно, и тотчасъ же попросилъ у него извиненія. Гоголь улыбнулся, и спряталъ тетрадь въ ящикъ. „А что ваши *Мертвыя Души* Николай Васильевичъ?“ спросила у него сестра. „Да такъ себѣ подвигаются понемногу. Вотъ пріѣду къ вамъ въ Калугу, и мы „почитаемъ.“ Вообще Гоголь былъ очень веселъ и бодръ въ этотъ день. Вечеромъ онъ опять явился къ намъ въ гостиницу. Мы пили чай, а онъ красное вино съ теплою водой и сахаромъ. Въ одиннадцать часовъ я провожалъ его снова до Никитскихъ воротъ. Ночь была чудная, свѣтлая, теплая. Гоголь шелъ очень скоро и все повторялъ какіе-то звучные стихи. На Тверскомъ бульварѣ, мы встрѣтили стройную женщину, закутанную съ ногъ до головы въ черный плащъ. На лицо опущенъ былъ черный вуаль. Гоголь вдругъ остановился и сказалъ: „Знаете ли вы это двустишіе Н.....? ¹ А стихъ? какъ вамъ нравится рѣма: флера, „полотера?“

До моей квартиры онъ нѣсколько разъ повторилъ это двустишіе, и смѣялся.

Въ продолженіи двухъ недѣль, я видѣлся съ Гоголемъ

¹ Я не повторяю здѣсь этого двустишія: слишкомъ грязно! Н... писалъ всегда стихи въ этомъ родѣ, и сдѣлалъ себѣ имя этою спеціальностію.

почти каждый день; онъ былъ здоровъ, веселъ, но ничего не говорилъ ни о *Мертвыхъ Душахъ*, ни о *Перепискѣ съ друзьями*, и вообще, сколько я помню, ничего не сказалъ, все это время, особенно замѣчательнаго. Разъ только, ночью, когда я по обыкновенію провожалъ его до Никитскихъ воротъ, и намъ опять попалось на встрѣчу нѣсколько таинственныхъ лицъ женскаго пола, выползающихъ обыкновенно на бульваръ при наступленіи ночи, Гоголь сказалъ мнѣ: „Знаете ли, чтѣ на дняхъ случилось со мной? Я поздно „шелъ по глухому переулку, въ отдаленной части города: „изъ нижняго этажа одного грязнаго дома раздавалось „духовное пѣніе. Окна были открыты, но завѣшены лег- „кими кисейными занавѣсками, какими обыкновенно за- „вѣшиваются окна въ такихъ домахъ. Я остановился, за- „глянулъ въ одно окно, и увидалъ страшное зрѣлище! „Шесть или семь молодыхъ женщинъ, которыхъ постыдное „ремесло сейчасъ можно было узнать по бѣлиламъ и румя- „намъ покрывающимъ ихъ лица, опухлыя, изношенные, да „еще одна толстая старуха отвратительной наружности, „усердно молились Богу передъ иконой, поставленной въ „углу на шаткомъ столикѣ. Маленькая комната, своимъ „убранствомъ напоминающая всѣ комнаты въ такихъ прію- „тахъ, была сильно освѣщена нѣсколькими свѣчами. Свя- „щенникъ въ облаченіи служилъ всенощную, дьяконъ съ „причтомъ пѣлъ стихиры. Развратницы усердно клали по- „клоны. Болѣе четверти часа простоялъ я у окна... На улицѣ „никого не было, и я помолился вмѣстѣ съ ними, дождав- „шись конца всенощной. Страшно, очень страшно, продол- „жалъ Гоголь; эта комната въ безпорядкѣ имѣющая свой „особенный видъ, свой особенный воздухъ, эти раскрашен- „ныя развратныя куклы, эта толстая старуха, и тутъ же— „образа, священникъ, Евангеліе и духовное пѣніе! Не правда „ли, что все это очень страшно?“ Этотъ разказъ Гоголя напомнилъ мнѣ сцену изъ *Клариссы Гарло*. Тамъ тоже Ричардсонъ описываетъ сцену въ этомъ родѣ!

Наконецъ, сестра моя уѣхала въ свою калужскую деревню, и Гоголь далъ ей слово пріѣхать погостить къ ней на цѣлый мѣсяцъ. Я собирался тоже туда, и мы сговорились съ нимъ ѣхать вмѣстѣ. На недѣлѣ, два или три раза, Гоголь заходилъ ко мнѣ, но не заставалъ дома. Въ послѣдній разъ онъ приказалъ сказать мнѣ, что готовъ ѣхать, и

просить меня дать ему знать, какъ, въ чемъ и когда мы отправимся. У меня былъ прекрасный, большой тарантасъ, въ родъ коляски на дрогахъ. Гоголь былъ очень доволенъ экипажемъ, и увѣрялъ меня, что въ телѣгахъ и тарантасахъ ѣздить очень здорово, особенно людямъ подверженнымъ ипохондріи и геморою. Когда наступилъ день отъѣзда, Гоголь пріѣхалъ ко мнѣ съ своимъ *маленькимъ* чемоданомъ и *большимъ* портфелемъ. Этотъ знаменитый портфель, заключалъ въ себѣ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, тогда уже почти конченныхъ вчернѣ.

Могъ ли думать Гоголь, что никто не прочтетъ того, надъ чѣмъ онъ въ то время такъ бодро трудился, что та же участь, какая постигла *первый второй* томъ, ожидаетъ и эти разрозненные листы, тщательно отъ всѣхъ скрываемые до времени.

Портфеля не покидалъ Гоголь во всю дорогу. На станціяхъ онъ бралъ его въ комнаты, а въ тарантасѣ ставилъ всегда подлѣ себя, и опирался на него рукою. Не мудрено, что онъ такъ заботился о немъ: здѣсь было все: его достояніе, все прошедшее и будущее, вся его слава! Грустно подумать, что все это погибло навсегда,—и зачѣмъ погибло? Кто изъ насъ дастъ отвѣтъ на это „зачѣмъ“? Кто можетъ сказать утвердительно, что знаетъ какая мысль, какое чувство, руководили поэта, когда онъ предавалъ пламени свое любимое дѣтище, плодъ долгой борьбы и мучительныхъ вдохновеній!

Я взялъ съ собою въ Калугу одного Француза вмѣсто камердинера, предобраго малаго, но до чрезвычайности тупаго и глупаго. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ Москвы, и кромѣ того, будучи слабаго здоровья, съ великимъ удовольствіемъ отправлялся со мной, чтобы подышать деревенскимъ воздухомъ. Наконецъ, въ 5- часовъ вечера, мы усѣлись съ Гоголемъ въ тарантасъ, Французъ взобрался на козлы, ямщикъ стегнулъ лошадей, и все пошло плясать и подпрыгивать по мостовой до самой Серпуховской заставы. Французъ, не привыкшій къ такому экипажу, безпрестанно вскрикивалъ, держась за бока, и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы только и слышали: *Sacristie!... Diable de tarantasse!* Гоголь смѣялся отъ души, и при всякомъ новомъ толчкѣ все приговаривалъ: „Ну еще!... ну хорошенько его, хорошенько... вотъ такъ!... А что Французъ, будешь помнить тарантасъ?“ Ямщика тоже забав-

лялъ гнѣвъ моего Француза, и онъ не только не сдерживалъ лошадей, но какъ нарочно ѣхалъ крупною рысью черезъ весь городъ. Наконецъ, потянулось передъ нами прямое, какъ вытянутая лента, шоссе и мы поскакали, качаясь какъ въ люлькѣ, въ нашемъ легкомъ тарантасѣ. Даже Французу понравилась такая шибкая ѣзда, и онъ закуривъ сигару, безпрестанно поворачивался къ намъ, и какъ-то весело улыбался, при чемъ называлъ Гоголя—*M-r Gogo*. Я нѣсколько разъ поправлялъ его; но онъ извинялся и черезъ пять минутъ, опять называлъ его также. Въ продолженіи всего мѣсяца, пока мы оставались въ Калугѣ, онъ никакъ не могъ запомнить, что Гоголя зовутъ *Гоголь* а не *Gogo*. Такъ ѣхали мы до Малоярославца. Гоголь много бесѣдовалъ со мной; мы говорили о русской литературѣ, о Пушкинѣ, въ которомъ онъ любилъ удивительно добраго и снисходительнаго человѣка, и умнаго, великаго поэта. Говорили о Языковѣ, о Баратынскомъ. Гоголь превосходно прочелъ мнѣ два стихотворенія Языкова: *Землетрясеніе* и еще другое. По его мнѣнію, *Землетрясеніе* было лучшее русское стихотвореніе. Потомъ говорилъ Гоголь о Малороссіи, о характерѣ Малороссіянина, и такъ развеселился, что сталъ разказывать анекдоты, одинъ другаго забавнѣе и остроумнѣе. Къ сожалѣнію, всѣ они такого рода, что не годятся для печати. Особенно забавенъ показался мнѣ анекдотъ о кавказскомъ героѣ, генералѣ Вельяминовѣ, верблюдовъ и военномъ докторѣ Малороссіянинѣ. Мы много смѣялись, Гоголь былъ въ духѣ, безпрестанно снималъ свою круглую сѣрую шляпу, скидывалъ свой зеленый камлотовый плащъ, и казалось, вполне наслаждался чуднымъ теплымъ іюньскимъ вечеромъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ полей. Наконецъ, когда совершенно стемнѣло, мы оба задремали, и проснулись только въ 12 часовъ утра отъ солнечныхъ лучей, которые стали сильно жарить лица наши. Малоярославецъ былъ уже въ виду. Вдругъ ямщикъ остановился, передалъ вожжи Французу и соскочилъ съ козелъ. „Что случилось?“ спросилъ я.— „Тарантасъ сломался“ отвѣчая хладнокровно ямщикъ, загаядывая подъ тарантасъ. „Одна дорога треснула, да заднее колесо не совсѣмъ-то здорово... не доѣдешь, баринъ, здѣсь чинить надоть!...“ Экая досада, а мы хотѣли поспѣть вечеромъ въ деревню; но дѣлать было нечего, надо было кое-какъ доѣхать до станціи, и мы шажкомъ поплелись по

скверной городской мостовой. Когда тарантасъ нашъ остановился передъ станціоннымъ домомъ, толпа ямщиковъ съ любопытствомъ окружила его, и каждый почелъ долгомъ осмотрѣть дрогу, заднее колесо, и потомъ сказать свое мнѣніе. Гоголь тоже очень внимательно разсматривалъ экипажъ. Въ это время я замѣтилъ вдали какія-то дрожки и на нихъ человекъ въ военной шинели. Узнавъ отъ станціоннаго смотрителя, что это городничій, я вспомнилъ, что зналъ его прежде, когда служилъ въ Калугѣ, а потому сталъ знаками просить его подъѣхать къ намъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что велѣлъ кучеру ѣхать въ нашу сторону. Я пошелъ къ нему навстрѣчу, и, объяснивъ наше положеніе, просилъ помочь намъ своимъ вліяніемъ. Городничій, баронъ Э... кликнулъ ямщиковъ, послалъ за кузнецами, условился въ цѣнѣ и велѣлъ, чтобы все было готово черезъ часъ. Успокоивъ меня такимъ образомъ, онъ вдругъ спросилъ меня совсѣмъ неожиданно: позвольте узнать, кто ѣдетъ съ вами въ свѣрой шляпѣ? Гоголь, отвѣчалъ я.—Какой Гоголь? вскрикнулъ городничій! Ужъ не писатель ли Гоголь, сочинившій *Ревизора*?—Онъ самый.—Ахъ сдѣлайте одолженіе, познакомьте меня съ нимъ; я много уважаю этого сочинителя, читалъ всѣ его сочиненія, и былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ могъ поговорить съ нимъ. Я зналъ странный характеръ Гоголя, нелюбившаго никакихъ новыхъ знакомствъ, и потому боялся, что онъ послѣ будетъ сердиться на меня, если я представлю ему городничаго; но отказать любезному майору въ такой пустой вещи за всѣ его хлопоты не было возможности, и я повелъ его прямо къ Гоголю.—Николай Васильевичъ, позвольте вамъ представить начальника здѣшняго города барона Э... по милости котораго, мы еще можемъ поспѣть сегодня въ деревню.—Къ моему удивленію, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянулъ ему руку, прибавивъ: очень радъ съ вами познакомиться.—А я совершенно счастливъ, что вижу нашего знаменитаго писателя, отвѣчалъ городничій; давно желалъ гдѣ-нибудь васъ увидѣть; читалъ всѣ ваши сочиненія и *Мертвыя Души*, но въ особенности люблю *Ревизора*, гдѣ вы такъ вѣрно описали нашего брата городничаго. Да, встрѣчаются до сихъ поръ еще... встрѣчаются такіе городничіе.

Гоголь улыбнулся и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ, только полтора года.

— А городокъ, кажется, порядочный?

— Помилуйте, прескверный городишка, скука смертная, общества никакого!

— Ну а кромѣ чиновниковъ, живутъ ли здѣсь помѣщики?

— Есть, но немного, всего три семейства, но отъ нихъ никакого прока, всѣ между собой въ ссорѣ.

— Отчего это, за что поссорились?

Тутъ я оставилъ Гоголя съ городничимъ, и пошелъ на станцію. Черезъ четверть часа, я засталъ ихъ еще на томъ же мѣстѣ. Гоголь говорилъ съ нимъ уже о купцахъ, и внимательно спрашивалъ, кто именно и чѣмъ торгуетъ, гдѣ сбываетъ свои товары, какимъ промысломъ занимаются крестьяне въ уѣздѣ; бывають ли въ городѣ ярмарки и тому подобное. Я перебилъ ихъ живой разговоръ предложеніемъ Гоголю позавтракать. Услыхавъ это, городничій сталъ извиняться, что уже отобѣдалъ, и потому жалѣетъ, что не можетъ просить насъ къ себѣ; но кликнувъ будочника, послалъ его впередъ въ трактиръ, приготовить намъ особенную комнату и обѣдъ, а самъ пошелъ провожать насъ. Гоголь впился въ моего городничаго, какъ пиявка, и не уставалъ спрашивать его обо всемъ, что его занимало. У трактира городничій съ нами раскланялся. На сцену явился половой, и бойко повелъ насъ по лѣстницѣ въ особый номеръ. Гоголь сталъ заказывать обѣдъ, выдумалъ какое-то новое блюдо изъ ягодъ, муки, сливокъ и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обѣдали, онъ все время разговаривалъ съ половымъ, спрашивалъ его, откуда онъ, сколько получаетъ жалованья, гдѣ его родители, кто чаще другихъ заходитъ къ нимъ въ трактиръ, какое кушанье больше любятъ чиновники въ Малоярославцѣ, и какую водку употребляютъ, хорошъ ли у нихъ городничій и тому подобное. Разспросилъ о всѣхъ живущихъ въ городѣ и близь города, и остался очень доволенъ остроумными отвѣтами бойкаго парня въ бѣлой рубашкѣ, который лукаво улыбался, сплетничалъ на славу, и, какъ я полагаю, намѣренно отвѣчалъ всякій разъ такъ, чтобы вызвать Гоголя на новые разспросы и шутки. На конецъ, ровно черезъ часъ, тарантасъ подкатилъ къ крыльцу, и мы простившись съ шоссей, поѣхали уже по большой

калужской дорогѣ. Гоголь продолжалъ быть въ духѣ, восхищался свѣжею зеленью деревьевъ, безоблачнымъ небомъ, запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и всѣми прелестями деревни. Мы ѣхали довольно тихо, а онъ безпрестанно останавливалъ кучера, выскакивалъ изъ тарантаса, бѣжалъ чрезъ дорогу въ поле, и срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ; потомъ садился, рассказывалъ мнѣ довольно подробно, какого онъ класса, рода, какое его лѣчебное свойство, какъ называется онъ по-латыни, и какъ называютъ его наши крестьяне. Окончивъ трактатъ о цвѣткѣ, онъ втыкалъ его передъ собой за козлами тарантаса, и черезъ пять минутъ, опять бѣжалъ за другимъ цвѣткомъ, опять объяснялъ мнѣ его качества, происхожденіе и ставилъ на то же мѣсто. Такимъ образомъ, черезъ часъ съ небольшимъ, образовался у насъ въ тарантасѣ цѣлый цвѣтникъ желтыхъ, лиловыхъ, розовыхъ цвѣтовъ. Гоголь признался, что всегда любилъ ботанику и въ особенности любилъ знать свойства, качества растеній, и доискиваться, подъ какими именами эти растенія извѣстны въ народѣ и на что имъ употребляются. Терпѣть не могу, прибавилъ онъ, эти новыя ботаники, въ которыхъ темно и ученымъ слогомъ толкуютъ о вещахъ самыхъ простыхъ. Я всегда читаю тѣ старинныя ботаники и русскія и иностранныя, которыя теперь уже не въ модѣ, а которыя между тѣмъ сто разъ лучше объясняютъ вамъ дѣло.

Но вотъ мы свернули съ большой дороги, и поѣхали проселкомъ. Солнце садилось. Гоголь то и дѣло спрашивалъ меня, да гдѣ же это Бѣгичево? Наконецъ, направо отъ дороги показалось бѣлое каменное строеніе, блеснуло между деревьями прудъ, и черезъ пять минутъ мы подъѣхали къ крыльцу господскаго дома. Намъ, разумѣется, очень обрадовались, напоили насъ чаемъ, и мы скоро улеглись спать. На другой день, Гоголь уже бѣгалъ по старинному, стриженному саду съ прямыми аллеями, и вернулся усталый.

Четыре дня, проведенные нами въ деревнѣ, не оставили во мнѣ никакихъ особенныхъ воспоминаній... Помню, что мы ходили въ большомъ обществѣ за грибами, помню, что ѣздили въ длинной, восьми-мѣстной линейкѣ въ имѣнье г. Гончарова въ пяти верстахъ отъ Бѣгичева, гдѣ одно время, кажется, вскорѣ послѣ свадьбы своей, жилъ Пушкинъ; помню, что каждый вечеръ читалъ намъ Гоголь *Одиссею* въ переводѣ Жуковского и восхищался каждой строчкой. Читалъ онъ

стихи превосходно и досадовалъ, когда мы не восхищались тѣми мѣстами, на которыя онъ особенно указывалъ; вотъ и все.

На пятый день, мы переѣхали въ Калугу, въ загородный губернаторскій домъ. При переѣздѣ, я ѣхалъ въ коляскѣ съ Гоголемъ и моимъ зятемъ. Здѣсь, въ первый разъ, Гоголь произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе и даже, могу сказать, разсердилъ меня. Заговорили объ охотѣ. Надобно знать, что зять мой имѣетъ отличную охоту, и его борзые и въ особенности гончія извѣстны всѣмъ знаменитымъ русскимъ охотникамъ, и собиралъ онъ ее, а теперь поддерживаетъ съ знаніемъ дѣла и съ любовью. Гоголь вмѣшивался безпрестанно въ разговоръ, спорилъ съ моимъ зятемъ, не понимая дѣла, и вообще высказалъ много самонадѣянности и мало желанія узнать отъ стариннаго охотника то, что ему подробнѣе и лучше было извѣстно чѣмъ Гоголю. Послѣ заговорили о сельскомъ хозяйствѣ. У зятя моего около пяти тысячъ душъ въ шести губерніяхъ, и онъ всегда самъ управлялъ своими имѣніями, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ, хотя на опытѣ только узнать болѣе чѣмъ Гоголь, который, сколько мнѣ извѣстно, никогда не занимался хозяйствомъ, и если зналъ что, то отъ другихъ помѣщиковъ; но онъ и тутъ не преминулъ поспорить; говорилъ свысока, какимъ-то диктаторскимъ тономъ, однѣ общія мѣста, не выслушивалъ опроверженій, и вообще показался мнѣ самолюбивымъ, самонадѣяннымъ, гордымъ и даже неумнымъ человекомъ. Я не боюсь нисколько сказать здѣсь откровенно мое мнѣніе, но и тогда, и послѣ, также какъ и въ этотъ разъ, я замѣчалъ въ Гоголѣ странную претензію знать все лучше другихъ. Онъ иногда, правда, спрашивалъ специалистовъ, но спрашивалъ ихъ такимъ образомъ, что клонилъ всѣ подробности и объясненія въ ту сторону, куда ему хотѣлось, чтобы набрать еще болѣе подтвержденій той мысли, или тому понятію, которыя онъ себѣ составилъ уже заранее о предметахъ. Если вы разказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свѣтъ на отдѣльнаго человека, или даже на цѣлое сословіе, онъ никогда не старался вникнуть внимательно въ вашъ разказъ, замѣтить, насколько онъ былъ справедливъ, и усвоить его себѣ или взять изъ него что-нибудь, какъ бы слѣдовало писателю съ такимъ

громаднымъ талантомъ, задумавшему описать всю Россію въ одной псѣмѣ,—нѣтъ. Онъ просто переставалъ васъ слушать, дѣлался разсѣяннымъ, и ясно показывалъ вамъ, что разказъ не занимаетъ его. Учиться у другихъ онъ не любилъ, и вотъ какимъ образомъ объясняются тѣ промахи, которые были замѣчены всѣми въ его сочиненіяхъ! Онъ не зналъ нашего гражданскаго устройства, нашего судопроизводства, нашихъ чиновническихъ отношеній, даже нашего купеческаго быта; однимъ словомъ, вещи самыя простыя, извѣстныя послѣднему гимназисту, были для него новостію.

Заглядывая въ душу русскаго человѣка, подмѣчая всѣ малѣйшія оттѣнки его душевныхъ слабостей, вырывая всеэто съ необыкновеннымъ искусствомъ въ своихъ произведеніяхъ, онъ не обращалъ вниманія на внѣшнее устройство Россіи, на всѣ малыя пружины, которыми двигается машина, и вотъ почему онъ серіозно думалъ, что у насъ существуютъ еще капитанъ-исправники, что и теперь еще возможно безъ свидѣтельствъ совершать купчія крѣпости въ гражданскихъ палатахъ, что никто не спроситъ подорожной у проѣзжаго чиновника и, отпустить ему курьерскихъ лошадей, не узнавъ его фамиліи, что наконецъ въ домѣ у губернатора, во время бала, можетъ сидѣть пьяный помѣщикъ и хватать за ноги танцующихъ гостей. И много, очень много подобныхъ несообразностей можно отыскать въ сочиненіяхъ Гоголя. Иной разъ подумаешь, что онъ описываетъ какое-то далекое прошедшее, извѣстное намъ по преданіямъ; а между тѣмъ разговоръ о 12-мъ годѣ, генералъ-губернаторъ, и другія мѣста, показываютъ, что онъ желалъ рисовать Россію въ ея настоящемъ видѣ. Разумѣется, все это нисколько не можетъ вредить произведеніямъ Гоголя, и не отнимаетъ у нихъ нравственнаго ихъ достоинства. Характеры его героевъ все тѣже; задуманы глубоко, подмѣчены вѣрно, и выражены съ необыкновеннымъ талантомъ, но подтверждаютъ вполне мое мнѣніе, и доказываютъ только, что Гоголь не желалъ научиться чему-нибудь отъ другихъ и не любилъ никакихъ противорѣчій. Такъ поступалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось важныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ, въ искусствѣ, или даже какомъ-нибудь новомъ изобрѣтеніи ума человѣческаго. Сколько разъ приходилось мнѣ удивляться громадности его

способностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что въ немъ таится такъ много гордости. Вдругъ заговорить Гоголь о какой-нибудь картинѣ и выскажетъ при этомъ свои понятія объ искусствѣ, и выскажетъ прекрасно, думая, что для васъ это новость, а между тѣмъ эта мысль уже была высказана прежде гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь сочиненіи, о которомъ Гоголь не имѣлъ никакого понятія! Онъ дѣйствительно дошелъ до этой мысли самъ, выработалъ ее въ головѣ своей, вслѣдствіе долгихъ разсужденій объ искусствѣ, а не взялъ ее изъ книги совсѣмъ готовою. Такъ поступалъ онъ и въ исторіи. Онъ не читалъ никакихъ новыхъ сочиненій, новыхъ критикъ и разныхъ взглядовъ на замѣчательныя историческія личности, или цѣлыя историческія эпохи, а между тѣмъ, съ необыкновенною геніальностію, угадывалъ ихъ міровое значеніе, и выражалъ это, какъ истинный художникъ, въ свѣтлыхъ, прекрасныхъ и поэтическихъ формахъ. Разумѣется жаль, что Гоголь, и для своего предмета, для своихъ сочиненій, пренебрегалъ этими бездѣлицами, и не далъ себѣ труда узнать, что русское общество далеко ушло впередъ, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ и гражданскомъ устройствѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ вглядываться въ нее, а занялся, какъ самъ онъ говоритъ въ своей Авторской Исповѣди, исключительно душою Русскаго человѣка. Разумѣется, тѣмъ, которые понимаютъ искусство, эти маленькіе промахи не мѣшаютъ наслаждаться его произведеніями, но за то люди, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ, критики, которымъ Гоголь былъ всегда, какъ бѣльмо на глазу, которые никогда не любили его за то, что онъ сдѣлалъ себѣ славное имя въ русской литературѣ, безъ всякой помощи съ ихъ стороны, не прибѣгая къ ихъ покровительству,—эти люди схватились съ радостью за эти промахи, и, выказывая всѣ эти маленькія несообразности передъ читателями, повторяли, а нѣкоторые повторяютъ и до сихъ поръ еще, кстати и некстати:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Гоголь самъ далъ имъ орудіе противъ себя; а между тѣмъ исправить эти мелочи было такъ легко; ему стоило

бы для этого разспросить перваго губернскаго чиновника и наконецъ любого господина изъ провинціи!

По прїѣздѣ въ Калугу, Гоголь и я помѣстились во флигелѣ, въ двухъ комнаткахъ рядомъ. По утрамъ Гоголь запирался у себя, что-то писалъ, всегда стоя, потомъ гулялъ по саду одинъ, и являлся въ гостиную передъ самымъ обѣдомъ. Отъ обѣда до поздняго вечера, онъ всегда оставался съ нами, или съ сестрой, гулялъ, бесѣдовалъ и былъ большую часть времени веселъ; съ чиновниками и ихъ женами онъ знакомился мало и неохотно, а они смотрѣли на него съ любопытствомъ и нѣкоторымъ удивленіемъ. Иногда Гоголь поражалъ меня своими странностями. Вдругъ явится къ обѣду въ яркихъ желтыхъ панталонахъ и въ жилетѣ свѣтлоголубаго, бирюзоваго цвѣта; иногда же одѣнется весь въ черное, даже спрячетъ воротничокъ рубашки и волосы не причешетъ, а на другой день, опять безъ всякой причины, явится въ платьѣ яркихъ цвѣтовъ, приглаженный, откроетъ бѣлую, какъ снѣгъ, рубашку, развѣситъ золотую цѣпь по жилету, и весь смотритъ какимъ-то именинникомъ. Одѣвался онъ вообще безъ всякаго вкуса, и, казалось, мало заботился объ одеждѣ, а за то, въ другой разъ, надѣнетъ что-нибудь очень безобразное, а между тѣмъ видно, что онъ много думалъ, какъ бы нарядиться покрасивѣе. Знакомые Гоголя увѣряли меня, что иногда встрѣчали его въ Москвѣ у куаферовъ и что онъ завивалъ свои волосы. Усами своими онъ тоже занимался не мало. Странно все это въ человѣкѣ, который такъ тонко смѣялся надъ смѣшными привычками и слабостями другихъ людей; отъ вниманія котораго ничего не ускользало, и который подмѣчалъ не только душевныя качества и недостатки человѣка, не только его наружность въ совершенствѣ, но и какъ онъ говоритъ, ходитъ, встаетъ, спитъ, одѣвается, всю его внѣшность до послѣдней булавки, до самой ничтожной вещи, отличающей его отъ другихъ людей. Кто зналъ Гоголя коротко, тотъ не можетъ не вѣрить его признанію, когда онъ говоритъ, что большую часть своихъ пороковъ и слабостей онъ передавалъ своимъ героямъ, осмѣивалъ ихъ въ своихъ повѣстяхъ, и такимъ образомъ избавлялся отъ нихъ навсегда. Я рѣшительно вѣрю этому наивному откровенному признанію. Гоголь былъ необыкновенно строгъ къ себѣ, постоянно боролся съ своими слабостями, и отъ этого часто

впадалъ въ другую крайность, и бывалъ иногда такъ странный и оригиналенъ, что многіе принимали это за аффектацію и говорили, что онъ рисуется. Много можно привести доказательствъ тому, что Гоголь дѣйствительно работалъ всю свою жизнь надъ собою, и въ своихъ сочиненіяхъ осмѣивалъ часто самого себя. Вотъ, покуда, что извѣстно и чему я былъ свидѣтелемъ. Гоголь любилъ хорошо поѣсть, и въ состояніи былъ, какъ Пѣтухъ, толковать съ поваромъ цѣлый часъ о какой-нибудь кулебякѣ; наѣдался очень часто до того, что бывалъ боленъ; о малороссійскихъ вареникахъ и пампушкахъ говорилъ съ наслажденіемъ и такъ увлекательно, что у *мертвого разсѣлся аппетитъ*, въ Италіи самъ бѣгалъ на кухню, и учился готовить макароны. А между тѣмъ онъ очень рѣдко позволялъ себѣ такія увлеченія и былъ въ состояніи довольствоваться самою скудною пищею, и постился иногда какъ самый строгій отшельникъ, а во время говѣнья почти ничего не ѣлъ. Гоголь очень любилъ и цѣнилъ хорошія вещи и въ молодости, какъ самъ онъ мнѣ говорилъ, имѣлъ страстишку къ приобрѣтенію разныхъ ненужныхъ вещей: чернилицъ, вазочекъ, пресъ-папье и пр. Страсть эта могла бы, безъ сомнѣнія, развиться въ громаднѣйшій порокъ Чичикова хозяина-приобрѣтателя. Но отказавшись разъ навсегда отъ всякихъ удобствъ, отъ всякаго комфорта, отдавъ свое имѣніе матери и сестрамъ, онъ уже никогда ничего не покупалъ, даже не любилъ заходить въ магазины, и могъ, указывая на свой маленькій чемоданъ, сказать скорѣй другаго: *оттѣа теситъ porto*, — потому, что съ этимъ чемоданчикомъ онъ прожилъ почти тридцать лѣтъ, и въ немъ дѣйствительно было все его достояніе. Когда случалось, что друзья, не зная его твердаго намѣренія не имѣть ничего лишняго и затѣйливаго, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то онъ приходилъ въ волненіе, дѣлался скученъ, озабоченъ, и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Вещь ему нравилась, она была въ самомъ дѣлѣ хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный столъ, необходимо было особое мѣсто въ чемоданѣ, и Гоголь скучалъ все это время, покуда продолжалась нерѣшительность, и успокоивался только тогда, когда дарилъ ее кому-нибудь изъ пріятелей. Такъ, въ самыхъ бездѣлицахъ онъ былъ твердъ и непоколебимъ. Онъ

боялся всякаго увлеченія. Разъ въ жизни удалось ему скопить небольшой капиталъ, кажется въ 5,000 р. с., и онъ тотчасъ же отдаетъ его, подъ большою тайною, своему пріятелю профессору, для раздачи бѣднымъ студентамъ, чтобы не имѣть никакой собственности и не получить страсти къ приобрѣтенію; а между тѣмъ черезъ полъ-года уже, самъ нуждается въ деньгахъ и долженъ прибѣгнуть къ займамъ. Вотъ еще одинъ примѣръ. Глава перваго тома *Мертвыхъ Душъ* оканчивается такимъ образомъ: одинъ капитанъ страстный охотникъ до сапоговъ, полежитъ, полежитъ и соскочитъ съ постели, чтобы примѣрить сапоги и походить въ нихъ по комнатѣ, потомъ опять ляжетъ и опять примѣряетъ ихъ. Кто повѣритъ, что этотъ страстный охотникъ до сапоговъ никто иной, какъ самъ Гоголь? И онъ даже нисколько не скрывалъ этого, и признавался въ этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность къ чему бы то ни было. Въ его маленькомъ чемоданѣ всего было очень немного и платья и бѣлья ровно столько, сколько необходимо, а сапогъ было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень можетъ быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя одинъ въ комнатѣ, надѣвалъ новую пару, и наслаждался какъ и тотъ капитанъ, формою своихъ сапогъ, а послѣ самъ же смѣялся надъ собою.

Черезъ недѣлю съ небольшимъ, послѣ нашего пріѣзда въ Калугу въ одно утро я захотѣлъ войти къ сестрѣ моей въ кабинетъ; но мнѣ сказали, что тамъ Гоголь читаетъ свои сочиненія, и что сестра просила, по желанію Гоголя, никого не впускать къ ней. Постоявъ у дверей, я дѣйствительно услышалъ чтеніе Гоголя. Оно продолжалось до обѣда. Вечеромъ сестра разказывала мнѣ, что Гоголь прочелъ ей нѣсколько главъ изъ втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, и что все имъ прочитанное было превосходно. Я, разумѣется, просилъ ее уговорить Гоголя допустить и меня къ слушанію; онъ сейчасъ же согласился и на другой день мы собрались для этого, въ одиннадцать часовъ утра, на балконѣ, уставленномъ цвѣтами. Сестра сѣла за пядьцы, я покойно помѣстился въ креслѣ противъ Гоголя, и онъ началъ читать намъ сначала ту первую главу втораго тома, которая вышла въ свѣтъ послѣ его смерти уже. Сколько мнѣ помнится, она начиналась иначе и, вообще, была лучше обра-

ботана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: Англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то Испанецъ, или Португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ, и не извѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ, и только непрерывно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто—Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ, и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ Испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, непрерывно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими.....“ „Черненькими, ваше превосходительство,“ перебивалъ его Чичиковъ. „Да, повторялъ генералъ, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ.“ Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ смѣясь повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затрудняя генерала своими ходами, и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привести съ собою Тентетникова. Приѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ рассказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ,

что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается, и чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему прѣхать съ визитомъ, и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Уленьку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра-же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это ободряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того-же дня Чичиковъ признается Тентетникову, — что совралъ разказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобъ его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала; встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Уленькой, и наконецъ обѣдъ. Описание этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Уленька, подлѣ Тентетникова Испанецъ, а между Испанцемъ и Уленькой Англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Уленька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Уленька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, Испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучший кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на

тарелку. Послѣ втораго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи, и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ, и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій, и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчательнъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно по его мнѣнію то, что весь народъ всталъ какъ одинъ человѣкъ въ защиту отечества; что всѣ разчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе, и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ бриліантъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Уленька? Она вся впиалась глазами въ Тентетникова, она, казалось, ловила съ жадностію каждое его слово, она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами, она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку, Англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе; „Да, сказалъ онъ, страшныя холода были въ 12-мъ году!“ — „Не о холодахъ тутъ рѣчь,“ замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; — но Тентетниковъ, былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Уленьки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого, я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня, Уленька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ.

Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался, и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, вѣвъ себя отъ счастья, оставилъ на минуту Уленьку, и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному, съ самимъ собою: счастье его душило!... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ—въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомые, и наконецъ все то, чтó чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый!—Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ, и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастьемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?... всей моей жизни мало для этого...“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай, отвѣчалъ онъ, я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня! „Чѣмъ, чѣмъ“ повторилъ Тентетниковъ, скажите скорѣе, и я все сдѣлаю. Тутъ Чичиковъ разказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ, и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да за чѣмъ же непременно мертвыхъ“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую.“ Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія! „Какъ вы не боитесь сдѣлать это?... вы не боитесь, что я могу васъ об-

мануть... употребить во зло ваше довѣріе?" Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ? воскликнулъ онъ, сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ оубо чѣмъ жизнью.“ Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень беспокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ обѣхать всѣхъ родныхъ генерала, и извѣстить о помолвкѣ Уленьки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣже мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностію. Чего лучше? думалъ генералъ, онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты, на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ генерала Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку, и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился, и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску.

Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ втораго

тома *Мертвыхъ Душъ*. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ. Она разказывала мнѣ послѣ, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проводшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ, она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей ихъ окружающихъ какимъ то великимъ счастьемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга, и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастье было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія, они замѣчаютъ, что эта была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе и потомъ опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать, въ этотъ разъ, еще болѣе чѣмъ прежде. Сестра увѣряла меня, а С. П. Шевыревъ подтвердилъ, что характеръ этой женщины, и вообще вся ея связь съ Платоновымъ, изображены были у Гоголя съ такимъ мастерствомъ, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до насъ, потому что мы всѣ остаемся теперь въ томъ убѣжденіи, что Гоголь не умѣлъ изображать женскіе характеры; и дѣйствительно вездѣ, гдѣ они являлись въ его произведеніяхъ, они выходили слабы и блѣдны. Это было замѣчено даже всѣми критиками.

Когда Гоголь окончилъ чтеніе, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ. Ну что вы скажете? Нравится ли вамъ?—Удивительно, неподобно! воскликнулъ я. Въ этихъ главахъ вы гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ; тутъ вездѣ слышится жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличеній; а описаніе сада—верхъ совершенства.—Ну, а не сдѣлаете ли вы мнѣ какого-либо замѣчанія? Нѣтъ ли тутъ вещи, которая бы вамъ несовсѣмъ понравилась? возразилъ снова Гоголь.—Я немного подумалъ, и откровенно отвѣчалъ ему, что Уленька кажется мнѣ лицомъ немного идеальнымъ,

блѣднымъ, неоконченнымъ. Къ тому же, прибавилъ я, вы изобразили ее какимъ-то совершенствомъ, а не говорите между тѣмъ, отчего она вышла такою, кто въ этомъ виновать, каково было ея воспитаніе, кому она этимъ обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой Англичанкѣ. Гоголь немного задумался, и прибавилъ: „Можетъ быть и такъ. Впрочемъ въ послѣдующихъ главахъ она выдетъ у меня рельефнѣе. Я вообще несовсѣмъ доволенъ; еще много надо будетъ дополнить, чтобы характеры вышли покрупнѣе.“ Онъ не былъ доволенъ, а мнѣ казалось, что я не выбросилъ бы ни единого слова, не прибавилъ ни одной черты: такъ все было обработано и окончено, кромѣ одной Уленьки.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія, я и братъ мой К. О. Р. собрались поздно вечеромъ у графа А. К. Т., который былъ тогда въ Калугѣ. Разговоръ зашелъ о Гоголѣ; каждый изъ насъ дѣлалъ свои замѣчанія о немъ и его характерѣ, о его странностяхъ. Разбирали его, какъ писателя и какъ человѣка, и многое казалось намъ въ немъ необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ напримѣръ согласить его постоянное стремленіе къ нравственному совершенству съ его гордостію, которой мы всѣ были не разъ свидѣтелями? его удивительно тонкій, наблюдательный умъ, видный во всѣхъ его сочиненіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обыкновенной жизни, какую-то тупость и непониманіе вещей самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ? Вспомнили мы также его странную манеру одѣваться, и его насмѣшки надъ тѣми кто одѣвался смѣшно и безъ вкуса; его религіозность и смиреніе, и слишкомъ уже подчасъ странную нетерпѣливость и малое снисхожденіе къ ближнимъ; однимъ словомъ, нашли бездну противорѣчій, которыя, казалось, трудно было и совмѣстить въ одномъ человѣкѣ. При этомъ братъ мой сдѣлалъ замѣчаніе, которое поразило тогда своею вѣрностію и меня, и графа Т. Онъ нашелъ большое сходство между Гоголемъ и Жанъ-Жакомъ Руссо. И въ самомъ дѣлѣ, разбирая жизнь Руссо, читая его исповѣдь и его письма, нельзя не замѣтить въ немъ множества тѣхъ же достоинствъ, слабостей и недостатковъ, которые поражаютъ насъ въ Гоголѣ. Кто коротко зналъ послѣдняго, тотъ согласится съ нами. Постараемся доказать это сравненіями. Руссо никогда не готовился быть писателемъ, и никогда ничему не учился систематически. Обширныя познанія, ко-

торыя поражаютъ насъ въ его сочиненіяхъ, пріобрѣтены имъ случайно въ разное время, безъ всякой послѣдовательности. Гоголь, также, учился, что называется на мѣдный грошъ, и если что зналъ потомъ основательно, то добылъ это въ зрѣломъ возрастѣ и долго блуждалъ, куда попалъ на свою настоящую дорогу. Гордость, самолюбіе и подозрительность были причиной несчастія всей жизни Руссо. Эти же свойства перессорили Гоголя съ самыми жаркими его почитателями, доставивши ему много горькихъ минутъ въ жизни. И тотъ и другой сами запутывали свои отношенія къ людямъ, наиболѣе къ нимъ расположеннымъ. Всѣ знаютъ, какъ Гоголь боялся смерти и ада, и какъ эта мысль постоянно была для него причиной невыразимыхъ страданій. Руссо въ своей исповѣди говоритъ то же; среди занятій и жизни самой чистой, страхъ загробныхъ мученій не давалъ ему покоя, и когда онъ описываетъ, какъ ему пришло въ голову бросать въ дерево камни, сказавъ себѣ что онъ будетъ спасенъ, если попадетъ камень въ цѣль, и будетъ проклятъ если промахнется, то кто изъ насъ не согласится читая это, что и Гоголь по своему мечтательному характеру, былъ способенъ заняться такимъ же опытомъ? И Гоголь, и Руссо писали свои сочиненія съ большимъ трудомъ; каждое слово, каждую фразу перемѣняли они по нѣскольку разъ, иногда совершенно уничтожали написанное, и начинали снова, переправляли, отдѣлывая безпрестанно, и оба рѣдко бывали довольны своими произведеніями. Руссо говоритъ, что онъ никогда не могъ украшать, а долженъ былъ творить, и прибавляетъ, что для описанія весны онъ долженъ былъ среди зимы начертить красивую мѣстность. Онъ могъ писать только тогда, когда бывалъ заключенъ въ стѣнахъ, и увѣряетъ, что еслибъ его посадили въ Бастилію, то, ему кажется, онъ только тамъ могъ бы написать яркую картину свободы. Не то же ли говоритъ и Гоголь, когда признается, что онъ только въ Италіи, изъ своего прекраснаго *далека* видѣлъ ясно Россію и могъ рисовать ее, но что каждый разъ, какъ возвращался онъ въ отечество, все ускользало отъ него, и онъ не понималъ и не видѣлъ ничего того, что хотѣлъ въ ней описывать. Руссо любилъ писать письма, предостерегать, давать совѣты, наставленія, не только друзьямъ своимъ, но и людямъ мало ему знакомымъ, которые даже никогда не видали его, какъ напримѣръ Фридриху II, Вольтеру и

другимъ. Онъ имѣлъ большую склонность къ поученію, къ докторальному тону, къ проповѣди. *Переписка съ друзьями* Гоголя и множество другихъ неизданныхъ писемъ его, доказываютъ, что и Гоголь имѣлъ то же стремленіе, и особенно любилъ въ письмахъ излагать свои мысли. Руссо болѣе всего любилъ въ жизни природу, деревню, уединеніе. Гоголь тоже былъ истинно счастливъ, только вдали отъ городской суеты, въ хорошую лѣтнюю погоду, гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ маломъ кругу друзей. Тамъ только работалъ онъ безъ усталы и съ наслажденіемъ. И Гоголь, и Руссо любили ботанику и занимались ею постоянно, но изучали ее не въ книгахъ, а въ лѣсахъ, поляхъ, повѣряя свои знанія на практикѣ. Истинные друзья Жанъ-Жака были все люди высшаго круга, которые по своему общественному положенію, по богатству, мало имѣли съ нимъ общаго. Такъ было и съ Гоголемъ. Если кто любилъ его до конца и никогда къ нему не измѣнялся, такъ то были люди служившіе при дворѣ, люди такъ-называемаго большаго свѣта, а съ литераторами онъ постоянно, какъ и Руссо, былъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ. Въ обществѣ, и Руссо, и Гоголь были очень скучны и неразговорчивы, очень часто говорили вещи далеко не умныя; тогда какъ въ кругу пріятелей разговоръ ихъ всегда былъ уменъ и занимателенъ. Руссо постоянно проживалъ у кого-нибудь, и дожилъ до глубокой старости, не имѣя своего угла, своего хозяйства. Такъ жилъ и Гоголь всю жизнь свою. Руссо, несмотря на свою робость, позволялъ себѣ въ обществѣ очень много, и часто оскорблялъ этимъ друзей своихъ. Безцеремонность Гоголя бросается всякому въ глаза. Посмотримъ теперь на ихъ отношенія къ женщинамъ. И Руссо и Гоголь имѣли между ними много друзей, почитательницъ, но въ эту дружбу они оба вносили что-то особенно нѣжное, мечтательное, и даже страстное. Какъ истинные поэты они смотрѣли на женщину, какъ на ангела, на существо высшее, и въ своемъ воображеніи всегда надѣлялъ ее такими рѣдкими достоинствами ума и души, которыхъ въ нихъ, какъ оказывается, на дѣлѣ и не было. Оба были съ женщинами робки, и эта робость, несмотря на ихъ страстные натуры, мѣшала имъ, даже во дни ихъ молодости, наслаждаться взаимною любовью. Наконецъ, вся жизнь и того и другаго прошла въ борьбѣ съ грязною дѣйствительностью,

въ чистыхъ стремленіяхъ, въ тайныхъ душевныхъ страданіяхъ. Сколько разъ въ минуты отчаянія Руссо хотѣлъ перестать писать вовсе! Жизнь литератора, человѣка публичнаго, его тяготила, и онъ жаждалъ покоя. А Гоголь? Кто изъ знавшихъ его коротко не замѣчалъ въ немъ особенно въ послѣднее время, какой-то нравственной усталости, кто не видалъ, что онъ былъ бы гораздо счастливѣе гдѣ-нибудь въ монастырѣ, что его талантъ мѣшалъ ему жить, какъ онъ желалъ, что онъ смотрѣлъ на этотъ талантъ какъ на испытаніе, какъ на тяжелый даръ? Можно бы было найти еще нѣсколько свойствъ и особенностей въ характерахъ этихъ двухъ писателей, по видимому столь различныхъ между собою, которыя бы доказали еще сильнѣе, что между ними было много общаго; но довольно кажется и этого. Даже въ сочиненіяхъ ихъ, во всемъ направленіи ихъ талантовъ, можно найти черты одинаковыя. Не мечталъ ли Руссо перестроить все общественное зданіе своего времени, въ которомъ его воображеніе видѣло гибель человѣчества? Не слышится ли въ его твореніяхъ постоянная грусть, сѣтованіе о порокахъ, столь свойственныхъ людямъ? Его мысли о воспитаніи, его письмо о театрѣ, его *Contrat Social*, наконецъ всѣ его письма и памфлеты доказываютъ, что общественная реформа была его постоянною мыслию. Гоголь думалъ своими *Мертвыми Душами* и своими комедіями дѣйствовать такимъ же образомъ на русское общество. И тотъ и другой сдѣлали много, и вліяніе ихъ несомнѣнно, но мы скажутъ, можетъ-быть, что всякій гениальный писатель произведетъ такое же вліяніе на общество, и что мысли его, какъ сѣмена падающія на плодородную почву, всегда произведутъ плоды, что и произведенія Байрона, Гете и другихъ, также имѣли сильное вліяніе. Это такъ, объ этомъ никто не споритъ, но я хочу сказать, что иной поэтъ, какъ Байронъ, страдаетъ, любитъ и прощаетъ, для звуковъ сладкихъ и молитвъ, не заботясь о томъ, что останется людямъ отъ его пѣсень, или выражаясь словами поэта: онъ поетъ какъ птица, потому что онъ птица,—тогда какъ въ пѣснѣ другого поэта постоянно слышится одна, и та же струна, одна и та же строгая цѣль! Онъ поетъ не изъ наслажденія пѣть, онъ любитъ и страдаетъ сознательно, и смотритъ на свой талантъ какъ на оружіе, какъ на средство, которое онъ долженъ употреблять

на пользу ближнихъ. Онъ постоянный мученикъ, онъ какъ будто исполняетъ чужую волю, высшее предназначеніе...

Иди, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей..-

По силѣ своего таланта, Пушкинъ ничуть не ниже Гоголя, но вліяніе его отразилось только въ нашей литературѣ, въ языкѣ, въ стихотвореніяхъ и на нѣкоторыхъ личностяхъ, тогда какъ Гоголь имѣлъ прекрасное вліяніе на все наше юное поколѣніе, на весь складъ нашихъ общественныхъ понятій. Такъ было и съ Руссо! Исчезли изъ общества, изъ жизни волтерьянцы, смѣшны Чайльдъ-Гарольды, а мыслями Руссо до сихъ поръ еще живетъ Европа, а общество, послѣ столькихъ сильныхъ переворотовъ, страшныхъ потрясеній и потоковъ крови, все еще стремится осуществить тотъ общественный идеалъ, который завѣщалъ ему Руссо въ своихъ произведеніяхъ!

Вскорѣ послѣ чтенія втораго тома *Мертвыхъ Душъ*, я уѣхалъ въ Москву, а Гоголь остался въ Калугѣ еще на двѣ недѣли. Прошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Я былъ званъ на именинный обѣдъ въ Сокольники, къ почтенному И. В. К. Гостей было человекъ семьдесятъ. Обѣдали въ палаткѣ, украшенной цвѣтами; въ саду гремѣла полковая музыка. Гоголь опоздалъ, и вошелъ въ палатку, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Его усадили между двумя дамами, его великими почитательницами. Послѣ обѣда, мущины, какъ водится, усѣлись за карты; дѣвицы и молодежь разсыпались по саду. Около Гоголя образовался кружокъ; но онъ молчалъ и, развалившись небрежно въ покойномъ креслѣ, забавлялся зубочисткой. Я сидѣлъ возлѣ зеленого стола, за которымъ играли въ ералашъ три сенатора и военный генералъ. Одинъ изъ сенаторовъ, въ военномъ же мундирѣ, съ негодованіемъ посматривалъ на Гоголя. „Не могу видѣть этого человека, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ другому сенатору во фракѣ. Посмотрите на этого гуся, какъ важничаетъ, какъ за нимъ ухаживаютъ! Что за *аттитюда*, что за *аплонъ*! и всѣ четверо взглянули на Гоголя съ презрѣніемъ, и пожалы плечами. „Вѣдь это революціонеръ, продолжалъ военный сенаторъ, я удивляюсь право, какъ это пускаютъ его въ по-

рядочные дома? Когда я былъ губернаторомъ, и когда давали его пьесы въ театрѣ, повѣрите ли, что при всякой глупой шуткѣ или какой-нибудь пошлости, насмѣшкѣ надъ властью, весь партеръ обращался къ губернаторской ложѣ. Я не зналъ куда дѣться, наконецъ не вытерпѣлъ, и запретилъ давать его пьесы. У меня въ губерніи никто не смѣлъ и думать о *Ревизорѣ* и другихъ его сочиненіяхъ. Я всегда удивлялся, какъ это правительство наше не обращало вниманія на него: вѣдь его стоило бы, за эти *Мертвыя Души*, и въ особенности за *Ревизора*, сослать въ такое мѣсто, куда воронъ костей не заноситъ!“ Остальные партнеры почтеннаго сенатора совершенно были согласны съ его замѣчаніями и прибавили только: „что и говорить, онъ опасный человѣкъ, мы давно это знаемъ.“

Черезъ нѣсколько дней, я встрѣтилъ Гоголя на Тверскомъ бульварѣ, и мы гуляли вмѣстѣ часа два. Разговоръ зашелъ о современной литературѣ. Я прежде никогда не видалъ у Гоголя ни одной книги, кромѣ сочиненій отцовъ церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда онъ заговорилъ о русскихъ журналахъ, о русскихъ новостяхъ, о русскихъ поэтахъ. Онъ все читалъ и за всѣмъ слѣдилъ. О сочиненіяхъ Тургенева, Григоровича, Гончарова: отзывался съ большою похвалою. Это все явленія утѣшительныя для будущаго, говорилъ онъ. Наша литература въ послѣднее время сдѣлала крутой поворотъ, и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромаютъ, и времена Пушкина, Баратынскаго и Языкова возвратиться не могутъ!

— Вы вчера, кажется, читали нѣсколько главъ изъ втораго тома И. В. Ку? сказалъ я.

— Читалъ, а что?

— Я не понимаю, Николай Васильевичъ, какую вы имѣете охоту читать ему ваши сочиненія! Онъ васъ очень любитъ и уважаетъ, но какъ человѣка, а вовсе не какъ писателя! Знаете ли, что онъ мнѣ сказалъ вчера? Что, по его мнѣнію, у васъ нѣтъ ни на грошъ таланта! Несмотря на свой обширный умъ, И. В. ничего не смыслить въ изящной литературѣ и поэзіи; я не могу слышать его сужденій о нашихъ писателяхъ. Онъ остановился на *Водопадѣ* Державина, и дальше не пошелъ. Даже Пушкина не любитъ; говоритъ, что стихи его звучны, гладки, но что мыслей у него нѣтъ, и что онъ ничего не произвелъ замѣчательнаго.

Гоголь улыбнулся... — Вотъ что онъ такъ отзывается о Пушкинѣ, я этого не зналъ; а что мои сочиненія онъ не любитъ, это мнѣ давно извѣстно, но я уважаю И. В. и давно его знаю. Я читалъ ему мои сочиненія именно потому, что онъ ихъ не любитъ и предупрежденъ противъ нихъ, Что мнѣ за польза читать вамъ или другому, кто восхищается всѣмъ, что я ни написалъ? Вы, господа, заранѣе предупреждены въ мою пользу, и настроили себя на то, чтобы находить все прекраснымъ въ моихъ сочиненіяхъ. Вы рѣдко, очень рѣдко сдѣлаете мнѣ дѣльное строгое замѣчаніе, а И. В., слушая мое чтеніе, отыскиваетъ только одни слабыя мѣста, и критикуетъ строго и безпощадно, а иногда и очень умно. Какъ свѣтскій человѣкъ, какъ человѣкъ практическій и ничего не смыслящій въ литературѣ, онъ иногда, разумѣется, говоритъ вздоръ, но за то въ другой разъ сдѣлаетъ такое замѣчаніе, которымъ я могу воспользоваться. Мнѣ именно полезно читать такимъ умнымъ не литературнымъ судьямъ. Я сужу о достоинствѣ моихъ сочиненій, по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на людей, мало читающихъ повѣсти и романы. Если они разсмѣются, то значить, уже дѣйствительно смѣшно, если будутъ тронуты, то значить, уже дѣйствительно трогательно, потому что они съ тѣмъ усѣлись слушать меня, чтобы ни за что не смѣяться, чтобы ничѣмъ не трогаться, ничѣмъ не восхищаться.

Слушая Гоголя, я невольно вспомнилъ о кухаркѣ Мольера.

Зимой я видался съ Гоголемъ рѣдко, и не знаю, что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался; но вотъ наступила весна, и Гоголь сталъ чаще заходить ко мнѣ, въ послѣобѣденное время. Сестра моя перѣехала въ подмосковную, въ 25 верстахъ отъ Коломны. Въ одно утро, Гоголь явился ко мнѣ, съ предложеніемъ ѣхать недѣли на три въ деревню къ сестрѣ. Я на нѣсколько дней получилъ отпускъ, и мы отправились. Гоголь былъ необыкновенно веселъ во всю дорогу, и опять смѣшилъ меня своими малороссійскими разказами; потомъ не помню уже какимъ образомъ, отъ смѣшнаго разговоръ перешелъ въ серьезный. Гоголь заговорилъ о монастыряхъ, о ихъ общественномъ значеніи въ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ говорилъ прекрасно о монастырской жизни, о той простотѣ, въ какой живутъ истинные монахи, о томъ счастьи, какое находятъ они въ молитвѣ, среди прекрасной

природы, въ глуши, въ дремучихъ лѣсахъ! „Вотъ напримѣръ, сказалъ онъ, вы были въ Калугѣ, а ѣздили ли вы въ Оптину пустынь, что подлѣ Козельска?“—Какъ же, отвѣчалъ я, былъ. „Ну непражда ли что за прелесть! Какая тишина, какая простота!“—Я знаю, что вы бывали тамъ часто, Николай Васильевичъ, и въ послѣдній разъ, когда хотѣли ѣхать въ Малороссію, не доѣхали, и остановились въ Оптиной пустыни, кажется, на нѣсколько дней.—„Да, я на перепутьи всегда заѣзжаю въ эту пустынь, и отдыхаю душой. Тамъ у меня въ монастырѣ есть человѣкъ, котораго я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля отца Моисея.“—Кто же этотъ другъ вашъ?—„Нѣкто Григорьевъ, дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ, и говоритъ, что никогда въ свѣтѣ не былъ такъ счастливъ какъ въ монастырѣ. Онъ славный человѣкъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная! Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ, онъ, напротивъ того, любитъ всѣхъ людей какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ. Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человѣкъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хотя онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угловатого и много отталкивающего ¹. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьею помощью, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокоенъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ. Таковы всѣ эти монахи въ пустыни: отецъ Моисей, отецъ Антоній, отецъ Макарій; таковъ и мой другъ Григорьевъ.“—А не знаете ли вы, какая причина заставила его оставить свѣтъ и поступить въ монастырь? Не было ли въ его жизни какого-нибудь особеннаго обстоятельства, которое дало ему эту мысль?—„Этого

¹ Гоголь очень часто употреблялъ слово: „слишкомъ“. Это одна изъ особенностей его слога, часто неправильнаго, иногда запутаннаго, но въ которомъ за то было такъ много крупнаго, сильнаго, и мало той легкости, съ которою пишутся нѣкоторые русскіе фельетоны, заботящіеся не о силѣ слога, вѣрности, мѣткости, а только о правильности языка.

я хорошенько не знаю, отвѣчалъ мнѣ Гоголь, только знаю, что онъ всегда былъ поэтомъ и мечтателемъ. Онъ всегда поступалъ по увлеченію, и способенъ былъ на всякіе внезапные порывы. Вотъ я вамъ разкажу про него одинъ очень забавный анекдотъ, который случился съ нимъ, когда ему было лѣтъ восемнадцать, не болѣе, но который объяснитъ вамъ всю страстную натуру этого человѣка. Григорьевъ, какъ я вамъ уже сказалъ, служилъ въ армейской артиллеріи. Батарея, въ которой онъ числился, была расположена съ другими войсками въ одной изъ великороссійскихъ губерній; весь корпусъ былъ въ сборѣ, въ лагеряхъ, и корпусный командиръ производилъ ученіе, маневры и артиллерійскую практическую пальбу. Григорьевъ тогда очень любилъ чтеніе и бредилъ стихами. Этому направленію способствовалъ въ то время Пушкинъ, котораго поэмы расходились въ множествѣ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ Россіи. Вы знаете, съ какою жадностію вездѣ читались, переписывались и затверживались наизусть его стихи. Имя Пушкина было тогда у всякаго порядочнаго человѣка и на языкѣ, и въ сердцѣ. Григорьевъ, какъ и всѣ другіе, былъ въ восторгѣ отъ *Кавказскаго плѣнника*, *Бахчисарайскаго фонтана* и прочаго. Вотъ, разъ былъ онъ дежурнымъ, что ли, или взводъ его былъ выведенъ на ученіе, я право не умѣю вамъ сказать, только случилось такъ, что онъ одинъ находился на линѣйкѣ, а всѣ офицеры были еще по своимъ палаткамъ. Артиллерійская прислуга стояла по мѣстамъ, фитили курились. Григорьевъ въ задумчивости ходилъ подлѣ своихъ двухъ орудій. Вдругъ видитъ онъ: съ большой дороги свернула коляска, за нею взвилось облако пыли, коляска катитъ прямо на батарею. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Григорьева экипажъ остановился; изъ него вышелъ молодой человѣкъ, небольшого роста, черноволосый, кудрявый, съ быстрыми, умными черными глазами. Слегка поклонившись, онъ вѣжливо подошелъ къ Григорьеву, съ вопросомъ: позвольте узнать, гдѣ могу я отыскать полковника N? „Онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, въ другой деревнѣ“, отвѣчалъ Григорьевъ, и сталъ объяснять, какъ ближе проѣхать до деревни. Выслушавъ это объясненіе со вниманіемъ, молодой человѣкъ поблагодарилъ за услугу и хотѣлъ уже удалиться, какъ Григорьевъ, почувствовавъ внезапно необыкновенную симпатію къ незнакомцу, спро-

силъ его: извините за нескромность, я желалъ бы знать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

„— Пушкинъ...

„— Какой Пушкинъ?.. вскрикнулъ Григорьевъ.

„— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ улыбаясь. Вы Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, вы нашъ поэтъ, наша гордость, честь и слава... Вы сочинитель Бахчисарайскаго фонтана, Руслана и Людмилы... и Григорьевъ, весь красный отъ восторга, замахалъ руками и вдругъ крикнулъ: „Орудіе! Первая пли...“ и вслѣдъ за тѣмъ, раздался выстрѣлъ... „вторая... пли...“ и опять выстрѣлъ. На эти выстрѣлы, конечно, высыпали и солдаты и офицеры изъ своихъ палатокъ, гдѣ-то забили тревогу, прискакалъ самъ батареинный командиръ, и бѣднаго моего Григорьева, страстнаго поклонника поэзіи, за неумѣстный восторгъ, посадили подъ арестъ, несмотря на всѣ просьбы А. С. Пушкина, который, вѣроятно, много смѣялся этому неожиданному происшествію.“

— И по дѣломъ посадили молодца подъ арестъ, сказалъ я смѣясь; вотъ и выходитъ, что городничій правъ. Положимъ, что Александръ Македонскій—герой, да за чѣмъ же стулья-то ломать!

Подмосковная деревня, въ которой мы поселились на цѣлый мѣсяцъ, очень понравилась Гоголю. Все время, которое онъ тамъ прожилъ, онъ былъ необыкновенно бодръ, здоровъ и доволенъ. Домъ прекрасной архитектуры, построенный по планамъ Гр. Растрелли, расположенъ на горѣ; два флигеля того же вкуса соединяются съ домомъ галереями, съ цвѣтами и деревьями; посреди дома круглая зала съ обширнымъ балкономъ, окруженнымъ легкою колоннадой. Направо отъ дома стриженный французскій садъ съ бесѣдками, фруктовыми деревьями, грунтовыми сараями и оранжереями; налѣво англійскій паркъ съ ручьями, гротами, мостиками, развалинами, и густою прохладною тѣнью. Передъ домомъ, черезъ террасу, уставленную померанцами и лимонами, и мраморными статуями, ровный скатъ, покрытый ярко-свѣжею зеленью, и внизу — Москва-рѣчка, съ бѣлою купальнею и большимъ красивымъ паромомъ. За рѣчкой небольшія возвышенности, деревушка сосѣда съ усадьбою, сѣренькимъ господскимъ домикомъ, маленькимъ садомъ и покачнувшимися на бокъ крестьянскими избами.

На одной линіи съ господскимъ домомъ, по сю сторону рѣки, на разстояніи четверти версты отъ сада, скотный дворъ, бѣлый домъ съ красною крышей, гдѣ помещалась контора и жилъ управляющій, и наконецъ, десять или двѣнадцать кирпичныхъ не оштукатуренныхъ крестьянскихъ домиковъ, съ огородами, конопляниками и прочими хозяйскими заведеніями. По другую сторону дома зеленый лугъ, цвѣтники, качели и китайская бесѣдка, съ видомъ на господское поле, и темный сосновый лѣсъ. Вотъ и все. Гоголь жилъ подлѣ меня во флигелѣ, вставалъ рано, гулялъ одинъ въ паркѣ и въ полѣ, потомъ завтракалъ, и запирался часа на три у себя въ комнатѣ. Передъ обѣдомъ мы ходили съ нимъ купаться. Онъ уморительно плясалъ въ водѣ, и дѣлалъ въ ней разныя гимнастическія упражненія, находя это очень здоровымъ. Потомъ мы опять гуляли съ нимъ по саду, въ три часа обѣдали, а вечеромъ ѣздили иногда на дорогахъ, гулять, къ сосѣдямъ, или въ лѣсъ. Къ сожалѣнію сестра моя скоро захворала, и прогулки наши прекратились. Чтобы разсѣять ее, Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе втораго тома *Мертвыхъ Душъ*; но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтенія и не до его сочиненій. Мнѣ показалось, что онъ немного обидѣлся этимъ отказомъ; я же былъ въ большомъ горѣ, что не удалось мнѣ дослушать втораго тома до конца, хотя и ожидалъ тогда его скорого появленія въ печати; но одно уже чтеніе Гоголя было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Я все надѣялся, что здоровье сестры поправится, и что Гоголь будетъ читать; но ожиданія мои не сбылись. Сестрѣ сдѣлалось хуже, и она должна была переѣхать въ Москву, чтобы начать серіозное лѣченіе. Гоголь, разумѣется, тоже оставилъ деревню... Въ Москвѣ онъ каждый вечеръ бывалъ у сестры и забавлялъ насъ своими разказами.— Однажды онъ пришелъ къ намъ отъ С. Т. Аксакова, гдѣ авторъ *Семейной Хроники* читалъ ему свои *Записки Русскаго охотника*. Это было года за два до ихъ появленія въ свѣтъ. Гоголь говорилъ тогда, что никто изъ русскихъ писателей не умѣетъ описывать природу такими сильными, свѣжими красками, какъ Аксаковъ. Въ другой разъ я встрѣтилъ Гоголя у сестры и объявилъ ему, что иду въ театръ, гдѣ дадутъ *Ревизора*, и что Шумскій въ первый разъ играетъ въ его комедіи роль Хлестакова. Гоголь поѣхалъ

съ нами, и мы помѣстились, едва доставъ ложу, въ бенуарѣ. Театръ былъ полонъ. Гоголь говорилъ, что Шумскій лучше всѣхъ другихъ актеровъ петербургскихъ и московскихъ передавалъ эту трудную роль, но не былъ доволенъ, сколько я помню, тою сценой, гдѣ Хлестаковъ начинаетъ завираться передъ чиновниками. Онъ находилъ, что Шумскій передавалъ этотъ монологъ слишкомъ тихо, вяло, съ остановками, а онъ желалъ представить въ Хлестаковѣ человека, который рассказываетъ небылицы съ жаромъ, съ увлеченіемъ, который самъ не знаетъ, какимъ образомъ слова вылетаютъ у него изъ рта, который, въ ту минуту какъ лжетъ, не думаетъ вовсе, что онъ лжетъ, а просто рассказываетъ то, что грезится ему постоянно, чего онъ желалъ бы достигнуть, и рассказываетъ какъ будто эти грезы его воображенія сдѣлались уже дѣйствительностію, но иногда въ порывѣ болтовни заговаривается, дѣйствительность мѣшается у него съ мечтами, и онъ отъ посланниковъ, отъ управленія департаментомъ, отъ пріемной залы переходитъ, самъ того не замѣчая, на пятый этажъ, къ кухаркѣ Марѳушѣ. „Хлестаковъ, это—живчикъ, говорилъ Гоголь, онъ все долженъ дѣлать скоро, живо, не разсуждая, почти безсознательно, не думая ни одной минуты что изъ этого выйдетъ, какъ это кончится, и какъ его слова и дѣйствія будутъ приняты другими.“ Вообще комедія, въ этотъ разъ, была разыграна превосходно. Многіе въ партерѣ замѣтили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу.—Гоголь видимо испугался какой-нибудь демонстраціи со стороны публики, и можетъ-быть—вызововъ, и послѣ вышеописанной сцены, вышелъ изъ ложи такъ тихо, что мы и не замѣтили его отсутствія.—Возвратившись домой, мы застали его у сестры распивающимъ, по обыкновенію, теплую воду съ сахаромъ и краснымъ виномъ. Тутъ онъ и передалъ мнѣ свое мнѣніе объ игрѣ Шумскаго, котораго талантъ онъ ставилъ очень высоко.

Зимой этого года я видался съ Гоголемъ довольно часто, бывалъ у него по утрамъ и заставлялъ его почти всегда за работой. Разъ только, нашелъ я у него одного Италіянца, съ которымъ онъ говорилъ по-италіянски довольно свободно, но съ ужаснымъ выговоромъ. Впрочемъ по-французски онъ говорилъ еще хуже, и выговаривалъ такъ, что

иной разъ съ трудомъ было можно его понять. Этотъ Италіанецъ былъ очень бѣденъ и несчастливъ, и Гоголь помогаль ему и принималъ въ немъ живое участіе. Въ послѣдній разъ я былъ у Гоголя въ новый годъ; онъ былъ немного грустенъ, разспрашивалъ меня очень долго о здоровьѣ сестры, говорилъ, что имѣеть намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдеть въ свѣтъ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ. Потомъ тутъ же при мнѣ взявъ почтовый листъ бумаги и написалъ сестрѣ нѣсколько поздравительныхъ словъ, запечаталъ и, отдавая его мнѣ, просилъ переслать въ Петербургъ. Этимъ письмомъ оканчивается переписка его съ сестрой, продолжавшаяся четырнадцать лѣтъ. Обстоятельства заставили меня скоро оставить Москву: я перемѣнилъ родъ службы, и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Въ хлопотахъ о переѣздѣ, я не имѣлъ времени заходить къ Гоголю, и совершенно потерялъ его изъ виду. Такъ прошелъ февраль мѣсяцъ, и только на первой недѣлѣ поста, узналъ я, что Гоголь болѣнъ. Одинъ разъ, заѣзжалъ на Никитскую спросить о его здоровьѣ, но мнѣ сказали, что онъ въ постелѣ и что видѣть его нельзя. Я и не думалъ, что онъ въ опасности, и близокъ къ смерти. Черезъ нѣсколько дней, захожу я проститься къ И. В. К., и онъ встрѣчаетъ меня грустный и встревоженный..... У него былъ графъ Т..... —Какъ здоровье Николая Васильевича? спрашиваю я у графа. „Онъ очень плохъ, почти безъ надежды, отвѣчалъ графъ. Сегодня будетъ еще консультація, посмотримъ, что скажутъ доктора. Гоголь никого не слушается, не принимаетъ никакихъ лекарствъ и никакой пищи, и я пришелъ просить И. В., котораго Гоголь очень любитъ и уважаетъ, заѣхать къ нему еще разъ, и уговорить его послушаться приказаній медиковъ. Не знаю, удастся ли намъ?“..... Я поѣхалъ въ присутствіе и, окончивъ свои дѣла, отправился къ Гоголю. У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей. Человѣкъ сказалъ мнѣ, что доктора всѣ здѣсь, что консультація кончилась, и что всѣ присутствовавшіе на ней отправились на верхъ, въ кабинетъ графа.—А что Николай Васильевичъ? „Все въ одномъ положеніи.“—Можно его видѣть? „Войдите, отвѣчалъ онъ мнѣ, отворяя дверь. Гоголь, видно, перемѣнилъ комнаты въ последнее время, или былъ перенесенъ туда уже боль-

ной, потому что прежде я бывалъ у него отъ входной двери направо, а теперь меня ввели налѣво, въ томъ же первомъ этажѣ. Въ первой комнатѣ никого не было; во второй, на постели, съ закрытыми глазами, худой, блѣдный, лежалъ Гоголь; длинные волосы его были спутаны, и падали въ беспорядкѣ на лицо и на глаза; онъ иногда вздыхалъ тяжело, шепталъ какую-то молитву, и по временамъ бросалъ мутный взоръ на икону, стоявшую у ногъ на постелѣ, прямо противъ больного. Въ углу, въ креслѣ, вѣроятно утомленный долгими бессонными ночами, спалъ его слуга, Малороссіянинъ. Долго стоялъ я передъ Гоголемъ, вглядываясь въ лицо его; и не знаю отчего, почувствовалъ въ эту минуту, что для него все кончено, что онъ болѣе не встанетъ. Раза два Гоголь вскинулъ глазами вверхъ, взглянулъ на меня, но не узнавъ, закрылъ ихъ опять. „Пить..... дайте пить“ проговорилъ онъ наконецъ хриплымъ, но невнятнымъ голосомъ. Человѣкъ, вошедшій вслѣдъ за мною въ комнату, подалъ ему въ рюмкѣ воду съ краснымъ виномъ. Гоголь не много приподнялъ голову, обмочилъ губы, и опять, съ закрытыми глазами, упалъ на подушку. Человѣкъ графа разбудилъ мальчика, который, увидѣвъ меня, оробѣлъ и подошелъ къ постели больного. Тутъ я былъ свидѣтелемъ страшнаго разговора между двумя служителями, и не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибы меня тутъ не было.

— Если его такъ оставить, то онъ не выздоровѣетъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, — повѣрь, что не встанетъ, умретъ, безпремѣнно умретъ.

— Такъ чтожь по твоему..... отвѣчалъ другой.

— Да вотъ возьмемъ его насильно, стащимъ съ постели, да и поведемъ по комнатѣ, повѣрь, что разойдется и живъ будетъ.

— Да какъ же это можно? онъ не захочетъ..... кричать станетъ.

— Пусть его кричитъ..... послѣ самъ благодарить будетъ, вѣдь для его же пользы!

— Оно такъ, да я боюсь..... какъ же это безъ его воли-то?

— Экой ты неразумный; что нужды, что безъ его воли, когда оно полезно. Вѣдь ты разсуди самъ, какая у него болѣзнь-то?..... никакой нѣтъ, просто такъ..... не вѣсть, не

пъетъ, не спитъ, и все лежитъ, ну какъ тутъ не умереть? У него всѣ чувства замерли, а вотъ какъ мы разматываемъ его, онъ очнется, повѣрь, что очнется..... на свѣтъ Божій взглянетъ, и самъ жить захочетъ. Да что долго толковать, бери его съ одной стороны, а я вотъ отсюда, и все хорошо будетъ!

Мальчикъ, кажется, начиналъ колебаться..... Я наконецъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ ихъ разговоръ.

— Что вы хотите это дѣлать, какъ же можно умирающаго человѣка тревожить? Оставьте его въ покоѣ, сказалъ я строго.

— Да право лучше будетъ, сударь! Вѣдь у него вся болѣзнь отъ этого, что какъ пласть лежитъ который ужъ день безъ всякаго движенія. Позвольте..... Вы увидите, какъ мы его раскачаемъ, и живъ будетъ.

Я насилу уговорилъ ихъ не дѣлать этого опыта съ умирающимъ Гоголемъ, но прекративъ ихъ разговоръ, кажется, нисколько не убѣдилъ того, который первый предложилъ этотъ новый способъ лѣченія, потому что, выходя, онъ все еще говорилъ про себя: „Ну умереть, безпремѣнно умереть..... вотъ увидите, что умереть.“ И дѣйствительно, на другой день, когда я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, Гоголь умиралъ въ Москвѣ.....

Левъ Арнольди.

НОВЫЙ ТАЛАНТЪ

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Года три тому назадъ, въ Англіи, одинъ молодой лейтенантъ 48-го ея величества полка, не удачно поохотившись съ борзыми, повредилъ ногу и былъ засаженъ докторами недѣли на двѣ въ свою комнату. Никогда еще, со времени школьнаго затворничества, бѣдный офицеръ не выдерживалъ подобнаго насильственного уединенія. Читать онъ любилъ, но вслѣдствіе разсѣянной своей жизни давно уже отвыкъ отъ всѣхъ книгъ за исключеніемъ романовъ и двухъ-трехъ древнихъ поэтовъ, особенно полюбившихся ему еще на школьной скамейкѣ. Дни тянулись медленно, романы, даже Теккереевы и Диккенсовы, на вкусъ ему не приходились. „Право, я и самъ могу сочинить кое-что не хуже,“ говорилъ онъ посѣщавшимъ его пріятелямъ, а одинъ разъ, разсердившись за ихъ шутливые отвѣты, схватилъ листъ бумаги и сталъ строчить на немъ съ рвеніемъ совершенно празднаго человѣка. Черезъ семь дней кончилъ онъ цѣлый романъ, отправилъ его къ книгопродавцу, выздоровѣлъ и забылъ и о романѣ, и о предстоящей ему участи. Къ счастью, книгопродавецъ оказался умнымъ человѣкомъ: онъ прочелъ рукопись и предсказалъ блестящій успѣхъ автору.

Гей Ливингстонъ обошелъ всю читающую Англію, но въ особенности поразилъ собой Французовъ. Бойкій и талантливый Альберикъ Сезонъ объявилъ своимъ многочисленнымъ читателямъ, что въ Англіи родился новый Байронъ. *Revue des Deux Mondes* воспѣла молодого офицера, парижскій литературный міръ съ завистью услышалъ, что автору Гей Ливингстона за его второй романъ заплатили въ Англіи семьдесятъ шесть тысячъ франковъ, считая на французскія деньги. Затѣмъ стало извѣстнымъ, что мистеръ Лоуренсъ (такъ звали талантливаго офицера), дѣйствительно взявъ за свою книгу семьдесятъ шесть тысячъ, самымъ хладнокровнымъ образомъ, проигралъ ихъ въ одинъ день на баденской рулеткѣ. Тогда общая симпатія еще усилилась; не оставалось никакихъ сомнѣній: XIX столѣтіе имѣло своего второго лорда Байрона.

Въ Англіи Лоуренсъ встрѣтилъ одобреніе болѣе сдержанное и даже смѣшанное съ словами рѣзкаго осужденія. Отдавая справедливость таланту автора, даже симпатическіе рецензенты заявили, что такъ погрѣтъ всѣ законы свѣтскаго и политическаго декорума возможно лишь въ поруچیцѣмъ чинѣ и въ годы первой молодости. И въ цѣломъ и въ мелочахъ, новый писатель поперечилъ литературной рутинѣ и литературнымъ обычаямъ болѣе законнымъ чѣмъ рутина. Политическія понятія его принадлежали къ разряду неистово-отсталыхъ, съ примѣсью небольшого числа мнѣній достойныхъ сумазброднаго радикала. Уже одно это совмѣщеніе крайностей показывало авторскую юность. Герой романа былъ офицеръ и денди; другія лица изъ разряда симпатическихъ оказывались тоже денди и офицерами. Злодѣи, уроды и чудаки принадлежали къ другимъ, болѣе мирнымъ сословіямъ: Лоуренсъ охотно называлъ бы ихъ *requins* (рябчиками), еслибы на англійскомъ языкѣ имѣлось такое глупое слово. Аристократическія дѣвушки, выведенныя въ романѣ, ведутъ себя ужаснѣе пылкихъ Испанокъ, на балахъ цѣлуются съ молодежью, посѣщаютъ квартиры холостыхъ людей, скачутъ съ своими поклонниками на бѣшеныхъ лошадяхъ, бранятся съ ними какъ задорный прапорщикъ съ другимъ прапорщикомъ такого же разбора. Весь романъ, весьма умѣренный по объему, изобилуетъ потрясающими сценами, которыя, можно сказать смѣло, и въ дальнемъ Техасѣ не часто происходятъ. Люди живутъ съ чужими же-

нами, при спорѣ колотятъ другъ друга по физиономіи, запираются въ замкахъ и отстрѣливаются отъ толпы ирландскихъ буяновъ, дѣлаютъ сальто-мортале съ лошадей и ломаютъ себя спинную кость, при общемъ ужасѣ. Все это очень странно; но за то въ романѣ есть что-то говорящее про молодость и свѣжесть, про артистическую независимость и то плѣнительное довѣріе къ своей силѣ, безъ котораго и юность человѣка не въ юность. Чтò бы ни говорили иные рецензенты, мы стоимъ за Лоуренса и въ лицѣ его за всѣхъ молодыхъ лейтенантовъ литературы, бурно врывающихся въ ея область съ своими бойкими романами. Иногда и нашествіе Вандаловъ бываетъ полезно. Никогда не преклонимся мы передъ новизною только за то, что она нова и задорна, но всегда наше сочувствіе было открыто всему юно-талантливому. Всю нашу жизнь мы, съ волненіемъ сестры Анны, глядѣли на дальній горизонтъ, поджидая появленія новыхъ и сильныхъ дѣятелей; мы радостными словами всегда встрѣчали смѣлыхъ новыхъ людей, если только они были дѣйствительно новы, и имѣли право быть смѣлыми. Намъ противенъ книжный забіяка, изъ чужихъ книгъ и собственнаго мышленія создающій себѣ подобіе оригинальности и рвущійся озадачить міръ эксцентрическими выходками; но когда въ литературу, съ юношескою пылкостью, врывался дѣятель дѣйствительно жившій и жизнью выработавшій себѣ многое, хотя совершенно не согласное съ установившимся литературнымъ типомъ, мы радостно его привѣтствовали и ждали отъ него многого. Да и какъ же иначе? Новый человѣкъ, живой и талантливый, освѣжаетъ насъ своею бесѣдой, даже его юношескія сумасбродства насъ подстрекаютъ и расшевеливаютъ. Оно такъ должно быть во всѣхъ литературахъ, а въ англійской болѣе чѣмъ въ какой-либо. Молодость Англичанина—золотая молодость, съ ея поэтическими школами посреди загороднаго приволья, съ готическими коллегіями, живою иллюстраціей того, о чемъ остальная Европа читаетъ только въ средневѣковыхъ поэтахъ, съ путешествіемъ по Европѣ, съ удобствомъ посѣщать отдаленныя части свѣта и появляться въ нихъ съ правомъ гражданина, представителя славной націи. Кто знаетъ чтò видалъ на своемъ вѣку и гдѣ перебивалъ до сей поры молодой лейтенантъ Лоуренсъ, проигравшій семьдесятъ пять тысячъ франковъ

и не поморщившійся отъ проигрыша? Подъ какими небесами квартировалъ сорокъ восьмой пѣхотный ея величества полкъ за послѣднія десять лѣтъ своего существованія? Дрался ли онъ на штыкахъ подъ Инкерманомъ, отбивался ли отъ полчищъ Нена-Сагиба въ какомъ-нибудь индустанскомъ храмѣ, перестрѣливался ли съ дикарями Новой Зеландіи? Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни былъ этотъ полкъ, молодежь его наполнявшая не могла быть чужда новымъ событіямъ, новымъ людямъ, новымъ потребностямъ, даже до нѣкоторой степени новымъ взглядамъ на дѣло искусства. О чемъ будетъ писать, и какъ будетъ бесѣдовать съ нами господинъ лейтенантъ Лоуренсъ, мы вовсе не знаемъ и даже не можемъ составить себѣ приблизительнаго понятія. Дастъ ли онъ намъ еще нѣчто юношески-свѣжее, разразится ли положительною чепухою, станетъ ли подражать самому себѣ (этого можно бояться, судя по второму его роману), этого мы не въ состояніи предвидѣть.

Главная прелесть романа *Гей Ливингстонъ* и несомнѣнное его право на особенное вниманіе цѣнителей есть его *духъ*, совершенно противоположный зыбкому, рефлектерскому, аналитическому, полу-грустному, полу-сатирическому духу главныхъ дѣятелей современнаго искусства. Весь тонъ произведенія показываетъ, что авторъ не подражаетъ никому, и никого изъ лучшихъ своихъ предшественниковъ не считаетъ достойнымъ подражанія. Онъ не задумывается ни передъ чѣмъ, не отступаетъ со страхомъ ни передъ какою житейскою проблемою, не опускаетъ головы ни передъ какимъ противорѣчіемъ человѣческой природы. Онъ оцѣнилъ и рѣшилъ все въ жизни, какъ приличествуетъ художнику уже вступившему въ третій десятокъ годовъ, но еще не добравшемуся до начала четвертаго. Самый призракъ колебанія, раздвоенія и иныхъ нравственныхъ недуговъ противенъ ему, какъ песклядный фронтъ дурно обученнаго эскадрона. Если онъ кого любитъ, то готовъ за него умереть безъ ропота, нелюбимаго человѣка считаетъ полезнымъ застрѣлить или побить всенародно; о томъ же, что иногда любовь смѣшивается съ ненавистью, и что враждебныя отношенія могутъ смягчаться иными чувствами, онъ и думать не желаетъ. Все это даетъ ясную фizioномію созданіямъ автора, съ силою отводя ихъ отъ всего, что имѣетъ видъ дѣла уже начатаго другими, или

колеи ранѣе его проложенной. Даже тамъ, гдѣ по ходу замысла, Лоуренсу неизбѣжно пойдти одною дорогою съ кѣмъ-либо изъ знаменитыхъ сверстниковъ, складъ дарованія беретъ свое, выбивая вымыселъ изъ проторенной уже тропинки. Во всемъ вышесказанномъ мы безъ труда убѣдимся, ознакомившись съ содержаніемъ романа *Гей Ливингстонъ*, и лицами въ немъ изображенными.

Первыя страницы книги, какъ всегда бываетъ въ юношескихъ произведеніяхъ, тянутся довольно вяло. Передъ нами школьныя воспоминанія, самого разкащика,—воспоминанія, можетъ-быть еще не достаточно улегшіяся въ его памяти и оттого замѣтныя лишь своею неполнотою и отрывочностію. Но на нихъ не потрачено много времени: толпа ребятшекъ и юношей, разсыпавшаяся передъ нами, выведена только для того, чтобы въ ней яснѣе обозначился будущій герой произведенія. Гей Ливингстонъ, школьный герой, повелитель и кумиръ притѣсняемыхъ мальчиковъ, замѣчательнѣе всего по физической силѣ да по упорству характера. Въ пятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ имѣетъ видъ суровый и нескладный; только съ помощію особенной проицательности можно догадаться, что нескладность происходитъ отъ неполнаго развитія тѣла, при могучихъ мускулахъ, а угловатое, не привлекательное лицо съ годами станетъ лицомъ красавца. Въ школѣ и въ Оксфордѣ, герой дѣлаетъ все что обыкновенно очаровываетъ товарищешкольниковъ, то-есть волочится за женами учителей, знаетъ всѣ тонкости лошадиной науки, одолеваетъ записныхъ забіякъ боксеровъ, и въ добрыя минуты лѣзетъ на вѣрную бѣду, заступаясь за любимаго товарища. Небольшимъ числомъ подобныхъ эпизодовъ школьная жизнь кончается, и дѣйствіе переносится въ Лондонъ. Гей Ливингстонъ живетъ въ свѣтѣ и считается блистательнѣйшимъ офицеромъ въ рядахъ королевской лейбъ-гвардіи ¹. Другъ и исторіографъ Гея, Гаммондъ, покинувъ Оксфордъ, нѣсколько лѣтъ

¹ Лейбъ-гвардія въ Англіи, отборная часть гвардіи, имѣетъ красы и считается старшею по всей арміи. Въ крымской кампаніи она не участвовала, и со времени Ватерло не бывала въ походахъ: лошади лейбъ-гвардейцевъ до того рѣдки и дороги, что рисковать ими не возможно.

лѣчится въ Италіи и наконецъ, по возвращеніи въ Лондонъ, является къ своему бывшему кумиру и заступнику. Полкъ былъ на ученьи, но слуга мистера Ливингстона пригласилъ гостя войти въ комнаты барина, гдѣ его уже ждалъ капитанъ Форрестеръ извѣстный Гаммонду по письмамъ Гея. Капитанъ, другъ хозяина, былъ типомъ денди, но не денди старыхъ временъ, миновавшихъ невозвратно. Въ его изнѣженной манерѣ не было ничего отталкивающего, его миловидное и женоподобное личико не отличалось чваннымъ или нахальнымъ выраженіемъ. Долгая демократическая школа, которую Европа прошла за послѣднія двадцать пять лѣтъ, навѣки порѣшила съ Нашами и Друммелями. Форрестеръ оказывался просто милымъ и ласковымъ лѣнливцемъ, отчасти избалованнымъ общею пріязнію всѣхъ его знавшихъ, но неспособнымъ даже на помыселъ о самомалѣйшемъ подвигѣ нахальства изъ разряда тѣхъ, которые прославили его предшественниковъ. Онъ не ломался ни передъ кѣмъ, не задѣвалъ никого и своими дѣтски-ласковыми пріемами будто просилъ снисхожденія за лѣность и безполезность своей особы. Онъ ласково принялъ Гаммонда и сказалъ, что Гей сейчасъ будетъ дома.

„Въ самомъ дѣлѣ, мы чрезъ нѣсколько минутъ услышали стукъ подковъ и рѣзкій лязгъ стальныхъ поженъ. Я взглянулъ въ окно: эскадроны въѣзжали на внутренний дворъ казарменнаго строенія. Мои глаза сразу упали на Ливингстона, и не мудрено: немногіе въ этой толпѣ красавцевъ, отобранныхъ по одному изъ самыхъ могучихъ людей на свѣръ отъ Гумбера, могли равняться съ нимъ по росту и широтѣ плечъ. Я съ гордостью глядѣлъ на него, героя моего дѣтства. Мнѣ весело было видѣть какъ онъ сидитъ крѣпко и не колыхаясь, подобно башнѣ, на своемъ огромномъ ворономъ парадерѣ.

„Слуга, впустившій меня, сказалъ ему что-то пока онъ слѣзалъ съ лошади. Я разглядѣлъ какъ черты лица его смягчились и просіяли въ одно мгновеніе, черезъ пять секундъ онъ уже былъ у себя, съ тѣмъ же свѣтлымъ лицомъ,—мнѣ пріятно вспомнить про это,—и держалъ меня за руку, весело произнося слова дружески-искренняго привѣтствія.

„Онъ много перемѣнился, разумѣется,—но перемѣнился къ лучшему. Черты лица, въ дѣтствѣ казавшіяся рѣзкими и суровыми, теперь превосходно гармонировали съ могучими

пропорціями стана вполне развившагося, но нѣсколько под-
жсараго въ бокахъ, какъ у собаки волчьей породы (wolf hound).
Выраженіе упорства, которое всегда хранили его губы,
осталось во всей силѣ и было еще отчасти увеличено чер-
ными усами, волнистыми и спускавшимися внизъ. Лицо
Гейя припомнило мнѣ лицо каменныхъ крестоносцевъ гля-
дящихъ на почитателя съ гробницъ круглой церкви въ
Темплѣ.“

Въ нѣсколькихъ дополнительныхъ очеркахъ развивается
передъ нами нравственная сторона героя, безъ понима-
нія которой все вышеприведенное описаніе не имѣло бы
особеннаго значенія. Гей Ливингстонъ — аристократъ и
денди, но, какъ Форрестеръ, онъ членъ современнаго обще-
ства и одинъ изъ новыхъ типовъ, еще никѣмъ не испош-
ленныхъ. Отецъ его убитъ въ испанскую войну. Всѣ Ливинг-
стоны съ незапамятныхъ временъ были великими вои-
нами и охотниками; о гражданской и политической дѣятель-
ности имъ было думать нѣкогда. Величавая, сосредоточен-
ная, страстная мать воспитала мальчика, никогда не по-
переча ни малѣйшей его прихоти, но поддерживая въ немъ
предразсудки и стремленія своей старинной породы. Гей былъ
настолько понятливъ что еще до совершеннолѣтія распро-
стился съ отжившими идеями, но добыть себѣ убѣжденія
новыя и подладиться къ обычному ходу жизни онъ не ста-
рался,—отчасти изъ любви къ матери, отчасти изъ враж-
денной неподатливости, отчасти оттого что жизнь шла лег-
ко, и ломать головы не стоило. Житейская борьба, необ-
ходимость добыть себѣ хлѣбъ и положеніе, могли бы осмы-
слить, выдвинуть далеко впередъ эту норманскую, энерги-
ческую натуру, но ни того ни другаго не предстояло. Гей
оставался тѣмъ чѣмъ судьба создала его, не тяготясь, не
набиваясь ни на какую дѣятельность, почти не сознавая
того, что ему, человѣку созданному для войны или тяжкихъ
эпохъ кризиса, какъ будто нечего дѣлать при мирномъ за-
тишьѣ. Индѣйское возстаніе 1857 года показало какъ много
Ливингстоновъ въ Англіи, и на какія дѣла средневѣковой
удали способны подобные Ливингстоны. Конечно, истин-
ный морякъ тотъ, кто остается мастеромъ дѣла и въ бурю,
и въ утомительное безвѣтріе; однако нельзя назвать несча-
стною для той страны, у которой есть сыновья, не имѣющіе
себѣ цѣны именно въ горькій часъ бури.

Въ Англіи служба конно-гвардейскаго офицера не тяжела, и потому Ливингстонъ большею часть времени проводитъ въ прадѣдовскомъ замкѣ своей матери, описаніе котораго необходимо привести хотя въ сокращеніи: такъ много свѣта кидаетъ оно на самую личность героя.

Древнее зданіе Куртонъ Манора стоитъ на берегу рѣки, окруженное дремучимъ, немного запущеннымъ паркомъ. Вѣковыя аллеи и группы колоссальныхъ дубовъ показываютъ, что замокъ когда-то стоялъ посреди королевскаго заказнаго лѣса. Вся обстановка такова, что сумрачное вліяніе ея не можетъ не отражаться даже на самомъ свѣтскомъ и современномъ человѣкѣ. Первая, пріемная зала, съ рѣзнымъ дубовымъ потолкомъ опершимся на дубовыя же четырехугольные столбы, увѣшана фамильнымъ оружіемъ и трофеями охоты: тутъ увидите вы военное облаченіе крестоносцевъ, миланскія кольчуги испещренныя золотомъ, легкія пышныя кирасы изнѣженныхъ кавалеровъ, и между всѣмъ этимъ чучела медвѣдей, головы кабановъ, оленьи рога, кожи другихъ звѣрей, болѣе рѣдкихъ. Въ залѣ множество портретовъ; подъ однимъ, изображающимъ красиваго молодого человѣка, въ старой драгунской формѣ, висятъ палаши и мѣдная каска съ конскимъ хвостомъ. Портретъ изображаетъ отца Гея Ливингстона, убитаго въ испанскую кампанію; палаши и французская кирасирская каска напоминаютъ день его смерти. Въ стычкѣ съ кирасирами Келлермана, полковникъ Ливингстонъ былъ насквозь проколотъ Французомъ заѣхавшимъ сзади; но *Ливингстонъ трудно умираютъ*,—эта особенность признана за всѣмъ ихъ домомъ. Полковникъ стиснулъ зубы, ловко повернулся въ сѣдлѣ, и свалилъ своего противника такимъ ударомъ, который до сей поры всѣхъ приводитъ въ удивленіе. Каска кирасира разсѣчена до чешуи, ее застегивавшей. Любопытно слѣдить, глядя на портреты, какъ одно и то же выраженіе твердости и упорства въ губахъ и всей нижней части лица, проходитъ по всей длинной линіи портретовъ. Вотъ это выраженіе, подъ приподнятымъ забраломъ сэръ-Мелейза Ливингстона вошедшаго на Аскалонскую брешь рядомъ съ силачомъ-королемъ Ричардомъ; вотъ оно, достигшее особой сумрачности, подъ клобукомъ аскетическаго пріора Бернарда; вотъ оно опять, въ значительно-смягченномъ видѣ, на лицѣ одного изъ адъютантовъ принца Руперта,

мужественно кончившаго жизнь въ незбійскомъ сраженіи. Мало того, взгляните въ портреты этихъ прелестныхъ Алисъ и Эдиѳей, и въ нихъ вы найдете ту же черту, живо противорѣчащую магнетической прелести ихъ нѣжныхъ глазокъ.

На солнечной сторонѣ замка, окнами къ цвѣточному партеру, была половина леди Катерины Ливингстонъ. Лѣтомъ у окна, зимой у камина, блѣдная *châtelaine* постоянно сидѣла за вышиваньемъ, какъ сшивали принцессы въ старое время. Что за рѣзки ковровъ и всякаго шитья вылились изъ этихъ бѣлыхъ, худенькихъ рукъ, за послѣднія двадцать лѣтъ одинокой жизни!

Трудно разказать про всѣ добрыя дѣла, ею сдѣланныя въ окрестности. Она была радушна и ласкова съ гостями, ласкова по-своему, то-есть сдержанно и величаво. Жены и дочери сосѣдей глядѣли на нее съ большою неловкостью и даже страхомъ. Вѣроятно она понимала это, но передѣлать себя не умѣла, а чувство одиночества еще усиливало тѣнь на ея грустномъ лицѣ. Только на одномъ существѣ въ мірѣ сосредоточивались всѣ ея привязанности, и она обожала это существо сильнѣе нежели самый долгъ приказывалъ; ибо, со времени смерти мужа, у ней не доставало духа пойти наперекоръ самой незначительной прихоти Гея.

Когда у него собиралась большая партія охотниковъ,—она не показывалась по днямъ въ пріемныхъ комнатахъ, но какъ бы рано ни назначался часъ выѣзда, едва ли Гей покидалъ свою комнату, не вынося на щекѣ материнскаго поцѣлуя. Она знала, какъ и всѣ сосѣди, необычайную его смѣлость въ верховой ѣздѣ, хорошо помнила сколько разъ одно искусство и твердость въ сѣдлѣ спасали Гея отъ явной гибели. „Много разъ, въ самый разгаръ полевого дня, посѣщала меня, говоритъ разкащикъ, грустная мысль объ этой блѣдной и одинокой женщинѣ, молящейся и трепещущей въ пустынныхъ покояхъ, за своего любимца....“

Этихъ живыхъ очерковъ довольно, и вслѣдъ за ними мы можемъ прямо перейти къ завязкѣ романа. Гей Ливингстонъ мирно живетъ до той поры, пока наконецъ судьба не сводитъ его съ мужчинами и женщинами одного съ ними покроя. Это не Ловласъ былого времени вмѣняющій себя въ наслажденіе безбожную игру съ слабою женщиной, не мрачный дикарь въ гарольдовомъ плащѣ, воображающій, что

міръ долженъ передъ нимъ преклоняться за его силу духа и доблести, ничѣмъ еще не высказавшіяся. Какъ всѣ сильныя животныя (мистеръ Лоренсъ любитъ сравнивать дѣтей своей фантазіи съ тиграми, лошадьми, борзыми собаками), Гей ласковъ, и безвреденъ съ людьми, особенно слабыми. Около него цѣлый кругъ друзей и молодыхъ женщинъ, какъ будто пріютившихся подъ тѣнь этого могучаго дуба; несмотря на свою молодость и славу свѣтскаго льва онъ имъ отецъ или старшій братъ, всегда готовый на услугу, на помощь, на положительное пожертвованіе. Онъ полѣзетъ въ огонь за Гаммонда извѣдавшаго въ школѣ что значитъ заступничество Ливингстона,—за Форрестера изнѣженнаго, но благороднаго мальчика,—за свою кузину Беллу Ремондъ, которую собираются, противъ ея воли, выдать за какого-то злаго шотландскаго сутягу. Можетъ-быть его и тѣшатъ ихъ благодарность, ихъ наивное поклоненіе, ихъ всегдашняя потребность совѣта и помощи, но этого чувства нельзя назвать постыднымъ, тѣмъ болѣе что Гей имъ не очень занимается. Жизнь ему не скучна, отъ разочарованія онъ далекъ, но все-таки онъ смотритъ вдаль, все-таки не въ силахъ примириться съ настоящимъ, заснуть подъ сладкія рѣчи людей около него пріютившихся. Можетъ-быть тутъ разгадка его отчаянныхъ охотъ, его ѣзды на бѣшеныхъ лошадяхъ, его поѣздокъ за море, въ Парижъ, въ Гомбургъ, гдѣ можно сильно играть на жизнь и деньги. Потомку воиновъ, сыну воина и воину въ душѣ не куда броситься, о крымской кампаніи еще никто не пророчитъ, Индія далека отъ возстанія, Гарибальди грузить купеческія суда, Ломбардія еще и во снѣ не видитъ своего освобожденія!... Хотя бы минутная потребность родимому краю въ человѣкѣ, который можетъ повалить пятерыхъ непріятелей! Хотя бы кружокъ людей такихъ же упорныхъ и сильныхъ, съ которыми можно поцѣловаться и навраждоваться вдоволь! Последнее отыскать легче, и вотъ мало-по-малу около Ливингстона сходятся люди одного съ нимъ закала, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается разыгрываться драма недюжиннаго разбора.

Леди Катерина Ливингстонъ давно уже замышляетъ женить своего сына. Съ этою цѣлію она поддерживаетъ лондонскія связи, собираетъ гостей въ Киртонъ-Маноръ. Двѣ дѣвушки, по знатности рода и своимъ достоинствамъ, нра-

вятся ей болѣе прочихъ. Гею онѣ нравятся обѣ, не взирая на ихъ крайне-противоположныя натуры. Онѣ самѣ еще недостаточно выяснилъ свое чувство къ миссъ Флорѣ Беллессизъ и леди Констанціи Брандонъ; но внутренній голосъ безошибочно говоритъ, что и къ той и къ другой онѣ находится въ отношеніи равенства, безъ всякихъ признаковъ власти или покровительства. Миссъ Флора обрисована авторомъ съ цѣлительностью, отъ которой отвыкъ современный читатель. Сквозь эти перлы, взгляды газели, волны морей, однакоже обрисовывается фигура высокой, изящной, гордой брюнетки, испорченной свѣтомъ, доведшей кокетство до размѣровъ поэтической смѣлости, умной, насмѣшливой, острой на языкъ и сосредоточенно-чувственной. Въ исторіи можно найти типы подобныхъ женщинъ; при власти и отсутствіи противодѣйствія, онѣ доходили до послѣднихъ граней преступленій, какъ напримеръ кровожадная Джіованна Неаполитанская, или та красавица королева, которая бросала своихъ мертвыхъ любовниковъ въ рѣку изъ Нельской башни. Миссъ Флора любитъ Ливингстона, любитъ его можетъ-быть очень чистою любовью, но между ею и героемъ романа есть и для вражды довольно поводовъ. Она доводитъ до отчаянія людей связанныхъ съ нимъ пріязнью, она оскорбляетъ женщинъ нравившихся ему въ его дѣтскіе годы; въ ней, при всей нравственной силѣ, положительно нѣтъ того, что извиняетъ нѣкоторую величавость Гея, то-есть тихой ласковости ко всему слабому, молодому, кроткому и не становящемуся на чужой дорогѣ.

Другая героиня романа, которой нравственная энергія высказывается только въ послѣдствіи, принадлежитъ къ ряду лицъ положительно типическихъ. Миссъ Констанція Брандонъ, высокая блондинка красавица (пропускаемъ опять лазурь морей и золото Феба), съ правильными чертами лица, съ губами нѣсколько тонкими и поражающими прелестью выраженія только людей весьма сблизившихся съ миссъ Констанціей. Сблизиться съ нею не легко, даже полюбивши ее, даже чрезвычайно ей понравившись. Сдержанность чистой и гордо-стыдливой натуры, помимо всѣхъ симпатій и желаній брошенной въ болото свѣтской жизни, сказывается въ каждомъ движеніи этой дѣвушки. Дуракамъ она можетъ показаться холодною, пылкій

поклонникъ придетъ въ ужасъ отъ ея мнимой надменности; можетъ-быть одинъ лишь опытный знатокъ женщинъ, за старостью лѣтъ ни къ чему непригодный, догадается, что любовь такой женщины способна дать и трудъ, и счастье на цѣлую жизнь чело́вѣка. Гей Ливингстонъ инстинктивно признаетъ превосходство миссъ Констанціи Брандонъ; первыя движенія его сердца всегда правильны, но на однихъ первыхъ движеніяхъ еще не построишь себѣ здоровой житейской тактики. Безъ большихъ усилій, Гей Ливингстонъ отстраняется отъ миссъ Флоры, дѣлаетъ предложеніе Констанціи, радуется получивъ ея согласіе. Но женихъ и невеста, не взирая на взаимную симпатію, не взирая на обоюдное прамодушіе, еще не успѣли дочитать первой страницы своего романа. Имъ весело вмѣстѣ, но они оба—загадка другъ для друга. Для обоихъ еще не настала пора полного сближенія; оба они ласково, но недовѣрчиво приглядываются другъ къ другу. Имъ не вѣрится, что въ свѣтѣ, въ океанѣ разврата и себялюбія, могутъ встрѣтиться и сдружиться двѣ гордыя, сильныя, но чистыя душою натуры. Для уясненія самихъ себя другъ другу, для полной гармоніи, имъ пужень быть-можетъ не одинъ годъ жизни подъ общимъ кровомъ.... но судьба не даетъ имъ этого, и только въ годину отчаянія, при крушеніи послѣдней надежды на счастье, женихъ и невеста вполне угадываютъ то, чего они оба сто́ятъ и чѣмъ могли бы быть при иныхъ условіяхъ. „Передайте Гею, говоритъ лордъ Могонъ (о которомъ мы сейчасъ упомянемъ подробнѣе), передайте ему, чтобъ онъ берегъ себя какъ только можетъ. Я зналъ отца миссъ Флоры; онъ былъ убитъ на дуэли; въ тридцати пяти годахъ своей жизни онъ совмѣстилъ больше зла и пороковъ чѣмъ кто-либо изъ людей мнѣ извѣстныхъ!“

Читатель догадывается, что миссъ Флора достойна своего родителя, хотя ее нельзя назвать злою женщиной. Ея гордость не глубоко задѣта пренебреженіемъ Ливингстона; ежедневные успѣхи въ свѣтѣ быстро залѣчиваютъ эту рану. Но миссъ Флора чувствена какъ Джіованна Неаполитанская. Она не въ силахъ отдать другой женщинѣ красавца и силача ломающаго куски желѣза, перваго фздока Англіи, сажаягося не задумавшись на любую бѣшеную лошадь, юношу съ геркулесовскою грудью. Смѣлость замысла и ловкость съ какою онъ выполненъ, показываютъ въ по-

ручикъ-романистѣ дарованіе 'крайне-оригинальное. До Гея Ливингстона всякій англійскій писатель съ ужасомъ отшатнулся бы отъ совѣтника предложившаго ему изобразить типъ чувственной аристократической дѣвушки. Но въ книгѣ нами разбираемой, этотъ типъ приведенъ съ разительною ясностью, безъ жесткихъ поясненій, безъ всякой непристойной подробности, безъ всякаго утонченнаго намека изъ разряда тѣхъ намековъ, которые хуже отъявленнаго неприличія.

Свадьба Гея и миссъ Констанціи назначена къ осени: цѣлый столичный сезонъ остается для борьбы между двумя соперницами. Счастливая невѣста слишкомъ чиста душою для того чтобы предвидѣть опасность ей грозящую; оттого, въ строгомъ смыслѣ слова, тутъ не можетъ быть долгой борьбы; одинъ ударъ, нанесенный вовремя, прямѣе всякихъ изворотовъ велѣтъ къ данной цѣли. Миссъ Флора ждала своей минуты, поддерживая дружескія отношенія къ своему бывшему поклоннику, не выказывая никакой неприязни къ будущей его супругѣ. Ей было жалко, что Гей женится; она въ томъ открыто признавалась. Его семейная жизнь и домашніе интересы должны были положить предѣлъ ихъ прежнимъ веселымъ отношеніямъ *en bons camarades*, ихъ спорамъ, ихъ дружескимъ шуткамъ другъ надъ другомъ, ихъ отчасти эксцентрическимъ, но привлекательнымъ охотамъ. Женитьба Гея напоминала и ей, что пора покончить съ молодостью, усѣсться на одномъ мѣстѣ, въ послѣдній разъ провести сезонъ веселою, независимою дѣвушкой. На этомъ основаніи миссъ Флорѣ было весьма удобно дѣйствовать и выжидать своего часа.

И вотъ, на одномъ балѣ, въ чьемъ-то загородномъ замкѣ, ловкая тигрица почувствовала, что подошла минута броситься на свою добычу. Гей Ливингстонъ пріѣхалъ поздно; какой-то особенный обѣдъ въ офицерской messѣ задержала его болѣе обыкновеннаго. На Гея вино никогда не дѣйствовало замѣтнымъ образомъ; одинъ лишь зоркій глазъ миссъ Флоры могъ замѣтить, что бѣшеная ливингстоновская кровь на этотъ разъ обращается быстрѣе обыкновеннаго. Она шепнула слова два преданнѣйшей изъ своихъ подобострастныхъ поклонницъ — командное слово хитраго полководца, рѣшающее судьбу цѣлой кампаніи! Гей

подошелъ къ невѣстѣ, которая на этотъ вечеръ оказалась холодною, сосредоточенною обыкновеннаго. Обязательная кадрили съ будущею женою прошла скучно. Онъ провальсировалъ съ миссъ Флорой; танецъ ихъ длился болѣе и былъ сто разъ живѣе. Почти задыхаясь, соблазнительница прошла въ зимній садъ и бросилась на кушетку между цвѣтами. Все вокругъ было пусто и заманчиво. „Это нашъ послѣдній вальсъ, сказала она Гею, какъ товарищъ говоритъ своему товарищу: это наша послѣдняя шалость передъ старостью.“ Ливингстонъ сѣлъ около нея, невольно любуясь на ея глаза, на плечи, ея платье какой-то прозрачной матеріи, цвѣта морской воды, съ разсыпанными по немъ букетами гераніума. Миссъ Флора шутливо и грустно стала набрасывать исторію ихъ будущей семейной жизни: Гею приметъ должность по выборамъ и станетъ выкармливать огромный скотъ для хозяйственныхъ выставокъ; она выйдеть за ревниваго бѣгача, который не подпуститъ ея на выстрѣлъ къ строеніямъ Киртонъ Манора.

— Впрочемъ я сама туда не поѣду, заключила она свою рѣчь и вздохнула. Изъ-подъ маски веселаго, не взыскательнаго товарища юности, вспыхнулъ взглядъ влюбленной женщины.

Еще минута, и Гею Ливингстонъ, не помня себя, цѣловалъ искусительницу, а миссъ Констанція Брандонъ, введенная въ зимній садъ тою креатурой, съ которою перешепнулась миссъ Флора, стояла передъ забывшеюся группой.

Не много странно свести три энергическія натуры и устроить между ними смертное столкновение при помощи поцѣлуя, хотя бы и крайне неприличнаго, принимая во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства. Оно отчасти похоже на залпъ тяжелой батареи по зайцу; но общественное мнѣніе въ Англіи имѣетъ свои цензурныя условія, переступить которыя рѣшится лишь одинъ положительно грязный писатель. А поступить изъ разряда литераторовъ уважаемыхъ въ клику эротическихъ писакъ никому не весело. Итакъ поцѣлуй долженъ оставаться поцѣлуемъ изъ разряда самыхъ разрушительныхъ въ мірѣ. Гею Ливингстонъ и миссъ Констанція Брандонъ остались

одни въ зимнемъ саду: она—твердая и спокойная какъ умирающій гладіаторъ, онъ—полный гнѣва, какъ человѣкъ смертно обидѣвшій другаго человѣка, раздраженный тою мыслью, что невыносимо-цѣломудренная невѣста подстрегла его злонамѣренно. Ихъ объясненіе хорошо ведено авторомъ; намъ особенно понравилась одна психологическая черта, безъ которой не были бы совсѣмъ понятны послѣдующія событія. Рѣчь Ливингстона дерзка и почти не достойна джентльмена; но въ самыхъ рѣзкихъ и неправедныхъ выходкахъ грѣшника отражается безпредѣльная, имъ самимъ еще не вполне сознанныя любовь къ прежней невѣстѣ. „Я предостерегаю васъ, миссъ Констанція,“ говоритъ онъ послѣ первыхъ словъ разрыва. „Я не романтикъ и всегда говорю все что думаю. Когда вы выберете человѣка болѣе меня достойнаго, не спѣшите соединеніемъ. Повремените вашимъ согласіемъ, поберегите его. Или, еще лучше, подождите моей смерти.“

Черезъ день послѣ катастрофы Ливингстонъ уже во Франціи. На твердой землѣ у него много друзей: кузина Изабелла, убѣжавшая съ Форрестеромъ и сдѣлавшаяся супругой капитана, самъ разкащикъ на время оставившій Англію, наконецъ тотъ лордъ Могонъ, съ которымъ мы собирались знакомить читателя. Лордъ Могонъ, какъ характеръ, стоитъ всего произведенія; за него именно поручикъ Лоуренсъ и попалъ въ Байроны. Это колоссъ и силачъ, до времени посѣдѣлый, воинъ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ выбитый изъ обычной житейской колеи, чрезъ печальную исторію, своей юности. Онъ увезъ замужнюю женщину; лордъ Маннерингъ, мужъ его возлюбленной, отмстилъ за безчестіе тѣмъ, что не соглашался на разводъ съ бѣглою женой. Могонъ поступилъ въ австрійскую службу; на родинѣ ему не было ни крова, ни почета. Но и въ чужой землѣ жизнь удавалась не легче. Любимая женщина, убитая своимъ двусмысленнымъ положеніемъ, гасла на его глазахъ цѣлые годы. Въ злую минуту, неосторожная шутка иностранца оскорбляла эту женщину; при ссорахъ, обычныхъ въ военной жизни, первое рѣзкое слово противника падало на особу, за которую лордъ Могонъ былъ готовъ идти на всѣ мученія. Онъ застрѣлилъ на дуэли нѣсколькихъ товарищей, и это еще усилило тягость: никто не говорилъ громко, но шепотъ усиливался втрое. Наконецъ она умерла. Могонъ

вернулся домой и поселился въ старомъ, угрюмомъ загородномъ домѣ, посреди одного изъ безпокойнѣйшихъ уголковъ Ирландіи. Тамъ онъ охотился, рыскалъ безъ дѣла по окрестностямъ и изрѣдка принималъ немногихъ пріятелей. Сосѣди его боялись, буйное населеніе окрестныхъ деревень подстрѣкаемое демагогами (тогда было время волненій въ Ирландіи) глядѣло на лорда Могона крайне неласково. Иногда наскучивъ Ирландіей, ѣздилъ онъ въ Парижъ, въ Гомбургъ, въ Бадень, играя, сходясь съ такими же безпокойными скитальцами какъ самъ, и натываясь на мрачныя исторіи, которыя одни могли еще шевелить его могучую натуру, отступившую отъ всякой разумной дѣятельности.

Одинъ эпизодъ изъ приключеній лорда Могона въ Ирландіи принадлежитъ къ числу разказовъ, которые остаются въ литературѣ навсегда, хотя онъ не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи Гея Ливингстона. Мы остановимся съ особеннымъ вниманіемъ на означенномъ эпизодѣ. Разказъ идетъ отъ третьяго лица, не принимающаго участія въ романѣ. Передаемъ его съ нѣкоторыми сокращеніями.

„Въ началѣ декабря 184* года, разказывалъ Фредъ Керью, мы сидѣли и обѣдали въ замкѣ лорда Могона послѣ удачной охоты. Кромѣ меня и хозяина, тутъ были лордъ Клонтарфъ и жена моя Катя. Едва обѣдъ начался какъ раздался цѣлый градъ ударовъ въ главную дверь строенія. Фрицъ, старый слуга Могона, вывезенный имъ изъ Австріи, сошелъ внизъ, отворилъ двери и былъ сбитъ съ ногъ ворвавшимся въ нее человѣкомъ. Особа, вломившаяся такъ отчаянно, носила имя Михаила Келли и совокупляла званіе стряпчаго съ занятіями по управленію полудюжины окрестныхъ помѣстьевъ. Исправляя двѣ сказанныя должности, Келли нажилъ ненависть всего окрестнаго населенія, которое изловило его на пути домой въ этотъ вечеръ, намѣреваясь убить его, напередъ помучивши какъ слѣдуетъ, съ тою изобрѣтательностью, за какую этотъ великодушный и пылкій народъ достойно славится.

„Враги Келли не спѣшили исполненіемъ своего умысла; они заперли его гдѣ-то на чердакѣ, дали знать сосѣдямъ, и въ ожиданіи желаннаго часа, пьянствовали въ нижнемъ

этажѣ. Жертва кое-какъ добралась до окошка, спустилась изъ него и во весь духъ бросилась бѣжать къ ближайшему строенію, а ближайшимъ строеніемъ, по несчастію, оказался домъ Ральфа Могона. Двое мальчиковъ, видѣвшихъ бѣгство и открывшихъ пріютъ стряпчаго, подняли тревогу и крикъ, какой обыкновенно подается во время охоты за лисицами.

„Вотъ все, что могли мы понять изъ прерывистыхъ словъ посѣтителя, лежавшаго у нашихъ ногъ, задыхавшагося и почти доведеннаго до безчувствія агоніей страха.

„Могонъ во все время разказа сидѣлъ на столѣ пріемной залы, покачивая ногами и глядя на своего гостя съ лѣнивымъ вниманіемъ человѣка смотрящаго на кривлянья какой-нибудь новооткрытой и вновь-привезенной обезьяны. Когда разказъ былъ конченъ, онъ холодно показалъ рукой на двери.

„Никогда не забуду я крика испущеннаго жалкимъ существомъ при видѣ этого жеста.

„Я вопросительно взглянулъ на Ральфа.—Мой домъ не пріютъ для стряпчаго, сказалъ онъ на это.—Изъ-за одного того, что ваша жена подъ моею кровлею, я долженъ быть остороженъ. Въ нашемъ краѣ, подобныя исторіи не дѣтская забава.

„—Катя въ это время вышла къ намъ изъ столовой. Она услышала послѣднія слова, и сказала, вспыхнувъ отъ гнѣва.

„—Если мое присутствіе мѣшаетъ первымъ законамъ человѣколюбія, то въ такомъ случаѣ, полковникъ Могонъ, я готова оставить вашъ домъ сейчасъ же.

„Ральфъ слегка улыбнулся и вѣжливо поклонилъ голову.

„—Успокойтесь, мистриссъ Керью. Если вамъ угодно испытать нѣсколько возбудительныхъ сценъ, я исполню вашу волю съ удовольствіемъ. Рѣшено, мы за стряпчаго. Встаньте, сэръ,—полно валяться на полу какъ высѣченная собака. Вы покуда въ безопасности.

„Едва онъ кончилъ, какъ передъ входомъ послышался шумъ толпы, переговоры шепотомъ, потомъ стукъ въ дверь и слова: „намъ надо говорить съ полковникомъ, сейчасъ же“.

„—Я здѣсь; что вамъ надо? сумрачно произнесъ Ральфъ.

„—Намъ надо стряпчаго. Онъ у васъ въ домѣ.

„—Очень жаль; но выдать его мнѣ не угодно.

„— Такъ мы его возьмемъ сами, крикнули два или три голоса.

„— Попробуйте! отвѣтилъ Ральфъ.—А теперь я иду обѣдать. Доброй ночи!

„Тутъ раздался рѣзкій голосъ, еще не говорившій до этого времени.

„— Кушайте хорошенько, милый полковникъ, да поскорѣе. Пирсъ Делени задастъ вамъ сегодня ужинъ.

„И люди ушли.

„— Этотъ Делени силачъ, каменщикъ, объяснилъ Ральфъ,—его всѣ боятся. Будетъ горячая ночь. Фрицъ, отыщите Коннела.

„Пришелъ дворецкій; онъ только что узналъ о случившемся.

„— Приготовьте ружья и штуцера, пули и картечь, сказалъ хозяинъ, замка. На насъ нападутъ ночью.

„Смѣлое лицо слуги помертвѣло.

„— Во всемъ домѣ нѣтъ золотника пороху, отвѣчалъ онъ:—я хотѣлъ посылать за нимъ утромъ.

„Могонъ слегка засвисталъ, пожавъ плечами.

„— Не хорошо, сказалъ онъ. Въ пистолетномъ ящикѣ есть зарядовъ пятнадцать. Что же дѣлать? будемъ заряжать малымъ зарядомъ. Меддоксъ, обратился онъ къ груму, осѣдлайте Луча, скачите въ А..., передайте полковнику Гардингу, что мнѣ нуженъ взводъ драгунъ. Дорогу стерегутъ; пробирайтесь подъ деревьями, какъ можете. По васъ будутъ стрѣлять, они стрѣлки плохіе. Не испортите лошади.

„Грумъ поправилъ волосы, будто выслушавъ самое простое приказаніе, и вышелъ изъ комнаты.

„— Коннелъ, продолжалъ Ральфъ, возьмите Фрица и загородите мебелью лѣстницу. Галерею обложите матрацами, по два вмѣстѣ, только между ними оставьте мѣсто для стрѣльбы. Зажгите всѣ лампы и принесите свѣчи: первые выстрѣлы надымлять, такъ что ничего потомъ не увидишь. Ну, теперь я думаю можно идти обѣдать?

„Признаюсь, что у меня осталось мало аппетита. Катя ушла въ свою комнату, лордъ Клонтарфъ весело пилъ вино съ хозяиномъ; опасность не наложила ни малѣйшей тѣни на его лицо, розовое и юное какъ лицо пажей на картинахъ Буше.

„Я ушелъ провѣдать жену, и когда воротился, то не засталъ уже своихъ собесѣдниковъ на галереѣ, которая огибала

двѣ стороны зданія. Единственный доступъ въ жилые покои былъ по каменной, не очень широкой лѣстницѣ. Кухня и службы находились въ нижнемъ этажѣ почти необитаемаго строенія.

„Ральфъ имѣлъ при себѣ пистолеты, а кавалерійскій его палашъ, длинный и тяжелый, но удивительно ловкій для схватки, лежалъ подъ рукою.

„—Вотъ какъ мы устроили, сказалъ онъ.—Вы и Коннелъ возьмете ружья. Гладкіе стволы скорѣй заряжаются. да и разстояніе не велико. Клонтарфъ, какъ стрѣлокъ не знаменитый, будетъ съ саблей защищать лѣстницу. Кстати, я имѣю сказать вамъ слова два, Керью.

„Онъ отвелъ меня въ сторону; лицо его было сурово и строго.

„—Чѣмъ бы дѣло ни кончилось, сказалъ онъ,—вы отдадите мнѣ справедливость, я не рискнулъ бы волоскомъ вашей жены для спасенія всѣхъ стряпчихъ на свѣтѣ. Но помните одно: если насъ одолѣютъ, держите одну пулю въ запасъ для нея. Я знаю этихъ дикихъ бездѣльниковъ. Ей лучше десять разъ умереть нежели попасть въ ихъ руки. Впрочемъ, я надѣюсь, до этого не дойдетъ. Ружья не заряжайте послѣ выстрѣла, Фрицъ станетъ заряжать ружья. Цѣльтесь спокойнѣе, мы не въ состояніи терять ни одной пули. Выберите себѣ саблю или палашъ, сзади васъ ихъ довольно. А! вотъ они идутъ. Ну, теперь всѣ по мѣстамъ, и за дѣло!

„Раздался топотъ многихъ ногъ и гулъ набѣжавшей толпы по сторонамъ двери въ аванъ-залу. Вслѣдъ за тѣмъ возвысился чей-то грубый и рѣзкій голосъ:

„—Отвѣчайте разъ навсегда, выдаете намъ стряпчаго, или хотите чтобы вамъ самимъ пришлось плохо? У васъ въ замкѣ женщины, и...

„Мнѣ стыдно сказать, какими словами кончилась угроза. Я принадлежу къ числу смиренныхъ людей, но въ эти минуты я почувствовалъ себя злымъ волкомъ. Могонъ, далеко не смиренный по натурѣ, бѣшено закусилъ усь, и почти дрожащимъ голосомъ произнесъ:

„—Ну, Цирсъ Делени, если вы проживете до утра, то пусть моя правая рука отсохнетъ!

„Раздался рѣзкій крикъ со стороны нападающихъ, крѣпкая дубовая дверь застонала и заколыхалась подъ ударами тя-

желаго бревна, заранѣе приготовленнаго; черезъ двѣ минуты она слетѣла съ петель, и черезъ нее ползли три дикія фигуры, съ факелами и пиками; но предводителя ихъ, Делени, не оказалось между передовыми.

„—Вамъ лѣвый фланговый, Керью. Коннелъ, цѣльтесь въ середняго, сказалъ Ральфъ такъ холодно, какъ будто бы дѣло шло о тетеревахъ или другой дичи. Въ то же время онъ спустилъ курокъ пистолета, и бездѣльникъ стоявшій правѣ прочихъ упалъ на порогъ, не шевельнувшись и не крикнувъ, съ прострѣленною головою; дворецкій и я выстрѣлили почти также удачно. Нападеніе пріостановилось: но потомъ вся толпа кинулась разомъ, безпорядочно выстрѣлила изъ ружей, и вся незагороженная часть передней залы наполнилась непріятелями.

„Не могу въ подробности передать того, что было послѣ. Они отступали нѣсколько разъ: перейти баррикаду было невозможно; а между тѣмъ, пока ихъ пули безвредно вязли въ матрацахъ, каждый нашъ выстрѣлъ дѣлалъ свое дѣло: человѣкъ стрѣляетъ мастерски, когда у него пороха мало. Однако, несмотря на все, непріятель не отступалъ, а продолжалъ подаваться впередъ, каждый разъ съ удвоенною яростію.

„Нѣсколько разъ слышалъ я, какъ Могонъ ворчалъ съ неудовольствіемъ: „да гдѣ же эта каналья, что онъ не показывается?“ Онъ высматривалъ своего врага Делени. Внезапно я услышалъ съ правой стороны прерывистый крикъ, и, повернувшись, увидалъ лорда Клонтарфа въ ужасномъ положеніи. Приземистый человѣкъ держалъ его за горло и тащилъ съ балюстрады подъ прикрытіемъ облаковъ дыма. Пирсъ Делени успѣлъ пробраться на лѣстницу, и схвативъ неосторожнаго мальчика, спрыгнулъ внизъ, въ Абакъ-залу, вмѣстѣ съ своею жертвою.

„Съ радостнымъ крикомъ дикіе звѣри стѣснились около добычи, прежде чѣмъ я успѣлъ подумать о средствахъ спасенія. Вблизи меня раздалось ругательство, заставившее меня вздрогнуть даже въ эту критическую минуту: то былъ голосъ Ральфа, но какой-то дикій и горловой, вслѣдствіе бѣшенства. Не колеблясь ни минуты, онъ соскочилъ съ балюстрады прямехонько въ толпу нападающихъ. Они были пьяны, обезумлены запахомъ крови; но такъ ужасно было для нихъ имя Ральфа, что всѣ отступили на минуту передъ

палашомъ и сверкавшими глазами. Это мгновеніе спасло Клонтарфа. Ральфъ бросилъ его подъ арку ближайшей двери и сталъ между своимъ безчувственнымъ гостемъ и толпой непріятелей. Раздались два или три выстрѣла, но посреди этого хаоса цѣлиться было невозможно, и одинъ боецъ, именно Делени, кинулся впередъ, замахнувшись ружейнымъ прикладомъ: „Наконецъ-то!“ дико произнесъ Могонъ и слѣлалъ шагъ навстрѣчу. Ударъ, способный свалить бегемота, былъ ловко отраженъ движеніемъ палаша, и въ ту же секунду, однимъ быстрымъ и ловкимъ ударомъ, Ральфъ разсѣкъ лицо разбойника, отъ бровей до подбородка.

„Пирсъ упалъ, товарищи кинулись черезъ его тѣло, но они напали на человѣка, въ свое время не пугавшагося полудюжины венгерскихъ гусарскихъ сабель. Куда ни бросались они, всюду встрѣчало ихъ остріе палаша и удары самые жестокіе. Снова отшатнулись они, а въ то же время Делени, очнувшись отъ своей жестокой раны, ловко пролѣзъ впередъ, и весь въ крови, изрыгая проклятія, попытался повалить Ральфа на полъ, ухвативъ его колѣни.

„Брр! тутъ произошло дѣло, которое иногда и теперь по ночамъ мнѣ снится.

„Ральфъ поглядѣлъ внизъ, на врага, поглядѣлъ, и засмѣялся.

„Рука его съ палашомъ описала широкій кругъ въ воздухѣ, а затѣмъ Могонъ наступилъ ногой на раненаго, и опустивъ руку, буквально пришилъ его къ полу. Эти уши ясно слышали какъ сталь закричала по камню. Затѣмъ послѣдовали страшныя послѣднія судороги...

„Послѣ того на нѣсколько мгновеній все затихло. Ирландцы, какъ оробѣвшіе бараны, стѣснились около выхода: у нихъ не было зарядовъ, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ двинуться впередъ, черезъ ужасную преграду лежавшую теперь между ними и страшнымъ кирасиромъ.

„Все мною разказанное произошло вдвое быстрее нежели я разказываю. Я стоялъ и колебался, не зная сойти ли къ Ральфу, или идти, куда звалъ меня долгъ—къ бѣдной моей женѣ. Фрицъ находился позади меня, безъ движенія и присѣвши на колѣна; ему было приказано охранять меня до послѣдней крайности, но за то предатель, буфетчикъ Коннель, не выдержалъ и всталъ на ноги.

„—Чортъ возьми! сказалъ онъ:—я рубиться не мастеръ,

однако надо выручать барина,—и полѣзъ черезъ балюстраду и матрацы. Зоркій глазъ полковника замѣтилъ самое первое его движеніе.

„—Ни съ мѣста, Коннелъ, сказалъ онъ твердо, коротко и рѣзко.—Оставайтесь тамъ, я и одинъ управляюсь.

„И нагнувъ голову, онъ взмахнулъ палашомъ, а потомъ кинулся на разбойниковъ.

„Не удивительно, что они еще разъ отшатнулись: его лицо и вся фигура страшно преобразились, каждый волосокъ его окладистой бороды приподнялся отъ ярости, демонъ убійства зажегъ въ глазахъ Могона красное пламя.

„Въ это самое время раздался на дворѣ оглушительный крикъ, которому отвѣтилъ крикъ моей жены, молчавшей все время. Сначала я думалъ, что нападающіе взбираются къ окнамъ, но скоро понялъ что въ послѣднемъ крикѣ слышалась радость. Бѣдная Катя! Недаромъ она жила со мною въ казармахъ: стукъ стальныхъ кавалерійскихъ ноженъ былъ ей знакомъ какъ нельзя болѣе. Драгуны примчались во всю прыть коней, но на дворѣ и кругомъ дома остались лишь убитые и умирающіе. Могонъ проводилъ бѣглецовъ, и послѣдними ударами повалилъ двухъ оставшихъ. Мы снова вошли въ залу, и въ это время одинъ изъ раненыхъ приподнялся съ пола, умоляя о пощадѣ. Жалкій бѣднякъ, лучше было бы ему просить милости у голоднаго тигра въ Индіи! Снова опустилась рука, такъ часто опускавшаяся въ эту ночь, жалкій голосъ мольбы смѣнился смертнымъ воплемъ,—и когда мы подскочили къ Ральфу, онъ уже съхладнокровнымъ видомъ обтиралъ свой палашъ, окончившій работу.

„Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, когда я тронулъ его протянутую руку. Коннелъ задрожалъ и перекрестился...”

Пора однако вернуться къ самому роману.

Гей Ливингстонъ въ Парижѣ, съ Ральфомъ Могономъ и другими товарищами, жадными до игры, сильныхъ ощущеній и оргій. Цѣлая панорама мрачнаго безпутства, дуэлей, гибельныхъ излишествъ, проходитъ передъ нами; изрѣдка во всей этой отчаянной гадости мелькнетъ какое-нибудь благородное дѣло, проблескъ души, заблуждающейся, но не безчестной. Миссъ Флора Беллесизъ тоже въ Парижѣ, окру-

женная толпой старыхъ и новыхъ поклонниковъ. Ея не пугаетъ бѣшенная жизнь Гея; ей извѣстно, что эта жизнь не можетъ длиться, и она спокойно ждетъ своего часа. И Ливингстонъ готовъ вернуться къ хитрой обольстительницѣ, когда новое осязательное доказательство ея вѣроломства наконецъ открываетъ глаза герою романа.

Безпорядочная жизнь и душевное горе раздражили характеръ Гея, раздражили до того что постоянный и повидимому вѣрный слуга его Виллисъ счелъ за нужное оставить своего барина. Черезъ нѣсколько дней по его уходѣ, въ числѣ обыкновенныхъ писемъ, Гей получаетъ записочку, при чтеніи которой отчаянный стонъ вылетаетъ изъ его груди. Записка писана рукою Констанціи Брандонъ! „Я силюсь увѣрить себя, пишетъ бывшая невѣста, что вы не получили моего письма, посланнаго назадъ тому два мѣсяца... Но я рѣшаюсь писать снова... Я умираю, мнѣ остается жить нѣсколько недѣль, если не дней. Не знаю, позволятъ ли мнѣ увидать васъ,—но все-таки прѣзжайте. Я не должна умереть не сказавъ вамъ нѣсколькихъ словъ...“ Любовь и предсмертная тоска слышались въ этомъ письмѣ; но гдѣ же было первое, писанное за два мѣсяца, первое письмо, которое могло бы предохранить и Гея, и можетъ-быть миссъ Констанцію, отъ всего что принесено было этими двумя горькими мѣсяцами?

Минуты были дороги. Поручивъ Ральфу розыскъ о пропавшемъ посланіи, Ливингстонъ полетѣлъ въ Англію. Онъ зналъ, что можетъ-быть ѣдетъ на смерть; до него дошло извѣстіе, что братъ миссъ Констанціи прибылъ изъ Индіи; онъ зналъ, что этотъ братъ далъ клятву сосчитаться съ человѣкомъ обидѣвшимъ его сестру и единственную родственницу въ мірѣ. Но еслибы Гей и могъ бояться кого-нибудь, чего-нибудь, то настоящее положеніе дѣлъ не позволило бы ему думать про опасность. Бѣдный герой чувствовалъ, что любитъ миссъ Констанцію всѣми силами души своей; только наканунѣ вѣчной разлуки гордое сердце его поняло, какое сокровище отнято у него судьбою. Не помня себя отъ страсти и отчаянія, Ливингстонъ прискакалъ на родину, далъ знать бывшей невѣстѣ о причинахъ своей медленности, и весь вечеръ, подобно мальчику-любовнику, провелъ подъ окномъ ея дома. Но окна были закрыты и завѣшены: бѣдная дѣвушка уже не могла переносить свѣ-

жаго ночнаго воздуха. Только одно изъ оконъ |отворилось на минуту, и въ окнѣ показалась красивая, мрачная, грозная фигура молодого человѣка, по чертамъ лица сходнаго съ миссъ Констанціей. Черные глаза и энергически сжатые губы молодого Брандона говорили, что съ этимъ юношей страшно встрѣчаться на тѣсной дорогѣ. И несмотря на то, воротясь домой, Ливингстонъ нашелъ у себя записку отъ миссъ Констанціи. Ей было *дозволено* одинъ разъ, и *только одинъ*, увидѣться съ человѣкомъ, отъ котораго она умирала.

Мы не беремся передавать содержаніе одной изъ лучшихъ сценъ во всемъ романѣ, послѣдняго свиданія Гея съ любимой, умирающею дѣвушкой. Она писана слезами и кровью, если можно такъ выразиться. Исчезнулъ послѣдній слѣдъ гордости и неразумія; Гей съ рыданіемъ лежитъ у ногъ существа до тѣхъ поръ имъ не понятаго, называетъ себя убійцей, и порывы его отчаянія уступаютъ лишь кроткимъ утѣшеніямъ миссъ Брандонъ. Она приказываетъ ему простить ея непріятелей, не принимать вызова отъ ея брата, если будетъ вызовъ, требуетъ чтобъ онъ перемѣнилъ жизнь и сталъ инымъ человѣкомъ. Три часа любовники проводятъ, не отрываясь другъ отъ друга; эти три часа—горькій медовый мѣсяцъ всей страсти передъ раскрытою могилой.

Черезъ нѣсколько дней миссъ Констанція умираетъ и Гей Ливингстонъ находится на волосъ отъ смерти. Жестокая болѣзнь поразила его почти немедленно послѣ свиданія съ бывшею невѣстой. У постели больного находятся лучшіе его друзья, прибывшіе въ Лондонъ. Леди Катерина Ливингстонъ отъ него не отходитъ, Ральфъ Могонъ привезъ изъ Парижа вѣрныя доказательства тому, что первое письмо миссъ Брандонъ къ Гею было перехвачено по распоряженію миссъ Флоры. Но леди Катерина не охотно подпускаетъ Ральфа къ больному; ей конечно страшно видѣть эту суровую фигуру возлѣ блѣдной, изглоданной болѣзнію фигуры ея сына...

Желѣзное сложеніе не уступило недугу, Ливингстонъ начинаетъ медленно оправляться. Съ одра болѣзни встаетъ человѣкъ совершенно новый, безъ слѣда былой гордости и строптивости; три часа у ногъ умирающаго ангела изломали, пересоздали, осмыслили эту неукротимую натуру воина. Ни одного рѣзкаго слова, ни одного каприза, даже

дозволеннаго больному, ни одного помысла о мщеніи такъ заслуженномъ нѣкоторыми... Разказъ Могона о преступныхъ дѣйствіяхъ миссъ Флоры встрѣченъ холодно, извѣстіе о смерти миссъ Констанціи не вызвало проклятій или взрывовъ безумнаго отчаянія. Ливингстонъ только приказалъ не принимать никого изъ посѣтителей: въ одиночествѣ, въ молчаніи, можетъ-быть въ давно-забытыхъ молитвахъ провелъ онъ цѣлый день послѣ роковаго извѣстія... Лордъ Могонъ не зналъ что подумать, услыхавъ объ этомъ.

Прошло еще нѣсколько дней, Ливингстонъ, слабый и исхудалый, сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда ему доложили, что дама, не сказывающая своего имени, желаетъ его видѣть на самое короткое время. У Гея занялся духъ: онъ чувствовалъ, что настала минута страшнаго испытанія, что ему предстоитъ встрѣча съ женщиной погубившею и его, и существо которое онъ любилъ болѣе своей жизни. Предчувствіе оказалось не лживымъ предчувствіемъ; черезъ минуту миссъ Флора Беллесизъ явилась на порогъ его кабинета.

Инстинктивно выполняя родовой законъ вѣжливости передъ женщиной, Ливингстонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. „Признайтесь, что вы удивлены визитомъ,“ шутливо сказала миссъ Флора, дружески протягивая свою маленькую руку; но рука Гея только встрѣтилась съ нею безъ пожатія, безъ слѣда той сдержанной силы, которая когда-то такъ правила чувственной дѣвушкѣ...

Она сѣла и попыталась начать дружескую, насмѣшливо-нѣжную бесѣду прежнихъ дней искушенія, отвѣты хозяйина были коротки и холодны.

— Я полагаю, сказалъ онъ между прочимъ, я полагаю что вы имѣете сообщить мнѣ нѣчто важное; безъ этого вы не могли бы рѣшиться посѣтить меня, холостого и одинокаго человѣка.

Безконечная увѣренность миссъ Флоры начала колебаться. И для нея стало ясно, что приближались минуты роковаго испытанія.

— Гей, сказала она, говорите со мной ласковѣе. — Не глядите на меня такимъ страннымъ взглядомъ.

— Да, намъ пора объясниться, сказалъ онъ коротко и

рѣзко.—Миссъ Беллесизъ, по какому праву осмѣлились вы перехватить письмо ко мнѣ адресованное?..

Она попробовала представиться удивленною. Ливингстонъ съ презрѣніемъ объявилъ, что слуга ея подкупленный признался во всемъ и на бумагѣ скрѣпилъ подписью свое признаніе. Отвѣты миссъ Флоры были опасны и хорошо разчитаны.

— Не *вамъ* упрекать меня въ этомъ дѣлѣ! Я сама не знала что дѣлала. Я не знала, что она больна при смерти. Гей, пожалуйте меня...

— Вы не знали что она больна при смерти? Но вы знали что ее убьетъ ея письмо,—и такое письмо! — оставшееся безъ отвѣта! Вы знали все что она выстрадала, прежде нежели рѣшилась написать его. Вы знали все это, и не будьте вы женщиной, я бы отдалъ мою душу за право отмстить обидчику. И если я не могу мстить, то могу ли не чувствовать обиды и не понимать преступленія?..

Горькое сознаніе пораженія, отчаянное чувство, изъ-за котораго люди искали смерти и кидались въ безнадежную свѣчу, сильно уязвило душу, не привыкшую къ пораженіямъ.

— Такъ вотъ ваше рѣшеніе? вскричала она гнѣвно, и глаза ея засверкали, и губы судорожно сдвинулись.—Послѣ всего что я вынесла, послѣ всего чѣмъ я для васъ жертвовала, я сама принесена въ жертву этой тѣни, этой блѣдной и холодной статуѣ благоправія?..

Тутъ миссъ Флора съ усиліемъ остановилась, и хорошо сдѣлала.

Ливингстонъ вскочилъ на ноги, вся его бывшая сила къ нему вернулась, демонъ бѣшенства, хорошо знакомый Ральфу Могону, еще не былъ совершенно изгнанъ изъ этой неукротимой натуры.

— И вы смѣете оскорблять ее, ее передъ ея недавней могилой, оскорблять меня, еще не прожившаго мѣсяца съ ея смерти? Это опасныя шутки, берегитесь!

Миссъ Флора все-таки была женщина, не взирая на свой смѣлый духъ и неукротимое сердце. Ужасъ охватилъ ее при видѣ этого забывшагося, вытянувшагося во весь ростъ великана, ея собственный гнѣвъ замеръ передъ его гнѣвомъ, какъ замираетъ лагерный костеръ передъ пламенемъ степи объятаго пожаромъ. Она закрыла лицо руками и задрожала въ припадкѣ чисто физическаго ужаса. Это

спасло ее. Гей устыдился своего бѣшенства, и рѣчь его стала ласковѣе.

— Простите меня. Я забылся, я не имѣлъ никогда и, кажется, никогда не буду, имѣть власти надъ собою. Теперь намъ пора разстаться. Вы были у меня слишкомъ долго, вамъ нельзя рисковать собой для человѣка, который даже не можетъ платить вамъ за то благодарностію. Мы никогда не встрѣтимся болѣе.

— Да, намъ нужно разстаться, сказала она.—Но неужели мы расстаемся врагами? Ахъ, Гей, неужели вы не скажете мнѣ ласковаго слова? Припомните часы, которые я старалась сдѣлать для васъ радостными... Подарите меня на разставанье однимъ дружескимъ выраженіемъ участія...

И она схватила руку больного.

Онъ отвѣчалъ тихо и не торопливо; каждое слово звучало какъ звучатъ засовы запираемой тюремной двери.

— Изъ всего прошлаго я помню одинъ вашъ послѣдній поступокъ, и за него никогда, никогда вамъ не будетъ прощенія. Я не желаю вамъ ни счастья, ни несчастья. Между нами не можетъ быть тѣни чего-либо общаго. Насъ разлучаетъ бездонная пропасть свѣжей могилы, и самая мысль моя не перейдетъ этой пропасти, призываю Господа моего въ свидѣтели!...

Этимъ горькимъ прощаніемъ, по нашему мнѣнію, романъ долженъ былъ бы окончиться съ добавленіемъ нѣсколькихъ страницъ послѣдняго эпизода. Но молодой романистъ ведетъ насъ въ Италію, гдѣ Ливингстонъ теряетъ своего друга Форрестера, предательски убитаго бывшимъ поклонникомъ настоящей мистриссъ Форрестеръ. Убійца съ адскимъ искусствомъ скрывается отъ преслѣдованій, и это обстоятельство пробуждаетъ уснувшую энергію Гей. Безъ отдыха и остановки, Гей преслѣдуетъ предателя изъ края въ край, изъ города въ городъ, неотступностію своею изумляетъ лучшихъ офицеровъ полиціи и напослѣдокъ овладѣваетъ виновнымъ. Все это очень занимательно и показываетъ въ Ливингстонѣ человѣка готоваго отдать душу свою за друга, но мы сознаемся, что дѣятельность сыщика насъ мало трогаетъ, даже кажется намъ вовсе не соответствующею тому, чего мы въ правѣ ждать отъ героя, просвѣщеннаго тяжкимъ страданіемъ и часами проведенными у

постели любимой, умирающей женщины; мы хотѣли бы видѣть новаго Ливингстона на войнѣ, въ парламентѣ, посреди трудовъ и страстей сообразныхъ съ его богато-одаренною натурой, наконецъ онъ былъ бы понятенъ въ горькомъ и безотрадномъ бездѣйствіи; но полицейская неумолимость и поимка убійцы — чистая авторская неловкость. Тутъ нѣтъ ни величавой скорби разбитого сердца, ни задатковъ новой широкой дѣятельности.

Заключительный эпизодъ романа болѣе достоинъ авторскаго таланта. Ливингстонъ опять на родинѣ, опять въ замкѣ своей матери, посреди небольшого круга людей преданныхъ. Если въ душѣ своей онъ сталъ инымъ человекомъ, то эта перемена не высказывается въ его дѣятельности и образѣ жизни; скорбь гнететъ его душу, не позволяетъ ей выискивать себѣ новыхъ путей, новыхъ интересовъ. Къ душевной тоскѣ присоединяется нѣчто въ родѣ предчувствія близкой кончины. И предчувствіе не обманываетъ его; на одной охотѣ съ борзыми (охотѣ описанной со страстію истиннаго собачника) Ливингстонъ, на минуту забывъ свою апатію, въ жару преслѣдованія, хочетъ перескочить изгородь на своемъ великолѣпномъ конѣ, издавна привыкшемъ къ подобнымъ подвигамъ. На бѣду, въ минуту прыжка, заднія ноги лошади поскользнулись, и вѣрный скакунъ тяжело грянулся о землю, придавивъ ѣздока подъ собою. Когда товарищи подѣхали къ Гею, ихъ опытный глазъ безъ труда проникъ всю безнадежность его положенія. Спинная кость была сломана, не оставалось надежды на жизнь, и мало того, кончина должна была произойти медленно, страшно, мучительно.

Вотъ весь первый романъ Лоуренса; при всей блѣдности нашего разказа, мы надѣемся, что причина его успѣха очень понятна. Несмотря на ужасъ послѣдней главы, которой мы не касались, не взирая на эпизоды жесткіе и слишкомъ дѣйствующие на нервы, общее впечатлѣніе можетъ назваться здоровымъ и свѣжимъ. Читателю, давно отвыкшему отъ всего молодаго и энергическаго, пріятно остановиться на этихъ силачахъ-герояхъ, на этихъ смѣ-

лыхъ женщинахъ, на этихъ горячихъ сценахъ, совершенно не подходящихъ къ дарованію Тrollope или Бульвера. Слава молодого писателя распространилась быстро, можетъ-быть даже слишкомъ быстро, а результатомъ этой быстрой извѣстности, и неразлучныхъ съ нею книгопродавческихъ искушеній, въ самое короткое время появился новый романъ, который безъ сомнѣнія будетъ ненавистенъ самому автору въ годы его зрѣлости.

Мы можемъ посвятить этому роману лишь нѣсколько замѣчаній; подробнаго разбора онъ не стоить, да наконецъ онъ уже переведенъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, подъ заглавіемъ *Мечъ и Право. Sword and Gown* г. Лоуренса не можетъ даже назваться неудачнымъ произведеніемъ; названная книга есть просто сколокъ съ Гей Ливингстона; поэтому, она имѣетъ прелесть для нечитавшихъ Гей, но для знакомаго съ нимъ читателя обильна одною скукой. Такъ подражать самому себѣ возможно лишь въ пору дряхлости таланта, или въ эпоху юношеской неосмотрительности. Къ счастью, однако, не все заслуживаетъ порицанія въ послѣднемъ романѣ Лоуренса: его заключительныя главы не только свидѣлствуютъ о силѣ авторскаго дарованія, но еще и высказываютъ въ немъ новую, истинно поэтическую сторону. Короче сказать, за романы въ родѣ *Sword and Gown* авторовъ ругаютъ нещадно, но они не разрушаютъ надеждъ возбужденныхъ первыми, болѣе счастливыми произведеніями.

На югѣ Франціи, въ одномъ изъ приморскихъ мѣстъ, особенно любимыхъ Англичанами, пріютилось маленькое семейство изъ трехъ лицъ, находящихся между собою въ довольно странныхъ отношеніяхъ. Гарри Молиньюксъ и жена его Фанни принадлежатъ къ разряду людей всѣми любимыхъ и всѣми ласкаемыхъ, такъ они хороши, добры, милы, ласковы и отчасти безпомощны. Оба молоды, оба нѣсколько избалованы общею ласкою, бракъ ихъ былъ бракомъ по страсти, и ихъ любовь поддерживается во всей силѣ печальнымъ обстоятельствомъ: Гарри, отставной кавалеристъ, разстроилъ свое здоровье шумною жизнію и ему угрожаетъ ахотка. Третій членъ семейства, другъ и бывший командиръ Гарри, пріобрѣлъ себѣ извѣстность подвигами въ Индіи и жизнію болѣе бурною чѣмъ назидательною. И ростомъ, и мрачною красотою лица, и суровою энергіей духа,

майоръ Ройстонъ-Кинъ рѣзко отличается отъ друзей своихъ: противъ воли своей они глядятъ на него почти какъ на защитника и старшаго брата; для Гарри какъ будто не кончились прежнія отношенія субалтернъ-офицера; мистриссъ Фанни и любитъ, и страшится угрюмаго майора. Очень трогательно и мило это изображеніе двухъ молодыхъ и слабыхъ существъ, приникшихъ къ сильному человѣку, какъ плющъ обвивается около могучаго дуба; но, къ сожалѣнію, вымыселъ не имѣетъ для насъ ничего новаго, и лица выведенныя авторомъ уже были нами встрѣчены подъ именемъ супруговъ Форрестеровъ, пользующихся защитой и покровительствомъ суроваго кирасира Гея Ливингстона.

Небольшая англійская колонія, къ представителямъ которой принадлежатъ Гарри и его семейство, взволнована прибытіемъ миссъ Сесиліи Трезильянь, первой красавицы послѣдняго лондонскаго сезона. Несмотря на авторскія старанія и метафорическій языкъ, какимъ онъ описываетъ свою героиню, она не что иное какъ сліяніе двухъ героинь Гея Ливингстона, то-есть знакомой намъ миссъ Флоры Беллессизъ съ добрыми качествами миссъ Констанціи Брандонъ, или миссъ Констанціи Брандонъ съ гордостью и блескомъ миссъ Флоры Беллессизъ. Новая гостя стоила своей славы и общаго поклоненія; ея прибытіе расшевелило всѣхъ холостяковъ и искателей нѣжныхъ исторій; самъ угрюмый майоръ Кинъ смотритъ на нее не безъ любопытства и симпатіи. Въ свою очередь Ройстонъ-Кинъ интересуется собой дѣвушку, не выдавшую другихъ мушкетъ, кромѣ львовъ столичнаго круга. Ей занимательны даже неодобрительные разказы сплетниковъ; она не тревожится тѣмъ, что молодость майора была полна эксцентрическихъ похожденій; ея не ужасаетъ свидѣтельство очевидцевъ о томъ, что Ройстонъ-Кинъ, знаменитый въ Индіи за свою храбрость, портилъ себѣ военную славу тою жадностью до убійства и кровопролитія, которая всегда разгаралась въ немъ въ минуты боя. Понятно, къ чему ведетъ это взаимное вниманіе. Послѣ нѣсколькихъ недѣль въ одномъ городѣ, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ и прогулокъ, между Ройстонъ-Киномъ и Сесиліей завязывается, противъ ихъ воли, романъ страстный и причудливый какъ они сами. Можетъ-быть романъ этотъ не дошелъ бы до своего полного развитія, еслибы въ роковое вмѣшательство одного дѣйствующаго лица не

подлило масла въ огонь начинавшій разгараться. Пасторъ Фуллертонъ, вредное и лицемерное созданіе, давно слѣдитъ за Сесиліей и старается всѣми силами разрушить ея начинающіяся отношенія къ майору, котораго ненавидитъ всею душой. Онъ добываетъ положительное свѣдѣніе о томъ что Ройстонъ-Кинъ женатъ весьма несчастливо, что жена, отравившая всю его молодость, живетъ гдѣ-то на югѣ Италіи,—и добывъ это извѣстіе, сообщилъ его миссъ Трезильянь въ самую неподходящую минуту, въ кругу ея близкихъ, въ обществѣ людей заинтересованныхъ ея положеніемъ. Ловко подготовленный эффектъ однако пропадаетъ попустому, и Ройстонъ, какъ и молодая дѣвица, достаточно владѣютъ собой для того чтобы не потеряться на первыхъ же минутахъ, а ихъ взаимная привязанность, по своей необузданной силѣ, не можетъ уступать препятствіямъ страшнымъ для свѣта.

Со дня роковаго открытія, герой и героиня сближаются еще болѣе. Ройстонъ-Кинъ не скрывалъ своего несчастнаго брака; если онъ молчалъ о своей женѣ и разлукѣ съ нею, въ томъ не было никакихъ расчетовъ; до его семейныхъ несчастій никому не могло быть дѣла. Онъ не гонялся за Сесиліей, какъ за богатою невѣстой; ихъ отношенія были просто отношенія двухъ друзей сходныхъ натурами. Но когда клевета стала ихъ преслѣдовать, когда ихъ возникавшей любви былъ указанъ одинъ лишь исходъ, и исходъ неминуемо несчастный—ихъ гордость и презрѣніе къ свѣту явились и усилили собою горячность двухъ существъ, и безъ того горячихъ. Послѣ недолгихъ колебаній было рѣшено торжественно разорвать связи съ обществомъ и жить для однихъ себя, наперекоръ всѣмъ приговорамъ и самой будущности. Если бракъ былъ невозможенъ, оставалась возможность жизни вдвоемъ гдѣ угодно, кромѣ Англіи. Любовники рѣшаются уѣхать вмѣстѣ, слово дано, день назначенъ. Ройстонъ-Кинъ отлучается отъ морскаго берега для небольшихъ приготовленій; Сесилія остается одна на сутки, послѣднія сутки дѣвственной жизни, подъ эгидой и законами европейскаго общества, среди людей одного съ ней края, которыхъ уваженіемъ пользовалась она и пользовался весь родъ ея, и дома и на чужбинѣ.

Судьба, однакоже, не даетъ погибнуть этой блистательной дѣвушкѣ. Сесилія имѣетъ между своими отвергнутыми по-

клонниками одного друга. Этотъ другъ, знаменитый юристъ и свѣтило судебныхъ мѣстъ своей родины, подоспѣваетъ на выручку въ самую рѣшительную пору. Рядомъ пламенныхъ доводовъ, онъ раскрываетъ передъ гордою красавицею всѣ послѣдствія ея губельнаго рѣшенія. Сильнымъ словомъ убѣжденія пробуждаетъ въ ней всѣ инстинкты чистой дѣвической натуры и въ довершеніе даетъ знать, что во всякомъ случаѣ онъ, Маркъ Ворингъ, станетъ между двумя любовниками, какъ сталъ бы старшій братъ между сестрой и человѣкомъ ее губящимъ. Испытаніе миновало благополучно; на слѣдующій день Ройстонъ-Кинъ не находитъ уже своей избранной; миссъ Сесилія Трезильянтъ посвѣдно оставила морской берегъ и южную Францію.

Все это, какъ читатель видитъ, не очень ново и даже не очень занимательно. Кромѣ лицъ, сходство которыхъ съ дѣйствующими лицами Гея Ливингстона нами указано, въ романѣ найдется еще не мало фотографій съ прежнихъ, удавшихся портретовъ. Лордъ Могонъ снова выглядываетъ на насъ въ мрачной фигурѣ израненаго ротмистра африканскихъ конно-егерей, виконта де-Шатомениля; пасторъ Фуллертонъ взятъ съ шотландскаго адвоката, бывшаго жениха Изабеллы Форрестеръ и убійцы ея мужа.

Но мы уже сказали, что въ романѣ *Sword and Gown*, несмотря на его вопіющіе недостатки, есть эпизодъ, показывающій въ авторѣ силу первокласснаго романиста. Эпизодомъ этимъ заняты послѣднія главы произведенія. Загорѣлась крымская кампанія, войска союзниковъ обложили Севастополь, въ траншеяхъ и на чистомъ полѣ открылась работа множеству людей, не знавшихъ до той поры что съ собой дѣлать. Майоръ Ройстонъ Кинъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ отечества, вступилъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ участвовавшихъ въ высадкѣ, и подъ Балаклавой очутился дѣйствующимъ лицомъ въ той загадочной, но геройской кавалерійской атакѣ, которой до сихъ поръ ни одинъ военный писатель ни понять, ни объяснить не можетъ. Нелѣпѣйшій приказъ, исторія котораго погибла съ адъютантомъ, его передавшимъ, погубилъ цѣлую бригаду, безропотно бросившуюся на вѣрную смерть, даже безъ надежды столкнуться съ непріателемъ. Въ числѣ убитыхъ офицеровъ показанъ былъ и герой романа,—но смерть приходитъ медленно къ такимъ сильнымъ людямъ:

майоръ Кинъ израненый, лишившійся лошади, брошенный на пустомъ полѣ, отбился отъ наскакавшихъ казаковъ, и со смертельною раной былъ перевезенъ въ Скутари, въ тотъ самый госпиталь, гдѣ миссъ Найтингель, съ партіей неутомимыхъ подругъ, совершала свои христіянскіе подвиги.

И тутъ-то, въ обители смерти и страданія, суждено было развязаться исторіи миссъ Сесиліи Тризилиентъ и умирающаго Ройстонъ-Кина. Нужно ли говорить, что Сесилія, послѣ своей разлуки съ любимымъ человѣкомъ, посвятила себя дѣламъ благотворительности, что она была въ Константинополь вмѣстѣ съ миссъ Найтингель, что она проводила дни и ночи у одра раненыхъ, и что въ тотъ день когда госпиталь наполнился жертвами безумнаго балаклавскаго дѣла, на ея руки поступилъ тотъ человѣкъ, который когда-то пробудилъ всѣ любящіе инстинкты въ гордой дѣвической натурѣ.

Ройстонъ-Кинъ хорошо зналъ, что ему остается жизни лишь на нѣсколько дней; Сесилія видѣла, что неумолимая смерть стоитъ на концѣ ихъ послѣдняго свиданія. И не смотря на то, оба поспѣшили взять свою долю земнаго счастья. Любящіе и неразлучные, смягченные сердцами, они прильнули другъ къ другу какъ дѣти, и безмѣрно трогательны вышли отношенія умирающаго къ сестрѣ милосердія. Анализировать этотъ послѣдній эпизодъ мы не можемъ; это вышло бы все равно, что анализировать строфу изъ *Чайльдъ-Гарольда*: такъ много въ ней глубочайшей поэзіи и святаго чувства. Достаточно будетъ сказать, что подобному эпизоду и подобной развязкѣ позавидовали бы лучшіе изъ истинныхъ поэтовъ. Странно встрѣтить такой конецъ въ такомъ неудачномъ романѣ; но нельзя не признаться, что писатель, способный заключать свою прозу такимъ блескомъ поэзіи, предназначенъ на что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное.

А. Дружининъ.

ЗАПИСКИ

СЭРЪ-РОБЕРТА ВИЛЬСОНА

О НАШЕСТВІИ НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ

И

ОБЪ ОТСТУПЛЕНІИ ЕГО АРМІИ.

Въ 1860 году издана въ Лондонѣ книга подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе событій, случившихся во время нашествія Наполеона Бонапарта на Россію и отступленія французской арміи въ 1812 году*, соч. генерала, сэръ-Роберта Вильсона ¹. Вслѣдъ за нею, въ прошломъ году, въ Лондонѣ же напечатанъ его: *Частный дневникъ о его путешествіяхъ и служебныхъ порученіяхъ, также какъ и о народныхъ событіяхъ, случившихся во время его нахожденія при европейскихъ арміяхъ въ продолженіи походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, отъ нашествия на Россію до взятія Парижа*. ²

¹ Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army. 1812. By general sir Robert Wilson, knight of Maria Theresa, baron of Austria and of the holy Roman empire; grand gross of St. Anne of Russia; knight commander of St. George of Russia, etc. etc. British commissioner at the head-quarters of the Russian army. London. 1860.

² Private diary of travels, personal services, and public events, during mission and employment with the european armies in the campaigns of 1812, 1813, 1814, from the invasion of Russia to the capture of Paris. By the same. in two volumes. London. 1861. Оба сочиненія издавы зятемъ сочинителя, оксфордскимъ магистромъ, пасторомъ Гербертомъ Рандольфомъ. Первое изъ нихъ еще въ 1860 году вышло вторымъ изданіемъ.

Оба эти сочиненія замѣчательны не только по своимъ литературнымъ достоинствамъ: сжатости, картинности, силѣ и необыкновенной ясности изложенія, но и въ историческомъ отношеніи, по причинѣ того исключительнаго положенія, которое занималъ Вильсонъ. Какъ англійскій генералъ и военный агентъ англійскаго правительства при главной квартирѣ русской арміи, онъ былъ единственнымъ во всемъ войскѣ офицеромъ, который, не состоя въ подчиненіи главнокомандующаго, имѣлъ право подавать свои мнѣнія на военныхъ совѣтахъ, и былъ обязанъ сообщать своему правительству сужденія свои обо всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ. И то, и другое Вильсонъ, какъ видно изъ его записокъ, исполнялъ дѣлательно, иногда, можетъ-быть, съ излишнею настойчивостью, нерѣдко, кажется, съ односторонностію увлеченія, но всегда съ добросовѣстностію, съ правдивостію и по внушенію твердаго убѣжденія.

Обстоятельства предшествовавшей его жизни служатъ объясненіемъ тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ находился при составленіи своихъ записокъ. Не зная ихъ, не возможно было бы отличить въ его сужденіяхъ тѣхъ убѣжденій, которыя, будучи внушены пристрастіемъ, не могутъ быть признаны истинными, хотя и высказаны правдиво, отъ тѣхъ мнѣній, которыя, какъ прямое выраженіе его разсудка, согласны съ справедливою историческою критикой.

I.

Сэръ-Робертъ Вильсонъ рано посвятилъ себя военному поприщу: въ концѣ 1793 года, едва достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, онъ вступилъ въ англійскія войска, находившіяся въ Голландіи, и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Ирландіи (1797—1799), другихъ двухъ лѣтъ, съ Тильзитскаго мира до 1808 года, и наконецъ еще двухъ лѣтъ, со времени окончанія португальской кампаніи до 1812 года, почти не сходилъ съ боеваго коня, сражаясь то въ Голландіи, то въ Египтѣ, то на мысѣ Доброй Надежды, то въ Польшѣ и въ Пруссіи, то въ Португаліи и въ Испаніи; посѣтилъ въ это время, кромѣ означенныхъ странъ, Италію, Австрію, Россію, Швецію, Данію,

Малую Азію и Бразилію и видалъ вблизи смерть на сушѣ и на морѣ.¹

Въ награду за столь дѣятельную службу, стяжавшую ему между прочимъ одобреніе знаменитаго лорда Веллеслея (въ послѣдствіи герцога Веллингтона), Вильсонъ въ 1812 году, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, былъ уже генералъ-бригадиромъ² англійской арміи, барономъ Священной Римской имперіи, кавалеромъ австрійскаго ордена Маріи-Терезіи и имѣлъ медали австрійскую за военныя дѣйствія въ Голландіи (1794), англійскую за португальскій походъ (1796) и турецкую за египетскій походъ.

Кромѣ качествъ хорошаго боеваго офицера, Вильсонъ, находясь въ званіи великобританскаго военнаго агента при русской арміи во время прусскаго похода, успѣлъ доказать свои способности къ этой должности; во время свиданія двухъ императоровъ въ Тильзитѣ, онъ собралъ нѣкоторыя нужныя для англійскаго правительства свѣдѣнія, для чего даже переодѣвался казакомъ; и потомъ, онъ первый привезъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ и въ Лондонъ извѣстіе о намѣреніи Россіи вторгнуться въ Финляндію и разорвать миръ съ Англіей.

Вѣроятно, эти соображенія побудили принца-регента (Георга IV) отправить Вильсона въ Константинополь, съ тѣмъ [чтобъ онъ состоялъ въ распоряженіи г. Листона, ѣхавшаго туда въ званіи посланника его великобританскаго величества при Портѣ Оттоманской. По крайней мѣрѣ, сообщая Вильсону объ этомъ назначеніи его, тогдашній статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, лордъ Кастльри (Castlereagh) выражалъ надежду, что его „военная опытность, равно какъ и короткое знакомство съ русскимъ войскомъ и со многими изъ главныхъ въ ономъ начальниковъ“ дадутъ ему возможность „быть полезнымъ г. Листону и

¹ Вильсонъ нѣсколько разъ находился въ опасности потонуть: два раза на пути въ Египетъ, при переѣздѣ изъ Мессины въ Мальту; однажды въ виду бразильскихъ береговъ, когда погибли три корабля изъ англійской флотиліи; еще разъ, при возвращеніи съ мыса Доброй Надежды въ Англію, когда, переѣзжая въ шлюпкѣ съ одного корабля на другой, онъ былъ застигнутъ ночью среди Атлантическаго океана; и наконецъ въ Категатѣ, на пути въ Пруссію.

² Чинъ генерала-бригадира, нынѣ не существующій, соответствовалъ нашему, также уничтоженному, чину бригадира.

доставлять ему свѣдѣнія о расположеніи и состояніи этихъ войскъ и о ходѣ военныхъ дѣйствій.“

Но еще прежде прибытія Листона въ Константинополь былъ подписанъ Букарестскій договоръ. Такимъ образомъ уничтожалась цѣль посланки Вильсона, который, какъ видно изъ его записокъ, назначался главнымъ образомъ для того чтобы способствовать Листону въ примиреніи Россіи съ Турціей и въ возбужденіи послѣдней къ войнѣ съ Наполеономъ. Впрочемъ Листонъ, познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ и переговора съ находившимся тамъ русскимъ уполномоченнымъ Италинскимъ, убѣдился въ пользѣ отправления Вильсона къ императору Александру для представленія, что Букарестскій миръ не можетъ быть надеженъ иначе какъ если Россія, откажется отъ плаванія по рѣкѣ Фазису (то-есть Ріону), составлявшей часть границы ея со стороны азіатской Турціи, и что предположенный проходъ русскихъ войскъ въ Далмацію черезъ турецкія владѣнія послужитъ неминуемымъ предлогомъ къ возобновленію со стороны Турціи военныхъ дѣйствій, къ разрыву мира, который она считаетъ оскорбительнымъ для себя, и къ заключенію ею наступательнаго союза съ Наполеономъ. Кромѣ того, такъ какъ въ это время уже получено было въ Константинополѣ извѣстіе о вступленіи французской арміи въ Россію, то Листонъ нашелъ нужнымъ назначить Вильсона для состоянія при главной русской арміи въ званіи англійскаго военнаго агента. Италинскій и бывшій съ нимъ русскій адмиралъ Грейгъ засвидѣтельствовали Листону, что назначеніе Вильсона въ эту должность будетъ пріятно императору Александру, лично его знавшему, и Листонъ обратился къ турецкому правительству съ требованіемъ о немедленномъ снабженіи Вильсона паспортомъ для отъѣзда въ Россію.

Требованіе это было исполнено не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли: предлогомъ этого замедленія служила печаль султана по случаю смерти его сына, но истинною его причиною было опасеніе дивана возбудить неудовольствіе Франціи. Настоянія Листона одержали однакоже верхъ надъ этими опасеніями, и 15/27 іюля 1812 года сэръ-Робертъ Вильсонъ выѣхалъ изъ Константинополя; пробылъ три дня въ Букарестѣ для объясненій съ главнокомандующимъ дунайскою арміей, адмираломъ Чичаговымъ, и 2/14 августа, на двадцатый

день послѣ своего выѣзда, уже былъ въ Смоленскѣ, въ кругу своихъ сослуживцевъ по прусскому походу, Беннигсена, князя Голицына и другихъ.

Доведя этотъ обзоръ служебнаго поприща сэръ-Роберта Вильсона до начала его офиціальной дѣятельности въ Россіи въ 1812 году, мы должны упомянуть о личныхъ его свойствахъ: иначе понятіе о его сочиненіяхъ будетъ неполно, ибо свойства эти отражаются въ нихъ съ такою естественною живостію, какая встрѣчается развѣ лишь въ иныхъ портретахъ, поражающихъ своимъ сходствомъ даже тѣхъ людей, которые не знаютъ лицъ, на нихъ изображенныхъ.

Прежде всего, и по преимуществу, сэръ-Робертъ былъ военнымъ человѣкомъ: первое впечатлѣніе, которое произвелъ на него Константинополь было удивленіе, что столько султановъ могли погибнуть жертвами мятежей въ городѣ, представляющемъ правительству такія удобства для защиты; цѣлый вечеръ, по его собственному сознанію, провелъ онъ въ обдумываніи какъ слѣдовало бы расположить въ Константинополѣ укрѣпленія, и гдѣ распределить караулы. Любовь къ войнѣ преобладала у него надъ всѣми прочими наклонностями: какъ только раздавалась гдѣ-нибудь канонада, Вильсонъ уже спѣшилъ съѣсть на коня, чтобы не пропустить случая видѣть какую-нибудь удалую кавалерійскую атаку, или *чудную* рукопашную схватку, или *великолѣпное* зрѣлище упорнаго боя на пылающихъ развалинахъ какого-нибудь города. Бивачная жизнь была исполнена для него неизъяснимой прелести, и онъ съ увлеченіемъ поэта говоритъ, что воспоминаніе прежнихъ битвъ, очарованіе звуковъ военной музыки, радостные крики: ура! переносятъ его въ такой рай, въ которомъ, для полноты наслажденія, не нужно даже непремѣннаго условія Магомета рая.

Понятно, что при такомъ боевомъ настроеніи духа, соединенномъ съ пламенною, восторженною любовью къ Россіи и съ закоснѣлою, чисто-британскою, ненавистью къ Наполеону, Вильсонъ заслужилъ отъ казаковъ лестное для него названіе „нашъ англійскій генералъ“, и снискалъ пріязнь многихъ изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ, съ которыми уже былъ соединенъ узами военного товарищества прежде, на поляхъ Эйлау, Гейльсберга и Фридланда.

Но именно эта дружба Вильсона съ самыми предприим-

чивыми изъ русскихъ генераловъ, равно какъ и пристрастіе его къ *лихимъ* схваткамъ и къ *чуднымъ* подвигамъ, съ самаго начала внушили ему непріязнь къ нашему Фабію-Медлителю, который сдерживалъ и озлобленіе Беннигсена, и отвагу Ермолова, и пылъ Милорадовича, и давалъ только одному Платову полную волю бичевать фланги и тылъ отступавшаго врага. По выступленіи изъ Тарутина, непріязнь Вильсона къ Кутузову увеличивалась съ каждымъ сраженіемъ, и возрастая по мѣрѣ того какъ „зловѣй вселенной“ проходилъ мимо русскихъ войскъ подъ Вязмою, подъ Краснымъ и наконецъ окончательно ускользнулъ изъ рукъ у Березины, перешла въ ненависть, заглушившую въ Вильсонѣ всякое чувство справедливости въ отношеніи къ Кутузову и заставлявшую его отрицать въ этомъ полководцѣ не только всякую воинскую способность, но и личную храбрость, и даже чувство преданности отечеству. Вильсонъ, по временамъ, до того ожесточается противъ Кутузова, что даже осыпаетъ его ругательствами, которыя однако не могутъ помрачить славу этого полководца.

Не должно впрочемъ думать, чтобы Вильсонъ во всѣхъ случаяхъ приносилъ справедливость въ жертву своимъ предубѣжденіямъ: не смотря на очевидную нелюбовь свою къ Барклаю де-Толли, онъ съ уваженіемъ отзывается объ его личной храбрости; несмотря на свою ненависть къ Наполеону и ко всѣмъ его маршаламъ-самозванцамъ, какъ онъ ихъ называетъ, онъ воздаетъ должную дань уваженія пылкой отвагѣ Мюрата подъ Чернишней, благородному мужеству Богарне при Вови, геройскому хладнокровію Нея на походѣ въ Оршу. При видѣ страданій французскихъ плѣнныхъ, ожесточеніе Вильсона противъ Французовъ прекращается: подъ Дорогобужемъ онъ отдаетъ французскому гренадеру сухарь, который уже подносилъ ко рту; въ Тарутинѣ снабжаетъ деньгами взятаго въ плѣнъ племянника генерала Кларка; въ Минскѣ, кромѣ денегъ, дѣлитъ своимъ скуднымъ запасомъ бѣлья съ плѣннымъ племянникомъ Талейрана. Особенно заботится онъ о плѣнныхъ Испанцахъ и, въ угожденіе дочери своего короля ¹, хлопочетъ въ До-

¹ Старшая дочь короля Георга III, принцесса Шарлотта, была второю супругой Фридриха, перваго короля вюртембергскаго.

рогобужѣ объ отпускѣ на родину двухъ плѣнныхъ Виртембергцевъ. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ сердце Вильсона было доступно иѣжной привязанности, служатъ проникнутыя неподдѣльною скорбію строки, которыя онъ посвящаетъ памяти умершаго въ Вильнѣ своего друга и бывшаго адъютанта, лорда Тэрконеля.

Къ этимъ прекраснымъ качествамъ сэръ-Роберта должно присовокупить другія, которыя обнаруживаются въ его запискахъ и которыя должны были придавать особенную прелесть личнымъ съ нимъ сношеніямъ. Получивъ основательное классическое образованіе, онъ еще усовершенствовалъ его, благодаря своей любознательности; вездѣ, куда его заносила кочевая служебная дѣятельность, онъ, посѣщая памятники древности или мѣстности прославленныя исторіей, провѣрялъ личными впечатлѣніями понятія вынесенныя имъ изъ книгъ, и впечатлѣнія, эти умѣлъ передавать живо, умно и изящно. Притомъ, по любви къ художествамъ, наслѣдованной можетъ-быть отъ отца¹, онъ, въ минуты самой кипучей своей дѣятельности, не пропускалъ случая купить для отсылки въ Англію,—въ Константинополь,—обломки какой-нибудь греческой статуи, носившей слѣды искуснаго рѣзца,—въ Петербургъ, какой-нибудь гобеленъ, мозаику и т. п. Вообще изящное, какъ въ искусствѣ, такъ и въ природѣ, имѣло особенную привлекательность для сэръ-Роберта и, не смотря на засвидѣтельствованную его *Дневникомъ* искреннюю привязанность къ своей женѣ, онъ ни разу не забываетъ отмѣтить о встрѣчѣ съ хорошенькою женщиной.

Для составленія полнаго понятія о личности Вильсона, нужно упомянуть еще о настойчивости его, доходившей до упрямства, и самонадѣянности, иногда превращавшейся въ хвастливость. Вильсонъ былъ настойчивъ не только въ дѣлахъ важныхъ, но и въ предметахъ вседневной жизни: на всѣхъ военныхъ совѣтахъ онъ заявлялъ одно мнѣніе—истребить всю армію Наполеона и его смертію утвердить спокойствіе вселенной, и это мнѣніе свое онъ

¹ Отецъ сэръ-Роберта, Веньяминъ Вильсонъ, былъ членомъ Лондонской академіи наукъ (fellow of the Royal Society) и хорошимъ историческимъ живописцемъ; его картина, воскресеніе дочери Гаировой, находится въ госпиталѣ города Лидса.

повторялъ съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ Катонъ произносилъ въ римскомъ сенатѣ свое знаменитое: „Delenda est Carthago!“ Но и въ мелочныхъ случаяхъ Вильсонъ любилъ отстаивать свои мнѣнія: посѣщая равнину Трои, онъ сказалъ, что вода въ Скамандрѣ не будетъ ему выше колѣна; его стали оспаривать, и онъ, въ доказательство, весь измокъ перейдя этотъ ручей. Въ Константинополѣ ему вздумалось ходить по городу безъ янычара, и отъ этого не могли отворотить его никакія представленія объ опасности этихъ прогулокъ и о противности ихъ принятому этикету, и т. п. Честолюбивыя и самонадѣянныя его выходки также иногда невольно вызываютъ улыбку. „Стоило бы мнѣ пребыть посланникомъ въ Петербургъ одну недѣлю;“ „сѣздить бы мнѣ только въ Вѣну, съ полномочіемъ отъ англійскаго правительства;“ „Будь я въ этомъ случаѣ главнокомандующимъ арміей;“ „Имѣй я только требуемый мною англійскій отрядъ“ и т. д.,—таковы простодушныя замѣтки, попадающіяся въ *Дневникъ* Вильсона. Но самое это простодушіе кладетъ несомнѣнную печать чистосердечія и правдивости на этотъ *Дневникъ*, въ который Вильсонъ вносилъ душевные свои мысли, записывая ихъ на лету междудвухъ маршей у бивачнаго костра, или въ обгорѣлой избѣ, гдѣ дрозъ отъ мороза, или въ бѣлорусской лачугѣ, гдѣ не зналъ, куда дѣваться отъ ребятишекъ, кошекъ и насѣкомыхъ.

Сэръ-Робертъ Вильсонъ никогда не былъ ни посланникомъ, ни главнокомандующимъ, ни даже отдѣльнымъ отряднымъ начальникомъ. Но въ бытность свою въ 1812 году военнымъ агентомъ англійскаго правительства при главной русской арміи, онъ всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, правдиво высказывалъ ихъ и честно держался постоянного своего правила—служить съ пользою для своего отечества. Не ошибался онъ, когда однажды встрѣтивъ въ гостиницѣ гравюру съ картины своего отца, онъ, при видѣ ея, перенесся воспоминаніемъ въ лѣта своей юности, и пройдя всѣ событія своей жизни, въ трогательномъ порывѣ сыновней любви, воскликнулъ: „Еслибы мой отецъ былъ живъ, мнѣ кажется, онъ былъ бы мною доволенъ!“

Самое заглавіе этой статьи показываетъ, что она заключаетъ въ себѣ только ту часть сочиненій Вильсона, гдѣ онъ говоритъ о пребываніи своемъ при русской арміи въ

1812 году. Въ нее не вошли ни событія его предшествовавшей жизни, ни происшествія послѣдующихъ годовъ. Не включены также разказы о дѣйствіяхъ дунайской арміи, корпуса графа Витгенштейна и другихъ отдѣльныхъ частей войскъ, и даже о тѣхъ дѣлахъ главной арміи, которыхъ Вильсонъ не былъ очевидцемъ. Цѣль этой статьи—ознакомить читателей съ замѣчательною личностію сэръ-Роберта Вильсона, передать современныя сужденія многихъ изъ русскихъ генераловъ, которыхъ сэръ-Робертъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ, пополнить нѣсколькими достовѣрными анекдотами исторію этой великой эпохи, а не описывать всѣхъ ея событій; что было бы чрезвычайно трудно послѣ сочиненія генерала Богдановича, умѣвшаго такъ искусно соединить занимательность и ясность изложенія съ отчетливостію обработки обильныхъ матеріаловъ бывшихъ въ его распоряженіи. Можно однакоже сказать, въ доказательство достовѣрности фактовъ повѣствуемыхъ сэръ-Робертомъ Вильсономъ, что весь ходъ разказываемыхъ имъ событій, въ изложеніи своемъ, совершенно согласуется съ изложеніемъ генерала Богдановича; между тѣмъ какъ ошибочное правописание большей части собственныхъ именъ, которое издатель объясняетъ неразборчивостію почерка англійскаго генерала, доказываетъ, что его сочиненія не были исправлены по труду русскаго военнаго историка, и напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ вышли изъ-подъ пера сочинителя.

II.

„Quel moment de bonheur, когда я обнялъ моихъ друзей, князя Багратіона и графа Воронцова!“ пишетъ сэръ-Робертъ Вильсонъ въ своемъ *Дневникѣ*, разказывая, какъ отобѣдавъ наканунѣ въ Смоленскѣ у Беннигсена, и явившись къ главнокомандующему Барклаю де-Толли, онъ пріѣхалъ $\frac{3}{15}$ августа 1812 года въ армію Багратіона, расположенную на высотахъ передъ Смоленскомъ. На другой день, чѣмъ свѣтъ, онъ уже сопровождалъ Багратіона въ объѣздѣ передовыхъ постовъ; во время этого объѣзда, ему пришлось остано-

виться, чтобы подковать свою лошадь, и хотя Багратионъ далъ ему бурку и русскую форменную фуражку, но, благодаря своему англійскому мундиру, онъ былъ принятъ за французскаго парламентера и приведенъ къ графу Сиверсу, который нѣсколько минутъ находился въ томъ же заблужденіи.

Въ послѣдствіи, изъ-за подобной же ошибки, онъ едва не заплатилъ жизнію и (подъ Тарутинымъ 24 сентября ст. ст.) Уваровъ и графъ Остерманъ Толстой едва успѣли остановить выстрѣлъ егеря, который уже нацѣлился въ него.

До $\frac{9}{21}$ августа Вильсонъ находился при Барклаѣ: описаніе сраженій подъ Смоленскомъ и при Лубинѣ (или при Валутиной горѣ) принадлежатъ военной исторіи: здѣсь же достаточно упомянуть о тѣхъ встрѣчающихся у него подробностяхъ, которыя,—или какъ лично до него касающіяся, или по другимъ причинамъ,—не могли найти мѣста въ исторіи, но любопытны какъ разказъ очевидца и одного изъ дѣятелей войны двѣнадцатаго года.

$\frac{5}{11}$ августа, при наступленіи корпуса Понятовскаго на Смоленскъ, Французы устроили 60 ти-пушечную батарею, которая, господствуя надъ мостомъ и понтонами, препятствовала сообщенію русскихъ войскъ, находившихся въ Смоленскѣ, съ главными силами Барклая, стоявшими за Днѣпромъ. Вильсонъ устроилъ батарею на противномъ берегу, и несмотря на то что она состояла изъ меньшаго количества орудій меньшаго калибра, успѣлъ сбить нѣсколько пушекъ, взорвать шесть пороховыхъ ящиковъ и наконецъ принудить Понятовскаго снести батарею. Храбрость русскихъ солдатъ (а именно егерей) въ этомъ сраженіи доходила до того, что заслуживала порицанія: нѣсколько не щадя себя, они безъ нужды выставлялись и бесполезно подвергались смерти и ранамъ. Вопросъ объ удержаніи или уступкѣ Смоленска, возбуждалъ живѣйшее участіе всего русскаго войска: не было генерала, офицера или солдата, который бы не рвался стать въ ряды защитниковъ Смоленска. Въ 11 часовъ вечера, Вильсонъ былъ посланъ осмотрѣть Смоленскъ; онъ привезъ Барклаю отзывъ генерала Дохтурова, принца Евгенія Виртембергскаго и другихъ находившихся тамъ генераловъ, что „они могутъ про-

держаться еще десять дней, если только их снабдят припасами, и что укрѣпленія нисколько не повреждены“. Но Барклай уже рѣшился въ ту же ночь вывести войска изъ Смоленска, опасаясь что ему придется произвести это движеніе днемъ, если Французы пойдутъ въ обходъ его лѣваго фланга и такимъ образомъ станутъ на пути его сообщенія съ Москвой; защищать же Смоленскъ не рѣшался онъ во избѣжаніе ежедневной траты людей, боясь истощить армію и ослабить ее для будущихъ предпріятій. Напрасно Вильсонъ представлялъ ему о вредномъ нравственномъ вліяніи, которое можетъ имѣть оставленіе *священнаго города Смоленска*. „Этого нечего опасаться“, отвѣчалъ Барклай, „я уже принялъ свои мѣры: икона Божіей Матери вывезена и находится у насъ въ лагерѣ; это единственный предметъ придающій городу особенную важность для Русскихъ; ее повезутъ при арміи на особой колесницѣ, и я назначилъ батальонъ для постоянного ея сопровожденія и охраненія“. Ночью войска вышли изъ Смоленска, и, по сожженіи мостовъ, построились въ боевыхъ колоннахъ на противоположномъ берегу.

По занятіи Смоленска непріателемъ, узнавъ отъ плѣнныхъ, что городъ наполненъ французскими артиллерійскими снарядами и пороховыми ящиками, Барклай приказалъ бросить туда нѣсколько бомбъ: но приказаніе это артиллеристы исполнили весьма не охотно, потому что, *хотя чудотворная икона и была вывезена*, они все-таки опасались за бомбардированіе подвергнуться обвиненію въ святотатствѣ.

Послѣ отступленія войскъ, Вильсонъ ни на минуту не оставлялъ Барклая и, когда, при усиленіи пальбы около Валутиной горы, Барклай поскакалъ къ авангарду Тучкова 3, Вильсонъ вмѣстѣ съ его штабомъ и ординарцами послѣдовалъ за нимъ. „Огонь былъ необыкновенно силенъ; но *да поможетъ мнѣ Богъ и мой мечъ*, я скорѣе умеръ бы съ Барклаемъ чѣмъ оставилъ бы поле битвы, и вмѣстѣ съ нимъ я рѣшился не искать спасенія въ бѣгствѣ. Русскія пушки и прикрывавшія ихъ войска, одолеваемыя ядрами, картечью и пулями, на одно мгновеніе обратились было въ бѣгство, чтобы скрыться за вершиной горы; но въ эту минуту Барклай прискакалъ и, со шпагой въ рукѣ, остановилъ бѣгущихъ, крича имъ: „Побѣда или смерть! „Нужно держаться или погибнуть!“ Его присутствіе духа и

примѣръ воодушевили всѣхъ, вершина горы была вновь занята и, по милости Божіей, армія была спасена!¹

^{9/21} августа, видя что Барклай отмѣнилъ свое первоначальное намѣреніе принять сраженіе при Андреевкѣ и отдалъ приказъ идти на Дорогобужъ, Вильсонъ черезъ Вязьму отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего капрала, одного изъ своихъ драгунъ и состоявшаго при немъ за адъютанта, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистра барона Бринкена. Остальныхъ своихъ двухъ драгунъ и своихъ лошадей Вильсонъ оставилъ въ Дорогобужѣ при графѣ Воронцовѣ.

Всѣмъ извѣстны неудовольствія, бывшія между главнокомандующими двухъ западныхъ армій — Барклаемъ-де-Толли и княземъ Багратиономъ. Тѣмъ любопытнѣе слѣдующія сужденія Вильсона, помѣщенные имъ въ двухъ депешахъ на имя англійскаго посланника въ С.-Петербургъ, графа Каткарта (Cathcart):¹

„Бывъ участникомъ въ событіяхъ, отчасти мною изложенныхъ, могу достовѣрно засвидѣтельствовать вашему лордству, что несмотря на трудные переходы, безпрестанно дѣлаемые русскою арміей, несмотря на ея утомительныя отступленія и тяжелую службу, она мало пострадала относительно своего первоначальнаго отличнаго состоянія, и что самоувѣренность ея увеличивалась случайностями каждой битвы. Нетерпѣливое желаніе рѣшительнаго сраженія выражается тономъ, который, можетъ-быть, переходитъ за предѣлы строгой подчиненности; но видъ разоренія возлюбленнаго отечества усугубляетъ чувство оскорбленія, которое каждый испытываетъ, будучи твердо убѣжденъ, „что бесполезно приносятся въ жертву и добрая слава, и имущество.“

(^{15/27} августа.) „Нужно сказать, что генераль Барклай не пользуется довѣріемъ войска. Мнѣ было бы весьма прискорбно говорить въ моемъ донесеніи что-либо против-

¹ Первая изъ этихъ депешъ написана въ Андреевкѣ ^{10/22} августа и послана изъ Дорогобужа того же числа, то-есть на другой же день, по отъѣздѣ Вильсона изъ арміи, и слѣдовательно подъ живымъ впечатлѣніемъ всего имъ видѣннаго и слышаннаго; вторая депеша писана пять дней спустя ^{15/27} августа, немедленно по пріѣздѣ его въ С.-Петербургъ (*Narrative* pp.100—111, 384—387).

ное его. выгодамъ, еслибы важнѣйшія общественныя выгоды не зависѣли отъ вѣрной оцѣнки его способностей и побудительныхъ причинъ его образа дѣйствій.

„Итакъ вмѣняю себѣ въ обязанность, хотя и въ непріятную обязанность, сказать, что я считаю генерала Барклая *запуганнымъ* (если только могу употребить это выраженіе) славой своего врага. Я убѣжденъ, что въ веденіи войны онъ не маневрируетъ на основаніи какой-нибудь прочной и заранѣе обдуманной системы, но дѣлаетъ марши безъ достаточной послѣдовательности и методы, которыя могли бы предупредить важное несчастіе, въ случаѣ еслибы непріятель сталъ дѣйствовать съ большею энергіей чѣмъ сколько онъ выказалъ ее доселѣ.

„Въ минуту сраженія я видѣлъ его храбрымъ, дѣятельнымъ и способнымъ; но этихъ качествъ, когда они проявляются только въ сраженіи, недостаточно, особенно для начальствованія русскою арміей. Войскамъ нужно общее направленіе; нынѣшній кризисъ требуетъ соединенія всѣхъ способностей, составляющихъ великаго полководца.

„Можно надѣяться, что сознаніе этой необходимости и невозможности внушить къ себѣ довѣріе офицерамъ и солдатамъ побудитъ его отказаться отъ своего званія, и съ отличіемъ служить своей странѣ въ званіи сопряженномъ съ меньшею отвѣтственностію.

„Положеніе дѣлъ слишкомъ отчаянно, нельзя и думать о какой-либо попыткѣ силою утвердить его власть.

„Не могу представить вашему лордству разительнѣйшаго примѣра того, до какой степени дошелъ духъ противодѣйствія послѣ происшедшихъ событій, какъ приведа слова, сказанныя при мнѣ генераломъ Платовымъ генералу Барклаю послѣ оставленія Смоленска: „Вы видите, я въ одной шинели: я не надѣну болѣе русскаго мундира.“

Еще рѣзче описываетъ Вильсонъ негодованіе войска на Барклая въ своемъ *Повѣствованіи 1812 года*.

Пріѣхавъ въ русскую армію, Вильсонъ нашелъ генераловъ въ раздорѣ съ Барклаемъ, за то что онъ допустилъ непріятели опустошить столько губерній и не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для защищенія линіи Днѣпра. Нѣкоторые желали, чтобы начальство было дано генералу Беннигсену, другіе—князю Багратіону. Когда сдѣлалось извѣстно, что Смоленскъ будетъ оставленъ, генералъ Бен-

нигсенъ оставилъ армію и уѣхалъ назадъ за нѣсколько маршей, съ тѣмъ чтобы повелѣніе государя о назначеніи новаго начальника прибыло въ его отсутствіе.

Въ *Дневникъ* своемъ Вильсонъ говоритъ, что, при его отъѣздѣ, вся армія убедительно просила его представить государю всю истину. Въ чемъ должно было состоять его донесеніе, можно догадываться уже изъ предыдущаго: но изъ болѣе подробнаго разказа о порученіи, данномъ ему отъ арміи, видно что кромѣ просьбы о назначеніи новаго начальника, на Вильсона было возложено представить, что „армія опасается, чтобы настоящею причиною отступательныхъ движеній не была политика канцлера гр. Румянцева и чтобы не было дано повелѣнія о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи дружбы съ врагами, что напротивъ армія готова пребыть вѣрно своему долгу и не кончать войны, пока врагъ не будетъ прогнанъ за предѣлы отечества.“ Порученіе это было дано Вильсону, такъ какъ по причинѣ извѣстной его привязанности къ государю, равно какъ и не менѣе извѣстныхъ чувствъ государя къ нему, никто не соединялъ въ себѣ столько условій для заявленія передъ государемъ чувствованій арміи, тѣмъ болѣе что причины, побудившія его принять на себя это порученіе, не могли подвергнуться подозрѣнію. Съ своей стороны, сэръ-Робертъ Вильсонъ, обсудивъ съ должнымъ вниманіемъ столь важное порученіе, рѣшился исполнить его въ той мѣрѣ, въ какой оно касалось вопроса о мирѣ и войнѣ; онъ и взялся за него лишь съ тѣмъ чтобы исполнить его со всевозможною мягкостію... Впрочемъ онъ взялся сказать, что удаленіе графа Румянцева изъ министерства поддержитъ полную вѣру въ мѣры правительства.

Но понятіе о расположеніи умовъ въ арміи будетъ неполно, если не привести еще слѣдующаго отзыва Вильсона о воодушевленіи войска:

„Люди желающіе переменъ (то-есть вся армія) возражаютъ на неопровержимый доводъ о численномъ превосходствѣ непріятеля тѣмъ, что сила непріятеля не единоплеменна и что она не состоитъ изъ такихъ опытныхъ войскъ, съ какими Русскимъ приходилось сражаться прежде испанской войны; настаиваютъ на томъ, что непріятельская конница пришла въ худшее положеніе, тогда какъ русская — сравнительно въ лучшее; что русская артиллерія безспорно дѣйствуетъ го-

раздо успѣшнѣе, хотя она и слабѣе по численности; и наконецъ на томъ, что каждый человѣкъ въ русской арміи до такой степени преданъ дѣлу, какъ будто бы судьба всей страны зависѣла отъ однихъ его усилій.“¹

Изъ Вязьмы Вильсонъ заѣхалъ въ имѣніе графа Панина, которому привезъ извѣстіе объ оставленіи Смоленска: графъ принялъ его съ большимъ радушіемъ, и въ разговорѣ продолжавшемся четыре часа сообщилъ ему болѣе свѣдѣній о положеніи Россіи чѣмъ Вильсонъ самъ „могъ бы пріобрѣсти ихъ въ теченіи столькихъ же лѣтъ“. Если вспомнить, какое важное мѣсто графъ Никита Петровичъ занималъ нѣкогда въ государствѣ, то справедливость этого отзыва не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Въ трехъ стахъ верстахъ отъ Петербурга, Вильсона нагналъ ѣхавшій изъ арміи великій князь Константинъ Павловичъ, который, войдя въ комнату, гдѣ Вильсонъ только что успѣлъ переодѣться, посадилъ его и разговаривалъ съ нимъ около часа.

„Со времени Тильзитскаго мира я не удостоивался благорасположенія его высочества, но на этотъ разъ онъ разстался со мной нѣсколько благосклоннѣе. Въ продолженіи разговора, онъ упомянулъ о *Наполеонѣ*; отвѣчая, я называлъ его *Бонапартомъ*. „О комъ говорите вы?“ спросилъ цесаревичъ. „О Бонапартѣ, ваше высочество, о Бонапартѣ!“—„Я думалъ, возразилъ онъ, что вы говорите о *Луцианѣ*, а не о *Наполеонѣ*, императорѣ Франціи, королѣ Италіи и проч.“—„Я знаю, ваше высочество, отвѣчалъ я, что вы познакомились съ нимъ подъ этими титулами, и увѣренъ, что сожалѣете о томъ; я, слава Богу, въ другомъ положеніи, и даже по требованіямъ этикета не могу давать ему никакого почетнаго титула.“ Великій князь не разсердился за мою вольность--- Верстъ съ сотню далѣе я встрѣтилъ князя Кутузова, который ѣхалъ принять начальство надъ арміями, употребить въ дѣло Беннигсена и такъ далѣе.² Князь вышелъ изъ экипажа, и мы около часа разговаривали подъ навѣсомъ--- Мнѣ очень лестно было его дружеское приглашеніе возвратить-

¹ Денеша. 10/22 августа.

² Неблаговоленіе, обнаруженное въ послѣдствіи княземъ Кутузовымъ къ Беннигсену и кончившееся высылкой этого послѣдняго изъ арміи, придаетъ особенное ироническое значеніе этому: и такъ далѣе.

ся въ армію. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ: „Возвращайтесь не теряя времени. Я очень нуждаюсь въ такихъ „сослуживцахъ какъ вы, и въ совѣтѣ, и въ полѣ.“¹

„Вечеромъ 27 (15) числа я пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ гостиницѣ *Европы*, гдѣ нашелъ моего добраго пріятеля лорда Тэрконеля.“²

Въ Петербургѣ собственно начиналось для Вильсона исполненіе роли дипломатическаго агента, возложенной на него англійскимъ правительствомъ, или точнѣе, англійскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Листономъ. Но, по пріѣздѣ своемъ, онъ узналъ, что англійскій посланникъ въ Россіи, генералъ графъ Каткартъ отправился въ Або, чтобы присутствовать при свиданіи императора Александра Павловича съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, Бернадотомъ.

Въ тотъ же день, донося Каткарту о прибытіи своемъ въ Петербургъ, Вильсонъ писалъ, что назначенія Кутузова не достаточно для успокоенія умовъ, и что вся армія, дворянство и прочія сословія ожесточены противъ графа Румянцева: „Теперь нѣтъ возможности вступать въ пренія о томъ, согласно или несогласно было съ мудрою политикой допустить непріятеля до Смоленска, такъ же какъ и о томъ, была ли потеря этого города просто военною ошибкой или слѣдствіемъ *соглашенія съ предначертаніями министерства?* Это не крики какой-нибудь партіи, но убѣжденіе людей умныхъ, равно какъ и самыхъ безразсудныхъ, самыхъ умѣренныхъ, равно какъ и самыхъ раздраженныхъ, что Румянцевъ велъ войну съ Англіей, чтобы сохранить миръ съ Франціей; безъ пользы сгубилъ сто тысячъ чловѣкъ въ Турціи, единственно въ угоду Франціи; кромѣ войны съ Англіей и войны съ Турціей (въ окончаніи которой не имѣлъ никакого участія), допустилъ тѣхъ же самыхъ Французовъ, для чьихъ выгодъ принесъ всѣ эти жертвы, напасть

¹ Упомянувъ объ этомъ свиданіи съ княземъ Кутузовымъ въ депешѣ отъ 15/27 августа, на имя лорда Каткарта, Вильсонъ говоритъ, что князь, на прощаніи, сказалъ ему: „Vous êtes un galant homme et Anglais: j'espère que vous vous proposez de dire à l'Empereur les vérités que vous venez de me dire.“ (Вы честный чловѣкъ и Англичанинъ; надѣюсь, что вы намѣрены сказать государю тѣ истины, которыя сейчасъ мнѣ высказали.)

² Графъ Георгъ Тэрконель (Turkonnell). бывший въ послѣдствіи адъютантомъ при Вильсонѣ и командированный имъ въ армію Чичагова, ум. 8/20 декабря 1812 г. въ Вильнѣ.

врасплохъ на Россію; наконецъ войну эту началъ уступкою семи губерній и привелъ непріятеля къ воротамъ Москвы; всѣ убѣждены, что такой министръ долженъ лишиться своего мѣста въ предупрежденіе дальнѣйшихъ несчастій, которыя могутъ произойти отъ его измѣны или неспособности. Что касается до меня, я не личный врагъ канцлера, напротивъ я готовъ чувствовать доброе расположеніе къ нему, какъ къ частному лицу; но я не исполнилъ бы своего долга, если бы не довелъ до вашего свѣдѣнія чувствованій всей страны въ отношеніи къ нему какъ къ министру.“

Вильсонъ цѣлую недѣлю ожидалъ въ Петербургѣ возвращенія государя. Обѣ императрицы, Марія Ѣеодоровна и Елисавета Алексѣевна, сдѣлали ему самый благосклонный пріемъ; вдовствующая государыня удостоила его слѣдующаго отзыва: „Генераль! Пріѣздомъ своимъ вы оказываете величайшую услугу моему сыну и государству. Это новое одолженіе, которымъ мы вамъ обязаны, въ добавокъ ко многимъ прежнимъ. Надѣюсь часто васъ видѣть во время вашего пребыванія здѣсь.“ Лордъ Каткартъ также писалъ Вильсону: „Вашъ пріѣздъ въ столицу и вашъ образъ дѣйствій въ теперешнее критическое время оказали важную услугу.“ Дѣйствительно, въ Петербургѣ всѣ были встревожены, зная, что всѣ архивы, казна и дворцовыя драгоценности были уложены и приготовлены къ отсылкѣ.

Объ обществѣ Вильсонъ пишетъ, что оно было очень малочисленно, потому что бѣольшая часть дворянства разъѣхалась по губерніямъ. Вильсонъ былъ разъ во Французскомъ театрѣ, въ тотъ день когда г-жа Жоржъ играла роль Федры; не смотря на знаменитость этой актрисы, ложи и кресла были почти всѣ пусты. „Такое патріотическое пожертвованіе удовольствіемъ было мнѣ очень пріятно: я жалѣлъ только, что оно не было ранѣе.“

Въ самый день своего возвращенія въ Петербургъ (22 августа) государь удостоилъ Вильсона приглашеніемъ къ обѣду и потомъ имѣлъ съ нимъ конфиденціальный разговоръ, который продолжался цѣлые два часа съ половиною. Вильсонъ вышелъ изъ кабинета императора, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ его разсудительности и любви откровенности.

„Мнѣ не возможно, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, передать что-либо изъ говореннаго о политическихъ предметахъ.

Долгъ, честь и торжественно данное мною обѣщаніе не дозволяютъ мнѣ это сдѣлать. ¹ Могу только сказать, что государь совершенно одобрилъ всѣ мои мнѣнія по военнымъ дѣламъ и что я прочелъ ему свою военную депешу (о битвахъ подъ Смоленскомъ). Относительно войны, могу прибавить, что онъ объявилъ мнѣ свою рѣшимость продолжать ее, еслибы даже потерялъ Петербургъ и Москву, доколѣ останется при немъ хотя одинъ человекъ въ имперіи.“

Порученіе, данное ему г. Листономъ относительно домогательства Турціи о восстановленіи ея прежнихъ границъ въ Азіи, уступленныхъ ею по Букаретскому миру, Вильсонъ долженъ былъ передать прибывшему въ Петербургъ англійскому посланнику: „Я думаю, говоритъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, что еслибы я могъ получить полномочіе лорда Каткарта на одну только недѣлю, я, изъ любви къ общей пользѣ, согласился бы за это провести всю остальную жизнь въ одиночествѣ и былъ бы счастливъ убѣжденіемъ, что вмѣшательство мое въ государственныя дѣла сопровождалось бы благими послѣдствіями для цѣлаго міра---“ „Но, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, пріѣздъ лорда Каткарта связалъ мнѣ языкъ по нѣкоторымъ предметамъ; какъ и прежде, дипломатическій этикетъ, въ ущербъ международныхъ выгодъ, представилъ мнѣ препятствія“.

Несмотря на то, Вильсонъ лично подалъ государю записку о требованіяхъ Порты и при этомъ разказалъ, что, въ случаѣ удачи его переговоровъ, великій визирь обѣщалъ ему, кромѣ другихъ наградъ отъ султана, деньгами до 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. „Что же отвѣчали вы?“ спросилъ государь. „Я засмѣялся, отвѣчалъ Вильсонъ, и выразилъ надежду, что его предложеніе основывается не на опытѣ подкупа англійскихъ агентовъ. Тогда великій визирь произнесъ: „Алла иль Алла!“ засмѣялся вмѣстѣ со мною и сказалъ, что какъ только онъ увидѣлъ улыбку на моемъ лицѣ, то былъ увѣренъ, что его попытка со мною не удастся; потому что всѣ дипломатическіе барышники (jobbers), съ которыми онъ имѣлъ дѣло, всегда представлялись чрезвычайно

¹ Но въ послѣдствіи, въ *Повѣствованіи о 1812 годѣ*, Вильсонъ передаетъ всѣ подробности этого разговора. Любопытные могутъ прочесть его на стр. 114—118 англійскаго подлинника.

разсерженными, пока онъ ни ублаготворялъ ихъ, предлагая имъ вдвое противъ первоначальной цѣны...» Императоръ весьма весело замѣтилъ, что по опыту знаетъ, какъ Турки набиваютъ цѣны (spoil the market) своими чрезмѣрными предложеніями; и при этомъ прибавилъ, что Русскимъ обыкновенно приходится употреблять тѣхъ же сводчиковъ (contractors) и агентовъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Вильсонъ присутствовалъ въ Александро-Невской лаврѣ при торжественномъ празднованіи тезоименитства государя императора. „Это было одно изъ занимательнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ въ свѣтѣ;—я никогда не видалъ ничего величественнѣе. Императрица украшала церемонію несравненною прелестію своего присутствія. По окончаніи службы, князь Горчаковъ прочелъ депешу князя Кутузова, извѣщавшую о пораженіи Бонапарта въ большомъ сраженіи. Чтеніе это имѣло дѣйствіе неописанное. Потомъ были провозглашены награды пожалованныя государемъ.“¹

²/14 сентября Вильсонъ имѣлъ прощальную аудіенцію у государя, который, дозволивъ сэръ-Роберту Вильсону находиться при русской арміи въ званіи великобританскаго комиссара, „разрѣшилъ ему, по этому званію, употреблять всѣ зависящія отъ него средства и все свое вліяніе на защиту правъ императорской власти, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ усмотритъ расположеніе или намѣреніе дѣйствовать во вредъ или въ ущербъ сихъ правъ.“ Прощаясь съ нимъ, „его императорское величество объявилъ торжественно, что ручается честію и уполномочиваетъ его во всей точности объявить, что не вступитъ самъ и не дозволитъ никому вступить въ какіе-либо переговоры съ Наполеономъ, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется на землѣ Русской.“ „Скорѣе, прибавилъ государь, я отрощу бороду по поясъ „и стану питаться картофелемъ въ Сибири.“ Государыни императрицы повторили Вильсону каждая въ свою очередь

¹ Вильсонъ въ послѣдствіи укоряетъ Кутузова въ приписаніи себѣ побѣды подъ Бородинымъ и въ томъ, что въ донесеніи своемъ онъ будто бы умолчалъ объ отступленіи своемъ за Можайскъ. Изъ *Исторіи* генерала Богдановича (II. 230) видно, что это несправедливо, и что, при обнародованіи донесенія Кутузова, въ немъ было опущено извѣстіе объ этомъ отступленіи.

порученіе отъ лица ихъ передать „твердое увѣреніе въ непреклонной рѣшимости государя тѣмъ изъ вліятельныхъ начальниковъ войска, которые удостоены чести пользоваться ихъ довѣренностію.“

На другой день ($\frac{3}{15}$ сентября) Вильсонъ выѣхалъ въ армію, не дожидаясь назначеннаго къ нему въ адъютанты отъ русскаго правительства барона Бринкена, который остался въ Петербургѣ по случаю перемѣны своей обмундировки. Вильсона сопровождалъ его пріятель, лордъ Тэрконель, котораго лордъ Каткертъ далъ ему въ адъютанты со стороны англійскаго посольства. Кромѣ того съ нимъ ѣхали его капралъ, камердинеръ Тэрконеля и фельдъегерь.

О тогдашнемъ настроеніи его можно составить понятіе по слѣдующимъ словамъ, за нѣсколько дней до отъѣзда внесеннымъ въ его *Дневникъ*: „Съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе люблю Россію!“ Въ Твери Вильсонъ узналъ объ оставленіи Москвы; не доѣзжая пятидесяти верстъ до нея, вмѣстѣ съ Тэрконелемъ, при заревѣ пылающей столицы, онъ своротилъ съ петербургской дороги на владимірскую и, черезъ Коломну, Каширу и Серпуховъ, $\frac{10}{22}$ сентября, настигъ главную армію на старой калужской дорогѣ, въ позиціи при Красной Пахрѣ, которую армія заняла только наканунѣ. Послѣдніе три дня они ѣхали подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ, „но намъ приходилось забывать наши неудобства, при видѣ бѣжавшихъ изъ Москвы и покрывавшихъ дорогу дворянъ и гражданъ; они являли благородный примѣръ патріотизма: не было ни одного изъ нихъ, кто бы не гнушался скорбѣть о своихъ личныхъ потеряхъ, и когда я объявлялъ имъ рѣшимость государя не прекращать войны, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется на Русской землѣ, многіе отъ радости плакали, многіе старые и молодые, мужчины и женщины, цѣловали меня; они радовались какъ могли бы радоваться другіе, еслибъ ихъ потери были вознаграждены и еслибы кончилось ихъ скитальчество. Тѣми же чувствами одушевлены и всѣ чины въ этомъ знаменитомъ войскѣ. Меня почти задушили ласками, когда я ручался въ непреклонности императора.“ На владимірской дорогѣ, Вильсонъ встрѣтилъ князя Багратіона, котораго послѣ раны подъ Бородинымъ и по оставленіи Москвы, несли гренадеры на носилкахъ. Увѣреніе Вильсона было принято имъ съ восторгомъ: онъ

судорожно сжалъ ему руку и сказалъ: „Любезный генералъ, благодаря вамъ, умру спокойно, ибо если такъ, то Россія вѣрно не осрамится! *Accipio solatium mortis!*“ (Это мое предсмертное утѣшеніе).

Здѣсь кажется не будетъ неумѣстно привести характеристику Багратіона, дружбою котораго Вильсонъ всегда гордился, а также и отзывы его о другихъ генералахъ отечественной войны, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Отзывы эти, собранные изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій, но приведенные въ точномъ переводѣ съ подлинниковъ, тѣмъ любопытнѣе, что по нимъ можно объяснить себѣ нѣкоторыя увлеченія Вильсона при сужденіяхъ о дѣйствіяхъ полководца, который, по собственному своему выраженію, находилъ, что *дѣло идетъ не о славу выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи.*

„Багратіонъ былъ Грузинъ по рожденію; малъ ростомъ, смуглъ, съ рѣзкими чертами лица; въ глазахъ его сверкалъ азіятскій огонь. Кроткій, обходительный, щедрый, рыцарски храбрый, онъ былъ любимъ всѣми и почитаемъ всякимъ, кто былъ свидѣтелемъ его подвиговъ. Ни одинъ начальникъ никогда не превзошелъ его ни въ распоряженіи наступательными движеніями, ни въ командованіи арріергардомъ; никогда также способности какого-либо начальника въ этомъ отношеніи не подвергались тягчайшимъ испытаніямъ: въ особенности въ прошедшую войну, при отступленіи отъ Пултуска до Эйлау,—отступленіи, продолжавшемся семнадцать дней, сопровождавшемся столькими же сраженіями, въ которыхъ онъ непрерывно являлъ опыты искусства, неутомимой энергіи и беззавѣтной отваги. Истинно, эти семнадцать дней были столькими же днями торжества его славы.

„Генералъ Милорадовичъ столь же щедръ и столь же храбръ какъ его другъ, незабвенный Багратіонъ--- Нѣтъ чело-вѣка болѣе способнаго вести переговоры съ Мюратомъ какъ Милорадовичъ. Его манера, его голосъ, тѣлодвиженія и пр. даютъ ему надъ Мюратомъ превосходство въ хвастливости, а его необыкновенное мужество и безпредѣльная

¹ Всеподданнѣйшій рапортъ князя Кутузова отъ 27 авг. 1812 г. изъ подъ позиціи при Бородинѣ (Богдановичъ II. 230).

вѣра въ него солдаты возбуждаютъ къ нему уваженіе непріятеля.“

О Беннигсенѣ Вильсонъ приводитъ слѣдующую весьма характеристическую черту: „Подъ Эйлау, Русскіе, не имѣя ни хлѣба, ни воды, питались снѣгомъ. Беннигсену и его штабу достался только одинъ горшокъ небольшихъ картофелинъ съ полудня передъ сраженіемъ до слѣдующей полуночи. Невозможно было убѣдить Беннигсена взять болѣе одной картофелины, потому что приходилось всего по одной на каждого. Онъ удовольствовался этимъ до слѣдующаго утра, когда, послѣ долгаго ночнаго марша, прибылъ въ Кенигсбергъ.“ Нельзя умолчать о томъ, что „въ комнатѣ, гдѣ происходила раздача картофеля, находилось около сотни солдатъ, которымъ отнимали руки и ноги.“ Послѣ того, какъ Беннигсенъ былъ высланъ Кутузовымъ изъ арміи (15/27 ноября подъ Круглымъ) въ Калугу, Вильсонъ пишетъ о немъ: „Не беру на себя сказать, что Беннигсенъ, будь онъ главнокомандующимъ, послѣдовалъ бы тѣмъ самымъ совѣтамъ, которые давалъ будучи вторымъ въ командованіи, но знаю, что еслибъ онъ управлялъ рѣшеніями фельдмаршала, то Бонапартъ въ эту пору былъ бы внѣ всякой сферы зловреднаго вліянія на семь свѣтъ.“

Мнѣніе Вильсона о Барклаѣ де-Толли уже видно изъ приведенныхъ выше отрывковъ. Оно вкратцѣ повторяется въ слѣдующемъ отзывѣ:

„Затрудненія Барклая, какъ уже было сказано, несравненно превосходили его способности къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію или преодолѣнію. Онъ искалъ средствъ уладить, ихъ но самымъ этимъ исканіемъ лишь усугубилъ ихъ вредъ, пока наконецъ не стали они такъ грозны, что нельзя было довѣрять ихъ его управленію. Онъ былъ храбрый воинъ и хорошій начальникъ, но не полководецъ съ тѣмъ выпреннимъ умомъ, въ какомъ настояла необходимость.“

„Фельдмаршалъ князь Кутузовъ происходилъ изъ дворянъ и, по супругѣ своей, ¹ находился въ родствѣ съ знаменитѣйшимъ дворянствомъ. Въ молодости онъ былъ извѣстенъ какъ очень храбрый офицеръ и служилъ съ отличіемъ; былъ

¹ Сестрѣ знаменитаго Александра Ильича Бибикова, Катеринѣ Ильиницѣ.

нѣсколько разъ раненъ, и вслѣдствіе одной изъ ранъ, лишился одного глаза; но несмотря на то, сохранилъ умное и пріятное выраженіе лица. Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, онъ начальствовалъ прусскими войсками; но его репутація отъ этого не потерпѣла, потому что еще до начала битвы онъ осуждалъ несчастное фланговое движеніе, которое было причиною ея потери. Въ 1811 году онъ одержалъ большіе успѣхи надъ Турками, и въ слѣдующемъ году, съ помощію англійскаго и шведскаго вліяній, заключилъ миръ (Букарестскій), который такъ много способствовалъ безопасности Русской имперіи. Проведя нѣсколько времени въ Парижѣ, онъ сохранялъ пристрастіе къ Французамъ; не довѣряя Наполеону, не имѣлъ однако же личной къ нему непріязни. *Von vivants*, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ Грекъ, смѣтливый отъ природы какъ Азіятецъ и просвѣщенный какъ Европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи чѣмъ отъ военной отваги, къ которой не былъ уже способенъ ни по своимъ лѣтамъ, ни по состоянію своего здоровья. Когда онъ пріѣхалъ въ армію, ему было семьдесятъ четыре года отъ роду, и хотя онъ былъ еще бодръ, но до того тученъ и неповоротливъ, что даже на полѣ сраженія долженъ былъ ѣздить въ небольшихъ крытыхъ дрожкахъ.“

„Таковъ, заключаетъ Вильсонъ, былъ преемникъ Барклая, котораго, какъ говорилъ императоръ Александръ, русское дворянство избрало для возстановленія чести русскаго оружія и для защиты остающихся русскихъ владѣній.“

По пріѣздѣ своемъ въ армію, Вильсонъ засталъ между генералами много недовольныхъ княземъ Кутузовымъ: Барклай, Беннигсенъ, братъ вдовствующей императрицы, герцогъ Александръ Виртембергскій, жаловались наперѣшительность фельдмаршала; если вѣрить Вильсону, то братъ зятя государева, принцъ Ольденбургскій, шелъ далѣе и не скрывалъ своего сомнѣнія въ томъ, что съ лѣтами и утратою здоровья Кутузовъ утратилъ и личную храбрость.¹

¹ Вильсонъ разсказываетъ, будто бы, послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ (12/24 октября), на вопросъ принца: „не видалъ ли онъ фельдмаршала?“ онъ отвѣчалъ, указывая на дальнее дерево: „кажется, онъ въ этомъ направленіи,“ и будто бы принцъ отвѣчалъ ему: „Этого быть не можетъ; я сейчасъ видѣлъ какъ туда пролетѣла бомба!“

Платовъ былъ оскорбленъ лишеніемъ команды и удаленіемъ отъ всякаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Растропчинъ „не могъ простить Кутузову, что онъ не сдержалъ своего обѣщанія предупредить его за три дня объ оставленіи Москвы—обѣщаніе, которое, какъ Растропчинъ разказывалъ всѣмъ и каждому, Кутузовъ своими сѣдыми волосами поклялся ему сдержать.“ Всѣ эти лица, за исключеніемъ Барклая, были въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ Вильсону, и Вильсонъ, хотя и ласково принятый Кутузовымъ, и даже жившій съ нимъ въ Красной Пахрѣ въ одномъ домѣ, сдѣлался ежедневнымъ ихъ собесѣдникомъ. Такимъ образомъ, можетъ-быть незамѣтно для себя, онъ съ самаго начала поддался непріязненному чувству въ отношеніи къ главнокомандующему, и чувство это, постоянно развиваясь, часто съ ожесточеніемъ высказывается въ его сочиненіяхъ.

Причины неудовольствія всѣхъ поименованныхъ генераловъ весьма понятны: Барклай былъ оскорбленъ тѣмъ, что отъ главнаго командованія долженъ былъ перейти въ званіе начальника второстепеннаго; Беннигсенъ, надѣявшійся преобладать въ совѣтахъ фельдмаршала, видѣлъ всѣ мнѣнія свои переданными на обсужденіе генералъ-квартирмейстера полковника Толя¹ и большею частію отвергнутыми; герцогъ Виртембергскій, еще въ Можайскѣ, подавалъ письменный голосъ о необходимости не отступать далѣе, и перейти къ дѣйствіямъ наступательнымъ. У Платова отнято было, послѣ отступленія изъ Можайска, командованіе арріергардомъ, за то, что онъ не успѣлъ удержать непріятеля въ значительномъ разстояніи отъ арміи.²

Болѣе всѣхъ имѣлъ причинъ жаловаться на Кутузова Растропчинъ. Не будучи заранѣе предувѣдомленъ объ оставленіи Москвы, „онъ былъ принужденъ дѣлать приготовленія къ тому тайно и прибѣгать къ мѣрамъ, какъ бы клонившимся ко вреду его отечества, тогда какъ если бы фельдмаршалъ сдержалъ данное ему обѣщаніе, онъ имѣлъ бы случай открыто принять на себя отвѣтственность въ подвигѣ гражданскаго мужества, имѣвшемъ цѣлью народную славу.“

¹ См. у Богдановича III гл. XLII. пр. 52 письмо Беннигсена отъ 9 ноября 1812.

² Богдановичъ II. 239.

Но Растопчинъ только временно находился при арміи, и послѣ сожженія имъ богатаго помѣстья его, Воронова, о немъ болѣе не упоминается въ отечественной войнѣ. Барклай подъ Тарутинымъ уѣхалъ изъ арміи; Беннигсенъ, истощивъ терпѣніе Кутузова своею настойчивостію, дерзостію и доносами, былъ изъ нея высланъ (¹⁵/₂₇ ноябрю подъ Круглымъ); Платовъ (если вѣрить Вильсону, по его ходатайству) былъ скоро вновь поставленъ во главѣ своихъ храбрыхъ Донцовъ и прославился тѣми ежедневными подвигами, благодаря которымъ память о немъ нераздѣльна съ воспоминаніемъ о гибели *великой* арміи. Слѣдовательно, мало-по-малу партія недовольныхъ уничтожилась. Но Вильсонъ до конца оставался порицателемъ Кутузова, и порицателемъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что, какъ англійскій генералъ, онъ не состоялъ въ зависимости отъ фельдмаршала, а какъ военный агентъ, онъ могъ представлять свои сужденія обо всѣхъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго въ Петербургъ—императору и лорду Каткарту, въ Константинополь—Листону, въ Лондонъ—первому министру лорду Кастльри. Кромѣ того, въ обращеніи съ нимъ должно было помнить, что Англія была въ то время единственною державой, которая, вмѣстѣ съ Швеціей, давала точку опоры для борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Съ самаго дня занятія на Пахрѣ позиціи выбранной Беннигсеномъ (⁹/₂₁ сентября), духъ русскаго войска совершенно измѣнился. „Благопріятствуемая счастіемъ, при ослабѣвшей энергіи и бдительности непріятеля, русская армія находилась въ безопасности, развернувъ свои угрожающія знамена въ 40 верстахъ отъ Москвы и имѣя свой авангардъ въ 20 верстахъ отъ нея; опираясь на Оку, она имѣла прямое и легкое сообщеніе съ Калугой и съ своими складами и запасами въ губерніяхъ еще не занятыхъ непріятелемъ. Послѣдній солдатъ въ арміи сознавалъ цѣну и, можно сказать, достоинство этой позиціи. Не было уже отчаянія, не было уже унынія, прекратился ропотъ осужденія: часть мнимаго стыда и униженія миновалась, возвратилась увѣренность. Солдаты вновь ободрились, предвидя борьбу съ непріятелемъ: въ самой ихъ поступи, въ самомъ обращеніи ихъ съ оружіемъ, видѣлась ихъ готовность сразиться, прорвать вражескіе ряды и отбить свои пылающія жилища.“

Напротивъ, духъ Наполеоновой арміи, съ самаго дня занятія Москвы, ежедневно все болѣе упадалъ; объ этомъ можно было судить по словамъ плѣнныхъ, которыхъ безпрестанно приводили въ главную квартиру. „Всѣ эти плѣнные называли себя жертвами ненасытнаго честолюбія, и говорили, что плѣну ихъ предшествовали всякаго рода лишенія.“

„Я не скажу, говоритъ далѣе Вильсонъ, чтобы мнѣ не оставалось ничего желать, для ускоренія успѣха: но, несмотря на разные недостатки, которые могутъ еще оказаться въ арміи, несмотря на необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ и распоряженій, которыхъ еще не сдѣлано, Бонапартъ, славу Богу! въ такомъ положеніи, что ему нельзя избѣгнуть рѣшительной гибели. *Когда судьба предопредѣляетъ и русская доблесть служитъ ей орудіемъ*, то не спасутъ врага распри и ошибки вождей, не принесетъ ему пользы пренебреженіе ими нужныхъ предосторожностей: онъ долженъ пасть!“

Плѣнныхъ ежедневно приводили партіями отъ 50 до 100 человѣкъ. „Въ продолженіе пяти дней нашего пребыванія въ Красной Пахрѣ, ихъ было сдано 1.342 человѣка начальнику главной квартиры. Разумѣется, убито ихъ гораздо болѣе, потому что крестьяне до того озлоблены, что берутъ плѣнныхъ у казаковъ, чтобъ убивать ихъ. Крестьяне отбили двѣ пушки; захвачено множество повозокъ и пр. на пути, какъ въ Москву, такъ и оттуда. Много слитковъ серебра, которые я самъ видѣлъ; нѣсколько гвардейцевъ изъ двухъ взятыхъ въ плѣнъ эскадроновъ, говорили мнѣ, что они должны были взорвать шестьдесятъ пороховыхъ ящиковъ, чтобъ они не достались Русскимъ. Словомъ сказать, никогда война гверильясовъ въ Испаніи не была болѣе успѣшна, и навѣрное не была столь пагубна для непріятеля.“ О количествѣ добычи отнятой у непріятеля можно судить потому, что въ одномъ изъ казацкихъ полковъ пришлось по 84 фунта стерл. на человѣка: ¹ Несмотря на то, Вильсонъ былъ личнымъ свидѣтелемъ безкорыстія русскихъ войскъ: онъ разказываетъ, что однажды, когда онъ обѣдалъ у Платова, атаманъ получилъ донесеніе отъ одного изъ татарскихъ (вѣроятно башкирскихъ) полковъ о томъ, что захвачено значительное количество золота и

¹ Вильсонъ считаетъ два шиллинга въ рубль, слѣдовательно 84 ф. ст. составляли 840 рублей.

серебра, слитаго непріателемъ изъ церковной утвари, но что полкъ „перѣдаетъ эту добычу въ его распоряженіе, считая святотатствомъ отнять ее у своего отечества.“ Точно также, разказывая о взятіи въ плѣнъ генерала Феррье (у Вильсона Fevrier) и его двухъ адъютантовъ, онъ говоритъ, что урядникъ, которому онъ сдался, благородно отказался принять его часы и его кошелекъ.

„Прекрасное чувство (le beau sentiment), столь рѣдкое въ наше время, не угасло здѣсь, и я могъ бы исписать много страницъ достовѣрными анекдотами о Русскихъ, и они устыдили бы любостыжательность другихъ, болѣе образованныхъ народовъ.“

Во время перехода войскъ изъ Красной Пахры въ Тарутино; Вильсонъ вмѣстѣ съ Беннигсеномъ посѣтилъ графа Растопчина въ его извѣстномъ селѣ Вороновѣ. Недѣлю спустя, онъ присутствовалъ при сожженіи тамошняго дома. Описаніе этого дома и разказъ о патріотическомъ подвигѣ графа Растопчина такъ замѣчательны, что нельзя не выписать ихъ вполнѣ.

„Прошлую ночь (15/27 сентября) генералъ Беннигсенъ остановился въ деревнѣ за версту отъ Воронова, и мы отправились вмѣстѣ въ домъ графа—одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій, когда-либо мною виданныхъ. Тамъ есть двѣ группы античныхъ фигуръ: вожаые, удерживающіе коней, поднявшихся на дыбы; онѣ сняты съ коней Монте-Кавалло и, по огромности своей и искусной отдѣлкѣ, стоятъ римскихъ подлинниковъ². Все строено здѣсь въ самомъ лучшемъ архитектурномъ столѣ а паркъ своими видами, отличнымъ расположеніемъ и распределеніемъ лѣса и воды, не уступаетъ любому загородному замку въ британскихъ владѣніяхъ.

„Я не могъ удержаться отъ грусти при видѣ такого великолѣпнаго помѣстья, которое подвергалось раззоренію и разрушенію, и не могъ не принести дань уваженія

¹ Подводы проѣзжали по девяти верстѣ въ день.

² Въ *Повѣствованіи* Вильсонъ говоритъ, что эти группы были привезены Растопчинымъ изъ Рима, вмѣстѣ съ цѣлыми моделями извѣстнѣйшихъ римскихъ и греческихъ зданій и статуй, для которыхъ была устроена особенная большая галлерей. Самый же домъ былъ съ величайшимъ великолѣпіемъ и вкусомъ снабженъ всякими удобствами и украшеніями, какія только могли быть доставлены изъ чужихъ краевъ.

народной доблести, великодушной мудрости человека, который спокойно смотритъ на разореніе своего достоянія, потерявъ уже въ пожарѣ московскомъ домъ цѣною болѣе чѣмъ во 100 тысячъ фунт. ст. и содержащій второе книгохранилище въ имперіи и собраніе драгоценностей, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ принадлежавшихъ его роду.¹ Единственное выражаемое имъ сожалѣніе состоитъ въ томъ, что ему не было позволено, какъ онъ просилъ государя и фельдмаршала, самому зажечь свой домъ и систематически спалить всю столицу. Москва, къ счастью Россіи и вселенной, сдѣлалась жертвою пожара; но это было дѣйствіе отдѣльных лицъ, а не правильная мѣра сановниковъ государства, которую эти знаменитые патріоты хотѣли исполнить, въ доказательство своей рѣшимости принести все въ жертву своей чести и своей преданности престолу.“

Шесть дней спустя, Вильсонъ былъ очевидцемъ того, что рѣшимость эта была не на однихъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ.

„Въ ночь, предшествовавшую отступленію изъ Воронова, на 19 сентября (1 окт.), Растропчинъ, Беннигсенъ Ермоловъ и другіе генералы и офицеры, вмѣстѣ со мною и моимъ адъютантомъ лордомъ Тэрконелемъ, стояли на бивакахъ, кругомъ костра разложеннаго передъ конюшнями. Мы не спали, слушая горькія жалобы Растропчина на Кутузова, за то что онъ оставилъ Москву не давъ ему условленнаго предувѣдомленія, такъ что и власти и жители столицы лишились возможности явить *болѣе чѣмъ римскую — русскую доблесть*, правильнымъ и народнымъ сожженіемъ столицы, прежде чѣмъ она была осквернена присутствіемъ хищника. Растропчинъ объявлялъ, что никогда не проститъ фельдмаршалу его обмана (и онъ сдержалъ свое обѣщаніе), что онъ изъ своихъ рукъ зажжетъ теперь дворецъ, которымъ мы такъ любимся, если только непріятель будетъ продолжать наступленіе, что онъ жалѣетъ лишь о

¹ Два дома графа Растропчина — одинъ въ Москвѣ и другой подмосковный, по словамъ Вильсона, вопреки распоряженіямъ графа и даже именному повелѣнію Наполеона, не были сожжены, потому что были заняты нѣсколькими французскими генералами.

томъ, что дворецъ этотъ не гораздо болѣе заслуживаетъ сохраненія. Безполезно было отговаривать Растопчина; рѣшеніе его было непреложно.

„На разсвѣтъ явилась депутація сельскихъ старшинъ: они объявили, что приготовились выступить съ войсками и просятъ позволенія своего помѣщика оставить свои дома, хозяйства и кости своихъ предковъ, и идти въ одно изъ помѣстій графа внутри Россіи, ибо предпочитаютъ Сибирь французскому владычеству. Просимое позволеніе было дано, и все поселеніе (1.720 душъ) отправилось въ путь: шествіе это представляло одно изъ трогательнѣйшихъ, когда-либо виданныхъ шествій; не было слышно ни единой жалобы; только и вѣрывались у иныхъ восклицанія: *Даруй, Господи, побѣду царю и Россіи! да Благослови, Господи, нашего барина!*“

„Что за страна эта Россія! Что за любовь къ отечеству! Что за благородство духа!“

„Прибывъ къ церковнымъ дверямъ объявленіе на трехъ языкахъ, Растопчинъ услышалъ, что въ пикетахъ началась перестрѣлка и увидѣлъ, что непріятель пришелъ въ движеніе: онъ вошелъ въ домъ, пригласивъ друзей своихъ идти съ нимъ. При входѣ, каждому дали по зажженному факелу. Растопчинъ поднялся на лѣстницу и, войдя въ свою парадную опочивальню, остановился на минуту и потомъ сказалъ мнѣ: „Это моя брачная постель; мнѣ не достаетъ духа поджечь ее: избавьте меня отъ этого горя.“ Я исполнилъ его желаніе, но не прежде какъ когда Растопчинъ зажегъ все остальное, находившееся въ комнатѣ. По мѣрѣ того какъ мы шли впередъ, мы зажигали каждую комнату, и въ четверть часа все зданіе пылало. Изъ дома Растопчинъ поспѣшно пошелъ къ конюшнямъ, которыя быстро загорѣлись; потомъ онъ сталъ передъ домомъ, наблюдая за ходомъ пожара и смотря какъ падали горѣвшія развалины.“

„Когда рухнула послѣдняя группа статуй Монте-Кавалло, онъ сказалъ:—Я спокоенъ!—и, такъ какъ непріятельскія пули начинали уже свистать около насъ, онъ вмѣстѣ съ другими удалился, оставивъ врагу слѣдующее грозное и поучительное наставленіе, прибитое на видномъ столбѣ:

„Восемь лѣтъ украшалъ я это помѣстье, въ которомъ жилъ счастливо среди моего семейства.“

„Здѣшніе поселяне, въ числѣ 1.720 человѣкъ, съ вашимъ „приближеніемъ, оставляютъ свое село, а я, по своей волѣ, „зажигаю свой домъ, чтобы ваше присутствіе не осквернило „его.

„Французы! Въ Москвѣ я оставилъ вамъ два своихъ „дома, съ имуществомъ цѣной въ полмилліона рублей; *здесь* „найдете вы одинъ *пепелъ!*“

„Это былъ поступокъ прекрасный, исполненный съ чувствомъ, достоинствомъ и мудростью. Поводомъ былъ чистый патріотизмъ: сожженіе Эфеса снискало постыдное безсмертіе; сожженіе Воронова должно пребыть и пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ русскаго патріотизма.

„Пожаръ уже продолжался около двухъ часовъ, когда намъ дали знать, что непріятель отступилъ; но графъ не изъяснилъ никакого сожалѣнія и продолжалъ совершенно спокойно разговаривать со мной.“

Не извѣстно въ какой степени Вильсонъ былъ одаренъ дипломатическими способностями и въ какой мѣрѣ можно довѣрять его сужденіямъ о военныхъ дѣйствіяхъ: есть даже поводъ сомнѣваться въ безпристрастіи послѣднихъ и въ томъ, чтобы онъ обладалъ главнѣйшимъ качествомъ дипломата, хладнокровіемъ. За то любовь къ военному ремеслу и храбрость Вильсона не могутъ подлежать никакому сомнѣнію: „въ двѣнадцатомъ году, трусовъ въ арміи не было,“ говорятъ оставшіеся въ живыхъ подвижники отечественной войны; во всякомъ случаѣ, человѣкъ храбрости неблистательной не могъ бы въ то время пользоваться пріязнію Багратіона, Платова, Милорадовича, Беннигсена, Воронцова. И дѣйствительно, Вильсонъ не любилъ оставаться въ главной квартирѣ, а постоянно участвовалъ то въ разѣздахъ Платова, то въ рекогносцировкахъ Беннигсена, то въ авангардныхъ сшибкахъ Милорадовича, выказывая часто удалство, можетъ-быть излишнее, и всюду являясь въ своемъ, издали видномъ, красномъ англійскомъ мундирѣ. Наполеона, или какъ онъ его называетъ, *Бонапарта*, ненавидѣлъ онъ всею ненавистью Англичанина, поставляя смерть его условіемъ *sine qua non* къ возстановленію спокойствія въ Европѣ. Къ Россіи, напротивъ, питалъ онъ любовь, доходящую до восторженности, какъ можно видѣть изъ многихъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ и какъ свидѣлствуютъ между прочимъ выше

приведенныя выдержки изъ его записокъ, которыя онъ никакъ не хотѣлъ печатать при своей жизни. Слѣдуетъ еще прибавить, что къ Платову питалъ онъ дружбу душевную, называя его своимъ *храбрымъ братомъ*¹ и говоря, что, когда онъ свидѣлся съ нимъ подъ Смоленскомъ, то „обнялъ его съ радостію, какую могъ испытать развѣ тотъ, кто обнималъ отца послѣ долгой разлуки, но вѣрно никто другой.“

Понятно, что, при всѣхъ этихъ условіяхъ „его товарищи, казаки-молодцы, очень его любили, и что вообще вся армія оказывала ему всякаго рода вниманіе.“

Со времени вступленія въ тарутинскій лагерь, въ русскихъ войскахъ водворилось твердое убѣжденіе, что гибель непріятеля неизбежна, если ему не удастся спастись заключеніемъ мира; но въ то же время распространилось неясное подозрѣніе, будто бы Кутузовъ не хочетъ допустить совершеннаго истребленія французской арміи. Эта увѣренность и это подозрѣніе вполне выражаются въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, полученнаго Вильсономъ отъ графа Воронцова.²

„Умоляю васъ всѣми зависящими отъ васъ средствами не допускать какихъ бы то ни было переговоровъ, ибо Наполеонъ непременно будетъ истребленъ, какъ только онъ попробуетъ отступать: благодаря морозамъ, армія его будетъ легкою добычей; Русскимъ стоить только поставить свои пушки на возвышенностяхъ, которыя господствуютъ надъ дорогами и оврагами, и съ которыхъ имъ можно будетъ, безо всякой опасности, цѣлыми рядами побивать непріятеля (косить его какъ сѣно). Кавалерія его едва ли подкована на шипахъ, а пѣхота не будетъ въ силахъ и не будетъ имѣть времени нападать или оставлять дорогу для фуражировки. Русскимъ можно будетъ даже выпрячь лошадей изъ пушекъ: хотя бы непріятель и захватилъ эти пушки, ему нельзя будетъ ихъ увезти.“

¹ Братомъ по масонству, какъ объясняетъ издатель сочиненій Вильсона.

² Графъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ лѣчился въ то время въ своей деревнѣ отъ тяжелой раны, полученной штыкомъ подъ Бородинымъ, при защитѣ его гренадерскою дивизіею Баграціоновыхъ флешей.

^{22 сент.}
^{4 октяб.} въ то время какъ Вильсонъ былъ въ Томильцахъ, на бивакѣ Милорадовича, къ нему прискакалъ казакъ, требуя его немедленно въ главную квартиру, къ Беннигсену. По приѣздѣ своемъ, Вильсонъ засталъ у Беннигсена нѣсколько генераловъ, которые сообщили ему, „что фельдмаршалъ письменно изъяснилъ Лористону ^о согласіе имѣть съ нимъ свиданіе, въ полночь, за линіей передовыхъ русскихъ постовъ;“ въ то же время всѣ присутствовавшіе просили Вильсона убѣдить фельдмаршала отказать отъ этого намѣренія.

Вильсонъ передаетъ разговоръ свой съ Беннигсеномъ и потомъ свиданіе съ Кутузовымъ, съ чрезвычайно-любопытными подробностями (*Narrative*, pp. 183—189.) Кутузовъ сперва очень сухо отозвался, что „онъ—главнокомандующій войсками, и лучше знаетъ что требуется для ввѣренныхъ ему интересовъ;—что онъ дѣйствительно согласился, по просьбѣ императора Французовъ, имѣть свиданіе съ генераломъ Лористонемъ ночью, при означенныхъ обстоятельствахъ, дабы избѣгнуть огласки этого свиданія, а съ тѣмъ вмѣстѣ толковъ или ложнаго сужденія о побудительныхъ къ тому причинахъ;—что онъ исполнить свое намѣреніе, выслушаетъ предложенія генерала Лористона и, сообразно съ ними, опредѣлитъ свои будущія распоряженія.“ Онъ прибавилъ, что „сознается, что ему уже извѣстна миролюбивая цѣль этихъ предложеній, которыя могутъ повести къ удовлетворительной и честной для Россіи развязкѣ.“ Въ заключеніе, Кутузовъ объявилъ, что рѣшеніе его неизмѣнно и саркастически „изъяснилъ надежду, что англійскій генералъ, обдумавъ, признаетъ его приличнымъ; и что сообразивъ надлежащимъ образомъ положеніе Россіи, сообразивъ то, что несмотря на постепенное увеличеніе численности русскихъ войскъ, она относительно далеко неудовлетворительна, генералъ на этотъ разъ даетъ своей преданности къ государю и къ Россіи взять верхъ надъ своею извѣстною непріязнію къ французскому императору.“

Напрасно Вильсонъ старался поколебать рѣшимость фельдмаршала. Кутузовъ остался непреклоненъ, даже когда

¹ Генералъ-адъютантъ Наполеона, Александръ Бернардъ Лоу (Law) маркизъ Лористонъ.

онъ представилъ ему на видъ необходимость немедленно отправить увѣдомленіе о назначенномъ свиданіи въ Константинополь, Вѣну, Лондонъ и Петербургъ. Наконецъ, Кутузовъ уступилъ, когда герцогъ Александръ Виртембергскій, принцъ Ольденбургскій и только что прибывшій изъ Петербурга генераль-адъютантъ князь Волконскій присоединили свои представленія къ убѣжденіямъ Вильсона. Къ Лористону было отправлено увѣдомленіе, что „фельдмаршалъ не можетъ пріѣхать къ назначенному свиданію, и приглашаетъ генерала Лористона въ свою главную квартиру въ тотъ же вечеръ, въ 10 часовъ.“ Въ отвѣтъ на убѣдительную просьбу Лористона, чтобы „фельдмаршалъ сдержалъ свое первое назначеніе, измѣненіе котораго сопряжено съ большимъ разстройствомъ и неудобствомъ,“ фельдмаршалъ возразилъ, что „обстоятельства не позволяютъ ему исполнить это желаніе.“ На встрѣчу Лористону былъ посланъ на аванпосты генераль-адъютантъ князь Волконскій.

Вильсонъ объясняетъ, что, по мнѣнію Беннигсена и другихъ, Наполеонъ долженъ былъ самъ присутствовать при свиданіи Лористона съ Кутузовымъ.

„Вечеромъ, фельдмаршалъ Кутузовъ пригласилъ герцога Виртембергскаго и меня присутствовать при свиданіи съ Лористонѣмъ, которому онъ хотѣлъ показать къѣмъ онъ окруженъ въ своемъ совѣтѣ. По прибытіи Лористона съ *завязанными глазами*¹, около 11 часовъ ночи, онъ былъ введенъ въ избу фельдмаршала, который познакомилъ его съ находившимися тамъ генералами. Въ послѣдствіи Лористонъ говорилъ, что при имени англійскаго генерала онъ немедленно понялъ, откуда вышло препятствіе къ исполненію первоначально-предположеннаго свиданія.

Послѣ небольшого общаго разговора, всѣ вышли, оставивъ фельдмаршала наединѣ съ посланнымъ; но мы оста-

¹ Богдановичъ (II. 391) пишетъ: „фельдмаршалъ, пригласивъ его (Лористона) въ избу, бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей, и потому ихъ переговоры сдѣлались извѣстны единственно изъ донесенія государю Кутузова“. Тѣмъ любопытнѣе современный разказъ Вильсона, тогда же записанный имъ со словъ фельдмаршала, которыя кромѣ его были извѣстны только герцогу Виртембергскому и князю Петру Михайловичу Волконскому.

вались вблизи и видѣли, по тѣлодвиженіямъ фельдмаршала, что разговоръ, съ его стороны, былъ очень оживленъ, и что Лористонъ вручилъ ему письмо отъ Наполеона къ императору Александру.

„Полчаса спустя, фельдмаршалъ позвалъ князя Волконскаго, а съ четверть часа потомъ, генералъ Лористонъ вышелъ съ очень недовольнымъ видомъ; всякій могъ съ удовольствіемъ замѣтить, что ожиданія его не исполнились. Когда мы вошли, фельдмаршалъ разказалъ намъ что произошло между ними.

„Лористонъ началъ жалобами на жестокость Русскихъ съ Французами. Фельдмаршалъ сказалъ на это, что онъ не могъ въ три мѣсяца образовать народъ, который считаетъ врага хуже чѣмъ ордою татарскихъ хищниковъ подъ предводительствомъ Чингисъ-хана. „Согласитесь однако, отвѣчалъ Лористонъ, что есть нѣсколько разницы. — Можетъ-быть, возразилъ фельдмаршалъ, но не въ глазахъ народа; я же могу отвѣчать только за поведеніе своихъ войскъ“. На нихъ Лористонъ не имѣлъ никакихъ жалобъ.

„Потомъ, упомянувъ о перемиріи, онъ сказалъ: „Сама природа, въ скоромъ времени, вынудитъ перемиріе.“ Фельдмаршалъ отозвался неимѣніемъ полномочія на этотъ предметъ, и сказалъ: „Еслибъ я далъ вамъ перемиріе на шесть дней и, шесть мѣсяцевъ спустя, былъ бы заключенъ миръ не-„благопріятный для имперіи, я былъ бы сочтенъ его причиной, и мое потомство подверглось бы проклятію. Это не обыкновенная война, милостивый государь! она должна имѣть „рѣшительныя послѣдствія. Мы не стали бы переговариваться о мирѣ, еслибы даже были оттѣснены за Волгу.“ Про-„должая говорить о перемиріи, Лористонъ сказалъ: „Вы не „должны думать, что мы желаемъ его потому, чтобы наше положение было безнадежно. Наши войска почти одинаковы. „Правда, вы ближе насъ къ своимъ запасамъ и подкрѣпленіямъ, но и къ намъ подходятъ подкрѣпленія. Можетъ-быть „вы слышали, что наши дѣла плохи въ Испаніи?“—„Слышалъ, „отвѣчалъ фельдмаршалъ, отъ сэръ-Роберта Вильсона, котораго вы сейчасъ видѣли при мнѣ, и съ которымъ я „ежедневно вижусь.“—„О! возразилъ Лористонъ, Вильсонъ „можетъ имѣть причины преувеличивать свои извѣстія.“ „Никакихъ, сказалъ фельдмаршалъ, онъ мнѣ говоритъ, дѣло

„такъ какъ оно есть, со всею откровенностію искренности.“
„Дѣйствительно, продолжалъ Лористонъ, благодаря *глупости*
„(bêtise) маршала Мармона, мы понесли поражение и, по-
„*ki, da* (en attendant), Мадритъ занятъ Англичанами; но ихъ
„скоро прогонятъ и все будетъ приведено тамъ въ поряд-
„докъ многочисленными войсками, которыя идутъ туда.“
Потомъ онъ опровергалъ мнѣніе, будто бы Москва сож-
жена Французами, и обвинялъ губернатора въ этомъ по-
ступкѣ, замѣтивъ: „Это такъ не свойственно француз-
„скому характеру, что еслибы мы взяли даже Лондонъ, то
„не сожгли бы.“

„Главный предметъ домогательствъ Лористона заклю-
чался въ перемиріи, и я полагаю, что перемиріе это и
соглашеніе объ отступленіи арміи были предметы, на ко-
торыя Бонапартъ намекалъ въ своемъ письмѣ къ фельд-
маршалу словами: „прошу васъ вѣрить всему, что онъ
„вамъ будетъ говорить по дѣламъ чрезвычайно важнымъ.“¹

Еще прежде свиданія Кутузова съ Лористономъ, „съ са-
маго времени занятія славною русской арміей позиціи при
Тарутинѣ, а Мюратомъ при Винковѣ, ежедневно происхо-
дили на аванпостахъ разговоры главныхъ русскихъ началь-
никовъ съ Мюратомъ и его генералами; разговоры эти нача-
лись съ прекращеніемъ ежедневныхъ утреннихъ сшибокъ;
при посѣщеніи линій ведетовъ происходили взаимныя вѣ-
жливости; послѣдствіемъ своимъ имѣли онѣ то, что проме-
жуточное между аванпостами пространство стали считать
нейтральнымъ, на которомъ обѣ стороны могли безопасно
встрѣчаться и разговаривать.

„Мюратъ однажды изъявилъ желаніе видѣть на другой
день Беннигсена, который, вопреки повелѣнію государя,
явился на свиданіе.“² Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, Мю-

¹ „Ajoutez foi à tout ce qu'il dira sur des affaires très importantes“, такъ
у Вильсона (*Riary*. 1. 186); но въ подлинномъ письмѣ Наполеона, отъ 3
октября: „Je désire que votre altesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, surtout
lorsqu'il exprimera les sentimens d'estime et de particulière considération,
que j'ai depuis long tems pour sa personne.“ (Прошу вашу свѣтлость вѣ-
рить словамъ его, особенно когда онъ станетъ выражать вамъ чувства
уваженія и особеннаго вниманія, издавна мною къ вамъ питаемая“. (Бог-
дановичъ. II. 392 и прим. 42 къ гл. XXVIII).

² Именно въ то время, какъ князь Волконскій былъ присланъ чтобы
проводить Лористона въ Тарутино.

ратъ сказалъ: „Миръ необходимъ, желаю его какъ король неаполитанскій, имѣющій государство, которымъ нужно „управлять.“ Беннигсенъ отвѣчалъ: „Сколько вы желаете „мира, столько мы предпочитаемъ войну: притомъ... Русскіе „не захотятъ мириться и, признаюсь откровенно, я ихъ „мнѣнія.“ Мюратъ замѣтилъ, что можно превозмочь народныя предрасудки. „О! нѣтъ возразилъ Беннигсенъ, не въ „Россіи! Русскіе — народъ страшный: на мѣстѣ убьютъ „того, кто только заведетъ рѣчь о переговорахъ.“

„Генералъ Корфъ, отличнѣйшій человекъ и мастеръ придавать серьезный тонъ своимъ шуткамъ, встрѣтился съ генераломъ Амандомъ (Amande). Разговоръ вскорѣ обратился на миръ. Амандъ замѣтилъ: „Мы, право, устали отъ этой войны: „дайте намъ паспорта и отпустите насъ.“ — „О! нѣтъ, генералъ, отвѣчалъ Корфъ, вы пришли къ намъ незваные, — „такъ вамъ придется и уходить *по-французски*, не прощаясь.“ — „Но, сказалъ Амандъ, право жалко, что два народа, уважающіе другъ друга, ведутъ такую истребительную войну? Мы принесемъ наши оправданія, пожалуй, „если вы того непремѣнно требуете, даже наши извиненія „въ томъ что обезпокоили васъ, и пожмемъ другъ другу „руки на нашихъ взаимныхъ границахъ.“ — „Да, дѣйствительно, возразилъ Корфъ, мы вѣримъ, что въ послѣднее „время вы стали считать насъ болѣе достойными вашего „уваженія чѣмъ думали прежде. Но, генералъ, станете ли „вы также думать, если мы допустимъ васъ уйдти съ оружіемъ въ рукахъ?“ — „*Parbleu!* со вздохомъ сказалъ *Monsieur* „Амандъ, вижу, что съ вами теперь не столкуешься о мирѣ, „и что намъ не удастся заключить его!“

Чаще всѣхъ видались Милорадовичъ и Мюратъ. При одномъ изъ этихъ свиданій, Милорадовичъ сказалъ Мюрату: „Мнѣ хотѣлось бы видѣть настоящую кавалерійскую „атаку; того жъ желаютъ наши офицеры и солдаты, въ особенности на такой прекрасной равнинѣ; но какъ только „мы сдѣлаемъ движеніе, ваши эскадроны ищутъ укрытія въ „своей пѣхотѣ или въ артиллеріи.“ — Мюратъ молчалъ. Милорадовичъ продолжалъ говорить: „Право, стыдно оставлять „столько вашихъ мертвыхъ безъ погребенія и больныхъ „въ этомъ лѣсу. Я позволю вамъ пріѣхать въ мою цѣпь и „убрать ихъ.“ Въ этомъ разговорѣ Мюратъ сознался, что

Русскимъ безспорно принадлежала честь сраженія 23 сентября (4 окт.).¹

Нѣсколько дней спустя, казаки захватили въ плѣнъ двѣсти французскихъ латниковъ вѣхавшихъ на фуражировку. Какой-то французскій генераль выѣхалъ парламентѣромъ съ упреками въ томъ, что „жестоко нападать на бѣдныхъ людей вѣхавшихъ добыть себѣ немного сѣна!“ О, милая невинность! Какъ нѣжны, какъ человѣколюбивы, какъ мягкосерды стали эти Французы! восклицаетъ Вильсонъ.

Вѣроятно, это было причиною просьбы, лично высказанной Мюратомъ Милорадовичу—„дозволить французской кавалеріи безпрепятственно высылать фуражировъ вправо и влѣво отъ своего лагеря.“—„Неужели, отвѣчалъ Милорадовичъ, вы хотите лишить насъ удовольствія хватать *какъ куръ* (*comme des poules*) лучшихъ вашихъ французскихъ кавалеристовъ?“—„Если такъ, сказалъ Мюратъ, то я прикажу принять нужныя мѣры предосторожности и посылать колонны фуражировъ, съ пѣхотой и артиллеріей по флангамъ.“—„Этого-то мы и желаемъ, возразилъ Милорадовичъ: мы ждемъ не дождемся схватки.“ Мюратъ поскакалъ прочь и въ слѣдующую же ночь казаки захватили 43 чел. латниковъ и карабинеровъ, а подъ утро еще 53 чел.

Впрочемъ, русскіе генералы не всегда пріѣзжали на приглашенія Французовъ, и Вильсонъ разсказываетъ, что на изъявленное Мюратомъ желаніе говорить съ Корфомъ, этотъ послѣдній отправилъ его къ чорту (*sent him to Coventry*). Самъ Вильсонъ находилъ, что всѣ эти свиданія имѣютъ очень вредное вліяніе и считалъ не нужное величаніе этихъ хищниковъ титуломъ государей за добровольное униженіе, которое, по его мнѣнію, должно было навлечь неудовольствіе императора. Поэтому, хотя онъ и не лишалъ себя удовольствія погарцовать передъ французскими линіями и даже нарочно бралъ съ собою своего англійскаго драгуна (бывшаго при графѣ Воронцовѣ подъ Бородинымъ), чтобы

¹ Въ этомъ авангардномъ дѣлѣ французская кавалерія попала въ засаду казаковъ, которые положили на мѣстѣ 500 чел. и взяли въ плѣнъ 180 чел. По словамъ Вильсона, это было удалое, отлично веденное и чрезвычайно любопытное сраженіе, въ которомъ русская артиллерія, конница и пѣхота доказали, что увѣренность ихъ въ себѣ была не напрасна. Кромѣ убитыхъ, которые наполняли поле и лѣсъ, непріятель оставилъ на мѣстѣ четыре пороховыхъ ящика.

Французы знали, кто онъ?—однакоже постоянно отклонялъ приглашенія Мюрата вступать въ разговоръ. Два года спустя, Мюратъ въ Италіи самъ говорилъ ему, что не приписывалъ этого намѣренію лично оскорбить его послѣ предшествовавшихъ частыхъ встрѣчъ ихъ, и послѣ взаимно-снисканнаго уваженія въ почетныхъ бояхъ; а также и не отсутствію свойственнаго Англичанамъ любопытства и желанія узнать разныя извѣстія какъ относительно Европы, такъ и Россіи.“ Поведеніе Вильсона было первымъ поводомъ Мюрату считать несправедливымъ распространившійся въ то время слухъ о заключенномъ будто бы перемиріи. Слухъ этотъ до того утвердился даже въ русскомъ войскѣ, что Вильсонъ разувѣрился въ немъ не прежде какъ фельдмаршалъ честію своею ручался ему, что никакого перемирія заключено не было, и что онъ не имѣетъ власти заключить его, ни даже вступить въ переговоры. Слѣдующее опроверженіе Вильсономъ этого слуха и объясненіе его происхожденія особенно важно, потому что Тьеръ¹ положительно говоритъ о словесномъ обязательствѣ Кутузова прекратить дѣйствія на аванпостахъ и увѣдомить за три часа до возобновленія ихъ, а Наполеонъ утвердительно писалъ, что „непріятель постыдно нарушилъ перемиріе между авангардами, что почти не слыханно.“

Вильсонъ пишетъ: „Нѣкоторые французскіе писатели утверждаютъ, и даже въ одномъ изъ бюллетеней содержится обвиненіе, будто было заключено перемиріе, въ вѣроломномъ нарушеніи котораго они обвиняютъ Русскихъ. Перемирія никогда не было: это выдумка сочиненная въ послѣдствіи, съ цѣлію замаскировать недостатокъ необходимой бдительности и предосторожности. Причины, подавшія поводъ къ сношеніямъ между начальниками были совершенно таковы, какъ изложено выше. Это дѣлалось безъ всякихъ основаній, безъ всякаго уговора, безъ всякаго письменнаго или словеснаго соглашенія, а единственно по невысказанному согласію отдѣльныхъ лицъ, которыя

¹ Thiers. *Histoire du Consulat et de l'Empire*. (Ed de Leipzig 1856.) XIV pp. 341. 372.

² L'ennemi a la honte d'avoir violé une trêve d'avant-garde, ce qu'on ne vit presque jamais (26. бюллетень отъ 23 октября н. ст. Богдановичъ гл. XXXII pp. 30).

брали на свою отвѣтственность поступать такъ со дня на день и съ часа на часъ, но не давали никакого, основаннаго на законахъ войны, ручательства въ томъ, что непріязненныя дѣйствія не будутъ внезапно возобновлены, и даже что высшая власть не велитъ захватить или задержать вступившихъ въ разговоръ.“

Въ послѣдствіи Мюрать признавался Вильсону, что онъ самъ сомнѣвался въ томъ: не слишкомъ ли считаетъ себя безопаснымъ; „но, прибавлялъ онъ, я поддался вліянію моей дурной звѣзды и, подобно Наполеону, былъ ослѣпленъ блестящимъ призракомъ мира.“

Свиданія русскихъ генераловъ съ французскими и недоумѣнія относительно перемирія прекратились, когда князь Кутузовъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 9 октября, въ которомъ императоръ Александръ I, высказывая свое неудовольствіе по поводу свиданія фельдмаршала съ Лористономъ, *поставлялъ* генералу Беннигсену на видъ его *несовмѣстный поступокъ* (свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ безо всякой къ тому побудительной причины) и вновь выражалъ свою *рѣшимость*, что въ настоящее время *никакія предложенія непріятеля не побудятъ его прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное отечество.*

Вильсонъ говоритъ, что пришедшіе въ тарутинскій лагерь казачьи полки привезли съ Дона отличныхъ винъ, балыковъ, пкры и огромныя бочки съ виноградомъ, и что всѣмъ этимъ Платовъ щедро съ нимъ подѣлился; онъ упоминаетъ также съ благодарностію о коровѣ, которую прислалъ къ нему въ подарокъ князь Голицынъ. Несмотря однакоже на это обиліе лакомствъ, изъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ подъ Тарутинымъ у Русскихъ только и были мука да ржаные сухари; масла нельзя было найти вовсе; за одинъ хлѣбъ платили по 3 рубля, за фунтъ сахара по 5 рублей. За недостаткомъ свѣчъ, Вильсону пришлось однажды пролежать цѣлую ночь въ темной избѣ, куда его привезли послѣ паденія съ дрожекъ, опрокинувшихся на его правую ногу, которою онъ страдалъ болѣе недѣли послѣ того. Ему пришлось также терпѣть отъ начинавшихся холодовъ, потому что онъ потерялъ свою бурку, которой не могъ отыскать, хотя за находку ея было обѣщано въ приказахъ по арміи (general order) 100 рублей

награды. Несмотря на то, подъ Тарутинымъ жили весело, и каждый день устраивался какой-нибудь пиръ; лагерь расположенный въ боевомъ порядкѣ, представлялъ очень красивое и оживленное зрѣлище. Особенно всѣ были обрадованы извѣстіемъ (которое сообщилъ Лористонъ) о взятіи Мадрита Англичанами, и Вильсонъ, за отъѣздомъ Тэрконеля въ армію Чичагова, остававшійся единственнымъ англійскимъ офицеромъ въ главной арміи, являлся, разумѣется, главнымъ лицомъ на этихъ пирахъ. Болѣе всѣхъ угощали его, кажется, атаманъ съ своими храбрыми Донцами: во время одного изъ подобныхъ угощеній, происходившаго въ какихъ-нибудь шести стахъ шагахъ отъ непріятеля, Французы столпились на своихъ форпостахъ слушать удалыя пѣсни русскихъ пѣсенниковъ; на восклицанія ихъ, доказывавшія что они узнали англійскій мундиръ Вильсона, имъ отвѣчали крикомъ: „онъ намъ несетъ испанскія побѣды!“¹

Приступая къ разказу о пораженіи Мюрата при рѣчкѣ Чернишнѣ, Вильсонъ говоритъ: „Бездѣйствіе главной русской арміи подавало поводъ къ неудовольствію, которое все усиливалось. Опасались, чтобы съ приближеніемъ зимы непріятель не выступилъ неожиданно изъ Москвы и, отозвавъ вовремя свои отдѣльные корпуса, не успѣлъ вывести ихъ изъ опасныхъ мѣстъ ихъ расположенія. По этой причинѣ, всѣ настаивали на необходимости безотлагательно нанести рѣшительный ударъ, и обезсилить непріятеля, еще болѣе облегчить его гибель, которую всѣ считали несомнѣнною. По настояніямъ Беннигсена, Толя и другихъ, Кутузовъ наконецъ весьма неохотно изъявилъ свое согласіе.“ Отсрочка сраженія, первоначально назначеннаго на $\frac{4}{16}$ октября и даннаго только два дня спустя $\frac{6}{18}$, служитъ Вильсону поводомъ къ весьма неумѣстной выходкѣ противъ главнокомандующаго: „позволительно портному примѣрять платье, чтобъ узнать: такъ ли оно сидитъ; но полководецъ не портной, и ему не пристало примѣрять своихъ распоряженій.“ Въ послѣдствіи, впрочемъ Вильсонъ, какъ видно, отказывается отъ этой выходки, сгоряча внесенной въ *Дневникъ*, и въ своемъ *Повѣствованіи*

¹ „Пѣсенники пропѣли мнѣ свою знаменитую лодочную пѣснь—their famous boat song (?)—и когда непріятель распозналъ мой корабль, ему отвѣчали на окликъ: „онъ нагруженъ испанскими побѣдами“ (*Diary*. 1. 197.)

ни сознается, что „армія послѣ небольшого марша, возвратилась въ свой лагерь, потому что нѣкоторыя войска не заняли вовремя назначенныхъ имъ мѣстъ.“

По диспозиціи сраженія, нападающія войска были распределены на пять колоннъ, которымъ назначалось: 1-ой Орлова-Денисова, обойти лѣвый флангъ непріятеля и, въ тылу его, занять на московской дорогѣ тѣснину при Спасѣ-Куплѣ; 2-ой Баггевута атаковать лѣвый флангъ непріятеля; 3-ей графа Остермана сохранять связь между главною арміей и Баггевутомъ, которому соединиться съ Орловымъ-Денисовымъ; 4-ой и 5-ой Дохтурова и Раевского напасть у Винкова на центръ и правый флангъ непріятеля, препятствуя ему отрядить помощь своему лѣвому флангу. Первыми тремя колоннами командовалъ Беннигсенъ; авангардомъ двухъ послѣднихъ Милорадовичъ.

Извѣстно, что изъ назначенныхъ въ этой диспозиціи войскъ, только колонны Орлова-Денисова и Баггевута и авангардъ Милорадовича были въ огнѣ; что поздній приходъ Остермана вынудилъ отдѣленіе корпуса графа Строганова отъ колонны Баггевута, и тѣмъ далъ возможность атакованному лѣвому флангу отбиться, хотя съ огромною потерей, отъ остальныхъ войскъ второй колонны и соединиться подъ Спасѣ-Куплею съ прочими войсками Мюрата, которыхъ прогнаніе было предоставлено одному авангарду Милорадовича; и наконецъ, что колонны Остермана, Дохтурова и Раевского получили отъ Кутузова приказаніе остановиться, и не принимали никакого участія въ сраженіи.

Очевидно, что не говоря уже о задержаніи этихъ трехъ колоннъ, успѣхъ сраженія былъ главнѣйше ослабленъ отдѣленіемъ Строганова отъ атакующихъ въ самую рѣшительную минуту нападенія на лѣвый флангъ непріятеля. Генераль Богдановичъ въ своей *Исторіи Отечественной Войны*, признавая всю ошибочность этого движенія (II. 480), приписываетъ его Беннигсену. Слѣдующее свидѣтельство Вильсона совершенно оправдываетъ этого послѣдняго.

Вслѣдъ за единовременнымъ нападеніемъ Баггевута и Орлова-Денисова на дивизію Себастіани „послѣдовало немедленное и поспѣшное бѣгство ея за Чернишну на соединеніе съ стоявшимъ за нею корпусомъ; но всѣ орудія

и всѣ принадлежности были оставлены на мѣстѣ и, кромѣ множества убитыхъ, полторы тысячи человѣкъ были взяты въ плѣнъ. По одержаніи этого успѣха, Беннигсенъ послалъ меня къ фельдмаршалу съ убѣдительною просьбой о быстромъ движеніи прочихъ колоннъ. „Просите фельдмаршала, сказалъ мнѣ Беннигсенъ, чтобъ онъ не далъ времени непріятелю устроиться или сдѣлать какую-нибудь новую диспозицію; теперь осталось только гнать непріятеля бѣглымъ шагомъ въ настоящемъ безпорядкѣ на Спасъ-Куплѣ, покуда я со всею поспѣшностію перехвачу ему тамъ проходъ; а за это я берусь. Но Кутузовъ холодно остановилъ это рвеніе, приказалъ Беннигсену прекратить наступленіе, потому что третья Остерманова колонна еще не пришла на свое мѣсто, *отрядилъ третій (Строганова) корпусъ второй колонны*, на замѣщеніе ея, и *остановилъ движеніе впередъ всѣхъ остальныхъ колоннъ*, исключая Милорадовича, которому онъ дозволилъ двинуться впередъ на Винково, перейти Чернишну и напасть на непріятеля, удерживая лѣсъ вправо отъ своей позиціи, для прикрытія отступленія.“

Когда Вильсонъ передалъ отказъ Кутузова Беннигсену, ему удалось присутствовать при кавалерійскомъ дѣлѣ, ксоторое, по его словамъ, продолжительностію своею превосходить всѣ подобныя дѣла извѣстныя въ новѣйшее время, „Казаки во все время не были далѣе какъ на полнестолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ эскадроновъ, которые представляли плотно-сомкнутый строй; сражающіеся не только во все время не прекращали рукопашной схватки но даже обмѣнивались ругательствами. Еслибы не латы спереди и сзади, казаки своими пиками непременно перекололи бы до послѣдняго всадника.“

Еще оживленнѣе шло сраженіе въ центрѣ и на правомъ флангѣ, гдѣ былъ самъ Мюратъ. „Захваченный совершенно врасплохъ, онъ былъ на ногахъ при первыхъ выстрѣлахъ, и едва успѣлъ сѣсть на коня прежде чѣмъ Русскіе завладѣли его лагеремъ. Въ отчаяніи отъ мысли объ опасности, угрожавшей его товарищамъ (ибо войска смотрѣли на него какъ на своего брата-солдата, и онъ самъ старался расположить ихъ къ себѣ такимъ образомъ) и о безславіи, которое повлечетъ за собою его небрежность, онъ выказалъ въ полной силѣ свою энергію и дѣятельность: вездѣ, гдѣ кипѣла самая силь-

ная сѣча, развѣвался его султанъ; то онъ останавливалъ бѣгущихъ, то возстановлялъ порядокъ въ колоннахъ; то нападалъ на преслѣдующихъ; то прикрывалъ свое отступленіе, прибѣгая къ самымъ смѣлымъ мѣрамъ обороны и являя подвиги величайшей отваги. Ни одинъ начальникъ не могъ съ бѣльшимъ самоотверженіемъ стараться объ исправленіи своей ошибки,—ибо онъ сдѣлалъ ошибку и самъ въ томъ сознавался,—или явить болѣе блистательное мужество среди самой грозной и обезумливающей опасности.“

Бѣгство Мюрата прекратилось только въ Ариновѣ; Милорадовичъ съ авангардомъ остался въ Винковѣ; русская армія возвратилась въ Тарутино.

Потеря обѣихъ сторонъ показана у Вильсона не совсѣмъ согласно съ цифрами приведенными у генерала Богдановича; со стороны Русскихъ не болѣе 500 (вмѣсто 1200) человекъ, въ томъ числѣ генералъ Баггебутъ; со стороны Французовъ: убитыми—генералы Дери и Фишеръ и 2000 (вмѣсто 1500) человекъ; взятыми въ плѣнъ: генерала Бальтье, 2000 (вмѣсто 1500) человекъ, штандартъ, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ, весь обозъ и множество негодныхъ лошадей. Сверхъ того, были отбиты 300 раненыхъ русскихъ плѣнныхъ въ церкви, которую непріятель зажегъ при своемъ отступленіи. Такъ какъ Французы были застигнуты въ то время какъ они готовили себѣ завтракъ, то были также захвачены ихъ котлы, въ которыхъ варилась конина; даже въ серебряныхъ кострюляхъ Мюрата найдены были куски кошачьего и лошадиного мяса. Остатки убитыхъ лошадей валялись около французскихъ биваковъ и заражали воздухъ зловоніемъ. Взятый въ этотъ день въ плѣнъ, племянникъ генерала Кларка (герцога Фельтрскаго), Элліотъ, рассказывалъ Уильсону, что цѣлые двѣнадцать дней передъ сраженіемъ, войска Мюрата питались кониной и, на предложеніе быть обмѣненнымъ, отвѣчалъ отказомъ, говоря что „съ него уже довольно было конскаго мяса и казачьихъ пикъ.“ Этотъ же Элліотъ рассказывалъ, что Бонапарта ожидали въ тотъ же день въ главную квартиру Мюрата, куда, какъ предполагали, онъ долженъ былъ прибыть съ намѣреніемъ вновь предложить миръ и, въ случаѣ отказа, пробиться въ Украйну, потому что отступленіе по дорогѣ, по которой онъ пришелъ, было невозможно, такъ какъ всѣ припасы на ней были потреблены.

Въ сужденіи своемъ объ этомъ сраженіи, Вильсонъ строго обвиняетъ Кутузова: „По причинѣ огромнаго превосходства силъ Кутузова и невыгоднаго расположенія непріятеля, одержанный успѣхъ вовсе не соотвѣтствовалъ употребленнымъ средствамъ. Еслибы Орловъ-Денисовъ былъ поддержанъ какъ слѣдовало, еслибы Беннигсенъ былъ допущенъ поддержать его у Спасъ-Купли, куда достигли его казаки, и еслибы прочія колонны были во время двинуты,—ни талантъ Мюрата, ни его отвага, ни его усилія, не могли бы спасти ни одного изъ его солдатъ; ни единый изъ нихъ не избѣгъ бы смерти или плѣна. Отъ Кутузова зависѣла судьба непріятеля, когда онъ остановилъ наступленіе и перешелъ къ робкой оборонѣ, какъ бы намѣренно спасая непріятеля отъ гибели. Поведеніе его могло бы быть объяснено этимъ предположеніемъ, но повѣствованіе послѣдующихъ его дѣйствій обнаруживаетъ, что причину тому справедливѣе приписать его сопернической зависти къ главному послѣ него начальнику.“

Дѣйствительно, соображая распоряженія Кутузова съ самымъ свиданіемъ его съ Лористономъ и до перехода французской арміи черезъ Березину, слухи о перемиріи, допущеніе имъ разговоровъ между начальниками воюющихъ армій подъ Тарутинымъ, остановленіе имъ нападеній въ минуту самого ожесточеннаго ихъ разгара, не только при Чернишнѣ, но и въ послѣдствіи—подъ Малоярославцемъ, подъ Вязьмой, подъ Краснымъ,—нельзя не сознаться, что всѣ эти дѣйствія въ военномъ отношеніи, не могутъ не подлежать осужденію, и что еслибы цѣлю Кутузова была единственно воинская слава, то образомъ веденія войны въ 1812 году, можетъ-быть, онъ бы не достигъ ея. Но на Кутузовѣ лежала отвѣтственность гораздо болѣе тяжелая. По словамъ рескрипта императора Александра I (отъ 2 октября), онъ былъ *обязанъ отвѣтомъ оскорбленному Отечеству въ потерю Москвы*; ему предстояло отмстить за эту потерю, а побѣда надъ Мюратомъ, хотя бы надъ самимъ Наполеономъ, не исполнила бы мѣры этого мщенія. Какъ бы блистательна ни была побѣда, она могла повести лишь къ разбитію непріятеля, можетъ-быть къ положенію имъ оружія, можетъ-быть даже къ смерти или взятію въ плѣнъ Наполеона; но такой результатъ былъ сопряженъ съ несомнѣннымъ пожертвованіемъ значительной части русскихъ войскъ, и велъ за собой не-

медленное прекращеніе войны; притомъ непріятель, претерпѣвшій пораженіе въ честномъ бою, не подвергался никакому большому стыду, кромѣ стыда неудачнаго похода, и покорялся лишь одной изъ обыкновенныхъ случайностей войны. Мщеніе Кутузова было болѣе соразмѣрно съ оскорбленіемъ: не одни войска русскія были оскорблены поруганіемъ московской святыни; весь народъ русскій понесъ это оскорбленіе, и всѣмъ Русскимъ предоставилъ Кутузовъ быть причастниками отмщенія; войско онъ употребилъ только какъ средство принудить непріятеля идти по той же дорогѣ, которую онъ раззорилъ при шествіи своемъ въ Москву. Такимъ образомъ онъ явилъ позорище постыднаго бѣгства Французовъ тѣмъ самымъ жителямъ, которые были свидѣтелями его успѣховъ. Пренебрегая славою *выигранныхъ баталій*, щадя кровь своихъ солдатъ, Кутузовъ употреблялъ ихъ только для разбитія непріятельскихъ отрядовъ на шайки мародеровъ, которые находили безславную смерть подъ пиками казаковъ, подъ пулями партизановъ, подъ топорами мужиковъ.

„За десятерыхъ Французовъ не отдамъ я одного Русскаго Непріятеля скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?“ говорилъ Кутузовъ ¹. И мудрое предвидѣніе его оправдалось, когда, вслѣдъ за выступленіемъ немногихъ ущѣлѣвшихъ шакѣ изнеможенныхъ бѣглецовъ, собрались въ Вильнѣ, жаждавшія битвъ и исполненныя духа не насыщеннаго мщенія, ополченія русскихъ воиновъ.

По полученіи княземъ Кутузовымъ извѣстія, что на рѣкѣ Нарѣ, у Оминскаго, появился непріятельскій корпусъ, фельдмаршалъ отправилъ Дохтурова съ 3 тыс. конницы и 12 тыс. пѣхоты при 84 орудіяхъ, съ тѣмъ чтобъ онъ „шелъ на Оминское и, если возможно, захватилъ непріятеля врасплохъ; но еслибъ этотъ корпусъ былъ поддержанъ другимъ, или еслибъ оказалось, что онъ принялъ нужныя предосторожности для обороны своей позиціи до прихода къ нему подкрѣплений, Дохтуровъ не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ вступать въ сраженіе, которое потре-

¹ Военная галлерей Зимняго Дворца. III. Біографія князя М. И. Голлицева-Кутузова Смоленскаго.

бовало бы отряженія помощи отъ главной арміи и могло бы поставить его собственный отрядъ въ опасность или повлечь за собою принятіе генеральнаго сраженія при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.“ Ермоловъ сопровождалъ Дохтурова. Вильсонъ также находился при его отрядѣ.

Дохтуровъ выступилъ 11/23 октября¹, и около 4 часовъ пополудни, не доходя до Наро-Фоминскаго семи верстъ, расположился у Аристова, въ лѣсистой долинѣ, откуда окрестность открывалась для наблюденія на дальнее разстояніе. По добытіи развѣздами нужныхъ свѣдѣній, Дохтуровъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ, объявивъ данныя ему фельдмаршаломъ приказанія, объяснилъ, что непріятель, въ числѣ 12 тыс. чел., находится въ семи верстахъ; что намѣренія его неизвѣстны, но что онъ занимаетъ сильную и хорошо защищаемую позицію; что зоркость его пикетовъ устраняетъ возможность нечаяннаго нападенія. Затѣмъ Дохтуровъ и прочіе присутствующіе желали знать мнѣніе Вильсона. „Я считалъ нападеніе безразсуднымъ: отрядъ непріятеля былъ расположенъ не въ городѣ и слѣдовательно имѣлъ возможность къ защитѣ, равно какъ и къ отступленію; извѣстно было, что вся непріятельская армія наканунѣ находилась въ Вороновѣ; по всей вѣроятности Бонапартъ былъ на сторожѣ и движеніемъ вправо хотѣлъ обойти наше лѣвое крыло. Я успѣлъ настоять на томъ, чтобъ ожидать вѣрнѣйшихъ свѣдѣній.“

Съ часъ спустя, прискакалъ въ Аристово знаменитый, храбрый партизанъ Сеславинъ съ извѣстіемъ, что онъ ви-

¹ Такъ въ *Narrative*, но въ *Diary* у Вильсона показано время выступленія согласно съ Богдановичемъ (III, 11) 10/22 т. е. еще наканунѣ. По разчету времени однакоже первое показаніе вѣроятнѣе: въ Аристово (23 версты) Дохтуровъ пришелъ къ 4 часамъ пополудни; оттуда въ 7 часовъ вечера былъ на походѣ въ Малоярославецъ, куда прибылъ къ разсвѣту 12/24 октября. Не могъ же онъ на послѣдній переходъ (30 верстъ) употребить полторы сутки. (*Narrative*. 222.223; *Diary*. 1.202).

² Впереди отъ Воронова въ нѣсколькихъ верстахъ ближе Москвы, 9/21 октября, оставались только кавалерія Мюрата и корпусъ Нея; главная же квартира Наполеона находилась въ Плесковѣ между этимъ отрядомъ и корпусомъ Богарне, пришедшимъ къ Фоминскому, на боровской (новой калужской) дорогѣ. Но, по донесенію Дорохова отъ того же числа, въ арміи предполагали, что главныя силы Наполеона расположены у Воронова, куда, на этомъ основаніи, и отправленъ былъ Милорадовичъ съ цѣлю привлечь вниманіе Мюрата.“ (Богдановичъ. III. 10 и II; ср. также *Narrative* p. 219.)

дѣлъ какъ французская армія выступила изъ Игнатова въ Оминское; вслѣдъ за нимъ, казаки донесли, что они видѣли вступленіе непріятеля въ большихъ силахъ въ Боровскъ; наконецъ, плѣнный французскій офицеръ показалъ, что Москва очищена, что Наполеонъ съ своею колонной въ Игнатовѣ, но что ему неизвѣстно направленіе арміи; извѣстно только, что она выступаетъ къ границамъ.

Очевидно было, что непріятель шелъ на Малоярославецъ. „Тогда воздана была честь моей предусмотрительности и осторожности: „Хотя еще до собранія совѣта мы, „по совѣсти, были одного съ вами мнѣнія, говорили мнѣ русскіе генералы, никто изъ насъ однако не рѣшился бы „подать совѣтъ о благоразумномъ образѣ дѣйствій. При „настоящемъ настроеніи умовъ въ войскахъ, особенно по- „слѣднѣяго дѣла подъ Тарутинымъ, мы не могли бы „исполнить условныхъ приказаній фельдмаршала и должны „были бы единогласно рѣшить: *впередъ, во что бы то ни „стало* (*en avant coûte qui coûte*)! Но ваше антифранцузское „рвеніе (*anti French zeal*) такъ извѣстно солдатамъ, что вся- „кій будетъ убѣжденъ вашимъ мнѣніемъ и рѣшится терпѣ- „ливо ждать.“

До Малоярославца было тридцать верстъ; ¹ времени терять было некогда; къ тому же, не успѣвъ отрядъ Дохтурова стать подъ ружье, какъ уже получено было извѣстіе, что непріятель двинулся изъ Оминскаго по этому направленію. Въ семь часовъ вечера. Дохтуровъ вышелъ усиленнымъ маршемъ изъ Аристова; несмотря на совершенное бездорожье, на безпрестанные переходы черезъ ручьи и широкіе рвы, на отсутствіе мостовъ и неимѣніе понтоновъ, до разсвѣта онъ перешелъ Протву у Спасскаго и расположился около Малоярославца, на правомъ берегу рѣки Лужи, прикрывая дороги въ Вязьму, въ Медынь, въ Калугу и Тулу (на Серпуховъ).

Въ *Дневникъ* своемъ Вильсонъ, опуская подробное описаніе сраженія подъ Малоярославцемъ, упоминаетъ только,

¹ Въ показаніи разстояній въ двухъ сочиненіяхъ Вильсона встрѣчается разнорѣчіе: въ *Diary* (201, 202) показано отъ Тарутина до Оминскаго 30 верстъ, а до Аристова 23 версты, отъ Аристова до Малоярославца 30 верстъ; въ *Narrative* (222) отъ Малоярославца до Аристова 12 миль, то-есть 18 верстъ, а до Тарутина 10 миль, то-есть 15 верстъ.

что ему *досталась честь открыть балъ*, поставивъ первыя пушки, которыя на цѣлый часъ задержали стремленіе непріятеля и произвели ужасное опустошеніе въ его рядахъ. Въ *Повѣствованіи* онъ говоритъ, что имъ поставлена была легкая батарея на возвышеніи, которое, со стороны города, господствовало надъ противоположнымъ берегомъ, и съ котораго онъ нѣсколькими картечными выстрѣлами разсѣялъ непріятеля, толпившагося на спускѣ къ мосту черезъ рѣку Лужу. Богарне говорилъ потомъ Вильсону въ Мантуѣ, что отъ перваго выстрѣла онъ вздрогнулъ и пришелъ въ такое безпокойство, какого не чувствовалъ во всю свою жизнь, ибо сразу понялъ гибельныя послѣдствія.

Кутузовъ, еще въ девять часовъ вечера наканунѣ, получилъ донесеніе Дохтурова о движеніи его на Малоярославецъ для отрѣзанія непріятелю путей на Калугу и на Медынь; еще прежде Милорадовичъ донесъ ему объ отступленіи Мюрата отъ Воронова и о переходѣ его на новую калужскую дорогу къ Наро-Оминскому. Слѣдовательно, фельдмаршалу было извѣстно, что Дохтурову приходилось выдержать натискъ большей части силъ Наполеона. Несмотря однакоже на безпрестанныя просьбы Дохтурова о подкрѣпленіи, корпусъ Раевского пришелъ къ Малоярославцу не ранѣе какъ черезъ семь часовъ послѣ начала сраженія, когда изъ войскъ Дохтурова, изнуренныхъ и труднымъ переходомъ и упорнымъ боемъ, длившимся съ самаго разсвѣта, убыль простиралась до 5 тысячъ чел., и когда каждый изъ его полковъ перебивалъ въ огнѣ. Къ тремъ часамъ подоспѣло еще нѣсколько отсталыхъ баталіоновъ корпуса Раевского. Самъ же Кутузовъ, еще съ утра находившійся въ селѣ Спасскомъ, гдѣ окна въ его домѣ тряслись отъ пушечныхъ выстрѣловъ, только послѣ своего обѣда сѣлъ въ свои дрожки и двинулъ остальные войска подъ Малоярославецъ.

Вильсонъ пишетъ: „Хотя съ самаго разсвѣта фельдмаршалъ находился въ пяти верстахъ отъ сраженія, но до 5 часовъ вечера онъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на него; когда же пріѣхалъ, то, оставаясь назади, сѣлъ какъ нѣкогда Кануть на берегу моря, и сказалъ ядрамъ: „Не долетайте ближе трехъ сотъ шаговъ отъ меня,—и ядра повиновались ему не такъ какъ непокорныя волны.“

Эта выходка, очевидно писанная подъ внушеніемъ озлобленія, опровергается однакоже свидѣтельствомъ Левенштерна, по словамъ котораго генераль Богдановичъ пишетъ (III. 37, гл. XXXIV, прим. 17), что „фельдмаршалъ оставался въ огнѣ, не обращая вниманія на представленія бывшихъ тогда при немъ ген. Тормасова и ген. интенданта Ланскаго.“

Но героемъ Вильсона былъ Беннигсенъ. „Онъ былъ вездѣ: я одинъ сопровождалъ его въ городѣ при его пріѣздѣ, потому что онъ не хотѣлъ дозволить никому изъ его свиты съ нимъ ѣхать.“ Перестрѣлка продолжалась до 11 часовъ вечера, пушечная пальба начала слабѣть съ 9 часовъ, но бомбы были пускаемы почти до полночи. Въ сраженіи съ каждой изъ обѣихъ сторонъ участвовали отъ 22 до 23 тыс. человѣкъ. Потеря Французовъ простиралась до 10 тыс. чел.; потеря Русскихъ была нѣсколько менѣе: въ числѣ первыхъ были убиты генералы: Дельзонъ и Леви, ранены: Пино, Джефленга и Фонтана; съ нашей стороны, смертельно раненъ генераль Дороховъ.

„По захожденіи солнца, зрѣлище было неописанно великолѣпно и занимательно. Трескъ пламени, темныя тѣни сражающихся, выдающіяся на огнѣ; звонкое шипѣніе картечи, вылетающей изъ пушекъ; перебаты перестрѣлки; зажженные бомбы, летящія по воздуху на перерѣзъ одна другой; дикіе вопли сражающихся и всѣ принадлежности кроваваго боя; все это въ совокупности представляло рѣдкое зрѣлище и становилось еще сильнѣе при мыслѣ о рѣшительныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ исходомъ дѣла.“

„Въ 11 часовъ Кутузовъ созвалъ всѣхъ генераловъ на свой бивакъ, въ виду города, и объявилъ диспозицію сраженія, сказавъ, что: „рѣшился противостать наступленію Наполеона и готовъ рѣшить судьбу непріятеля генеральнымъ сраженіемъ.“ Тогда я подошелъ къ нему, и сжавъ ему руку, „поздравилъ его съ рѣшеніемъ столь достойнымъ его свойствъ и великаго дѣла, на него возложеннаго.“ При этомъ я просилъ его „забыть всѣ бывшія недоразумѣнія“, и изъявилъ надежду, что завтрашній день представитъ мнѣ случай быть ему полезнымъ по службѣ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ рѣшился кончить войну на этомъ мѣстѣ, одержать верхъ или пастъ, и говорилъ тономъ торжественнаго патріотизма, который присталъ бы Леониду въ ущельѣ Сермоуль. Онъ просилъ меня постоянно съ ними спо-

ситься въ какомъ бы мѣстѣ битвы я ни находился, и уполномочивалъ меня при всякомъ случаѣ дѣйствовать его именемъ, какъ бы по именному его приказанію...”

„По истеченіи трехъ часовъ, проведенныхъ въ поспѣшныхъ и усердныхъ приготовленіяхъ, около двухъ часовъ утра, генералы были вновь созваны къ Кутузову: всѣ, по собственному сознанію, собрались съ одинаковыми подозрѣніями относительно этого призыва. Кутузовъ, сѣвъ въ срединѣ нашего кружка, коротко объявилъ намъ, что по донесеніямъ, имъ полученнымъ, онъ принужденъ оставить свое намѣреніе защищать позицію передъ Малоярославцемъ и рѣшился отступить за Корицу¹ для защищенія калужской дороги и сообщенія съ Окой.“ Отъ этого объявленія, будто отъ громоваго удара, всѣ остолбенѣли. Начались представленія, что подобное движеніе, въ такую минуту, при невыгодахъ темноты и узкаго пути отступленія, не можетъ быть исполнено безъ пагубнаго замѣшательства; что непріятель, замѣтивъ это, безъ сомнѣнія, будетъ стараться увеличить наше замѣшательство нападеніемъ, что если онъ воспользуется своею выгодой, то все войско подвергнется опасности, а арріергардъ неизбѣжной гибели. На усиленное представленіе мною этихъ соображеній, фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Не нуждаюсь въ вашихъ возраженіяхъ: предпочитаю пропустить непріятеля по *золотому мосту* (*pont d'or*), какъ вы говорите чѣмъ получить отъ него *затылочный ударъ* (*coup de collier*). Притомъ повторяю, что уже говорилъ вамъ прежде: я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребленіе императора Наполеона и его арміи было такимъ благодѣяніемъ для вселенной; наследство его достанется не Россіи или какой-либо другой изъ державъ материка, но той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ и которой преобладаніе сдѣлается тогда невыносимо.“

Этотъ отвѣтъ, можетъ-быть, вырвался изъ устъ Кутузова въ минуту негодованія на Вильсона за его настойчивость; однакоже Кутузовъ, въ послѣдствіи, при подобныхъ же его представленіяхъ подъ Краснымъ о возможности кончить

¹ Корица—небольшой притокъ рѣки Лужи, который пересѣкаетъ новую калужскую дорогу къ югу отъ Малоярославца, и обогнувъ плоскую возвышенность, на которой построенъ Малоярославецъ, впадаетъ въ рѣку Лужу на сѣверо-востокъ отъ него.

войну въ часъ времени, припомнилъ свой прежній отвѣтъ. Слова эти доказываютъ, что уже въ то время созрѣло въ головѣ Кутузова убѣжденіе въ необходимости окончить борьбу императора Александра I съ Наполеономъ не въ Россіи, а предъ лицомъ всей Европы, и въ томъ что русскому народу предстоитъ слава освободить прочіе народы отъ ига завоевателя, а русскому царю слава рѣшить судьбы этихъ народовъ.

Отступление отъ Мало-Ярославца открывало Наполеону, кромѣ возвратнаго пути чрезъ Боровскъ на Можайскъ, дорогу на Медынь, и очищало пятнадцать верстъ новой калужской; если вѣрить Вильсону, то Кутузовъ былъ готовъ отступить за Оку и даже отдалъ приказаніе перейти за нее, въ случаѣ если непріятель будетъ наступать на его новую позицію.

При отступленіи къ Горкамъ (*Kougu*, въ 40 верстахъ отъ Калуги) колонны сталкивались, лошади едва тащились по грязи, мосты черезъ болота были изломаны, раненые ползали, умоляя о помощи. Не смотря на то, что отступление совершено было съ расторопностію, быстротою и успѣхомъ, которымъ едва могли вѣрить сами очевидцы, и хотя до разсвѣта бѣольшая часть артиллеріи прошла черезъ бѣольшую дорогу, но множество повозокъ и войскъ еще не успѣли на нее выбраться и толпились въ ложбинѣ, которая служила ей входомъ. Вильсонъ поскакалъ къ генералу Уварову, оставленному въ арріергардѣ съ значительнымъ отрядомъ кавалеріи, и передалъ ему, что необходимо держаться еще нѣсколько времени. Въ эту минуту была брошена изъ окраины города бомба, за нею другая... съ минуты на минуту ожидали начала канонады и вылазки. „Мы будемъ держаться до конца, сказалъ Вильсону Уваровъ,—по крайней мѣрѣ съ честью погибнемъ; — но мы пропали!“ По счастливому и непостижимому случаю, непріятель прекратилъ огонь и не выходилъ изъ города. Брошенные бомбы только ускорили движеніе. Около 11-ти часовъ, Уваровъ спокойно отступилъ съ своимъ арріергардомъ на новую позицію.

„Ничѣмъ нельзя объяснить бездѣйствіе непріятели: спасеніе русской армии можно приписать только Провидѣнію.“

По отступленіи отъ Мало-Ярославца Вильсонъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Надѣюсь только на казаковъ и

на отдѣльные корпуса и непременно присоединюсь къ нимъ, если увижу, что главная армія обречена на бездѣйствіе. Къ этому убѣжденію пришелъ онъ наконецъ, когда на разсвѣтъ 22 октября (3 ноября) Кутузовъ, приведя свои войска въ Быково, приказалъ имъ остановиться, не смотря на раскаты канонады сражавшагося въ десяти верстахъ Милорадовича, который, въ надеждѣ что фельдмаршалъ захватитъ корпусъ Богарне въ Вязьмѣ, отрѣзывалъ отступленіе въ этотъ городъ войскамъ Даву, Полятовскаго и Нея, тѣснимымъ съ тыла казаками Платова. Убѣжденія Беннигсена, Вильсона и другихъ—отрядить къ Вязьмѣ хотя одну кавалерійскую дивизію съ нѣсколькими орудіями, не могли колебать Кутузова, который на всѣ представленія отвѣчалъ одно: „еще не время.“ Между тѣмъ, по словамъ Вильсона, „солдаты съ величайшимъ негодованіемъ сложили свои ружья и съ нетерпѣніемъ ожидали барабаннаго боя, чтобъ опять за нихъ взяться,“ прислушиваясь къ пушечнымъ выстрѣламъ, „изъ которыхъ каждый, казалось, разражался осужденіемъ государя, негодованіемъ отечества, упрекомъ сослуживцевъ.“ Вильсонъ, взявъ своихъ англійскихъ драгунъ, трехъ казаковъ и своего русскаго адъютанта барона Бринкена,¹ отправился къ мѣсту сраженія, направляясь по звуку канонады; дорогой онъ едва не потонулъ, увязнувъ по грудь въ трясинѣ, изъ которой съ большимъ трудомъ вытащили его верховую и заводную лошадь. Не смотря на послѣдовавшую черезъ это потерю времени и крѣкъ, который пришлось ему сдѣлать, онъ поспѣлъ вовремя, чтобы видѣть *великолѣпное зрѣлище*, какъ Милорадовичъ „гналъ передъ собой маршаловъ Мюрата, Даву и Богарне, громя ихъ своею *могучею* артиллеріей и напирая тяжелыми массами конницы и пѣхоты, между тѣмъ какъ въ тылу слѣва Платовъ, справа Орловъ-Денисовъ, угрожали ихъ сообщеніямъ. Принужденный безостановочно отступить 12 верстъ, непріятель взорвалъ множество пороховыхъ ящиковъ, покидалъ повозки, всѣ тяжести, и оставилъ всѣхъ раненыхъ, которые не были въ состояніи идти. Вся дорога и

¹ Бринкенъ прибылъ въ главную квартиру въ день сраженія подъ Мало-Ярославцемъ (1¹/₂ октября), отправленъ съ депешами въ Петербургъ послѣ сраженія подъ Вязьмою, 24 октября (5 ноября), и произведенный въ ротмистры, возвратился въ Вильну 4¹/₁₆ декабря.

окружающія поля были покрыты ими; уже много лѣтъ какъ Французы не видали такого несчастнаго дня: потеря ихъ была болѣе 6 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными; 2 тысячи плѣнныхъ, въ томъ числѣ генераль Пеллетье; орелъ и три орудія. Убыль русскихъ, убитыми и ранеными, болѣе 2 тысячъ человѣкъ; плѣнными одинъ генераль Свѣчинъ, который въ атакѣ былъ унесенъ своею лошадью.⁴

Въ этомъ славномъ дѣлѣ Вильсонъ былъ не только очевидцемъ, но и участникомъ, потому что получивъ въ команду отъ Милорадовича 500 казаковъ, онъ успѣлъ съ ними ворваться въ Вязьму и захватилъ тамъ нѣсколько плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ о всеобщемъ отступленіи Французовъ по мостамъ, переброшеннымъ черезъ рѣку Вязьму, и о томъ, что Наполеонъ съ своею гвардіей уже два дня какъ прошелъ черезъ городъ. Это даетъ ему новый поводъ упрекать Кутузова въ томъ, что отказомъ своимъ идти отъ Мало-Ярославца на Юхновъ, онъ не предупредилъ Наполеона въ Вязьмѣ, а остановкою движенія своихъ главныхъ силъ у Быкова и поздною присылкою трехъ-тысячнаго отряда генерала Уварова подъ Вязьму (въ 2 часа по полудни) спасъ корпуса Богарне, Понятовскаго, Даву и Нея отъ совершеннаго истребленія.

Для задержанія преслѣдованія, непріятель, уходя изъ города, зажегъ всѣ оставшіяся въ немъ строенія, при чемъ произошелъ взрывъ множества чиненыхъ ядеръ. Подозрѣвая, что эти ядра были оставлены намѣренно, русскіе солдаты дошли до крайняго ожесточенія, не давая никому пощады. Вильсонъ успѣлъ однакоже спасти какое-то швейцарское семейство, состоявшее изъ матери и двухъ красавицъ дочерей, которыхъ отправилъ въ безопасное мѣсто.

Вильсонъ оставался еще нѣсколько дней въ авангардѣ и вмѣстѣ съ Милорадовичемъ вступилъ въ Дорогобужъ 26 октября (7 ноября). Если вѣрить ему, то Милорадовичъ только по его убѣжденію выслалъ нѣсколько егерей, которые обнаружили, что городъ не очищенъ непріателемъ, какъ полагали, но что въ немъ еще были оставлены двѣ дивизіи.¹ „Совѣтъ былъ полезенъ: при всемъ томъ Милорадовичъ даромъ потерялъ 100 человѣкъ; насъ самихъ едва не убили.

¹ Въ Дорогобужъ собственно оставлена была Нею одна дивизія Разу; дивизія Ледрю стояла позади города, въ резервѣ. (Богдан. III, 90).

На войнѣ всегда должно опасаться самонадѣянности и ея послѣдствія—оплошности. Потеря чести хуже чѣмъ потеря жизни.“

На другой день, въ однихъ саняхъ съ графомъ Остерманомъ, Вильсонъ отправился въ главную квартиру въ Ельню; на этомъ переѣздѣ въ 45 верстъ, его два раза вывалили въ снѣгъ „что было очень непріятною холодною ванной.“ Въ Ельнѣ его встрѣтили извѣстія о пораженіи Богарне Платовымъ у рѣки Воны, 28 октября (9 ноября), и о сдачѣ генерала Ожеро—Орлову-Денисову подъ Ляховымъ (того же числа). Четыре дня спустя, въ Лабковѣ, Вильсонъ пишетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Отмѣчаю для памяти, что послѣ дѣла подъ Вязмою, 22 октября (3 ноября) до 31 октября (12 ноября), взято въ плѣнъ 12.583 человека, а съ $\frac{6}{18}$ октября (дѣло при Тарутинѣ) сдано въ русскую артиллерію 183 непріятельскихъ орудія, не считая множества пушекъ, найденныхъ въ рѣкахъ. Я думаю, что со времени оставленія Москвы, непріятель потерялъ умершими, убитыми и ранеными до 25.000 человекъ, кромѣ раненыхъ, идущихъ при его войскѣ. Отбито или взорвано у него не менѣе 1.200 ящиковъ съ зарядами.“

Пребываніе Вильсона при главной квартирѣ доставляетъ ему новые случаи упрекать Кутузова — въ безполезной двухдневной дневкѣ у Юрова 2 и 3 (14 и 15) ноября, въ продолженіе которой остатки польскаго корпуса, были пропущены въ десяти верстахъ отъ русской арміи, а Наполеону съ его гвардіей дана была возможность занять Красный, находившійся отъ Юрова на разстояніи одного перехода.

Но негодованіе Вильсона не знаетъ границъ, когда при изложеніи дѣла подъ Краснымъ, онъ передаетъ распоряженія Кутузова и разказываетъ какъ Кутузовъ остановилъ дѣйствія Милорадовича, въ то время какъ нашъ авангардъ, отбросивъ корпусъ Богарне въ сторону отъ дороги въ Крас-

¹ Вильсонъ пишетъ, что Кутузовъ пропустилъ *Понятовскаго* (*Diary*. 1, 222). Но, за болѣзнію Понятовскаго, Заіончеку ввѣрено было начальство надъ польскимъ корпусомъ, который ему было поручено вести для перформирования въ Могилевъ, но который былъ отброшенъ Орловымъ-Денисовымъ и принужденъ своротить на Красный при Волковѣ, то-есть дѣйствительно верстахъ въ десяти отъ главной квартиры Кутузова. (Богдан. III 104 и 110.)

ной, отрѣзалъ Наполеона отъ слѣдовавшаго изъ Смоленска корпуса Даву; какъ дозволеніе Милорадовичу продолжать наступленіе было дано уже по соединеніи Даву съ Наполеономъ; какъ, подъ предлогомъ опасенія, чтобы Ней не подоспѣлъ изъ Смоленска, Кутузовъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не допускалъ войска Тормасова исполнить данной имъ же самимъ диспозиціи и движеніемъ на Доброе воспрепятствовать отступленію Наполеона по дорогѣ въ Оршу; и наконецъ какъ онъ двинулъ Тормасова только по совершеніи уже и Наполеономъ, и Даву этого отступленія.

„Кутузовъ, на походѣ изъ Быкова, объявилъ, что *подъ Краснымъ не будетъ болѣе дѣйствовать какъ Фабій, но обнажитъ мечъ какъ Марцеллъ*. Онъ достигъ предѣла своихъ Фабіевыхъ дѣйствій въ два часа пополудни $\frac{4}{10}$ ноября, когда получилъ донесеніе, что не далѣе трехъ верстъ (двухъ миль) отъ обозрѣваемаго имъ мѣста (Шилова)—въ Красномъ находился Наполеонъ съ своею гвардіей и дивизіей Клапареда, между тѣмъ какъ остальные его войска еще въ Смоленскѣ или на походѣ въ Красной.

„Громко и единодушно требовали немедленнаго наступленія на Красной войска, построенныя въ маршевую колонну: по рядамъ раздавался крикъ: *Москва! Москва!*—Но у Кутузова достало духа отказать, и онъ велѣлъ арміи стать на бивуакахъ кругомъ Шилова, въ виду Краснаго и каждаго изъ движеній непріятеля.

„Опасаясь однако показать слишкомъ рѣшительное сопротивленіе желанію арміи, столь сильно и явно выраженному, онъ объявилъ диспозицію „для нападенія на непріятеля *на слѣдующее утро*.“ Такимъ образомъ, онъ намѣренно и умышленно предоставлялъ непріятелю цѣлый вечеръ и цѣлую ночь на безпрепятственное отступленіе къ Лядамъ и на соединеніе съ войсками идущими изъ Смоленска.

„Съ разсвѣтомъ $\frac{5}{17}$ числа завидѣли непріятеля на его позиціи: часъ проходилъ за часомъ, а исполненіе данныхъ наканунѣ Кутузовымъ приказаній было остановлено по всей линіи.

„Всѣ негодовали на это бездѣйствіе!

„Отрядъ князя Голицына, ближе всѣхъ стоявшій къ непріятелю, не могъ долѣе быть удержанъ, и Голицынъ, подъ отвѣтственностію Беннигсена, уступилъ всеобщему требо-

ванію, приказавъ (кирасирской бригадѣ генерала Дуки) атаковать гвардейскихъ вольтижеровъ. (Слѣдствіемъ чего было истребленіе цѣлаго вольтижерскаго полка и занятіе селенія Уварова.)

„Беннигсенъ, послѣ этой атаки, послалъ адъютанта донести Кутузову объ ея успѣхѣхъ и „о вѣрномъ истребленіи непріятеля, если только дано будетъ позволеніе исполнить прежде приказанное движеніе.“ „Кто прислалъ васъ?“ спросилъ Кутузовъ. „Самъ генералъ Беннигсенъ съ поля сраженія. Мы ожидаемъ лишь приказанія вашей свѣтлости, чтобы собственными своими силами взять Красной и всѣ войска какъ внутри, такъ и около его.“

Отказъ Кутузова былъ сдѣланъ по-французски. Онъ означенъ у Вильсона начальными буквами (*Narrative* p. 273). На представленія Вильсона, также пріѣхавшаго отъ Беннигсена, что „одно слово *marish* приведетъ войну къ окончанію черезъ часть времени“, Кутузовъ сухо отвѣчалъ: „Я далъ вамъ свой отвѣтъ подъ Малоярославцемъ.“

Разрѣшеніе Тормасову и передовому отряду Розена двинуться дано было Кутузовымъ только въ два часа. Когда Розенъ вышелъ на оршанскую дорогу у Добраго, верстахъ въ двухъ отъ Краснаго, было уже 4 часа пополудни: Наполеонъ, его гвардія и прочія войска уже успѣли пройти; оставался только арріергардъ корпуса Даву, который, охваченный отсюда Русскими, принужденъ былъ кинуться вправо въ лѣса между большою дорогою и Днѣпромъ.

Въ числѣ добычи, захваченной въ арріергардѣ Даву, были между прочимъ его карета, въ которой найденъ его маршальскій жезлъ, далѣе фургонъ со слитками золота и серебра, другой съ казною на сумму 200.000 фунт. стерл. и наконецъ третій съ картами, не только Россіи и Турціи, а также Средней Азіи и Индіи; ибо Наполеонъ предполагалъ поставить нашествіе на Индостанъ однимъ изъ условій мирнаго договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, который намѣревался заключить съ Александромъ I. Вильсонъ разказываетъ, что императоръ Александръ, разговаривая съ нимъ въ послѣдствіи объ этихъ картахъ, сказалъ ему: „Англія мнѣ болѣе обязана чѣмъ она предполагаетъ; отказавъ въ мирѣ, я можетъ-быть спасъ ея владѣнія на востокѣ.“ „Чтобы довершить дѣйствіе вашего милосердія и устранить всякое искушеніе, замѣтилъ Вильсонъ,

ваше величество лучше бы отослали въ Англію весь фургоны, взятый подъ Краснымъ.“ „Нѣтъ, шутливо отвѣтилъ государь, находившіяся въ немъ бумаги очень хорошо будутъ сохранены въ моей канцеляріи: но признаюсь, я удивляюсь какъ, убѣдившись, что вы не можете захватить этотъ фургонъ, вы его не взорвали.“

О томъ, какъ смотрѣли войска на образъ дѣйствій Кутузова, можно судить по словамъ одного казака, который слышалъ Вильсонъ, когда при занятіи арміей позиціи при Добромъ, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Кикинымъ смотрѣлъ какъ по дорогѣ ведущей изъ Краснаго въ Оршу непріятель проходилъ *безъ выстрѣли, подобно стаду барановъ*. „Не слѣдовало бы фельдмаршалу, сказалъ казакъ, давать этимъ мертвецамъ спокойно выходить изъ своихъ могилъ.“ Впрочемъ, еще прежде, на другой день послѣ перваго выпавшаго снѣга, казаки, увидавъ, что брошенные по дорогѣ изъ Вязьмы въ Дорогобужъ французскія лошади подкованы не на шипахъ, стали какъ сумашедшіе кричать, бѣгать, плясать, цѣловать колѣни и лошадь ѣхавшаго съ ними Вильсона, говоря ему: „Наполеонъ забылъ, что у насъ есть зима. Наперекоръ Кутузову, вражьи кости останутся въ Россіи.“

Послѣднее дѣло, при которомъ присутствовалъ Вильсонъ въ кампаніи двѣнадцатаго года, была отчаянная попытка Нея прорваться чрезъ войска Милорадовича въ Красной, гдѣ онъ надѣялся застать Наполеона. Вильсонъ успѣлъ еще во время прискакать въ Микулино, чтобы видѣть „эту рукопашную битву великановъ, которая, по относительной численности сражавшихся, была однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій всего похода. Вершина и покатости холма, на которомъ стояла русская батарея (у рѣки Лосмины) были покрыты мертвыми и умирающими, съ русскихъ штыковъ капала кровь, и раненые, истекая кровью и валяясь въ снѣгѣ, громко призывали смерть, какъ величайшее благодареніе въ ихъ безнадежномъ положеніи.“

Вильсонъ чрезвычайно живописно разказываетъ геройское отступление Нея въ темную ночь, безъ провожатыхъ, по снѣгу, отъ Микулина къ Днѣпру, переправу его у Воршекъ и трехдневный походъ при непрестанномъ преслѣдованіи казаковъ, отъ которыхъ онъ спасся сперва прикрытіемъ лѣса, а въ послѣднюю ночь единственно густымъ

туманомъ, хотя и защитившимъ Французовъ отъ казаковъ, но весьма затруднившимъ ихъ походъ. Особенно хорошо у Вильсона описанъ ужасъ Французовъ, когда, уже вблизи Орши, они, поднявшись на крутую гору, увидѣли длинный рядъ огней, освѣщавшихъ огромную равнину: „не было сомнѣнія—это былъ русскій отрядъ, поставленный чтобы перерѣзать имъ путь. Все кончено—мы погибли! заговорили самые смѣлые. Но Ней, который самъ въ первую минуту содрогнулся, опять вдохнулъ всѣмъ мужество и убѣдилъ молча идти впередъ, и сдѣлать быстрый натискъ, такъ чтобы, если они и погибнутъ, непріятель долго бы могъ помнить, что они жили. Всѣ двинулись впередъ и, приблизившись на нужное для атаки разстояніе, устремились на *воздухъ* и на *бивачныя* огни, которые Платовъ велѣлъ зажечь, чтобъ остановить или замедлить ихъ отступленіе.“

„Нельзя воздать достаточныхъ похвалъ бодрости, энергіи и постоянству Ней въ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыми подверглись всѣ эти его качества. Весь этотъ подвигъ дѣлаетъ честь не одному Нейу съ его достойными товарищами, но вообще всему военному званію, которое можетъ ознаменовываться такимъ доблестными трудами и такимъ мужествомъ.“

Говоря о потеряхъ Французовъ послѣ сраженій подъ Краснымъ, Вильсонъ пишетъ: „Всего Бонапартъ потерялъ теперь (7/10 ноября) отъ начала похода, 200 тысячъ чел.; изъ коихъ 82 тыс. взяты въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ 17 генераловъ, болѣе 400 непріятельскихъ пушекъ находятся въ русскихъ паркахъ; болѣе 40 знаменъ отправлены въ Петербургъ, и еще множество различныхъ трофеевъ украсятъ храмъ побѣды. Въ цѣломъ гибель огромная; но гибель могла бы быть конечная, и памятникъ русской славы уже теперь могъ бы выситься на могилѣ врага вселенной.“

Уже черезъ недѣлю послѣ выступленія изъ Тарутина, Вильсонъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ (17/20 октября) „страшно холодный день.“ Шесть дней спустя, 23 октября, (4 ноября) выпалъ первый снѣгъ, который продолжалъ идти большими хлопьями и на другой день, а на третій окрѣпъ отъ поднявшагося *рѣзкаго какъ бритва* вѣтра, до того разрѣдившаго атмосферу, что она наполнялась безпрестаннымъ звономъ, и была *хрупка и ломка*. Съ этого времени дружно стала зима, а на другой день послѣ Березин-

ской переправы пошли безъ перерыва тѣ страшные морозы двѣнадцатаго года, которые до сихъ поръ живутъ въ памяти народа и которымъ Французы такъ любятъ приписывать гибель „великой арміи“, умалчивая, что разстройство ея началось болѣе чѣмъ за мѣсяцъ передъ первымъ снѣгомъ, и что русскіе солдаты страдали отъ морозовъ почти не менѣе наполеоновскихъ. Эти морозы принудили Вильсона одѣть бывшихъ съ нимъ англійскихъ драгунъ въ нагольные тулупы, самъ онъ безпрестанно морозилъ себѣ щеки и носъ, чему особенно способствовала носимая имъ генеральская фуражка безъ козырька. А такъ какъ „слава безъ носа вовсе не заманчива“, то онъ пришелъ къ убѣжденію, что „война въ такомъ климатѣ слишкомъ опасна, чтобы заниматься ею изъ одной охоты“, прекратилъ свои любимыя поѣздки на авангардные сшибки и, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Минскѣ, находился при главной арміи во весь 27ми дневный походъ ея отъ Краснаго до Вильны. При вступленіи въ Бѣлоруссію, онъ радовался, что, „несмотря на нерасположеніе жителей къ Русскимъ, вступаетъ въ страну, гдѣ образъ жизни болѣе похожъ на европейскій“, и надѣялся, что найдетъ болѣе удобствъ, но вскорѣ увидалъ, что „увы! тамъ еще болѣе грязи, болѣе ребятишекъ и болѣе кошекъ чѣмъ въ Россіи... Правду сказать сіяніе славы очень тускло въ польской лачугѣ!“ Къ этому должно присовокупить, что со времени перехода черезъ Днѣпръ, русскія войска, „проходя по странѣ, разоренной непріателемъ, почти столько же, сколько и онъ, страдали отъ недостатка пищи, топлива и одежды.

„Ночуя на бивакахъ, на мерзломъ снѣгѣ, солдату не чѣмъ было укрыться: спать долѣе получаса заразъ было почти вѣрною смертью, офицеры и рядовые должны были безпрестанно будить другъ друга и насильно поднимать засыпавшихъ, которые часто имъ противились. Рѣдко удавалось достать топливо; если же и случалось развести огонь, къ нему должно было приближаться съ величайшею осторожностію, потому что онъ причинялъ антоновъ огонь въ замороженных частяхъ, а такъ какъ даже вода на разстояніи трехъ футовъ отъ самыхъ большихъ костровъ уже замерзала, то, чтобы почувствовать сколько-нибудь теплоту огня, было почти необходимо обжечься. Около 90 тысячъ человѣкъ (Русскихъ) погибло, а изъ 10 тысячъ рекрутъ,

присланныхъ въ послѣдствіи въ Вильну для усиленія арміи, пришли въ этотъ городъ только 1500 человекъ, и изъ нихъ большая часть была отправлена въ госпитали какъ больные и изуродованные (морозомъ). Одною изъ главныхъ причинъ этой убыли было то, что отъ безпрестанныхъ переходовъ обнашивались штаны, и у солдатъ обнажалось мясо въ паху, а морозъ, поражая ссадины, производилъ сильнѣйшее раздраженіе въ этихъ ранахъ. Безпрестанно происходили случаи, подтверждавшіе разказъ римскаго историка о страданіяхъ Римлянъ въ одномъ изъ ихъ походовъ противъ Парѳянъ, когда, по его словамъ, отъ суровой погоды, многіе лишались употребленія своихъ членовъ, караульные часто умирали стоя на стражѣ; особенно былъ тогда замѣчательнъ случай съ однимъ воиномъ, у котораго, въ то время какъ онъ носилъ дрова, кисти его рукъ отнялись отъ морозу, примерзли къ вязанкѣ дровъ и, вмѣстѣ съ нею, отвалились отъ его рукъ.“¹

Гораздо ранѣе начались бѣдствія наполеоновыхъ войскъ, еще жесточе и разнообразнѣе были ихъ страданія и несравненно обширнѣе были губительныя послѣдствія этихъ бѣдствій и этихъ страданій.

Уже выше упомянуто, какъ сраженіе при Чернишнѣ, подъ Тарутинымъ, обнаружило, что еще съ конца сентября авангардъ Мюрата питался одною кониною; вскорѣ по выступленіи Наполеона изъ Москвы, она сдѣлалась единственною пищею его арміи. Когда по занятіи Русскими Медыни, Беннигсенъ вошелъ въ острогъ, гдѣ содержались плѣнные, то они кинулись умолять его, чтобъ онъ велѣлъ отдать имъ на сѣденіе лошадей, которая пала подъ ихъ окнами. На пути отступленія французской арміи вездѣ попадались лошади часто еще живыя, у которыхъ цѣлые куски

¹ Въ подтвержденіе этого, по крайней мѣрѣ неслыханнаго, если не воплѣ сомнительнаго разказа, Вильсонъ не приводитъ никакого случая, имъ самимъ видѣннаго, но въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что: „при обыкновенной температурѣ въ 27 и въ 30° ниже замерзанія, небо почти всегда было ясно, и дулъ тонкій, острый, пронзительный вѣтеръ, который проникалъ сквозь кожу, въ мускулы и въ самый мозгъ костей: причемъ тѣло снаружи бѣлѣло и цѣлый пораженный членъ становился ломокъ какъ алебастръ.“ Случалось, что весь оставъ былъ пораженъ, еще дышащее тѣло оставалось недвижимо, и при малѣйшемъ дерганіи (*wrench*), ноги и руки вылучивались изъ суставовъ безо всякой боли. (*Narrative* pp. 342, 343.)

мяса были вырваны изъ шеи и другихъ частей тѣла проходившими солдатами. Въ Смоленскѣ, несмотря на присутствіе Наполеона, солдаты, которымъ не достало розданныхъ припасовъ, отбили триста годныхъ лошадей изъ-подъ военныхъ повозокъ, убили и съѣли ихъ. Но скоро недостало и этой пищи, распространявшей болѣзни въ войскѣ. Тогда начались сцены неистовства; всякая находка чего-либо съѣстнаго подавала поводъ къ дракѣ и часто къ убійству; были даже случаи людоедства, и Вильсонъ разсказываетъ, какъ онъ самъ однажды видѣлъ нѣсколько раненыхъ, сидѣвшихъ около изжареннаго ими трупа своего товарища, котораго уже они начали ѣсть. На вопросъ сдѣланный имъ одному изъ нихъ, гренадеру съ чрезвычайно воинственнымъ выраженіемъ лица: „неужели эта пища не отвратительна?“ — „Да, отвѣчалъ гренадеръ, она отвратительна; но я ѣмъ ее не для спасенія жизни, а только, чтобы заглушить мученія голода.“ Когда Вильсонъ далъ ему кусокъ хлѣба, то онъ съ жадностію было бросился на этотъ хлѣбъ, но потомъ, какъ бы задыхаясь отъ чувства, остановился, взглянулъ на хлѣбъ, потомъ на Вильсона: глаза его наполнились слезами и, прежде чѣмъ успѣли подхватить его, онъ повалился и умеръ.¹

Вскорѣ къ голоду присоединилась стужа: изнемогая отъ холода, французскіе солдаты срывали платье съ товарищей своихъ, которые за ранами оставались на дорогѣ, и бросали ихъ обнаженными на снѣгъ. Весь путь французской арміи былъ устланъ тѣлами людей, замерзшихъ въ самыхъ страшныхъ судорогахъ предсмертной муки. Валявшіеся по дорогѣ умоляли какъ о величайшей милости убить ихъ. Множество собакъ лежало на трупахъ своихъ прежнихъ хозяевъ, воя съ голода и съ горя. Другія собаки грызли мясо на рукахъ и на ногахъ несчастныхъ, нерѣдко

¹ Къ одной изъ неизданныхъ депешъ Вильсона на имя лорда Каткарта приложено слѣдующее свидѣтельство: „Я, генераль-майоръ Саблуковъ, свидѣтельствую, что видѣлъ трехъ Французовъ, изжаренныхъ около огня, а четвертый сидѣлъ у огня и ѣлъ ихъ мясо; въ другомъ мѣстѣ видѣлъ двухъ Французовъ, которые изжарили умершаго своего товарища и ѣли его мясо, говоря, что сіе мясо вкусноѣ лошадиного. Дорогобужъ 26 октября 1812.“ Это свидѣтельство подтверждено генераломъ Корфомъ и тремя другими генералами.

еще живыхъ. Вильсонъ самъ видѣлъ близъ Вильны четырехъ людей, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ отмороженными руками и ногами, но въ полной памяти, у которыхъ двѣ собаки грызли ноги. Около Вязьмы видѣлъ онъ почти столь же страшную картину: нѣсколько обнаженныхъ людей, еще живыхъ, которые, пока отогрѣвались у горѣвшей избы, отморозили себѣ спину; замѣтивъ это, они повернулись спинами къ огню, и отмороженные мѣста покрылись жесткою обожженною корой на ихъ спинахъ.

Случались между Французами примѣры безчеловѣчія совершенно безполезнаго. Такъ Вильсонъ близъ Дорогобужа увидалъ на дорогѣ молодую и красивую Француженку валявшуюся на снѣгѣ въ одной окровавленной рубашкѣ. „Услышавъ звукъ голосовъ, она подняла голову, съ которой спускались длинные черные волосы, и съ дикимъ отчаяніемъ ломая себѣ руки, стала кричать: „отдайте мнѣ моего ребенка!“ Когда ее успокоили, она разказала, что упавъ отъ изнуренія, она была обобраваема своими спутниками, которые унесли ея новорожденного ребенка и прикололи ее, чтобы не дать ей понастаться въ руки Русскихъ.“

Бертъ 1/13 декабря доносилъ изъ Вирбалена Наполеону, что четыре пятыхъ французской арміи имѣютъ отмороженные ноги, руки или лицо.

Но описаніе ужасовъ, сопровождавшихъ отступленіе „великой, арміи“ будетъ неполно, если умолчать объ ожесточеніи, съ которымъ русскіе поселяне истребляли всѣхъ неприятелей, попадавшихъ имъ въ руки. Французы, пока они еще брали плѣнныхъ, обыкновенно разстрѣливали тѣхъ изъ нихъ, которые за ранами не могли продолжать путь, а при оставленіи городовъ, когда наступали Русскіе, большею частью запирали плѣнныхъ въ церковь или въ какое-нибудь строеніе, которое потомъ предавали огню: „я такъ часто это видалъ, говоритъ Вильсонъ, что уже пересталъ чувствовать тотъ ужасъ, который мнѣ это сперва внушало.“ Но мщеніе Русскихъ было еще страшнѣе, тѣмъ болѣе что между крестьянами водворилось убѣжденіе, что щадить врага есть грѣхъ „оскорбляющій Бога Мстителя Россіи и что помилованіе можетъ лишить Русскихъ его дальнѣйшей защиты.“

Счастливы были тѣ, которые теряли жизнь въ битвѣ;

счастливы даже и тѣ, которые, взятые въ плѣнъ, могли упросить крестьянъ скорѣе убить ихъ: но не всегда доставалась имъ такая завидная доля! Страдальцы оглашали воздухъ пронзительнымъ крикомъ: „Смерть! Смерть! Смерть!“ (La mort, la mort, la mort!)

Прочтя описаніе этихъ ужасовъ, нельзя не согласиться съ сужденіемъ Вильсона: „Русскій набоженъ, но вѣротерпимъ: онъ не оскорбляетъ никого за поклоненіе Богу по обрядамъ праотцевъ или по личному убѣжденію; онъ живетъ въ пріязни съ иновѣрцемъ, не присвоаетъ никакихъ преимуществъ собственному своему вѣроисповѣданію. Но голодный тигръ алчущій пѣды не свирѣпѣе и не кровожаднѣе Русскаго, когда онъ видѣлъ оскверненіе своихъ храмовъ и поруганіе своихъ алтарей.“

Государь, узнавъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ, не медленно прислалъ курьера съ повелѣніемъ „воспретить ихъ подъ строжайшею угрозою его неудовольствія и наказанія“, и въ то же время приказалъ платить „по червонцу за cadaго плѣннаго крестьянамъ и солдатамъ, которые представляютъ ихъ въ сохранности гражданскимъ властямъ.“¹

Оканчивая выписки изъ разныхъ извѣстій Вильсона о бѣдствіяхъ Французовъ въ послѣднюю половину отечественной войны, мы не можемъ пропустить слѣдующій его отзывъ о чувствѣ чести, которое въ нихъ сохранилось: „Должно сдѣлать одно исключеніе, служащее къ чести Французовъ: взятые въ плѣнъ, они, не взирая ни на какія убѣжденія, ни на какія угрозы, ни на какія лишенія, не соглашались сознавать, что ихъ императоръ вина ихъ несчастій и страданій. По ихъ словамъ, виною этому были случайности войны, непреодолимыя препятствія и судьба, но не Наполеонъ. Умирая отъ голода, они скорѣе отказывались отъ пищи чѣмъ соглашались произнести бранное слово противъ своего военачальника, въ угоду или въ потѣху Русскимъ.“

Выше уже сказано, что, со вступленіемъ въ Бѣлоруссію, Русскіе стали терпѣть недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ. Вильсонъ пишетъ, что за фунтъ бѣлаго хлѣба пла-

¹ Во исполненіе высочайшаго рескрипта отъ 7/19 ноября на одежду cadaго плѣннаго расходовалось до 50 руб.; что, въ совокупности, обошлось казнѣ въ нѣсколько милліоновъ. (Богдановичъ. III. 237.)

тили полтора рубля (3 шиллинга), а если появлялась бутылка вина, то, какъ бы оно худо ни было, ее продавали не менѣе 12 рублей (24 шиллинга). Подъ числомъ 24 ноября (6 декабря) онъ отмѣчаетъ какъ чрезвычайный случай, что за обѣдомъ у генерала Тормасова была бутылка вина „сюрпризъ до того пріятный, что не могу не упомянуть о немъ.“ Въ тотъ же день казаки принесли ему шесть утокъ, бычка и шесть бѣлыхъ хлѣбовъ, что дало ему возможность угостить тѣхъ изъ своихъ друзей, которые пользуются тѣмъ „что Богъ пошлетъ,“ не спрашивая, откуда оно взято?

Въ Минскѣ Вильсонъ очень пріятно провелъ два дня и уѣхалъ прямо съ *танцевальнаго завтрака* герцога Виртембергскаго, гдѣ участвовало до двадцати польскихъ дамъ. На переездѣ оттуда до главной квартиры (въ Воложинѣ), Вильсону особенно не посчастливилось. Онъ выѣхалъ въ саняхъ и чуть не отморозилъ носа, поѣхалъ верхомъ, чтобы согрѣться, и едва не отморозилъ щеки; пересѣлъ въ коляску, которая сломалась и изъ которой онъ упалъ, причемъ сильно ушибся о бывший въ его карманѣ пистолетъ; и наконецъ, пріѣхалъ къ Тормасову, въ „самомъ жалкомъ положеніи“ съ отмороженною щекой. На пути своемъ въ Вильну ему пришлось также страдать отъ 28градуснаго мороза, „даже страхъ волковъ не могъ разогрѣть его крови.“ Сбившись съ пути, онъ встрѣтился съ Милорадовичемъ, который лежалъ съ отмороженнымъ глазомъ, и наконецъ, уже 5/17 декабря, прибылъ въ Вильну, прямо къ обѣду фельдмаршала, и провелъ вечеръ въ театрѣ, перейдя такимъ образомъ прямо отъ зрѣлища всевозможныхъ человѣческихъ страданій, видѣнныхъ имъ на пути, къ роскошному пиру и къ удовольствіямъ утонченной образованности.

Въ Вильнѣ онъ встрѣтилъ своего друга графа Воронцова, только что излѣчившагося отъ полученной имъ подъ Бородинымъ раны. Тамъ же засталъ онъ бывшего при немъ за адъютанта и потомъ находившагося при главной квартирѣ адмирала Чичагова, адъютанта герцога Глостерскаго, графа Тэрконеля. Но онъ засталъ его лишь на нѣсколько дней: „8/20 числа пишетъ Вильсонъ, онъ умеръ въ Вильнѣ, и Англія лишилась въ немъ одного изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ, и человѣка, служившаго однимъ

изъ достойнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ украшеній общества! Графъ Георгъ Тэрконель былъ молодой человѣкъ въ цвѣтъ мужества, всего двадцати пяти лѣтъ отъ роду: мало кто пользовался такою доброю славой какъ онъ, не возбуждая зависти; никто не могъ оставить по себѣ болѣе искреннихъ сожалѣній. Обыкновенно люди не имѣющіе враговъ суть люди ничтожные, лишенные самобытности въ мысляхъ и энергій въ дѣйствіяхъ. Но въ лордѣ Тэрконелѣ сила ума была облечена въ такія пріятныя формы, что дѣйствіе ея никогда не оскорбляло гордости другихъ. Поведеніемъ своимъ въ Петербургѣ, во многихъ затруднительныхъ дѣлахъ, онъ доказалъ какъ рѣшительно исполнялъ онъ намѣренія внушенныя ему разсудкомъ; изъ официальной его переписки видны его отличныя способности къ государственной службѣ; а разговоръ его обнаруживалъ, что онъ посвящалъ чтенію много такихъ часовъ, которые, по любви его къ обществу, могли бы быть употреблены имъ съ меньшею пользою. ¹⁰/₂₂ числа, его тѣло было отнесено въ могилу въ сопровожденіи двухъ ротъ императорской гвардіи, и предано землѣ со всѣми возможными почестями. Похоронами, разумѣется, распоряжался я. Торжественъ былъ этотъ обрядъ и трогательны были звуки музыки. Странно созданъ умъ человѣческій: рѣдко испытываешь глубокое сочувствіе къ дѣйствительному горю, но скорбь дѣйствующая на воображеніе растапливаетъ ледяную кору привычки и философіи. Увѣряютъ, что Адамъ сказалъ: „Чуденъ этотъ міръ!“ когда онъ вступилъ въ него; то же скажетъ и послѣдній человѣкъ.

„Русскіе, въ память Тэрконеля, воздвигли на кладбищѣ въ Вильнѣ монументъ съ надписью, что онъ поставленъ человеку, стяжавшему всеобщее уваженіе своимъ поведеніемъ на полѣ чести и кротостью своего нрава.“

Вечеромъ того же ¹⁰/₂₂ декабря прибылъ въ Вильну императоръ. Два дня спустя, въ день его рожденія, Вильсонъ удостоился имѣть продолжительный разговоръ съ его величествомъ и получить отъ государя благодарность за правдивость его донесеній. Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ему измѣнить свои отношенія къ фельдмаршалу. ¹ Въ тотъ же день Вильсонъ былъ

¹ Подробности этого разговора см. въ *Narrative*, pp. 356, 357.

на обѣдѣ и потомъ танцевалъ на балѣ, данномъ княземъ Кутузовымъ по случаю пожалованія ему высшей воинской награды ордена святаго Георгія первой степени.

Дневникъ свой за 1812 годъ Вильсонъ заключаетъ извѣстіемъ объ ожидаемомъ прибытіи въ армію Беннигсена и Барклая де-Толли, и о назначеніи адмирала Чичагова на мѣсто графа Румянцева.

Наконецъ нельзя не привести еще одного мѣста, гдѣ Вильсонъ описываетъ Вильну во время прибытія въ нее государя:

„Госпиталь въ монастырѣ Св. Василія представлялъ ужаснѣйшее и отвратительнѣйшее позорище: 7500 труповъ, сложенныхъ въ корридорахъ подобно грудамъ свинца; всюду разбросанныя кости; изломанныя окна и щели въ стѣнахъ заткнутыя руками, ногами, головами и кусками тѣла, чтобы предохранить живыхъ отъ наружнаго воздуха. Наконецъ всюду мертвенный запахъ гнѣющаго мяса... Императоръ самъ прибылъ въ монастырь, осматривалъ его; ласково говорилъ съ несчастными, тамъ лежавшими, и лично отдавалъ приказанія объ ихъ лѣченіи. Великій князь Константинъ Павловичъ усердно участвовалъ въ этомъ подвигѣ милосердія: оба они дѣйствовали, пренебрегая заразой, болѣзнями, отвратительными зрѣлищами и всѣми сопряженными съ ними опасностями; великій князь заразился и съ трудомъ выздоравлилъ.

„Пріѣздъ государя былъ истиннымъ благодареніемъ для непріятелей оставшихся въ живыхъ: всякая возможная помощь была имъ немедленно оказана, не только по повелѣнію императора, даже подъ личнымъ его надзоромъ; офицерамъ были даны деньги. Можно безъ лести сказать объ императорѣ, что онъ прибылъ на подвигъ высокаго человеколюбія и милосердія къ падшимъ врагамъ.“

Общее заключеніе Вильсона о войнѣ 1812 года лучше всего высказывается словами: „война эта поучительна болѣе тѣмъ, что показала, что слѣдовало бы сдѣлать нежели тѣмъ что было въ ней сдѣлано.“ Собственно же надъ княземъ Кутузовымъ Вильсонъ произноситъ слѣдующій окончательный приговоръ: „Каждая капля русской крови пролитая послѣ сраженія при Красномъ; каждая русская

жизнь, потерянная въ послѣдствіи отъ суровости климата; каждый солдатъ, погибшій отъ дальнѣйшихъ трудовъ и лишеній; каждый рубль, истраченный на продолженіе брани; все русское имущество потомъ погибшее; всякій вредъ, нанесенный русскому жителю бѣжавшимъ непріателемъ;— все это отдѣльные пункты обвиненія противъ Кутузова, и все это ручается за осужденіе его потомствомъ, которому, по словамъ императора Александра I, онъ обязанъ былъ отвѣтомъ.“

Къ счастью великаго полководца, потомство не утвердило приговоръ пылкаго сэра-Роберта Вильсона; а 1814 годъ доказалъ, что еслибы „маститый стражъ страны державной“ воздвигъ въ Красномъ „столпъ русской славы надъ могилой врага вселенной“, то побѣдныя русскія знамена не развѣвались бы въ Парижѣ, а появленіе русскаго царя въ Тюльери не возвѣстило бы конца порабощенію Европы.

Юрій Толстой.

СТОЯЧАЯ ВОДА

ПОВѢСТЬ

I.

Въ городѣ Н., на прошлыхъ святкахъ, былъ назначенъ балъ въ благородномъ собраніи. Въ прежнее время, то-есть лѣтъ пять назадъ, развѣ для молоденькихъ дѣвицъ, чье воображеніе еще сохранило способность волноваться въ ожиданіи танцевъ, балъ въ собраніи былъ важность. Для людей постарше и благоразумнѣе, даже для дамъ, которымъ предстояли хлопоты о нарядахъ, пять лѣтъ назадъ это было обыкновенное житейское, привычное дѣло. Теперь не то. Въ Н. не танцуютъ: въ Н. живутъ скромно; въ Н. собираются въ клубъ мушны, правда, каждый день, лѣтомъ и зимою, и проигрываются такъ, что иной вечеръ обходится иному отцу семейства дороже не только двухъ баловъ, но всего годоваго воспитанія его дѣтей; но все это не „вздоры, не пляска“, какъ отцы семействъ усвоили себѣ выражаться. Дамы сбираются между собою рѣдко; общество не велико, лица всѣхъ этихъ собраній все тѣ же, только въ разныхъ гостиныхъ, но они умѣютъ какъ-то не привыкать другъ къ другу, вѣроятно изъ разчета, что привычка при-

вела бы нецеремонность, а при нецеремонности пришлось бы отказаться отъ прекрасныхъ нарядовъ, которые теперь необходимы, а тогда ихъ надѣть было бы некуда: общественныя удовольствія рѣдки, частныхъ блестящихъ вечеровъ, нарядныхъ обѣдовъ вовсе нѣтъ. Н—скія, дамы очень церемонны между собою, нѣкоторыя можетъ-быть и дружны, но самая нѣжная дружба все-таки не мѣшаетъ перемѣнить туалетъ, хотя бы нужно было запросто отправиться къ пріятельницѣ, которая, чтобы вечеръ вышелъ не совсѣмъ скученъ, позаботится пригласить кого-нибудь третьяго или четвертаго для „ералаша“ или „табелки“. Еслибы потрудиться собрать свѣдѣнія, и по цифрѣ дворянскаго населенія составить сравнительную таблицу, оказалось бы навѣрное, что изъ всѣхъ городовъ Россійской имперіи нигдѣ такъ не развита карточная игра какъ въ Н.; тамъ играютъ всѣ, безъ исключенія и безъ преувеличенія, отъ старцевъ до дѣтей обоего пола. Карточные удовольствія замѣнили всѣ другія; они сдѣлались занятіемъ, дѣломъ. Потому такая рѣдкость балы; потому также такое охлажденіе къ баламъ, что несмотря на ихъ рѣдкость имъ не только не рады, но ими скучаютъ, они пусты, ихъ просто не нужно.

Это доказывалось на дѣлѣ въ тотъ вечеръ на прошлыхъ святкахъ. Едва двѣ-три кареты и нѣсколько скромныхъ саней стояло у подъѣзда собранія, между тѣмъ какъ окна нѣсколькихъ частныхъ домовъ были освѣщены: тамъ были гости, и играли, конечно.

Къ крыльцу одного дома, впрочемъ въ переулкѣ и сіявшаго менѣе другихъ, уже довольно поздно, часовъ въ одиннадцать, подъѣхали сани; изъ нихъ вышла дама закутанная въ шубу и капоръ, и сама расплатилась съ извозчикомъ; лакея съ ней не было. Извозчикъ былъ не нарядный, сани даже безъ полости. Онъ сосчиталъ мѣдъ, которую ему дали, и безцеремонно кликнулъ барыню отъ дверей, требуя прибавки. Барыня остановилась, воротилась, скромно попробовала замѣтить, что проѣхали всего двѣ улицы и не отговариваясь больше, торопливо, сконфуженная, постаралась найти карманъ между оборками своего подобраннаго шелковаго платья, которое сверкало на морозномъ лунномъ свѣтѣ.

— Вотъ, мой любезный, извольте, сказала она, тихо и учтиво кладя въ руку извозчика серебряную монету.

Извозникъ былъ доволенъ щедростью, снялъ шляпу и тронулъ лошадь.

— Да нельзя ли вамъ будетъ, продолжала дама:— заѣхать сюда часа черезъ полтора? Я бы назадъ съ вами поѣхала, а то...

Но онъ или не слушалъ или не разслышалъ ея тихаго вопроса, и уѣхалъ. Гостыя пошла въ домъ.

Это былъ домъ Катерины Федоровны Бѣловой, старой дѣвы и помѣщицы, жившей постоянно зимою въ Н., а лѣтомъ въ своей деревнѣ въ Н—ской губерніи. Какъ особа со средствами, она часто собирала у себя вечеринки. Она очень хлопотала придать своему дому видъ тѣхъ богатыхъ, открытыхъ домовъ, гдѣ принимаютъ давно и порядочность вошла въ привычку; у ней было много хорошихъ старинныхъ вещей и много куплено новыхъ; но пыль какъ-то сжилась съ ея домомъ, прислуга какъ-то не умѣла носить порядочнаго платья, дорогая утварь какъ-то постоянно билась или ломалась. Чтобы помочь этому, Катерина Федоровна призывала своихъ людей, ходившихъ по оброку, изъ другихъ господскихъ домовъ, даже столичныхъ, и гостиныя были приведены въ нѣкоторое устройство; но надъ ея домомъ, должно быть, тяготѣлъ рокъ и во внутреннихъ покоехъ сохранились хламъ и содомъ совершенно барскіе.

Цвѣтъ Н—ской „аристократіи“, это небольшое число избранныхъ, уменьшается день ото дня въ послѣднее время, и уже удостоиваетъ сближаться съ кружками нѣсколько менѣе важными по породѣ и по состоянію. Катерина Федоровна не была „аристократка.“ Въ былыя времена, когда Н—ское общество называло женъ губернаторовъ и предводителей титулами ихъ мужей, считало знакомство этихъ лицъ за особенную почестъ, не начинало до ихъ прибытія танцевъ на своихъ балахъ и торопило часы своихъ ужиновъ, если ихъ превосходительства утомлялись, — Катерина Федоровна благоговѣла и исчезала вмѣстѣ съ другими, нынѣ выплывающими личностями. Теперь, въ послѣдніе два-три года, Катерина Федоровна даже запросто принимала титулованныхъ особъ, сдѣлавшихся человѣчнѣе отъ какого-то внезапнаго повѣтрія равенства, или отъ скуки заставляющей искать разнообразія. Отъ прежняго благоговѣнія со-

хранилась у Катерины Федоровны только привычка называть заочно этих дам и господъ, конечно, уже не титулами, — она слѣдила за вѣкомъ, — но не по фамиліи, а по имени и отчеству, что часто затрудняло тѣхъ, кто, не благоговѣя нисколько, не зналъ этихъ именъ и отчествъ. Катерина Федоровна даже усвоила нѣкоторую фамиллярность съ аристократическими молодыми дамами, можетъ-быть потому что открыла въ нихъ общую старческую склонность къ картамъ и прежде тщательно скрываемую аристократическую склонность къ сплетнямъ. Катерина Федоровна была геніальна въ томъ и другомъ; она усвоила себѣ всѣ карточные знанія отъ древней „мушки“ до новѣйшей „стуколки“, примѣняясь къ возрасту и склонностямъ cadaго; она была авторитетъ, на который ссылались въ спорныхъ случаяхъ, но сама играла неспорливо, хотя жадно. Прогрывать она была неохотница; впрочемъ, это и случалось съ ней рѣдко. Многіе пораженные ею зарекались съ нею „сидѣться“, но не выдерживали своего зарока и садились, по той же причинѣ, по которой многіе зарекались ѣздить къ ней въ домъ и все-таки ѣздили. Причина была геніальное сплетничество Катерины Федоровны: ея боялись.

Нынѣшнее время слишкомъ роскошно и нарядно; странно, а кажется вѣрно, что нынѣшняя роскошь и наряды укротили сплетню: въ порядочно-убранномъ домѣ шумѣть нейдетъ; въ пышномъ платьѣ волноваться неудобно; сильныя жесты ужь и вовсе невозможны, развѣ en demi-toilette, но тогда ихъ видятъ только горничныя. Пышный нарядъ, сдѣлавшій невозможными даже жаркія объятія, внушаетъ облеченной въ него такое благоговѣніе къ собственной особѣ, что она уже не можетъ сближаться съ своею горничной до интимныхъ толковъ о нравственности и дѣяніяхъ своего ближняго; она узнаетъ ихъ слегка, свысока, будто презрительно, въ своей неподвижности. Внутренно, конечно, жажда вывѣдыванія и купѣніе сердца все тѣ же, но приличія сковали ихъ; сплетня укрощена.

Катерина Федоровна принадлежала къ проходящему, почти прошедшему поколѣнію. Отъ новаго она приняла только кринолинъ, и то умѣренный, и самоновѣйшее понятіе, еще и въ наше время не всеми усвоенное, что не велика бѣда не быть замужемъ: Катерина Федоровна спокойно носила

свое званіе старой дѣвы. Правда, ей было за пятьдесятъ, и печалиться было бы ужъ нѣсколько несвоевременно. Всѣми остальными своими понятіями и чувствами она принадлежала прошлому; она слушала всѣ слухи, собирала всѣ свѣдѣнія, всѣмъ обо всемъ говорила, по секрету, плела охотно и безъ оглядки, совѣщалась со всѣми своими домашними, отъ форрейтора до людской стряпухи включительно, и держа ихъ въ зависимости матеріальной, считала себя внѣ всякой нравственной зависимости отъ нихъ. Она справедливо надѣялась, что ея люди не осмѣлятся „выводить“ на нее, потому что ее всѣ „знаютъ“. Тамъ гдѣ собраныя свѣдѣнія были неполны или неудовлетворительны, Катерина Федоровна составляла предположенія по догадкѣ, по наведенію, по знанію человѣческаго сердца, по своей совѣсти. Дѣятельность ея языка была баснословна. Вліяніе, если не участіе этого двигателя, оказывалось почти съ незапамятныхъ, временъ во всѣхъ неудавшихся бракахъ, семейныхъ разрывахъ, супружескихъ развѣздахъ, свѣтскихъ столкновеніяхъ, низверженіяхъ и замѣщеніяхъ чиновниковъ, во всей общественной Н—ской жизни. У Катерины Федоровны, натурально, были сподвижники и сподвижницы, и съ помощью ихъ она дѣйствовала неутомимо. Когда особы, прикосновенныя къ поднятымъ ею дѣламъ, прятались отъ нея, она умѣла ловить кого ей бывало нужно на перекресткахъ и въ храмахъ Божіихъ, гдѣ не ослабѣвала ея ревность въ наблюденіи за общественною нравственностью. Во времена бюрократическихъ смутъ, случавшихся въ Н., она, принявъ участіе въ положеніи одной партіи, служила ей не только словомъ, но и дѣломъ; устраивала у себя „политическія“ свиданія, пересылала кому слѣдовало чрезъ уѣздныя почты разныя безыменныя письма и безграмотные пасквили. „Dans ses moments perdus“, для развлеченія, или въ первое апрѣля, она посылала къ ревнивымъ супругамъ анонимныя записочки, отъ которыхъ, случалось, весь домъ поднимался вверхъ дномъ и доходило до кровавыхъ исторій. Катерина Федоровна была, конечно, не виновата въ этихъ послѣдствіяхъ: она шутила, повинаясь жившему въ ней духу. Этотъ духъ былъ кротокъ: она никогда не бранилась до азарта; болѣе того, никогда не испытывъ любви, она истинно женственно любила любовь и помогала ей. Конечно,

также женственно, она потомъ болтала о своихъ благодѣяніяхъ, но ей же самой доставалось за это...

Въ нынѣшнее время, отъ духа этого времени, что ли, но дѣятельность Катерины Ѳедоровны стала гораздо ограниченнѣе; ея труды были ничтожны въ сравненіи съ прошлымъ. За ней оставалась только ея прежняя слава, и немудрено если эта слава запугивала всѣхъ. Ея боялись, и вслѣдствіе того знали съ нею.

Труды свѣтской и домашней жизни раздѣляла съ Катериной Ѳедоровной ея племянница, Ѳедосья Александровна Ельникова, дѣвушка тридцати восьми лѣтъ. Это продолжалось уже лѣтъ десять, съ тѣхъ поръ какъ братъ ея женился и Ѳедосья Александровна предпочла быть второю въ домѣ тетки, но не невестки. Сергѣй Александровичъ Ельниковъ служилъ и жилъ тутъ же, въ Н. съ своею семьей и меньшою сестрой, Анной Александровной, тоже не молодою дѣвицей. Гостя, пріѣхавшая такъ поздно и одиноко на вечеръ Катерины Ѳедоровны,—была она.

Анна Александровна, не снимая шубы и капора, прошла изъ передней въ корридоръ и далѣе, въ комнату, называемую чайною. Тамъ, при свѣтѣ маленькой, оплывающей свѣчки, толпились горничныя и лакеи, звенѣли ложки и чашки, на полу шипѣлъ и нѣсколько чадилъ самоваръ; на кованомъ сундукѣ, возлѣ спящей кошки, лежалъ подносъ съ приготовленными на немъ вязаными салфеточками для чаю; десертъ, уставленный на другомъ подносѣ, находился на лежанкѣ; если ему было и жарко снизу, за то сверху его должно было освѣжать колыханье полотенецъ и салфетокъ, переброшенныхъ на протянутой веревкѣ.

Анна Александровна раскуталась тутъ, поправила волосы предъ осколкомъ зеркальца, отъ страха за свое платье отказавшись чтобъ ей посвѣтили, и поручила положить свою шубу какъ-нибудь поосторожнѣе.

— Уберется, матушка, отвѣчала ей домоправительница, казалось бы занятая совершенно другимъ въ другомъ углу комнаты, но по сознанію своего сана вступавшаяся во все.

Можетъ-быть именно вслѣдствіе ея обѣщанія, Анна Александровна сама повѣсила свою шубу на гвоздѣ за дверь, и затѣмъ отправилась опять черезъ корридоръ въ залу и гостиную.

Общество въ этотъ вечеръ было немногочисленно и не

блестяще: играли только на двухъ столахъ, и то особы не великосвѣтскія; изъ тѣхъ не было ни одной. Мужчинъ было всего двое; изъ нихъ одинъ старичокъ, почтмейстеръ въ отставкѣ и на покой, шутливый часто и любезно, хотя совершенно приличнымъ тономъ, постаринному, но и нѣсколько фамиллярно; другой—чиновникъ среднихъ лѣтъ, экономя какого-то заведенія. При гостяхъ получше, Катерина Федоровна не приглашала ни того, ни другаго. Остальное общество составляли дамы, и всѣ играли.

Анна Александровна вошла и торопливо стала здороваться со всѣми; она обошла оба стола, всѣмъ пожавъ руки.

— А я уже не думала, что ты пріѣдешь, сказала ей тетка, тасуя карты и не оглядываясь, между тѣмъ какъ Анна Александровна остановилась подлѣ нея, сложивъ свои ручки въ тщательно застегнутыхъ перчаткахъ.

— Я никакъ не могла раньше, тетенька, заговорила она: Лиза собиралась въ собраніе, потомъ Петя очень плакалъ...

— Позвольте, однако, вы ренонсъ дѣлаете, замѣтила одна изъ игравшихъ, некрасивая дѣвица, и послѣдовавшее затѣмъ волненіе отвлекло общее вниманіе отъ Анны Александровны.

Она искала сестры, удивляясь что ея нѣтъ въ числѣ игравшихъ. Федосья Александровна была въ маленькой угольной комнатѣ, и не намѣреваясь выйти оттуда, услышала привѣтствіе.

— Ахъ!.. сказала она:—Это ты. Я думала Богъ знаетъ кто.

— Да Лиза собиралась въ собраніе, надо было ее одѣть, я и опоздала.

— Безъ тебя некому служить?

— Нѣтъ, все же могла понадобится... Она такъ интересна сегодня: звѣздочки свои надѣла, знаешь, тѣ что Сержъ отдавалъ отдѣлывать въ Петербургъ. Такая миленькая, интересная...

— Это какія же звѣздочки? Это что ты продала ей свои брилліанты?

— Да тѣ самыя.

— Ты зачѣмъ же ихъ продала?

— Лизѣ хотѣлось, душка, отвѣчала сконфузясь Анна

Александровна:—братъ уѣзжалъ въ Петербургъ, случай былъ отдать отдѣлать... А мнѣ ненужно...

— Да вѣдь и я бы хотѣла то же! Ты могла бы лучше ихъ родной сестрѣ продать, чѣмъ какой-нибудь Елизаветѣ Юрьевнѣ. Я думаю, родная сестра тебя бы не обидѣла, то же самое заплатила бы, можешь быть увѣрена, не стала бы торговаться!

— Я очень увѣрена, Фанни; не знаю, что ты такъ горячо приняла...

— Я нисколько не горячо принимаю; мнѣ, право, все равно. Я и узнала-то сегодня только, что ты ихъ продала. А я только поблагодарить тебя хотѣла, что ты вѣчно чужимъ послужишь, а я у тебя въ послѣднихъ.

— Право, Фанни, я и не знала...

— Нечего и знать. Сдѣлай одолженіе, перемѣнимъ разговоръ. Какова погода? это будетъ интереснѣе.

— Душка моя, но я, право же, не знала....

— Нѣтъ, пожалуйста, о чемъ-нибудь другомъ.

— Пожалуй, я готова и о другомъ.... Прости меня, сдѣлай милость!.. Ты отчего же не играешь сегодня?

Федосья Александровна засмѣялась довольно принужденно и очень обидно, и готовилась отвѣчать, когда въ гостиной раздались привѣтствія и новый мужской голосъ. Она поспѣшно встала и направилась туда, на пути потревоживъ многое своимъ кринолиномъ.

Анна Александровна, смущенная, смотрѣла ей вслѣдъ. Федосья Александровна считала себя молодою особой, танцевала и терпѣла обвиненія въ употребленіи румянъ и крашеніи волосъ. Анна Александровна совершенно искренно готова была принести клятву, что это не правда, но ея клятва, хотя бы искренняя, была бы ложною. Федосья Александровна лѣтъ пятнадцать назадъ была не дурна, но Анна Александровна вѣрила въ это еще донынѣ. Она вѣрила, что время щадить эти правильныя черты, что нѣтъ сѣдины въ этихъ черныхъ локонахъ, гдѣ накладныхъ она не подозрѣвала, со всею невинностью невѣдѣнія; Аннѣ Александровнѣ самой было тридцать три года, но употребленіе чего-нибудь фальшиваго она считала грѣхомъ въ своемъ туалетѣ, хотя и очень о немъ заботилась. Но она заботилась робко, аккуратно и бережливо, какъ особа зависящая. Она никогда бы не отважилась на такой размѣръ кринолина;

ей никогда не пришла бы идея такой сверкающей пунцовой сѣтки, которая украшала сестру въ этотъ вечеръ. Анна Александровна, конечно, то же имѣла сѣтку, но скромную, черную, съ маленькою кисточкой, такую, о которыхъ сестра ея говорила что онѣ опошлены, что ихъ на всякой увидишь... Сѣтка—счастливое, гениальное изобрѣтеніе нашего времени. Она примирила враждующихъ, вывела изъ затрудненія, удержала насмѣшки, опредѣлила положеніе многочисленной части человѣческаго рода. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ семнадцатилѣтняя женщина гордо поднимала голову украшенную перьями и блондами, сорокалѣтняя дѣва клонила свою непокрытую, не зная куда дѣвать ее, что съ ней дѣлать, и никакъ не отваживаясь пойти наперекоръ обычаю и надѣть чепчикъ приличный сѣдымъ или испорченнымъ волосамъ. Сѣтка рѣшила все; это не чепецъ, эмблема супружества или безнадежности на супружество; это не имѣетъ значенія, не выказываетъ возраста, это нѣчто прикрывающее, но кокетливое, почти дѣтское, почти шутка, которую можно сбросить.... Старыя дѣвы должны бы составить подписку на монументъ, при жизни, изобрѣтателю сѣтки....

Федосья Александровна возвращалась изъ гостиной не одна; за ней слѣдовалъ гость очень высокій, очень полный и очень молодой, лѣтъ девятнадцати не болѣе. Онъ былъ особенно тщательно завить и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Моя сестра, сказала вскользь Федосья Александровна, садясь на маленькій диванчикъ подлѣ Анны Александровны, замѣшательство которой удвоилось съ этой минуты: ей было жаль и своего платья, страдавшаго отъ тѣснаго со-сѣдства, и неловко, какъ-то совѣстно, встать и пересѣсть на другое мѣсто.

Федосья Александровна не замѣчала ни чьихъ безпокойствъ и затрудненій; она пріятно улыбалась и, сложивъ на колѣняхъ свои руки въ кольца и браслетахъ, спросила юношу:

— Такъ вы не на балѣ?

— Нѣтъ-съ, я здѣсь, отвѣчалъ юноша и чему-то засмѣялся.

— Стало-быть, я проиграла портъ-папирсъ?

— Нѣтъ-съ, я все-таки проигралъ, возразилъ онъ, все смѣясь:—я привезъ конфеты.

— Онъ поднимался съ кресла, уже дѣлая движеніе къ двери. Федосья Александровна будто не замѣтила.

— Такъ вы не хотите у меня выиграть?

— Ахъ, нѣтъ, ей-Богу, хочу!

— Для чего же вы говорите будто сами проиграли? значитъ вы отказываетесь?

— Нѣтъ-съ, я не отказываюсь, а это по совѣсти...

— Какъ, по совѣсти?

— По совѣсти-съ. Мнѣ маменька приказала ѣхать въ собраніе, я сказалъ: хорошо, а самъ до подъѣзда доѣхалъ, въ сѣни вошелъ; какъ сани мои отѣхали, такъ я изъ сѣней въ кондитерскую и потомъ къ вамъ. Въ сѣняхъ я все-таки былъ. Вотъ, сейчасъ, конфеты...

На этотъ разъ онъ вскочилъ и ушелъ такъ проворно, что его ужъ нельзя было остановить.

— Кто это, Фанни? спросила Анна Александровна.

— Развѣ ты не знаешь? Измишина, воронежская помѣщица, сюда переехала жить. Это ея сынъ.

— Такъ это Измишинъ? Я слышала, но не встрѣчала. Что это его матери вздумалось переехать? Пятьсотъ верстъ... Развѣ дѣла?

— Никакихъ дѣлъ. Такъ. Нынче всѣ выѣзжаютъ изъ деревень.

— Родные здѣсь у нея?

— Никакихъ родныхъ, отвѣчала съ нетерпѣніемъ Федосья Александровна:—вздумалось переехать — переехала. Въ деревнѣ оставаться нельзя, въ своемъ губернскомъ городѣ пеловко, въ Москвѣ дорого, сюда и пріѣхала. И прекрасно. Познакомится. Вотъ, она съ нами познакомилась, была съ визитомъ. Вольно же тебѣ ее не видать.

— Гдѣ же, душка? Я недѣлю не выходила изъ дома. У Пети былъ кашель, въ родѣ коклюша, а ребенокъ такъ ко мнѣ привязанъ. Ты не можешь вообразить: когда я возьму его на руки, тутъ только успокоивается; если надо дать лѣкарство, или что, только я одна...

— Рада связаться съ младенцами! сказала вскользь Федосья Александровна, обращая взоръ къ двери, въ которую входилъ Измишинъ.

— Вотъ-съ, сказалъ онъ.

Юный сынъ степей не догадался поднести бонбоньерку; его конфеты были въ простомъ бумажномъ мѣшкѣ, довольно

неизящномъ. Федосью Александровну это нѣсколько покоробило, особенно потому, что случилось при сестрѣ.

— Ахъ, не Петербургъ! сказала она, доставая конфету.

— Не хороши? спросилъ Измишинъ:—а я ужь какъ приказывалъ...

— Нѣтъ, хороши... Какихъ же здѣсь лучше? Хороши, но здѣсь не умѣютъ... Въ Петербургѣ вамъ дадутъ тоже, но въ какой корзинкѣ! Ахъ, что за коробочки, что за корзинки.

— Да и здѣсь есть, пожалуй, отличныя, съ золотомъ. Развѣ вы ихъ любите?

— Обожаю!

— Ну, такъ я стану возить въ корзинкѣ. Такъ и будемъ знать.

— Такъ и знайте. Васъ учить надо.

Юноша засмѣялся. Федосья Александровна очень хотѣлось пожать ему руку.

— Я васъ еще не благодарила, сказала она.

— Не за что-съ.

— Нѣтъ, все-таки, мерси.

Она протянула руку. Измишинъ пожалъ ее развязно и довольно неуклюже.

— Перчатки бальныя, замѣтила она чуть-чуть улыбаясь.

— Да-съ, сказалъ онъ и совсѣмъ захохоталъ.

— Что жь, портъ-напиросъ не хотите выиграть?

— Нѣтъ-съ, хочу, ей-Богу.

— Хорошо, я вамъ завтра пришлю.

— Нѣтъ-съ, я такого, купленного, не хочу; вы сами вышейте.

— Ахъ, работать скучно! протяжно возразила она, сморщивая по-дѣтски свои подрисованныя брови.

— Скучно ли, не скучно, а какъ хотите. Кабы я самъ умѣлъ конфеты дѣлать, я бы вамъ надѣлалъ... нѣтъ, сами вышейте.

— Хорошо. По утрамъ, когда вы будете сидѣть въ должности, я буду сидѣть за пальцами. Вы ужь были въ вашей канцеляріи, попробовали, что это такое.

— Какъ же, былъ-съ; вчера все утро.

— Что жь вы тамъ дѣлали?

— Да ничего.

— Какъ такъ?

— Такъ. Я вѣдь только съ прошлой недѣли туда записанъ. Мнѣ еще ничего не поручаютъ.

— А вотъ какъ будутъ поручать!..

— Это еще не скоро-сь.

— Вы гдѣ служили прежде? спросила Анна Александровна, находя свое молчаніе неловкимъ и даже неприличнымъ

— Нигдѣ-сь, отвѣчалъ Измишинъ: — все дома жилъ; я вѣдь нигдѣ не учился.

Его полнѣйшее хладнокровіе при этомъ отвѣтѣ, въ наше время, было изумительно какъ рѣдкость. Оедосья Александровна бросила недовольный взглядъ на сконфуженную сестру и поспѣшила, мѣняя разговоръ, развлечь гостя отъ такого непріятнаго признанія. Оедосья Александровна предполагала, что ему тяжело, но гость не чувствовалъ никакой тяжести.

— Я вамъ почти начальница, сказала она: — правитель канцеляріи губернатора—мой братъ.

— Вашъ братецъ женатъ?

— Да.

— Такъ вотъ кто моя начальница,—его жена-сь, а не вы.

Ему показалось это забавно и онъ разсмѣялся. Анна Александровна сконфузилась еще больше; она рѣшалась пойти посмотреть хоть въ карты.

Изъ внутреннихъ комнатъ растворилась дверь и вошла особа вся въ черномъ; безъ кринолина, къ которому привыкли глаза, ея платье казалось неимоვნно длинно и обмято, а она сама худа и отъ чернаго цвѣта блѣдна какъ больная. Входя въ освѣщенную комнату, вѣроятно, изъ по-темокъ, она жмурилась на свѣчи и прикрывала глаза рукой.

Измишинъ вскочилъ и раскланялся проворно, прежде чѣмъ удивился этому явленію; впрочемъ онъ сейчасъ же и вознаградилъ себя, и удивившись, громко спросилъ Оедосью Александровну:

— Это кто-сь?

Оедосья Александровна закусилла губы, какъ хозяйка, проводящая трудную минуту.

— Машенька! сказала, вставая, Анна Александровна.

— Анночка, ты здѣсь? А я и не знала, сказала гостя: — пойдѣмъ отсюда.

— Куда же?

— Ко мнѣ въ комнату пойдѣмъ. Гости тутъ... я у себя въ комнатѣ лежала, чай пила.... Я вчера еще пріѣхала къ тетускѣ твоей...

Эти объясненія дѣлались уже дорогой чрезъ чайную, корридоръ, дѣвичью, на конецъ дома, гдѣ помѣщалась прѣзжая.

— Это кто же-съ? повторилъ Измишинъ, оставшись одинъ съ Оедосьей Александровной.

— Это наша дальняя родственница, Марья Петровна Ружкова. Она всегда въ деревнѣ живетъ, а теперь у насъ проѣздомъ, на нѣсколько дней, ѣдетъ Богу молиться.

— Дѣтей много у нея?

— У Марьи Петровны? Она не за-мужемъ.

— Почему же-съ.

— Такъ, не случилось, отвѣчала Оедосья Александровна, улыбнувшись кокетливо:—судьбы не было.

— А развѣ на это судьба? спросилъ юноша, когда-то слышавшій толкъ о чемъ-то подобномъ.

— Какъ же не судьба? Надо чтобы судьба послала человека. Человекъ придетъ, увидитъ меня, узнаетъ, полюбитъ, объяснила Оедосья Александровна, прислоняясь покойнѣе къ диванчику:—Безъ любви, что можетъ быть?.. Даете мнѣ папироску: что вы не курите?

II.

Анна Александровна почти не узнала давно знакомой комнаты, куда привела ее пріятельница. Комната была убрана какъ келья,—просвиры, молитвенники, лампадка передъ кіотомъ съ образами, котораго прежде не было; на столахъ, на стульяхъ, въ углахъ, цѣлое хозяйство узелковъ, светковъ, посуды, даже съѣстныхъ припасовъ—хлѣбовъ, банокъ съ вареньемъ, бутылокъ съ сыропами; подъ столомъ, изъ кулечка, выглядывала голова сахару. Все было прибрано къ мѣсту и очень аккуратно, также какъ тщательно установленное складное зеркало, окруженное стекляшками отличныхъ духовъ, туалетныхъ спиртовъ и нервныхъ капель. Постель была уже приготовлена и на ней лежала такая роскошно-вышитая кофта и чепчикъ, что Анна Александровна невольно схватилась за нихъ.

— Машенька, вскричала она:—что это за прелесть! гдѣ это шили?

— У меня свои дѣвки, отвѣчала Марья Петровна, садясь на постель.— Садись, Анночка, хочешь... Да мы рядомъ съ тобой въ твоихъ фру-фру не помѣстимся. Анфиса, дай стулъ сюда.

Анфиса, горничная Марьи Петровны, появилась изъ-за ширмы, гдѣ лежала. По обычаю старыхъ людей, она не подала вида что не довольна, зачѣмъ ее потревожили.

— Здравствуйте, барышня, сказала она, желая поцѣловать ручку Анны Александровны.

— Здравствуй, моя милая, отвѣчала Анна Александровна, обнимаясь съ ней:— годъ цѣлый мы съ тобой не видались,

— Да, вотъ, барышня, опять Богъ привелъ.

— Да, слава Богу. Какъ твоѣ здоровье теперь? Что твой ревматизмъ?

— И барышня! старуха—день ото дня къ смерти ближе.

— Что ты, Богъ съ тобой, душа моя! Что ты говоришь! Ты лѣчишься ли?

— Лѣчилась, да что...

— Лѣчится, замѣтила равнодушно Марья Петровна:— дай намъ сюда банку съ клубникой, Анфиса, да ложки достань. Я тебя клубникой угощу, Анночка.

— Ахъ, что за шитье! продолжала Анна Александровна, обращаясь опять къ нему.

— У меня еще лучше есть, тоньше этого батистъ. Штучку купила, да ужъ такъ, всю ее на кофты. Годъ слишкомъ вышивала. Покажи, Анфиса.

Анфиса только что заперла одинъ сундукъ, доставая ложки, и отправилась къ другому. Еслибъ Анна Александровна и не была знатокъ въ шитьѣ, и еслибъ и не любила нарядовъ, то какъ женщина не могла бы устоять при видѣ великолѣпнаго, которое, передъ ней, разстлали.

— Ахъ, ахъ! восклицала она:— что это такое? ты, я думаю, ими цѣлый день любишься?

— И не смотрю даже. Я не смотрѣла какъ и шила. Шьютъ, да шьютъ.

— И тебѣ не жаль на кофты? Какое бы платье было, это бы съ ума сойти! хоть другіе бы любовались!

— Э, другъ мой, на что мнѣ! Кто хочетъ любуйся или не любуйся, что на мнѣ надѣто, мнѣ все равно. Я не възажаю, свѣта вашего видѣть не хочу. Я хочу чтобы на мнѣ было тонкое. Въ молодости не имѣла, такъ хоть теперь,

когда могу... Я живу для себя, только мнѣ въ жизни и осталось. Это, вотъ, вы!... Сестра твоя тамъ съ кѣмъ-то любовничаетъ.

— Измишинъ.

— Недоросль? А, знаю, слышала. Твоей сестрѣ что хочешь подай, все ей нужно, счастливый возрастъ, юность вѣчная! Какъ не устанетъ, подумаешь.

Анна Александровна тихо улыбнулась, сконфуженная.

— Что же, Машенька, ей пріятно.

— Все цвѣтетъ и расцвѣтаетъ, продолжала Марья Петровна, безъ малѣйшей насмѣшки, лѣниво, будто говоря для того только, чтобы говорить.—Знаешь, я слышала, что ее прозвали... Чиновникъ одинъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню, по дѣламъ; я встала, вышла изъ своей комнаты, приняла его, онъ цѣлый часъ сидѣлъ. Надо что-нибудь говорить. Говорили о здѣшнихъ, Н-скихъ. „Мамзель Ельникова, говорить, есть въ Н., танцуетъ и шуткуiturится, старое строеніе подновляетъ; ее прозвали „елочкой, rien ne me change.“ Да я глупа была: сказала вдругъ, что вы мнѣ родня, онъ и замолчалъ, а то-бы, можетъ, еще что-нибудь такое отлилъ. Я послѣ жалѣла. По настоящему, елочка rien ne me change это ты! Что?...

— Ничего, отвѣчала Анна Александровна, потупивъ глаза.

— Попрежнему?

Марья Петровна лукаво смѣялась.

— Попрежнему, повторила, краснѣя, Анна Александровна.

— Пора бы тебѣ, другъ мой, успокоиться. Вотъ какъ я—вольный казакъ! Все оставила, все забыла, лежу себѣ у себя въ берлогѣ.

Марья Петровна будто въ подтвержденіе своихъ словъ прилегла на постель. Анна Александровна сидѣла неуютно подлѣ нея на маленькомъ стулѣ. Ея пышное платье, въ особенности свѣжесть и тщательность всего ея наряда были какъ то неумѣста въ этой тѣсной комнатѣ; ея немного завялое, но замѣчательно хорошенькое тонкое личико смотрѣло какъ то испугано, грустно. Ей было неловко. Приходя къ пріятельницѣ, она не воображала, что пріятельница намѣрена залечь и не вставать, не показываться въ гостиную. Отказаться идти къ ней, Анна Александровна не могла: онѣ давно не видались, и притомъ, отказаться—можетъ быть огорчишь. А между тѣмъ, можетъ-быть тетенька Ка-

терина Федоровна разчитывала на прїѣздъ Анны Александровны и нехотя сѣла за карты: у тетеньки бываютъ приливы къ головѣ, она горячится въ картахъ, — избави Богъ, что... Тетенька, можетъ-быть, сердится... И посторонніе могутъ сказать: пришла, показалась на двѣ минуты и пропала... Анна Александровна обводила взглядомъ кругомъ себя и ей думалось еще, что еслибъ она знала, какъ проведетъ вечеръ, она не надѣвала бы этого миленькаго платья: оно только другой разъ надѣвается. Ей показалось вдругъ даже скучно, но она съ испугомъ прогнала это чувство: развѣ не совѣстно скучать, тяготиться и чѣмъ же? тѣмъ, что она проводитъ вечеръ съ Машенькой, которая такая добрая, и еще нездорова, и характеръ ея такой, что она не любитъ общества... Анна Александровна начала искать что бы сказать или спросить Машеньку по ея вкусу, когда та сказала вдругъ:

— Анфиса! подай мнѣ теплѣе пальто.

Анфиса вышла изъ-за ширмъ; по ея глазамъ было замѣтно, что она сейчасъ проснулась.

— У меня ноги озябли. Подай мнѣ теплѣе пальто, окрой.

Пальто лежало рядомъ, на стулѣ. Анфиса исполнила приказаніе и шла къ себѣ.

— Постой. Пошли сейчасъ Лаврентія, чтобъ онъ мнѣ ветчины порцію принесть изъ гостиницы.

— Двѣнадцатый часъ...

— У Орлова въ гостиницѣ всегда отперто. Подай мнѣ шкатулку сюда.

Анфиса подала ей шкатулку. Она дѣлала все не по лѣтамъ проворно и ступала необыкновенно тихо, уже снявъ башмаки чтобы лучше заснуть. Марья Петровна отперла шкатулку ключикомъ, висѣвшимъ у нея на крестѣ и достала деньги.

— Не вели ему сдачи мѣдью брать, да чтобы скоро приходилъ... Постой, онъ не пьянъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Къ кумѣ своей онъ ходилъ... Да постой. Прими, погаси свѣчку, мнѣ не нужно, глазамъ больно... Тебѣ не нужно, Анночка?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна Александровна.

Анфиса дунула на свѣчку и ушла. Комната освѣщалась

только мерцающею лампадкой; слегка бѣлѣла постель и свѣтлое шелковое платье Анны Александровны. Ей стало грустно; ей почудилось, что она у постели больной, умирающей, сердце ея какъ-то сжалось.

— Такъ мнѣ вдругъ захотѣлось этой ветчины, сказала Марья Петровна, закидывая руки за голову:—вдругъ, сама не знаю что, апетитъ. Вспомнила я, какъ семь лѣтъ назадъ, я ее съ такимъ вкусомъ въ этой гостиницѣ ѣла,—ты вообразить не можешь. Пріѣхали мы тогда съ дядей, проѣздомъ въ Москву, и у Орлова остановились. И вдругъ, о счастье! я узнаю, что мой *objet* тутъ, на выборы пріѣхалъ—совсѣмъ для меня неожиданно! Ну, и къ намъ отъѣвился, и дядю уговорилъ остаться на недѣлю, и въ собраніе звалъ. Выдумалъ—поѣзжай я въ собраніе! это смотрѣть какъ онъ вашимъ здѣшнимъ барынямъ куртизируетъ: покорно благодарю. Я ему такъ и сказала. Дяди не было; онъ приходилъ ко мнѣ въ номеръ. „Если, говоритъ, такъ ты меня понимаешь, то прощай; это, говоритъ, низко, это гадко...“ Ну, накричалъ: сейчасъ уйду! Я говорю ему: что жъ, хотите—такъ уходите; вы про меня не имѣете права ничего дурнаго сказать. Съ него и сошло. Прощенья просилъ. „*Mariette*, говоритъ, я ужасно люблю когда ты ревнуешь.“ „А, говорю, любишь теперь, когда острастку дали!... Ему въ диковинку прикрикнуть на него или даже смѣло сказать: никого на свѣтѣ не боится. Это онъ здѣсь тихъ, въ свѣтѣ вашемъ, а поглядѣть на него въ уѣздѣ, у него въ деревнѣ!.. прелесть!.. Если я что люблю, такъ это смѣлость, когда мушкетѣры все ни почемъ. Прелесть! Видишь что разбойникъ, ну, разбойникъ, напумѣлъ, накутилъ, голову кому-нибудь проломилъ; а все изъ воды сухъ вышелъ—никто не посмѣлъ тронуть! Увлечательнѣе! Ты понятія не имѣешь, какъ это увлекательно. Я размазни этой вашей терпѣть не могу. Вздохи, ахи, учености, комплименты... мнѣ дай чтобъ былъ настоящій человѣкъ!... И замѣть: онъ уже не молодъ, а что же это было, когда онъ былъ помоложе! Такъ то, такъ-то, другъ мой, онъ прельстилъ меня своею красотой.

Марья Петровна договорила послѣднія слова сквозь зѣвоту; это былъ припѣвъ какого-то романса, возбуждавшаго въ ней воспоминанія.

— Такъ-то Анночка, другъ мой, продолжала она протяжно,

но нисколько не печально, а напротивъ, улыбаясь прошедшему будто настоящему наслажденію: и теперь я это все, все, все оставила.

— Для чего же, если онъ тебя любитъ? спросила Анна Александровна, почти для того только чтобы спросить, потому что больше пугалась такого рода любви нежели принимала въ ней участіе.

— Что за любовь! онъ меня никогда не любилъ. Такъ. Поэтому не отставалъ, что я умѣла держать его на дистанціи, да дяди моего онъ боялся. Еслибы что, дядя и его бы и меня убилъ на мѣстѣ. А ему только то и можетъ нравиться, чего достать нельзя. Ну, а теперь я постарѣла, подурнѣла... ужь не тѣ годы, другъ мой! Онъ отсталъ, да я и сама не хочу.

— Какія же твои годы, замѣтила Анна Александровна:—ты годомъ моложе меня.

— Это вы, въ свѣтѣ!.. возразила Марья Петровна равнодушно и даже нѣсколько презрительно.

— Что же ты дѣлаешь... начала Анна Александровна, желая разспросить о чувствахъ пріятельницы и не зная какъ это сдѣлать.

— Въ деревнѣ-то, что я дѣлаю? Такъ. Ничего. Фортепіяно свое продала. Все оставила.

— Ахъ, что ты! вскричала Анна Александровна, съ сожалѣніемъ, какого не выражала и не испытывала сама Марья Петровна.—Ты бросила музыку? Какъ тебѣ не грѣшно?

— На что мнѣ! Конечно, другъ, теперь всему конецъ.

— Читаешь что-нибудь?

— Я вѣдь, другъ мой, не изъ ученыхъ, отвѣтила Марья Петровна, смѣясь:—никогда терпѣть не могла премудрости вашей, а романы какіе-нибудь—всѣ пустяки. У меня свои есть романы.

— Правда, отвѣтила тихо Анна Александровна:—ты все думаешь, думаешь...

— Да; лежу да думаю. Встану, поѣмъ. Ничего не дѣлаю; да что дѣлать-то? Надоѣсть сложа руки—возьму у Анфисы чулокъ, пасьянсъ разложу... Вотъ, я тебѣ скажу, Анночка, страсть моя: ужасно я стала вѣрить картамъ. Не могу никогда утерпѣть, такъ мнѣ вѣрится, вѣрится. Анфиса!

Анфиса спала; Анна Александровна слышала въ промежуткахъ разговора ея тихое дыханіе, неровное какъ у че-

ловѣка усталаго. Сонъ былъ, вѣроятно, крѣпокъ, но этотъ сонъ исчезъ при первыхъ звукахъ господской рѣчи. Анфиса уже была передъ барышней.

— Зажги свѣчку и карты мнѣ подай. Что жъ, Лаврентій воротился или нѣтъ?

Анфиса подала свѣчку и карты, и накинувъ кацавейку пошла справляться о Лаврентіи.

— Погадай мнѣ, Анночка, сказала съ увлеченіемъ Марья Петровна, выбравъ трефовую даму и тасуя карты:—ты была мастерица, на, разложи.

— О чемъ же? спросила, улыбувшись, Анна Александровна, и сама смутилась что улыбулась лукаво:—вѣдь ты уже *все* оставила!

— Старое! отвѣчала Марья Петровна.

— Такъ, стало-быть, есть новое? спросила Анна Александровна укладывая даму и отсчитывая карты.

— Ты гадай, гадай. Еще разказывать тебѣ, ты и будешь толковать по сказанному, какъ по писанному. Ничего у меня нѣтъ, другъ мой, никакой страсти, никакого, по вашему, увлеченія, а такъ, маленькія слабости...

Марья Петровна расхохоталась.

— Гадай, разказывай.

— Свиданіе, сказала Анна Александровна.

— Неужели? что ты говоришь? гдѣ?

— Вотъ, видишь. Онъ какой, бубновый?

— Chatain, душечка, глазенки голубые, молоденькій еще вовсе, цыпленокъ.

— Такъ свиданіе... Въ какомъ-то большомъ обществѣ... Въ церкви, что ли.

— Ну да, конечно, завтра въ соборѣ! вскричала въ восхищеніи Марья Петровна:—архіерей служить, онъ придетъ смотрѣть... только и развлеченія у бѣдняжки!

— Кто же это такой, Машенька?

— Другъ мой, я вашихъ свѣтскихъ не беру, я глупа, стара, я съ ними говорить не умѣю. Мой новый objet—приказный, зовутъ его Павелъ Максимовичъ, а фамиліи я сама не знаю.

— Какъ же такъ? Кто же тебя съ нимъ познакомилъ?

— Никто, душечка, я сама познакомилась. Я нынѣшней осенью у насъ въ уѣздномъ городѣ мѣсяцъ прожила, лѣчиться вздумала, и только мнѣ и было развлеченія, что

по улицамъ бродить. Надѣну шляпку, отправлюсь. Вдругъ, вижу, однажды, идетъ эта милая штучка. Завитой, въ шляпѣ; одѣтъ онъ всегда чисто. Я примѣтила, въ какую онъ церковь ходитъ, и я туда. Стою, смотрю на него. Думаю, за что такая прелесть пропадаетъ, никто ее себѣ не возьметъ? Одинъ разъ, вижу, онъ часы вынимаетъ; я къ нему: „какой часъ?“

— Ахъ, Машенька!

— Ахъ, Анночка! Ну, что такое? Самое невинное занятіе. Мы съ нимъ, слово за слово, разговорились, вышли вмѣстѣ, идемъ вмѣстѣ. Онъ ходитъ здоровъ, такъ, мой другъ, я тебѣ скажу, что на первую прогулку мы съ нимъ весь городишко обошли; меня едва ноги носили. Узнала я, что онъ вашъ здѣшній, Н—скій, а туда пріѣзжалъ къ бабенкѣ съ дѣдиной, родителей у него нѣтъ. И такъ-себѣ пріятно поговорили; ему въ диковинку, что барыня въ шляпѣ съ нимъ заговорила. На другой день,—я въ гостиницѣ жила,—гляжу, шатается напротивъ по тротуару; я бурнусь на плечи—гулять. Опять городъ обошли, даже слободы захватили. И такъ всякій почти день, двѣ недѣли. Позвольте, я ему говорю, узнать, какъ васъ зовутъ? А онъ меня и не спрашивалъ, и такъ зналъ, меня вѣдь тамъ всѣ знаютъ.

— Ахъ, Машенька, повторила Анна Александровна:—можно ли такъ изъ удовольствія компрометироваться? Всѣ тебя знаютъ, всѣ видѣли...

— Да что жь видѣли? Ну, иду я по улицѣ съ приказнымъ, только и было всего. Я бы его теперь къ себѣ позвала, да некуда—какъ сюда позовешь, къ тетускѣ твоей. А ужь я тебѣ скажу, такая прелесть, и такъ мнѣ его поцѣловать хочется. Это ужь я не я, поцѣлую.

— Машенька!

— Я не я, а сдѣлаю! повторила Марья Петровна:—что мнѣ? Я не свѣтская особа... Да я и не умѣю по вашему, другъ мой. Это, вотъ, сестрица твоя Фешенька женишковъ себѣ ловитъ; ты, никакъ десятый годъ шевроны заслужила, все по одномуъ вздыхаешь, а мнѣ... Сегодня Павелъ Максимовичъ, а завтра будетъ Максимъ Павловичъ; я себѣ изъ мелкаго люда всегда найду чѣмъ забавиться. Эти, другъ, лучше, безопаснѣе, безотвѣтные-то! Съ вашими свѣтскими хлопотъ много; свяжешься, а послѣ не развяжешься. А мои,

эти—покорный народъ; учтивые такіе. У меня былъ одинъ: ему скажешь: поцѣлуй меня, а онъ отвѣчаетъ: „если прикажете-съ,“ а самъ не смѣетъ безъ этого. И выходитъ забава самая невинная. Вотъ, погоди, я моего Поля Максимовича, щечку его розовую...

Анна Александровна ничего не сказала. Марья Петровна спрятала лицо въ подушку. Анна Александровна тоокливо разбирала карты; она гадала тоже, и мало вѣря своему собственному гаданью, очень бы желала, чтобы кто-нибудь толковалъ ей, какъ она сейчасъ пріятельницѣ. Одну минуту, она хотѣла попросить ея объясненія, но посоветилась, даже покраснѣла и поскорѣе смѣшала карты, услыша шорохъ.

Вошла Анфиса съ приборомъ и ветчиной. Она была очень сердита.

— Что такъ долго? спросила Марья Петровна.

— Воцъ, вашъ Лаврентій! отвѣчала Анфиса:—не умѣлъ допроситься въ гостиницѣ, такъ его ни съ чѣмъ и погнали. Ужь Катерины Федоровнинова Еремѣя посылала. Извольте-съ. Здѣсь будете кушать или туда, къ столу?

— Здѣсь. Что, вставать не хочется. Который часъ?

— Первый давно. Лаврентій спрашиваетъ въ которомъ часу завтра изволите ѣхать?

— Да чтобъ ко всеобщей тамъ быть.

— Значить, утромъ надо.

— Да. Послѣ обѣдни. Я отъ обѣдни изъ собора вернусь, чтобъ лошади были готовы.

— Я ему скажу, сказала Анфиса, и ушла опять.

— Ты куда ѣдешь, Машенька?

— Въ Серафимову пустынь, я обѣщалась. Дѣло у меня было съ сосѣдкой моею, Долговскою, — помнишь ее? платочкомъ повязана ходить, пятидушная помѣщица.

— Помню.

— Лугъ у нея потравили; она—смѣлость нашла! просьбу на меня подала. Я велѣла—не смѣй на меня эта дрянъ жаловаться!—какъ только ея коровы зашли на мой выгонъ, къ себѣ ихъ загонять, люди тутъ передрались, пастуха ея прибили, дѣло и затянулось. И такъ меня это дѣло мучило, столько я за него переплатила, просто, тоска нашла. Тогда же я обѣщаніе дала, какъ только Богъ меня съ нею развяжетъ, по моему сдѣлается, такъ я въ Серафимову пустынь

отправляюсь и три молебна отслужу. И только я общалась, вообрази, чудесами, на той же почтѣ пришло мое рѣшеніе!

— Неужели тотчасъ? спросила Анна Александровна.

— Я тебѣ говорю, въ тотъ же день! Я всегда и прежде вѣрила въ эту пустынь, а тутъ еще больше. Я такъ и положила, что поѣду непременно, какъ только деньги. Вотъ славу Богу, завтра тамъ буду, за всеюношной, за ранней и за поздней обѣдней отслужу три молебна, чаю тамъ напьюсь въ монастырской гостиницѣ и назадъ.

— Возьми меня съ собой, сказала Анна Александровна.

— Ты развѣ тамъ никогда не была?

— Нѣтъ... такъ, Богу захотѣлось помолиться. Пожалуста, возьми.

Марья Петровна погрозила ей пальцемъ.

— Вѣрно хочешь за своего дружка свѣчку поставить? Ужъ не отговаривайся; я эти штуки знаю. Пожалуй. Только какъ мы втроемъ въ кибиткѣ? Я безъ Анфисы не могу, а ты съ своими юбками...

— Нѣтъ, я ихъ какъ-нибудь...

— Пожалуй, поѣдемъ. Приходи завтра сюда въ обѣдню, къ тому времени какъ я вернусь изъ собора; кофею напьемся и поѣдемъ; я тебя отличнымъ кофеемъ угощу... Ахъ, да! не забыть бы мнѣ велѣть купить его да сжечь завтра пораньше, съ собою взять. Тамъ, другъ мой, въ Серафимовой есть монахъ, отецъ Іакинѣ... я его къ себѣ позову кофей пить; вотъ, посмотри!.. На него изъ Москвы пріѣзжали смотрѣть, а сюда онъ однажды за сборомъ пріѣзжалъ... Памятное мнѣ времячко! Тогда еще мой первый, настоящій то мой objet, — „что ты, говоритъ, Mariette, никогда тебя дома не найдешь, все ты Богу молишься; за монахами, что ли бѣгаешь?“ Догадался; негодный этакій! И досталось же мнѣ...

Анна Александровна не отвѣчала; она почти не слышала, глядя на мерцающую лампадку и какъ-то смутно думая обо всемъ на свѣтѣ.

— Эхъ, жизнь, жизнь, куда ты дѣвалась! заключила Марья Петровна, поднявъ руки надъ головой.

Анфиса, возьми эту ветчину; вовсе какой-то дряни принесли мнѣ, не понравилось. Пора и спать.

— Да, пора, сказала, вставая, Анна Александровна: — прощай, до завтра, Машенька.

— Прощай, другъ мой. А ты, куда?

— Да, въ гостиную, на минутку. Тетенька, можетъ-быть, спросить...

— Прощай.

Анна Александровна затворила двери, между тѣмъ какъ Марья Петровна, ставъ на колѣни, готовилась положить, по обыкновенію, пятьдесятъ поклоновъ на вечерней молитвѣ.

Когда Анна Александровна отворила дверь, сестра ея, занятая на прежнемъ мѣстѣ съ Измишинымъ, взглянула на нее съ удивленіемъ, будто увидѣла призракъ. Предъ собесѣдниками стояло блюдечко съ вареньемъ и было накурено много папирсъ. Анна Александровна подошла къ столу, постояла съ минуту, старалась зачѣмъ-то пріятно улыбнуться и наконецъ сказала:

— Я домой собираюсь, Фанни.

— Я думала, ты уже давно уѣхала, отвѣчала Федосья Александровна, тономъ особы, у которой прервали значительный разговоръ.

— А вы гдѣ живете? спросилъ Измишинъ, встрепенувшись, будто съ просонка.

— У брата, тихо сказала Анна Александровна. — Adieu, Fanny.

Пока она подавала черезъ столъ руку сестрѣ, Измишинъ вскочилъ и протянулъ свою. Онъ счелъ это какъ-то своимъ правомъ и обязанностью, и признакомъ порядочной развязности. Анна Александровна ушла.

— И мнѣ пора-сь, сказалъ Измишинъ.

— Вотъ еще! возразила Федосья Александровна, прислоняясь къ диванчику.

Появленіе Анны Александровны тоже удивило всѣхъ играющихъ въ гостиной. Тетка повторила ей то же, что сестра:

— Я думала, ты ужь уѣхала.

Съ минуту колебавшись, не остаться ли ей, иль ли здѣсь какого-нибудь общественнаго долга, который ей слѣдуетъ исполнить, Анна Александровна рѣшилась и выговорила:

— Прощайте тетенька.

— Прощай, отвѣчала, козыряя, Катерина Федоровна.

III.

Было поздно, извозчика не нашли, и Анна Александровна была принуждена воротиться домой пѣшкомъ, въ сопровожденіи сильно дремавшаго и еще болѣе недовольнаго лакея тетюшки. Чтобы сократить этому человѣку время его неприятности, Анна Александровна не шла, но почти бѣжала до своего дома. Домъ былъ не далеко, но она все-таки запыхалась и озябла.

Ея невѣстка и братъ еще не возвратились изъ собранія.

Анна Александровна переодѣлась, но не ложилась и ждала ихъ, приказала чтобъ былъ готовъ самоваръ, на случай если Лизавета Юрьевна захочетъ чаю, приказала накрыть столъ для ужина. Одну минуту, присѣвъ подлѣ этого накрытаго стола, она вспомнила, что святки и дѣвушки гадаютъ о женихахъ и тихо улыбнулась этой мысли: ей захотѣлось погадать. Но эта охота прошла также скоро какъ пришла. Единственная свѣчка уже догорала внутри подсвѣчника, Анна Александровна не смотрѣла на огонь, и отерла слезы, набѣжавшія столько же отъ усталости, сколько отъ печали.

Она подумала, что сегодня 29-е декабря, пятый день святокъ, ровно восемь лѣтъ, какъ ей объяснился въ любви молодой человѣкъ, котораго она всею душой любила. Точно также, восемь лѣтъ назадъ, она отпустила на балъ къ губернатору брата съ молоденькою женой, и Фанни тогда поѣхала съ ними. У Лизы былъ тогда всего одинъ ребенокъ, Катя, еще грудная; Анна Александровна измучилась утѣшая и качивая Катю, покуда та заснула у нея на рукахъ, а Евгеній Андреевичъ сидѣлъ подлѣ нея, и вдругъ поцѣловалъ, сначала, спящую дѣвочку, а потомъ руку Анны Александровны. Анна Александровна испугалась, она не могла отдернуть руки,—она бы уронила ребенка,—даже не ахнула—она бы разбудила ребенка, но хотѣлось ли ей отнять руку или ахнуть?..

У нея замерло сердце при воспоминаніи. Не въ первый разъ мерещился ей этотъ поздній вечеръ, но никогда она не могла припомнить ясно, какъ уложила Катю, какъ во-

ротилась въ эту залу съ накрытымъ столомъ и единственною свѣчкой. Она чувствовала сердцемъ, а не помнила памятью, что Евгенийъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, ждалъ ее, что она подошла вдругъ скоро и какъ-то смѣло сѣла рядомъ и опять его руки очутились въ ея рукахъ и что-то говорилось или не говорилось; люди спали или громко зѣвали въ другихъ комнатахъ; часы, Богъ ихъ знаетъ, — забывали бить... братъ и Лиза воротились съ бала. Евгенийъ сказалъ имъ, что просилъ у Анны Александровны позволенія дожидаться вмѣстѣ съ ней; онъ ничего этого не просилъ. Ночь она не спала и всю просидѣла на окнѣ, въ своей комнатѣ на антресоляхъ. Мерзлыя стекла сверкали звѣздочками; въ груди у нея дрожало; хотѣлось молиться, и много плакалось...

Невѣстка была молода и занята собой и ни слова не сказала о неприличіи этого „ожиданія.“ Братъ въ шутку, всего однажды, назвалъ сестру „полунощницей.“ Анна Александровна боялась ужасно, но Евгенийъ самъ былъ остороженъ; онъ приходилъ часто, сидѣлъ дни подлѣ ея палецъ, вечера подлѣ нея въ уголку гостиной, особенно когда не бывало никого, — случалось, и засиживался поздно. Анна Александровна была счастлива. Ей было тогда двадцать четыре года; онъ — годомъ моложе. Она вдругъ замѣтно похорошѣла. Ея тоненькое нѣжное личико съ милыми кроткими чертами вдругъ освѣжилось, на немъ стали являться выраженія безконечныя. И никто не видалъ этихъ выраженій: семья — потому что не обращала на нее вниманія; Евгенийъ, потому что при немъ она становилась робка, стѣснена, замучена страхомъ приличія и страхомъ семьи. Анна Александровна такъ любила свою семью! Она столько разъ считала, какъ дорого настоитъ брату, который держитъ ее у себя въ домѣ и не допускаетъ нуждаться, даже дѣлаетъ ей подарки, — на примѣръ, покупая нарядныя платья, бурнусъ Лизѣ, покупаетъ и ей. Это не всякій братъ сдѣлаетъ. На свою четырнадцатую часть она не могла бы жить такъ, какъ живетъ у брата. За это она отблагодарить ни чѣмъ не можетъ; ей даже выразить не чѣмъ, какъ она цѣнитъ заботы брата, вниманіе его жены и... словомъ „все.“ Этимъ все женщины всегда называютъ то, чего не находятъ въ своей мысли, вѣрнѣе въ своей дѣйствительности. Анна Александровна привязалась къ маленькой племянницѣ

и къ быстро послѣдовавшимъ за ней четверымъ племянникамъ съ нѣжностью дѣвочки, съ страстью матери, съ угодливостію няньки. Непонятно, когда она успѣвала шить на нихъ, вышивать для нихъ, учить ихъ лепетать, завивать ихъ волоски, мастерить имъ игрушки, играть съ ними, твердить съ ними азбуку, молиться съ ними за папу и маму, не думая научить ихъ своему имени въ молитвахъ, развѣ иногда, въ трудную минуту, схватывая ребенка на руки, прижимая его къ груди, цѣлуя порывно, съ слезами, она говорила ему: — „помолись за меня, ангелъ мой, помолись за тетю Анну, чтобъ ей легче было!..“

И это было все, что выговаривало это терпѣливое созданіе, когда вдругъ слишкомъ чувствительна становилась трудность жизни. А жизнь была трудна постоянно; былъ одинъ только свѣтленькій промежутокъ, восемь лѣтъ назадъ... Онъ начался съ вечера 29 декабря и продолжался полгода. И потому казался онъ свѣтленькимъ, что Анна Александровна прожила его забывшись, не оглядываясь. Она любила. Евгеній бывалъ каждый день. Эта любовь уже перестала быть тайной для брата и невѣстки. Въ порывѣ счастья, заставляющаго вдвое любить все окружающее и быть откровеннѣе, Анна Александровна сама разказала все Лизаветѣ Юрьевнѣ, цѣлуя ножки ребенка, котораго, полудремая, Лизавета Юрьевна въ эту минуту кормила грудью. Аннѣ Александровнѣ вообразилась своя семейная жизнь, свой ребенокъ; она плакала и смѣялась и была такъ хороша, что даже хорошенькая Лизавета Юрьевна замѣтила, улыбувшись, на ея признанія:

— Vous êtes très intéressante; le bonnet vous ira beaucoup.

Брату разказала жена; онъ замѣчалъ прежде немного и самъ, по привычкѣ женатыхъ людей замѣчать за женскими исторіями, совершающимися въ ихъ домѣ, но молчалъ, какъ человѣкъ серьезный, предполагалъ только кокетство старой дѣвы, сестры, съ молодымъ чиновникомъ, — вещь забавную, положимъ, но преходящую. Сергѣй Александровичъ Ельниковъ не безъ основанія считалъ свою сестру старухой: онъ былъ женатъ уже два года, и его женѣ только что исполнилось двадцать, а братья вообще, лучшіе счетчики годовъ своихъ сестеръ. Узнавъ положительно, что между Анной Александровной и Евгеніемъ Андреичемъ Куличовымъ не шутка, а настоящая любовь, Ельниковъ при-

шелъ въ нѣкоторое негодованіе. Почему онъ не негодовалъ бы на шутку, на неудачную и неловкую глупость, которая могла бы даже скомпрометировать его сестру и во всякомъ случаѣ дѣлала бы ее смѣшною, и почему истинное чувство показалось ему неумѣстнымъ, несвоевременнымъ, оскорбительнымъ, объяснить никакъ нельзя; *такъ бываетъ*—единственное объясненіе этого, слишкомъ часто встрѣчающагося факта. Ельниковъ не подумалъ признаться самому себѣ, что будь двадцати-четырехлѣтняя Анна Александровна не сестра ему, а просто влюбленная въ него дѣвушка, или еще лучше—жена его знакомаго, онъ не только бы не отказался отъ ея страсти, но увлекся бы самъ. Но теперь онъ взглянулъ на нее предубѣжденными глазами роднаго, то-есть, хуже нежели строгимъ взглядомъ безпристрастнаго посторонняго, и нашелъ смѣшнымъ все что было привлекательнаго въ этой дѣвушкѣ. Кротость составляла ея характеръ и ея красоту; она была боязлива, уступчива, молчалива и предупредительна отъ кротости, весела только тогда, когда была весело другимъ, тороплива отъ вѣчнаго желанія доставить удовольствіе, вѣрнѣе, *пригодиться*, потому что ея неувѣренность въ себѣ не имѣла границъ. Это иногда выражалось и неловко; въ этой неловкости была сама прелесть. Это-то Ельниковъ и называлъ сентиментальностью и жеманствомъ, рѣшившись, какъ онъ, въ негодованіи сказать женѣ, не допускать вздоровъ у себя въ домѣ.

Онъ получилъ въ это время мѣсто правителя канцеляріи губернатора и, какъ человѣкъ съ вліяніемъ, устроилъ, что чиновника Куличова послали сначала на ревизію хлѣбныхъ магазиновъ по губерніи, потомъ на разныя слѣдствія, такъ что Куличову въ нѣсколько мѣсяцевъ всего одинъ разъ пришлось быть въ Н. и всего на одинъ день, изъ котораго онъ едва одинъ часъ провелъ въ домѣ Ельниковыхъ, но и тотъ въ кабинетѣ Сергѣя Александровича, въ толкахъ о дѣлахъ. Анна Александровна не удалось сказать съ нимъ и нѣсколькихъ словъ; она только пожала ему руку и то при братѣ и невѣсткѣ. Отъ радости, она измѣнила своему характеру и первая подала руку. Куличовъ былъ какъ-то разсѣянъ, отуманенъ, конечно, дѣлами которыхъ у него была полна голова, внезапностью и краткостью свиданія; по его лицу не было замѣтно чтобъ онъ обрадовался. Анну Александровну это свиданіе только смутило и огор-

чило. Когда Куличовъ ушелъ, братъ сталъ разказывать, что въ уѣздѣ онъ производитъ фуроръ между барышнями, танцуетъ у помѣщиковъ, волочится, того гляди, женится. Правду ли говорилъ братъ—узнать было невозможно, разспрашивать некого... да и какъ разспрашивать?

Анна Александровна припоминала эти первыя сомнѣнія; ихъ надо было припомнить, такъ далеко ушли они, такъ исчезли потомъ за другими, еще болѣе горькими сомнѣніями, за дѣйствительностью, которую, сколько бѣдная дѣвушка ни старалась вообразить лучше и свѣтлѣе, пришлось понять во всей ея печали. Эта дѣйствительность все подходила, подступала ближе, тѣснила; обманываться уже было невозможно.

Воротаясь только позднею осенью съ своихъ слѣдствій и командировокъ, Куличовъ сталъ бывать у Ельниковыхъ рѣже и всегда ненадолго. Анна Александровна хотя замѣтила это, но еще отъ души вѣрила дѣловымъ отговоркамъ своего милаго, когда онъ вставая съ мѣста будто нехотя, а между тѣмъ давно и проворно надѣвъ перчатки, разказывалъ съ досадою:

— Что жъ дѣлать? Вотъ, какую кипу бумагъ нанесли. До утра проработаешь.

Анна Александровна плакала до утра, воображая какъ работаетъ Евгеній. Однажды, когда Куличовъ ушелъ ужъ такъ поспѣшно, что Анна Александровна не успѣла найти предлога выйдти вслѣдъ за нимъ въ залу и тамъ еще разъ проститься, Лизавета Юрьевна сказала, взглянувъ на Анну Александровну:

— Куличову не сидится у насъ.

Братъ читалъ газету и промолвилъ, не оборачиваясь:

— Магнитъ, развѣ, потерялъ свою силу?

Онъ читалъ о синопскомъ сраженіи: казалось бы, можно не обратить вниманія на женскія дѣла, но это дѣло видно было слишкомъ близко сердцу Ельникова; въ теченіе дня онъ посматривалъ на сестру пристально, съ какимъ-то лукавымъ состраданіемъ, и доставилъ себѣ удовольствіе нѣсколько разъ вздохнуть принужденно громко вслѣдъ за нею, если она тихонько вздыхала. Это доставляло занятіе Ельникову. Куличовъ не приходилъ дня три. Анна Александровна измучилась, тоскуя, ожидая и стараясь скрыть это; она не смѣла дышать, не только вздыхать. За то братъ вздыхалъ

громогласно, и говорилъ, заглядывая въ окна и постукивая пальцами по стеклу:

— Не видать-съ, не видать; не вдетъ.

— Кто? спрашивала Лизавета Юрьевна.

— Человѣчекъ одинъ, отвѣчалъ съ смиренною улыбкой Ельничковъ.

Анна Александровна была какъ будто нездорова, рано простилась и ушла къ себѣ. Братъ пропѣлъ ей вслѣдъ;

„Сестрица голубушка, ложитесь спать, вамъ нечего ждать.“

Анна Александровна сочла великимъ счастьемъ, что на другой день утромъ не было дома ни брата, ни невестки, когда заѣхалъ Куличовъ. Волненіе и страхъ послѣднихъ трехъ дней придали ей смѣлости; она выговорила „милому“ зачѣмъ онъ бываетъ рѣдко, что это даже ея родные замѣтили. Куличовъ растолковалъ ей, что было бы хуже, еслибы они замѣтили, что онъ бываетъ слишкомъ часто, что надо „быть благоразуміе“. Анна Александровна спросила, что это за благоразуміе.

— Какже? горячо возразилъ Куличовъ:—только жениху позволяется цѣлый день торчать подлѣ невесты. Можно понять это: ты, слава Богу, не маленькая дѣвочка...

Анна Александровна хорошо вспомнила при этихъ словахъ, что она старше его; она, правда, подумала тоже, что они оба свободны, что ничто не мѣшаетъ имъ сдѣлаться женихомъ и невестой, но... она старше его, она бѣдна, она дурна, она его свяжетъ...

— Знаешь что? сказала она, задохнувшись отъ слезъ, которыя удержала:—не приходи никогда, вовсе...

— Зачѣмъ же? спросилъ Куличовъ, притянувъ ее къ себѣ и обнявъ:—или больше не любишь?

— Ахъ, люби ты меня хоть немножко! вскричала она, припавъ къ нему на шею.

Анна Александровна увѣряла себя (хотя объ этомъ не было сказано ни слова), что Куличовъ женится на ней, едва получитъ какое-нибудь порядочное мѣсто, деньги отъ какой-то тетки, которыя онъ ждалъ, и такъ далѣе, въ этомъ родѣ; она мечтала, воображая это счастье, но никогда не говорила „милому“ о своихъ мечтахъ. Она чего то боялась: онъ ужъ слишкомъ толковалъ о благоразуміи, а мечты—глупость. И притомъ, говорить о такихъ планахъ, значить

набиваться чтобы женился... ловля жениха—избави Боже! И неловко, и неделикатно: онъ самъ знаетъ что ему дѣлать...

Богъ знаетъ отчего, послѣ такихъ успокоивающихъ размышлений, Анна Александровна принималась горько плакать. Чаше стала она твердить наединѣ Евгению, что любить его; это было ея утѣшеніе, ея поддержка; говоря сама, она забывала, что ее только слушаютъ, но не отвѣчаютъ ей тѣмъ же. Евгенийъ слушалъ, сначала молчаливо улыбаясь, потомъ шутя, потомъ называлъ все это „экзальтированными, заоблачными воздыханіями“, наконецъ серьезно сказалъ, что это неблагоприятно, смѣшно. Онъ сталъ избѣгать минутъ наединѣ и дѣлалъ это очень ловко, проводя иногда цѣлые дни у Ельниковыхъ, больше прежняго сдружился съ хозяиномъ, былъ разговорчивъ и любезенъ съ Лизаветой Юрьевной какъ никогда; оживлялъ весь кружокъ если собирались гости, возился съ годовою Катей, когда было не съ кѣмъ больше заняться. Не оставаясь наединѣ, онъ отучилъ Анну Александровну говорить ему *ты*. Она скоро это замѣтила. Она упросила, умолила его придти провести съ ней одной вечеръ 29 декабря, годовщину перваго признанія, выпроводивъ всѣхъ своихъ въ гости, уложивъ Катю... (и, грѣшница, какъ тяготила ее Катя въ этотъ вечеръ!) надѣла платье, воротничокъ, ленту, какіе были на ней годъ назадъ, но, вмѣсто того чтобы—какъ хотѣла и собиралась сдѣлать—броситься на шею своему милому, по привычкѣ страха и благоразумія, оторопѣла, холодно смутилась и встрѣтила его словами:

— Добрый вечеръ, Евгенийъ Андреичъ.

Она сѣла у того же стола, на томъ же мѣстѣ, что годъ назадъ.

На этомъ мѣстѣ они сидѣли и теперь...

Тогда былъ 1854 годъ, была война. Они говорили о войнѣ. Говорили о балѣ губернатора: его жена именинница въ этотъ день, балъ ежегодный. Евгенийъ Андреичъ вынулъ часы и посмотрѣлъ. Анна Александровна упала головой на столъ и зарыдала.

— Что же, что вы? спросилъ онъ.

Она чувствовала, что все ея счастье прожито, кончилось. Должно-быть, при рожденіи человека опредѣляется сколько ему отпущится счастья. Счастья достало на годъ,

даже меньше, но все равно,—казалось, что на годъ ровно, изо дня въ день, и вотъ, теперь кончилось... Евгений Андреевичъ сказалъ:—„Вы нездоровы!“ взялъ ея руку, поцѣловалъ, перевернулъ и еще разъ поцѣловалъ въ ладонь и пожалъ крѣпко. Анна Александровна приподнялась.

— Послушай...

Онъ между тѣмъ уже взялъ шляпу.

— Вы нездоровы, вамъ успокоиться, лечь надо, повторилъ онъ и отворилъ дверь въ прихожую.

Тамъ были лакеи; звать его назадъ было невозможно. Анна Александровна отошла въ уголъ залы, чтобы не увидали ея расплаканнаго лица, и слышала какъ Евгений Андреевичъ приказывалъ напомнить ея брату о портфелѣ съ бумагами, спокойно, какъ человекъ благоразумный...

Привыкъ ли онъ къ дому Ельниковыхъ, какъ случается съ молодыми людьми, которыхъ одолеваетъ скука провинціи и которые думаютъ спастись отъ нея, составляя себѣ привычку приходить каждый день въ одно и то же мѣсто, садиться на тотъ же стулъ, говорить одно и то же; казалось ли ему неловко, хотя и нелюбя, прервать разомъ свои отношенія къ Аннѣ Александровнѣ; было ли ему жаль ея по старой памяти или еще отъ остатка любви, но Куличовъ продолжалъ свои посѣщенія, не измѣняясь ни въ чемъ. У него бывали приливы нѣжности, совсѣмъ искренніе; такъ иногда, проходя мимо Анны Александровны, онъ говорилъ ей на ухо: „милая“, неожиданно и никакъ не замѣчено бралъ ея руку, цѣловалъ ее въ голову, въ плечо, пользуясь минутой наединѣ. Она была счастлива отъ этихъ ласкъ, и если онѣ случались вслѣдъ за горькими минутами раздумья, обвиненій на судьбу и сомнѣній въ „миломъ“,—то раскаянію Анны Александровны не было предѣловъ. Она старалась „заслужить“ свои вины,—сдѣлать удовольствіе, сдѣлаться полезною на что-нибудь, если возможно; она ухаживала за Куличовымъ какъ за своими маленькими племянниками. Лизавета Юрьевна, хорошенькая, постоянно выѣзжала или кормила дѣтей; за ея недосугомъ хозяйствомъ занималась Анна Александровна, и потому ей нашелся предлогъ взять кстати на себя заочную заботу о хозяйствѣ такого близкаго человека, какъ былъ Куличовъ въ домѣ Ельниковыхъ. Анна Александровна хлопотала о его прислугѣ, закупала ему запасы, варила ему варенье, оты-

скивала лучшую въ городѣ швею для его бѣлья, платила ей изъ своихъ денегъ лишь бы заказанное было готово къ сроку и, наконецъ,—высшее счастье! сама по ночамъ на своихъ антресоляхъ, строчила рубашки милому, цѣлуя ихъ и обливая слезами. Дарить его она не смѣла,—она для него работала. Все что можно носить на себѣ или имѣть въ комнатѣ вышитаго было у Куличова, и все вышито руками Анны Александровны. Чтобъ заставить его взять, она проигрывала ему на пари, предлагала при постороннихъ. Куличовъ бралъ; впрочемъ, ему бывало и искренно пріятны ея работы и подарки: она умѣла ихъ дѣлать, или, вѣрнѣе, она была такъ добра, влюблена, счастлива и слѣдовательно; мила среди заботъ, что не было возможности быть не благодарнымъ. Она сдѣлала и больше. У Куличова случилась какъ-то служебная непріятность. Анна Александровна пустилась въ хитрости: чрезъ одну даму, чрезъ другую, чрезъ свою тетюшку Катерину Федоровну, довела до губернаторши, что надо принять участіе въ Куличовѣ, и дѣло было поправлено. Правда, когда сестра Фанни все узнала... Анна Александровна слегла въ лихорадку... Фанни пріѣхала внѣ себя. „Что это, матушка, съ чего ты взяла насъ компрометировать? Ты навязываешься мальчишкѣ, который тебя знать не хочетъ, а изъ этого по городу пойдетъ, что я его ловлю, или что невѣстка съ нимъ въ интригѣ? Ты этого хочешь?..“

Анна Александровна перепугалась, хотя пугаться было нечего: одна ея семья волновалась изъ-за этой „исторіи“, отъ нечего-дѣлать; ея вмѣшательство въ дѣла Куличова было такъ ловко скрыто, что никто посторонній не подозрѣвалъ его. Оно открыло сестрѣ и теткѣ ея любовь къ Куличову, оно заставило брата больше насмѣшничать надъ нею,—но тѣмъ все и кончилось. Вся буря осталась въ семьѣ и хотя, конечно, еще болѣе разстроила и безъ того нестройную семейную жизнь Анны Александровны, но общество не приняло участія въ этой бурѣ. Общество не обращало вниманія на Анну Александровну: она выѣзжала уже рѣдко, почти не танцевала, за карты еще не садилась. Она была въ переходномъ возрастѣ.

Ей было двадцать шесть лѣтъ, о чемъ она съ ужасомъ думала; она любила удовольствія и отказывалась отъ нихъ единственно изъ робости или изъ экономіи. Евгенийъ прежде

говорилъ ей, что она хорошенькая; ничья похвала такъ ни дорога, ни памятна, какъ похвала любимого человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уже не повторялъ этого, Анна Александровна стала больше заниматься собою; перемѣняла прически, подъ предлогомъ что уставали волосы, по ночамъ перешивала свои платья. Она старалась дѣлать это сколько возможно незамѣтно для другихъ, не озабочивая никого; но горничной надоѣдало глаженье, которое прежде не дѣлалось такъ часто, а Лизавета Юрьевна стала улыбаться на эти мелкія хлопоты, тотчасъ бросающіяся въ глаза женщинамъ. Она, конечно, гораздо больше озабочивала своихъ горничныхъ и ея туалетъ былъ вдвое богаче и сложнее туалета Анны Александровны, но вѣдь Лизавета Юрьевна молодая дама, а Анна Александровна къ чему все это?.. Лизавета Юрьевна, одѣваясь, заводила маленькіе толки съ своими горничными, во что сегодня нарядится Анна Александровна, зачѣмъ еще посылала она въ магазинъ, расплатилась ли она, наконецъ, съ башмачникомъ, который ждалъ отъ нея денегъ за прюнелевыя ботинки...

— Должно-быть, расплатилась, прибавила, въ родѣ замѣчанія, Лизавета Юрьевна: — Сергѣй Александрычъ третьяго дня взялъ жалованье.

Случалось, иногда, Лизавета Юрьевна, сама не зная почему, такъ, машинально взглядывала на Анну Александровну, одѣтую немножко понаряднѣе, и улыбалась. Братъ поступалъ откровеннѣе: онъ смѣялся громко, встрѣчая сестру утромъ, и расшаркивался передъ нею, какъ передъ церемонною гостьей.

— *Элегансъ!* говорилъ онъ, при всей своей серіозности, даже удостоивая для шутки ломать французскій языкъ: — Букли крепе, почему ужь не à l'enfant?

Но мелкіе локоны шли къ ея нѣжному лицу, и Анна Александровна продолжала нѣсколько времени носить ихъ подъ страхомъ, извиняясь, позволяя шутить надъ собою, шутя сама. Брату понравилось шутить. Онъ принялъ эту ловкую и удобную манеру, и не относился къ сестрѣ никогда иначе какъ съ шуткой, о чемъ бы ни шло дѣло, даже о хозяйственныхъ счетахъ.

— А позвольте, Анна Александровна, на какомъ жертвенникѣ любви сожигается у насъ столько дровъ? Обратите съ небесъ ваше вниманіе на повара.

Когда за обѣднями стали пѣть молебны о дарованіи побѣды, если кто-нибудь изъ постороннихъ спрашивалъ Анну Александровну почему она не была въ церкви, Ельниковъ отвѣчалъ всегда:

— Помилуйте, что Аннѣ Александровнѣ военные! Она за статскихъ молится!

Эта шутка ему особенно полюбилась; онъ повторялъ ее десятокъ разъ и разнообразилъ; то молитвами Анны Александровны всѣ грѣхи отпустятся чиновничеству, то сама Анна Александровна испрашиваетъ себѣ надъ христолюбивымъ чиновничествомъ побѣду и одолѣніе,—и такъ далѣе. Посторонніе не находили, чтобы шутка была обидна, когда Анна Александровна сама не подавала вида, что обижается. Однажды Ельниковъ, не находя другаго предмета разговора, расписывалъ Куличову безобразно и довольно пошло причетъ того далекаго прихода, гдѣ Анна Александровна „отстояла себѣ колѣни за раннею обѣднею.“ Ельниковъ наговорился и вышелъ. Куличовъ, оставшись одинъ, не находилъ тоже предмета для разговора.

— Зачѣмъ вы ходите такъ далеко... началъ онъ.

— Я за тебя молюсь, отвѣчала Анна Александровна, залилась слезами и убѣжала.

Это начало ужъ и наскучать Куличову. Она становилась навязчива. Конечно, она не ловила жениха, но требовала любви. Нѣжная, почтительная любовь, которой хотѣла Анна Александровна, давно прошла у Куличова, не замѣнясь другою, болѣе пламенною, хотя бы менѣе искреннею: Анна Александровна была слишкомъ робка, слишкомъ чиста душой, чтобы подумать о ней или подать къ ней поводъ, а Куличовъ хорошо разчиталъ, что любовь такого рода къ особѣ изъ общества связываетъ больше женитьбы, и къ тому же, зрѣлая дѣва становилась уже не привлекательна. Онъ особенно замѣтилъ это на одномъ балѣ, гдѣ они были вмѣстѣ. Балъ былъ веселый,—по заключеніи мира. Анна Александровна радовалась этой радости, будто ея собственная жизнь отъ нея зависѣла; на колѣняхъ отстояла благодарственный молебенъ; со слезами поздравляла кого могла—старухъ богомолкъ своего прихода, хлѣбника, которому заказывала куличъ къ святой (особенно красивый ради такой радости), прохожихъ мужиковъ, которые встрѣчались на улицѣ и, почему-то догадываясь что барыня

добрая, останавливали ее и спрашивали у нея дорогу. Ельниковъ, смѣясь отъ души, прозвалъ сестру благовѣстницей мира, и при ней разказалъ нѣсколькимъ знакомымъ, что Анна Александровна заставляетъ его дѣтей, Катю и едва лепетавшаго Петю, читать особенную благодарственную молитву ея собственнаго сочиненія. Анна Александровна не замѣчала, что на ея порывы любви, дѣлавшіеся смѣлѣе отъ прилива душевнаго довольства, Куличовъ смотрѣлъ болѣе обыкновеннаго сумрачно и досадно. Она еще испортила дѣло. На радости она вздумала воспользоваться общественными удовольствіями, рѣшила, что поѣдетъ въ собраніе, на святой, въ государево рожденіе. Она имѣла неловкость толковать объ этомъ, за двѣ недѣли разказала Куличову какъ намѣрена одѣться, спрашивала его совѣта, показала ему крепъ, ц вѣты, поручила ему (и, неловкая, при невѣсткѣ!), несмотря на его явное нежеланіе, выбрать и привезти перчатки; наконецъ довершила — примѣривъ бальное платье, вышла показаться въ немъ Лизаветѣ Юрьевнѣ при Куличовѣ. Это было утромъ, день пасмурный, великая пятница, Анна Александровна была не старательно причесана, блѣдна, устала отъ моленья и домашнихъ хлопотъ. Когда она ушла, Куличовъ переглянулся съ Лизаветой Юрьевной и засмѣялся, ободряемый ея улыбкой.

— Нѣтъ, досадно, сказала молоденькая женщина этому другу дома, — вамъ хорошо, а я должна съ ней вѣхаться...

Аннѣ Александровнѣ случилось плакать въ тотъ день какъ было собраніе, такъ что вечеромъ она была дурна. Она сама назначила двѣ кадрили Куличову, протанцовала ихъ, и никто больше не звалъ ея.

— Куличовъ исполнилъ свой долгъ, сказалъ Сергѣй Александровичъ въ каретѣ, когда вѣхали домой.

Куличовъ съ этого времени рѣшительно разлюбилъ Анну Александровну. Онъ, человѣкъ замѣтный въ обществѣ, танцевалъ съ особой, съ которою не танцевалъ больше никто; онъ этимъ обидѣлся; молодые люди, не знавшіе Анну Александровну, спросили его, кто она; все это показалось ему какъ-то неловко, а единственный выходъ изъ неловкаго положенія — собственная насмѣшка надъ этимъ положеніемъ. Куличовъ первый въ собраніи пошутилъ надъ своею дамой...

Дома, у нея, гдѣ надъ ней шутили всѣ, ему сдѣлалось еще удобнѣе. Куличовъ будто согласился съ Ельниковымъ

и Лизаветой Юрьевной, знавшими „страсть старой дѣвы“, и позволялъ любить себя, покоряясь будто неизбежности, терпѣлъ, снисходительно вынося эту страсть, съ видомъ небольшого, невольно насмѣшливаго состраданія, какъ выносятъ помѣшательство близкихъ людей. Какъ человѣкъ умный, не могъ же онъ притворяться, что не замѣчаетъ этого помѣшательства, когда о немъ всѣ знали. Ему было легко и не скучно: поставивъ себя такъ, онъ сохранялъ себѣ полнѣйшую свободу и могъ сейчасъ жениться на комъ ему угодно, не встрѣтивъ со стороны Ельникова и его жены ни малѣйшаго возраженія за сестру. Между тѣмъ, съ деликатною добротой, основанною все на той же снисходительности къ помѣшательству, онъ принималъ маленькія услуги, единственные доказательства любви *старой дѣвы*, — стараясь только чтобы не очень замѣчали ихъ посторонніе. Впрочемъ, и для постороннихъ, которые замѣтили бы Куличову, что Анна Александровна по немъ страдаетъ, у него былъ всегда готовъ очень удовлетворительный отвѣтъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

Онъ самъ былъ человѣкъ положительный, и, поигравъ въ почтительную любовь съ Анной Александровной, на двадцать четвертомъ году своего возраста, не влюблялся больше, волочился изрѣдка, всегда за замужними женщинами, и, съ вида, больше для препровожденія времени нежели со страстью. Это не мѣшало Лизаветѣ Юрьевнѣ говорить иногда Аннѣ Александровнѣ, среди толковъ о составѣ и нравственности общества:

— Куличовъ очень скрытенъ, онъ вамъ этого не скажетъ, *mais, positivement, il a des maîtresses.*

И Лизавета Юрьевна называла, прибавляя:

— Онъ вѣтренъ; сегодня одна, завтра другая.

Анна Александровна плакала. Ея привязанность была тиха, страсть не возмущала ея; немногіе поцѣлуи были приняты ею со страхомъ, едва ли не съ мученіями совѣсти. Слушая объ этихъ женщинахъ, которыхъ, говорятъ, онъ любитъ, она мучилась зачѣмъ онъ отдаетъ имъ свое чувство, — то, надъ чѣмъ ей хотѣлось одной имѣть неоспоримое право, чѣмъ хотѣлось ей владѣть нераздѣльно. Она казалась и ревнива; ей было больно; она не завидовала страсти, но тосковала о чувствѣ... И эта тоска по чувству дѣлала ее еще печальнѣе; запуганная, она становилась все молчали-

вѣ; волнуясь и стыдясь своего волненія, она была неграціозна... Она дурнѣла. Еслибъ она и увлеклась, и забылась, и захотѣла вызвать страсть въ любимомъ человѣкѣ,—ужь было поздно: Куличовъ привыкъ видѣть въ ней старую влюбленную дѣву,—даже не старшую сестру, не старого товарища...

Такъ продолжалось пять лѣтъ...

Анна Александровна передумала и припомнила все это еще подробнѣе, въ два три часа, которые провела одна, дожидаясь возвращенія своихъ съ бала. Она очень устала и нѣсколько разъ вспомнила, что завтра ей предстоитъ поѣздка, и потому необходимо было бы отдохнуть; но какъ же, они воротятся, а она будетъ спать?

Лизавета Юрьевна и Сергѣй Александровичъ воротились, не захотѣли ни чаю, ни ужина, и пошли почивать. Лизавета Юрьевна гнѣвалась, что въ ея спальнѣ слишкомъ жарко, и какъ не догадались открыть форточки. Анна Александровна ушла къ себѣ, терзаясь совѣстью: какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, она не догадалась открыть форточки? Разъ пересиливъ сонъ, она уже не могла скоро заснуть, а въ семь часовъ надо было встать, распорядиться въ домѣ, одѣться. Ей начало уже казаться, что некогда, что нельзя вѣхать на богомолье. Въ самомъ дѣлѣ, уже десятый часъ, Лизавета Юрьевна еще не просыпалась,—когда же успѣть?

Анна Александровна пошла къ дѣтямъ. Ельниковы держали много прислуги, что не мѣшало, какъ выражался самъ Сергѣй Александровичъ, быть въ домѣ хаосу довременному. Анна Александровна за три комнаты слышала плачь своего любимца, Пети, и лѣтѣла утѣшить его. Каково же было ея огорченіе, когда она увидѣла, что въ утѣшеніи нуждается не Петя, но меньшей братъ его, Юрочка, у котораго Петя съ великимъ азартомъ сломалъ лошадку и сверхъ того, еще побилъ обиженнаго, и самъ разревѣлся!

— Боже мой, что за несчастіе! — вскричала Анна Александровна, сама залившись слезами: — помиритесь, поцѣлуйтесь, приставала она къ дѣтямъ.

— И, матушка, ихъ дѣло дѣтское, и поссорятся и помириятся промежь себя, замѣтила няня, совершенно равнодушная ко всѣмъ несчастіямъ.

— Купить бы сейчасъ другую лошадку... да праздникъ, до обѣдни лавки заперты, говорила Анна Александровна.

Это еще разъ напомнило ей о богомодьи.

— Вѣдь я хотѣла ѣхать сегодня, няня, сказала она:— съ Марьей Петровной.

— Ужь это не знаю, сударыня, какъ вы сдѣлаете; некогда тутъ вовсе безъ васъ; вотъ дѣти, надо и съ ними убраться. Лизавета Юрьевна, вчера, кажется, сказывала гости будутъ обѣдать...

Анна Александровна совсѣмъ растерялась. Дѣти просили, кто чаю, кто завтракать. И еще гости будутъ обѣдать! Юрочка отъ слезъ совсѣмъ одурѣлъ и капризничалъ неимоверно. Петя жаловался то на головку, то на животикъ. Катя была завита въ папильйотки съ вечера, по приказанію маменьки, но Анна Александровна не присмотрѣла за этимъ, и волосы дѣвочки совсѣмъ не завились. Пока ихъ припекали, Анна Александровна, въ постоянномъ страхѣ чтобы ихъ не отожгли, наводила справки, кому говорила Лизавета Юрьевна, что будутъ обѣдать гости.

— Да, вотъ, Сергѣй Александрычъ сами встали, сказала няня.

Анна Александровна наскоро причесала Катю и побѣжала къ брату.

Ельниковъ расхаживалъ въ залѣ, въ форменномъ сюртукѣ, совсѣмъ готовый идти со двора.

— Матушка, чаю! сказалъ онъ, увидя сестру:— вамъ поживать, вамъ праздники, а у людей служба не ждетъ.

— У васъ обѣдаютъ сегодня? спросила Анна Александровна хлопоча у самовара.

— У всѣхъ, я думаю, обѣдаютъ, отвѣчалъ Ельниковъ.

— Нѣтъ... (Она засмѣялась.) Я не то хотѣла сказать. У васъ будутъ гости?

— Будутъ ли, не знаю.

— Какъ не знаете? Мнѣ сказали...

— Вамъ эти гости сказали, что будутъ?

— Нѣтъ, Serge, вы все шутите. Мнѣ няня говорила, что Лиза кому-то сказала...

— Ну, вы пообстоятельнѣе распросите няню.

— Я, право, не знаю, Serge...

— Вы бы такъ и сказали. Обѣщали быть многіе, а будутъ ли, не знаю.

— Такъ надо распорядиться...

— Да-съ; и надо было пораньше встать для этого. А то четверть одиннадцатаго.

Ельниковъ какъ-то особенно величаво и небрежно показалъ ей свои часы, и положивъ ихъ въ карманъ, опять обратился къ чаю. Анна Александровна хотѣла оправдаться, что уже часа три какъ встала, но слова у нея замерли.

— Вы, впрочемъ, не волнуйтесь, продолжалъ Ельниковъ, закуривая папирску на спичкѣ, которую сестра держала передъ нимъ:—Мерсі. Вы не волнуйтесь. Я послалъ за клубнымъ поваромъ и прикажу самъ. Поручать обѣдъ женщинамъ, такъ нечего вѣсть будетъ; вѣдь вы всегда въ эмпиреяхъ.

Анна Александровна припомнила какіе-то блины на масляницѣ, не удавшіеся по ея разсѣянности, или вѣрнѣе, потому что она то утро каталась съ Куличовымъ и забыла все на свѣтѣ. Теперь, въ глазахъ брата, она читала упрекъ за эту далекую, но тѣмъ не меньшую вину. Она не возражала.

— Стало-быть, продолжалъ Ельниковъ, повидимому совсѣмъ забывъ, что торопился на службу и взявъ еще стаканъ чаю:—можете сидѣть за вашимъ туалетомъ хоть до вечерень... Скажите на милость, что это ребята съ утра ревутъ?.. Совѣтую вамъ стянуться въ комариную ножку и ничего не кушать, —это будетъ интереснѣе. Другъ сердца вашего вчера выигралъ; вотъ вамъ радостное извѣстіе... Ну, кого это принесло спозаранку?

Раздался сильнѣйшій звонокъ.

— Измишинъ, доложилъ лакей.

— Кто?.. А, ну его, дурака! проговорилъ Ельниковъ, понижая голосъ:—скажи, дома нѣтъ, въ должности. Пусть въ канцелярію идетъ, тамъ повидаемся.... Еще визиты дѣлаетъ.

— Это вашъ новый чиновникъ? спросила Анна Александровна, подумавъ, что сестрѣ Фанни будетъ непріятно, что братъ не принялъ Измишина.

— Младшій, сверхкомплектный подпомощникъ писаря, отвѣчалъ Ельниковъ:—вы уже имъ интересуетесь? Имѣли наслажденіе его видѣть?

— Да, вчера у тетушки.

— Очень милъ. Жиренъ и глупъ какъ баранъ, и двѣсти душъ у дурака. Партія, если угодно.

— Вотъ что Serge, сказала Анна Александровна, помолчавъ съ минуту и не рѣшаясь: — если въ самомъ дѣлѣ не нужно меня по хозяйству, я бы хотѣла съѣздить сегодня....

— Куда это?

— Это не далеко, Serge, я завтра... такъ, въ половинѣ дня вернусь... я завтра къ вечеру буду непременно дома, къ встрѣчѣ новаго года..

— Куда же это вы собрались?

— Машенька Ружкова здѣсь, Serge.... Мнѣ хотѣлось съ ней. Она ѣдетъ въ Серафимову пустынь.

— О Господи, мой Боже! воскликнулъ Ельниковъ засмѣявшись: — передъ новымъ годомъ покаяніе, что ли, приносить?

— Нѣтъ, Serge... но..

— Ну, я думаю что нѣтъ! Марья-то Петровна каяться будетъ! Она здѣсь? Говорятъ, она въ черную свитку нарядилась? Увижу, непременно посовѣтую ей отъ этого маскарада въ проруби выкупаться,—маскарадъ чистѣйшій... Обидѣлись, Анна Александровна, за вашу пріятельницу? Извините!

— Нѣтъ, Serge... но... Можно мнѣ ѣхать?

— Помилуйте, я не держу васъ, возразилъ онъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ на серьезный и обиженный: — вы намѣрены Богу молиться, — какое же я право имѣю останавливать васъ? Вы совершеннолѣтняя; хотите, поѣзжайте.

Онъ всталъ, двинувъ стулъ, почему-то съ досадой.

— Эй, человѣкъ, человѣкъ! Кто здѣсь есть? Что жь, поваръ изъ клуба не приходилъ? Что это за женщина? Отъ кого женщина? Что тебѣ нужно, матушка?

— Къ Аннѣ Александровнѣ, слышался звонкій дрожащій голосъ Анфисы.

Анна Александровна выбѣжала въ прихожую.

— Къ вамъ записка, сказалъ ей братъ, передавая записку.

— Марья Петровна приказала сказать, говорила Анфиса, повторяя что между тѣмъ читала Анна Александровна: — что какъ вамъ угодно съ ней ѣхать, то сейчасъ пожалуйста; лошади готовы.

— Я не знаю... Serge... Ecoutez un instant, Serge! Est ce que je puis partir?..

— Ахъ, мой Боже, мнѣ-то что? отвѣчалъ Сергѣй Александровичъ, и обратился къ входившему повару.

— Проснулась Лизавета Юрьевна? спросила Анна Александровна.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей.

— Видишь, милая, продолжала Анна Александровна Анфисѣ:—ты поди къ Марьѣ Петровнѣ; если она можетъ меня только полчаса подождать... Мнѣ только спросить Лизавету Юрьевну.

— Ахъ, барышня, да что вы, вѣдь не за тысячу верстъ! возразила Анфиса.

— Ты не знаешь, милая, я вчера не успѣла ее предупредить.

Въ корридорѣ слышался шумъ, стукъ, и затѣмъ дѣтскій визгъ. Петя, желавшій поймать Катю за ея завитые волосы, растянулся на полу, и суматоха вышла неописанная. Ребенокъ не ушибся, но кричалъ, будто умиралъ. Ельниковъ, разсердясь, сулилъ ему розгу, Анна Александровна прижимала его къ сердцу и требовала арники, нянька страдала мамашей; лакей, посланный за припасами, втащилъ въ прихожую два огромные кулька, и въ растворенную дверь сѣней, вмѣстѣ съ клубомъ холода, влѣзали еще ящики и связки, кѣмъ-то несомыя.

— Дѣти простудятся! закричала Анна Александровна.

— Барышня, что жь, изволите ѣхать? вопрошала Анфиса.

— Здравствуйте, Анна Александровна, сказалъ, вдругъ появляясь, Куличовъ.

— Вотъ, другъ, кстати! пособи горю, вскричалъ Ельниковъ:—рѣши нашу участь: благочестіе нашло на насъ, хотѣли мы ѣхать Богу молиться и не знаемъ — смутило насъ наважденіе, искушеніе, и путь намъ претитъ.

— Что такое? спросилъ Куличовъ.

— Да что, такъ, вздоръ, прервалъ Ельниковъ: — поди сюда и взгляни вино; помоги, братецъ. Оставь эти глупости. Ну, хочеть—молится, хочеть—нѣтъ, что тамъ...

Онъ увелъ Куличова.

— Я сейчасъ ѣду, Анфиса, сейчасъ каноръ надѣну, сказала Анна Александровна, вдругъ рѣшившись, какъ, почему? она сама не знала:—пойдемъ ко мнѣ, я сейчасъ буду готова...

IV.

Анна Александровна убѣжала отъ дѣтей черезъ заднее крыльцо, иначе бы ей никогда не удалось выѣхать, и на эту мѣру она рѣшилась только по крайнему настоянію Анфисы. Когда обѣ доѣхали до дома Катерины Федоровны, тамъ уже всѣ проснулись.

— Анночка, вотъ не узнала! сказала Катерина Федоровна, которую она нашла въ прихожей, въ весьма легкомъ утреннемъ дезабилье:—у меня, видишь, весь домъ въ разбродѣ. Силь нѣтъ человѣческихъ, до чего всѣ перебаловались; просто хотъ не жить на свѣтѣ. Ты вообрази только... А у васъ обѣдъ сегодня? мнѣ поваръ сказывалъ... Ты вообрази только....

Катерина Федоровна начала разказывать племянницѣ несчастіе, случившееся у нея вчера, во время карточного вечера, вслѣдствіе чего Катерина Федоровна разсталась съ двумя своими людьми, отправивъ ихъ въ ту же минуту со двора долой. Не было возможности понять въ чемъ дѣло: оно разказывалось прерываемое обращеніемъ къ виноватымъ и ихъ оправданіями, и къ тому же Анна Александровна была слишкомъ отуманена разнообразіемъ впечатлѣній, которыя вынесла въ это утро.

— Ермолай, почему же не присмотрѣлъ? Ермолай! вопрошала Катерина Федоровна.

— Меня, сударыня, дома не было, возразилъ Ермолай.

— Почему дома не было? Какъ отлучаться, какъ смѣть отлучаться?..

— Да, вотъ, сударыня, вамъ Анна Александровна скажутъ: они тогда изволили быть у Марьи Петровны, я по приказанію Марьи Петровны ходилъ въ гостиницу...

— Ты, батюшка, мнѣ тутъ ни Анны Александровны, ни Марьи Петровны не приплетай. Я эти вещи знаю, я давно знаю. Ходилъ онъ въ гостиницу, Анночка?

Анна Александровна стояла еще не раскутавшись отъ капора и шубы; попавъ на очную ставку, она начинала чувствовать себя въ чемъ-то виноватою...

— Машенька точно посылала, тетенька, начала она...

— Барышня просить васъ къ себѣ, прервала, являясь, горничная Федосья Александровны: — пожалуйста сію минуту.

Анна Александровна думала, что надо кончить свой отвѣтъ, но тетенька уже сама занялась допросомъ.

— Пожалуйста, повторила горничная.

Анна Александровна, все въ шубѣ, поспѣшила къ сестрѣ.

Федосья Александровна еще не вставала съ постели. Ея туалетъ, съ его неисчислимыми принадлежностями, былъ впрочемъ весь приготовленъ и занималъ всю комнату, разложенный по стульямъ и диванчику, разставленный по столамъ и этажеркамъ, привѣшенный къ ширмамъ.

— Анночка, вскричала Федосья Александровна, едва слыша шаги сестры: — былъ у васъ сегодня Измишинъ?

— Былъ.

— Ну, что онъ говорилъ? Звали его обѣдать?

— Его не приняли, Фанни.

— Какъ не приняли?

— Лиза еще не проснулась.

— Лиза, твоя Лиза!.. Да вѣдь братецъ твой всталъ? Ты встала? Ты, вотъ, ужъ и со двора уѣхала. Почему же его не приняли?

— Serge торопился, душка...

— Куда? да вѣдь у нихъ обѣдъ? Что же вы это дѣлаете, скажи, сдѣлай милость! Да что онъ такое, братецъ твой, какая важность, что ему всѣ ни по чемъ? Чѣмъ Измишинъ ниже его, что онъ не удостоиваетъ? Тысяча душъ, что ли, у вашего Сергѣя Александровича? Почему онъ не принялъ Измишина?

— Я не знаю, душка.

— Такъ я знаю, душечка! Потому что у насъ знакомъ Измишинъ, а Сергѣю Александровичу не угодно, чтобъ его сестра знала кого-нибудь порядочнаго! Это потому, душечка, что я сама его, братца, не захотѣла знать, не захотѣла на чердакъ у Лизаветы Юрьевны сидѣть. Я шагъ впередъ передъ нею имѣю въ обществѣ, такъ дай сдѣлать мнѣ наперекоръ! Куличова принимаете? что? Повѣсьте себѣ на шею вашего Куличова, Рогачова, всякаго чорта — я эти штуки понимаю... да ужъ помните и вы, что если мнѣ на зло дѣлаютъ, такъ я сама сумѣю сдѣлать! Не беспокойтесь, — я этого не подарю ни Сергѣю Александровичу,

ни Лизаветѣ вашей Юрьевнѣ; ни вамъ! Я думаю, Измишинъ не на обѣдъ вашъ набивался; отъ трехъ сотъ душъ у него есть что поѣсть, а уваженіе сдѣлалъ, пріѣхалъ... Важность какая, видите, правитель губернаторской канцеляріи, велика фигура, братецъ вашъ! Его завтра же, захотятъ, то въ шею вытлкаютъ, вашего брата...

Анна Александровна стояла передъ ея постелью, блѣдная, въ страхѣ, не шевелясь, попрежнему закутанная.

— Послушай, Фанничка...

— Сдѣлай милость, мнѣ фигуръ не выкидывай,—Фанни, Фанничка!—я все это понимаю и знать васъ не хочу; скажи ты отъ меня Сергѣю Александровичу и Лизаветѣ Юрьевнѣ...

— Анночка, ѣдешь ли ты или нѣтъ? А то такъ я одна уѣду, сказала въ дверяхъ Марья Петровна.

— Я, Фанни, тебѣ послѣ объясню... сказала Анна Александровна.

— Избавьте вы меня отъ объясненій! вскричала Федосья Александровна:—ни васъ мнѣ, ни объясненій вашихъ не нужно, оставьте вы меня въ покоѣ...

— Прощай, Фанни...

— Ступайте себѣ, молитесь! Фарисейки вы, ничего больше...

Анна Александровна вышла, напутствуемая этимъ благословеніемъ.

— Да иди же, кричала ей Марья Петровна, изъ корридора.

Анна Александровна не опомнясь, очутилась на крыльцѣ. Подъ мерзлымъ сѣрымъ туманомъ мелькала кибитка, лошади, узлы, подушки, и звенѣлъ голосъ Анфисы.

— Ты помѣстишься ли въ своихъ юбкахъ? спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ. Машенька, я... начала Анна Александровна, и не договорила, но машинально пошла садиться.

Марья Петровна взлѣзла, поддерживаемая Анфисой и кучеромъ, который для этого сошелъ съ козелъ. Вообще, въ ея восхожденіи было что-то старчески-барское. Еслибъ Анна Александровна видѣла что-нибудь, она бы, конечно, замѣтила, что лицо ея пріятельницы было не обрамлено, но обтянуто плотно, безъ признака волосъ, бѣлымъ чепчикомъ, завязаннымъ такъ туго, что покраснѣла борода: сверхъ чепчика, сѣрая косынка пушистымъ валикомъ глядѣла

изъ-подъ чернаго небольшого, туго выстеганнаго и также туго завязаннаго капора, фасономъ похожаго на монастырскую наметку. Сверхъ капора былъ черный вуаль, вышитый. Когда Марья Петровна спустила его на лицо, черные цвѣточки припались у нея на концы носа; это было даже очень забавно, но никто не улыбнулся. Анфиса къ этому привыкла, Анна Александровна было не до того. Марья Петровна, усѣвшись, крестилась и шептала молитву.

— Какъ это ты, наконецъ, выбралась? спросила она пріятельницу, когда выѣхали изъ воротъ.

Анна Александровна начала-было разказывать всѣ затрудненія этого утра, но говорить было холодно и пріятельница не слушала.

— Устала я за обѣдней, сказала она: — съ молебномъ еще; сегодня архіерей В—скій именинникъ, а здѣшній вашъ съ нимъ друженъ, такъ о здравіи самъ служилъ. И пѣли, другъ. Отлично поютъ у васъ. Надо мнѣ узнать какъ зовутъ „октаву“—такой черныи, высокій. Ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчала Анна Александровна: — я никого тамъ, въ соборѣ, не знаю, прибавила она, и спросила въ видѣ оправданія: — А тотъ, былъ?

— Еще бы! Да нѣтъ, я сердита на него. Я ему этого не пропущу. Поклонились мы съ нимъ, я подошла; только было начали говорить, — вдругъ какой-то толстый приказный, что ли, или купецъ подвернулся, а онъ точно обрадовался и улетѣлъ съ нимъ...

— Это жаль, Машенька.

— Ну, пора эти вздоры бросить; онъ мнѣ ужъ надоѣлъ. Да и время не такое... Право, поздно мы выѣхали, первый часъ, туда къ шести не пріѣдемъ, пятьдесятъ верстъ... Я ворочусь, еще погощу у твоей тетушки; праздники; говорятъ, архіерей почти всякій день будетъ служить... Какое у него, другъ, лицо постное; я къ нему, знаешь, большую вѣру имѣю; тихенькій, тихенькій такой старичокъ... Досадно, не узнала я, какъ этого октаву зовутъ, не успѣла: какъ увидѣла своего объектъ, такъ все изъ ума вонъ. А онъ еще кланялся съ тѣмъ, съ октавой; тутъ бы насъ и познакомилъ.

Анна Александровна молчала. Она сжалась въ подушкахъ, прислонивъ голову къ стѣнкѣ кибитки, и глядѣла на снѣгъ.

День был сумрачный, поля не блестѣли; мѣховая полость кибитки ошетилилась отъ мороза, заиндевѣла, и для прищуреннаго глаза казалась безконечнымъ кустарникомъ, тянувшимся по краю дороги. Все было гладко кругомъ, тихо и пусто. Печальный просторъ наводитъ на раздумье; у Анны Александровны раздумье вызывало слезы на глаза. Богъ знаетъ что не припомнилось ей, то понемногу, настойчиво, подробно, то какъ-то вдругъ, разомъ, отрывочно и больно; Богъ знаетъ откуда, изъ какой дали вставали годы дѣтства, съ мелочами, которыхъ, казалось, и помнить было невозможно,—холодъ большой деревенской залы, гдѣ, бывало, въ сумерки, прильнувъ къ окнамъ, она разсматривала морозные цвѣты, и дивилась какъ хорошо они нарисованы... Почему эти сумерки и эта зала вспомнились теперь, съ чувствомъ тогда несознаваемого одиночества? Она вспомнила, какъ боялась, что войдутъ, увидятъ, побранятъ ее... за что? Передъ ней исчезали лица наводившія на нее этотъ страхъ, но она помнила, что эти лица были, и страхъ этотъ былъ, и теперь смѣшивались во что-то общее, отъ чего ей, маленькой дѣвчкѣ, хотѣлось уйдти или спрятаться. Куда уйдти?..

Ей въ жизни часто хотѣлось куда-нибудь уйдти. Разбирая, всегда выходило, что некуда. И потомъ, какъ это сдѣлать? Разотаться съ тѣми, съ кѣмъ она жила, съ своими старшими? Что скажутъ? Какъ жить—неужели одной и гдѣ же? Конечно, она существо ненужное, но можетъ-быть она и нужна на что-нибудь; можетъ-быть, разлука съ нею огорчитъ кого-нибудь... И какъ же это? совершенное одиночество? Вѣдь разставшись съ близкими, она не можетъ привязаться къ постороннимъ; своихъ нѣтъ, такъ ужъ никого не надо. Вырвать изъ сердца привязанность, другая на ея мѣстѣ не вырастетъ. И какъ это больно! Они не чувствуютъ, не понимаютъ какъ это можетъ-быть больно, сказать, что, вотъ, я васъ всѣхъ оставляю, я хочу быть одна...

А покойно одной! Тихо; все утро занята чѣмъ вздумается, тихо за работой. Часы идутъ; часъ обѣда, отдыхъ, опять работа, книжка; тамъ и вечеръ. Свѣчки тихо мерцаютъ въ тихой комнатѣ; заработать за полночь, помолиться, поблагодарить Бога и заснуть...

Но для кого же работать, о чемъ молиться, за что благо-

дарить Бога? Что видѣть во снѣ, когда на яву могила, ни милаго голоса, ни милаго взгляда, ни ласки...

Но развѣ теперь есть что-нибудь? развѣ теперь, не все равно, могила? Все умерло, своя жизнь никому ненужна, никто не любитъ, никто...

— Анночка, ты спишь? спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ... да, душка, дремлю...

— Ты, никакъ, плачешь?

— Нѣтъ, душка. О чемъ же?

— Кто же тебя знаетъ? Я забыла тебѣ сказать; вѣдь я *твоего* сегодня видѣла.

— Кого?

— Да твоего, ну, какъ его, Eugène. Ты его какъ называешь, когда вы одни?

— Евгеній Андреичъ.

— Что ты? Неужели такъ церемонитесь? Я его видѣла въ соборѣ; онъ отъ меня въ двухъ шагахъ стоялъ и не поклонился, не узналъ, что ли. Твой *objet*, другъ, скотина, ну, да все равно, я не въ претензіи. Я на *своего* больше смотрѣла... Ахъ, идола мерзкій, и этотъ приказничиска, мальчишка, и тотъ мнѣ измѣняетъ! Погоди же... Да, кстати: *твой* тебѣ тоже измѣняетъ; держи ухо востро, другъ. Онъ, твой, все вокругъ какой-то барыни увивался, высокая такая, въ соболяхъ, перо бѣлое длиннѣйшее, наруганная... Не знаешь, кто?

— Не знаю, отвѣчала Анна Александровна.

— Никого, ты, другъ, не знаешь, и о себѣ даже не заботишься... Ахъ, Боже мой, тихо мы ѣдемъ, не застанемъ всенощной!.. Лаврентій!.. Анфиса, скажи ему чтобы трогалъ лошадей.

Анфиса, съ просонокъ, приподнялась, и толкнувъ Лаврентія, передала приказаніе. Лошади побѣжали, Марья Петровна закинулась шубой и улеглась спать. Анна Александровна опять устремила глаза на дорогу. Она все думала, думала; къ горькимъ собственнымъ воспоминаніямъ стало, вдругъ, несвязно, примѣшиваться постороннее, читанное, слышанное; мелькали лица знакомыхъ, даже такихъ, къ которымъ она была совсѣмъ равнодушна, ихъ отношенія между собой, ихъ наряды, городскіе слухи, старыя сплетни; вдругъ среди этого, вовсе неожиданно, но явственно до послѣдней ноты, раздалась музыка галопида, играннаго когда-то, гдѣ-

то, и за нею въ памяти всплылъ весь балъ, и пикировка предводительши съ губернаторшей, которая тогда случилась... Эта пикировка тогда взволновала весь городъ. Анна Александровна вспомнила, что и она чего-то боялась вмѣстѣ съ другими. Тогда... Этому пятнадцать лѣтъ!.. Объ этомъ нынче говорятъ уже: „времена древнія“. А какъ они памятливы, годы первыхъ выѣздовъ!..

Анна Александровна улыбалась; передъ ея закрытыми глазами пролетали люстры и свѣчи, голубой креплъ, бѣлыя маргаритки, серебряный кованый эполетъ, который сверкаетъ въ глаза, между тѣмъ какъ сильная рука обхватываетъ и сжимаетъ талию... А этому пятнадцать лѣтъ! такъ давно! она уже стара, она подурнѣла, она не замужемъ...

Въ тихомъ полѣ, гдѣ-то далеко, раздался колоколъ. Анна Александровна встрепелась.

— Пріѣхали? спросила она Лаврентія.

Марья Петровна и Анфиса спали.

— Нѣтъ, это, вотъ тамъ, должно-быть, звонятъ, отвѣчалъ Лаврентій, показывая въ сторону:—тамъ село. Попъ, должно-быть, вздумалъ вечерню служить, Бога вспомнилъ. Завтра вѣдь году послѣдній денекъ; еще кто доживетъ до другаго... Намъ тоже не далече осталось, уже больше половины проѣхали. Да доѣдемъ. Сорокъ три версты; это мы всегда въ одну упряжку дѣлаемъ.

Анна Александровна уже не слушала. Она тихонько крестилась, и слезы, вызванныя вдругъ и чувствомъ и нервами, покатились по ея лицу...

„Бога вспомнилъ!“ Послѣдній день года! Господи, а она, грѣшница, ѣдетъ въ святое мѣсто молиться и вспоминаетъ такую суету! Господи, годъ прошелъ, и много ихъ прошло... о, не дай чтобъ еще ихъ много было! На что ихъ, на что... Ну, дѣти испугаются, когда тетю Анну на столѣ увидятъ... Петя, миленькій мой, испугается; онъ такой нервный ребенокъ... А больше кто?.. Войдетъ... и не перекрестится! Ему въ цѣрковь развѣ за барынями бѣгать...

Анна Александровна зарыдала.

А когда никому не жаль если умру, на что же жить?.. Куда бы нибудь уйти! Господи, возьми куда-нибудь!..

V.

Темнота и метель застали путешественницъ къ концу дороги. Марья Петровна взволновалась, когда, проснувшись отъ остановки, увидѣла, что Лаврентій управляетъ лошадѣй.

— Скажи, ради Бога, сказала она,—когда же мы доѣдемъ? Вотъ, ты увидишь, я не успѣю ко всенощной. Пойми ты это, я по обѣщанію...

— Доѣдемъ-съ, отвѣчалъ Лаврентій, и вспрыгнувъ на облучокъ, погналъ лошадей.

— Тутъ еще горы, да буераки, говорила Марья Петровна:—вывалимся, только хорошаго и будетъ.

— Нѣтъ, Машенька, будь покойна, возражала Анна Александровна:—будь покойна, душка; ничего не можетъ случиться.

Она притворялась храброй, хотя при одномъ словѣ о горахъ и буеракахъ у нея сердце упало.

— Все можетъ случиться, возразила Марья Петровна,—бѣглыхъ тутъ знаешь сколько? Оберутъ, да еще убьютъ.

Анна Александровна стосковалась; ей стало ужасно жаль чего то,—не себя; такъ грустно. Ей казалось, что метель, сквозь которую едва видѣлось сумрачное поле, уже заноситъ ея могилу; мелкій ельникъ, который началъ попадаться по дорогѣ, торчалъ точно кресты изъ сугробовъ; большое дерево изрѣдка вставало между нимъ, точно человѣкъ поднималъ руку къ небу, кричить о помощи...

— Ничего не будетъ, Машенька, ты трусиха, говорила Анна Александровна, чувствуя, что у нея дрожали губы: знаешь, былъ пресмѣшной случай съ одною моею знакомой; она ѣхала... и еще рѣшилась, ѣхала одна, съ ямщикомъ... только вдругъ...

Анна Александровна разказывала свой смѣшной случай, пока Марья Петровна не прервала ея.

— Я, другъ мой, ничего не слышу, хоть ты что хочешь разказывай. И душа у меня не на мѣстѣ, и не прїѣду я вовремя, ничего не успѣю сдѣлать и принуждена буду еще другую ночь ночевать тамъ, въ гостиницѣ.

— Почему же, дунка?

— Да вѣдь три молебна я обѣщала: за всенощной сего дня, да завтра за раннею и за позднею обѣдней. Ко всенощной не успѣю, надо будетъ остаться завтра до вечерни, — такъ когда же выѣзжать оттуда въ темноту?

— Но вѣдь ты можешь отслужить три молебна и завтра утромъ?

— Я сказала, что обѣщалась въ три разныя службы; обѣщалась я такъ, такъ и сдѣлаю...

Анна Александровна замолчала, сконфузясь: пріятельница объяснялась уже сердито. Анна Александровна сконфузилась еще больше, разчитывая, что если она ночуетъ въ гостиницѣ двѣ ночи, то она никакъ не поспѣетъ домой, такъ чтобы можно было распорядиться и туалетомъ, и по хозяйству къ встрѣчѣ новаго года. Анна Александровна принялась молчать, между тѣмъ какъ Марья Петровна выговаривала Анфису:

— Анфиса, ты, кажется, въ ночь пошла, все спишь? Поднимись, сдѣлай милость, мнѣ плечо больно, ты на меня разлеглась.

Обѣ пріятельницы были въ непріятномъ расположеніи духа и обѣ задремали, когда Анну Александровну разбудило восклицаніе Марьи Петровны:

— Батюшки, что это?

Они были въ совершенныхъ потемкахъ: кибитка въѣзжала подъ сводъ толстой монастырской стѣны; разбитый колоколъ дребезжалъ и звякалъ, не печально, а будто просилъ чего-то.

— Вотъ-съ и ковсенощной не опоздали, отозвался изъ тьмы Лаврентій, все время хранившій молчаніе человека несправедливо оскорбленнаго.

— Гдѣ же гостиница? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь была, ее перевели въ другое мѣсто, говорила Марья Петровна: —спросить бы, гдѣ гостиница?

Лаврентій, привставъ, осматривался кругомъ. Маленькая черная фигурка, съ фонаремъ въ рукѣ, бѣжала по двору мелкими шажками, бокомъ, глядя на пріѣзжихъ. Анфиса окликнула;

— Послушайте... батюшка!.. или кто вы такіе... гдѣ тутъ пристать?

Человѣкъ, видимо обрадовавшись, что его позвали, бѣжалъ къ кибиткѣ, на пути снимая свой маленькій клобучокъ и кланяясь.

— Ахъ, да еще человѣкъ знакомый! вскричала Марья Петровна, вдругъ оживясь и смѣясь:—здравствуйте, милый мой, здравствуйте! Вотъ и я къ вамъ Богу молиться...

— Кто это, Машенька? спросила Анна Александровна.

— Это служба отца Павла, отвѣчала Марья Петровна, радостно сжимая ей руку:—это... ты увидишь. Зовутъ его Иона Клокатый. Его такъ прозвали. Онъ былъ въ горячкѣ, волосы выросли всѣ вихрами... Здравствуйте, милѣйшій, какъ поживаете?

— Слава Богу-съ; вашими молитвами.

— Гдѣ ужъ нашими! Мы вашими молитвами спасаемся. Что вашъ отецъ Павелъ? Какъ его здравіе драгоценное?

— Все больше лежитъ-съ. Очень слабы стали.

— Ахъ, голубчикъ мой! сказала протяжно Марья Петровна, прервавъ свой смѣхъ:—какая жалость! Вотъ святой человѣкъ. Имъ однимъ вся ваша обитель спасается, договорила она, опять улыбнувшись.

— Это точно, правда-съ, отвѣчалъ служба.

— Что правда?

— Что имъ обитель... сказано: праведникомъ единымъ...

— Охъ, вы!.. прервала Марья Петровна, смѣясь и грозя пальцемъ. — Что же вы меня морозите? продолжала она:—Куда вы дѣвали вашу гостиницу? Прежде она была тутъ, прямо у воротъ.

— Нѣтъ-съ; нынѣ она дальше. Вы извольте изъ воротъ выѣхать назадъ, да налѣво, по оградѣ.

— Это кто жъ перемѣстилъ? новый вашъ?

— Да-съ; отецъ Наркисъ устроилъ.

— Ну-съ, это очень хорошо. Повзжай, Лаврентій. Вы приходите ко мнѣ, какъ васъ, милѣйшій... отецъ Иона.

— Еще не отецъ-съ.

— Да вѣдь вы только...

— Въ рясофорѣ только-съ.

Лаврентій давно трогалъ лошадей и хотѣлъ обернуть назадъ кибитку. Служка мѣшалъ ему, перебѣгая кругомъ съ фонаремъ.

— Вотъ, Анночка, начала-было Марья Петровна, и вы-

сунулась опять: — послушайте, послушайте! Всенощная у васъ какъ? долго?

— Да-съ; долѣе прежняго. Сегодня самъ служить; стихиры на оба клира поютъ.

— А отецъ Іакинѣвъ служить?

— Нѣтъ-съ; отецъ Іакинѣвъ сегодня не служить, отвѣчалъ служба, и весело показавъ всѣ свои зубы.

— Что же онъ у васъ сегодня дѣлаетъ?

— Поетъ-съ. На правомъ клиросѣ втораго баса поетъ. Первый басъ у насъ отецъ Аполлинарій, да онъ сегодня не здоровъ, такъ отецъ Іакинѣвъ первымъ... будетъ стоять, изволите знать, къ рѣшеткѣ...

Лаврентій стегнулъ лошадей и заставилъ отскочить службу, выкатилъ свою тройку опять подъ темныя ворота. Чрезъ минуту они были у крыльца гостиницы.

Работникъ отворилъ дверь и свѣтилъ; Марья Петровна взбиралась по досчатымъ ступенямъ, придѣланнымъ къ каменному строенію; Анфиса поддерживала барыню, и вводя ее, бросилась къ Аннѣ Александровнѣ. Та едва могла освободиться отъ набросанныхъ вокругъ нея подушекъ и покрывшекъ, и едва ступала усталая, отъ шестичасоваго сидѣнья. Когда она вошла въ комнату, ей казалось, что полъ шатается. Въ низенькой комнатѣ, съ толстыми стѣнами и безобразными маленькими окнами, было душно и сыро. Холодъ, который внесли съ собою прїѣзжія, стоялъ паромъ. Марья Петровна не замѣчала этого, распутываясь, а Анфиса проворно доставала изъ чемодана что было приготовлено для перваго вечерняго туалета барышни. Анна Александровна присѣла на диванъ; онъ былъ изъ бѣлаго дерева, обитъ черною кожей, и передъ нимъ стоялъ неуклюжій столъ, покрытый цвѣтною бумажною скатертью. Четыре кожаные стула размѣщались около стѣнъ, въ отдаленіи. Большіе бѣлые часы шелкали въ углу; въ другомъ углу, предъ образомъ въ кіотѣ, горѣла лампада. По стѣнамъ, высоко висѣли блѣдныя литографіи новѣйшей работы, — изображеніе крестнаго хода и другаго священнаго событія, — портреты одного схимника, одного странника, и мѣстнаго архіерея.

Анна Александровна смотрѣла на все это, ничего не видя отъ усталости; Марья Петровна уже одѣвалась, чтобъ идти въ церковь.

— Анночка, ты развѣ не идешь? спросила она, завязывая узелъ бѣлаго батистаго чепчика, похожаго на траурный, безъ шитья, съ огромною оборкой.

— Нѣтъ, я сейчасъ, отвѣчала Анна Александровна и заторопилась.

Ей стало совѣстно. Она подумала, что Машенька устала столько же, и съ ея слабымъ здоровьемъ, не жалуется, готова молиться, не ропщетъ. И Машенька еще постилась цѣлый день!..

Анна Александровна забывала, что и она постилась тоже, для компаніи, хотя и не давала общанія. Марья Петровна, выходя, приказывала Анфисѣ распорядиться чтобы былъ чай и ужинъ.

— У нихъ тутъ садки, вели изъ садка рыбу взять свѣжую, и соленую посмотри; если хороша у нихъ, то вели подать.

Онѣ отправились вдвоемъ, по узенькой дорожкѣ, протоптанной вдоль стѣны. Марья Петровна шла впереди и очень скоро; Анна Александровна едва успѣвала за ней. Тонкая метель вилась какъ дымъ по верхушкамъ сугробовъ; небо чуть-чуть темнѣло надъ бѣлымъ полемъ; монастырскій звонарь съ особеннымъ увлеченіемъ отыгралъ послѣднюю трель, всѣми колоколами, большими и маленькими, и дернулъ въ заключеніе такую звонкую, сухую ноту, что она точно вскрикнула и тоже замолкла. Анна Александровна перекрестилась.

— Ужъ начали! вскричала Марья Петровна, исчезая въ темнотѣ, подъ воротами.

Аннѣ Александровнѣ пришлось, просто, бѣжать, чтобы нагнать пріятельницу, хотя на паперти, но и тутъ это было только на мгновеніе. Войдя въ церковь среди пѣнія, огней, тѣсноты — богомольцевъ было много — Анна Александровна не могла осмотрѣться. Она еще подумала, какъ бы стать подлѣ Марьи Петровны, но ея уже не было. Анна Александровна услышала невдалекѣ ея голосъ. Марья Петровна размѣнивала деньги у ящика и разказывала отцу Іереміи, какъ она спѣшила доѣхать и какъ провела дѣто въ деревнѣ. Отецъ Іеремія отбиралъ для нея свѣчи, повторяя: — „Позвольте, подождите“, другимъ покупщикамъ, которые нецеремонно прерывали его бесѣду съ давно-невидавною знакомой.

— Вѣдь какъ лѣзутъ, бѣда, съ ногъ сшибаютъ, заключилъ онъ, передавая ей горсть мелкаго серебра, — извольте, вамъ все новенькія; постарался.

— Еще бы для меня не постараться! отвѣчала Марья Петровна.

— Свѣчи велите поставить? Куда да куда?

— Нѣтъ, я сама; вотъ эту только возьмите, насъ туда не пускаютъ. Да вы мнѣ все золотыхъ съ узоромъ надавали.

— Какъ же, какъ же, для васъ!..

Анна Александровна пріютилась около дверей между крестьянками; онѣ сложили въ уголѣ свои кошели, одна качивала груднаго ребенка; тѣ, у которыхъ руки были свободны, молились съ долгими земными поклонами. Анна Александровна сторонилась сначала; ей было тѣсно и неловко въ своемъ длинномъ платьѣ и пышной шубѣ между этими бѣлыми шушунами и полушубками, а сосѣдка не умѣла стоять тихо и отъ частыхъ крестовъ въ маленькой толпѣ было безпрестанное волненіе. Ни одна не обижалась, однако, когда ее задѣвали, какъ случается съ городскими молемицами; напротивъ, когда порядочно растолкавъ кругомъ себя, которая-нибудь обращалась съ поклономъ на обѣ стороны, — ей отвѣчали такими же безмолвными и степенными поклонами. Анна Александровна подумала, какъ хорошъ этотъ обычай — просить молитвы у предстоящихъ — и сама начала усердно кланяться, когда кланялись въ ея сторону. Одна старуха вздыхала и громко повторяла пѣтыя молитвы; это привело Анну Александровну въ восторженное настроеніе; она вдругъ не могла удержаться отъ слезъ, забыла что кругомъ натоптано мокрыми лаптями, стала на колѣни и уже ничего не помнила. Ей было хорошо, болѣзненно и вмѣстѣ отрадно хорошо; огни сверкали и дробились въ ея глазахъ, душа уходила Богъ знаетъ куда; ей хотѣлось бы такъ остаться на всю жизнь; или, вдругъ, въ этомъ состояніи, перейти въ другую жизнь, ей казалось, что она ужъ перешла въ нее.

— Посторонитесь, матушка, сказала ей старуха.

Надъ толпой двигались высокія свѣчи, между раздавшимися рядами катились клубы ладона; священникъ и діаконъ обходили и кадили церковь. Передъ Анной Александровной, едва успѣвшей подняться, мелькнули золотыя ризы, ши-

рокія черныя покрывала, и затѣмъ еще сильнѣе затѣснили ее усердные поклоны сосѣдокъ. Она не чувствовала тѣсноты, ей стало еще лучше отъ этого вдругъ скользнувшего свѣта и дыма; вдали, съ клиросовъ, пѣлось протяжно, трогательно, точно съ неба.

— Огни-то цвѣтныя! сказала рядомъ крестьянка

Анна Александровна не замѣтила, что отецъ Іеремія и его помощникъ давно хлопотали, и къ полицею зажгли всѣ цвѣтныя шкалики и лампы. Она оглянулась на пестрые огоньки, она видѣла въ нихъ миллионы звѣздъ, миллионы міровъ...

Вокругъ нея стало что-то просторно. Крестьянки шли, проталкиваясь впередъ, прикладываясь къ образу; та, у которой былъ ребенокъ, не знала что съ нимъ дѣлать; онъ уцѣпился за нее, когда она вздумала положить его въ уголъ, на кошело; онъ закричалъ что было голосу.

— Ну, вы, съ ребятами! замѣтилъ, проходя, отецъ Іеремія.

— Господи Владыко, приложиться не дастъ! говорила бѣдная мать, оглядываясь, — кому бы отдать его.

— Дайте, я подержу; у меня не будетъ плакать, сказала Анна Александровна.

Крестьянка оглянулась на нее, и не говоря ни слова, передала ей на руки маленькое существо завернутое въ тряпки и посинѣвшее отъ готовности реветъ. Анна Александровна предупредила этотъ порывъ, вынувъ золотую цѣпочку своихъ часовъ и вертя ее передъ стиснутыми злобными кулачками. Кулачки разжались, схватили цѣпочку, потащили ее въ ротъ, и ожидаемый крикъ превратился въ радостное сопѣнье и болтанье ножками, отчего Анна Александровна пришла въ восторгъ и принуждена была присѣсть на кошело, цѣлуя безволосую головку и находя, что это не дитя, а ангелъ.

— Любите, видно, сударыня, младенцевъ? раздался подлѣ нея тонкій голосъ сопровождаемый тонкимъ осторожнымъ звономъ.

Передъ Анной Александровной стояла монахиня, съ книжкой въ рукѣ: на книжкѣ лежали двѣ четверть-копѣйки, а на пальцѣ, подъ книжкой, былъ надѣтъ кошелекъ съ колокольчикомъ, звенѣвшій отъ движенія, вошедшаго въ привычку.

— Изъ Новосрѣтенской обители, на построение церков-

ное усердіе не будетъ ли ваше? Благоволите, милостивая государыня; милосердый Господь и Мать Пресвятая...

Анна Александровна не дала ей окончить, и кое-какъ поддерживая ребенка, отыскала свой портмоне въ карманѣ.

— Награди васъ Господь и Его Мать Пресвятая, продолжала монахиня, опуская въ кошелекъ ассигнацію.— По усердію вашему, на поклоненіи здѣсь, сударыня?

— Да, отвѣчала Анна Александровна.

— Съ супругомъ вашимъ, сударыня?

— Я не замужемъ.

— Благое дѣло, сударыня, истинно благое, въ чистотѣ себя сохранить. И въ Писаніи есть, сударыня,—„женувыйся печется о мірскихъ...“ Съ родственниками какими здѣсь сударыня?

— Да-съ. Съ моею родственницей...

— На подворьи изволили остановиться?

На клиросѣ запѣли новый стихъ канона. Анна Александровна перекрестилась, взглянувъ на заснувшего ребенка.

— „Ты моя крѣпость, Господи!“ повторила монахиня, крестясь тоже.— Я вамъ, сударыня, скажу, не взыщите: взяли вы эту обузу на руки; сидѣть-то бы и не приходится. Канонъ—это не сѣдальное; тутъ отъ мала до велика, даже немощные самые, и тѣ не садятся. Во всеобщемъ бдѣніи самое важное—канонъ... Родственницы вашей какъ по себѣ, фамилія?

— Фамилія?... Ружкова.

— А по имени какъ ихъ звать?

— Марья Петровна.

— Въ супружествѣ, или вдовствуетъ?

— Нѣтъ, она тоже не замужемъ.

— Въ лѣтахъ, должна быть?... И состояніе у нихъ?

— Да-съ; у нея есть состояніе,

— Это не онѣ ли, я видѣла, проходили, въ траурномъ платьѣ? бѣлокурая?

— Можетъ-быть... да, она.

— Сурово смотритъ такъ. Должно быть, характеръ имѣетъ.

— Нѣтъ-съ; она не сурова.

— Такъ, можетъ недостатки какіе, огорчается?

— Да-съ... Такъ, заботится.

— Нынче, матушка, вѣкъ такой всѣмъ насталь заботиться. Только вотъ, мы, по милости Отца Небеснаго; доля

наша и легче вашей выходить. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, у кого и есть состояніе, тотъ отъ него плачетъ; а намъ, если и слезы, то о грѣхахъ нашихъ только. Въ обители къ скудости всякой привыкаемъ, суетой не смущаемся... Вы въ нашихъ странахъ бывали ли когда, сударыня?

— Нѣтъ... Гдѣ же это? спросила Анна Александровна, оглядываясь.

Она развлеклась отъ молитвы, разговаривать ей казалось неловко, а какъ прервать это, она не знала.

— „Хвалимъ, благословимъ...“ повторила монахиня, между тѣмъ какъ Анна Александровна крестилась. — Вотъ ужъ канонъ кончаютъ, заторопились какъ!.. Въ нашей обители, сударыня, извольте побывать, если хотите только видѣть, что такое обитель. Строгость у насъ,—о, строгость большая! Мать Евфимія, матушка наша, эта денно и нощно на молитвѣ. Какъ ужъ Господь ее укрѣпляетъ! И тишина кругомъ, спокойствіе. Въ трудахъ всѣ, поочередно. Которыя благородныя, тѣхъ матушка уволитъ, тѣ по своимъ кельямъ; а то шьютъ у насъ золотомъ и шелками, и такъ разныя работы, все сообща. Сидятъ всѣ, и рясофорныя, и которыя въ постриженіи, вмѣстѣ работаютъ.

— Это очень пріятно... сказала Анна Александровна.

— И вовсе пріятно, сударыня, подтвердила монахиня:— а ужъ для души и говорить нечего. Ни пустословія, ни модъ никакихъ. Врагъ приступитъ, да такъ и отойдетъ, нечего ему взять... Господи, прости наше согрѣшеніе!

Она разсмѣялась, и въ эту минуту показалась Аннѣ Александровнѣ очень милою женщиной. Аннѣ Александровнѣ захотѣлось спросить ее про обитель, но толпа сильно зашевелилась. Крестьянки возвращались на свое мѣсто, мать уже искала своего ребенка на полу.

— Вотъ онъ, сказала тихо Анна Александровна.

— И, спасибо, кормилица, отвѣчала она, радостно хватая его на руки:—дай тебѣ Богъ добраго здоровья.

— А ты, въ другой разъ натащи ихъ десятокъ, сказала ей монахиня:—такъ у тебя ихъ благородныя дамы и разберутъ по рукамъ. Стояли бы сами съ ними и няньчились, а то туда же, впередъ, лѣзете...

— Позвольте... сказалъ ей, проходя, господинъ въ огромной шубѣ.

— Господи помилуй, а этотъ совсѣмъ съ ногъ валить!

Помнили бы, гдѣ вы, въ храмѣ-то, толкаться! Еще на томъ свѣтѣ неизвѣстно кто впереди будетъ...

Господинъ не слушалъ и прошелъ. Въ суматохѣ, Анна Александровна увидѣла вдали Марью Петровну; она проходила отъ одного клироса къ другому, въ хлопотахъ.

— Вѣроятно, заказываетъ молебенъ, подумала Анна Александровна, соображая, что ей должно присоединиться къ пріятельницѣ во время этого молебна.

— Вамъ куда же? спросила монахиня, замѣтя ея движеніе:—вонъ, всѣ отъ конца бѣгутъ. Господи, Создателю! ужь этого достоять не могутъ, это моленье называется!.. Вамъ куда же?

— Вотъ, моя родственница, объясняла ей Анна Александровна:—она будетъ служить молебенъ...

— Дайте имъ, сударыня, разойдись; видите свалка какая. Я васъ, пожалуй, проведу.

Пользуясь движеніемъ толпы. Анна Александровна прошла впередъ. За нею слышался тоненькій звонъ; ея новая знакомая не отставала отъ нея.

Всенощная кончилась; свѣчи были погашены, братія еще не расходилась, ожидая выхода настоятеля. Служка вынесъ изъ алтаря зажженный фонарь и ушелъ къ выходу; за нимъ прошелъ скоро и твердо, не оглядываясь, высокій, еще молодой монахъ, закутанный въ бѣличью шубу, слегка стуча въ плиты высокою палкой. На пути ему кланялись; онъ отвѣчалъ на поклоны и благословилъ двухъ подошедшихъ старухъ, не поднимая глазъ.

— Это вашъ *новый*? спросила Марья Петровна черноглазаго и черноволосаго монаха праваго клироса.

— Это.

— Клобукъ надвинулъ, противный какой! смиренничаетъ!

Марья Петровна засмѣялась. Отецъ Іакинѣъ улыбнулся, и осторожно, не шевелясь, обвелъ кругомъ глазами.

— Прижали васъ?.. Что?

Отецъ Іакинѣъ не отвѣчалъ. Марья Петровна притихла.

— А я вѣдь васъ хочу просить, сказала она:—мнѣ молебенъ, отецъ Іакинѣъ.

— Что вамъ вздумалось поздно такъ? Скоро десять, возразилъ онъ: — довольно подвизались. Или еще не устали?

— Нѣтъ, я здѣсь у васъ никогда молиться не устаю. Ужь для меня и вы потрудитесь.

— Извольте, извольте.

— Да ужь, знаете, чтобы пѣлъ кто-нибудь. Вотъ, ваши всѣ разошлись.

Отецъ Іакинѣъ кликнулъ служку Іону, и на клиросѣ собралось нѣсколько человекъ. Молебень слушали только Марья Петровна, Анна Александровна, монахиня и двѣ-три темныя фигуры крестьянъ и нищихъ богомольцевъ у входа.

— Пробудете еще у насъ? спросилъ отецъ Іакинѣъ, давъ ей поцѣловать крестъ.

— Какже, завтра, непременно. Васъ жду къ себѣ.

— Завтра ужь, послѣ поздней обѣдни, какъ кончится...

— Да, да.

Отецъ Іакинѣъ ушелъ въ алтарь. Служки и причетъ бродили вокругъ Марьи Петровны, которая еще клала поклоны. Кончивъ, она расплатилась съ ними.

— Пойдемъ, Анночка, сказала она, поднимая съ колѣнъ Анну Александровну.

— На построение храма, въ Новосрѣтенскую обитель, заговорила монахиня, звеня колокольчикомъ.

— Матушка, нѣтъ ничего со мной, все раздала, возразила ей Марья Петровна. Пойдемъ, Анночка... Ахъ, надоѣла мнѣ эта съ звонкомъ!.. Пойдемъ. Каковъ тебѣ показался отецъ Іакинѣъ?

VI.

Марья Петровна ужинала и пила чай съ большимъ аппетитомъ. Анфиса прислуживала, полусонная. Двѣ постели, устроенныя ею на диванѣ и на сдвинутыхъ стульяхъ, свидѣтельствовали, что она не праздно провела свое время. Громадный пуховикъ и подушки были вынуты изъ кибитки для Марьи Петровны. Привычки барышни не были забыты; убравъ вѣду со стола, Анфиса проворно замѣнила ее молитвенникомъ, серебряною кружкой съ водой и банкой варенья.

— Анфиса, подай мнѣ папироски сюда, сказала ложась,

Марья Петровна:—совсѣмъ, другъ, хочу укачаться. Я не курю, а только въ рѣдкихъ, въ экстренныхъ случаяхъ...

Анна Александровна, усталая, отуманенная, улеглась тоже; ей не спалось. Въ комнатѣ было темно; лампада, мерцавшая слабо, наконецъ погасла; у Марьи Петровны горѣла папироска: дымокъ мелькалъ чрезъ тоненькую полоску свѣта изъ щелки сосѣдней двери. Анна Александровна слышала какъ за этою дверью Анфиса осторожно щелкала сахаръ, осторожно стуча чашкой, допивала остатки чая, найдя, наконецъ, время отдохнуть, и погрѣться.

— Анночка, не спишь? окликнула ее Марья Петровна.

— Нѣтъ, душка.

— Я, что, другъ, думаю... Послушай. Не могу заснуть, искушеніе: стоитъ онъ въ глазахъ, и кончено.

— Ахъ, Машенька, полно! ты такое великое дѣло дѣлаешь, обѣщаніе исполняешь, а въ головѣ что же? мальчикъ восемнадцатилѣтній...

— Э, что выдумала! Все это вздоръ.

Марья Петровна замолчала. Анна Александровна испугалась, что оскорбила ее своимъ наставленіемъ, вырвавшимся отъ чистаго желанія спасти ея душу, и думала какъ бы это поправить.

— Знаешь, Машенька, какъ мила эта монахиня изъ Ново-Срѣтенской. Она такъ много разказывала. Какъ у нихъ хорошо—это прелесть, такой порядокъ. Добрѣйшая женщина...

Марья Петровна не отвѣчала. Она ткнула папироской въ блюдечко, погасила ее, отвернулась къ стѣнѣ, и сказала:

— Покойной ночи.

Анна Александровна еще долго не спала. Впечатлѣніе вечерняго моленья было смѣшанное, но какое-то пріятное; вздыхалось какъ-то легко, и не вспоминалось. Передъ самымъ сномъ, ей вообразилась красота и тишина Ново-Срѣтенской обители...

Ее разбудилъ свѣтъ въ комнатѣ. Марья Петровна вставала къ ранней обѣднѣ; ужь благовѣстили. Анна Александровна встала тоже; ей стоило это большаго усилія, несмотря на привычку вставать рано, которую поневолѣ она едѣлала занимаясь хозяйствомъ въ домѣ брата. Послѣ уста-

лости, утренній сонъ былъ особенно сладокъ; ее охватила дрожь; такъ и хотѣлось упасть опять на подушку.

— Пойдешь къ обѣднѣ? спросила Марья Петровна,

— Пойду, отвѣчала Анна Александровна, между тѣмъ какъ за секунду рѣшалась остаться.

— Такъ видишь что... Анфиса, ты хотѣла идти; ступай себѣ, собирайся... Видишь что, Анночка, продолжала Марья Петровна, отославъ Анфису:—ты стань у клироса, впереди, на моемъ мѣстѣ, я впередъ не пойду, а ты только приди мнѣ скажи, тамъ ли отецъ Іакинѣвъ.

— Изволь, душка. Если прикажешь, я попрошу его о молебнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Изъ того-то я и хлопочу. Я вчера тамъ увидѣла... есть еще отецъ Никаноръ; мнѣ хочется этого посмотреть, но чтобы тотъ-то, отецъ Іакинѣвъ не обидѣлся. Ты какъ-нибудь съ нимъ заговори... отведи.

Онѣ отправились.

Анна Александровна исполнила что ей было приказано, извѣстила Марью Петровну, что отца Іакинѣва нѣтъ, и воротилась на свое мѣсто. На сердцѣ у нея было такъ покойно и тихо, что она искренно благодарила Бога за мысль—пріѣхать сюда помолиться. Когда кончалась обѣдня, она искала свою монахиню, прислушиваясь къ звонку, раздававшемуся въ толпѣ. Монахиня искала ее тоже.

— Здравствуйте, сударыня, сказала она:—вотъ, истинно благочестивыя вы, сударыня, не поскучали, встали раненько.

— Какже, отвѣчала Анна Александровна:—только грѣшница! какъ мнѣ спать хотѣлось!

— Трудиться надо, сударыня, не отягощать себя сномъ. Что за давка здѣсь такая! И къ антидору не подойдешь; съ трудомъ великимъ получила. Не желаете ли, сударыня?

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Весь, весь кушайте, родная моя, тѣлу во здравіе, душѣ во спасеніе. Родственница ваша, въ придѣлѣ, я видѣла, молебенъ служить. Что это она такъ часто? и вчера, и сегодня?

— Она по общанію.

Монахиня покачала головой.

— Гордая такая. Не въ осужденіе сказать—миръ бы душевный прежде соблюда. Вы, родная моя, не взыщите, что

я такъ говорю; отъ Господа намъ показано правду всякому говорить. Идетъ она по храму, ниже она вниманіе на кого обратитьъ, кто тутъ стоитъ, мужичка ли, или наша сестра. Служка ей коврикъ подъ ноги вынесъ. Это припомнить только, гдѣ мы предстоимъ, чтобъ о коврикахъ помышленіе имѣть! Вы, моя голубушка, стойте тутъ, я вижу; и знаю я, что тутъ ковра нѣтъ,—я ему и говорю: батюшка, говорю, вотъ, двѣца бдагородная стоитъ, подъ ножки ей, какъ двери отворяютъ, все вѣтеръ, да вѣтеръ; вотъ бы ты кому свои ковры подстилалъ... Такъ нѣтъ,—и еще съ озлобленіемъ такимъ, только космами своими машетъ. Вонъ они, сколько ихъ!

Она показала на служекъ.

— Въ гостиницѣ изволили ночевать, сударыня?

— Да-съ; и вы тамъ же?

— И, родная моя! нашей ли нищетѣ! За обителью хижины настроены, такъ тамъ; черный народъ тамъ всякій живетъ. Намъ, другъ мой, не подобаешь, гдѣ господа настоящіе, истинные, высокородные. Наше дѣло поклониться, чтобы пожаловали они что-нибудь, по милосердію своему, на украшеніе храма Господня, а ужъ подъ одинъ кровъ съ ними куда намъ! Принимаютъ развѣ насъ, за смиреніе наше... Холодъ-то какой сегодня, морозъ. Вамъ, сударыня, тутъ за воротами, а мнѣ куда идти далеко, и согрѣться не успѣешь, какъ къ поздней ударять начнутъ. Къ поздней пожалуете, сударыня?

— Ахъ, право, не знаю какъ вамъ сказать! Искушеніе это, должно-быть, — вотъ мнѣ теперь кажется, что я сейчасъ усну, такъ устала.

— Что же, матушка, Господь съ немощи не взыщетъ, не ходите. И поста на себя не налагайте, это я вамъ разрѣшу: чаю выкушайте, или чего; сегодня можно, суббота у насъ. И въ бесѣдѣ можно время провести, Господь не взыщетъ. Я сама-то къ поздней не пойду, окаянная. Вы, родная моя, человекъ молодой, вамъ прощается; а какъ вотъ мы, старые дуди!.. А куда, я вамъ скажу, немощи одолѣваютъ, да подвиги. У насъ въ обители подвижницы есть большія, мать Софронія, мать Еликонеда; тѣ ужъ вовсе по цѣламъ суткамъ не кушаютъ, и все въ молчаніи. Это я такой характеръ имѣю, что иногда словомъ какимъ,—оно и безгрѣшное, да такъ, скажешь. Что же, матушка, между нашими и мо-

лодыя есть: нельзя же имъ между собой чему и не посмѣяться: житейское дѣло...

— Конечно... Вы, право, такая милая, снисходительная.

— Матушка моя, какъ же къ молодому человѣку снисхожденія не имѣть,—къ доброму, то-есть, человѣку, который заслуживаетъ. Кто не заслужилъ, того наказуй. Вотъ я къ вамъ,—вы меня извините, такое пристрастіе получила; видно тотчасъ, что благородная барышня; какъ бы вы у насъ въ обители были, то, право, такъ бы вамъ и келію свою убогую, и все что имѣю возьмите, до свитки до послѣдней. Это ужъ такъ, по духу человѣкъ познается. Вы меня извините... Анна Александровна... такъ по имени отчеству васъ звать?

— Точно такъ-съ.

— Я дѣвушку вашу тутъ видѣла... осмѣлилась, спросила; худощавая такая дѣвушка.

— Да, такъ точно... А васъ какъ же, матушка? позвольте мнѣ...

— Митродора, родная моя. Въ постриженіи Митродорой названа. Вотъ теперь и совсѣмъ съ вами познакомились; милости просимъ къ намъ въ обитель...

Анна Александровна подумала, что слѣдовало бы сказать на это „милости просимъ въ гостиницу,“ но не смѣла не спрося Марью Петровну, когда она сама появилась передъ нею, въ большомъ волненіи.

— Пойдемъ, Анночка... Нѣтъ ничего сомной, матушка! отвѣчала она монахинѣ на ея звонъ и обычную просьбу, и увлекла Анну Александровну:—пойдемъ скорѣе. Отецъ Іакинѣ здѣсь... просто, бѣда. Какъ ты глупа!... Какъ-нибудь надо отъ него спрятаться. (Марья Петровна заметалась.) Видѣлъ онъ, видѣлъ какъ я этого звала, Никанора, молебень служить. Совѣстно! Я мимо прошла, головы не подняла нарочно, притворилась будто не узнала, а онъ должно-быть видѣлъ... Да какъ ты-то его проглядѣла, что онъ тутъ?

— Не видала, Машенька; должно-быть, онъ пришелъ поздно...

— Съ звонкомъ своимъ забесѣдовалась!... Бѣда! вотъ онъ, на дорогѣ стоитъ... Ступай ты, заговори съ нимъ, а я въ другія двери выйду.

— О чемъ же я заговорю, Машенька?

Но Марья Петровна ужь скрылась въ толпѣ. Отецъ Іакинѣвъ поклонился Аннѣ Александровнѣ какъ знакомый, когда она наконецъ рѣшилась пройти мимо него.

— Куда такъ поспѣшила Марья Петровна? спросилъ онъ.

— Она очень устала, отвѣчала Анна Александровна въ страхѣ.

— А вы не устали отъ нашей долгой службы? Вы здѣсь, кажется, въ первый разъ? продолжалъ онъ.

— Да, въ первый.

— Поправилось вамъ у насъ?

— Очень. Здѣсь такъ хорошо и... благоговѣнно.

— А вы такъ усердны, сколько я замѣтилъ.

— Ахъ, нѣтъ... проговорила она, сконфузясь.

— Что же вы краснѣете? Усердіе хорошее дѣло, продолжалъ онъ, выйдя вслѣдъ за нею. — Не туда, не туда идете. Это въ корридоры, къ отцу настоятелю. Вотъ гдѣ крыльцо.

— Благодарю васъ.

Анна Александровна пошла къ воротамъ; снѣгъ блестѣлъ отъ морознаго утра.

— Возьмите лѣвѣе, здѣсь сугробъ, сказалъ отецъ Іакинѣвъ. Онъ все еще стоялъ на паперти и глядѣлъ ей вслѣдъ.

Анна Александровна поспѣшила уйдти, не оглядываясь; выйдя изъ воротъ, она увидѣла Марью Петровну, которая ждала ее, продолжая волноваться.

— Чтожь ты такъ долго, Анночка? Я чуть не замерзла. Заговорила съ нимъ, что ли?

— Да, душка, я говорила... Но я не понимаю, чего же ты пряталась?

— Эхъ, другъ! Ничего ты не понимаешь. Мнѣ вчера при свѣчахъ, этотъ Никаноръ показался... я и хотѣла посмотрѣть поближе. Да нѣтъ, не нравится мнѣ онъ: ужь очень постылый видъ; я ужь и раскаиваюсь. Въ позднюю опять отца Іакинѣа позову. Не могу себѣ отказать. Знаешь, когда не онъ служить, я молиться не могу, мысли нѣтъ той, чувства никакого. Что жъ, это все равно что не молиться.

— Если такъ, то конечно, сказала Анна Александровна.

— Другъ, да ты бы хоть похвалила меня: что за красота! глаза какіе!

Анна Александровна, ни наканунѣ вечеромъ, ни теперь, отъ смущенія не разсмотрѣла отца Іакинѣа, но такъ какъ

пріятельница просила порадовать, похвалить его, то Анна Александровна сказала отъ всего сердца:

— Да; онъ удивительно хорошъ.

— И вообрази, вскричала Марья Петровна, даже остановясь среди дороги, не смотря на холодъ: — вообрази ты, гдѣ эта красота выросла: въ бурсѣ, другъ, на-просто въ семинаріи. И выгнали его оттуда, лѣнился, что ли. Онъ и пошелъ въ служки, въ Н-скій монастырь. Ему предлагали... онъ очень умный малый... ему предлагали мѣсто, служить въ губерніи, или записаться въ полкъ; одинъ баринъ его къ себѣ въ секретари бралъ. Ему это все не понравилось.

— Вѣрно, призваніе къ монастырской жизни, кротко замѣтила Анна Александровна.

— Никакого призванія, возразила равнодушно Марья Петровна: — а хотѣлось ему остаться тамъ: свободнѣе гораздо, ничѣмъ не стѣсненъ. Помилуй скажи: въ полку, въ губерніи, начальство за начальствомъ; минуты бы своей не было у человѣка. Онъ и остался.

— Да, это я помню. У васъ непріятности были, сказала Анна Александровна, вспоминая, что она сама вынесла изъ-за этихъ непріятностей.

— А потомъ уже его сюда перевели; тутъ онъ прославился; монастырь богатый, богомольцы безпрестанные... Горе мое, онъ никакъ въ Москву перейти хочетъ! У нихъ новый настоятель, все на свой ладъ повертываетъ; это вѣдь не всякой выдержать, кто имѣетъ свой характеръ. Я его разспрошу; вотъ, позову кофей пить.

— Машенька, вотъ что... сказала Анна Александровна.

Она въ эту минуту оглянулась и увидѣла, что монахиня идетъ за ними слѣдомъ, довольно близко, чтобы слышать весь разговоръ.

— Машенька, вотъ что... эта мать Митродора такая обязательная, я познакомилась, надо было бы ее позвать...

— Э, душа моя, когда же? Послѣ поздней обѣдни придетъ отецъ Іакинѣ, — что этотъ звонокъ будетъ при немъ торчать? Слова нельзя сказать. Онъ вѣдь сплетницы неестественныя. Богъ съ ней совѣмъ.

— Я Машенька, не пойду къ поздней... Ты мнѣ позволь. Я ее теперь приглашу, и ужь устрою, что она уйдетъ. Я ужь слажу...

— Ну, сладишь ты что-нибудь! возразила Марья Пет-

ровна:—пожалуй себѣ зови ее. Только чтобы къ концу поздней обѣдни, здѣсь ея и духу не пахло.

Она съ замѣтнымъ неудовольствіемъ взошла на крыльцо, отчего Анна Александровна совсѣмъ сконфузилась, но все-таки обратилась къ монахинѣ.

— Милости просимъ, пожайдите къ намъ, матушка.

— Охъ, родная моя! отвѣчала она:—я бы съ превеликимъ удовольствіемъ, да родственница ваша, онѣ такія деликатныя.

— Она вамъ будетъ очень рада, возразила Анна Александрова.

— Рада ли, не рада, я къ вамъ, драгоценная моя барышня, отвѣчала мать Митродора, входя и сбивая снѣгъ съ своихъ башмаковъ.—Только наслѣжу я, матушка, не взыщите.

— Ничего-съ, сказала Анна Александровна, думая однако, что на это будетъ сердита Анфиса.

Анфиса и безъ того поступила очень нелюбезно. Она суетилась, раскутывая Марью Петровну, и выглянувъ на стукъ двери, сказала:

— Ишь ты, гостья!

Мать Митродора долго крестилась на образъ, потомъ низко поклонилась Марьѣ Петровнѣ, которая между тѣмъ сумрачно перемѣняла ботинки и также сумрачно сказала:

— Здравствуйте. Анфиса, дай мнѣ одѣться.

Анна Александровна оробѣла совсѣмъ. Чувствуя, что ея гостьей недовольны, она сообразила, что гостью надо ублажать, чтобъ она этого не замѣтила.

— Вотъ, матушка, сюда, къ столику, говорила она,—закладывая за спину монахини подушку. Присядьте, матушка. Мы подорожному, не взыщите.

— Гдѣ мнѣ взыскивать, прекрасная моя барышня. Я и на этомъ такъ вамъ благодарна, что призрѣли и обогрѣли. Дорога милостыня во время скудости.

— Матушка, вы снимите вашу шапочку, нахолодѣла, я думаю.

— Куда, родная, вся мокрая. Вотъ и наметка; я сниму, извините.

— Позвольте, матушка... это все исправится.

Анна Александровна схватила ее бархатную шапочку, съ порыжѣлымъ креповымъ покрываломъ, и немножко за-

метавшись, не знала что съ ней дѣлать. Марья Петровна между тѣмъ кончила полную перемѣну своего туалета, которымъ занималась нисколько не церемонясь, и сказала, смотря въ зеркало и наливая духи себѣ на платокъ.

— Ты, другъ мой, уморительная.

Анна Александровна побѣжала вслѣдъ за Анфисой въ другую комнату.

— Душечка, Анфиса, у васъ, я вижу, есть утюгъ. Ви-лишь, вотъ крепъ, это надо разгладить. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, такая почтенная женщина... Ты вообрази, Анфиса, она пѣшкомъ изъ Ново-Срѣтенской,—это сто верстъ... Вѣроятно, у нея только одна эта наметка. Ты разгладь сырое, крепъ будетъ тверже... отколоть надо... ахъ, и булавки бѣ-лыя! Вотъ у меня черныя, оправь это, душа моя, я буду тебѣ такъ благодарна. Это такая чудесная женщина... Ты пожалуйста постарайся...

— Хорошо-съ, отвѣчала Анфиса, занятая чайнымъ приборомъ:—вотъ прежде подамъ. Вѣдь она тутъ еще долго просидитъ. Это только напуститъ къ себѣ, не выживешь.

Анна Александровна не слыхала послѣдняго замѣчанія, возвращаясь къ гостѣ. Марья Петровна сидѣла подлѣ нея у стола; онѣ бесѣдовали, что очень обрадовало Анну Александровну; она скромно присѣла и слушала, боясь даже словомъ нарушить согласіе. Мать Митродора рассказывала о красотахъ своей обители, къмъ она основана, въ особенности украшена, какъ мать Евфимія, нынѣшняя игуменья, заботится о всякомъ порядкѣ, какое прекрасное кушанье у нихъ готовятъ, и сколько дохода у нихъ отъ свѣчнаго сбора. Анна Александровна замѣтила съ сожалѣніемъ, что Марья Петровна лучше ея умѣетъ поддержать подобный разговоръ: Марья Петровна знала всѣ монастырскіе порядки и очень всѣмъ интересовалась.

— Я мать Евфимію знала, сказала она:—она, прежде, была въ Н—скомъ монастырѣ.

— Была, это точно, была. Къ намъ чудесами перешла; въ сновидѣніи ей было показано, чтобы шла; Ново-Срѣтенская обитель создается, иди, говорить, и управь.

— А я слышала, она въ Н—скомъ монастырѣ со всѣми перебранилась, отъ того и ушла, возразила Марья Петровна.

Гостья промолчала. Анна Александровна не могла удер-

жаться въ душѣ отъ упрека пріятельницѣ, которая давала такое грубое житейское истолкованіе чуду. Она ожидала, что мать Митродора возразить, несмотря на свою кротость; но мать Митродора передала свою пустую чашку Анфисѣ, утерлась и сказала:

— Я, сударыня, безъ церемоній, еще попрошу, попользуюсь; чай у васъ прекраснѣйшій... Это точно, что въ Н—ской обители, мы сами слышали, да ужь то и обитель какая, все смуты. Гдѣ ихъ не бываетъ? Вотъ хоть бы у насъ. Изволили слышать, Тарчевская, есть княжна, она ужь пожилая. Принесъ ее Богъ къ намъ, мутить это тамъ, свары заводить, то съ одною сестрой, то съ другою; хочется ей казначеей быть, и къ матушкѣ подбилась. Состояніе свое все на обитель записала, такъ ужь будто ей и слѣдуетъ начальство взять. Надѣется, какъ изъ матушки душа вонъ, такъ у насъ и игуменьей будетъ. Это ужь не приведи Царь Небесный; тогда и вовсе разбѣжимся всѣ, по лицу земли разсѣмся. Насъ и такъ шесть сестеръ, вотъ какъ я, всѣ по сборамъ трудимся, лишь бы оттуда-то, отъ грѣха подальше. Великія тяготы на себѣ выносишь, лишь бы спасти хоть душу-то отъ смущенія, а тѣло-то грѣшное, развѣ вотъ, какъ вы, сударыня, кто изъ благородныхъ пригласить къ себѣ въ компанію. Я прежде,—вы меня, сударыня, извините,—большую гордость въ васъ подозрѣвала, и съ такимъ сомнѣніемъ къ вамъ шла. Думаю себѣ: ну, онѣ какъ-нибудь...

— Ахъ, какъ это можно! прервала Анна Александровна:—вы такія добрыя, матушка, можете ли вы думать... Машенька отъ всей души...

— Не церемоньтесь, пейте еще, сказала Марья Петровна, съ своимъ обыкновеннымъ хлоднокроемъ оборачивая чашку, которую мать Митродора опрокинула.—Анфиса, налей.

— Благодарствуйте, сударыня, я съ удовольствіемъ, отвѣчала гостя:—я, признаться, такъ, безпокоить вашу дѣвушку не хотѣла. Крѣпостная у васъ, сударыня?

Анна Александровна съ огорченіемъ замѣтила, что мать Митродора занимается больше Марьей Петровной чѣмъ ею. Это испортило ея расположеніе духа и навело на печальное раздумье. Какъ особа, всегда строившая свою жизнь изъ немногаго, Анна Александровна уже придумала, что

между ею и монахиней завязалась истинная дружба, и теперь—не ревновала къ Марьѣ Петровнѣ,—но горевала о своей утратѣ. Кстати, она припомнила многіе случаи, когда, завязавъ знакомство, кажется все устроивъ для его удобства и продолженія, она становилась вдругъ не нужна, и ее безъ церемоніи отстраняли. Анна Александровна затосковала о своемъ одиночествѣ и своей бесполезности; это чувство всегда сопровождалось у нея покорностью, молчаливою и кроткою улыбкой, готовностью услужить чѣмъ было въ ея средствахъ. Она передавала папироски и свѣчку Марьѣ Петровнѣ; взлѣзла на стулъ поправить лампаду, чтобъ облегчить труды Анфисы; привязалась къ слову, и подарила свою пуховую косынку матери Митродорѣ. При этомъ подаркѣ у нея сжалось сердце, что нечего подарить больше: ея теплыя ботинки не вошли бы на ногу монахинѣ; ея пледъ—пестрый; платье, хоть черное, но оно съ нею только одно. Денегъ съ нею было очень не много, — да какъ дарить деньгами? Анна Александровна намѣревалась разспросить въ подробности адресъ и выслать матери Митродорѣ разныхъ гостинцевъ изъ города. Пока она соображала, какіе это будутъ гостинцы, мать Митродора говорила Марьѣ Петровнѣ:

— Только пожалуйста вашу мѣрочку, сударыня, и какія вамъ, угодно туфельки будутъ. У меня послушница, крестница вышиваетъ... Ей ужъ и той чести довольно, что для такой примѣрной барышни она потрудится. Я вамъ схлопочу съ превеликимъ удовольствіемъ, потому что такъ вы меня истинно по-христіянски обласкали и я за милости ваши такъ вами довольна. Неблагодарный человѣкъ, сударыня, змѣѣ уподобляется.

— Анночка, а ты себѣ туфель не закажешь? спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ, душка... Мнѣ не надо.

— Имъ не надо, сударыня, повторила монахиня: — онѣ и состоянія такого не имѣютъ, и жизнь онѣ не такую ведутъ.

— Какъ же это вы такъ скоро, матушка, узнали о нашемъ состояніи? сказала, засмѣявшись, Марья Петровна: — да Анна Александровна гораздо разсвѣяниѣ меня жизнь ведетъ. Она въ свѣтѣ, спросите вы ее.

— Охъ, свѣтъ, свѣтъ прелестный! сказала мать Митро-

дора, покачивая головою.—Блаженъ чловѣкъ, уже отоидеть отъ зла и сотворить благо. Знаемъ мы, матушка, что такое этотъ свѣтъ!

— Вотъ то-то и спросите Анну Александровну, отвѣчала смѣясь, Марья Петровна.—Я ухожу отъ васъ. Никакъ заблагоувѣстили?

— Къ поздней ударяють, отвѣчала монахиня, и набожно эпрекрестилась.

— Смотри жь, чтобъ ея тутъ не было, какъ я вернусь, шепнула, уходя, Марья Петровна.

— Гостей, должно-быть, ожидаетъ? сказала тихо монахиня, когда Марья Петровна вышла, продолжая до крыльца приказывать, чтобъ убрали комнату и достали хорошихъ сливокъ.—Знакомыхъ, должно-быть?

— Да-съ... Кажется, желалъ быть отецъ Іакинѣвъ.

— Такъ-съ. (Мать Митродора помолчала.) Добродѣтельный, поистинѣ, чловѣкъ. Вотъ, я ужъ здѣсь пятый мѣсяцъ, нѣтъ того, когда какіе господа прѣзжаютъ, чтобъ онъ у нихъ въ компаніи не былъ; завсегда приглашаютъ. Вы то, барышня моя дорогая, давно съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ-съ; я его въ первый разъ вижу... Я что-то боюсь, прибавила робко Анна Александровна.

— Оно и лучше, милая моя, и лучше. Ваши годы не такіе. Вотъ, будь вы молодая барышня, оно, конечно, лестно благословеніе получить на счастіе, а вамъ ужъ куда.

— Правда ваша, отвѣчала Анна Александровна.

Она ни минуты не подумала, что Марья Петровна ей ровесница, и еще дурна собой.

— Вы, милая барышня, съ кѣмъ же живете? спросила монахиня.

— У брата; онъ женатъ.

— Съ снохой, значить, съ невѣстухой. Ой, вѣдь какія онѣ бываютъ! Вотъ, у насъ, три сестры есть, — одна отъ мачихи, а другія двѣ отъ невѣстки къ намъ ушли, и всѣ молоденькія, куда моложе васъ! Жизнь изъ чужихъ рукъ не красна. Все такъ-то прислуживаешься, себя отягощаешь, а глядишь,—ни тебѣ благодарности, ни что. Кусокъ какой, и тотъ съ омерзѣніемъ даютъ.

— Нѣтъ-съ, я слава Богу... Моя невѣстка—прекрасная женщина.

— Ну, милая моя, знаю! Сами-то вы, посмотрѣть на

васъ, ангелъ какъ есть, такъ ужъ не вамъ бы хвалить. Вѣдь ужъ безъ того нельзя, чтобы чего иногда не бывало? На томъ свѣтъ стоитъ. Какъ ужъ этого не будетъ, да вездѣ пойдутъ миръ да тишина, такъ и свѣтъ кончится. И не-пріятности между собою, и слово какое, по вашему-то, по свѣтскому!

— Это, конечно, но, право...

— Я, матушка, свѣтъ-то знаю, въ городѣ знакомства имѣю. Знаю. Начнутъ тоже, какъ наши сестры, ни съ чего, и всѣ на свѣтъ приплетутъ, отцовъ родныхъ изъ земли повынутъ... Хозяйство у васъ, какъ же, свое, особенное?

— Нѣтъ-съ, общее. Я и хозяйничаю.

— Видите. Довѣріе вамъ стало-быть дѣлаетъ невѣстушка. Ельниковы по-фамиліи?

— Точно такъ.

— Жениховъ у васъ, такъ-то, не было?

— У меня нѣтъ состоянія, матушка, отвѣчала Анна Александровна, не много обидясь:—у бѣдныхъ дѣвушекъ жениховъ не бываетъ.

— Это нельзя сказать, возразила монахиня:—и бѣдныя замужъ идутъ. Такъ, что-нибудь. По сердцу никому не пришли, счастья нѣтъ.

— Правда ваша, счастья нѣтъ, повторила Анна Александровна и вздохнула.

— Къ Богу, матушка, надо чаще прибѣгать, къ Богу; онъ и пошлетъ. А вы, чай, Бога-то вовсе забыли? Много ли изволите на молитвѣ стоять?

— Ахъ, я грѣшница! отвѣчала Анна Александровна:— Я съ вами какъ съ родною откровенна. Молюсь я какъ-то разсѣянно...

— Вотъ то-то и нѣтъ вамъ ничего. А многимъ, я знаю, по молитвѣ ихъ давалось, состояніе ли, супругъ ли, все давалось...

— Ахъ, я молилась... прошептала Анна Александровна, и наклонила свою голову въ сѣткѣ, чтобы спрятать слезы.

— Видно, мало, возразила равнодушно монахиня.

Анна Александровна еще наклонила голову и заплакала сильнѣе. Ей хотѣлось выговорить, сколько ночей плакала она, вскочивъ съ постели, на колѣняхъ, на холодномъ полу, какія тяжкія обѣщанія она давала и выполняла. Но сказать ей показалось страшно. Она ни минуты не сомнѣвалась,

что мать Митродора пойметъ ее и будетъ ей сочувствовать, но она боялась сказать лишнее,—кого-нибудь какъ-нибудь обвинить...

Среди слезъ она подумала, что гостьѣ можетъ-быть скучно. Мать Митродора—добрѣйшая женщина, это правда, но все же...

Анна Александровна постаралась перестать плакать, что ей удалось, по привычкѣ; подула въ платокъ и отерла глаза, встала и по привычкѣ взглянула въ зеркало. Монахиня сидѣла сложа руки и покачивая головою, будто въ раздумьи. Анна Александровна смотрѣла на нее какъ на свою живую совѣсть.

— Морозъ нынче какой! сказала мать Митродора.

— Да... отвѣчала Анна Александровна, сама чувствуя, что ея голосъ зазвенѣлъ какъ стекло.

— О, Господи, прогнѣвали Создателя! продолжала мать Митродора:—безъ хлѣба будутъ. Намъ-то ничего, все равно, какъ птицы небесныя, ни сѣмъ, ни жнемъ; все равно, живы будемъ, а вотъ, кому нужда!..

— Да, вотъ, Машенька... начала было Анна Александровна, подумавъ о заботахъ Марьи Петровны, объ урожаяхъ и неурожаяхъ.

— Да-съ, матушка; хоть бы и онѣ. У васъ деревня есть?

— Нѣтъ, отвѣчала Анна Александровна, не въ первый разъ слыша этотъ вопросъ и внутренно назвавъ себя грѣшницей, за то что онъ ей началъ наскучать.

— Чѣмъ же живете? продолжала монахиня.

— Деньги... у меня.

— Капиталь, то-есть? Великъ?

— Тысячи три.

— На серебро, то-есть. По рукамъ розданъ?

— Нѣтъ-съ. Въ приказѣ.

— На прожитокъ, должно-быть, не достаетъ?

— Конечно... Но я у брата...

— Знаю, мать моя. Вѣдь вы ему, должно-быть, отягощеніе дѣлаете?

— Какъ это-съ?

— Да какъ же. Своя семья немаленькая, да еще сестру поить, кормить, обувать, одѣвать. Вотъ у васъ салонъ какой прекраснѣйшій; должно-быть тоже братцевъ?

— Да-съ, это онъ.

— Позвольте посмотрѣть.

Мать Митродора встала и принялась развертывать шубу Анны Александровны, сложенную на стулѣ въ углу.

— Канфой, должно-быть, покрыть?

— Нѣтъ-съ, это не канфа, это атласъ французскій.

— Видите!.. О, Господи, Царю, Владыка живота моего!.. А какъ вспомнишь, что, вотъ, рубищемъ однимъ, ради спасенія души своей, прикрыть... Конечно, ради Творца Небеснаго, сносишь, да все... Вотъ онъ, матушка, грѣхъ великій, въ соблазнъ вводить!

— Какъ, въ соблазнъ? повторила, оторопѣвъ, Анна Александровна.

— Такъ. Вы идете въ салонъ, а иная подлѣ васъ, раздѣта, раскрыта, идетъ тоже, да думаетъ: „за что это ей? Не все равно мы одинокія твари, души христіянскія?“ Да и вамъ-то, если по совѣсти сказать, не легко должно быть, — отъ благодѣянія братцева приняли, дѣтей его обидѣли. Вѣдь вы, сударыня, — не взыщите, — все у нихъ въ домѣ-то лишній ротъ; а чѣмъ вы имъ это заслужите?

— Ахъ, конечно, ничѣмъ! отвѣчала Анна Александровна, опять со слезами на глазахъ, свертывая свою шубу.

— И суета это, сударыня, не взыщите. Въ ваши годы, при вашей хворости...

Анна Александровна не помнила, чтобы пожаловалась на какую-нибудь болѣзнь, и слабо возразила:

— Я не больна.

— По лицу видно, ужь не говорите! Вы посмотрите на себя, что вы такое? Подвело васъ; глазъ-то ужь и не разглядишь, сине все кругомъ. Такая ли барышня быть должна; и поглядѣть-то на васъ нечего. Тутъ, матушка, всѣ суеты пора и оставить, да о душѣ подумать. Куда вамъ эти салоны, бриліанты разные? Грѣхи одни. Сказано намъ: „отрекись отъ всѣхъ дѣлъ его“ (мать Митродора плюнула), а вы что дѣлаете? Видно учили васъ плохо, сударыня. На томъ свѣтѣ-то что будетъ? Какъ предстанутъ, да спросятъ: „за что ты насъ, дѣтей невинныхъ, обирала?“ вотъ тогда вы и скажете, что атласъ, что канфа!.. Видѣли что въ храмѣ у западныхъ дверей изображено?

Предъ Анной Александровной мелькнули красные языки пламени, намалеванные на стѣнѣ, и непріятно поразившіе

ея глаза, когда она уходила отъ отца Іакинѣа. Она назвала себя грѣшницей, за то что подумала только о безобразіи живописи.

— То-то, продолжала мать Митродора,—въ міру-то васъ этому не учать. Маменьки своей давно лишились?

— Я ея почти не знала, проговорила Анна Александровна,—она больше любила сестру и брата. Я росла у няньки. Меня строго держали. Папенька не любилъ меня тоже... Вѣдь это грѣхъ, матушка, а не могу я вспомнить равнодушно, меня не любили за то что я росла не хороша собой, а сестра была красавица... Чѣмъ же я виновата, что я не красавица?

— Охъ, грѣхъ еще роптать на Господа, что рожи красивой не далъ, людей смущать! возразила монахиня:—да вотъ, вы почитайте-ка, люди были святые, нарочно надъ собой искаженія дѣлали. Это вамъ балы да прельщенія изъ себя строить всякія,—а Господь-то себя и показалъ надъ вами: вы прельщать, а никто вами не прельщается. Небось, мечтанія разныя бывали?

— Мечтанія? повторила Анна Александровна.

— Ну, да; офицеры, что ли, какіе?

— Нѣтъ, отвѣчала въ слезахъ Анна Александровна.

— Ну, или такъ кто-нибудь? Грѣхъ, вѣдь, это великій, ничего отъ него душѣ спасенья нѣтъ. Самъ себя смущаетъ человѣкъ помышленіями; думаетъ, думаетъ; все ему въ глазахъ представляется...

— Послушайте, сказала вдругъ Анна Александровна:—я васъ въ первый разъ вижу, но у меня на душѣ такъ тяжело; мнѣ бы хотѣлось вамъ какъ родной матери... Наставьте меня, научите меня, хоть браните, наложите на меня покаяніе...

Она бросилась обнимать свою гостью.

— Чтò такое, матушка? Съ вами Отецъ Небесный! чтò такое? Или какой великій грѣхъ на васъ? разрѣшить не могу, но сказать чтò скажу... Говорите, моя сударыня, Господь съ вами!

Она придержала на своемъ плечѣ голову рыдавшей Анны Александровны.

— Я люблю одного человѣка, проговорила она.

— Ну-съ?

— А онъ меня больше не любитъ.

Монахиня призадумалась, или просто, разсѣянно и молча глядѣла передъ собою, пока продолжались рыданія Анны Александровны. Чрезъ нѣсколько минутъ, Анна Александровна приподнялась, зажала руками свое личико, и сказала:

— Скажите мнѣ хоть одно слово, матушка.

— Оставить это надо, сударыня моя, отвѣчала холодно монахиня.

— Еслибы вы только знали, какое мученье...

— Оставить надо, повторила мать Митродора:— всенепременно оставить, постомъ себя укрощать. Грѣхъ это передъ Господомъ тяжкій. Я на васъ поглядѣла, вчера еще, по лицу примѣтила: не даромъ, думаю, аки грѣшница какая, въ притворѣ стоитъ, со всякою чернью себя равняетъ. Такъ оно и вышло. Эту, вамъ, сударыня, мерзость непременно оставить должно.

— Но я безъ того уже почти не говорю съ *нимъ*, матушка...

— Это, сударыня, все равно. Скрыться отъ грѣха надо, чтобы не смущалъ, даже въ помыслѣ... Въ городѣ вашемъ, служащій какой, или офицеръ?

— Да-съ; въ городѣ...

— А по фимиліи какъ?

— На что вамъ это, матушка? Довольно того, я вамъ сказала мое горе...

— Такъ, пожелала узнать, если уже вы съ откровенностью. Это не хорошо-съ.

— Что же мнѣ дѣлать?.. Въ семьѣ, вы правду говорите, я лишняя; въ свѣтѣ... такъ меня все утомило...

— Къ Господу чаще прибѣгайте, сударыня, мрачно отвѣчала монахиня.

— Ахъ, сколько могу! я вамъ говорила; конечно, разсѣянно, но я часто прибѣгаю къ Богу.

— Совсѣмъ надо, сударыня; совсѣмъ.

Анфиса зазвенѣла въ дверяхъ подносомъ, на которомъ несли чашки для кофе. Она поставила ихъ на столъ, взглянувъ на гостью и на расплаканную Анну Александровну.

— Наметку я выгладила, сказала она въ видѣ предлога пробить еще въ комнатѣ:— а ужъ къ достойной давно отзвонили.

Анна Александровна растерялась: она съ ужасомъ вспо-

мнила, что раньше конца обѣдни обѣщала выпроводить свою гостью.

— Что жь что отзвонили, возразила мать Митродора:— барышня не куда спѣшить, да и мнѣ тоже, еще побесѣдуемъ.

Анфиса ушла, чему-то смѣясь, что выходило довольно неуклюже на ея высохшемъ лицѣ.

— Раба-то! сказала ей вслѣдъ монахиня:—носъ-то подняла! это значить, вы такого состоянія не имѣете какъ ея барыня, такъ она вамъ и мечетъ все какъ ни попало. Вотъ грѣхъ-то гдѣ! И не безпокойтесь вы ничего, барышня моя милая; какъ есть, все ничего, и все это пройдетъ. Вотъ мы съ вами такъ-то бесѣдуемъ...

— Еслибы вѣкъ такъ! сказала Анна Александровна:—вѣкъ бы съ вами не разсталась; вы первыя мнѣ на свѣтѣ совѣтъ дали, утѣшили...

Она принялась обнимать монахиню, и хотѣла поцѣловать ея руку.

— Матушка моя, барышня, Господь съ вами! воскликнула та ласково.

— Милая матушка, возьмите меня къ себѣ! выговорила Анна Александровна, вся дрожа.

— И, родная моя, куда жь мнѣ васъ взять?

— Къ себѣ, въ обитель... договорила Анна Александровна, и тихонько, сама не помня какъ, упала на колѣни.—Мы жили бы вмѣстѣ... я у васъ... все что у меня есть...

— Э, ужь трезвонятъ! значить, кончилось! сказала Анфиса, вбѣгая съ кофейникомъ.

Она поставила его на подносъ и убѣждала также скоро.

— Пойдемте, матушка, сказала Анна Александровна, въ волненіи, не зная, за что взяться:—пойдемте, куда-нибудь.

— Пойдемте, барышня... Или вы *ихъ*, родственницу вашу, опасаетесь? И вправду, гордымъ Богъ противится... Мы тутъ около ограды ходимъ, или на посадъ пожалуета?

— Пойдемте на посадъ, я къ вамъ пойду, говорила Анна Александровна.

VII.

Въ городѣ, въ это утро, Федосья Александровна сидѣла въ маленькой гостиной своей тетюшки, на маленькомъ диванчикѣ и принимала Измишина. Добрая тетюшка Катерина Федоровна знала, что съ морозу гости бываютъ небезопасны, что степные недоросли любятъ покушать, что за вѣдой лучше говорится, а потому прислала кофе и сухарей. Измишинъ занимался ими, между тѣмъ какъ Федосья Александровна, закрывая глазки, тянула понемножку папироску.

— Я-то къ вамъ, въ три дня, въ четвертый разъ! проговорилъ наконецъ Измишинъ.

— Будто бы? Я не сочла.

— Считайте по субботамъ; нынче, кстати, суббота, сказалъ онъ и расхохотался.

Федосья Александровна сидѣла то же.

— Ахъ, какой проказникъ! сказала она: — не морите меня со смѣху, я хочу злиться.

— На кого? за что?

— Да на брата... Это ужасъ! Не принялъ васъ, визита вамъ еще не заплатилъ... Развѣ, вотъ что: теперь, куда вы здѣсь, онъ, можетъ-быть у васъ былъ...

— Да это что же? Мнѣ все равно; я вниманія не обращаю.

— И вы совершенно правы, подтвердила Федосья Александровна, сверкнувъ очами: — но вотъ что досадно: у брата вечеръ сегодня, *réveillon*...

— Это что такое?

— Новый годъ встрѣчать будутъ.

— Новый встрѣчать, старый провожать. Такъ. Что жъ, танцы?

— Да. Это-то и досадно. Я бы танцевала съ вами.

— А вы развѣ танцуете?

— Какъ же... Почему жъ мнѣ не танцовать?

— Я думалъ, ужъ вы перестали.

— Развѣ я ужъ не гожусь въ танцы?

— Нѣтъ... Что вы, ей Богу, на меня! Я ничего. Вы, по моему, красавица; лучше васъ здѣсь, ей Богу, никого нѣтъ. Это мнѣ говорили...

— Что вамъ говорили?

— Будто вы... Нѣтъ, я, ей Богу, не скажу! Что вздоръ говорить!

— Кто вамъ говорилъ?

— Да здѣшніе... Вчера, въ гостиницѣ мы у Орлова обѣдали, такъ тамъ здѣшніе собрались...

— Кто здѣшніе?

— Нѣтъ... Да что вы! Это не они говорили... Это, за-
вѣжаль туда, знаете, здѣсь есть Куличовъ одинъ?

— Ну, знаю.

— Онъ къ вашему брату ѣхалъ обѣдать. Стали говорить о вашемъ братѣ, я васъ помянулъ. Куличовъ мнѣ и сказалъ: — „Ельникова жена хорошенькая, а эта Федосья Александровна кокетка старая...“ Да что, ей Богу, вздоръ это!

— Что жъ вы ему отвѣчали?

— Ну, я и отвѣчалъ; я, говорю, знакомъ съ Федосьей Александровной... Больше я ничего не сказалъ...

— И этого довольно, сказала съ чувствомъ Федосья Александровна, замѣтно покраснѣвъ и постаравшись укротить себя. — Но, послушайте... Для чего вы все зовете меня Федосьей Александровной? Такое не хорошее имя! Еще за глаза, такъ и быть, а въ глаза...

— Какже мнѣ васъ звать?

— Ну, Фанни, какъ-нибудь... Меня въ Петербургѣ одинъ человѣкъ звалъ Фидесь... Вы знаете Пророка?

— Какого?

— Да, правда, вы не были въ Петербургѣ... Это, въ томъ году...

— А нынче пророкамъ не годъ, сказалъ онъ и расхохотался.

— Ахъ, проказникъ! повторила Федосья Александровна.

— А то-бы я спросилъ пророка, что со мной на будущій годъ случится; хоть бы погадать, продолжалъ Измишинъ.

— Что случится? Что сами захотите.

— Да я ничего не хочу.

— Будто бы ничего?

— Вы на меня такъ не глядите, ей-Богу! Ничего не хочу.

— Ну, вотъ, этого хотите? спросила Федосья Александровна, поднося къ его носу свою руку, которую онъ догадался поцѣловать: — хорошо?

— И, славно! вскричалъ онъ: — какая бѣленькая!

— Пустите. А вотъ, когда нынче вечеромъ будемъ вмѣстѣ танцовать, я вамъ еще скажу, чего вы хотите.

— А какъ не позовутъ танцовать?

— Не возможно! Впрочемъ, часовъ въ пять, въ шесть, заѣзжайте еще ко мнѣ и скажите, былъ ли у васъ братъ и звалъ ли васъ.

— Извольте, сдѣлаю вамъ удовольствіе, заѣду. Что жъ мнѣ? Лошадь у меня своя. Извозчики здѣсь кусаются.

— Какъ, кусаются? повторила Федосья Александровна, засмѣявшись необыкновенно удачно.

— Дерутъ. А теперь я домой поѣду.

— Что жъ такъ рано? посидите.

— Пора. И то у васъ засидѣлся... вотъ вы какія!

— Ну, прощайте... Victor.

— Прощайте, Фанничка...

Онъ, закатился отъ смѣха.

— Охъ, ей-Богу, уморительно!

— Какъ, уморительно? Премиленькія имена: Фанни, Викторъ...

— А ну васъ, совсѣмъ! закричалъ онъ, хохоча и убѣгая.— Я вамъ въ шесть часовъ конфетъ привезу. Привезть, что ли?

— Привезите.

— Сладкимъ годъ проводить. Прощайте.

Когда дверь прохожей стукнула за Измишинымъ, Федосья Александровна поднялась съ диванчика такая гнѣвная, что сама могла бы себя испугаться, еслибы взглянула въ зеркало.

— Тетенька! закричала она, отворяя дверь въ чайную.

— Что, матушка? отвѣчала изъ глубины дома Катерина Федоровна:—мнѣ некогда, поди сюда.

Катерина Федоровна сидѣла въ дѣвичьей, на полу у открытаго подвала и повѣряла счетомъ банки варенья, о которыхъ изъ подвала докладывала ей ключница.

— Послушайте, какія прелести! вскричала, входя, Федосья Александровна:—знаете, что мнѣ сейчасъ разказалъ Измишинъ? Откуда вѣсти-то идутъ, съ какого конца! Куличовъ меня по гостиницамъ ругаетъ, и я кокетка, и увлекаю, и я въ общество не гожусь, и пора мнѣ никуда глазъ не показывать... Это Лизаветы Юрьевны пріятель публично говорить.

— Какъ, что такое? вскричала, поднимаясь, Катерина Федоровна.

— Да вотъ, то и такое, что мы Лизаветѣ Юрьевнѣ бѣльмо на-глазу, и она не знаетъ что и приплестъ, и нашла кому препоручить на насъ сплетничать! Какъ же, свой человекъ—Куличовъ! Она и мила, и красавица: и все это тутъ же въ гостиницѣ, при двадцати человекѣхъ, онъ объявляетъ страсть свою... А я... я не жива, если я ей всего не выговорю, я не жива! Я ей такъ старый годъ отпою, что она своихъ не узнаетъ!

— Какъ, матушка, Лиза?...

— Да Лиза, Лиза ваша, Лиза! Пора вамъ догадаться, за чѣмъ тамъ у нея Куличовъ всякій день! Вотъ и Измишина ей не надо, и мужа такъ настроила, дурака, чтобы лишнихъ глазъ не было! Измишина и не принимаютъ, и зла она на меня, и поручила своему Куличову клеветать на меня...

— Вѣдь это вчера, должно-быть, она съ нимъ сговори-лась! прервала Катерина Федоровна.—Аринушка, обратилась она къ ключницѣ, которая все еще возилась въ подвалѣ:—ты туда ходила вчера, во время обѣда...

— Какъ же, сударыня! Я изъ двери поглядѣла: подлѣ самой, подлѣ Лизаветы Юрьевны, онъ и за столомъ-то сидѣлъ...

— Ну, вотъ, тутъ и сговорились!

— Нѣтъ-съ, извините, не тутъ, а раньше, прервала Федосья Александровна.

— Не все ли равно, раньше, позже...

— Нѣтъ-съ, не все равно! Я это очень понимаю! Я не понимаю, какъ вы не понимаете! Не вчера, не за обѣдомъ, они нашенгались, а всякій день они шепчутся, вотъ что! Вы готовы сейчасъ оправдать; что съ намѣреніемъ самымъ адскимъ дѣлается, вы готовы сказать, что это ничего...

— Матушка, что же я готова?...

— Это одна дура Анна Александровна можетъ сидѣть, да глазами хлопать, а я надъ собой издѣваться никому не позволю! Вамъ ничего, что вашъ племянникъ...

— А я моему племяннику, братцу твоему, сто разъ того же не говорила? вскричала Катерина Федоровна, одушевляясь:—я не говорила: „эй, батюшка, оглянись, что твоя благовѣрная дѣлаетъ?“ Я не говорила? Не тысячу разъ? Я, вотъ, на нихъ на всѣхъ пошлюсь (Катерина Федоровна

указала на горничныхъ), кричала я и буду кричать: загубилъ себя Сергѣй, что женился! Вотъ, теперь и извольте, какъ по цѣлому городу исторія пойдетъ!

— Да, послѣдній человѣкъ и отъ насъ отступится! Кто же велитъ Измишину, послѣ того какъ у брата въ домѣ чортъ-знаетъ что, — кто же ему велитъ къ намъ ѣздить? И мы такія же, стало-быть, мы родныя... въ чужомъ пиру похмѣлье!

— Нѣтъ, ужь извините! вскричала Катерина Федоровна. Я въ чужомъ пиру похмѣлье принимать не намѣрена! Сергѣй Александровичъ моими знакомыми пренебрегаетъ, а я ему покажу, что такое его знакомые, да супруги его пріатели! Сейчасъ къ нему ѣду, сейчасъ!

Федосья Александровна выразила то же намѣреніе, но ни та ни другая не поѣхали. Изъ дѣвичьей, слышавшей первые порывы ихъ гнѣва, онѣ перешли въ гостиную, и сѣли. Болѣе спокойное положеніе, тишина и видъ болѣе прибранной мѣстности, немного укротили ихъ волненіе; гостиная напомнила объ обществѣ, а слѣдовательно и о томъ, что въ обществѣ не всегда можно дѣйствовать какъ сердце взяло, какъ рука взяла, что это можетъ быть и не выгодно.

— Ну его съ его женой! замѣтила, послѣ нѣсколькихъ соображеній Федосья Александровна, говоря о братѣ: — какъ-себѣ хотятъ, такъ и разбираются!

— Нѣтъ, матушка, не „какъ-себѣ-хотятъ!“ Это честь семейная!

— Да я-то за что же, по милости этой чести семейной, останусь ни при чемъ съ Измишинымъ? Покорно васъ благодарю!... Мнѣ пускай Сергѣй Александровичъ приметъ Измишина, познакомится, а до остальнаго мнѣ и дѣла нѣтъ...

— Да что тебѣ Измишинъ, помилуй...

— Что мнѣ Измишинъ? Ахъ, Господи, вотъ прелестно! Я еще свитку на себя надѣтъ не намѣрена, я не Марья Петровна! Марья Петровна, и та за служками рыскаетъ, а я ужь не должна даже то взять, что само въ руки дается? Слуга покорная!... Я это Сергѣю Александровичу выскажу...

Случай для этого представился какъ разъ. Ельниковъ ѣздилъ къ знакомымъ въ это утро и вздумалъ навѣстить тетюшку. Онъ не то чтобы расходился съ нею въ убѣжденіяхъ, или не любилъ сплетень, или особенно любилъ ближняго, но какъ-то настроилъ себя на пренебреженіе къ те-

тушкѣ. У Ельникова была очень развита способность пренебреженія; ему стоило, иногда, взглянуть на человека, чтобы такъ, ни съ чего, начать пренебрегать имъ. Это, впрочемъ, была не гордость, потому что Ельниковъ умѣлъ смирять себя, или даже очень искренно смирялся предъ сильными земли—богачами и своими начальниками. Большею частію, онъ упражнялъ свою способность надъ людьми выше его образованіемъ и умомъ, но безотвѣтными по положенію въ обществѣ, по деликатности или изъ презрѣнія къ самому Ельникову. Тетушка попала въ число пренебреженныхъ, такъ, безъ разбора, можетъ-быть потому что надъ ней смѣялись другіе и что самъ Ельниковъ, разъ какъ-то, шутя, назвалъ ея домъ гнѣздомъ старыхъ дѣвъ; въ послѣдствіи, изъ своей собственной шутки онъ сдѣлалъ себѣ что-то въ родѣ убѣжденія. За то въ сердцѣ Ельникова бывали минуты уступки въ пользу тетушки; онъ очень искренно хохоталъ ея роказнямъ, передразнивалъ ее за глаза, но всегда ей вѣрилъ; говорилъ, что она дура набитая, но держался тѣхъ же мнѣній, какихъ и она держалась. Онъ первый подсмѣивался надъ мѣщанскою нескладицей ея дома, иногда даже негодовалъ какъ осмѣливается она приглашать цвѣтъ и сановниковъ общества; но у себя дома, Аннѣ Александровнѣ не было покоя отъ сравненій порядка и экономіи хозяйства тетушки съ ея безпорядкомъ и расточительностью. У тетушки все готовилось вкусно, — дома, по милости Анны Александровны ничего въ ротъ взять нельзя, — и такъ далѣе. Ельниковъ не часто бывалъ у тетушки; на ея званыхъ „вечерахъ съ аристократіей“, держалъ себя съ саркастическою улыбкой посторонняго и подтрунивалъ съ гостями надъ хозяйкой; навѣщалъ ее за-просто всегда съ желаніемъ послушать сплетень, — отговаривался, что ищетъ развлеченія, а отъ тетки другаго ждать нечего, — спорилъ съ ней вкривъ и вкосъ, сердилъ ее, говорилъ ей дерзости, уѣзжалъ домой, бранилъ ее дома, попрекалъ ею Анну Александровну, и чрезъ день опять сходился съ тетушкой до прежней короткости.

На этотъ разъ онъ вѣхалъ ее мучить, везъ разказать маленькій скандалчикъ съ иголки, котораго тетушка знать еще не могла, а потому была бы въ отчаяніи, что опоздала о немъ провѣдать. Ельниковъ не предчувствовалъ, что на него самого готовилась гроза.

— Мое всенижайшее! сказалъ онъ, входя въ гостиную и расшаркиваясь съ разными ужимками.—Что это, тишина у васъ? или нѣтъ достодолжнаго предмета для бесѣды? или, въ нѣкоторомъ смыслѣ, утомленіе ощущаете?

— Отъ всего, батюшка, утомисься, кисло отвѣчала Катерина Федоровна.

— Отъ чего же, отъ всего? Какую вы работу работали? Отъ словопреній развѣ?

— Я этихъ вычурностей не понимаю, сказала Катерина Федоровна, чувствуя желаніе браниться, но еще не сразу входя въ свой предметъ.

— Какъ это такъ, не понимаете? Особа вы свѣтская, а сестрица моя и вовсе дѣвица-львица. Вонъ, какъ дымить! Разнообразіе у меня какое. Сестрицы мои: одна соткана вся изъ ээира, а другая драгунъ. Ну, затягивается! Въ ажитаціи, должно-быть, въ большой... Чтò же вчера не пожаловали ко мнѣ покушать?

— У меня, благодареніе Богу, свое есть, отвѣчала Катерина Федоровна, покраснѣвъ:—не одолжалась никому еще, обѣдовъ не отыскивала. И былъ ли у васъ обѣдъ, и того не знаю.

— Какъ не знаете? Я вамъ приказывалъ сказать, самъ, съ дѣвкой Марьи Петровны. Развѣ вамъ не передали?

— Ничего не знаю, съ какими вы дѣвками приказывали. Вамъ же больше чести дѣлаетъ, что вы свою тетку родную всякой сволочи приказываете звать. Покорнѣйше васъ благодарю.

— Ахъ, мой Боже, гдѣ же мнѣ людей взять, разсылать съ приглашеніями!

— А некого вамъ разсылать, человѣка у васъ въ домѣ не достало, такъ тѣмъ лучше, что не попала я къ вамъ; у васъ, можетъ-быть, и куска бы мнѣ не достало...

— Отчего жь это вы предполагаете? Чтò, ужь я безумный какой, нищій какой, что назову людей и не станеть кусковъ доставать? Чтò вы во мнѣ предполагаете...

— Ничего, батюшка, не предполагаю! Кормите себѣ кого хотите, я въ ваше общество не гожусь, да и мнѣ вашего не нужно!

— Чтò жь это такое? вскричалъ Ельниковъ, замѣтя, что тутъ гнѣвъ не въ шутку.

— Вы себѣ позволяете манкировать нашими знакомыми.

вмѣшалась Федосья Александровна, находя что тетка недовольно прямо приступаетъ къ дѣлу, но обдумавъ, что братъ можетъ-быть и былъ у Измишина, и потому торопиться ссорой не слѣдуетъ:—вы не хотите знать нашихъ знакомыхъ, это все равно, что лично насъ оскорблять!

— Это загадка-съ, Федосья Александровна, новѣйшій оркуль, на святкахъ кстати.

— Это нисколько не загадка, возразила она съ достоинствомъ:—почему вы вчера не приняли Измишина?

— Почему-съ? Не имѣлъ желанія.

— Почему вы не имѣли желанія?

— Нѣтъ, что же, вы выше всѣхъ себя считаете? вскричала Катерина Федоровна.

— Почему-же вы не имѣли желанія? повторила Федосья Александровна, воздержавшись, ради величія, но тоже громко.

— Потому, что дураковъ мнѣ не надо! отвѣчалъ Ельниковъ, крикнувъ, чтобы выказать характеръ.

Съ этой минуты бесѣда пошла все быстрее и громче; ее сквозь двойныя рамы можно было слышать съ тротуара. Это случилось какъ-то само собою. Цѣлыхъ фразъ было уже не много, были почти одни междометія, отрывки, и тѣ смѣшивались одинъ съ другимъ.

— Визитъ благородному человѣку...

— Не отдавалъ, не отдамъ, я не полоумный!

— Что жь, всѣ они полоумные...

— Давно ли вы такъ разборчивы?

— Тетка твоя, стало-быть, полоумная?

— Женѣ вашей, стало-быть, это не угодно?

— Я колпакомъ отъ роду не былъ... кому угодно или не угодно...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, я полоумная?...

— Скажу, старая дѣвка помѣшалась, недорослемъ утѣшается...

— При такомъ братѣ, конечно, останешься старою дѣвкой!

— Вы давно отъ вашего брата бѣжали, избавились!

— И бѣжала, бѣжала, бѣжала!

— Ангель, и тотъ бѣжить!

— Ну, избавились, и вѣшайте вашему ослу на шею! А потворщикомъ отъ роду не былъ, не былъ...

— Ваша жена сама на шею вѣшается...

— Моя жена? Кому моя жена вѣшается?

— Куличову вашему... ахъ, ахъ!

Тутъ было ужъ неизобразимо. Бесѣдующіе достигли такого азарта и голоса ихъ такихъ высокихъ нотъ, что прекратить разговоръ сдѣлалось необходимо каждому изъ само-сохраненія: могла случиться драка. Ельниковъ подхватилъ шубу рукавами на бокъ и оправился только въ саняхъ.

Нечего было и думать о голубомъ тюлевомъ платьѣ, которое Федосья Александровна намѣревалась надѣть для встрѣчи новаго года въ цвѣтѣ надежды. Оно было накинута на лицо горничной, которая неловко вздумала спрашивать о немъ приказаній.

— Это племянничекъ почтительный старый годъ спраздновалъ, тетку утѣшилъ, говорила Катерина Федоровна ключницѣ Аринушкѣ:—за супругу свою, за кошку эту! На цѣлый свѣтъ въ связи съ Куличовымъ. А этотъ-то, чѣмъ бы спасибо сказать, что глаза открыли!...

— Нечего и ожидать отъ нихъ, сударыня.

— Нѣтъ, Анночку-то, Анночку чѣмъ она дѣлала, ты скажи? Ширмой своею золовку ставить,—эту подлость-то надо вообразить! И который годъ, почти какъ замужъ вышла.

— Да, почти что такъ, сударыня, и все въ голосъ!...

— Оеничка, слышишь ты? Все въ голосъ!

— Я только, сударыня, вамъ доложить не осмѣлилась. А то, куда, давно!

— Давно? Слышишь, Оеничка?... Мать моя, что тутъ не осмѣлиться. Лучше какъ бы давно сказала; мнѣ за Анночку...

— А Анна Александровна, какъ есть одинъ отводъ...

— Слышишь Оеничка?

— Анна Александровна ваша сама рада ширмой служить, сказала, проходя, Федосья Александровна:—за что жъ бы эту дуру и въ домъ держали?

Въ такихъ разговорахъ и въ такомъ настроеніи духа прошелъ остатокъ дня. На совѣщанія нѣсколько разъ была приглашена Аринушка. Необходимо прибавить только, что Аринушка никогда, ни отъ кого и ничего не слышала подобнаго тому, что докладывала своимъ господамъ.

VIII.

Анна Александровна возвратилась въ городъ только вечеромъ на третій день новаго года. Марья Петровна пожелала встрѣтить этотъ новый годъ на молитвѣ, въ тихой Серафимовой пустынѣ, и провела тамъ и первый день; на второй она посѣтила еще одинъ монастырь въ окрестности, по совѣту отца Іакинѣа, отправлявшагося туда же. Анна Александровна, не имѣя возможности уѣхать домой, вездѣ сопровождала пріятельницѣ. Въ Серафимовой пустыни, она, хотя не только встревожилась, но испугалась предположенія остаться тамъ и не воротиться въ домъ брата къ назначенному сроку, но все еще нѣсколько успокоивалась и утѣшалась обществомъ и бесѣдой матери Митродоры; за то два слѣдующіе дня были для нея мученіемъ. Пересказать нельзя какихъ бѣдствій не вообразила она въ домъ брата, непріятностей на вечерѣ, внезапныхъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ съ дѣтьми, смерти дѣтей, наконецъ, пожара всего города Н., въ которомъ домъ Ельниковъ долженъ былъ сгорѣть первый. Въ такихъ мечтаніяхъ провела она всю длинную холодную дорогу, не взвидѣла второго монастыря гдѣ онѣ были, и при всей своей терпѣливости, не могла удержаться и два раза выразила свои опасенія и желаніе быть скорѣе дома. На это Марья Петровна заявила ей:

— Ты, Анночка, нестерпимая. Еслибъ я знала, ни за что не взяла бы тебя съ собой. Ты только связываешь.

Пока она спала въ кибиткѣ, Анна Александровна плакала и молчала, чтобъ еще больше не связывать. Даже Анфиса сказала ей:

— Вы, барышня, Богъ знаетъ, что, всего боитесь.

Наконецъ, вечеромъ третьяго января, завидя огни города, Анна Александровна осмѣлилась попросить, чтобъ ее подвезли прямо къ дому брата, но получила отказъ: надо было бы свернуть въ сторону двѣ улицы, а Марья Петровна хотѣлось поскорѣе отдохнуть.

— Правда, сказала, соглашаясь, Анна Александровна:—я

еще не видалась съ тетушкой; надо поздравить ее съ новымъ годомъ.

— Ну, вотъ, слава Богу, и дѣло нашлось, отвѣчала Марья Петровна.

Катерина Федоровна и Федосья Алекеандровна кушали вечерній чай, когда вошли путешественницы.

— Машенька! Насилу-то воротилась, другъ мой! вскричала Катерина Федоровна.

— Ахъ, Машенька! сказала Федосья Александровна, вставая ей на встрѣчу.

Федосья Александровна не любила себя беспокоить, вставать съ мѣста, а потому, привѣтливость, которую она оказывала кузинѣ, очень много значила.

— Что, душа моя, какъ помолилась? Здорова ли? спрашивала Катерина Федоровна.

Марью Петровну усаживали, расспрашивали, угощали вареньемъ, вообще выражали къ ней дружелюбіе неожиданное.

— Съ новымъ годомъ, ma chère tante, сказала Анна Александровна, едва найдя минуту подойти поздороваться.

— И васъ также, отвѣчала тетушка и обратилась тотчасъ къ Марьѣ Петровнѣ, будто не замѣчая, что Анна Александровна желаетъ поцѣловаться.

— Bonsoir, bon an, Fanny...

— Избавьте отъ лобзаній, возразила Федосья Александровна, отворачиваясь такъ, что сбила свою сѣтку о высокую спинку кресла.

— Fanny, qu'avez-vous donc?

— Я говорю: избавьте отъ лобзаній... Лицемерныя ваши лобзанія!.. Надо имѣть мѣдный лобъ, послѣ всего...

— Послѣ чего, Фанни? спросила Анна Александровна, уже въ слезахъ.

— Послѣ того какъ вы интриги строите, поселяете вражду въ семействѣ...

— Послѣ того, матушка, вступилась тетка,—какъ тебѣ не удалось замужъ выскочить, ты изъ зависти интригуешь, чтобы счастье сестры разстроить...

— Что такое, извольте сказать, наговорили вы братцу вашему про меня и про Измишина?

— Чѣмъ вы мой домъ выставили? перебила тетка:—что онъ вамъ достался? Вы те сами что, у брата вашего, въ

вертеть его, дѣлаете? Замужъ не вылетѣла, такъ невѣстушкины проказы прикрываете? Э, сударыня!...

— Или я совсѣмъ ужъ потерялась съ Измишинымъ, что вашъ братецъ кричитъ будто я ему на шею вѣшалась, будто побить его надо?

— Это вы съ чего взяли, бить благороднаго человѣка? шумѣла Катерина Федоровна.

— Кто изъ вашей семейки видѣлъ меня съ Измишинымъ? Вы? Вы однѣ видѣли? Что же вы сочиняете? Какъ у васъ языкъ повернулся...

— Тетенька, Фанни! Я, право, ничего не понимаю, я ничего не знаю, возразила, рыдая, Анна Александровна:—видитъ Богъ... я только что Богу молилась, тетенька...

— Матушка, Бога-то зачѣмъ же сюда? Вотъ, совѣсти нѣтъ, такъ тотчасъ божиться! Что мнѣ, молилась ты или не молилась? Хороша молитва! Накутила-намутила и по монастырямъ полетѣла! Это молитва называется? Это ты о душѣ думала?

Федосья Александровна считала себя за *esprit-fort*,—а потому ничего не прибавила, но только величаво отвернулась и произнесла, будто въ сторону:

— Не душа, а душонка мелкая.

— Тетенька, я право не понимаю, чѣмъ я могла заслужить... я спѣшила къ вамъ, хотѣла васъ поздравить,—и такой пріемъ...

— Ахъ, Господи, пріемъ ей, видите, не понравился! Какихъ же вамъ еще угодно пріемовъ, вы какихъ стоите? Не плясать ли еще намъ съ ней на радости, что вы ее очернили, меня оскорбили, да удостоили,—поздравлять насъ пожаловали? И безъ васъ бы мы обошлись, право,—безъ васъ просторнѣе...

— Я сейчасъ и уйду, тетенька, если вамъ угодно, проговорила Анна Александровна, заливаясь слезами и направляясь къ двери.

— Не вообразите, что по васъ плакать станутъ, продолжала Катерина Федоровна, идя за нею въ лакейскую.

Тамъ, никто изъ служителей не имѣлъ, въ глазахъ Катерины Федоровны, мужества подать шубу Аннѣ Александровнѣ и отворить ей дверь. Она сдѣлала это сама и вышла на подъѣздъ. Тамъ нагнала ее Анфиса съ узелкомъ въ рукахъ.

— Просвирки ваши, барышня, забыли.

— Мнѣ бы извозчика... проговорила Анна Александровна.

— Охъ, барышня, некогда, матушка, и устала я до смерти. Вы подите тутъ; можетъ, и самъ какой повстрѣчается.

Ни одинъ не повстрѣчался. Анна Александровна, къ довершенію своихъ несчастій, встрѣтила толпу ряженныхъ, и прибѣжала въ домъ брата ни жива, ни мертва.

Она вошла черезъ дворъ, съ задняго крыльца; ей показалось неловко звонить у подъѣзда, беспокоить. Несмотря на свою тревогу, она помнила, что у брата *ѣсили поздно* и въ восемь часовъ еще отдыхали передъ вечеромъ. Расплаканная и перепуганная, она явилась въ дѣвичьей.

— О, Господи, кто это? закричала, не узнавъ ея, одна изъ горничныхъ.

Маленькій Юрочка, вертѣвшійся тутъ же, завизжалъ благимъ матомъ.

— Ангелъ мой, это я, я, тетя Анна, успокоивала его Анна Александровна.

Но мальчикъ не унимался; на его крикъ прибѣжалъ Петя. Анна Александровна протянула руки своему любимцу.

— Ты пришла? спросилъ онъ, равнодушно: — а мама говорила, ты больше никогда не придешь.

— Мама, вѣрно, съ тобой шутила, голубчикъ; вотъ я, поцѣлуй...

— Нѣтъ, не шутила.

— Шутила. Ты, вѣрно, по мнѣ плакалъ? она и сказала, такъ, нарочно. Вѣдь тебѣ было бы жалко, еслибъ я не воротилась?

— Нѣтъ, не жалко, отвѣчалъ спокойно ребенокъ: — зачѣмъ жалко? Я безъ тебя все съ Дуняшей игралъ. Пусти, я къ ней пойду, она сказку скажетъ. Пусти же!

— Я тебѣ лучше сказочку скажу...

— Ты не умѣешь. Не хочу! пусти же! да, ну, пусти! кричалъ онъ, вырываясь: — пусти, злая, гадкая!

— Кто тутъ кричитъ? спросила, входя, Лизавета Юрьевна: — ахъ, Annette!

Анна Александровна постаралась забыть на минуту всѣ свои огорченія и измѣну своего Пети, чтобы привѣтливѣе встрѣтиться съ невесткой. Лизавета Юрьевна не была

ни скрытна, ни сосредоточена, но нѣсколько холодновата отъ природы, а потому неспособна къ нѣжнымъ сердечнымъ изліаніямъ, но она была способна на неудовольствіе, хотя выражала его прилично, признавая себя хорошо воспитанною. Анна Александровна и безъ того разстроенная, замѣтила что-то особенно натянутое и не хорошее, не только въ приѣмѣ, но въ движеніяхъ, въ звукахъ голоса Лизаветы Юрьевны.

— Qu'avez-vous, ma chère Lise? спросила она.

— Rien ma chère. Пойдемте же отсюда. Вы вѣрно хотите чаю?

— Нѣтъ, душка, merci!... Я сейчасъ отъ тетушки...

— Тамъ пили?

— Нѣтъ... Но еще рано, Lise, я подожду чаю до обыкновеннаго времени.

Лизавета Юрьевна вошла въ свою маленькую гостиную, гдѣ ужъ была зажжена лампа, приказала затопить каминъ и усѣлась, захвативъ съ этажерки тоненькую книжку. Анна Александровна поспѣшила къ себѣ наверхъ, перемѣнить туалетъ, разстроенный въ дорогѣ и показавшійся еще разстроеннѣе въ нарядной комнатѣ, подлѣ нарядной хозяйки.

Комната Анны Александровны была не топлена. Конечно, въ этомъ была виновата не Лизавета Юрьевна, а прислуга забывшая свое дѣло, но Анну Александровну задѣло по сердцу это небреженіе; среди всего, что кружилось въ ея головѣ, мелькнула мысль, что о ней забыли и думать. Этотъ маленькій прибавокъ къ мученіямъ заставилъ почувствовать ихъ, если можно, еще сильнѣе, хотя попрежнему смутно. Анна Александровна еще не пришла въ себя. Дрожа отъ холода, въ ожиданіи горничной, которая очень мѣшкала придти, Анна Александровна присѣла на свою постель, старалась сообразить что случилось, и не могла. Ясно, что тетка прогнала ее, но за что? Лиза не въ духѣ, но за что? Фанни называла Измишина, — что такое все это? Кого разспросить? Если Лизу, то надо и все рассказать ей... Анна Александровна не могла вообразить, какъ она будетъ откровенна съ Лизаветой Юрьевной, но если и рѣшиться на это, — что она скажетъ? Ничего, кромѣ того что ее выгнали...

Все это такъ запугало Анну Александровну, что она рѣ-

шилаь ничего не говорить: какъ-нибудь *tâkъ* все сдѣлается.

Переодѣвшись, она сошла внизъ и раздала свои про-
свиры всѣмъ дѣтямъ, нянькѣ, дѣвушкамъ, лакеямъ, на-
конецъ, понесла самую большую Лизаветѣ Юрьевнѣ.

— *Chere Lise*, вотъ за ваше здоровье, и Сержа. А гдѣ же Сержъ?

— Онъ еще отдыхаетъ. *Merci*. Потрудитесь отдать спря-
тать.

Анна Александровна вышла опять и воротилась уже съ
вечернею работою, рубашкой Юрочки. Лизавета Юрьевна
читала. Анна Александровна не прерывала чтенія, думая,
что оно, конечно, занимательнѣе того, что она можетъ раз-
казать о своемъ путешествіи. А дальше что же рассказы-
вать? Съ тетусшкой и съ Фанни бывало ужъ столько исто-
рій изъ-за всякихъ пустяковъ; эта, вѣроятно, такая же.
Конечно, неприятно, но, дастъ Богъ, и *tâkъ* все кончится...

Пока Анна Александровна размышляла, опустивъ глаза
и прилежно работая, Лизавета Юрьевна взглядывала на
нее, закрывая свои розовыя щеки листами книги. Лиза-
вета Юрьевна тоже рѣшилась. Въ эти три дня, тетка и
Федосья Александровна успѣли сдѣлать и ей сцену, кото-
рую пересказывать довольно трудно—она имѣла тотъ же
отрывочный и бурный складъ, какъ сцена съ Ельниковымъ—
и бесполезно, потому что смыслъ ея заключался въ не-
многихъ словахъ. Результатъ этой сцены вышелъ origi-
нальнѣе ея самой. Ельниковъ, конечно, не повѣрилъ
сплетнѣ на его жену и Куличова и высказалъ это теткѣ и
сестрѣ, но виноватаго все-таки найти было надобно. Ви-
новатою нашлась Анна Александровна. Лизавета Юрьевна
говорила, что она оскорбила ее больше чѣмъ тетка и
сестра, и объявила мужу, что объяснится съ нею, едва она
пріѣдетъ.

— Вы долго пробыли у Катерины Федоровны? спросила
Лизавета Юрьевна, послѣ молчанія достаточно длиннаго,
чтобы приготовить сцену.

— Нѣтъ, душка, не долго, нѣсколько минутъ, отвѣчала
Анна Александровна, вспыхнувъ и отъ смущенія уколовъ
себѣ палецъ иголкой.

— Вы съ ней говорили?

— Да...

— Такъ она объявила вамъ, что мы въ ссорѣ?

— Нѣтъ, душка... за что же?

— Кажется, вы лучше всѣхъ должны знать.

— Право, *chère Lise*... Вы знаете, я никогда не скрываю... Я не имѣю понятія. Мнѣ показалось, тетенька недовольна Сержемъ.

— Ваша тетенька... Извините, *Annette!*.. Впрочемъ не вижу, для чего мнѣ извиняться. Ваша тетенька—гадкая сплетница. Она смѣетъ быть не довольна!... Вы стало-быть, à l'amiable съ нею, что она рассказываетъ вамъ свои недовольствія?

— Ахъ, нѣтъ, *Lise*, какъ à l'amiable! она обошлась со мною жестоко...

Можно было повѣрить, что обхожденіе тетюшки было отвратительно: даже Анна Александровна не выдержала и пожаловалась. Лизавета Юрьевна закусил губки и погрузилась въ свое достоинство.

— Такъ я отказываюсь понимать вашу тетюшку, сказала она:—она обходится съ вами жестоко, между тѣмъ какъ вся эта исторія дѣлается изъ-за васъ, между тѣмъ, какъ въ ея глазахъ вы—ангелъ, а я—преступница, низкое существо, и заставляю васъ играть низкую роль! Я ужъ тутъ ничего не понимаю!

Лизавета Юрьевна пожала плечами.

— *Au nom de Dieu, Lise, expliquez moi...*

— Нѣтъ, вотъ что *Annette*, начала Лизавета Юрьевна очень серьезно и холодно, послѣ минуты молчанія:—я хотѣла поговорить съ вами. Конечно, я много моложе васъ и мнѣ не къ лицу давать вамъ совѣты; конечно, вы сестра моего мужа и я обязана васъ уважать; но, благодаря Бога, мой мужъ самъ меня уважаетъ, и я избавлена отъ подчиненности, я не безгласна... я хотѣла спросить васъ серьезно: когда же будетъ конецъ вашей страсти къ Куличову? Потому что всему долженъ быть конецъ. Я столько васъ моложе, что не мнѣ бы говорить вамъ это, но, дѣлать нечего, если ужъ все такъ, наизуворотъ. Куличовъ къ намъ ѣздитъ. Я, наконецъ, обязана спросить, какія вы подаете ему надежды, потому что онъ-то (покрайней-мѣрѣ, сколько я замѣчаю) не подаетъ вамъ никакихъ надеждъ. Какъ вы намѣрены все это развязать? Прошу васъ, отвѣчайте,

чтобы мнѣ знать, по крайней мѣрѣ, въ какое положеніе должна я себя поставить?

Анна Александровна точно угорѣла; у нея стучало въ вискахъ.

— Прощу васъ, объясните, продолжала Лизавета Юрьевна:—мнѣ это необходимо знать.

— Для чего же, chere Lise? спросила Анна Александровна, не чувствуя что спрашивала.

Лизавета Юрьевна слегка улыбнулась.

— Пожалуста, извините меня, Annette, но наивности, право, не у мѣста. Вы можете наивностями прикрывать вашъ возрастъ предъ посторонними, и то, простите! право, подчасъ очень некстати,—а вотъ, такъ, въ серіозномъ разговорѣ, это можетъ изъ себя вывести... Какъ, для чего мнѣ знать чѣмъ вы хотите кончить съ Куличовымъ? Да хотя бы для того, что я хозяйка дома и что, наконецъ, это двусмысленно!

— Какъ это, Lise?..

— Такъ. Вотъ, вы слышали какой смыслъ придаетъ этому ваша тетушка?

— Lise, а вамъ клянусь, я ничего не понимаю!

Анна Александровна зарыдала. Лизавета Юрьевна не видала и не слышала этого и продолжала, не возвышая голоса.

— Ваша тетушка увѣряетъ, что я—слышите?—я влюблена въ Куличова, а вы только предлогъ... Я васъ спрашиваю, какъ это пріятно! Это-то вы понимаете?

Анна Александровна такъ хорошо поняла, что похолодѣла.

— Обѣ онѣ налетѣли вчера, и тетушка ваша и сестрица. Я не въ состояніи выдерживать такого неистоваго крика. Изъ одного этого крика, я не хочу видѣть ихъ у себя въ домѣ. И, къ довершенію у меня же въ домѣ особа, за которую я терплю такіа отвратительныя клеветы! Вѣдь попасть на язычокъ Катерины Федоровны, значитъ, отдаться на растерзаніе всему городу!

— Развѣ ужъ говорятъ..... въ городѣ? выговорила Анна Александровна.

— Не думаю! возразила грозно Лизавета Юрьевна:—но могутъ заговорить.

— Но, Lise, тогда Serge...

— Нѣтъ, вы никогда не были замужемъ! прервала Лизавета Юрьевна, торжествуя, что сказала такую истину:— какъ дешево для васъ мужья! Помилуйте у Сергѣя Александровича рукъ не достанетъ выкидывать въ окошко всѣхъ, кто, по вашей милости, заговоритъ обо мнѣ дурно! Вы понимаете, по крайней мѣрѣ, что за это надо въ окно выкинуть? Одинъ толстый дуракъ Измишинъ, котораго мой мужъ видѣть не хочетъ, и за котораго ваша Фанни замужъ собралась, одинъ онъ будетъ грохотать, его не уймешь... Ужь если вы не можете понять, что такое любовь къ мужу, то хоть подорожите братомъ, которому обязаны.

— О, Lise, неужели вы думаете, неужели вы можете думать, что я не дорожу?

Лизавета Юрьевна сидѣла прямо и говорила глядя предъ собою, слѣдовательно, не видя, какъ Анна Александровна заливалась слезами.

— Вы ему много обязаны. Я это могу говорить безпристрастно. Я могу тоже о себѣ сказать, что вы не можете ни въ чемъ на меня пожаловаться. Какъ вы себя держите съ моими людьми, съ дѣтьми, я вамъ не дѣлаю замѣчаній. Непріятно мнѣ или нѣтъ, вы этого не видали. Даже хозяйка вы, а не я; вы всѣмъ распоряжаетесь, а я никогда не знаю, буду ли обѣдать,—вотъ, въ какія я поставила себя отношенія! Надѣюсь, я деликатна!... И это продолжается десять лѣтъ. Вѣдь это вся жизнь женщины! Сколько тутъ затаеннаго, я вамъ и не говорю. Вы и не поймете. Вы замужемъ не были, чтобъ это понять. Вы не испытали каково войти въ домъ, гдѣ надѣешься быть чѣмъ-нибудь, и найдти, что ужь тамъ, безъ меня есть старшая. Вы не испытали материнской ревности, этого тонкаго чувства, когда видишь превратную систему воспитанія, которое даютъ нашимъ дѣтямъ.

— Ахъ, Lise, вы знаете, что ваши дѣти... Боже мой, еслибъ у меня свои были, я бы не могла ихъ больше любить! Развѣ можно больше любить?... Lise, повѣрьте, ради Бога.

Анна Александровна схватила ея руку.

— Очень вѣрю, съ достоинствомъ отвѣчала Лизавета Юрьевна:— что вы та чеге! Вы экзальтированы, вамъ все кажется... Полноте, сцены!... Вотъ, потому я и говорю, что вы не имѣете понятія... Я надѣялась, по крайней мѣрѣ,

что хотя моя репутація замужней женщины будетъ сохранена, и вижу, что должна жертвовать и ею... Согласитесь, это ужъ черезчуръ много! прибавила она съ горькимъ смѣхомъ взглянувъ въ сторону Анны Александровны:— въ семьѣ моего мужа я нашла и враговъ, которые меня терзаютъ, и... предательство!

Лизавета Юрьевна долго искала послѣдняго слова, за то и выговорила его особенно съ чувствомъ.

— Lise, вскричала Анна Александровна:—я скажу Куличову, чтобъ онъ глазъ сюда не показывалъ, я его никогда не увижу...

Лизавета Юрьевна, улыбаясь, пожала плечами.

— Дѣло ужъ сдѣлано, возразила она: я ужъ оскорблена!... И почему же вы берете на себя прогонять друзей моего мужа? Это ужъ слишкомъ много! Вы будете по десяти, по пятнадцати лѣтъ завлекать кого-нибудь, не удастся вамъ, скомпрометируете себя и другихъ, а потомъ прогоните человѣка, какъ ни въ чемъ не бывало? Нѣтъ, Анна Александровна, это ужъ слишкомъ много! за что же, по вашей милости, я должна остаться безъ знакомыхъ?

— Lise, но что же я должна дѣлать?

Лизавета Юрьевна опять пожала плечами.

— Мнѣ кажется... проговорила она насмѣшливо, дѣлая видъ, что прекращаетъ разговоръ, потому что слышала шагъ своего мужа.—Нечего говорить объ этомъ, раздражать Сергѣя Александровича; пощадите хоть этого... Мнѣ кажется, по лѣтамъ, вамъ мнѣ, а не мнѣ вамъ, слѣдовало бы подавать совѣты... „Что дѣлать!...“ О Боже мой!

Лизавета Юрьевна тихо разсмѣялась и обратилась къ мужу.

— Выспался?

— Да... Анна Александровна, мое почтеніе! Ну что, какъ въ своемъ здоровіи отецъ Евпсихій съ братіей? Всѣ ли вы ваши нечистые помыслы тамъ оставили?... Закури мнѣ папирску, Лиза; я выкурю и въ клубъ; пора. А ты, куда?

— Я думаю. Нѣтъ, куда.

— Что жъ, возлюбленный твой придетъ? ты ждешь?... Слышали вы, Анна Александровна, безъ васъ у моей жены любовникъ завелся? Да невзначай, да какъ проворно! Покуда вы были на лицо, знаете, все еще скрывалось, а чуть вы отлучились на денекъ, тутъ и есть, обозначилось! При-

ятное-сь, пріятное обстоятельство! Покорнѣйше васъ благодаримъ, Анна Александровна, вамъ обязаны! Да кланяйся, жена!

Ельниковъ толкнулъ жену въ плечо.

— Охъ! сказала Лизавета Юрьевна, оскорбленная и огорченная, какою не казалась до этихъ поръ:—полно шутить.

— Какія шутки? возразилъ Ельниковъ:—вотъ, не думали, не гадали! Эхъ, семейное счастьеце!..

Анна Александровна не выдержала больше, даже вскинула свою работу на столъ, и вышла поспѣшно.

IX.

Мудрено разказать что передумала и перечувствовала Анна Александровна въ этотъ вечеръ, въ эту ночь, въ слѣдующее утро, въ ожиданіи пробужденія Лизаветы Юрьевны. Вечеромъ еще было легче, были гости, и подъ предлогомъ усталости отъ путешествія можно было оставаться наверху, въ своей комнатѣ, и не показываться; но утромъ явились еще и житейскія заботы. Анна Александровна узнала, что, въ ея отсутствіе, Лизавета Юрьевна завела другой порядокъ во вставаньи и завтракѣ дѣтей; между прочимъ, имъ было запрещено давать чаю. Когда Анна Александровна хотѣла утѣшать Петю, прибѣжавъ на его вопли и заставъ его за чашкой какого-то настоя, отъ котораго онъ отбивался, буквально руками и ногами,—няня возразила ей:

— Оставьте, барышня; безъ васъ все сдѣлается.

Ельниковъ спросилъ чаю къ себѣ въ кабинетъ и уѣхалъ въ должность, не зайдя въ залу, гдѣ, по обыкновенію, дожидалась его сестра. Она узнала, что онъ уже заказалъ обѣдъ. Это окончательно ее разстроило. Она побрела опять наверхъ и опять принялась плакать, думать, передумывать...

Есть счастливыя женскія натуры, — женщины съ сердцемъ и волей. Къ сожалѣнію, онѣ встрѣчаются чаще въ романахъ чѣмъ въ дѣйствительности, гдѣ почти всегда перевѣшиваетъ одно что-нибудь—сердце или воля,—почему женщинъ, конечно съ исключеніями, можно раздѣлить на

два сорта: болѣе или менѣе запуганныя и болѣе или менѣе эгоистки. Въ проходящемъ поколѣніи особенно много первыхъ, въ будущемъ будетъ больше послѣднихъ... Въ тяжелую минуту, счастливая натура сначала плачетъ, платя этимъ дань своему сердцу, а потомъ думаетъ и дѣйствуетъ; эгоистка вовсе не плачетъ; Анна Александровна и плакала и думала въ одно время, запугивала сама свои слезы и спутывала припадками слезъ свои размышленія. Размышленій, все объ одномъ и томъ же, было много, что доказывало, какъ они напрасны. Они приходили также и по привычкѣ. Въ дѣтствѣ, съ Анны Александровны строго взыскивали за всякій проступокъ; въ молодости ей безпрестанно толковали о приличіяхъ и приказывали наблюдать за собой. Наблюдать за собой ей было нечего: она была меньшая, всегда робка и безмолвна, — но ея семья умѣла устраивать въ себѣ частыя бури изъ нічего, а это *ничего* оказывалось важнымъ; нельзя было не думать, не толковать о немъ. Среди пустѣйшихъ, но тѣмъ не менѣе мучительныхъ „исторій“, надо было разбирать духъ и отѣнки „партій“, беречься однихъ, приставать къ другимъ, или, вѣрнѣе, не приставать и не беречься, но отъ робости и нѣжности сердца страдать за всѣхъ, а отъ безотвѣтности — отъ всѣхъ... Это, пожалуй, называется мельчать, тратить жизнь, — но когда у женщины больше сердца чѣмъ воли, это иначе не бываетъ.

Анна Александровна спрашивала себя, чѣмъ она могла заслужить такое немилосердіе судьбы, что прогнѣвалась на нее тетушка? И тетушка и Лиза! За что? Рѣшеніе этого вопроса вело за собой разборъ такихъ тонкостей, такихъ мелочей, воспоминаніе такихъ малѣйшихъ обстоятельствъ, такихъ незначащихъ словъ, такихъ пустяковъ, что отъ этого труда всякій вышелъ бы изъ терпѣнія, еслибы не отказался съ первой минуты. Но Анна Александровна ни отъ чего, никогда не выходила изъ терпѣнія, а разъяснить свое положеніе ей было необходимо.

Не успѣвъ въ этомъ, она повторила себѣ въ сотый разъ, что несчастіе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Это она понимала хорошо, потому что дала себѣ волю чувствовать. Она рѣдко, почти никогда не давала себѣ этой воли; она привыкла, когда поднималось у нея горькое чувство, мять его и прогонять, — то отъ все еще молодаго желанія развеселиться чѣмъ-нибудь,

то отъ усталости просившей хотя какого-нибудь покоя, то изъ приличія, то отъ робости, то за недосугомъ, то отъ страха грѣха. Теперь, она давала себѣ волю и оглядывалась, что такое, въ самомъ дѣлѣ, ея жизнь на этомъ свѣтѣ...

Въ послѣдніе три-четыре дня, когда путешествіе вывело ее изъ ея привычекъ, она не разъ объ этомъ думала; ей было свободнѣе думать не дома. Но думы были смутны, въ сожалѣніяхъ было больше горя нежели горечи, въ воспоминаніяхъ много тоски, но тоски отъ пустоты и въ пустотѣ. Все вмѣстѣ бросало въ тяжелую усталость и отнимало послѣднія силы... Но было ли что отнимать, были ли силы? И безъ того, всегда голова Анны Александровны покорно наклонялась предъ всѣмъ, предъ всѣми, кто пробовалъ надъ ней свою силу. Теперь, она наклонилась еще больше, полнѣе понявъ какъ всегда была беззащитна... Но по привычкѣ и отъ кротости, она опять обвинила сама себя.

— У меня такой характеръ, что я ни на что не гожусь, сказала она себѣ въ слезахъ, не отдавая себѣ отчета, что такое это „ни на что“. Въ ея памяти мелькнули и неудачные выѣзды, и свѣтскія неловкости, и хозяйственные безпорядки, и неумѣнье сблизиться съ людьми, и шалости дѣтей, въ которыхъ она считала себя виноватою, все мелочи, все вздоры, съ своими крохотными подробностями, утомляющею возней, тошными дразгмами: для нея они складывались во что-то огромное и страшное. Она говорила себѣ, что, на ея мѣстѣ, другая сумѣла бы сдѣлать всѣхъ счастливейше вокругъ себя, привязать къ себѣ, значить что-нибудь, а теперь...

— Господи! Фанни не довольна, тетушка вообразила не знаю что; за эту несчастную любовь Лиза оскорблена, братъ... братъ имѣетъ полное право...

Но помянувъ о своей несчастной любви, Анна Александровна попала въ такую путаницу, изъ которой выйти уже не могла и потеряла послѣднюю способность соображенія... Но что и соображать? Она несчастна, кругомъ несчастна, нелюбима, отброшена всѣми и заслужила это...

Но предъ нимъ, предъ Евгеніемъ, чѣмъ она виновата? И теперь, не за него ли она страдаетъ?

Онъ благородный человѣкъ, онъ пойметъ это...

Что долженъ былъ понять Куличовъ, она сама не знала. Въ тѣхъ порывахъ горя, когда воображается невозможное,

ей казалось, что теперь, ей, всѣми отверженной, Куличовъ одно прибѣжище. Уставая отъ слезъ, она убаюкивала себя этою мыслью; ей пришло въ голову, что надо благодарить Бога за эту мысль; она становилась на колѣни и молилась, — странно, точно ожидая, что Куличовъ войдетъ въ эту минуту. Она сама не знала чего надѣялась, чего хотѣла; предъ ней мелькали сцены примиреній, чьи-то ласки, чьи-то хорошія слезы; ей почему-то мерещилось будто и комнаты ярче освѣщены и какъ-то все нарядно кругомъ, и всѣмъ весело; тетушка смѣется, и Фанни весела, съ ней Измишинъ, а онъ Евгеній...

Анна Александровна вдругъ стало стыдно и все исчезло: она какъ-то вдругъ поняла, что ей мечталось. Съ горькими слезами возвратилась она къ дѣйствительности...

Она рѣшилась еще переговорить съ Лизой. Лизавета Юрьевна не уклонялась отъ разговоровъ. Она объявила давно, что не принадлежитъ и не желаетъ принадлежать къ числу провинціалокъ стараго покроя, охотницъ переливать изъ пустаго въ порожнее и кричать будто домъ горитъ, а потому, хотя сто разъ повторила, что оскорблена выше всякаго вѣроятія, но вела объясненія прилично, не возвышая голоса. Въ этихъ объясненіяхъ ничего понять было не возможно, кромѣ того, что Лизавета Юрьевна была убѣждена, что такой порядокъ вещей существовать не можетъ и все должно разъясниться. Она постоянно просила Анну Александровну подумать. Анна Александровна почти помѣшалась, думая.

Это продолжалось два дня. Ельниковъ довершалъ мученія сестры то плоскими шутками, то нешуточнымъ, хотя сдержаннымъ гнѣвомъ; предлоговъ на гнѣвъ не оказывалось — онъ гнѣвался, придираясь къ пустымъ словамъ, къ неисправностямъ прислуги. Лизавета Юрьевна видѣла и знала, что все это относится не къ ней, а къ сестрѣ, тѣмъ не менѣе принимала видъ жертвы, — гордой, презирающей, но все-таки жертвы. Она не упрекала Анну Александровну, но говорила:

— Вотъ чѣмъ я обязана вашей сестрѣ! Изъ этого вздора, Измишина! Она такъ меня ненавидитъ... ей было тяжело видѣть, что я счастлива...

Лизавета Юрьевна заговорила было о семейныхъ несчастіяхъ, супружескихъ печаляхъ, *existences brisées*, но понявъ

что этотъ тонъ ей не по голосу, заключила кратко и ясно, что она этого не потерпитъ, что она заставитъ мужа перемѣнить службу и уѣхать изъ Н., лишь бы во вѣки не встрѣчаться съ тетуськой и Федосьей Александровной.

— Только этого не доставало! прибавила она, какъ будто переселеніе было ужь окончательно рѣшено:—не доставало вздорнымъ старымъ дѣвамъ заставить человѣка семейнаго, не Богъ знаетъ съ какими средствами, бросить свой домъ, свои привычки, мѣсто своего рожденія, и скитаться по свѣту...

Анна Александровна выплакала всѣ свои слезы. Прошло еще нѣсколько дней. Она получила записку отъ Фанни. Фанни единственно желала выразить чувство негодованія къ поступкамъ невѣстки и брата, и негодованія смѣшаннаго съ сарказмомъ на поведеніе Анны Александровны записка не имѣла другой цѣли. Анна Александровна получила и прочла ее, не разобравъ, въ лихорадкѣ, облила эти строки слезами, вообразила, что въ нихъ шагъ къ примиренію, полетѣла съ ними къ Лизаветѣ Юрьевнѣ, и только прочтя ихъ въ другой разъ, передъ ней, поняла, что это ругательство. Она остолбенѣла. Лизавета Юрьевна спросила вспыхнувъ:

— По какому праву вы приходите читать мнѣ это?

— Lise, я думала...

— Нѣтъ, я думаю, прервала Лизавета Юрьевна:—что я страдаю по милости *visz*, вашей романической страсти... такъ я надѣялась, что у васъ найдется хотя капля здраваго смысла,—не совѣсти, не раскаянія,—а просто, смысла, такта...

Звонокъ и пріѣздъ гостей прервали объясненіе. Всѣ эти дни, Лизавета Юрьевна принимала по обыкновенію; въ городѣ никто и не воображалъ „терзать ея добраго имени“, никто не подозрѣвалъ что происходило въ ея домѣ: тетуська Катерина Федоровна бурлила у себя и слишкомъ боялась племянника, чтобы дѣлать огласку. Тѣмъ не менѣе Анна Александровна признала себя преступницей и рѣшилась внезапно: схватила шляпку, шубу и побѣжала къ теткѣ. Ей казалось, что надо переговорить, оправдать Лизу, что надо о чемъ-то умолять тетку... Порывъ рѣшительности перешелъ въ страхъ, когда Анна Александровна достигла

дома тетки. Она почти обрадовалась, узнавъ, что ни тетки, ни сестры нѣтъ дома.

— Скажите, что я была, что мнѣ нужно ихъ видѣть, произнесла она безсознательно, уже не помня зачѣмъ приходила и взявшись за скобку двери, чтобъ уйдти.

— Анночка, это ты? раздался голосъ изъ залы.

Марья Петровна, пользуясь тѣмъ, что хозяекъ не было дома, прохаживалась по комнатамъ, непричесанная и волоча свою смятую блузу.

— Пойдемъ ко мнѣ, сказала она, уводя Анну Александровну къ себѣ въ комнату:—мы съ тобой сто лѣтъ не видались.

— Да, ровно недѣлю, какъ пріѣхали, отвѣчала Анна Александровна, по учтивой привычкѣ помнившая всѣ свиданія и всѣ разлуки съ знакомыми.

Съ той минуты, какъ съ ней заговаривали посторонніе, Анна Александровна уже не считала себя въ правѣ принадлежать себѣ, думать о себѣ,—и потому, ея первыя слова пріятельницъ были не разказъ о собственныхъ горестяхъ этой недѣли, а вопросъ:

— Что жъ дѣлала, какъ провела время, Машенька?

— Отлично, другъ!.. Анфиса, торопись, матушка, съ кофеемъ, я голодна ужасно... Отлично, другъ, время провожу; сейчасъ только отъ обѣдни; у Покрова архіерей пріидѣлъ освящать... Что за старичокъ милый!.. Тетушка твоя съ сестрицей тамъ тоже были и отправились на пирогъ къ церковному старостѣ; ну, а намъ куда въ такой почетъ! Онъ въ каретѣ, а я на саночкахъ, на извозикѣ. И досада какая — пѣвчіе тоже всѣ на пирогъ ушли... а то бы я пѣшкомъ оттуда...

— Вѣдь это далеко, Машенька.

— Намъ это ничего, въ пріятномъ обществѣ... Да что же я тебѣ не скажу? Павелъ Максимовичъ былъ!

— Павелъ Максимовичъ?.. повторила Анна Александровна, которой на этотъ разъ измѣнила память.

— Ну, да, былъ, былъ! восклицала въ восхищеніи Марья Петровна.—И золь же! я его разозлила: онъ на меня взглянетъ, а я отъ него отвернусь; онъ взглянетъ,—а я отвернусь; онъ поближе пробирается, а я будто не замѣчаю, будто молюсь. Я стояла у самага крылоса, подъ колокола-

ми... Ахъ, другъ, какъ они грянули многолѣтіе, я даже вздрогнула! *Мой* такъ за всѣхъ отличился...

— Твой? спросила Анна Александровна: — твой? который же?

Марья Петровна залилась смѣхомъ:

— Ты, другъ, ничего не знаешь! *Мой* у меня вѣдь новенькій, архіерейскій октава, черный такой, прелесть что! Я его еще тогда, на Рождество замѣтила, ну, а эту недѣлю архіерей... право, милый какой!.. все служилъ да служилъ, все праздники. А я, куда архіерей, туда и я. Къ крылосу, заговорила, познакомилась съ октавой... Эти птицы скоро на руку идутъ! Выйдемъ вмѣстѣ, идемъ вмѣстѣ. Они и раннія обѣдни пѣли, я и къ раннимъ. Итакъ въ недѣлю у насъ двѣнадцать свиданій съ нимъ было.

Анна Александровна подумала, что въ эту недѣлю ни разу не видѣла Куличова; эта мысль въ одну минуту и разомъ напомнила ей всѣя ея горести.

— Я хотѣла тебя спросить, Машенька, начала она: — не могла ли ты какъ-нибудь понять, за что тетенька на меня сердится? И Фанни. Я тебя увѣряю, душа моя, что съ моей стороны... ты меня знаешь. Я ничего ей кромѣ добра не желаю. Еслибъ я знала, что она надѣется составить партію съ Измишинымъ...

Марья Петровна въ эту минуту принималась за кофе и потому развлеклась отъ собственнаго разказа; при имени Измишина, она покатила отъ смѣха.

— Охъ, Анючка, не мори! Еслибы ты видѣла, какія она штуки выдѣлываетъ, твоя сестрица! Сѣтку съ золотыми бусами себѣ купила. Онъ ей конфеты возить, брата твоего ругаютъ... А, да ну ихъ! Она меня въ убытокъ ввела, твоя Фанни. Я терпѣть не могу по лавкамъ вашимъ шататься, а ее хлѣбомъ не корми, только пошли. Я ее и прошу купить сатинъ-дублю черного... Ужъ признаюсь тебѣ хотѣлось отцу Іакинѣу подарить, куда ни шло! Онъ вѣдь здѣсь былъ, отецъ Іакинѣвъ. И зла же была твоя тетушка: звала звала его къ себѣ, а онъ глазъ не показалъ. А я такъ съ нимъ видѣлась. Ну, и хотѣлось мнѣ ему презентъ. Фанни твоя и купи мнѣ гро-гро, цѣлковымъ на аршинъ дорожке,—шутка, ты скажи! Да ужъ такъ и быть, разозлилась я, а дѣлать нечего, отвезла ему,—а онъ мнѣ, другъ, просвиру, вотъ этакую! и образокъ. За это я ему очень

благодарна, за его благословеніе, прибавила Марья Петровна серьезно:—и посмотри, какой образокъ! въ окладѣ, и живопись хорошая.

Анна Александровна набожно перекрестилась, и посмотрѣвъ образокъ, поцѣловала его; у нея набѣжали слезы.

— Вотъ и разорила меня твоя Фанни, а то я разчитывала другой презентъ сдѣлать... обоихъ ужъ не обидѣть!... пѣвуну моему прекрасному, октавочкѣ моей. Вѣдь шинельшка вѣтеркомъ подбитая и предъ товарищами совѣстно; тѣ всѣ разодрѣты, расфранчены, а онъ, красота такая, кое въ чемъ; даже жалко. Носъ въ воротникъ кошачій спрячетъ, тѣмъ и грѣется. И оттуда голосенокъ его милый:—„Блаженъ мужъ...“ Ахъ, другъ, какъ онъ это поетъ! ты бы заслушалась... Поѣдемъ сегодня ко всенощной; хочешь?

— Нѣтъ, душка, мнѣ некогда... сказала Анна Александровна, ошеломленная.

— Все тебѣ некогда. Я сегодня ѣду въ послѣдній разъ, прощаюсь; завтра чѣмъ свѣтъ домой къ себѣ въ деревню.

— Ты ужъ уѣзжаешь?

— Что жъ мнѣ тутъ дѣлать, помилуй скажи? Архіерей ѣдетъ куда-то, и они съ нимъ всѣ, пѣвчіе. Съ тетушкой твоей сидѣть, мое почтеніе!... Вотъ мнѣ жаль только, съ пустыми руками я съ нимъ прощусь. За то, какъ только у меня съ обозомъ изъ Москвы воротятся, я ему сукно, и подкладку, и воротникъ, всю шинель однимъ почеркомъ... Павелъ Максимовичъ мой сегодня все плечи къ верху поднималъ, воротникъ новый показывалъ; приказничка противный, крапивное сѣмя!... Вотъ, другъ, какая я стала: ужъ если разлюблю, брошу,—не знаю какъ мнѣ гадокъ человекъ дѣлается, и бѣгаю отъ него, боюсь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ съ дерзости не отомстилъ. Я нынче, другъ, свѣтскими, даже приказными, не занимаюсь, у меня все левиты; вотъ, октавочка моя голосиста!... Ахъ, постой, я тебѣ еще что разкажу!... Прибери, Анфиса; что жъ, конфеты мнѣ принесли?

Анфиса положила на столъ мѣшокъ съ конфетами и стала убирать чашки.

— Ышь, другъ, продолжала Марья Петровна: — что ты осовѣла? Кофею не пьешь, ну хоть сладенькаго. Я, вотъ, съ утра. Твоя Фанни меня разманила; ей все ея женишокъ возить, мнѣ и захотѣлось. Думаю, что жъ мнѣ себя не по-

тѣшить? да фунта по два всякій день и потѣшаюсь. Ничего больше ѣсть не могу: дай все сладкаго. Расположеніе такое: сладкое пѣніе, сладкія рѣчи... и уста сахарныя...

— Машенька, научи меня, что мнѣ дѣлать? сказала вдругъ Анна Александровна.

Марья Петровна не отвѣчала ничего, хотя не встревожилась; ее затруднилъ не смыслъ вопроса, а то, что ей предлагали вопросъ, ее вызывали думать. Она молчала, покуда Анна Александровна заливалась слезами.

— Да что я тебѣ скажу, другъ? выговорила, наконецъ, Марья Петровна: — нечего тебѣ дѣлать; оставайся какъ есть.

— Но ты пойми, Машенька, душа моя,—всѣ противъ меня...

— Плюнь на всѣхъ, равнодушно отвѣчала Марья Петровна.

Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія и слезъ. Марья Петровна съѣла нѣсколько конфетъ и, казалось, надумалась.

— Брось ихъ всѣхъ, живи одна.

— Э, Машенька! возразила Анна Александровна съ кроткимъ упрекомъ:—какъ это!

— Вотъ какъ я. У тебя есть деньги, отдай ихъ по рукамъ, чтобы процентъ больше; найми себѣ комнатки три и живи. Я сама такъ буду жить; въ деревнѣ теперь жить нельзя. А въ городѣ, другъ, да это наслажденіе! Конечно, ты къ свѣту привыкла, ну, отвыкни; разборчивость свою аристократическую отложи. Ты еще и собой недурна... Э, другъ, свѣтъ клиномъ не сошелся, и получше твоего Куличова найдутся! Ты не взыщи: я его всегда дуракомъ считала... Да чтобъ я, на твоёмъ мѣстѣ, когда по его милости житья нѣтъ, чтобъ я ему не отомстила, не взяла бы другаго? да я не я! Я, вотъ, Павла Максимовича,—ужь ничѣмъ, бѣдненькій, не виновать, по совѣсти говорю,—и то,—надоѣлъ—въ три дня въ отставку. И ты по моему. Съ родными своими не встрѣчайся, а встрѣтишься—не кланяйся; они сами по себѣ, а ты сама по себѣ. Что ты, не человекъ, что ли? ты и сама можешь собой располагать. Не знайся ни съ кѣмъ. Развѣ такъ не живутъ? за что твоя молодость прошла? красота Богъ знаетъ куда дѣвалась? все даромъ? Я иногда на тебя посмотрю, да подумаю: вѣдь ты не жила!

Все при братцѣ, при дѣтяхъ, при пеленкахъ, при кухнѣ; невѣстка носы срываетъ, на балъ тебя повезутъ Христа-ради, чуть не побитую; все чопорности, да приличія... Вѣдь, знаешь, еслибы ты и съ Куличовымъ не такъ фигурно держалась,—и съ Куличовымъ было бы не то...

— Что жъ было бы? прервала Анна Александровна.

— Ужъ я не знаю что, да не то. Ты какъ-то все мямлила... ты меня извини. Я бы съ нимъ рѣшительно. Ну, любить, такъ ужъ любить совсѣмъ, какъ слѣдуетъ. А то, что это твоя любовь, прокислая, стоячая вода какая-то, ни то, ни се!

— Что жъ дѣлать! повторила еще разъ, въ слезахъ, Анна Александровна.

— Вотъ, заживи одна, найди себѣ милаго.

— Я никого кромѣ его любить не могу! вскричала Анна Александровна, рыдая.

— Ну, тогда и его люби, пожалуй, если еще есть охота. Увидишь, на свободѣ и онъ не откажется...

— Машенька, ты Богъ знаетъ что говоришь! прервала Анна Александровна, вскочивъ съ мѣста, съ ужасомъ, между тѣмъ какъ пріятельница хохотала, лежа на подушкахъ.

— Машенька, ты... не знаю что!

— Самъ лукавый, отвѣчала Марья Петровна, глядя на нее и забавляясь.

— Нѣтъ, послушай, продолжала Анна Александровна:— ты знаешь какъ я несчастна... ты знаешь, что это мнѣ ни-когда и въ голову не приходило... какъ же ты можешь говорить... грѣхъ такой!...

— Я, другъ, изъ всѣхъ вашихъ стиховъ только одинъ знаю и одинъ люблю:

За чѣмъ же то что въ грѣхъ вводило,
Такъ было хорошо и мило?...

— Господи Боже мой, продолжала Анна Александровна, всплеснувъ руками и поднимая къ образу свои кроткіе глазки, всѣ утонувшіе въ слезахъ:—Господи Боже мой, лучше умереть!... Машенька, другъ ты мой, ты такая христіанка: какъ же тебѣ въ мысль входитъ?..

— Э, матушка, я вѣдь не на исповѣди! прервала Марья Петровна очень обиженная:—не навязываю я тебѣ никого, ни Куличова твоего, дѣлай что хочешь! Добродѣтель твоя

распѣтушилась очень,—ну, поди къ своей матери Митродорѣ,—вотъ, къ тетущкѣ своей поди; кстати воротилась, покрикиваетъ... Анфиса! прибавила она, вставая съ постели:—дай одѣться, и вели мнѣ извозчика привести, хорошаго, съ полостью; я кататься поѣду.

— Тетенька ваша прѣехали, доложила между тѣмъ Анфиса Аннѣ Александровнѣ,—онѣ знаютъ, что вы здѣсь, имъ сказывали.

Но Анна Александровна, не слушая, ужъ надѣла шляпку и бѣжала въ прихожую, а оттуда на улицу.

Гнѣвъ тетущки былъ великъ, когда она узнала объ этомъ посѣщеніи и бѣгствѣ. Слѣдствіемъ гнѣва была записка, въ которой говорилось о гнусномъ шпіонствѣ Лизаветы Юрьевны подсылающей свою наперсницу подслушивать въ чужихъ домахъ, о подлости Анны Александровны взявшей на себя эту роль; поведеніе Ельникова, позволяющаго эти вещи, называлось просто и кратко свинствомъ. Тетущка и Федосья Александровна не поскупились на сильныя выраженія. Записка была писана четко, не запечатана, имена въ ней всѣми буквами; относившему ее лакею стоило обронить ее на улицѣ, чтобы семейныя драмы Ельниковыхъ сдѣлались извѣстны всякому любопытному постороннему. Записка, впрочемъ, дошла благополучно. Ельниковъ взялся отвѣчать и отвѣчалъ на четырехъ страницахъ большаго формата, въ большомъ конвертѣ, за гербовою печатью. Это было объясненіе полное достоинства; сильныя выраженія повторялись подчеркнутыя въ видѣ цитатъ, и авторы ихъ приглашались принять ихъ всѣ на свой собственный счетъ. Только въ заключеніе, Ельниковъ позволилъ себѣ иронически прибавить, что если тетущка и сестрица пожелаютъ посѣтить его домъ, то найдутъ на подъѣздѣ цѣпную собаку. Тетущка и сестрица не захотѣли оставаться побѣжденными: онѣ написали еще разъ и еще краснорѣчивѣе. Ельниковъ пожелалъ оставить за собой послѣднее слово и еще разъ отвѣчалъ. По поводу этого отвѣта, у него была сцена съ женою: Лизавета Юрьевна, искренно желая чтобъ онъ отвѣчалъ, удерживала его, умоляла не волноваться, бросить эти дразги. Въ сумерки, отъ тетущки пришло третье посланіе. Прочтя, Ельниковъ шелъ приличнымъ выйдти изъ себя, изорвалъ записку въ клочки, побилъ посланнаго, и, въ присутствіи нисколько неизумленной прислуги,

послалъ тетушку и сестрицу къ чорту. Затѣмъ, слегка задыхаясь, онъ отдалъ своимъ людямъ приказаніе не принимать больше никакихъ посланныхъ и посланій и не знаться съ челядью Катерины Ѳедоровны. Въ домѣ все притихло. Лизавета Юрьевна такъ старалась дать не замѣтить мужу перваго припадка, котораго у нея не было, что Ельниковъ, возвращаясь съ погрома изъ лакейской и мимоходомъ вскидывая стулья, спросилъ, не нужно ли доктора. Лизавета Юрьевна отказалась, но порывисто взявшись за книжку будто за прибѣжище, казалось, не могла придти въ себя и, молча, вздыхала. Когда эти вздохи были исполнены уже нѣсколько разъ, Ельниковъ, чтобы кончить, подошелъ поцѣловать ея руку и ушелъ по обыкновенію выпататься передъ вечеромъ.

Лизавета Юрьевна бросила книжку и закрыла лицо руками.

Анна Александровна сидѣла у окна, молча, не шевелясь, окаменѣлая; ея не спрашивали во время переписки, съ ней не говорили. Лизавета Юрьевна помнила, что надо забыть спросить лампу и на столѣ передъ нею мерцалъ низенькій огарокъ, зажженный второпяхъ, для прочтенія послѣдняго посланія. Въ комнатѣ былъ странный и непріятный полусвѣтъ. Вошли дѣти, Катя, Петя и Юрочка, и притихнувъ отъ тишины и темноты, стали всѣ трое вокругъ тетки Анны, положивъ ручки на ея широкую юпку. Лизавета Юрьевна вдругъ отняла руки отъ лица и порывисто позвонила. Вбѣжала нянька, по залѣ слышалось какъ бѣжалъ лакей.

— Уведите дѣтей! проговорила Лизавета Юрьевна и прибавила, неизвѣстно кому объясняя свои чувства:—я не могу ихъ видѣть!..

Анна Александровна тихо встала, тихо и ровно вышла изъ комнаты, и не оступаясь на лѣстницѣ, взшла къ себѣ наверхъ. Тамъ она сѣла тоже у окна, глядя внизъ на темный дворъ и слушая какъ стучало ея сердце...

Х.

Въ слѣдующіе два дня, Анна Александровна убѣдилась, что, въ самомъ дѣлѣ, ей надо какъ-нибудь постараться выйдти изъ своего положенія. Холодное и молчаливое гоненіе, ко-

торое поднялось на нее, было невыносимо именно потому, что отрывало отъ нея всѣ предметы ея привязанности и все-таки не могло вырвать чувства привязанности изъ этой кроткой души. Братъ смотрѣлъ на нее и будто не видѣлъ; Лизавета Юрьевна видѣла ее и не говорила съ нею ни одного слова; дѣтей не допускали къ ней; она слышала какъ ихъ бранили, если они просили идти къ ней въ комнату; при ней Лизавета Юрьевна разсердилась на Катю, что она играетъ въ грязныя тряпки, и бросила въ печку куклу, которую Анна Александровна сшила для дѣвочки этими днями, найдя среди всей своей печали, время и соображеніе убрать эту куклу въ ленточки и кружева. Анна Александровна сидѣла въ гостиной молча, и работала по обыкновенію; она считала своимъ долгомъ не уходить, боясь, чтобъ этого не приняли за злость съ ея стороны. Она рѣшилась выйти только услыша, что пріѣхалъ кто-то; ей было совѣстно показать постороннимъ свое лицо, а совѣстно не за себя: что подумаютъ о братѣ, о Лизѣ?.. Но уходя, она узнала голосъ Куличова.

Это довершило и переполнило мѣру ея терпѣнія. Рыдая, она упала на свою постель и, забываясь, выговорила громко:

— Я не могу тамъ быть...

Она не сошла обѣдать; ея не спросили почему. Вечеромъ, нянька принесла ей чаю. Анна Александровна приняла это за вниманіе и доказательство любви, но ошиблась: старухѣ было приказано, а иначе, какъ сама она выразилась, она бы не посмѣла. Анна Александровна съ ужасомъ увидѣла, что даже прислуга, которая никогда не слышала отъ нея ничего кромѣ ласковыхъ словъ, которую она защищала въ ея винахъ, которой помогала, о которой заботилась, — что эта прислуга, изъ страха, изъ угодливости господамъ, сторонилась отъ нея, грубила, какъ будто тоже имѣя причины гнѣваться; въ глазахъ этихъ людей, барышня, которой никогда голоса не было слышно, провинясь предъ господами, стала ужь вовсе такъ, чѣмъ-то что держали въ домѣ изъ милости, меньшая изъ меньшихъ, которую, если еще нельзя было обижать, то считать за ничто было можно. Отвратительное чувство, котораго Анна Александровна и назвать не умѣла, потому что до сихъ поръ не имѣла о немъ понятія, сжало ея душу, испугало ее, прогнало слезы; грязная обида придавала ей что-то похожее на силу.

„Я вѣдь ни въ чемъ не виновата, сказала она себѣ: это мнѣ за то только, что Фанни разсердилась, зачѣмъ не приняла Измишина... Господи Боже мой, за такую малость!...“

Но здраваго размышленія и силы достало, конечно, только на минуту. Она упрекнула себя за ропотъ, потомъ залилась слезами, подумавъ, что такой малости было довольно чтобы разрушить все ея счастье... Но счастье ли? Ея здѣсь никто не любилъ!..

Она провела и другой день въ своей комнатѣ. Не сойдя съ утра, въ часъ обѣда ей показалось неловко; рѣшившись, наконецъ, сходя, на половинѣ лѣстницы она услышала, что Лизавета Юрьевна говорила нянькѣ:

— Не знаю, какъ наша затворница глаза покажетъ.

Анна Александровна воротилась наверхъ. Она сочла преступленіемъ, что не показывала глазъ; этотъ поступокъ былъ такъ не похожъ на все что она дѣлала прежде, что она не знала какъ его поправить. Она тосковала по своимъ гонителямъ.

Вечеромъ, Ельниковъ и Лизавета Юрьевна куда-то уѣхали. Анна Александровна сообразила, что лучше ей сойти теперь, въ ихъ отсутствіе, чтобы воротясь, они застали ее уже тамъ,—и сошла въ залу. Дѣти играли; они обрадовались, увидя ее. Нянька увела ихъ тотчасъ; отъ страха ли господъ, или по собственному побужденію, но она не дала отвѣта, не только объясненія на просьбу Анны Александровны, оставить хоть Петю. Были ли запуганы дѣти, или ужъ отвыкли отъ тетки въ эти десять дней,—какъ ихъ отдаляли отъ нея,—но они ушли послушно, даже безъ жалобъ. Анна Александровна осталась одна. Лакей вошелъ съ намѣреніемъ погасить лампу, будто въ залѣ никого не было. Анна Александровна сказала, въ первый разъ въ жизни, отрывисто и съ досадой:

— Я останусь здѣсь.

Она принялась ходить по залѣ. Прогулка взадъ и впередъ въ пустой комнатѣ,—занятіе знакомое порывнымъ и страстнымъ характерамъ,—было ей ново. Она никогда не проводила своихъ вечеровъ безъ дѣла; она никогда не ходила такъ скоро, оглядываясь на свою мелькающую тѣнь, останавливаясь безъ мысли, раздражаясь шелестомъ своего платья. Она не думала, но сама себя не узнавала...

Раздался звонокъ. Анна Александровна хотѣла бѣжать, но услышала голосъ въ прихожей: гостю отказывали. Это былъ Куличовъ. Она отворила дверь.

— Евгенийъ Андреевичъ!

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, колеблясь, — снимать ли шубу.

— Войдите.

Она ждала на порогѣ залы. Куличовъ вошелъ, она затворила дверь.

— Одна? спросилъ онъ.

У Анны Александровны помутилось въ глазахъ, подогнулись ноги; она зарыдала и бросилась ему на шею.

— Что такое?... сказалъ Куличовъ и отсторонился немного.

Она этого не замѣтила, продолжая плакать.

— Что такое? повторилъ Куличовъ.

— Послушайте... послушай... выговорила, наконецъ, Анна Александровна.

— У васъ несчастіе какое-нибудь?

— Нѣтъ, слава Богу, не несчастіе... Вотъ что... Евгенийъ, жизнь моя, милый мой, скажи мнѣ одно слово!...

— Что сказать? Что только отъ меня зависитъ...

— Право? ты такъ говоришь? такъ? попрежнему?

Куличовъ испугался ея радости, больше нежели сконфузился отъ ея слезъ и даже объятій.

— Если только я могу что-нибудь... сказалъ онъ въ неопisanномъ затрудненіи человѣка, для котораго нѣтъ хуже наказанія, какъ принимать участіе въ комъ-нибудь: — что въ моихъ средствахъ, то, конечно...

Она взглянула ему въ глаза и встрѣтила его нерѣшительный взглядъ; ей показалось въ немъ другое чувство, то, котораго ей хотѣлось.

— О, Господи! вскричала она съ радостію: — ты все такой же, такъ же хорошо смотришь! Жизнь моя, счастье мое!... Послушай, я тебѣ этого никогда не говорила... Богъ свидѣтель, и не сказала бы никогда, не осмѣлилась бы совѣтовать; ты самъ знаешь что нужно дѣлать, а я тебѣ вѣрю, вѣрю, какъ не знаю кому!... Но я въ такомъ положеніи... это ужасъ! Тетушка, Фанни... братъ... Боже мой, даже люди въ домѣ, — все противъ меня! Не знаю за что, меня всѣ возненавидѣли! Мнѣ надо уйдти отсюда, я не

могу здѣсь быть... Вы знаете, я никогда бы не рѣшилась, но это, просто, не возможно. Даже для *нихъ* будетъ лучше, если я уйду; моя обязанность не стѣснять ихъ... о, какъ горько! Я все плачу, недѣлю, больше плачу, день, ночь...

Она говорила и плакала, а тутъ задохнулась отъ слезъ.

— Непріятности съ родными? спросилъ Куличовъ.

— Ты мнѣ одинъ остался! отвѣчала она.

Куличовъ тихонько вынулъ свою руку изъ ея рукъ, и взглянулъ на дверь. Анна Александровна подняла голову и смотрѣла на него. Ея взглядъ былъ полонъ безконечной, будто прощальной нѣжности, робкой надежды, отчаянной, послѣдней просьбы. Все что было порывнаго, прошло; она притихла, испугалась, хотѣла говорить и не могла; у нея поблѣднѣли губы.

— Я рѣшилась обратиться къ вамъ, Евгеній Андреевичъ. Это не ловко, это... не знаю что. Такъ, я знаю, не принято... но вы видите мое положеніе. Вы меня знаете давно, мой характеръ... Конечно, я ужъ не молода... но Богъ одинъ видитъ какъ я васъ любила и люблю! Я могу вамъ обѣщать, что если надо будетъ жизнь за васъ отдать... Господи, да что тутъ обѣщать! Вы знаете!... И я не ревнива, Евгеній Андреевичъ; если вамъ иногда казалось, будто я ревновала, это такъ... этого не будетъ. Право, я не очень капризна, мнѣ не много нужно... Мое состояніе, конечно, не велико...

— Вамъ что же угодно? спросилъ перѣшительно Куличовъ.

— Женитесь на мнѣ... сказала она, и не отвернулась, не закрыла лица, только опустила глаза, холодѣя, умирая. Вѣдь вы меня любили... выговорила она тихо, но страннымъ, сжатымъ голосомъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, которыя были ей отвѣтомъ.

Куличовъ поставилъ ей стулъ; она сѣла, сжимая руки и, глядя, передъ собою.

— Видите что, Анна Александровна, началъ онъ, садясь подлѣ нея:—вы не ошибались, я точно много любилъ васъ, и теперь я васъ такъ много уважаю, что нѣтъ жертвы, клянусь вамъ... Однимъ словомъ, нѣтъ жертвы! Я такъ преданъ всему вашему семейству... Но, согласитесь, если тогда,—десять, кажется, лѣтъ назадъ?—разница возраста была еще не такъ замѣтна, то теперь... Я не говорю, что-

бы вы не могли нравиться, но разница возраста между мужем и женой... И потомъ, состояніе! Противъ этого аргумента ни я, ни даже вы, ничего не скажете. Состояніе,—это, въ наше время, такая важная вещь... Это всегда было причиной, по которой... по которой я не предлагалъ вамъ никогда моей руки. Вы хотя и не знали этой причины, но надѣюсь, могли всегда быть увѣрены, что какая-нибудь причина существовала. Она существовала, дѣйствительно. Вотъ она, самая деликатная,—надѣюсь, вы ее оцѣните: я не хотѣлъ связывать васъ бѣдностію. Это было мое убѣжденіе. А теперь, эта же причина существуетъ,—стало-быть, что же я могу сказать? Скажите сами: я долженъ, стало-быть, поступить противъ моихъ убѣжденій?

Анна Александровна молчала.

Куличовъ ободрился. Онъ долго искалъ точки опоры и былъ радъ, что нашелъ ее; онъ попалъ на отговорку. Отговорка была ложь,—Куличовъ былъ далеко не бѣденъ, порядочно служилъ, получалъ разныя наслѣдства,—но фразы о деликатности и убѣжденіяхъ, вообще, очень легко свертываются.

— Скажите откровенно, безпристрастно, продолжалъ онъ:—какъ бы вы сами назвали человѣка поступающаго противъ своихъ убѣжденій? Я не отказывался отъ нихъ во всю мою жизнь; захотите ли вы чтобъ я началъ? Не эгоизмъ ли будетъ съ вашей стороны требовать этого? Не распадется ли вся ваша любовь предъ мыслию, что человѣкъ измѣнилъ себѣ... и для чего же?

Анна Александровна не отвѣчала.

— Видите ли, я правъ, продолжалъ опять Куличовъ:—и любовь ужъ не та! Мы съ вами ужъ не дѣти. Чувствами шутить нельзя. Вамъ ужъ только кажется, что вы меня любите, а въ самомъ дѣлѣ вы ошибаетесь. Въ васъ говоритъ эгоизмъ. Вы разсердились на вашихъ родныхъ, оскорбились изъ-за ничего, несправедливо,—и въ минуты когда вами владѣетъ чувство досады на вашихъ родныхъ, вамъ кажется, будто вы переносите все чувство любви вашей на человѣка когда-то, давно, пожалуй, и искренно вами любимаго. Но вамъ это только такъ кажется. Вы ужъ никого не любите. Такъ, пожалуй, пріязнь, сочувствіе... Я отъ всего сердца васъ уважаю и готовъ это повторить. Вы разстроены, даже нездоровы. Дайте этому пройти, и все

опять войдетъ въ обычную колею, по пословицѣ: „перемелется, мука будетъ,“ милая моя Анна Александровна!...

Онъ хотѣлъ взять ея руку и испугался ея холода, Анна Александровна схватила его руку въ обѣ свои, поцѣловала ее, тихо заплакала, встала и тихо вышла.

Черезъ нѣсколько недѣль, Катерина Федоровна разказывала своимъ гостямъ, что ея меньшей племянницѣ было чудо, видѣніе, повелѣніе свыше—оставить все житейское и идти въ монастырь.

— И странность какая, прибавила Катерина Федоровна:— непременно въ Новосрѣтенскую обитель, непременно туда! Не даромъ Анночка какъ съѣздила, вотъ съ Машенькой Ружковой, въ Серафимову, такъ только и твердила, что о Новосрѣтенской. Помилуй, бывало я говорю ей,—что ты, Анночка? далась тебѣ эта Новосрѣтенская, ничего тамъ особеннаго нѣтъ... Такъ, влеченіе было. А теперь, послѣ этого сновидѣнія, она и совсѣмъ рѣшилась...

Нужно замѣтить, что Анна Александровна не только не разказывала тетущкѣ о никогда не виданныхъ снахъ и не твердила о своемъ влеченіи въ Новосрѣтенскую обитель,—но и вовсе не видалась съ тетущкой два мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ ее прогнали, до того дня когда явилась въ черной свиткѣ, покрытая чернымъ платкомъ, и, упавъ въ ноги теткѣ, умоляла о своемъ прощеніи.

— Богъ, матушка, и грѣшниковъ прощаетъ, великодушно отвѣчала Катерина Федоровна, поднявъ кающуюся.

Федосья Александровна тоже простила сестру.

Это было предъ началомъ поста, Марья Петровна пріѣхала въ городъ, слушать меѣмоны въ архіерейской крестовой, и въ ожиданіи первой недѣли, остановилась у Катерины Федоровны въ комнатѣ, которую всегда занимала.

Анна Александровна пришла къ ней, измученная сценами примиренія и убѣгая гостей, которыя въ эту минуту зашебетали въ гостиной тетущки. Слышалось, какъ приказывали ставить карточный столъ, чтобъ еще успѣть поиграть до блиновъ, чтобъ не тратить драгоценнаго времени. Веселые голоса были все голоса старческіе и все женскіе. Шутили, что, вотъ, постъ скоро, и всему конецъ, и „поклоны“, такъ надо хоть до тѣхъ поръ пожить...

— Анночка, ты это что же вздумала? спросила Марья Петровна.

— Такъ, душка, тихо отвѣчала Анна Александровна, сложив на колѣняхъ свои маленькія ручки, какъ настоящая монашенка.

— Что жь „такъ“? Ты, другъ, съ ума сошла. Если ты тогда огорчилась, что твои перебрались, то вѣдь они съ тѣхъ поръ и помирились, и опять братецъ твой у тетушки козыряетъ, а невестка Фанничку нашу сегодня на *folle journée* везетъ. Видѣла ты какъ Фанничка брови подклеила? Измишинъ будетъ у ней за санями стоять, кататься; дѣло у нихъ на ладъ пошло, цѣлуются, и братецъ твой не прочь; все отлично, ты чего же бѣжишь? Своего бы лучше какъ-нибудь за хвостикъ ловила...

— Охъ, Машенька, Богъ съ тобой!

— Ну, ну, матушка, не смущаю! сказала, смѣясь, Марья Петровна—ты удивить, что ли, кого думала, что ушла отъ нихъ? Никого не удивила: чужіе и не замѣтили, свои не пожалѣли, только сама, Богъ-знаетъ изъ чего... Эхъ, другъ, жила бы да жила! Пожили бы вмѣстѣ, а то захотѣлось къ матери Митродоръ.... Ты какъ себя въ рясофоръ наречешь?

— Евгенія, отвѣчала чуть слышно Анна Александровна.

— Анночка! вскричала Марья Петровна, хохоча и грозя пальцемъ:—а это что? Это не грѣхъ?

— Авось Господь проститъ, отвѣчала Анна Александровна, наклоня голову и закрывая руками свое нѣжное личико.

В. Крестовскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА МУРАВЬЕВА О ВОЙНѢ 1855 ГОДА ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

Въ № 8 *Русскаго Вѣстника*, за прошедшій годъ, помѣщены были записки мои о взятіи Карса. Цѣль напечатанія ихъ была, какъ и сказано въ предисловіи, познакомить соотечественниковъ съ этимъ эпизодомъ войны 1855 года въ Малой Азіи, который въ виду громаднѣхъ событій въ Крыму прошелъ какъ-то мало замѣченнымъ, и несмотря на всю свою важность и значеніе, вполне оцѣненные впрочемъ при переговорахъ въ Парижѣ, мало были извѣстны нашей читающей публикѣ. Но всякій, кто прочелъ эти записки, могъ легко замѣтить, что въ нихъ содержится преимущественно только бѣглое повѣствованіе о лагерной жизни нашей, въ послѣднее время блокады Карса, и притомъ повѣствованіе, составленное по впечатлѣніямъ, схваченнымъ какъ бы на лету, на мѣстѣ, и дополненное случайными разнородными показаніями очевидцевъ, а потому и весьма не полное, безъ задуманнаго плана и системы.

Недавно узналъ я, что бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, генераль-адъютантъ Муравьевъ, пользуясь свободнымъ временемъ въ деревнѣ, занялся составленіемъ подробнаго описанія всей кампаніи въ Азіатской Турціи въ 1855 году, но что трудъ этотъ пока еще не оконченъ.

Полагая, что появленіе въ печати хотя нѣсколькихъ свѣдѣній объ этой кампаніи было бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ не только для людей военныхъ, но и для всякаго образованнаго читателя; я обратился къ Николаю Николаевичу Муравьеву, какъ къ прежнему своему начальнику, и просилъ позволенія избрать изъ его книги нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ, для помѣщенія теперь же въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

Давнишнее желаніе мое не осталось безъ успѣха, и я, пользуясь даннымъ мнѣ позволеніемъ, избралъ три слѣдующія статьи, независимыя одна отъ другой, но изъ которыхъ каждая представляетъ особенный интересъ: въ первой изъ нихъ описываются дѣйствія генерала Вилліамса при образованіи турецкой арміи; во второй заключается взглядъ на значеніе Карса и Эрзрума, а въ послѣдней изображается состояніе нашихъ войскъ въ первое время послѣ отбитаго штурма 17 сентября.

А. КАРСАКОВЪ.

I.

Назначеніе Вилліамса.—Перемѣна турецкаго главнокомандующаго.—Беспорядокъ въ турецкой арміи.—Состояніе карскаго гарнизона въ ноябрѣ 1854 года.—Шукри-паша.—Неудовольствія между Вилліамсомъ и Редклифомъ.—Вилліамс-паша.—Смѣна Шукри-паши.—Васифъ-паша.—Арестованіе Шукри-паши.—Укрѣпленіе Эрзрума.—Укрѣпленіе Карса.—Англійскіе офицеры.—Сила карскаго гарнизона.—Госпитали.—Продовольствіе.—Требованіе усиленія анатолійской арміи.—Предложеніе мушира оставить Карсъ.—Состояніе турецкой арміи.—Начальники въ турецкихъ войскахъ.—Духъ турецкой арміи.—Дѣйствія Вилліамса.—Силы турецкой арміи при началѣ военныхъ дѣйствій.¹

Въ августѣ, мѣсяцѣ 1854 года, англійское правительство, признавъ за нужное назначить комиссара къ турецкой арміи, дѣйствовавшей въ Малой Азіи, избрало для того артиллеріи полковника Вилліамса. По заключеніи Адрианопольскаго мира, Вилліамсъ былъ повѣреннымъ со стороны Англіи при разграниченіи Россіи съ Турціей. Послѣ того, онъ провелъ десять лѣтъ на службѣ въ Остъ-Индіи. Онъ пользовался уваженіемъ своего начальства, и былъ отправленъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендо-

¹ О положеніи Анатолійской арміи въ концѣ 1854 года и въ 1855 году, сообщаются разныя подробности въ перепискѣ, происходившей между англійскимъ правительствомъ и лицами, посланными для наблюденія за дѣйствіями Турокъ. Офиціальныя бумаги сіи, занимательныя по содержанию, были представлены въ обѣ палаты парламента и напечатаны въ видѣ сборника въ Лондонѣ, въ началѣ 1856 года. Свѣдѣнія изъ нихъ, здѣсь почерпнутыя, дополнены другими изъ записокъ англійскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ карсской кампаніи и обстоятельствами сдѣлавшимися въ то время извѣстными самому писателю. За всеѣмъ тѣмъ, сей очеркъ не вездѣ представляетъ одинаковую полноту; объ иныхъ предметахъ упоминается слегка, о другихъ же говорится съ большею подробностью; но сего нельзя было избѣжать, какъ потому, что Англичане въ перепискѣ своей преимущественно касались обстоятельствъ ближе ихъ занимавшихъ, такъ и по затрудненіямъ препятствующимъ полному познанію происходящаго въ непріятельскомъ войскѣ. Не менѣе того, свѣдѣнія сіи передаются здѣсь въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ ихъ можно было собрать, въ томъ предположеніи, что и частности могутъ служить къ объясненію предметовъ мало доступныхъ въ полномъ объемѣ.

номъ къ англійскому посланнику въ Царѣградъ, лорду Стратфорду де-Редклифу и къ командовавшему тогда англійскою арміею лорду Раглану, съ приказаніемъ дѣйствовать, согласно съ послѣднимъ и подъ его начальствомъ. Вилліамсъ засталъ Раглана въ Варнѣ, и получилъ отъ него письменное наставленіе, въ коемъ, жалуясь на разногласіе извѣстій о положеніи турецкихъ войскъ, лордъ Рагланъ поручалъ ему собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о состояніи ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, дознать также о занятіяхъ турецкихъ начальниковъ и донести о степени ихъ дѣятельности и уваженія, коимъ они пользовались въ войскѣ.

Около того же времени, турецкое правительство, располагая смѣнить Зарифъ-Мустафу-пашу, разбитого подъ Кюрюкъ-Дере, избрало сперва главнокомандующимъ на его мѣсто Исмаиль-пашу; но онъ скоро отказался ѣхать, отзываясь тѣмъ, что страдаетъ глазами¹. Тогда назначили временнымъ начальникомъ надъ арміею Шукри-пашу, котораго однакоже Вилліамсъ еще не нашелъ въ Карсѣ, когда пріѣзжалъ туда для осмотра войскъ, представленныхъ ему Зарифъ-Мустафою. За исключеніемъ людей, находившихся въ караулахъ и въ прочихъ расходахъ, выведено было въ строй пѣхоты, конницы и артиллеристовъ до 18 т. человекъ, при 84-хъ орудіяхъ, хотя въ то время состояло въ Карсѣ на провіантъ до 28-ми тысячъ человекъ.

Вилліамсъ нашелъ значительные беспорядки. Войско было распущено; множество людей, значившихся по спискамъ,

¹ Спустя довольно времени послѣ того какъ Редклифъ уведомилъ Вилліамса о назначеніи Исмаиль-паши главнокомандующимъ, Вилліамсъ писалъ Кларендону, что по дошедшимъ до него извѣстіямъ, глазная болѣзнь все не угрожала зрѣнію Исмаиль-паши, а служила только предлогомъ для избѣжанія предстоявшихъ ему въ теченіи зимы трудовъ въ Малой Азіи, и что въ такомъ случаѣ, съ прибытіемъ его весною къ арміи, онъ никакъ не долженъ былъ надѣяться найти ее готовою къ военнымъ дѣйствіямъ. Вилліамсъ не желалъ назначенія Исмаиль-паши, и въ намѣреніи отклонить оное, сообщилъ Кларендону четыре приказа, посланные новымъ главнокомандующимъ къ арміи еще изъ Царяграда. По 1-му приказу, желтую выпушку на мундирахъ Анатолійской арміи должно было замѣнить красною; 2-мъ предписывалось офицерамъ носить черные галстуки; 3-мъ требовалось, чтобы кисть феса свѣшивалась на лѣвое ухо; 4-мъ воспрещалось офицерамъ мыться въ банѣ вмѣстѣ съ нижними чинами. Четыре распоряженія сіи указываютъ довольно странное направленіе, господствовавшее въ тѣ тяжкія для Турціи времена между начальниками, коимъ ввѣрялось преобразование войскъ.

не выходило въ строй; въ полкахъ не занимались учениемъ, не упражнялись въ стрѣльбѣ; люди содержались весьма дурно, не имѣли обуви, одежда и аммуниція были въ нищенскомъ положеніи; больные безъ призрѣнія гибли въ госпиталяхъ отъ тѣсноты, нечистоты и духоты. Во многихъ частяхъ болѣе года, а въ иныхъ близъ двухъ лѣтъ не выдавалось жалованье; строевыя лошади получали только половинную дачу положеннаго корма, отчего дѣлались неспособны къ службѣ. Лично убѣдившись въ недостаткахъ турецкой арміи, и приведя ихъ съ неутомимою дѣятельностію въ неоспоримую ясность, Вилліамсъ отправилъ къ англійскому посланнику въ Царѣградъ составленныя имъ подробныя вѣдомости о потребностяхъ арміи, прося Редклифа настаивать у турецкаго правительства, дабы поспѣшили выслать изъ Царяграда предметы необходимые для содержанія войска въ порядкѣ; но представленія его остались безъ отвѣта. Онъ также требовалъ отъ мѣстнаго начальства изъ Эрзрума денегъ, для выдачи жалованья; но выслали ихъ только небольшую часть, и то ассигнаціями, не имѣвшими настоящаго курса.

Имѣя въ виду, что Турки въ предшествовавшемъ году лишились въ Карсѣ 18 тысячъ человѣкъ, вслѣдствіе тѣсноты, дурнаго содержанія и возникшихъ отъ того болѣзней, онъ въ избѣжаніе подобнаго на будущее время, предположилъ оставить на зиму въ Карсѣ, соразмѣрно имѣвшемуся тамъ и имѣ лично осматрѣнному помѣщенію, не болѣе 10 тысячъ человѣкъ, при англійскихъ офицерахъ; остальные же войска, въ томъ числѣ и слабыхъ, отправить на зиму въ Эрзрумъ и окрестъ-лежащіе города и селенія. Указывая все имъ замѣченное муширу, или главнокомандующему, Зарифъ-Мустафъ-пашѣ, онъ требовалъ отъ него болѣе заботъ о ввѣренной ему арміи; но встрѣчалъ со стороны Зарифъ-Мустафы-паши равнодушіе и даже неуважительные отзывы, до тѣхъ поръ, пока не погрозился довести до свѣдѣнія султана о его поведеніи. Тогда турецкій главнокомандующій, видя настойчивость Вилліамса, измѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, но ограничивался одними обѣщаніями тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Вилліамсъ вывелъ, по предположенію своему, лишнія войска изъ Карса и доставилъ Кларендону

слѣдующую таблицу объ оставленномъ имъ тамъ гарни-
зонѣ:

Состояніе турецкаго гарнизона въ Карсѣ 1854 года.

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ.	Число людей.	Командиры.
1-й Арабистанскій пѣхотный	1.076.	Гуссейнъ-бей.
2-й — — — — —	1.528.	Нури-бей.
6-й — — — — —	901.	Кадри-бей.
2-й Аятолійскій пѣхотный	1.762.	Кадри-бей.
6-й — — — — —	1.277.	Али-бей.
2-й пѣхотный (редифъ)	1.564.	Исмаилъ-бей.
1-й пѣхотный (редифъ 2 срока)	2.155.	Османъ-бей.
Батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ	345.	Гуссейнъ-ага.
Саперъ (редифъ)	188.	Хаджи-ага.
1-й Арабистанской конницы	490.	Гюсни-бей.
2-й — — — — —	489.	Гассанъ-бей.
Артиллеристовъ	1.446.	
Итого 13,221.		

Полевыхъ орудій 34; орудій на батареяхъ 67; всего орудій 101.

Лагерь при Карсѣ, 7 ноября.

В. Ф. Вилліамсъ.

Начальство надъ симъ отрядомъ на зиму было поручено Керимъ-пашѣ, при коемъ оставленъ адъютантъ Вилліамса Тисдель, съ приказаніемъ блюсти за исполненіемъ распоряженій своего начальника. Продовольствія имѣлось въ то время въ Карсѣ для людей на полтора мѣсяца, а для лошадей на одинъ.

Въ половинѣ ноября, Вилліамсъ возвратился въ Эрзрумъ, а вновь-назначенный Шукри-паша прибылъ въ Карсѣ, гдѣ принялъ отъ Зарифъ-Мустафы начальство надъ аятолійскою арміею; Зарифа же потребовали въ Царьградъ, для преданія, по настоянію англійскаго правительства, суду; но съ перваго пріѣзда Шукри-паши, Вилліамсъ остался имъ также недоволенъ за уклончивость отъ зависимости, въ которой онъ располагалъ его держать. Коммиссаръ жаловался на злоупотребленія полковыхъ командировъ, покрываемыя главнымъ начальникомъ, на нетрезвое поведеніе многихъ и на оскорбительное обхожденіе съ присылаемыми изъ Царяграда молодыми турецкими офицерами, получившими образованіе въ Галатскомъ военномъ училищѣ. Узнавъ о заговорѣ между главными начальниками,—не допускать вмѣ-

шательства его въ хозяйственныя распоряженія по войскамъ, онъ донесъ о томъ Кларендону и Редклифу, требуя отозванія Шукри-паши и преданія всѣхъ виновныхъ суду и наказанію. Въстѣ съ тѣмъ, Вилліамсъ написалъ Редклифу длинное письмо, коимъ упрекалъ его въ равнодушіи къ пользамъ службы; ибо онъ ни разу не отвѣчалъ на многочисленныя представленія его и не понуждалъ турецкаго правительства къ доставленію требуемыхъ имъ предметовъ снабженія, необходимыхъ для того чтобы возстановить благоустройство въ турецкой арміи и не подвергнуться новымъ бѣдствіямъ въ предстоявшую кампанію. Копія съ сего письма была послана Вилліамсомъ къ Кларендону, вслѣдствіе чего возродилась переписка между симъ послѣднимъ и Редклифомъ, который находя упреки Вилліамса неосновательными, а бумаги его слишкомъ обильными, оправдывался, ссылаясь на недѣятельность турецкаго правительства, приведеннаго въ разслабленное состояніе. ¹ Однакоже Кларендонъ не нашелъ посланника правымъ въ томъ, что онъ оставлялъ безъ отвѣта требованія Вилліамса, и далъ ему это замѣтить.

Между тѣмъ англійское правительство, убѣждаясь въ необходимости увеличить власть своего комиссара, потребовало отъ султана, чтобы Вилліамсу дано было званіе ферики, или дивизіоннаго начальника. Это было исполнено, послѣ чего Турки стали его называть Инглизъ-пашою и Вилліамсъ-пашою. Около того же времени, онъ былъ произведенъ своимъ правительствомъ въ бригадные генералы. Въ концѣ 1854 года, Вилліамсъ послалъ изъ Эрзрума въ Топрахъ-Кале четыре баталіона пѣхоты, съ артиллеріей и регулярною кавалеріей, для наблюденія за Баязидомъ, который былъ въ концѣ осени оставленъ нашими войсками, по случаю глубокихъ снѣговъ, затрудняющихъ въ зимнее время сообщенія сего города съ Эриванью, чрезъ Агридагскій хребетъ. Турецкій отрядъ сей въ послѣдствіи времени былъ значительно усиленъ и занялъ оставленный нами Баязидъ. Между тѣмъ, въ Курдистанѣ, сдѣлалось возстаніе, подъ предводительствомъ Эдмиръ-бея, для усмиренія ко-

¹ Положеніе свое въ семъ случаѣ онъ, между прочимъ, сравнивалъ съ положеніемъ человѣка, приведшаго лошадь къ водою, но неимѣющаго возможности принудить ее выпить.

его были посланы Шукри-пашою, по распоряженію сераскира и безъ вѣдома Вилліамса, войска изъ Топрахъ-Кале въ Сертъ и Джезире. Вилліамсъ, встревоженный сею попыткою дѣйствовать помимо его, написалъ о томъ Стратфорду, прося о смѣнѣ виновнаго другимъ главнокомандующимъ. Представленіе его было уважено, и на мѣсто Шукри назначенъ въ анатолійскую армію главнокомандующимъ Васифъ-Мегмедъ-паша, человекъ старый, кроткій, обладавшій независимымъ состояніемъ, чрезъ что обезпечивалось войско отъ вкоренившагося грабежа.

Васифъ, родомъ изъ нашей Гуріи, селенія Чохлати, фамиліи Гуджабидзе, былъ взятъ въ плѣнъ Турками на двѣнадцатомъ году отъ рожденія и проданъ на константинопольскомъ рынкѣ извѣстному Решидъ-пашѣ; находясь у него въ услуженіи, онъ принялъ мусульманскую вѣру и получилъ первоначальное образованіе. За услуги Решидъ-пашѣ, Васифъ въ непродолжительномъ времени былъ произведенъ въ званіе капуджи-баши (камергера), и въ послѣдствіи достигъ чина генераль-майора. Решидъ-паша слѣдилъ за нимъ и содѣйствовалъ къ повышенію его въ теченіе всей его службы. Его назначили губернаторомъ въ Салонику, съ производствомъ въ чинъ генераль-лейтенанта. Вскорѣ получилъ онъ болѣе важный постъ правителя въ Багдадѣ, а съ званіемъ мушира, или полнаго генерала, въ 1849-мъ году былъ назначенъ въ Трапезунтъ для управленія областію. Въ 1852-мъ году, онъ командовалъ частью войскъ, расположенныхъ въ Анатолиі, и наконецъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго анатолійской арміей, къ коей прибылъ въ крѣпость Карсъ, въ началѣ апрѣля 1855 года.

Въ длинныхъ инструкціяхъ, данныхъ Васифъ-пашѣ при отправленіи его изъ Константинополя, въ подробности указаны были всѣ безпорядки, на кои жаловался Вилліамсъ, съ приказаніемъ исправить тѣ, которые были явно обнаружены, и просить у англійскаго генерала объясненія по тѣмъ, которые не были изложены удовлетворительнымъ образомъ; при томъ ему строго предписывалось во всемъ руководствоваться совѣтомъ Вилліамса. Съ такими наставленіями, при извѣстномъ безкорыстіи и мирномъ расположеніи Васифъ-паши, нельзя было сомнѣваться, что онъ поладитъ со взыскательнымъ повѣреннымъ англійскаго правительства, который, основываясь на новомъ званіи своемъ ферика ту-

рецкихъ войскъ, еще до прїѣзда Васифа, сталъ тѣмъ болѣе настаивать на исполненіи своихъ требованій. Вилліамсъ видѣлъ необходимость преобразовать армію, и не взирая на затрудненія совершить такой подвигъ въ короткое время, не унывалъ и не переставалъ дѣйствовать съ свойственною ему энергіею, безъ пощады преслѣдуя корыстолюбіе и лѣнь, строго въ глаза упрекая начальниковъ и даже смѣщая многихъ второстепеннаго званія.

Первымъ дѣйствіемъ Васифа, по прїѣздѣ къ арміи, было арестованіе своего предмѣстника Шукри-паши, вмѣстѣ съ его начальникомъ штаба Гуссейнъ-пашою за дурное поведение, равно какъ за ослушаніе и дерзости ихъ противъ англійскаго комиссара, требовавшаго наказанія преступныхъ, какъ онъ ихъ называлъ. Оба паши были отправлены въ Царьградъ для преданія суду; но Редклифъ, уже недовольный Вилліамсомъ, въ офиціальной бумагѣ Кларендону жаловался на неумѣстныя къ нему выраженія комиссара и находилъ, что его обращеніе съ Турками не соотвѣтствовало дружелюбнымъ отношеніямъ султанскаго двора къ союзнымъ державамъ. Онъ писалъ даже, что поступокъ Вилліамса былъ послѣдствіемъ личности и неоснователенъ, потому что Шукри-паша, по прежнимъ своимъ заслугамъ, пользовался добрымъ именемъ и расположеніемъ генералиссимуса Омеръ-паши, требовавшаго его въ Евпаторію. Въ такомъ образѣ мыслей, посолъ встрѣтилъ сочувствіе между главными сановниками султанскаго двора, оказавшими то же участіе къ предмѣстнику Шукри-паши, Зарифъ-Мустафъ-пашѣ, котораго военный судъ оправдалъ. Сераскиръ по сему случаю отозвался даже съ неудовольствіемъ насчетъ власти, присвоенной Вилліамсомъ, говоря, что онъ только что комиссаръ англійскаго правительства, но не главнокомандующій арміею, съ чѣмъ соглашался и Редклифъ. Переписка эта, принявшая колкій оборотъ, служила началомъ къ новымъ неудовольствіямъ, позже еще болѣе развившимся между англійскимъ посланникомъ и комиссаромъ; но не взирая на сіе, Вилліамсъ продолжалъ дѣйствовать съ тою же рѣшимостію, и турецкое правительство, побуждаемое англійскимъ, начало высылать предметы потребныя для вооруженія и снабженія арміи. Въ Анатолиі стали набирать рекрутъ, для укомплектованія полковъ.

Оставаясь въ Эрзрумѣ, Вилліамсъ обратилъ вниманіе на

укрѣпленіе онаго, гдѣ кромѣ батарей воздвигнутыхъ въ окрестностяхъ, устроенъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, по дорогѣ къ Баязиду, укрѣпленный лагерь при Деве-Боюну. Исполненіе сего было поручено, съ осени 1854 года, инженеръ-полковнику Каландрелли, родомъ Италіянцу, находившемуся, какъ и многіе другіе иностранные офицеры, волонтеромъ при турецкихъ войскахъ. Раннею весною 1855 года, Вилліамсъ лично руководилъ сими работами, къ производству коихъ побудилъ жителей Эрзрума какъ мусульманъ, такъ и Армянъ. Находившійся при немъ выходецъ Шварценбургъ, называвшій себя полковникомъ бельгійской службы и барономъ, былъ имъ посланъ для осмотра и укрѣпленія всего пути до Баязида, въ Гассанъ-Кале Кёрни-Кёвъ и Топрахъ-Кале. ¹ Такъ какъ до Вилліамса доходили слухи о намѣреніи нашемъ дѣйствовать наступательно, то онъ поспѣшно послалъ за войсками, отправленными, какъ выше было сказано, безъ его разрѣшенія изъ Топрахъ-Кале съ Вели-пашою для усмиренія Курдистана.

Не съ меньшею дѣятельностію продолжалъ занятія свои, по устройству военной части въ Карсѣ, адъютантъ Вилліамса Тисдель, оставленный при Керимъ-пашѣ. Люди стали получать хорошую пищу и въ полкахъ занимались ученіемъ. Турки продолжали до конца ноября мѣсяца 1854 года работы на укрѣпленіяхъ, предпринятыхъ ими сначала войны. Имъ была указана правильная оборона крѣпости, и артиллерию привели въ порядокъ. Кромѣ имѣвшихся въ ящикахъ зарядовъ, припасено было еще по 400 на орудіе; но Вилліамсъ домогался имѣть по 1200 зарядовъ на каждое, въ томъ числѣ и на крѣпостныя орудія. Изъ крѣпости было выслано до 1000 человекъ вооруженныхъ Карапаховъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ подданныхъ, постоянно наполнявшихъ базары. Мѣра эта, клонившаяся къ udržанію порядка въ городѣ, была смѣлая, потому что жители Карса и области его, мало знакомые съ порядкомъ регулярнаго

¹ Въ послѣдствіи времени, Шварценбургу поручено было заняться устройствомъ кавалеріи, и въ помощь ему данъ былъ выходецъ именовавшій себя Ташларъ-бей и майоромъ и получившій по сему случаю чинъ полковника въ турецкой службѣ. Находились въ турецкой арміи и другіе иностранные офицеры, въ числѣ коихъ было много Поляковъ.

войска и придерживаясь болѣе древняго обычая, привыкли считать опорой и защитой своею вооруженныя племена, ихъ окружающія. Какъ въ теченіе зимы, Карапапахи занимали съ нашей стороны передовые караулы за Арпачаемъ, то Тисдель, съ разрѣшенія Вилліамса, учредилъ и съ своей стороны подобныя караулы, которые были поручены завѣдыванію выходца, называвшаго себя генераломъ Кмети, родомъ Венгерца, покинувшаго отечество свое послѣ смуты 1849 года. Онъ повидимому имѣлъ воинскія дарованія; Турки называли его Исмаиль-пашою. Вскорѣ послѣ того Тисдель получилъ чинъ майора турецкихъ войскъ.

Въ теченіе зимы, были присланы въ помощь къ Вилліамсу, по его требованію, англійскіе офицеры: инженерный полковникъ Лекъ (Lake), артиллеріи майоръ Ольфертсъ и стрѣлковыхъ войскъ капитанъ Томсонъ (Thomson). Изъ нихъ, на смѣну адъютанта своего, онъ послалъ, весной 1855 года въ Карсъ, Лека и Томсона; Ольфертсъ былъ отправленъ въ Баязидъ. Лекъ стянулъ въ Карсъ войска, зимовавшія въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, такъ что крѣпость имѣла подъ ружьемъ, готовыхъ къ бою 15 тысячъ регулярнаго войска, за исключеніемъ больныхъ, слабыхъ и всѣхъ расходовъ людей. Съ самой ранней весны, началъ онъ усиленно продолжать работы на укрѣпленіяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построилъ деревянные блокгаузы, верки же вооружилъ крѣпостными орудіями, присланными изъ Царяграда. Орудія эти всѣ были мѣдныя и восемь изъ нихъ 27-ми фунтоваго калибра. Въ половинѣ мая было уже собрано въ Карсѣ регулярныхъ войскъ, готовыхъ къ бою: пѣхоты 13.900, конницы 1.500, артиллеристовъ 1.500, всего до 17.000 человекъ, что могло составлять на провіантъ до 22.000 человекъ. Въ то же время былъ посланъ Васифъ-пашой приказъ къ войскамъ, находившимся въ Моссулѣ подъ начальствомъ Мегеметь-паши, а въ Діарбекирѣ — подъ начальствомъ Мустафы-паши, немедленно слѣдовать къ Эрзруму.

Госпитали также получили хорошее устройство подъ руководствомъ доктора Сандвита (Sandwith), пріѣхавшаго къ арміи съ Вилліамсомъ. Они были богато снабжены вещами и медикаментами; при нихъ состояло болѣе восьмидесяти лѣкарей, аптекарей и фельдшеровъ, большею частію изъ иностранцевъ.

Анатолійская армія не предназначалась для наступатель-

ныхъ дѣйствій. Предполагалось только оборонять ею Карсъ и всю границу до Баязида, для прикрытія Эрзрума. Въ сихъ видахъ, Турки должны были особенно заботиться о снабженіи Карса достаточнымъ продовольствіемъ. Хлѣбъ можно было пріобрѣсть покупкой; но главныя затрудненія состояли въ доставкѣ оного. По сему, въ военномъ министерствѣ, предположено было составить постоянный подвижной транспортъ изъ 25-ти тысячъ выучныхъ лошадей, которыхъ хотѣли собрать во всей Анатоліи въ родѣ повинности, полагая по одной лошади съ 45 домовъ. Съ каждыхъ же 135-ти домовъ назначено было вызвать по одному человѣку для присмотра за тремя лошадьми. Люди и лошади должны были оставаться на службѣ до окончанія войны, послѣ чего распускались по домамъ, съ уплатой хозяевамъ за всякую утрату или ущербъ, могущіе оказаться въ ихъ лошадяхъ. Распоряженіе объ исполненіи сего было прислано изъ Царяграда въ Эрзрумъ.

Такое сложное средство не могло бы имѣть успѣха въ самомъ благоустроенномъ государствѣ, тѣмъ менѣе въ Турціи, гдѣ корыстолюбіе властей и чиновниковъ развито въ высшей степени. Вилліамсъ, узнавъ о семъ предположеніи, немедленно писалъ Кларендону, прося его не допускать подобной мѣры, во избѣжаніе неминуемаго при исполненіи оной грабежа со стороны мѣстныхъ начальниковъ и представляя о трудности прокормить такое большое количество лошадей и скота, когда и самыя войска нуждались въ продовольствіи. Онъ просилъ разрѣшенія нанять 5.000 верблюдовъ и 2.000 лошаковъ для подвоза въ Карсъ продовольствія, съ помощью мѣстныхъ обывательскихъ арбъ; но, по видимому, представленіе его въ семъ случаѣ не было уважено, потому что часть лошадей была собрана съ жителей Анатоліи; провіантъ также собирали и свозили изъ отдаленныхъ частей сей области. Между тѣмъ наступила поздняя осень; снѣга покрывали Согоанлугскія горы, и потому успѣли сдѣлать довольно значительные склады только по пути отъ Эрзрума къ Карсу, въ селѣ Энги-Кёвъ и въ окрестъ-лежащихъ деревняхъ. Въ мѣстечкѣ Бардусъ, гдѣ также былъ учрежденъ складъ, построены были удобныя пекарни, при коихъ занимались изготовленіемъ сухарей трапезунтскіе Греки, исключительно примѣнившіеся къ сему роду занятій.

Въ Карсѣ не могли уже перевезти много провіанта; тѣ изъ прислужниковъ новаго транспорта, которые не успѣвали скрыться побѣгомъ, попадая въ Карсѣ, оттуда уже не возвращались. Лишившись лошадей, они были назначены къ разнымъ занятіямъ при осажденномъ гарнизонѣ и, частью, были даже записаны въ число обороняющихъ крѣпость. Вознагражденія же за отобранныхъ лошадей, жители никакого не получили. Вилліамсъ, страшась послѣдствій равнодушія, медленности и корыстолюбія турецкихъ начальниковъ, не находилъ иного способа удовлетворить главной потребности—снабженія Карса продовольствіемъ, какъ взять все дѣло въ собственныя руки, и потому просилъ Редклифа объ исходатайствованіи ему сколь можно поспѣшнѣе отъ турецкаго правительства званія интенданта турецкой арміи, съ положительнымъ приказаніемъ мѣстнымъ властямъ повиноваться ему въ семъ отношеніи; но и это представленіе его осталось, повидимому, безъ разрѣшенія. Однако онъ отчасти достигъ цѣли своей, чрезъ прибывшаго новаго главнокомандующаго Васифъ-пашу, который, во всемъ повинаясь Вилліамсу, разрѣшилъ ему надзоръ въ Эрзрумѣ за покупкой и отправленіемъ провіанта къ Карсу.

Тутъ Вилліамсъ оказалъ необыкновенную дѣятельность. Въ послѣднихъ числахъ января 1854 года, имѣлось въ Карсѣ продовольствія для тогдашняго гарнизона только на пятьдесятъ дней; въ началѣ апрѣля 1855 оставалось хлѣба только на пятнадцать дней. Бывшій тогда правителемъ въ Карсѣ, Серри-паша, замѣченный въ неправильномъ употребленіи суммъ, ввѣренныхъ ему для закупки хлѣба, былъ остановленъ въ дѣйствіяхъ своихъ Вилліамсомъ. Самъ Вилліамсъ, не щадя трудовъ, входилъ во всѣ подробности найма у жителей вьючнаго скота, въ чемъ ему преимущественно помогалъ часто выхваляемый имъ начальникъ артиллеріи Тагиръ-паша, воспитанный въ Вуличѣ, и помощникъ его Ибрагимъ-Бей, родомъ Пруссакъ. Вилліамсъ нанялъ даже персидскихъ, такъ-называемыхъ чарвадаровъ (какія и у насъ напимались для возки провіанта), уговоривъ ихъ на время сложить товары, обыкновенно перевозимые ими для торговыхъ домовъ изъ Тавриза въ Трапезунтъ, и обратно. Сперва онъ отправилъ ихъ въ Карсѣ съ разными предметами снабженія для войскъ, доставленными наконецъ изъ

Царяграда по его настоятельнымъ требованіямъ; послѣ же подрядилъ ихъ, при пособіи мѣстныхъ средствъ, перевозить въ Карсъ сложенный въ теченіе зимы въ селѣ Энгикёвъ хлѣбъ. Сія операція не могла начаться прежде конца апрѣля мѣсяца, и потому хотя всего заготовленнаго хлѣба, ко времени открытія военныхъ дѣйствій нельзя было перевезти, но за всѣмъ тѣмъ къ концу мая имѣлось уже въ Карсѣ четырехмѣсячное продовольствіе для тогдашняго гарнизона. Но какъ съ этого времени гарнизонъ ежедневно усиливался вновь собиравшимися войсками, то по мѣрѣ умноженія войскъ сокращались средства продовольствія.

Турецкое правительство, повидимому, не столько заботилось о происходившемъ въ Азіи, какъ о событіяхъ, совершавшихся въ то время вблизи Царяграда. Вилліамсъ просилъ о присылкѣ артиллеристовъ для прислуги у орудій, что было исполнено; но когда онъ однажды представилъ о послѣдствіяхъ неудачъ, могущихъ встрѣтиться если не будутъ присланы значительныя силы для удержанія Малой Азіи, то предметъ этотъ былъ переданъ Редклифомъ на обсужденіе въ Порту, которая отвѣчала, что сераскиръ написалъ о семъ Омеръ-пашѣ, поручая ему спросить о томъ мнѣніе обоихъ главнокомандующихъ союзныхъ войскъ, и что въ семъ отношеніи поступлено будетъ согласно съ отзывомъ ихъ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, что союзники, исключительно занятые осадой Севастополя, обращали тогда мало вниманія на военныя дѣйствія въ Малой Азіи. Странно, что такой важный для Англичанъ вопросъ былъ возбужденъ столь поздно, и сіе не можетъ иначе объясниться, какъ недостаткомъ средствъ для противодѣйствія въ той сторонѣ успѣхамъ нашего оружія, до окончанія озабочивавшей ихъ осады Севастополя.

Турки опасались новаго пораженія. Доказательствомъ тревожившихъ ихъ въ то время страховъ можетъ служить слѣдующій случай. Едва узнавъ о намѣреніи генерала Муравьева двинуться за-границу, Вилліамсъ выѣхалъ изъ Эрзрума и прибылъ въ Карсъ 27 мая. На пути своемъ, въ селеніе Деве-Боюну, получилъ онъ отъ мушира Васифъ-пашы письмо изъ Карса, съ предложеніемъ оставить оный и ограничиться обороной Эрзрума. Вилліамсъ ускорилъ свой путь, и по пріѣздѣ въ Карсъ, всячески убѣждалъ слабого

Васифа укрѣпиться духомъ и устранить мысль объ оставленіи такого важнаго пункта и крѣпости, для вооруженія и обороны коей было уже приложено столько заботъ. Онъ немедленно осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія и посты, и убѣдилъ жителей присоединить изъ среды своей къ защитникамъ Карса 800 вооруженныхъ гражданъ, которые тогда же заняли на укрѣпленіяхъ назначенныя имъ мѣста, вмѣстѣ съ регулярными войсками. Послѣднія старанія его въ это время, объ усиленіи запершейся арміи, обратились въ Батумъ къ Мустафѣ-пашѣ, котораго онъ просилъ направить къ нему 5.000 человекъ черезъ Ардеганъ; но Вилліамсу неизвѣстны были мѣстность и обстоятельства того края. Вели-пашѣ, занимавшему тогда Баязидъ, предписалъ онъ чрезъ мушира быть въ готовности двинуться по первому приказанію; требовалъ отъ начальниковъ сосѣдственныхъ областей присылки Лазовъ, баши-бузуковъ, и городъ сталъ наполняться разновременно-приходящими партіями конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей.

Къ сожалѣнію, не имѣется въ англійскихъ бумагахъ полного расписанія анатолійской арміи, съ названіемъ частей и ихъ начальниковъ; почему остается единственнымъ руководствомъ въ семъ случаѣ вышепоказанная неполная таблица о войскахъ, остававшихся на зиму въ карсскомъ гарнизонѣ. Въ этомъ расписаніи видны три рода войскъ: полки Арабистана, Анатоли и такъ-называемый редифъ. Сверхъ того было еще три стрѣлковыхъ батальйона, изъ коихъ одинъ султанской гвардіи. Регулярная пѣхота анатолійской арміи выучена была по французскому уставу. Она дѣлилась на три дивизіи: одна состояла изъ арабистанскихъ полковъ, служившихъ опорой всей арміи; войско сіе храбро сражалось при Кюрюкъ-Дере. Арабистанцы, совершенно отличающіеся видомъ, нравомъ и языкомъ отъ Турокъ, которыми они пренебрегаютъ, привычны къ терпѣнію, воздержанію, трудамъ и повиновенію; оружіе у нихъ всегда въ порядкѣ. Другая дивизія, анатолійская, уступала первой во многихъ отношеніяхъ; люди были вялы и менѣе способны къ дѣлу; между ними болѣе всего оказывалось побѣговъ. Третья часть, составлявшая резервъ, была сформирована изъ отпусковыхъ солдатъ и всѣхъ менѣе имѣла устройства и порядка. Гвардейскій батальйонъ отличался

видомъ, одеждой и военнымъ образованіемъ. Стрѣлковыя батальоны были вооружены новыми французскими штуцерами со стержнемъ (*à tige*); въ составъ ихъ преимущественно набирались жители горной части страны, лежащей на югъ отъ Смирны, гдѣ они съ малолѣтства занимаются стрѣльбой; оружіе ихъ всегда содержалось въ отличномъ порядкѣ. Въ кавалерійскихъ полкахъ Арабистана и Анатолиі были тѣ же оттѣнки, какъ и въ пѣхотѣ. Артиллерійская прислуга была въ особенности хорошо обучена и въ исправности.

Остальныя войска карскаго гарнизона состояли изъ конныхъ баши-бузуковъ и Курдовъ, всегда уступавшихъ нашей кавалеріи, и изъ пѣшихъ Лазовъ, жителей горъ прилегающихъ къ морю и окружающихъ Трапезунтъ. Свирѣпое и безстрашное племя сіе, съ древнихъ временъ извѣстное по своей храбрости и склонности къ добычѣ, составляло массу ратниковъ надежныхъ для боя, но не всегда покорныхъ властямъ, по привычкѣ къ независимости, коею они пользовались въ недоступныхъ горахъ своихъ. Между всадниками встрѣчались Негры и Абиссинцы; слышно было, что въ гарнизонѣ Карса находилась на первыхъ порахъ также одна сотня Друзовъ съ Ливанской горы. Наконецъ сами жители оберегали стѣны своего города.

Изъ лучшихъ людей между начальниками были: Керимъ-паша, командовавшій арабистанскою дивизіей, Турокъ прежняго времени, какъ онъ самъ себя называлъ, старецъ скромный, испытанный въ бояхъ, хотя безъ образованія, но пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, называвшихъ его Баба-Керимъ, что значитъ „дѣдушка Керимъ“. Одинъ изъ бригадныхъ командировъ, Гуссейнъ-паша, былъ замѣчательнъ по своей храбрости, быстротѣ и любознательности; родомъ онъ былъ Черкесь, племени Убыхъ, обитающаго въ сосѣдствѣ Абхазіи. Хаджи-Темуръ-ага, начальникъ иррегулярной конницы, пользовался особеннымъ уваженіемъ въ войскѣ и на своей родинѣ между Малатіей и Діарбекиромъ, гдѣ обладалъ большими родовыми имѣніями и считался между первыми аристократами. Онъ былъ гостепріименъ, любилъ пышность, и окружалъ себя многочисленною толпой роскошно-убранныхъ слугъ, что придавало ему много вѣса; его часто ви-

дали въ перестрѣлкахъ и узнавали по пышной одеждѣ и богатой конской сбруѣ. Одно присутствіе сего храбраго и ловкаго вельможи привлекало подъ знамена его тысячи удалцовъ, любителей привольной жизни на конѣ. Ему турецкое правительство обязано пораженіемъ Курдовъ, зимою близъ Джебзире. Между Лазами извѣстенъ былъ одинъ изъ начальниковъ ихъ Али-бей. Среди знаменитостей карскаго гарнизона считался также Гешимъ-Оглу, бывшій житель нашей Борчалинской дистанціи, нѣкогда бѣжавшій къ Туркамъ и въ прошедшую войну получившій у нихъ штабъ-офицерскій чинъ. Онъ принадлежалъ къ числу разбойниковъ, извѣстныхъ по отвагѣ, расторопности и знанію мѣстности, и долгое время былъ грозой для нашихъ пограничныхъ жителей Закавказскаго края. Въ быстрыхъ набѣгахъ своихъ, онъ являлся въ границахъ нашихъ и въ тылу войскъ, гдѣ безнаказанно грабилъ и увозилъ плѣнныхъ; но съ именемъ его, извѣстнымъ по всей Грузіи, соединялось и понятіе о разбойническихъ доблестяхъ—вѣрности въ словѣ и въ дружбѣ, какъ онъ воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ о витязяхъ стараго времени. Гешимъ-Оглу былъ драгоцѣненъ для Турокъ по родственнымъ всякаго рода сношеніямъ, которыя онъ имѣлъ съ нашими Татарами. Къ радости и успокоенію нашихъ подданныхъ, онъ былъ убитъ на приступѣ Карса.

Войско, собравшееся для обороны Карса, находилось весною въ добромъ расположеніи духа и готовымъ принять бой въ стѣнахъ. Оно было сыто и видѣло попеченіе о немъ начальства. Азіятецъ ближе къ природѣ чѣмъ Европеецъ и болѣе его уподобляется въ матеріальной жизни животному. Онъ угасаетъ, замираетъ въ зимнюю стужу, и получаетъ новую жизнь съ возвращеніемъ теплыхъ дней и съ возрожденіемъ природы. Тѣ же Турки, тѣ же баши-бузуки и Курды, коихъ существованіе увядало въ теченіи зимы, являлись съ новыми силами, на свѣжихъ коняхъ и съ новыми надеждами, при появленіи подножнаго корма. Но люди эти, по природѣ своей любящіе просторъ, не могли бы нести трудной службы, предстоявшей имъ въ тѣсномъ Карсѣ, еслибы ихъ къ тому не подготовили неусыпныя заботы Вилліамса.

Возродить разрушавшуюся анатолійскую армію было

дѣло доступное, но довести ее до степени благоустройства европейской арміи было дѣло невозможное. Вилліамсъ былъ пораженъ равнодушіемъ правительства и корыстолюбіемъ начальниковъ, съ которыми долженъ былъ имѣть сношенія. Онъ видѣлъ въ чемъ заключается главное зло, препятствовавшее всякому усовершенствованію. Для устранения такой заразы, онъ не щадилъ трудовъ своихъ, и какъ человекъ съ твердою волею, проникнутый важностью своихъ обязанностей, бился сначала одинъ, безъ помощниковъ, среди массы людей иновѣрныхъ, помышлявшихъ единственно объ обогащеніи себя, касаясь самой чувствительной ихъ струны, корысти. Онъ не утруждался борьбы даже съ могущественнымъ Редклифомъ, и съ успѣхомъ подвинулся къ предназначенной цѣли. Его требованія и взысканія были непомѣрны; но еслибъ онъ ограничилъ ихъ, то и не достигъ бы и той степени благоустройства, до которой доведено было войско къ началу кампаніи 1855-го года. Прямота дѣйствій его доставила ему надлежащій вѣсъ въ войскѣ и въ народѣ. Начальники боялись его, нижніе чины уважали и довѣряли ему. Вліяніемъ, имъ пріобрѣтеннымъ, всѣ дѣйствія анатолійской арміи подчинились англійскому правительству, ревновавшему объ исключительномъ владычествѣ на азійскомъ театрѣ войны.

При открытіи военныхъ дѣйствій, численность анатолійской арміи находилась въ слѣдующемъ состояніи: въ Карсѣ было, въ началѣ іюня 1855 года на провіантъ до 28 тысячъ человекъ разнаго оружія. Число сіе скоро возросло до 33 тысячъ, болѣе чего въ Карсѣ не было во все время кампаніи. Баязидскій отрядъ, подъ начальствомъ Вели-паши, состоялъ изъ 7 тыс. регулярнаго войска, при 22 орудіяхъ. Число иррегулярныхъ войскъ при нихъ, часто измѣнялось и доходило отъ 5 до 10 тысячъ. Отрядъ сей занялъ позицію свою въ укрѣпленномъ лагерѣ, при армянскомъ монастырѣ Сурбъ-Оганессъ, или Учъ-Кулиса, что на восточномъ Евфратѣ, пониже Баязида. Въ Эрзрумѣ находилось тогда нѣсколько тысячъ человекъ всякаго оружія: но туда стягивались войска изъ Моссула и Діарбекира.

II.

Обстоятельства благопріятствовавшія движенію противъ Вели-паши.—Значеніе Карса въ народѣ.—Стратегическое значеніе Карса.—Важность для Турокъ Соганлугскаго хребта.—Неправильное понятіе о значеніи Карса.—Вели-паша и Эрзрумъ.—Разсужденія о занятіи Эрзрума.—Выгоды отъ занятія Эрзрума.—Невыгоды оного.—Предположенія главнокомандующаго.

Около половины іюля, войска были въ готовности, продовольственные средства въ изобиліи, подвозочныя устройства; почти вся страна окружающая Карсъ, приведена была въ покорность. Отважный поискъ князя Дондукова съ небольшою партіей Донцовъ за Агри-Дагъ, среди кочевьевъ Курдовъ и вблизи расположенія корпуса Вели-паши, указывалъ намъ усыпленіе въ той сторонѣ непріятеля. Свѣдѣнія, доставленныя Дондуковымъ о мѣстности по пути отъ Баязидскаго отряда къ селенію Кёрпи-Кёвъ, удостовѣрили въ возможности двигать по оному войска; вслѣдъ за выѣздомъ Дондукова изъ долины восточнаго Евфрата, генералъ Сусловъ передвинулся съ отрядомъ своимъ черезъ Топрахъ-Кале къ селенію Зейдиканъ. Все благопріятствовало къ совершенію предположеннаго генераломъ Муравьевымъ вторичнаго перехода за Соганлугъ, для пораженія или отѣсненія непріятельскаго корпуса, прикрывавшаго пути ведущіе къ Эрзруму и находившагося въ то время въ укрѣпленномъ лагерѣ при селеніи Кёрпи-Кёвъ. Но прежде чѣмъ приступить къ сему дѣлу, надобно было, съ возможною предусмотрительностію, вникнуть въ обстоятельства, которыя могли встрѣтиться при совершеніи сего предпріятія и съ нѣкоторою опредѣлительностію постановить крайніе предѣлы оного, дабы не увлечься предстоявшимъ успѣхомъ и не упустить изъ вида главнаго предмета, анатолійской арміи; запершейся въ Карсъ.

Пограничныя крѣпости, подобно лицамъ, иногда пользуются въ народѣ безотчетно повѣрьемъ придающимъ имъ исключительную важность и всеобщую извѣстность. Сими чарами пользовалась на востокѣ эриванская крѣпость, пока не пала передъ нашимъ оружіемъ въ 1827 году; та-

кимъ же призракомъ казался въ народныхъ понятіяхъ вышеградъ Карса, издали представляющійся каравану и указывающій страннику безопасный пріютъ, среди пустыни пробѣгаемой имъ подѣ страхомъ хищническихъ нападеній кочевыхъ сосѣдей. Повѣрѣя сіи, опираясь на осады и военныя событія прежнихъ временъ, бывають причиною, что пограничныя крѣпости получаютъ значеніе, не всегда соответствующее ихъ стратегической важности: ихъ называютъ вратами, ключами страны. Такъ разумѣли въ Азіи и крѣпость Карсъ, тогда какъ городъ сей возродился отъ мѣстныхъ нуждъ обывателей, а стѣны и вышеградъ были воздвигнуты для огражденія жителей или правителя отъ внезапнаго нападенія Курдовъ и сосѣдственныхъ Лазовъ. Когда же крѣпость сія, съ измѣненіемъ границъ, очутилась близь предѣловъ нашихъ, то жители придали ей государственную важность, и Карсъ вмѣстѣ съ воспоминаніями о кровавыхъ событіяхъ прежнихъ и новѣйшихъ временъ, коихъ былъ свидѣтелемъ, даже съ полуразрушенною крѣпостию своею, сохранилъ въ народѣ громкое названіе оплота Малой Азіи.

Конечно, для турецкой арміи намѣревающейся вторгнуться въ наши границы, какъ то было въ 1853 и 54 годахъ, Карсъ имѣлъ значеніе, но иное. Онъ служилъ тогда опорнымъ и складочнымъ пунктомъ для вторгавшихся, потому что равнина, въ коей онъ господствуетъ, опоясана къ сторонѣ Анатоліи высокими хребтами горъ, за которыми наступающей арміи не удобно было бы имѣть свой операціонный базисъ; но въ 1855 году, когда анатолійская армія не признавала себя въ силахъ предпринять противъ насъ наступательныхъ дѣйствій, Карсъ при такомъ отрицательномъ положеніи войска, вовсе не прикрывалъ страны, ни путей ведущихъ къ Эрзруму. И въ семь году, турецкое начальство, при безотчетливыхъ соображеніяхъ своихъ, можетъ-быть не ошибалось, когда оно до открытія еще военныхъ дѣйствій, желало оставить намъ Карсъ, ибо обширныя равнины пашалыка сего, по свойству своему и доступности, принадлежать не къ предѣламъ Эрзрума, а къ нашимъ владѣніямъ. Природная и лучшая защита Малой Азіи заключается, съ одной стороны, въ тѣснинахъ трудно проходимаго Согоанлугскаго хребта непрерывно

окаймляющего ее до Чернаго моря; а съ другой, въ двойной цѣпи горъ, опоясывающихъ ее отъ Эривани и Баязида.

Если мы въ кампанію 1829 года, въ виду турецкой арміи, почти безъ сопротивленія овладѣли Согоанлугомъ, то это случилось по крайней оплошности непріятеля. Въ 1855-мъ году, когда Европейцы управляли военными дѣйствіями Турокъ, они должны были предвидѣть, что первымъ дѣйствіемъ нашимъ будетъ овладѣніе проходами чрезъ Согоанлугъ и продовольственными складами, запасенными къ сторонѣ Эрзрума, и мы могли ожидать, что они укрѣпятъ затруднительные отъ природы подъѣмы на хребты горъ, хотя бы только для охраненія своихъ магазиновъ; а потому трудно себѣ отдать отчетъ съ какою цѣлью анатолійскую армію основали въ Карсѣ и поставили въ такое невыгодное оборонительное положеніе. Неужели въ семъ случаѣ распорядители увлеклись однимъ народнымъ повѣрьемъ! Усиленія ли они ожидали? Кто зналъ мѣстность, тотъ былъ убѣжденъ, что отъ береговъ Чернаго моря оно не могло придти въ значительномъ составѣ. Для движенія подкрѣплений со стороны Эрзрума, пути конечно были доступны; но анатолійская армія, запершись въ Карсѣ, съ трудомъ могла подать руку шедшему войску, которое всегда могло быть заблаговременно встрѣчено нами съ лица, и тревожимо съ тыла баязидскимъ отрядомъ. Такому безпомощному положенію не подвергался бы непріятель, еслибъ онъ при началѣ кампаніи оставилъ намъ Карсѣ, и наученный опытомъ 1829 года, съ лучшимъ знаніемъ дѣла, преградилъ бы доступы къ вершинамъ Согоанлуга, за коими сохранялись драгоцѣнные для него запасы, и еслибъ онъ укрѣпилъ Драмъ-Дагъ, прикрывающій Эрзрумъ со стороны Баязида. Туркамъ предстояло бы тогда оборонять внутреннюю линію огражденную природою, противъ силъ наступающихъ съ двухъ совершенно разъединенныхъ сторонъ. Подкрѣпленія изъ Эрзрума могли бы, по частямъ, безпрепятственно присоединяться къ анатолійской арміи и усилить ее до такой степени, что она, можетъ-быть, въ состояніи была бы, спустившись съ горъ, перейти въ наступленіе противъ нашихъ главныхъ силъ или противъ баязидскаго отряда, смотря по обстоятельствамъ, не лишаясь возможности во всякое время сосредоточиться около Эрзрума. Къ чему бы послужилъ намъ тогда Карсѣ?

Но по какимъ бы то ни было видамъ, крѣпость сію окружили укрѣпленнымъ лагеремъ на 17 верстъ протяженія, вооружили исправною артиллеріею, запасли въ ней сколько успѣли продовольствія, въ стѣнахъ ея заключили анатолійскую армію, и Карсъ, сохраняя громкое названіе свое оплота Малой Азіи, въ сущности служилъ только убѣжищемъ войску, предназначавшемуся для обороны всей страны. И при такихъ распоряженіяхъ начальства турецкой арміи, не собственно Карсъ намъ нуженъ былъ, а защитники его. Съ пріобрѣтеніемъ сей крѣпости не ключъ пріобрѣтали мы Малой Азіи, а поражали всѣ дѣйствующія силы непріятели, который не могъ болѣе собраться и къ будущей 1856 года кампаніи, не состоявшейся по случаю заключенія мира.

Небольшая только часть войскъ, корпусъ Вели-паши, поспѣшно бросившій долину восточнаго Евфрата и тѣснины отдѣляющія ее отъ долины Аракса, держался еще въ полѣ для огражденія Эрзрума, укрѣпившись при селеніи Кёрпи-Кёвъ. Положеніе сего войска, въ тогдашнемъ его составѣ, не могло быть для насъ опаснымъ, но оно затрудняло наши поиски за Соганлугъ и препятствовало полному владычеству нашему за хребтомъ горъ. Малѣйшее движеніе въ семъ корпусѣ или отправленіе отъ онаго партій, перетолковывалось поселянами, которые распространяли молвы объ ожидаемой выручкѣ для Карса со стороны Эрзрума. Слухи о томъ доходили и въ крѣпость, гдѣ начальство ими пользовалось для поддержанія духа въ гарнизонѣ и между жителями. Толки сіи надобно было прекратить пораженіемъ Вели-паши или оттѣсненіемъ его отъ селенія Кёрпи-Кёвъ, дабы убѣдить карскихъ защитниковъ, что имъ нельзя было ожидать никакой помощи съ той стороны. Но какъ за селеніемъ Кёрпи-Кёвъ оставалось уже небольшое разстояніе до Эрзрума, то предпріятіе противъ Вели-паши находилось въ близкой связи съ мыслию о покореніи сей столицы.

Многіе полагаютъ, что въ то время слѣдовало бы занять Эрзрумъ; но начальникъ, отвѣтственный за цѣлый край, за ходъ военныхъ дѣйствій и за всѣ послѣдствія своихъ распоряженій, не долженъ руководствоваться порывами къ достиженію временнаго успѣха, обнаруживающаго постороннимъ лицамъ лишь заманчивый блескъ свой. Предметъ начальника—общій результатъ; частныхъ же успѣховъ можетъ онъ домогаться единственно тамъ, гдѣ они ведутъ къ до-

стиженію сего результата. Взвѣсимъ всѣ обстоятельства и посмотримъ, была ли возможность въ тогдашнее время помышлять о покореніи Эрзрума, къ которому доступны, какъ выше сказано, не прикрывались запершеюся въ Карсѣ арміей.

Еслибъ у насъ было пѣхоты пятнадцатью тысячами болѣе, то усиливъ баязидскій отрядъ, можно бы подвинуть его къ Эрзруму и дѣйствовать противъ сего города, независимо отъ войскъ, облежавшихъ Карсѣ. Но съ тѣми силами, которыя у насъ имѣлись, едва равночисленными турецкимъ, не основательно было бы раздробляться, и въ одно время дѣйствовать противъ непріятеля, защищавшагося въ двухъ мѣстахъ за укрѣпленіями, вооруженными сильною и исправною артиллеріей. Обратитъ большую часть войскъ на покореніе Эрзрума, тогда какъ въ тылу и близь границъ нашихъ находилась еще двадцати семи тысячная анатолійская армія, наблюдаемая небольшимъ отрядомъ нашимъ, было-бы непростительно, и потому о занятіи Эрзрума, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, можно было помышлять только по покореніи Карса, когда всѣ силы наши остались бы свободными.

Съ иными надеждами на успѣхъ представлялось внезапное нападеніе на Вели-пашу, стоявшаго у селенія Кѣрпи-Кѣвъ, для защиты столицы. Пораженіе его или отгвѣсненіе изъ занимаемаго имъ укрѣпленнаго лагеря, было дѣло доступное, какъ по краткости времени нужнаго для сего предпріятія, такъ и потому, что оно не требовало столь значительныхъ средствъ, какія бы понадобились, еслибъ онъ заперся во вновь возведенныхъ около Эрзрума укрѣпленіяхъ, и въ первомъ случаѣ, то-есть при удачномъ и совершенномъ пораженіи его, можно было надѣяться, что преслѣдовавшія его по пятамъ войска ворвались бы въ городъ, вмѣстѣ съ разбитыми остатками бѣгущихъ. Съ сей только точки смотрѣлъ главнокомандующій на занятіе Эрзрума, то-есть какъ на дѣйствіе второстепенное, зависѣвшее отъ исхода предпріятія противъ Вели-паши. Покореніе Эрзрума могло быть только послѣдствіемъ успѣховъ пріобрѣтенныхъ при селеніи Кѣрпи-Кѣвъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что занятіе Эрзрума, тогда загадочное, доставило бы намъ значительныя выгоды не въ однихъ военныхъ дѣйствіяхъ за Кавказомъ; оно несомнѣнно имѣло бы большой вѣсъ въ ходѣ всей войны, называвшейся всѣмъ

еточной до Ботническаго залива и до самыхъ предѣловъ Бѣлаго моря, ибо мысль о движеніи нашемъ черезъ Анатолю до константинопольскаго Босфора постоянно беспокоила союзниковъ; но къ дальнему походу сему въ то время нельзя еще было приступить и бесполезно было бы предаваться преждевременнымъ мечтамъ по дѣлу, коего исполненіе въ слѣдующемъ 1856 году, уже готовлялось подѣстѣнами Карса. Выгоды, которыя бы въ Закавказскомъ краѣ доставило намъ занятіе Эрзрума, были слѣдующія:

1) Нравственное, въ пользу нашу, вліяніе по всей сторонѣ.

2) Устраненіе тревожнаго для насъ колебанія, въ коемъ постоянно находилась персидская политика.

3) Изгнаніе изъ сей столицы дипломатическихъ агентовъ союзниковъ и прекращеніе транзитной торговли, производимой въ семъ городѣ Англичанами.

4) Разрушеніе правительственныхъ средствъ для сбора войскъ и продовольствія.

5) Овладѣніе паркомъ артиллеріи большаго калибра, недавно привезеннаго изъ Царяграда, для вооруженія вновь устроенныхъ около Эрзрума укрѣпленій.

6) Могло бы случиться и то, что гарнизонъ Карса, узнавъ о паденіи Эрзрума, сдался бы или сталъ уходить изъ крѣпости большими партіями, пользуясь гористою съ сѣверо-западной стороны города мѣстностью, за которою тогда мы еще вполне не могли наблюдать.

Разсматривая съ другой стороны обстоятельства, неразлучныя съ положительнымъ намѣреніемъ занять Эрзрумъ, и принимая въ соображеніе, что при этомъ могли еще представиться непредвидѣнныя случайности, — въ покушеніи семъ обнаруживались невыгодныя послѣдствія, какъ то часто на дѣлѣ оказывается, когда, въ одно и тоже время, стремятся къ двумъ различнымъ предметамъ. Съ этой точки зрѣнія представлялось слѣдующее:

1) Еслибы тревожное состояніе жителей занятаго нами обширнаго и многолюднаго Эрзрума задержало въ немъ главныя наши силы, еслибы пребываніе ихъ тамъ оказалось необходимымъ для отраженія новаго непріятеля со стороны Трапезунта или сосѣдственныхъ толпищъ свирѣпыхъ Лазовъ, еслибы притомъ гарнизонъ Карса, поддержанный твердостью Вилліамса не сдался и не разбѣжался, то от-

рядъ оставленный нами подъ Карсомъ, подвергся бы большой опасности, не столько отъ вылазокъ непріятельскаго гарнизона, сколько отъ пресѣченія подвозочнаго продовольствія изъ Александрополя; сверхъ того, Турки могли еще лишить наблюдательный отрядъ нашъ пастбищныхъ мѣстъ и тревоженія.

2) Замедленіе наше въ Эрзрумѣ дало бы способъ необложенному еще карсскому гарнизону, застаться продовольствіемъ на цѣлую зиму, по случаю дозрѣвавшихъ въ то время въ полѣ хлѣбовъ, и тогда рушились бы для насъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя истребленіемъ турецкихъ запасовъ въ селеніи Энци-Кёвъ.

3) Имѣя въ предметъ покореніе Эрзрума, надобно бы было переходить Соганлугъ съ сорока-дневнымъ провіантомъ, на что потребовалось бы, кромѣ полковыхъ обозовъ, болѣе тысячи транспортныхъ арбъ; ибо на первыхъ порахъ необходимо было бы устранить всякую заботу о добываніи въ краѣ продовольствія, дабы постоянно имѣть все войско подъ ружьемъ и быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такое большое количество обозовъ крайне затруднило бы наше движеніе, потребовало бы особеннаго прикрытія, а въ случаѣ дождливой погоды, арбы не могли бы двигаться по непроходимости въ такое время горныхъ путей.

4) Если бы по занятіи Эрзрума оставить для охраненія сего города Баязидскій отрядъ, даже нѣсколько усиленный отъ главнаго корпуса; и возвратитъ большую часть войскъ къ Карсу, то легко могло случиться, что небольшія силы занявшія Эрзрумъ, при появленіи новаго непріятеля отъ Трапезунта, нашлись бы вынужденными возвратиться въ долину восточнаго Евфрата. Такое отступленіе вдали отъ главныхъ силъ и всякаго пособія, среди непріятельской земли, было бы, во всякомъ случаѣ, сопряжено съ опасностію. Христіанское народонаселеніе Эрзрума, намъ сочувствовавшее, было бы совершенно предано мести мусульманъ; и въ тѣхъ и въ другихъ исчезло бы къ намъ довѣріе, что затруднило бы для насъ пріобрѣтеніе сей столицы, при стеченіи обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ успѣху сего предпріятія.

Взвѣсивъ всѣ сіи соображенія, главнокомандующій, пред-

принимая вторичный переходъ за Соганлугъ, совокупно съ движеніемъ баязидскаго отряда, предположилъ:

а) Не устремляя усилій своихъ въ одно время къ достиженію двухъ предметовъ и не отклоняясь отъ единственной цѣли—разрушенія въ Карсѣ анатолійской арміи—атаковать Вели-пашу, взирая на пораженіе или оттѣсненіе его отъ селенія Кёрпи-Кёвъ, только какъ на средство къ достиженію главной цѣли своей.

б) Въ случаѣ совершеннаго пораженія Вели-паши, послать на короткое время небольшую часть войскъ въ Эрзрумъ, и то въ такомъ случаѣ, еслибы соединились всѣ условія къ успѣху сего поиска (*coup de main*).

с) Не касаясь гражданскаго управленія въ Эрзрумѣ и не входя ни въ какія мѣстныя распоряженія, истребить всѣ военныя заведенія, вывезти оттуда пушки, оружіе, снаряды, и затѣмъ безотлагательно возвратиться подъ Карсъ, къ покоренію коего должны были прежде всего клониться заботы и направиться всѣ средства въ совокупности.

III.

Надежды непріятеля.—Мнѣніе Кмети.—Положеніе Карса.—Холера.—Мѣры предпринимавшіяся генераловъ Муравьевымъ, для возобновленія силъ и восстановленія порядка —
Обоюдное положеніе воюющихъ сторонъ.

Заглянемъ въ Карсъ. Англичане съ нетерпѣніемъ ожидали нашего отступленія. Изъ книги доктора Сандвита видно, что они послѣ штурма ежедневно собирались на разсвѣтѣ съ зрительными трубами на какое-нибудь возвышеніе, дабы высматривать что у насъ дѣлается, и видя движеніе транспортовъ съ ранеными, они принимали ихъ за передовые отряды отступающихъ войскъ. Капитанъ Томсонъ въ письмѣ отъ 21 сентября (3 октября) изъясняетъ надежду, что мы на другой или слѣдующій день, тронемся въ обратный путь. Полковникъ Лекъ, предполагавшій, что мы, оставя Карсъ, обратимся противъ Омеръ-паши, въ письмѣ своемъ отъ 20 сентября (2 октября) предвидитъ, какъ генералу Муравьеву будетъ трудно встрѣтить свѣжую и одушевленную армію Омеръ-паши, съ войскомъ значительно уменьшившимся и въ коемъ упалъ духъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъясняетъ свое сожалѣніе видѣть разрушенное положеніе, въ которое пришла блистательная дотолѣ армія наша. По словамъ его, Омеръ-паша долженъ былъ безпрепятственно вступить въ Тифлисъ и завоевать Грузію. Леку казалось, что мы ежедневно обратно отправляли тысячами подводы съ запасами и тяжестями; но онъ находилъ, что мы не были въ состояніи отступить, если бы и желали того, потому что не могли бросить раненыхъ. Онъ полагалъ однакоже, что мы чрезъ нѣсколько дней уйдемъ, послѣ чего Вилліамсъ долженъ былъ ѣхать въ Эрзрумъ, назначивъ его начальникомъ гарнизона въ Карсѣ, съ обѣщаніемъ не оставлять его тамъ въ теченіи всей зимы, а прислать ему кого-либо на смѣну. Вилліамсъ, по словамъ Лека, оставался очень доволенъ исходомъ кампаніи. (General Williams is very much pleased with the result of the campaign).

Убѣжденіе карскаго начальства и гарнизона, что съ отбитіемъ штурма они пріобрѣли свободу, было такъ сильно, что турецкій главнокомандующій муширъ Васифъ-паша писалъ въ Эрзрумъ, чтобы въ тамошнемъ его домѣ позаботились припасти разныя хозяйственныя заготовленія для стола. Это явствуетъ изъ отзыва на письмо его, писанное 29-го мугарема, соотвѣтствовавшаго въ 1855 году 29-му сентября ст. ст. Отвѣтъ сей попался къ намъ съ цѣлою почтою занимательныхъ бумагъ, захваченныхъ уже вблизи Карса. Повѣренный мушира увѣдомляетъ, что все заказанное для его дома готовится, и что по окончаніи сего порученія, онъ не преминетъ доложить о томъ Васифъ-пашѣ; но судьба какъ послѣдствіе показало, не привела его вкусить лакомыхъ запасовъ, имъ заказанныхъ въ Эрзрумѣ, и ему довелось пользоваться въ теченіе зимы гостепріимствомъ нашимъ въ Тифлисѣ.

Кмету, какъ изъ записокъ его видно, не пускался въ предугадываніе будущаго. Положительный взглядъ его обратился къ обсужденію предстоявшихъ послѣ штурма дѣйствій. Онъ между прочимъ находилъ, что карское начальство не воспользовалось пріобрѣтеннымъ 17-го сентября успѣхомъ, потому что оно на другой день штурма не атаковало отряда нашего при селеніи Айнали. Такъ онъ называетъ отрядъ Базина, по селенію сего имени, находившемуся вблизи селенія Мѣликъ-Кѣвъ, не далеко отъ коего стоялъ

Базинъ. Турки, по словамъ Кмети, имѣли на другой день штурма дѣйствительно до 18.000 войскъ подъ ружьемъ, изъ коихъ значительная часть не была въ дѣлѣ. По мнѣнію его, недостатокъ въ артиллерійскихъ лошадяхъ, не могъ служить Туркамъ достаточнымъ оправданіемъ въ томъ, что они сего не предприняли; ибо ночью на пересѣченной мѣстности около Айналинскаго лагеря, при имѣвшихся у нихъ трехъ батальйонахъ стрѣлковъ, не предстояло особенной надобности въ артиллеріи. Кмети пишетъ, что по большому отдаленію, въ которомъ Базинъ находился отъ главныхъ силъ нашихъ, отдѣльный отрядъ его не могъ бы получить помощи ранѣе четырехъ часовъ времени. Такое сужденіе Кмети, выраженное можетъ-быть спустя уже нѣкоторое время послѣ штурма, показывается дѣльнымъ и основательнымъ; но тутъ, кажется, не приняты въ достаточное соображеніе обстоятельства, которыя вскорѣ послѣ штурма могли препятствовать сему предпріятію, какъ-то: разстройство турецкихъ войскъ послѣ боя, всеобщее разслабленіе людей, которые, хотя и были способны защищаться за валами, но отнюдь не могли быть употреблены для наступательныхъ дѣйствій въ полѣ, уборка раненыхъ и убитыхъ, и тому подобное. Впрочемъ, къ совершенію такого предпріятія, предстояло болѣе возможности спустя нѣсколько дней послѣ штурма. Во всякомъ случаѣ, бездѣйствіе Турокъ доказываетъ, что, въ сущности, не велики были выгоды пріобрѣтенныя ими отраженіемъ приступа, и что, поэтому, неосновательны были, какъ и оказалось, надежды ихъ освободиться отъ тѣхъ, которыхъ они не дерзали атаковать.

И въ самомъ дѣлѣ, временное торжество непріятеля, не устранило тяготѣвшаго надъ нимъ, и ежедневно усиливавшагося бѣдствія—голода,—бѣдствія, для устраниенія котораго, непріятель не рѣшался прибѣгнуть къ наступательнымъ дѣйствіямъ на одну изъ слабыхъ сторонъ блокадной линіи. Вскорѣ появились снова, и съ большею силою, прежніе признаки разрушенія, уже зародившагося въ Карсѣ отъ строгой блокады, въ коей содержался городъ и заключавшаяся въ немъ армія. Холера, показывавшаяся въ Карсѣ до приступа, въ сильной степени развилась въ турецкой арміи и въ городѣ по окончаніи дѣла; по крайней мѣрѣ, такъ замѣтили обстоятельство это въ народѣ и въ войскѣ, которое отнесло сіе бѣдствіе къ близкому съ нами столкно-

венію, что послужило къ вѣщему противъ насъ озлобленію. Сандвигъ пишетъ, что въ ночь на 25 сентября (6 октября) умерло отъ одной холеры, не считая другихъ смертныхъ случаевъ, въ продолженіе двѣнадцати часовъ времени до сорока человѣкъ.

Но пока начальники непріятельской арміи, упоенные временнымъ успѣхомъ, въ нерѣшимости своей колебались между надеждами и опасеніями, Карсу и всему гарнизону крѣпости дѣлательно готовилась у насъ та горькая участь, которой они подверглись черезъ два мѣсяца послѣ штурма. На другой уже день послѣ сего событія, главнокомандующій писалъ князю Бебутову съ нарочнымъ, что если, по случаю выпавшаго въ Кавказскихъ горахъ снѣга, войска находившіяся на Лезгинской линіи и около Тифлиса были уже свободны, то за отдѣленіемъ изъ нихъ того числа, которое бы онъ нашелъ нужнымъ направить къ сторонѣ Имеретіи, прочія прислалъ бы въ Александрополь.

Крайне былъ ощутителенъ недостатокъ въ начальникахъ почти во всѣхъ частяхъ войскъ. Ковалевскій былъ незамѣнимъ въ дѣйствующемъ корпусѣ. Управление, по званію его начальника 13-й пѣхотной дивизіи, принялъ бригадный командиръ, генераль-майоръ Будбергъ, находившійся въ Ахалцыхѣ, куда отправлены были и дивизіонныя дѣла съ остатками его штаба. На мѣсто князя Гагарина, принялъ начальство надъ 18-ю дивизіей тоже бригадный командиръ, генераль-майоръ Трегубовъ. Майделя замѣнилъ старшій изъ полковниковъ его бригады. Въ мѣсто Броневскаго, для управленія военно-походною канцеляріей главнокомандующаго, былъ назначенъ полковникъ Константинъ Кауфманъ. Утрата командира Виленскаго полка, полковника Шликевича, была очень чувствительна; на мѣсто его былъ вызванъ изъ баязидскаго отряда полковникъ Алтуховъ, который, за отдаленіемъ, не могъ скоро прибыть. Командиръ Мингрельскаго полка, въ послѣдствіи выздоровѣвшій отъ полученныхъ имъ ранъ, лежалъ тогда на смертномъ одрѣ. Тѣ же самыя затрудненія встрѣчались въ замѣщеніи батальонныхъ и ротныхъ командировъ, коихъ много вышло изъ строя. Для пополненія по возможности сихъ недостатковъ, было поручено князю Бебутову выслать изъ Тифлиса и изъ штабъ-квартиръ кавказскихъ войскъ штабъ- и

оберъ-офицеровъ оставшихся свободными отъ служебныхъ занятій. Для усиленія же числа рядовъ въ полкахъ гренадерской бригады, приказано князю Бебутову выслать также, изъ штабъ-квартиръ ихъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, послѣ лѣтнихъ занятій по хозяйству, оказывались тамъ излишними.

Большія затрудненія представлялись отъ значительнаго числа раненыхъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ лишало насъ способности къ движенію. Уходъ за ними врачей и госпитальной прислуги былъ примѣрный, какъ и общее участіе всѣхъ къ страждущимъ сослуживцамъ. Тамъ не нужны побужденія и грозная повѣрка начальника, гдѣ дѣйствіями каждого, въ дружномъ войскѣ нашемъ, руководило теплое чувство состраданія къ товарищу и уваженіе къ обязанности. Но лѣкаря, изнемогая отъ трудовъ, по малочисленности своей не успѣвали въ должное время обойти всѣхъ перевязкою; почему вытребованы въ помощь къ нимъ медики изъ другихъ частей Грузіи. Не менѣе того, при всѣхъ недостаткахъ неизбежныхъ въ позднее время года и въ краю сильно потерпѣвшемъ отъ военныхъ дѣйствій, въ госпиталяхъ нашихъ, помѣщавшихся подъ большими палаточными наметами, раненые получали всевозможныя пособія.

При посѣщеніи генераломъ Муравьевымъ полевыхъ госпиталей, онъ остался доволенъ ихъ устройствомъ; но всего болѣе поразилъ его тотъ необыкновенный духъ, который оказывался между ранеными. Ни стога, ни вопля не было ни откуда слышно; на привѣтствія же главнокомандующаго, въ каждой палатѣ, страдальцы отзывались бодро и съ жаромъ выражали надежды свои на скорое выздоровленіе, дабы снова идти на приступъ Карса и отомстить Туркамъ за павшихъ товарищей и случившуюся неудачу. При посѣщеніи полковъ въ ихъ лагеряхъ, выбѣгали изъ палатокъ, среди здоровыхъ, съ подвязанными руками, легко раненые офицеры и нижніе чины, которые не хотѣли отстать отъ своихъ частей и поступить въ госпитали. „Турку,“ говорили солдаты, „нельзя съ одного раза добить.“ Духъ въ войскѣ былъ отлично хорошъ; но численность его значительно убавилась.

Отправленіе въ Александрополь перваго транспорта раненыхъ совершилось 21 или 22 сентября. Порядочныхъ

этаповъ на дорогѣ еще не было учреждено, и потому надо было довольствоваться нѣсколькими большими палаточными наметами, которые разбили на двухъ назначенныхъ ночлегахъ. Погода была холодная, ночи темныя, и во все время движенія транспорта шелъ мелкій осенній дождь. Достаточнаго количества дровъ для варенія пищи и обогрѣванія заготовить было невозможно, перевозочныя же средства состояли изъ транспортныхъ арбъ, которыя двигались на быкахъ довольно медленно. За всѣмъ тѣмъ, несмотря на такія неблагопріятныя условія и матеріальныя недостатки всякаго рода, перевозка раненыхъ, коихъ въ первомъ транспортѣ было около 800, совершилась благополучно. Дорогою лишь было нѣсколько смертныхъ случаевъ, которые могли быть неизбѣжны и на мѣстѣ. Заботы о нуждахъ раненыхъ во время пути были поручены попеченіямъ гвардейскаго ротмистра Башмакова, который, движимый участіемъ, не щадилъ трудовъ для доставленія своимъ спутникамъ возможнаго спокойствія.

За первымъ транспортомъ раненыхъ слѣдовалъ другой, потомъ третій, и въ полевыхъ госпиталяхъ стало просторнѣе, въ лагерѣ свободнѣе. Возродилась прежняя дѣятельность, возстановилась подвижность, и войска снова обратились къ фуражировкамъ, пріобрѣтая сѣно кошеніемъ перерѣлой травы въ отдаленныхъ мѣстахъ, а солому покупкою, въ разстояніи одного дня ѣзды отъ лагеря, у жителей оставшихся въ своихъ деревняхъ. Возобновленіе сего порядка не обошлось однако безъ затрудненій; ибо, въ самый день возвращенія со штурма и на слѣдующій, разнесся по войскамъ слухъ, что они вслѣдъ затѣмъ возвратятся въ свои штабъ-квартиры. И не безъ дурныхъ послѣдствій могло быть такое вредное направленіе умовъ, ибо въ убѣжденіи, что это было намѣреніе главнокомандующаго, начали даже безотчетно пользоваться сѣномъ и дровами изъ большихъ запасовъ заготовленныхъ съ толикими трудами въ теченіе лѣта. Къ счастью, обстоятельство сіе открылось еще вовремя, такъ что генераль Муравьевъ успѣлъ остановить это неумѣстное распоряженіе и сохранить запасы, съ истребленіемъ коихъ исчезли бы надежды къ покоренію Карса. Симъ дѣйствіемъ обнаружилась рѣшительная воля главнокомандующаго—остаться подъ Карсомъ до паденія оного, и вскорѣ измѣнилось ложное на-

правленіе данное войску, которое на все было готово, даже на возобновленіе приступа. Начальники попрежнему начали заботиться объ обезпеченіи своихъ частей, и въ лагерѣ стали показываться при полкахъ и батареяхъ отдѣльные запасы сѣна, дровъ и соломы, которые ежедневно увеличивались.

Наконецъ прекратились раздававшіеся въ разныхъ концахъ лагеря похоронные ружейные залпы, коими отдавали послѣднюю честь при погребеніи умиравшихъ отъ ранъ офицеровъ. Исчезли, передъ палатками раненыхъ начальниковъ и офицеровъ, заготовленные послѣ приступа большія носилки для переноски ихъ въ Александрополь. Въ полкахъ уравнены были роты по новому разчету людей, а въ 18 пѣхотной дивизіи начались инспекторскіе смотры. Утихала скорбь произведенная утратою многихъ, и кое-гдѣ въ лагерѣ прослышались даже по вечерамъ пѣсельники.

Но при такомъ обновленіи душевныхъ силъ, — числительныя значительно уменьшились. Взамѣнъ недостаточнаго количества госпитальныхъ служителей, понадобилось отправлять при раненыхъ большое число людей взятыхъ изъ строя. Тяжелыя носилки, наскоро заготовленные, увлекали также много прислуги; для поднятія только одной изъ нихъ, требовались 8 человѣкъ; на перемѣну имъ нужно было другихъ 8, которые въ очередь своего отдыха должны были нести кромѣ своихъ ружей и аммуниціи ружья и аммуницію своихъ 8 рабочихъ товарищей; такъ что для переноски на 70-верстномъ разстояніи до Александрополя одного раненаго офицера, котораго нельзя было везти на арбѣ, нужно было не менѣе 16 человѣкъ. При такомъ большомъ количествѣ отдѣльныхъ малыхъ командъ, нельзя было избѣжать нѣкотораго безпорядка по прибытіи ихъ въ Александрополь, гдѣ многіе изъ нихъ, не получая своевременнаго распоряженія отъ мѣстнаго начальства, оставались и не возвращались къ своимъ полкамъ. Обстоятельство это крайне увеличило было, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, убыль оказавшуюся отъ урона понесеннаго въ день сраженія, и до такой даже степени, что одно время оставалось во всемъ лагерѣ пѣхоты дѣйствительно могущей выдти въ строй только 11 тысячъ рядовыхъ. Для скорѣйшаго возстановленія численности людей въ полкахъ, средствами на мѣстѣ представлявшимися, были посланы дѣятельные штабъ-офицеры

въ Александрополь, гдѣ они, осмотрѣвъ госпитали и столпившіяся въ городѣ команды, отправляли ихъ въ лагерь; вскорѣ затѣмъ, полки стали еще усиливаться выздоравливающими отъ полученныхъ легкихъ ранъ. Оставалось ожидать прибытія требуемыхъ изъ Грузіи новыхъ войскъ и усиливать сколько возможно блокаду посредствомъ кавалеріи нашей, которая была въ хорошемъ состояніи.

Появленіе снѣговъ на окрестъ-лежащихъ хребтахъ горъ подавало надежду, что въ скоромъ времени минуетъ для непріятеля возможность двинуться изъ Эрзрума на помощь Карсу. Еще сильнѣйшія препятствія сего рода встрѣтились бы Омеръ-пашѣ, еслибъ онъ вздумалъ переходить къ Ахалцыху или къ Ардегану черезъ Аджарскія горы; конечно, обрисовалось уже намѣреніе его двинуться долиною Ріона, но приближалось то пагубное для него время года, когда онъ могъ въ той мѣстности встрѣтить непроходимыя топи. Съ появленіемъ снѣговъ на Лезгинской линіи, исчезала въ Кахетіи опасность отъ вторженія Шамиля и отъ набѣговъ горцевъ, такъ что часть изъ находившихся тамъ войскъ могла придти подъ Карсъ. Въ самомъ лагерѣ нашемъ хотя холера еще не прекратилась, но со дня штурма припадки ея потеряли первую свою силу; проявленіе же эпидеміи въ баязидскомъ отрядѣ было слабое. Напротивъ того, болѣзнь сія, съ самаго штурма, стала развиваться съ необыкновенною силой въ турецкой арміи, гдѣ она, какъ выше сказано, начинала уже свои опустошенія.

По мѣрѣ того какъ мы усиливались, гарнизонъ Карса ослабѣвалъ: по мѣрѣ того какъ увеличивались продовольственные запасы наши, они изсякали въ Карсѣ. Въ обратномъ содержаніи возрастали также съ одной стороны надежды, и упали съ другой отрадные виды избавленія. Еще нѣсколько времени промедленія Селимъ-паша, ожидавшася на освобожденіе Карса изъ Трапезунта черезъ Эрзрумъ, еще нѣсколько дней сборовъ и проводочекъ со стороны Омеръ-паша, и Карсъ со своею анатолійскою арміей, не дерзавшею испытать вылазки, дабы выбраться изъ своего заключенія, — Карсъ долженъ былъ пасть передъ нашимъ оружіемъ.

ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ

СЕЛО ГУДЛИЦЫ¹.

Щедрый вечеръ. Коляды. Торжественное открытіе
Юнгмановскаго литературнаго общества. Толки о балѣ.
Сельскія игры и танцы.

Въ Гудлицахъ, въ домѣ П..., съ утра рождественнаго со-
чельника началась суматоха. Все скоблилось, чистилось,
мылось, все приводилось въ порядокъ. А стоило заглянуть
въ кухню! Чего тамъ не было! Молоко, рыба, яйца, чер-
носливъ, миндаль... трудно и перечестъ... Все это готови-
лось къ вечеру, къ славному *щедрому вечеру*, который съ

¹ Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1861 годъ, помѣщена, подъ этимъ же заглавіемъ, статья того же автора, въ которой онъ раз-
казывалъ пріѣздъ свой въ село Гудлицы, гдѣ онъ гостилъ въ одномъ за-
житочномъ крестьянскомъ семействѣ. Семейство состоитъ изъ старика-
дѣда, котораго всѣ зовутъ панъ-тата (государь-батюшка), изъ старшаго
его сына, который наследуетъ всю его недвижимую собственность и
управляетъ хозяйствомъ (Францъ), другаго сына, который, взявъ своей
доли по хозяйству, получилъ университетское образованіе, и пр. Адольфъ,
молодой пріятель автора, пригласившій его къ себѣ погостить и ознако-
миться съ чешскимъ сельскимъ бытомъ, — старшій сынъ Франца, сту-
дентъ Пражскаго университета.

такимъ нетерпѣніемъ ожидался и дѣтьми и взрослыми, и передъ которымъ каждый непременно долженъ былъ поститься.

По всему было замѣтно, что наступаетъ большой праздникъ; это было замѣтно даже и по улыбающимся физиономіямъ дѣтей, которыя постоянно бѣгали изъ переднихъ комнатъ въ кухню, и обратно, сообщая своему дѣдушкѣ, какіе прекрасные колачи, какія прекрасныя *ваночки* и *бухты* пекутся въ кухнѣ.

— Смотрите же дѣти, замѣтилъ имъ дѣдушка, — если хотите сегодня видѣть *золотаго поросенка*¹, такъ поститесь до самаго вечера. Да вотъ еще что: не забудьте выучить коляду. Послѣзавтра будете ужъ колядовать.

— Какъ, развѣ послѣзавтра? спросилъ я.

— Да, у насъ всегда колядуютъ въ день Св. Стефана, отвѣчалъ панъ тата. — Ребятишки не дадутъ вамъ тогда и выспаться. Еще и не разсвѣнетъ хорошенько, а они ужъ почнутъ бѣгать сюда и пѣть.

— Я ужъ знаю одну коляду, заговорила внучка пана-таты. — Коляда, коляда... повторяла она въ полголоса, чтобы дѣдушка услыхалъ и похвалилъ ее за это.

— Ну, ну, теперь еще рано колядовать, замѣтилъ старичокъ. — А если хорошо знаешь, такъ ступай поучи своихъ братьевъ. Сегодня вечеромъ пріѣдетъ къ намъ и панъ Р***. Гостямъ надо будетъ хорошенько пропѣть коляду.

„Коляда, коляда!“ забормотали дѣти, и побѣжали снова въ кухню любоваться *колачами* и *ваночками*.

О лѣта дѣтства! Гдѣ вы? Гдѣ та беззаботная, счастливая жизнь? Зачѣмъ она прошла какъ сонъ? Зачѣмъ остались отъ нея одни воспоминанія, да и то воспоминанія смутныя, неясныя? Такъ, глядя на этихъ игривыхъ дѣтей, я невольно переносился мыслію къ своему прошедшему, невольно вспоминалъ, какъ весело жилось, особенно въ большіе праздники, какъ бывало и у насъ въ домѣ, наканунѣ Рождества, все приводилось въ порядокъ, и какъ правилась намъ вся эта суматоха, вся эта бѣготня! Какъ много общаго у насъ въ жизни! Но что-то будетъ дальше?

Между тѣмъ, чтобъ убить какъ-нибудь время до вечера, и не мѣшать уборкѣ, мы съ Адольфомъ пошли прогуляться.

¹ Zlatého prasátka.

Было довольно свѣжо, мелкій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, шло отлично. На улицѣ намъ постоянно встрѣчались то хлопотливыя хозяйки, бѣжавшія или въ лавочку за покупками, или къ сосѣдямъ взять что-нибудь на время, то крестьянинъ съ возомъ, то дѣти, потерявшія охоту поститься, съ колачами въ рукахъ. Всѣ встрѣчавшіеся говорили намъ: „rochválen buď Ježíš Kristus“ (слава Іисусу Христу). Адольфъ научилъ меня отвѣчать каждому: věku amen (во вѣки аминь). Это обыкновеніе господствуетъ во всѣхъ селеніяхъ чешскихъ и даже въ нѣкоторыхъ городахъ. Гдѣ мнѣ въ послѣдствіи ни случилось быть, какою деревней я ни проходилъ, привѣтствіе это слышалось постоянно.

За селомъ открылась передъ нами прекрасная картина. На лѣвой рукѣ, у самого селенія, возвышались двѣ большія скалы, мѣстами покрытыя снѣгомъ; прямо раскидывался крупный сосновый лѣсъ, изъ-за котораго виднѣлись горы; съ правой руки тянулись точно такія же горы и бѣлѣлись селенія.

Скоро мы были уже въ лѣсу. Дорога шла все въ гору, и только версты черезъ двѣ начался спускъ въ долину. Здѣсь лѣсъ перемежался. Показался рядъ каменныхъ зданій съ большими дымящимися трубами; это было село Яхимово, съ богатою желѣзною фабрикой. Далѣе, за Яхимовымъ, снова начинался лѣсъ, снова возвышались горы.

Невдалекѣ отъ насъ слышался говоръ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, мы очутились передъ толпой охотниковъ, большею частію фабричныхъ и чиновниковъ, которые, не желая, вѣроятно, точно также какъ и мы, мѣшать дома уборкѣ и приготовленіямъ къ щедрому вечеру, вздумали поохотиться за зайцами. Охотники прошли уже нѣсколько концовъ лѣса, и остановились для небольшого отдыха. Между собою чиновники говорили большею частію по-нѣмецки, и на чешскомъ языкѣ обращались только къ загонщикамъ, которые были простые крестьяне и, слѣдовательно, не были настолько образованы, чтобы могли говорить на *культурномъ*, какъ выражаются Чехи, языкѣ. Адольфъ представилъ меня почтенному собранію. Чиновники сначала посмотрѣли на меня съ какимъ-то недовѣріемъ, но потомъ, замѣтивъ вѣроятно, по моей физіономіи, что я человекъ благонамѣренный, стали ко мнѣ довѣрчивѣе, спрашивали меня, давно ли я изъ Россіи, зачѣмъ при-

ѣхалъ въ Гудлицы, знаютъ ли о Чехахъ въ Россіи и пр. Одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ даже свое ружье. Поблагодаривъ за такую любезность, я отказался и попросилъ только позволенія посмотрѣть на охоту.

Начались приготовленія къ походу. Охотники разстановились по опушкѣ лѣса, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга; между ними стали загонщики. Линія тянулась почти на версту. Какъ только поданъ былъ знакъ, всѣ двинулись впередъ, по направленію къ Гудлицамъ. Загонщики махали палками, свистали, кричали. По временамъ слышалось: пафъ, пафъ...

Проходя мимо одного небольшого холма, мой сосѣдъ, загонщикъ, замѣтилъ мнѣ:

— Посмотрите на этотъ холмъ: подъ нимъ лежатъ два ваши земляка.

— Какъ такъ? спрашивалъ я.

— Это было уже давно, отвѣчалъ сосѣдъ,—когда Русскіе шли во Францію... Двое изъ нихъ и схоронены здѣсь. Говорятъ, они убили другъ друга...

Послѣ довольно-утомительнаго перехода по оврагамъ и снѣжнымъ сугробамъ, мы вышли наконецъ на дорогу, и тутъ разставшись съ охотниками, отправились въ Гудлицы.

Уже стемнѣло, когда мы воротились домой, гдѣ, между тѣмъ, произошла значительная перемѣна. Прежней бѣготни теперь не было, все было убрано, чисто, свѣтло. Всѣ домашніе, въ праздничныхъ платьяхъ, собрались въ передней комнатѣ, среди которой стоялъ большой столъ, покрытый чистою бѣлою скатертью и уставленный разными кушаньями¹. На этомъ же столѣ была небольшая елка (stromek

¹ Въ то время, когда приходится нынѣшнее Рождество, у язычниковъ Чеховъ, какъ и у другихъ языческихъ народовъ, праздновался зимній поворотъ солнца, съ котораго начинали прибывать дни, и солнце какъ бы приближалось къ землѣ. Въ *щедрый вечеръ*,—такъ вѣрили,—солнце даже останавливалось не надолго, останавливалось и самое время; прошедшее и будущее сливались въ одно; небеса отверзались, и видѣлся рай пресвѣтлый, въ которомъ обитало солнце, и въ которомъ никогда не было перемѣны, а царствовали, напротивъ, вѣчный миръ и счастье. Въ раю постоянно зеленѣли луга и рощи, постоянно цвѣли цвѣты и зрѣли плоды; въ немъ жили боги и души людей, какъ родившихся, такъ еще и не родившихся. Особенно же въ *щедрый вечеръ*, все цвѣло въ раю, такъ что въ это время свѣтъ райскій отражался и на землѣ. Земля становилась совершеннымъ отблескомъ рая, и на ней все цвѣло даже подъ снѣгомъ.

vanopnu), увѣшанная яблоками, грушами, грецкими орѣхами¹, и пр. Отъ восковыхъ свѣчъ зажженныхъ на елкѣ падалъ пріятный свѣтъ. Дѣти бѣгали кругомъ стола и иногда останавливались передъ елкою, любясь развѣшенными на ней лакомствами. Одинъ замѣчалъ, что ему хотѣлось бы достать вотъ это яблоко, другой говорилъ, что яблокъ ему не надо, а лучше вонъ ту грушу. При этомъ дѣти указывали руками на то, кому что особенно нравилось.

— Что же, началъ панъ-тата черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прихода,—пора, кажется, и ужинать. Давайте-ка садиться за столъ... Только вотъ что, Францъ, обратился онъ потомъ къ своему старшему сыну, когда всѣ усѣлись:—не забылъ ли ты накормить птицъ и позвать къ ужину деревья?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ,—все уже сдѣлано. Жена ходила въ садъ, а работнику я велѣлъ накормить птицъ.

— Что это значитъ, спросилъ я Франца,—вы зовете къ ужину деревья? Такъ, стало-быть, и елка явилась сюда по особому приглашенію?

— Знаете, это у насъ такое обыкновеніе, говорилъ онъ, немного замѣвшись.—Въ *щедрый вечеръ*, передъ самымъ ужиномъ, кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ въ садъ, обвязываетъ нѣкоторыя плодовые деревья соломой, трясетъ² ихъ и приговариваетъ: vsecky stromy pojďte k nam

Оттого въ *щедрый вечеръ* можно было или войти въ рай, или, по крайней мѣрѣ, видѣть на землѣ его отблескъ, его славу. Въ вечеръ передъ Рождествомъ щедро раздавались людямъ всѣ небесныя и земныя блага; отсюда происходитъ и чешское названіе вечера—*štědrý*. Такимъ образомъ, этотъ вечеръ всегда славился, и теперь славится, съ особенною торжественностію. У Чеховъ, въ *щедрый вечеръ*, каждый домъ долженъ представлять собою маленькій рай.

¹ Stromek vanopnu (елка) служитъ здѣсь подобіемъ райскаго дерева и символомъ обилія всѣхъ плодовъ земныхъ въ наступающемъ году.

² Трясти деревья и приглашать ихъ къ ужину въ *щедрый вечеръ*—одинъ изъ главныхъ обычаевъ чешскихъ. Этимъ выражается желаніе пробудить деревья отъ зимняго сна. Иногда, кромѣ того, передъ восходомъ солнца, отецъ или мать выводятъ своихъ дѣтей въ садъ, гдѣ тряска то или другое дерево, говорятъ: stroměku vstávej, ovoce dávej, dnes je štědrý den (вставай дерево, давай намъ плоды; нынче вѣдь щедрый день). При этихъ словахъ, они бросаютъ на деревья яблоки и груши, которыя, разумѣется, тотчасъ же падаютъ на землю, гдѣ дѣти собираютъ ихъ, повторяя: stroměsek vstával, ovoce dával, že je štědrý den (дерево вставало, плоды давало, потому что насталъ щедрый день). См. „Báje-lovny

k večerí (всѣ деревья милости просимъ къ намъ ужинать). Кромѣ того, передъ ужиномъ же, хозяинъ дома, или кто-либо другой, на дворѣ дѣлаетъ изъ цѣпи кругъ, или просто кладетъ на землю обручъ, бросаетъ въ середину круга три горсти муки, три горсти крупъ, гороху и пр., сзываетъ домашнихъ птицъ и кормитъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, для того чтобъ они жили согласнѣе.

Въ числѣ кушаньевъ, стоявшихъ на столѣ, главное мѣсто занимали ваночки ¹ (vánočky), или щедровки (štědrovky) и колачи (koláče) ² съ макомъ, съ творогомъ и черносливомъ. При самомъ началѣ ужина каждый получилъ по ваночкѣ, а пану-татѣ и Францу поданы были самыя большія ваночки, чѣмъ, какъ мы тутъ же объяснили, выражается желаніе, чтобы въ наступающемъ году въ ихъ домѣ было изобиліе во всемъ, особенно же, чтобы былъ хорошій урожай въ полѣ. Затѣмъ слѣдовали бухты (buchty) ³, ливанцы

kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko svátečních obřadův slovanských. J. J. Hanuš.

¹ Рождественскіе праздники называются по чешски „vánoce“, или „vánočné hodý.“ Слово vánoce составлено изъ va и nose. Первое образовалось отъ корня vie, vie, великій, который первоначально долженъ былъ произноситься vai. Vai постепенно переходило въ via, потомъ въ vie, ve и наконецъ въ va; слѣдовательно и va означаетъ то же, что vie, ve, то-есть великій. Nose, ночи; vánoce, великія ночи (русск. святые вечера, святки). Такимъ образомъ vánočka означаетъ хлѣбъ ваноchnый, рождественскій. Ваночка готовится изъ пшеничной муки и состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ. Первый слой дѣлается въ видѣ цифры 8, или немного иначе, на него кладется второй слой точно такой же формы, только меньшаго объема, на второй слой—третій, еще меньшій и т. д. Затѣмъ ваночка убирается миндалемъ и изюмомъ. Ваночка имѣетъ такое значеніе, что даже и самое ея приготовленіе сопровождается особыми обрядами. Такъ напримѣръ, когда тѣсто для ваночки уже замѣшено, хозяйка идетъ въ садъ и здѣсь, еще мокрыми отъ тѣста руками, обнимаетъ плодовые деревья, желая этимъ сообщить имъ силу плодородія.

² Для колачей тѣсто раскатывается очень тонко. Сочень бываетъ разной величины, это совершенно зависитъ отъ воли хозяйки. Когда сочень готовъ, на него кладется макъ съ миндалемъ, или сливы, или творогъ съ изюмомъ, или яблоки, обливаемые то сливками, то сметаной и пр. Края сочня иногда загибаются немного, а иногда и нѣтъ. Когда колачи испекутся, то большіе разрѣзываются на мелкія части, а потомъ подаются на столъ; маленькіе же подаются на столъ цѣлыми. Чешскіе колачи очень вкусны. Нѣмцы предпочитаютъ ихъ своимъ Kuchen'amъ, и даже приняли въ свой языкъ чешское слово koláče. Они обыкновенно говорятъ и пишутъ: Kolatschen.

³ Бухты тоже родъ колачей, но только тѣсто для нихъ дѣлается пышнѣе, и часто они готовятся безъ всякой начинки.

(*livance*), *вдолки* (*vdolky*)¹ и *кнедлики* (*knedliky*)². Рыбныя кушанья³ были тоже въ большомъ количествѣ, но они какъ будто исчезали передъ ваячками, колачами и бухтами, на которые было обращено общее вниманіе.

Во время ужина всѣ были веселы; говоръ и смѣхъ не умолкали. Меня постоянно спрашивали о русскихъ рождественскихъ обычаяхъ. Я разказывалъ, разумѣется, какъ могъ. Если же чего не умѣлъ передать, на помощь мнѣ сейчасъ являлся Адольфъ, который уже не дурно говорилъ по-русски и очень много читалъ о Россіи. Всѣхъ занимало то, что въ Россіи есть много обычаевъ, совершенно сходныхъ съ чешскими.

— Да вѣдь какъ же, замѣтилъ Францъ,—мы всѣ Славяне. Я думаю, и языкъ-то русскій не очень много разнится отъ нашего. Разказываютъ, что когда проходили здѣсь въ 13 и 14 годахъ русскіе солдаты, то наши крестьяне говорили съ ними и другъ друга хорошо понимали.

По общей просьбѣ, я сказалъ нѣсколько русскихъ словъ, сходныхъ съ чешскими.

— Ну, вотъ, вотъ, продолжалъ Францъ.—Ахъ, ты, Боже мой! Панъ Троянскій живетъ за нѣсколько сотъ миль отсюда, а тамъ все-таки говорятъ сходно съ нами! Нѣмцы и близко около насъ, а мы не поймемъ другъ друга.

— А велика эта Россія! присовокупилъ панъ-тата.—Вотъ, смотрѣлъ я на карту: Нѣмцы, Франція, Австрія, Англія, Россія; ну, нѣтъ, противъ русской земли не будетъ ни одна земля. А о Чехіи ужъ нечего и говорить. Да знаете что, обратился онъ потомъ ко мнѣ, немного понизивъ

¹ *Livance*, это русскіе блины. Самое уже слово указываетъ на способъ приготовленія кушанья. *Livance* происходитъ отъ слова *liti*, слѣд. это — жидкое тѣсто, вылитое на сковородку и потомъ зажаренное. *Vdolky* походятъ на наши аладьи, приготовляемыя обыкновенно на такихъ сковородахъ, на которыхъ дѣлается нѣсколько углубленій. Чешское слово *vdolky* происходитъ отъ *dol*, углубленіе; *вдолки* есть такое кушанье, которое готовится изъ муки и жарится на сковородѣ съ нѣсколькими углубленіями.

² *Кнедлики* приготовляются изъ муки, яицъ и масла, имѣютъ круглую форму и варятся въ водѣ. Потомъ обливаются масломъ и подаются на столъ. Въ нихъ иногда кладется черносливъ. Перечисленныя здѣсь и выше кушанья, исключая ваячечекъ, въ селеніяхъ приготовляются обыкновенно къ каждому большому празднику.

³ Въ щедрый день церковь запрещаетъ ѣсть мясо.

голосъ,—мы часто здѣсь толкуемъ объ этомъ, вѣдь вашъ-то царь былъ бы еще сильнѣе, еслибы поменьше слушалъ Нѣмцевъ. Этихъ господъ мы ужъ знаемъ хорошо. Они ни намъ, никому въ свѣтѣ не желаютъ добра.

— Ахъ, Боже мой! прервала нашъ разговоръ тетка Адольфа:—занялись вы этой политикой, да и забыли о томъ, что стоитъ передъ вами на столѣ. Вотъ *бухтички*, *ливанцы*, *кн ед лики*... берите, пожалуйста, успѣете и послѣ наговориться. Панъ Троянскій, обратилась она затѣмъ ко мнѣ съ самою привѣтливою улыбкой,—прошувась, кушайте. Возьмите вотъ эту *бухтичку*...

Нѣсколько разъ тетка Адольфа заговаривала со мною по-нѣмецки. То же самое повторилось и теперь. Сначала это меня удивляло, и я никакъ не могъ объяснить себѣ подобную странность,—въ домѣ чешскаго крестьянина, и притомъ далеко отъ нѣмецкихъ границъ, слышать нѣмецкій говоръ! Но дѣло оказалось очень простымъ. Она и ея сестра, покойная жена пана-таты, еще въ дѣтствѣ, переселились съ отцомъ и матерью изъ Саксоніи въ Гудлицы. Поставленные здѣсь въ необходимость говорить только по-чешски, онѣ почти совсѣмъ забыли нѣмецкій языкъ. Но, между тѣмъ, въ теткѣ Адольфа, все-таки еще осталось воспомина-ніе о своемъ происхожденіи съ нѣмецкой стороны, и она чрезвычайно любила сказать иногда пять-десять словъ нѣмецкихъ. Доброе созданіе эта старушка! Ея простота, ея привѣтливость съ перваго раза располагали къ ней каждаго.

— Что, что ты говоришь, тетя? засмѣялся Францъ, когда тетка заговорила со мною по-нѣмецки:—я не понимаю ни полслова. Скажите, пожалуйста, панъ Троянскій, тоже самое по-русски, прибавилъ онъ потомъ, обращаясь ко мнѣ.

Я повторилъ слова тетки по-русски, раздѣльно и громко.

— Понимаю, все понимаю, вскричалъ Францъ,—каково? Не правду ли я говорилъ?

— Дѣло ясное, замѣтилъ Адольфъ сухо, какъ филологъ,—не можетъ-быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ мы—Чехи, Русскіе, Поляки, Хорваты, Болгары—составляемъ одинъ великій народъ, извѣстный подъ именемъ Славянъ.

Ужинъ кончился.

— Смотрите же, говорилъ панъ-тата, — остатками ужина надо распорядиться какъ слѣдуетъ. Что въ щедрый вечеръ останется отъ ужина, говорилъ онъ потомъ мнѣ, — то дается коровамъ, чтобы былъ хорошій удой отъ нихъ. Все это, разумѣется, пустяки, но ужь такъ ведется изстари, такъ дѣлали наши отцы. Щедрый вечеръ, какъ видите, богатъ обыкновеніями. Чтобы, напримѣръ, собака была зла, ее кормятъ чеснокомъ и потомъ обводятъ три раза около дома; чтобы неслись курицы, хозяйка бросаетъ имъ горсть гороха. А загляните-ка чрезъ полчаса въ *халупку*, гдѣ живетъ башмачникъ; тамъ начнется ворожба, и вы увидите много интереснаго.

— Съ удовольствіемъ, только съ вами вмѣстѣ, отвѣчалъ я.

— Хорошо!.

— А постились ли вы сегодня? спросилъ Францъ своихъ дѣтей, когда всѣ встали изъ-за стола.

— Мы не обѣдали, отвѣчали дѣти.

— Но все-таки голодны не были? Ну, да дѣлать нечего, надо вамъ показать золотого поросенка.¹ Смотрите же.

Францъ взялъ въ одну руку небольшое зеркало, въ другую зажженную свѣчу. Держа свѣчу передъ самымъ зеркаломъ, онъ постоянно колебалъ послѣднее, отъ чего на стѣнѣ и на потолкѣ показывались свѣтлыя пятна, постоянно перебѣгавшія съ мѣста на мѣсто.

— Ну, вотъ, вотъ вамъ и золотой поросенокъ, повторялъ Францъ.

Дѣти были довольны и отъ души смѣялись. Они развеселились еще болѣе, когда получили по нѣскольку яблокъ, грушъ и орѣховъ, снятыхъ для нихъ послѣ ужина съ елки².

¹ Въ щедрый вечеръ, какъ сказано выше, отверзается небо, видѣется пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ солнце, и свѣтъ райскій отражается въ видѣ той или другой звѣзды. Въ Чехіи родители иногда выводятъ въ щедрый вечеръ своихъ дѣтей на улицу и, указывая имъ на какое-либо созвѣздіе, говорятъ, что это *zlaté prasátko*; иногда же, не желая выходить изъ комнаты, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлалъ Францъ.

² Большія дѣвицы, желая узнать свою будущность, бросаютъ на елку вѣнки. Если брошенный вѣнокъ съ перваго же раза останется на елкѣ то бросившая его дѣвица скоро выйдетъ замужъ. Въ противномъ случаѣ, она еще столько лѣтъ должна оставаться въ дѣвицахъ, сколько разъ упадетъ съ елки брошенный на нее вѣнокъ.

Около десяти часовъ прїѣхалъ П. А. Р...й. Столъ еще не былъ убранъ. Его попросили садиться и ужинать. Повторилось, конечно, то же самое, что было и при моемъ прїѣздѣ. Начались разспросы, дѣти внимательно разсматривали новаго гостя, и черезъ нѣсколько минутъ были уже коротко знакомы съ нимъ.

Между тѣмъ, въ сосѣднемъ небольшомъ домикѣ, или въ *халупкѣ*, гдѣ жилъ башмачникъ съ семействомъ, происходила теперь совершенно другая сцена. Тамъ собралось нѣсколько дѣвицъ, и тотчасъ же послѣ ужина начались гаданья.

Однѣ дѣвицы несли въ садъ колачи, или куски рыбы, оставшіеся отъ ужина, клали ихъ подъ деревья, и потомъ трясли послѣднія, приговаривая:

Рověz ty mi strome,
Kde můj milej dnes je?
Třesu, třesu, třes,
Ať se ozve pes.

Скажи ты мнѣ древо
Гдѣ теперь мой милый?
Трясу, трясу-трясь,
Пусть залаетъ песъ.

При послѣднихъ словахъ дѣвицы прислушивались, откуда раздастся лай собаки, потому что съ той же самой стороны надо ожидать и жениха.

Другія выливали передъ воротами помои, накопившіеся въ продолженіе щедраго вечера, говоря при этомъ:

Nesu, nesu vodu
O vianočním hodu
Před vrata na drníček,
Na zelený travníček.—
Vodo, vodičko studenička!
Nese se ti večeříčka:
Rověz ty mne pravdu,
Co se tě ptát budu;
Kam se dostanu,
Na kterou stranu.
Kde můj chodí dnes
Ozvi se mi pes.
Jest-li na mne myslí,
A jak o mě смеjší,
Vezme-li mne, neb ne,
Na které straně je.
Ať bouchá neb seká,
Troubí aneb píská;
Strlíl nebo práská;
Řezá aneb jede,
V mlejně-li mele,
Odpověz mi směle.

Несу, несу воду
Въ рождественску пору
Передъ ворота на дернъ,
На зелену травку.
Вода, студеная водичка!
Вотъ тебѣ ужинъ:
Скажи ты мнѣ всю правду,
О чемъ я тебя спрашивать буду:
Куда выйду замужъ,
На которую сторонку?
Гдѣ теперь мой милый,
Пусть залаетъ песъ;
Думаетъ ли онъ обо мнѣ,
И что именно думаетъ,
Возьметъ меня, или нѣтъ,
Въ которой сторонкѣ живетъ.
Бьетъ молотомъ, или рубитъ,
Трубитъ, или свищетъ,
Стрѣляетъ, или хлопаетъ бичомъ.
Рѣжетъ, или ѣдетъ,
Или на мельницѣ мелетъ,
Скажи ты мнѣ смѣло.

Послѣ такого вступленія дѣвица оборачиваетъ вверхъ дномъ ведро, или чашку съ помоями, прикладываетъ ко дну ухо и слушаетъ, откуда и какой раздается звукъ. Если слышится звукъ молота, то мужъ будетъ кузнецъ; слышится стукъ мельничныхъ колесъ—мельникъ; слышится музыка—музыкантъ; слышится звукъ рожка—пастухъ; ударъ бичомъ—извозчикъ или пахарь и проч. Притомъ, жениха надо ожидать съ той именно стороны, откуда слышится тотъ или другой звукъ.

Однѣ дѣвицы смотрѣли въ печь, при темнотѣ, думая тамъ узнать свою судьбу: если въ печи виденъ огонь, то быть пожару; слышится молящійся голосъ—надо готовиться къ смерти; слышится музыка—будетъ свадьба, и проч. Другія дѣвицы бросали въ колодезь¹ куски ваночекъ, оставшіеся отъ ужина, орѣхи, яблоки и т. п., и говорили при этомъ: „studánko! tu ti nesu večeríčku, pověz ty mně pravdu, co se tě ptát budu“ (колодезь! я принесла тебѣ ужинъ, скажи же ты мнѣ правду, о чемъ я тебя буду спрашивать). Разумѣется, начинались вопросы о томъ, что дѣлаетъ милый, откуда придетъ женихъ, скоро ли будетъ свадьба.

Прислушиваясь къ отвѣтамъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, дѣвицы спѣшили потомъ въ горницу, чтобы тамъ передать подругамъ все видѣнное и слышанное ими и, въ свою очередь, узнать отъ нихъ, что онѣ видѣли и слышали. Отъ того, въ *халупкѣ* былъ постоянный говоръ, постоянная бѣготня,—кто приходилъ, кто уходилъ. „Ну что, что ты видѣла?“ встрѣчали обыкновенно дѣвицы вопросомъ каждую входившую, послѣ чего вошедшая начинала разказывать о своихъ походахъ. „Теперь пойду я,“ слышался чей-либо другой голосъ.

Въ заключеніе, дѣвицы, всѣ вмѣстѣ, стали лить олово, гадая о своей судьбѣ по той формѣ, какую принималъ слитокъ. Походилъ ли слитокъ сколько-нибудь на телѣгу, или

¹ Въ щедрый вечеръ свѣтъ райскій отражается на землѣ, и всего сильнѣе отражается въ водѣ. Следовательно, въ водѣ скорѣе можно увидать что дѣлается на небѣ, какая кому судьба готовится тамъ. И у Чеховъ есть повѣрье, что кто въ щедрый вечеръ посмотритъ въ воду, тотъ непременно узнаетъ свое будущее. Часто въ лунную ночь, около двѣнадцати часовъ, дѣвицы ходятъ на прудъ, или на рѣку, смотря здѣсь въ прорубь и видятъ то гробъ, то вѣнецъ...

на плугъ,—дѣвушки говорили своей подругѣ, которая лила олово, что она выйдетъ замужъ за крестьянина; выливался какой-либо звѣрь, или ружье,—нѣсколько голосовъ кричали: „ты выйдешь за охотника...“ и проч. Часто слитокъ принималъ самую неопредѣленную форму, и между дѣвицами завязывался споръ о томъ, что означаетъ слитокъ. „Это церковь,“ говорила одна. „Нѣтъ, какая церковь,“ отвѣчала другая, скорѣе же домъ; видишь, крыльцо, окна, крыша... кажется, ясно...“—„И не церковь, и не домъ,“ замѣчали другія дѣвицы, это просто телѣга, а въ ней сидятъ люди и ѣдутъ на свадьбу. Э! Божена, скоро будетъ твоя свадьба.“

Божена, къ которой относились послѣднія слова, зарумянилась, потупила глаза и тихо проговорила: „Не правда, слитокъ совсѣмъ не походить на телѣгу. Лучше я пере-
лью еще разъ!“

Божена снова лила олово, и на этотъ разъ гораздо удачнѣе. Вышло что-то похожее на свадебный поѣздъ. „Ну, вотъ смотри, смотри,“ говорили ей подруги; теперь вышло опять то же самое; ужъ видно скоро распростишься ты съ дѣвичьимъ житьемъ. А вспомнишь еще о немъ, да иногда и пожалѣешь.“

Но дѣвицы завидовали Боженѣ, и сами желали бы быть на сея мѣстѣ¹.

Гаданія продолжались до самой полночи, и только колокольный звонъ заставилъ дѣвицъ разойтись. Это былъ звонъ призывавшій народъ въ церковь привѣтствовать тамъ родившагося Христа...

Полночью оканчивался щедрый вечеръ, этотъ таинственный праздникъ, эта дивотворная ночь, какъ говорится въ одной народной чешской пѣснѣ!

Насталъ первый день Рождества (hod boží), настала тишина. Какъ бы въ противоположность щедрому вечеру, весь слѣдующій день посвященъ былъ исключительно христіанскимъ обычаямъ. Кромѣ упомянутаго полночнаго богослуженія, утромъ съ большою торжественностію соверша-

¹ Есть еще гаданье орѣховыми скорлупами. Тутъ уже гадаютъ вмѣстѣ и дѣвицы и мужчины. На столъ ставится обыкновенно большое блюдо съ водою. Дѣвицы ставятъ въ скорлупы гредкихъ орѣховъ бѣлыя восковыя свѣчи, а мужчины—розовыя, зажигаютъ ихъ, пускаютъ скорлупы на воду и смотрятъ куда онѣ поплывутъ. Если встрѣтится скорлупа дѣвицы съ скорлупою мужчины, то въ наступающемъ году будетъ свадьба.

лась литургія, и послѣ обѣда, отъ двухъ до четырехъ часовъ, было такъ называемое роженіи (вечерня). Въ продолженіе цѣлаго дня народъ постоянно шелъ то въ церковь, то изъ церкви; но, несмотря на такое движеніе, въ селеніи царствовала глубокая тишина, не прерывавшаяся ни малѣйшимъ шумомъ, ни малѣйшимъ безпорядкомъ.

Послѣ обѣда мы зашли къ священнику, который принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Въ разговорѣ съ нимъ, дѣло коснулось политики и литературнаго общества, которое устраивалось крестьянами въ Гудлицахъ. Священникъ доказывалъ, что, при настоящемъ движеніи народномъ, подобныя общества могутъ принести весьма большую пользу. „Нашъ народъ, говорилъ онъ, грамотенъ: у насъ каждый крестьянинъ умѣетъ читать и писать и, что всего важнѣе, почти каждый читаетъ съ охотою, лишь бы только было что читать. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ мы не имѣли ни одного политическаго органа, тогда какъ для насъ прежде всего необходимо политическое воспитаніе. Только теперь мы начинаемъ понемногу расправлять свои крылья; недавно стала издаваться газета *Часъ*, а съ новаго года будутъ выходить *Народные Листы*. Крестьяне непременно должны читать эти газеты. Между тѣмъ каждый не можетъ выписывать ихъ; очевидно, для этого надо сложиться нѣсколькимъ человѣкамъ вмѣстѣ, надо составить небольшое общество, которое бы выписывало газеты, и члены котораго въ извѣстное время сходились бы вмѣстѣ для чтенія. Такъ дѣлается у насъ уже во многихъ деревняхъ; только мы, гудлицкіе, поотстали отъ другихъ, тогда какъ этому не слѣдовало бы быть, потому что здѣсь родина одного изъ первыхъ воскресителей народности чешской, Юнгмана. А есть ли въ вашихъ селеніяхъ подобныя литературныя общества?“ обратился потомъ священникъ къ намъ съ вопросомъ.

— У насъ вы найдете ихъ даже не въ каждомъ городѣ, отвѣчалъ одинъ изъ насъ.— Впрочемъ, есть три или четыре сельскія литературныя общества; но много ли это сравнительно съ громадностію русскаго народонаселенія? Чеховъ только три милліона, а у нихъ болѣе литературныхъ обществъ въ селеніяхъ нежели у насъ въ Россіи, гдѣ считается слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ жителей... Да, вашъ народъ стоитъ на высокой степени образованія.

— Этому много содѣйствовало, продолжалъ священникъ, — исключительное положеніе чешской земли. Находясь въ центрѣ Европы, Чехи съ давнихъ временъ были въ сношеніяхъ со многими европейскими народами. Они, конечно, не перенимали отъ сосѣдей всего безъ разбору, не подражали имъ слѣпо, потому что въ прежнее время и тѣ народы относительно образованія не стояли выше Чеховъ; къ тому же, и отношенія Чеховъ къ нѣкоторымъ изъ западныхъ народовъ, особенно къ Нѣмцамъ, не могли благопріятствовать такому подражанію: эти отношенія были большею частію непріязненныя. Но уже одно столкновеніе съ сосѣдними народами, какого бы оно было свойства, много способствовало развитію Чеховъ, вызывало ихъ къ жизни дѣятельной и разумной. — Мы бы и теперь, навѣрное, не отставали отъ другихъ, присовокупилъ священникъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, — если бы только счастье не измѣнило намъ, если бы мы не лишились самостоятельности. Сколько несчастій обрушилось на насъ съ того времени, сколько преслѣдованій мы должны были вынести! И свѣтъ считалъ было насъ уже совсѣмъ погибшими... Но посмотрите: развѣ мы не живемъ теперь, развѣ мы исчезли съ лица земли?..

Священникъ задумался и потомъ черезъ минуту сказалъ: — Послѣзавтра, господа, будетъ происходить открытіе нашего общества. Вы, конечно, придете на этотъ праздникъ.

— Да, батюшка, намъ бы хотѣлось быть на немъ, отвѣчали мы.

— Милости просимъ, говорилъ священникъ, милости просимъ!

Мы разстались дружески, и священникъ просилъ насъ заходить къ нему потолковать о политикѣ, пока будемъ жить въ Гудлицахъ. Толковать о политикѣ! Вѣчная политика! Это какая-то болѣзнь, зараза, отъ которой нигдѣ не спасешься! Политика преслѣдуетъ васъ постоянно на каждомъ шагу! Чеховъ считаютъ хорошими филологами, и въ шутку часто говорятъ, что если сойдутся вмѣстѣ три, четыре Чеха, то между ними сейчасъ же завязывается споръ о томъ, отъ чего происходитъ слово вѣсь, откуда взялось ѣ, ї и пр. Отчасти это справедливо. Филологія, особенно славянская, процвѣтаетъ въ Чехіи. Но страсть

Чеховъ къ филологіи отступила въ послѣднее время на второе мѣсто, а первое мѣсто заняла страсть къ политикѣ. Войдите теперь въ любое чешское общество, и вы непременно услышите толки о политикѣ. Войдите въ кофейню или въ гостиницу; тутъ двое, тамъ трое, пятеро; прислушайтесь, о чемъ идетъ толкъ въ этихъ кружкахъ: вездѣ непременно о непрочности Баховской системы правленія, о значеніи Чеховъ въ исторіи, о федеративномъ устройствѣ Австріи и т. д. Сколько самыхъ животрепещущихъ, самыхъ интересныхъ вопросовъ! Можно ли быть къ нимъ равнодушнымъ? Страсть къ политикѣ проникла во всѣ слои чешскаго общества, проникла въ самыя отдаленныя захолустья такъ-называемаго Чешскаго королевства. Страсть къ политикѣ овладела даже прекраснымъ поломъ, и теперь не рѣдкость видѣть какую-либо демонстрацію со стороны чешскихъ дамъ. Дается, напримѣръ, большая бесѣда, или что то же, балъ. Всѣ дѣвицы являются на балъ въ народныхъ платьяхъ. Въ огромномъ залѣ виднѣются только бѣлый и розовый цвѣта, слышится только чешскій говоръ. Вы заговариваете съ дѣвицей о танцахъ, о музыкѣ, разговоръ вашъ не клеится; что дѣлать, какъ выйти изъ бѣды? Вы сейчасъ же призываете на помощь политику, и дѣло поправлено. Ваша прекрасная собесѣдница, годъ тому назадъ почти-что не умѣвшая говорить по-чешски, сильно негодуетъ на правительство за то что оно такъ несправедливо къ Чехамъ, что оно такъ святотатственно попираетъ права народностей. Ваша прекрасная собесѣдница находитъ, однако, что Чехи дѣйствуютъ очень хорошо, находитъ, что они въ политическомъ отношеніи стоятъ выше Нѣмцевъ... „Но, Боже мой! восклицаетъ она, глубоко вздыхая: что будетъ съ нами, если опять настанетъ реакція? Кажется, чего бы лучше федеративнаго устройства для Австрійской имперіи, какъ это предлагаютъ Палацкій и Ригеръ? Иначе не будетъ конца неудовольствію народовъ. А что если распадется Австрія? Боже мой! Чехію присоединятъ къ Пруссіи, и тогда намъ будетъ еще хуже!..“ Нисколько не удивительно, поэтому, что и гудлицкій священникъ, при первой же встрѣчѣ съ нами, заговорилъ о любимомъ предметѣ, о политикѣ.

Вечеръ перваго рождественскаго дня прошелъ вообще ,

тихо. Всѣ оставались дома и проводили время въ семейномъ кругу.

На другой день, часовъ съ шести утра, началось колядованье. Дѣти бѣгали изъ дома въ домъ, распѣвая коляды и собирая колачи, бухты, ливанцы и деньги. Иногда они являлись цѣлыми толпами, и пѣли всѣ вмѣстѣ, хоромъ. Въ такомъ случаѣ не было никакой возможности разобрать, что такое они пѣли, потому что все сливалось въ одну общую дисгармонію. Колачи и деньги собирались въ общій мѣшокъ, и дѣлежъ происходилъ уже послѣ, по окончаніи колядованья. Большею же частію дѣти колядовали по одиночкѣ. Вотъ прибѣгаетъ къ намъ одинъ молодецъ и, замѣтивъ, что въ домѣ есть какіе-то пріѣзжіе гости, начинаетъ длинную, предлинную исторію, чтобы получить лишній колачъ или крейцеръ. Онъ поетъ:

Pojd'te bratři k nám
Koledy vám dám!
Po jablíčku, po oříšku;
Obleknem se do kožíšku,
Budem zpívatí,
Koledovatí.
Již je zima, mráz,
Slyším divný hlas.
Ptáci v půlnoci zpívají,
A pastuškové troubějí,
A co nového,
Neslychaného?
V oblacích jasný,
Anděl se vznáší.
Divným hlasem prozpěvuje
Radost lidem vyjevuje.
Narodil se nám;
Ježíš, Bůh a Pán.
Leží v Betlemě,
V chlévě na seně.
Nemá žádné podušičky,
Ani chatrné plencičky,
Dítě chudobné,
Je tam na seně.
Nuž pacholátko,
I vy děvčátka!
Velká, malá se sejděte
Ježíškovi dary dejte.
Housky, koláče,
Ať nám nepláče.
Barborka běží,

Идите братцы къ намъ,
Коляды вамъ дамъ,
По яблочку, по орѣшку.
Надѣнемъ тулупчику,
Станемъ пѣть,
Колядовать.
Ужъ зима, морозъ,
Слышу дивный гласъ.
Въ полночь птички поютъ,
А пастушки трубятъ;
Что же новаго,
Неслыханнаго?
Въ облакахъ свѣтлый
Ангель возносится.
Дивнымъ голосомъ воспѣваетъ,
Радость людямъ возвѣщаетъ.
Родился днесь
Иисусъ, Богъ и Господь.
Лежитъ въ Ввелеемѣ,
Въ хлѣвѣ, на сѣнѣ.
Нѣтъ у него ни подушечки,
Ни плохой пеленочки,
Дитя бѣдное,
Оно тамъ на сѣнѣ.
Ну же, ребяточки!
И вы дѣвочки!
Большіе, малые, идите,
Подарки Иисусу несите.
Булочки, колачи,
Чтобъ онъ не плакалъ.
Варвара бѣжитъ,

Už je u dvéří
Nese v hrnku smetaničku,
Hrudku másla a krupičku
Varí kašičku,
Tomu Ježíšku.
Běž do lesa, běž,
Vášo si pospěš.
Naber dřívka jen suchého,
Ušetř Ježíška milého,
By nemrz zimou,
S matičkou milou.
Vavřina s basou
Jde se svou chasou,
Dudy si vzal Bartoníček,
Cymbal, housle nes Jiříček.

Všickni se sešli,
U jesli klekli.
Tu hnedky hráli
Malému králi.
Břínky, břínky, tramtarala,
Dudli, dudli, tidli tadla,
Hopsa, hejsasa!
Zpívala chasa.
Jozef kolíba,
Vul, osel dýchá,
Zahrívají Jezulátko
Krásné malé pacholátko,
By neplakalo
Zimou nezmrzlo.
Evičko zlostná,
Tys neposlušná,
Nechtěla si v noci vstáti,
Ježíškovi dary dáti.
Ty nemáš milost,
Ty poznáš žalost.
Počkej uhlídáš,
Ten rok se nevdáš.
Ty zůstaneš starou pannou,
Ty nebudeš nikdy babou,
Počkej uhlídáš,
Ten rok se nevdáš.
Kteří jsme vstali,
Do Betlema šli,
Tobě muziku dělali,
Pacholátko jsme spatřili.
Dočkali jsme zas,
Ten vánočný čas.
Bud' Tobě chvála,

Вотъ ужъ она и у дверей,
Несетъ въ горшечкѣ сметанку,
Немного масла и крупокъ,
Варитъ кашку
Младенцу Іусуу.
Бѣги, бѣги въ лѣсъ,
Спѣши, Вацлавъ,
Набери дровъ, но только сухихъ,
Успокой Іусусика милаго,
Чтобъ онъ не замерзъ зимою
Съ маменькой милою.
Лаврентія съ басомъ
Идетъ съ своею толпою,
Дуды взялъ Bartoníčekъ,
Цимбалъ, скрипку несъ Иржиčekъ
(Юрій),

Всѣ сошлись,
Передъ яслями поклонились,
И сейчасъ же заиграли
Для младенца-царя.
Бржінки, бржінки, тра, та, ла, ла,
Дудли, дудли, тидли, тадля,
Гопса, гуппана,
Распѣвала толпа.
Іосифъ качаетъ колыбель,
Волъ, оселъ дышать,
Согрѣваютъ Іусусика,
Прекрасное малое дитятко,
Чтобы не плакало,
Зимою не замерзло.
Евущка злая,
Ты непослушная,
Не хотѣла ночью встать,
Іусусику дары дать.
Нѣтъ въ тебѣ милости,
Ты узнаешь жалость.
Постой увидишь,
Въ этотъ годъ замужъ не выйдешь.
Ты останешься старою дѣвою,
Никогда не бывать тебѣ бабою,
Постой, увидишь,
Въ этотъ годъ замужъ не выйдешь.
Мы, что встали,
Пошли въ Вилеемъ,
Устроили Тебѣ музыку,
Увидѣли дитятко.
Дождались мы опять
Этой ночи великой.
Да будетъ Тебѣ хвала,

Čest, síla, sláva.	Честъ, сила, слава,
Kriste! v novém narození,	Христѣ! Въ новомъ рожденіи,
To pro nás, hříšné stvoření	Ради насъ, грѣшныхъ.
Bud' vždycky chvalen,	Будь всегда хваленъ,
Na věky, amen.	Во вѣки аминь.

За тѣмъ прибѣгаетъ другой мальчикъ и, едва переводя духъ, бормочетъ:

Koleda, koleda, Dědku!	Коляда, коляда, дѣдушка!
Dej oříšek k snědku.	Дай сѣсть орѣшекъ.
Ne dáš-li mi oříšek,	Если не дашь ты мнѣ орѣшекъ,
Roztrhám ti kožíšek,	Я разорву твой тулупчикъ.
Koleda, koleda oknem ven,	Коляда, коляда, вонъ въ окно!
Dej vám Pán Bůh dobrý den.	Дай вамъ Богъ добрый день.
Máma zabila slepičku.	Мама заколола курочку,
Ona neměla pupíčku.	У которой не было пупочка.
Tatiček se rozhněval,	Тятенька разсердился,
Dal mamičce šupíčku.	Далъ маменькѣ помюшку.

Когда уже совсѣмъ разсвѣло и въ домѣ все было убрано, въ нашу комнату вошли, одинъ за другимъ, дѣти Франца и за ними панъ-тата.

— Ну, Христина, начинай, командовалъ послѣдній.

Христина откашлялась и потомъ четко и скоро проговорила одну половину первой, приведенной выше коляды. На половинѣ она вдругъ остановилась, откашлялась еще разъ, но, къ сожалѣнію, никакъ не могла вспомнить, что слѣдовало дальше.

Въ то время какъ колядовала Христина, другія дѣти съ улыбкой и немного изъ-подлобья посматривали на насъ, перешептываясь о чемъ-то между собою.

— Теперь колялуй ты, Пеникъ, продолжалъ панъ-тата.

Пеникъ взглянулъ на сестру и братьевъ, и тихимъ, дрожащимъ голосомъ пропѣлъ:

Koleda, koleda, Štěpáně,	Коляда, коляда, Степанъ ¹ ,
Co to neseš ve džbáně?	Что это ты несешь въ жбанѣ?
Nesu, nesu koledu	Несу, несу коляду,
Upad' jsem s ní na ledu,	Упалъ съ ней на льду,
Psi se na mně sběhli	Собаки ко мнѣ подбѣжали
Koledu mi snědli.	И мою коляду сѣли.

¹ Имя того святаго, память котораго совершается 26 декабря католическою церковью.

— Это еще не слишкомъ большое несчастье. замѣтилъ панъ-тата, — получишь за нее другую. Поди же, поди сюда, Франта¹, продолжалъ онъ, выводя за руку на средину комнаты самого меньшаго внука: — вотъ такъ, стой здѣсь и начинай коляду.

Малютка робко посматривалъ на всѣхъ и никакъ не рѣшался начать; не доставало присутствія духа. — Нѣтъ, нѣтъ, Франта, поди лучше сюда, говорилъ ему Р.... — Будемъ колядовать вмѣстѣ. При этомъ Р.... погладилъ Франту по головѣ, посадилъ его къ себѣ на колѣни, и обласканный мальчикъ проговорилъ скороговоркой:

Narodil se Kristus Pán,	Рождается Христосъ Господь—
Radujme se,	Радуется.
Kvítek růže vykvět nám,	Роза разцвѣтаетъ—
Veselme se,	Веселимся.
Života čistého,	Жизни святой,
Rodu královského	Рода царскаго,
Nám, nám narodil se.	Дитя у насъ родилось.

— Молодецъ, молодецъ, Франта, повторялъ панъ-тата, около котораго постоянно вертѣлись внучата.

Черезъ нѣсколько времени, вошли въ комнату три, уже довольно взрослые мальчика. Это были такъ-называемые три царя, а по Евангелію волхвы отыскивавшіе новорожденнаго Іисуса, чтобы поклониться Ему. На гудлицкихъ царяхъ были изорванные длинные плащи. Одинъ изъ царей былъ вымазанъ сажей, — это былъ, вѣроятно, царь еѣіонскій; другой держалъ въ рукѣ большую палку на подобіе жезла, а на третьемъ висѣлъ барабанъ, что-то въ родѣ деревяннаго жбана, обтянутаго сверху кожей. Барабанъ издавалъ самыя, такъ-сказать, беззвучныя звуки, подѣ которыми три царя пѣли:

My tři králové jedem k vám	Мы три царя ѣдемъ къ вамъ:
Šťěstí, zdraví přejem vám	Счастія, здравія желаемъ вамъ,
Šťěstí, zdraví, dlouhá léta,	Счастія, здравія, долготія.
My jsme k vám přišli zdaleka.	Мы пришли къ вамъ издалека.
Daleká-li cesta vaše?	Далека ли путь вашъ?
Až do Betléma, mysl naše.	Наша мысль до Ветлеема.

¹ Сокращенное имя—Франтишекъ.

² Эта коляда поется также и въ церкви, въ первый день Рождества.

Двое изъ царей, обратившись къ третьему, продолжали:

Co pak ty tam černý vt zadu? А ты, черный, что тамъ назади
Vystřkuješ na nás bradu? Высовываешь свою бороду?

Вымазанный сажей царь, къ которому относились предыдущія слова, отвѣчалъ:

Slunce je toho příčina, Солнце причиною того,
Že je má tvář opálena. Что мое лицо такъ черно.
Kdybys na slunce nechodil, Еслибы ты на солнце не ходилъ,

(поютъ далѣе два другіе царя)

Nebyl-by si se opálil. Ты бы себя такъ не спалилъ.
Slunce jest drahé kamení. Солнце—камень драгоценный.
Od Kristova narození. Отъ Христова рождества.

Всѣ трое

Herodes král kouká z okna, Иродъ царь смотритъ въ окно,
Vidi tři krále zdaleka. Видитъ трехъ царей издалека.
Rame, Rame, Rame! Раме, Раме, Раме!
Koledy žádáme. Коляды просимъ.

По окончаніи колядованія, одинъ изъ царей ударилъ по столу палкой, сказавъ:

Ramši, Ramši, Ramši! Рамши, Рамши, Рамши!
Co nám udělíš aneb dáš? Что намъ удѣлишь или дашь.

Царямъ дали по колачу и по крейцеру, и они, раскланявшись, отправились далѣе. За дверями еще долго слышались: бррумъ, бррумъ, бррумъ... Цари барабанили въ благодарность за полученные колачи и крейцеры.

— Ахъ, дѣти, дѣти! замѣтилъ панъ-тата:—сегодня для нихъ самый большой праздникъ. И мы когда-то колядовали; бывало ждешь, не дождешься Св. Стефана; бѣгаешь, бывало, изъ дома въ домъ съ ранняго утра до самого обѣда, а вѣдь нисколько не устанешь. Прошло то времечко. Теперь только любишься другими да вспоминаешь свою молодость.

Между тѣмъ готовъ былъ обѣдъ. Всѣ сѣли.хлопотливыя хозяйки постоянно напоминали намъ, чтобы мы не церемонились, и постоянно приносили все новыя и новыя кушанья. Сначала подавались кушанья мясныя, молочныя, потомъ явились колачи, бухты, вдолки, пиво, а въ заключение кофе и черносливъ. За обѣдомъ, между прочимъ, шла рѣчь о предстоявшемъ торжественномъ открытіи Юнгмановскаго литературнаго общества.

— Приготовленія дѣлаются уже давно, говорилъ Францъ.—

Въ церкви стануть пѣть большую обѣдню. Вчера спѣвались пѣвчіе. Когоутъ, нашъ сельскій учитель, тоже что-то сильно хлопочетъ.

— Мѣсто-то только не большое у Когоута, замѣтилъ панъ-тата:—надо было бы устроить это въ гостиницѣ Моттля.

— Ничего, отвѣчалъ Адольфъ,—мѣста достанетъ. Третьяго дня я говорилъ объ этомъ съ Когоутомъ. Онъ хотѣлъ вынести изъ своей комнаты все лишнее и запасти побольше стульевъ и скамеекъ.

На другой день, 27-го числа, началась торжественная обѣдня въ девять часовъ утра. Въ церкви собрались всѣ члены литературнаго общества. Много было и постороннихъ. По окончаніи службы, священникъ сталъ говорить проповѣдь, предметомъ которой служили, разумѣется, значеніе и важность образовавшагося въ селеніи Общества. Изложеніе проповѣди было очень просто и ясно.

Сначала проповѣдникъ говорилъ о необходимости образованія какъ для cadaго человѣка въ отдѣльности, такъ и для цѣлаго общества. Свѣтъ истины доступенъ всѣмъ, ищетъ ли его крестьянинъ, или купецъ, свѣтскій человѣкъ, или духовный. Конечно крестьянину и обществу не слишкомъ развитому, въ дѣлѣ образованія приходится бороться съ бѣльшими трудностями нежели горожанину и обществу людей развитыхъ. Очевидно, также, что одному человеку труднѣе дается что-нибудь нежели цѣлому обществу, хорошо устроенному и твердо идущему къ предположенной цѣли. Каждое предпріятіе скорѣе и лучше можетъ быть выполнено соединенными силами, потому что одинъ никогда не можетъ сдѣлать того, что въ состояніи сдѣлать нѣсколько человѣкъ, которые дѣлать между собою всѣ обязанности и труды, необходимыя для достиженія той или другой цѣли. Если же гдѣ, то особенно въ сельскомъ обществѣ необходимо соединеніе силъ, необходимы единодушіе и взаимное довѣріе крестьянъ, когда предпринимается что-либо полезное для цѣлаго селенія. "Наше литературное общество, продолжалъ проповѣдникъ, можетъ служить для васъ, почтенные слушатели, самымъ лучшимъ доказательствомъ сказаннаго мною. Кто изъ васъ въ состояніи выписывать столько журналовъ, сколько выписываетъ ихъ наше Общество? Да положимъ, что кто-нибудь и могъ бы выписывать, но какая польза была бы отъ этого для другихъ?"

А между тѣмъ, Общество приносить пользу не только цѣлому селенію, но даже цѣлому краю, потому что каждый крестьянинъ можетъ сдѣлаться его членомъ, внося установленную незначительную плату... Кромѣ того, почтенные слушатели, часто по вечерамъ вы сходитесь въ гостиницѣ, гдѣ только и есть что пиво да пустые толки. Не во сто ли разъ лучше для васъ придти вечеромъ въ литературное собраніе, въ которомъ вы услышите много хорошаго, много полезнаго для себя? Если вы потомъ придете и въ гостиницу, такъ все-таки у васъ найдется занимательный предметъ для бесѣды. Когда же упрочится наше Общество, когда увеличатся его средства и расширится кругъ дѣятельности, тогда оно, навѣрное, будетъ приносить нашему селенію и болѣе существенную пользу. Соединенными силами, какъ я уже сказалъ, скорѣе и вѣрнѣе достигается всякая цѣль. Укажу теперь вамъ другой примѣръ. Никто изъ васъ, никто по крайней мѣрѣ безъ большихъ пожертвованій, не могъ бы купить домъ, въ которомъ родился Юнгманъ, для того только, чтобъ удержать его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находится доселѣ; а теперь, посмотрите, въ первое предварительное засѣданіе ваше вы уговорились купить и этотъ домъ, и все мѣсто принадлежащее къ нему, и, нѣтъ сомнѣнія, вамъ удастся это, потому что на долю cadaго падутъ не слишкомъ большія издержки. Остается только желать, чтобы наше Общество развивалось все болѣе и болѣе, чтобъ оно вездѣ встрѣчало все большее и большее сочувствіе. Да поможетъ же намъ Богъ въ такомъ благомъ дѣлѣ!

Проповѣдникъ убѣждалъ крестьянъ надѣяться во всемъ на помощь Божию и не забывать, что только то дѣло вѣнчается успѣхомъ, которое совершается во имя и славу Бога. Призвавъ затѣмъ благословеніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, онъ обратился съ молитвою къ Всевышнему, чтобъ Онъ ниспослалъ свою помощь молодому, только что образовавшемуся Обществу, и руководилъ членовъ его къ общему благу и счастію.

Во время этой заключительной молитвы всѣ, начиная съ самого священника, стояли на колѣняхъ. Каждый былъ тронутъ до глубины души, каждый молился отъ чистаго и искренняго сердца. Зрѣлище было величественное! Невозможно было оставаться равнодушнымъ зрителемъ!

Изъ церкви члены общества отправились въ домъ учителя, гдѣ, какъ я говорилъ, происходили обыкновенно литературные вечера, и гдѣ предположено было собраться послѣ обѣдни въ день торжественнаго открытія Общества. Въ комнатѣ было убрано по праздничному. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ вина, хлѣбъ и соль. Стали ожидать священника. Всѣ были въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Общій говоръ шелъ о томъ, какъ бы увеличить средства Общества, какъ бы дать ему болѣе широкіе размѣры. Между тѣмъ, въ сторонѣ, то двое, то трое совѣщались о предстоявшихъ выборахъ предсѣдателя, казначея и секретаря.

— А что, сосѣдъ, какъ думаешь, кто бы могъ быть предсѣдателемъ нашего Общества? слышалось не вдалекѣ отъ меня.

— Ну, кто? отвѣчалъ крестьянинъ, къ которому относился вопросъ:—извѣстно Моттель. Онъ человѣкъ умный, ловкій, да притомъ, имѣетъ и порядочное состояніе; онъ ужь, стало-быть, ничѣмъ не покорыстуется. Какъ ты, а я такъ за него.

— Я думаю то же самое, сосѣдъ, продолжалъ первый,—хорошимъ бы предсѣдателемъ былъ Гирза, да онъ, видишь, человѣкъ не здѣшній,—сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ будетъ...

— Такъ, слышишь, станемъ выбирать Моттля...

— Непремѣнно, непременно...

— И такъ, братцы, слышался голосъ въ другой группѣ,—сегодня мы будемъ выбирать предсѣдателя, казначея и секретаря. Только, смотрите,—осторожность! Ну, кто, по вашему, можетъ быть секретаремъ? Что касается, братцы, меня, я убѣжденъ, что лучше Когоута не найди никого на эту должность. Онъ такъ читаетъ и говоритъ, что любо, слушать. А кто лучше его напишетъ?

— Правда, правда, отвѣчали въ одинъ голосъ двое другихъ,—противъ этого, разумѣется, никто не будетъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ опять первый,—а кого вы думаете избрать предсѣдателемъ? Я подамъ голосъ за Гирзу. Недавно у меня захворала лошадь, пала было совсѣмъ, да спасибо, помогъ Гирза. Этого я никогда не забуду. Теперь я готовъ все сдѣлать для него.

— Ты, стало-быть, человѣкъ корыстный, замѣтилъ второй;—ты, какъ видно, не имѣешь въ виду пользы Общества,

тебѣ значитъ все равно, кто бы ни былъ предсѣдателемъ. А отъ предсѣдателя, братъ, будетъ многое зависѣть. Нѣтъ, этимъ дѣломъ нельзя шутить.

— Я знаю это не хуже тебя, и не меньше тебя забочусь о пользѣ нашего Общества отвѣчалъ первый, немного обидѣвшись, — потому-то мнѣ и хочется, чтобы Гирза былъ предсѣдателемъ: онъ хорошо поведетъ дѣло, я увѣренъ въ этомъ.

— Знаете что, вмѣшался третій, — какъ хотите, а надо выбирать Моттля. Сообразите: вѣдь онъ человѣкъ дѣльный, да къ тому же, владѣлецъ гостиницы, иногда, стало-вательно, угоститъ насъ и пивомъ...

— Въ самомъ дѣлѣ такъ, началъ опять второй...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ священника. Всѣ почтительно встали и, поклонившись ему, снова усѣлись по прежнимъ мѣстамъ. Настала минутная тишина. Священникъ заговорилъ первый. „Наконецъ-то, обратился онъ къ собранію, исполнилось наше общее и искреннее желаніе. Отъ души поздравляю васъ, господа. Первый, самый трудный шагъ уже сдѣланъ. Остается только идти далѣе. Но пойдете далѣе такъ же единодушно, съ такимъ же довѣріемъ другъ къ другу, какъ это было доселѣ.“

— Благодаримъ и васъ, батюшка, отвѣчалъ староста, — за ваше участіе, какое вы принимали въ устройствѣ нашего Общества. Мы всѣ питаемъ твердую надежду, что и на будущее время вы не откажетесь помочь намъ и совѣтомъ, и дѣломъ.

— Это моя святая обязанность, продолжалъ священникъ, — обязанность какъ члена Общества и какъ вашего пастыря. Прошу и васъ, съ своей стороны, обращаться ко мнѣ съ прежнимъ довѣріемъ, съ прежнею искренностію.

— Что же и будетъ хорошаго, отозвалось нѣсколько голосовъ, — если мы не будемъ довѣрять другъ другу?...

Между тѣмъ учитель Когоуть, разливъ въ рюмки и стаканы вино, просилъ священника, старосту и всѣхъ остальныхъ гостей выпить въ честь процвѣтанія Общества. *At' zije nas spolek!* (да здравствуетъ наше Общество!) громко раздалось въ комнатѣ.

— Покуда мы живемъ, замѣтилъ одинъ изъ членовъ, — будетъ жить и Общество наше.

— Скажи-ка, братъ, лучше, покуда стоятъ Гудлицы,

отвѣчалъ другой;—развѣ ужь наши дѣти не захотятъ продолжать дѣла, начатаго нами?

— Они должны будутъ продолжать его, должны будутъ продолжать, повторяли нѣкоторые.

— Только одно слово, господа, заговорилъ Адольфъ.—Мы уже пили за процвѣтаніе нашего Общества, но его еще нельзя назвать Обществомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что оно еще не совсѣмъ сформировано, не имѣетъ ни предсѣдателя, ни секретаря, ни казначея. Поэтому, я бы предложилъ поспѣшить выборомъ упомянутыхъ лицъ.

— И потомъ снова выпить за процвѣтаніе Общества, присовокупилъ кто-то изъ членовъ,—не правда ли?

Общій смѣхъ и возгласы:—да, да, превосходно!...

Прежде всего приступлено было къ выбору предсѣдателя.

Каждый членъ записалъ на лоскуткѣ бумаги имя предлагаемаго имъ кандидата. По окончаніи счета оказалось, что большинство голосовъ было въ пользу уже извѣстнаго намъ Моттля. Далѣе слѣдовалъ выборъ казначея. Большинство голосовъ было избранъ Мергоутъ, зажиточный *стѣлакъ* (крестьянинъ-собственникъ). Оставалось избрать секретаря, но это дѣло обошлось безъ отбиранія голосовъ, потому что кандидатъ былъ одинъ—учитель Когоутъ, и всѣ въ одинъ голосъ крикнули: „Когоутъ, Когоутъ долженъ быть секретаремъ!“

По окончаніи выборовъ повѣрена была сумма, хранившаяся доселѣ у учителя Когоута, и передана новому казначею, вмѣстѣ съ приходо-расходными книгами.

Избранные благодарили Общество за то довѣріе, которымъ оно почтило ихъ, обѣщаясь, съ своей стороны, вполне оправдать это довѣріе.

— Надѣюсь, говорилъ между прочимъ предсѣдатель,—надѣюсь, почтенное общество извинить на первый разъ тѣ недостатки, въ которыхъ можетъ-быть провинимся мы при отправленіи нашихъ трудныхъ обязанностей. Но если и произойдутъ какія неисправности, то Общество можетъ быть увѣрено, произойдутъ онѣ не отъ злонамѣренности или нерадѣнія, а единственно отъ неопытности. Мы, разумѣется, всѣми силами будемъ стараться, чтобъ Общество наше получило возможно хорошее устройство, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. Но одно желаніе дѣйствовать честно и добросовѣстно еще не ручается за успѣхъ дѣла. Что касается

въ частности меня, господа, я прошу васъ указывать мнѣ прямо мои недостатки и не оставлять меня своими совѣтами, потому что только въ такомъ случаѣ, то-есть только при взаимномъ довѣріи, можно ручаться за успѣхъ и процвѣтаніе нашего Общества. Да здравствуетъ же и процвѣтаетъ оно!

Снова хлебнули изъ *kružsekъ* и снова раздалось: *at' žije náš spolek!*

Мергоутъ и Когоутъ сказали нѣсколько словъ въ такомъ же смыслѣ. Пили потомъ за здоровье предсѣдателя, казначея и секретаря. Не забыли и насъ, Русскихъ.

— Намъ очень пріятно, господа, отвѣчалъ Р...,—быть свидѣтелями и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, участниками такого важнаго событія въ вашей жизни. Вѣрьте, господа, что настоящій день никогда не изгладится изъ нашей памяти. Вѣрьте, что мы всегда останемся благодарны вамъ за ваше вниманіе къ намъ, за ваше радушіе и привѣтствіе. Позвольте и васъ увѣрить въ томъ, что какъ мы, такъ и вообще наши соотечественники, полны братской любви и сочувствія къ вамъ, полны твердой надежды, что снова взойдетъ счастливая звѣзда Чехіи. За это ручаются, между прочимъ, гудлицкое и всѣ другіе чешскія литературныя общества. Господа! Отъ имени всего русскаго народа я предлагаю тостъ въ честь народа чешскаго и въ честь его передовыхъ людей!

— Да здравствуютъ Чехи, да здравствуютъ! былъ общій отвѣтъ на слова оратора.

— Да здравствуютъ всѣ Славяне, раздалось вдругъ изъ угла комнаты,—да здравствуютъ Чехи, Поляки, Русскіе, Сербы и прочіе!...

Общій смѣхъ и возгласы:—да здравствуютъ всѣ Славяне, да здравствуютъ Русскіе!

Крестьяне пожимали другъ другу руки и поздравляли одинъ другаго съ такимъ счастливымъ, съ такимъ незабвеннымъ днемъ. Увлеченіе было общее. Говоръ не умолкалъ. Кто шутилъ надъ сосѣдомъ, кто старался поймать кого-нибудь въ употребленіи нѣмецкихъ словъ и оборотовъ, за что положенъ былъ штрафъ. Крейцеры то и дѣло откладывались въ особую кассу.

Такое общее увлеченіе навело всѣхъ членовъ Общества на мысль устроить когда-нибудь вечеръ, на которомъ

бы можно было хорошенько повеселиться. Многие предлагали дать танцевальный вечеръ и пригласить на него гостей изъ ближайшихъ селеній.

— Господа, началъ Гирза, деревенскій врачъ,—пріятное надо соединять съ полезнымъ. Знаете что? вѣдь этимъ случаемъ мы прекрасно можемъ воспользоваться для пополненія нашей общественной казны. Конечно, устройство вечера будетъ соединено съ большими издержками, но мы сдѣлаемъ подписку и назначимъ особую плату за входъ на вечеръ, слѣдовательно сколько-нибудь останется и въ пользу Общества. Оставшимися деньгами Общество распорядится потомъ по своему усмотрѣнію. Мнѣ кажется, всего лучше употребить эти деньги на покупку Юнгманова домика. Да и балъ, по моему, надо давать съ этою именно цѣлію. Въ такомъ случаѣ больше будетъ гостей, а кто побогаче, тотъ пожертвуетъ три-четыре гульдена лишнихъ.

Мысль была одобрена. Уговорились собрать подписку, передъ баломъ, съ крестьянъ и съ ближайшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ и чиновниковъ, и назначить, сверхъ того, за входъ на балъ по 50 крейцеровъ съ особы. Гирза и Когоутъ вызвались принять на себя хлопоты собрать подписку, пригласить гостей и распорядиться всѣмъ, что только необходимо для танцевальнаго вечера.

— Да большихъ хлопотъ, господа, не будетъ, замѣтилъ одинъ изъ поселянъ, Оличъ. — Лишь было бы хорошее пиво, ветчина, да музыка, вотъ и все.

— Нѣтъ, Оличъ, говорилъ Гирза,—такъ нельзя сдѣлать. Пиво и ветчина для насъ всегда найдутся въ гостиницѣ. Но вѣдь мы хотимъ дать балъ не столько для себя, сколько для постороннихъ, въ числѣ которыхъ будутъ окрестные чиновники и помѣщики. Можетъ-быть пріѣдетъ кто-нибудь изъ Берауна¹ и изъ Праги; слѣдовательно нельзя сдѣлать кое-какъ, а надо будетъ приготовить что-нибудь получше. Мы объявимъ, что даемъ балъ съ цѣлію употребить чистый доходъ отъ него на покупку Юнгманова дома, а между тѣмъ не позаботимся о приличномъ устройствѣ бала; нѣтъ, такъ не должно быть... Что скажутъ о насъ тогда наши гости? Что мы взялись не за свое дѣло? Что мы хотѣли обмануть добрыхъ людей? О, господа, по-

¹ Бераунъ ближайшій къ Гудлицамъ городокъ.

думайте объ этомъ хорошенько, смотрите, чтобы первый блинъ не былъ комомъ... чтобы насъ не осмѣяли...

— Гирза говоритъ правду, замѣтили нѣкоторые, — нечего объ этомъ и толковать много. Ужъ если давать балъ, такъ надо устроить дѣло лучше, такъ чтобы всѣ остались довольны баломъ. Надо позвать хорошихъ музыкантовъ, надо приготовить пива, вина, разныхъ лакомствъ и закусокъ, да надо приличнѣе убрать и самый залъ для бала.

„Да, да!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

Однако, дальнѣйшее совѣщаніе о балѣ было отложено до слѣдующаго засѣданія, потому что было уже довольно поздно.

— А гдѣ же, господа, соберемся мы сегодня вечеромъ? спросилъ кто-то изъ членовъ.

— Какъ гдѣ? возразилъ другой, — разумѣется, у Моттля; онъ, какъ предсѣдатель, долженъ на нынѣшній вечеръ позвать насъ къ себѣ.

— Милости просимъ, говорилъ предсѣдатель, улыбаясь: — милости просимъ; только ужъ сегодня всякій пей на свой счетъ.

Уговорившись наконецъ собраться въ гостиницѣ Моттля, члены Общества стали расходиться.

Вечеромъ мы отправились въ гостиницу. Тамъ, у длинныхъ столовъ, за кружками пива, сидѣли уже многіе члены общества. Каждый изъ нихъ, какъ только мы вошли, предлагалъ намъ отпить изъ своей кружки. Разумѣется, и мы потомъ, когда намъ принесли пиво, не остались въ долгу. То же самое повторялось при приходѣ остальныхъ гостей: такое ужъ обыкновеніе въ Чехіи. Самъ хозяинъ гостиницы былъ очень любезенъ и постоянно обращался то къ тому, то къ другому, съ предложеніемъ не угодно ли еще пива, отмѣчая, между тѣмъ, мѣломъ на черной большой доскѣ число кружекъ, если кто изъявлялъ согласіе на его предложеніе. Многіе, такимъ образомъ, обманулись въ расчетѣ, думая, что Моттель угоститъ пивомъ всѣхъ членовъ Общества, какъ только будетъ избранъ предсѣдателемъ. На дѣланные ему по этому случаю намеки предсѣдатель отвѣчалъ уклончиво, говорилъ, что когда-нибудь послѣ устроить пирушку, а что теперь, навѣрное, каждый съ удовольствіемъ выпьетъ четыре-пять кружекъ пива на свой счетъ. Но

конечно, все это были только шутки, и ни Моттель не обижался подобными шутками, ни гости не сердились на Моттеля, за то что должны были пить на свой счет. Напротивъ, всѣ были веселы какъ нельзя больше. Стали пѣть пѣсни, то поодиначкѣ, то хоромъ. Соло особенно хорошо выполнялъ хозяинъ гостиницы. Находясь нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, Моттель постоянно игралъ, не знаю только на какомъ инструментѣ, въ полковомъ оркестрѣ, а потомъ, взявъ отставку и возвратившись на родину, сталъ управлять хоромъ пѣвцовъ гудлицкой церкви. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ полную возможность довольно основательно изучить музыку, какъ вокальную, такъ и инструментальную. Къ тому же, владея отъ природы чистымъ, звучнымъ голосомъ, предсѣдатель пѣлъ всегда, особенно въ пріятельскомъ кругу, съ удивительною простотою и неподдѣльностью чувства. Каждая пропѣтая имъ пѣсня вызывала громкія рукоплесканія, и нѣкоторые должны были онъ повторять по нѣскольку разъ.

Другіе солисты уступали предсѣдателю литературнаго общества только въ чистотѣ выполненія, но пѣли съ такою же непринужденностію, съ такою же полнотою чувства.

Не могу я забыть эти простодушныя, открытыя лица, не могу забыть какъ эти добрые люди, одушевляемые пріятельскимъ говоромъ, пѣніемъ и, отчасти, пивомъ, предавались неподдѣльному увлеченію, забывая всѣ житейскія невзгоды.

Хоровыя пѣсни шли тоже хорошо. Какъ извѣстно, музыка вообще процвѣтаетъ въ Чехіи, этой странѣ музыкантовъ по преимуществу. Здѣсь, въ каждой деревнѣ, вы найдете порядочный оркестръ, въ каждой сельской церкви услышите пріятное, гармоническое пѣніе. Здѣсь поютъ всѣ, и мужчины и женщины, и старые и малые. Въ гостиницѣ Моттля (на упомянутомъ собраніи) пѣлись, разумѣется, любимыя народныя пѣсни, мелодіи которыхъ чрезвычайно хороши, но большею частію печальны. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ той удачи, того молодечества, которыя слышатся во многихъ русскихъ народныхъ пѣсняхъ; но въ нихъ часто слышится любовь Чеха къ родинѣ, и непреодолимая твердость его характера. Нѣсколько разъ повторялась пѣсня:

Kde domov můj? kde vlasti má?	Гдѣ домъ мой? Гдѣ моя родина?
Voda hučí po lučinách,	Вода орошаетъ луга,
Bory šumí po skalínách,	Боры шумятъ на скалахъ,
V sadě skví se jara květ,	Въ саду цвѣтетъ весенній цвѣтъ:
Zemský ráj to na pohled;	На взглядъ это будто земной рай.
A to je ta krásná země!	И эта прекрасная земля,
Země česká domov můj!	Земля чешская — мой домъ!
Kde domov můj? kde domov můj?	Гдѣ домъ мой? гдѣ домъ мой?
V kraji znáš-li bohumilém	Знаете ли благословенную страну,
Duše utlé v těle čilém,	Гдѣ нѣжная душа съ здоровымъ

тѣломъ,

Mysl jasnou znik a zdar,	Гдѣ рождается и живетъ свѣтлая мысль
To je Čechů slavné plémě,	Гдѣ господствуетъ непреодолимая сила?
A tu sílu, vzdora zmar,	Это знаменитое племя Чеховъ!
Mezi Čechy domov můj!	Между Чехами моя отчизна!

Эта пѣсня сочинена не очень давно однимъ изъ лучшихъ композиторовъ чешскихъ ¹. Она еще не успѣла проникнуть во всѣ селенія чешскія, но, тамъ гдѣ извѣстна, сдѣлалась уже любимой народною пѣсней.

Время прошло не замѣтно. Было уже около двѣнадцати часовъ, когда гости стали расходиться.

Такъ совершилось торжественное открытіе Гудлицкаго литературнаго общества.

Торжественное открытіе! Но что тутъ торжественнаго, подумаютъ можетъ-быть нѣкоторые читатели:—и стоитъ ли говорить о такомъ не важномъ событіи?

Правда, открытіе Гудлицкаго общества не походило на обычныя открытія обществъ испытателей природы, или обществъ любителей словесности и т. п. Описанное мною торжество, сознаюсь, было слишкомъ не торжественно. Обстановка его была слишкомъ проста. Представьте себѣ старую сельскую церковь, въ ней человекъ сто крестьянъ: что же тутъ особеннаго, какая тутъ торжественность? Представьте себѣ, далѣе, простую, небольшую комнату, въ которой стоитъ нѣсколько стульевъ, нѣсколько деревянныхъ лавокъ, столъ, на столѣ три или четыре бутылки вина, и хлѣбъ съ солью; представьте себѣ, что эта комната наполнена тоже опять крестьянами, хоть и чисто одѣтыми, но все же крестьянами: какая бѣдность, какая простота!

¹ Онъ сочинилъ и положилъ на ноты только двѣ приведенныя выше строфы. Но другіе чешскіе поэты теперь постоянно присоединяютъ къ нимъ новыя строфы, которыхъ набралось уже очень много.

Что это такое? И это называется торжественнымъ открытіемъ Общества? Да гдѣ же тутъ музыка, гдѣ блескъ золота и серебра, гдѣ великолѣпныя залы, гдѣ тутъ пышныя рѣчи, гдѣ всѣ эти необходимыя принадлежности торжественнаго открытія каждаго порядочнаго Общества? Гдѣ эти выложенные господа во фракахъ, гдѣ они съ своими изящными приемами, съ своими заученными рѣчами? Нѣтъ ничего этого... Но мнѣ было невыразимо отрадно въ этомъ деревенскомъ захолустѣ, гдѣ крестьяне открывали литературное общество....

Юнгмановское литературное общество, со дня своего открытія, получило окончательное устройство. Установился строгій порядокъ. Между членами было согласіе и взаимное довѣріе. Всѣми, казалось, руководило одно стремленіе къ своему образованію, одно желаніе добра. Но такъ уже создано человѣчество, что иногда и къ самымъ чистымъ, къ самымъ святымъ дѣйствіямъ примѣшивается какая-нибудь доля эгоизма и тщеславія. Многое совершается, наприкладъ, во имя любви къ истинѣ, къ свободѣ, къ отечеству, — все это побужденія высокія; но находятся люди, которые употребляютъ ихъ во зло. Нашлись подобные люди и въ Гудлицкомъ литературномъ обществѣ! Судя по цѣли, съ которою было основано Общество, по единодушію, съ какимъ всѣ члены стремились къ предположенной цѣли, судя по первымъ литературнымъ собраніямъ, нельзя было и думать, чтобы современемъ въ Обществѣ произошло раздвоеніе. И однако раздвоеніе произошло. Предположенный балъ послужилъ яблокомъ раздора.

Но до бала оставалось еще долго, и потому никто, какъ изъ членовъ Общества, такъ и изъ лицъ постороннихъ, не могъ предвидѣть приближавшуюся бурю. Да, повторяю, никому бы и въ голову не пришло предполагать что-либо подобное, особенно во время святокъ, когда всѣ слишкомъ заняты были настоящимъ, когда всѣ веселились какъ могли.

Но я отлагаю разказъ о балѣ, и возвращаюсь къ замѣткамъ о бытѣ, который окружалъ насъ и къ которому мы съ жадностію приглядывались какъ въ самыхъ Гудлицахъ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ..

Часто уже приводилось мнѣ упоминать о чиновникахъ, фабрикантахъ и помѣщикахъ. Легко было понять, что это люди особаго сорта, отличающіеся отъ простыхъ крестьянъ,

И действительно, какъ въ Гудлицахъ, такъ и во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, общество дѣлится собственно на два разряда,—на высшій и низшій. Къ первому принадлежатъ чиновники, фабриканты и помѣщики, ко второму—крестьяне. Что касается Гудлицъ, въ нихъ господствуетъ элементъ демократическій. Къ аристократіи здѣсь можно отнести собственно только одно семейство помѣщика. Священникъ занимаетъ въ селеніи, разумѣется, совершенно особое положеніе. Могли бы быть причисляемы къ аристократіи сельскіе учителя, какъ это и бываетъ въ другихъ деревняхъ, но гудлицкіе учителя, получая ограниченное содержаніе, не хотятъ тянуться за аристократами и добровольно примыкаютъ ко второму разряду. Одинъ только медикъ Гирза примыкаетъ и къ тому, и къ другому сословію. Со всѣми одинаково хорошъ, онъ пріобрѣлъ себѣ необыкновенную популярность, и бываетъ первымъ гостемъ на всѣхъ крестьянскихъ пирушкахъ. А изящество пріемовъ, умѣнье поговорить, прекрасные усы и эспаньолка отворили ему двери во всѣ сельскіе салоны.

Благодаря Гирзѣ и отчасти Адольфу, намъ удалось проникнуть въ сельскій аристократическій кругъ, привелось познакомиться съ его обычаями и правами.

Но прежде—о крестьянскихъ обычаяхъ.

Между тѣмъ какъ гудлицкіе мужчины ходили по вечерамъ, то въ гостиницу на пиво, то въ литературное общество, женщины на святкахъ или проводили время дома, или ходили другъ къ другу на посидѣлки. Посидѣлки замужнихъ женщинъ не представляютъ ничего особеннаго. Нѣсколько женщинъ собираются обыкновенно въ какомъ-нибудь домѣ, работаютъ, поютъ, толкуютъ и затѣмъ расходятся. Гораздо веселѣе посидѣлки или вечеринки молодыхъ дѣвицъ и мужчинъ. Дѣвицы иногда приносятъ съ собою бухты, колачи, а молодые *пань* покупаютъ пиво. Когда всѣ соберутся, начинаются пѣсни и игры. Вотъ нѣкоторыя изъ болѣе извѣстныхъ игръ:

Игра на *zlatý prstýnek* (игра въ золотой перстень).

Всѣ садятся кругомъ комнаты, среди которой остаются только двое. Одинъ изъ оставшихся беретъ кольцо, подходит съ нимъ къ каждому изъ сидящихъ и, какъ бы отдавая кольцо, приговариваетъ: *schováám, schováám zlatý prstýnek* (прячу, прячу золотое колечко). Онъ долженъ

обойдти всѣхъ и кому-нибудь непременно отдать кольцо, но только такъ, чтобы отгадывающій или отгадывающая не могли замѣтить, кому оно отдано. Обойдя весь кругъ, первое изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обращается къ другому, постоянно слѣдившему доселѣ за нимъ, и проситъ его отгадать, у кого осталось кольцо, говоря:

Hád-j, hádáci!	Гадай, гадащикъ!
Kde koza bečí?	Гдѣ коза мычитъ?

Отгадывающій подходитъ то къ тому, то къ другому, и, стараясь отыскать кольцо, повторяетъ:

Ja bych rád (a) hádal (la)	Я бы съ радостію отгадалъ (ла)
Kdy bych o něm věděl (la)	Еслибъ зналъ (ла), гдѣ оно.
Přes moře jíti,	Черезъ море идти
Zlatou šnůrku plísti,	Золотой снурокъ плести.
Kdo ho má,	У кого кольцо,
Ať ho dá,	Тотъ отдай его мнѣ
Ze mně blázna nedělá.	И меня не дурачь.

Найдя кольцо, онъ начинаетъ самъ прятать его, первый же садится между другими играющими, а отгадывать долженъ уже тотъ, у кого кольцо было найдено. Такъ продолжается и далѣе.

Игра въ золотое колечко походить на наше „золото хоронить“, и все различіе между ними состоитъ только въ томъ, что у насъ во время игры поется хоромъ: „ужь я золото хороню, хороню, чисто серебро берегу, берегу“ и пр., а въ Гудлицахъ и, если не ошибаюсь, во всей вообще Чехіи, нѣтъ этого обыкновенія.

Игра na bábi sleroи (игра въ слѣпую бабу).

Передъ началомъ игры всѣ становятся среди комнаты. Кто-нибудь одинъ начинаетъ считать, повторяя:

Jeden, dva, tři,	Одинъ, два, три,
My jsme bratři,	Мы всѣ братья,
Který je to mezi námi,	Кто это изъ насъ
Co to ud'al do té slámy?	Положилъ это въ солому.
Ten, ten, ten,	Тотъ, тотъ, тотъ,
Vyved'te ho ven.	Выведите его вонъ.

На кого при счетѣ падетъ послѣднее слово, тотъ долженъ быть слѣпою бабой. Бабѣ завязываютъ глаза, потомъ двое берутъ ее, съ той и съ другой стороны, подъ руки, обво-

дятъ три раза кругомъ комнаты и, остановившись у стола, спрашиваютъ:

— Slepá bábo! Kam tě vedou? (Слѣпая баба! куда тебя ведутъ?) Слѣпая баба отвѣчаетъ: do kouta (въ уголъ).

— Coť am máš (или: vidíš)? Чтò тамъ, въ углу? спрашиваютъ ее опять.

— Kohouta. (Пѣтуха.)

— Co ještě více? (А что еще)

— Starý střevíc. (Старый башмакъ.)

— Co v střevíci? (Что въ башмакѣ?)

— Klubko. (Клубокъ.)

— Chyt si je babko (поймай его баба), говорятъ провожатые и оставляютъ слѣпую бабу одну, на произволъ, судьбы. Баба, однако, не теряетъ присутствія духа, начинаетъ бѣгать по комнатамъ и старается поймать кого-нибудь. Пойманному завязываются точно также глаза, а первая баба присоединяется къ общему кругу, и игра начинается снова. Игра въ слѣпую бабу походитъ на русскія жмурки.

Нга на barvu (игра въ цвѣта).

Дѣвицы и парни становятся среди комнаты. Раздаватель цвѣтовъ выбираетъ ангела и чорта. Кто-нибудь одинъ, точно также какъ и въ предыдущей игрѣ, считаетъ играющихъ повторяя:

Mars, mars, mars!	Маршъ, маршъ маршъ!
Mám do vojny kuráš.	У меня къ войнѣ куражъ.
Stojí hruška v širém poli	Стоитъ грушка въ чистомъ полѣ,
Kdo je šelma, ten se bojí.	Кто шельма, тотъ боится.
Já jsem šelma ne bojím se etc.	Я [хоть] шельма, — не [боюсь и] пр.

На кого при счетѣ упадетъ послѣдній стихъ, тотъ долженъ быть раздавателемъ цвѣтовъ. Счетъ начинается въ другой разъ и тотъ, на кого въ этотъ разъ падетъ послѣдній стихъ, дѣлается ангеломъ. Точно такимъ же образомъ выбирается и чортъ. Когда избраны раздаватель цвѣтовъ, ангелъ и чортъ, всѣ остальные садятся по мѣстамъ. Къ каждому подходитъ раздаватель, и назначаетъ одному зеленый цвѣтъ, другому желтый, третьему голубой и т. д. Говоритъ онъ тихо, чтобъ его не могли слышать ни ангелъ, ни чортъ.

Когда цвѣта розданы, раздаватель отходитъ въ сторону, а ангелъ и чортъ начинаютъ отгадывать, кому какой назначенъ цвѣтъ.

Сначала ангелъ подходитъ къ одному изъ сидящихъ и, ударивъ его по плечу, говоритъ:

Cinky, cinky, cinky! Цинки, цинки, цинки.

Или: Tluči, tluči, tluči! Стукъ, стукъ, стукъ!

Дѣвица, или мужчина, спрашиваетъ:

Kdo to tluče? (Кто тамъ стучитъ.)

Ангелъ отвѣчаетъ:

Ja jsem anděl. (Я, ангелъ.)

Дѣвица, или мужчина:

Co chceš? (Что надо.)

Ангелъ:

Barvu. (Цвѣтъ.)

Дѣвица, или молодецъ:

Jakou? (Какой?)

Ангелъ отвѣчаетъ, что ему надо, на примѣръ, бѣлый цвѣтъ или голубой. Если цвѣтъ отгаданъ, то ангелъ отводитъ дѣвицу, или мужчину на особое мѣсто, и подходитъ затѣмъ къ слѣдующему; тутъ повторяется то же самое.

Если же ангелъ укажетъ не на тотъ цвѣтъ, который назначенъ раздавателемъ, то ему отвѣчаютъ: tato barva není tu. Она vyletěla komínem ven (такого цвѣта нѣтъ здѣсь, онъ вылетѣлъ въ трубу). Затѣмъ ангелъ отходитъ, и является чортъ, говоря:

— Hurry, hurry, hurry! (Гуррь, гуррь, гуррь!)

— Tluči, tluči, tluči! (Тукъ, тукъ, тукъ!)

— Kdo to tluče? (Кто тамъ? спрашиваютъ чорта.)

— Já jsem čert. (Я, чортъ, отвѣчаетъ чортъ.)

— Co chceš? (Что надо?)

Чортъ: Barvu. (Цвѣтъ.)

— Jakou? (Какой?)

Чортъ, точно также какъ и ангелъ, указываетъ на какой-либо цвѣтъ. Если не угадаетъ, то ему отвѣчаютъ: ta tu není, она vyletěla komínem ven (такого цвѣта нѣтъ здѣсь, онъ вылетѣлъ въ трубу). Если же чортъ укажетъ на тотъ именно

цвѣтъ, который назначенъ раздавателемъ, то онъ отводитъ дѣвицу или молодца на особое мѣсто.

Послѣ этого, ангелъ и чортъ отправляются далѣе, къ слѣдующему, гдѣ повторяется опять то же самое, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока они не обойдутъ всѣхъ участвующихъ въ игрѣ. И тотъ и другой стараются, конечно, остаться въ выигрышѣ, приобрѣсти большее число играющихъ. Кругъ обойденъ, составляются двѣ враждебныя стороны, во главѣ которыхъ стоятъ ангелъ и чортъ, и проводится граница раздѣляющая эти двѣ стороны. Не переступая границы, ангелъ и чортъ схватываются за руки или за палку, и стараются перетянуть одинъ другаго. Всѣ остальные держатся или за чорта или за ангела, смотря по тому кто на чьей сторонѣ находится. Перетянувшіе считаются побѣдителями и игра, при общемъ хохотѣ, оканчивается.

Святочные вечеринки въ Гудлицахъ разнообразились только гаданіями на Новый Годъ и на Крещеніе. Но эти гаданья были тѣ же самыя, какія были и въ щедрый вечеръ; стало-быть, нечего здѣсь и говорить о нихъ.

Гораздо веселѣе стало въ Гудлицахъ, когда по праздникамъ начались танцы. Католическая церковь запрещаетъ общественные танцевальныя вечера отъ самаго начала Рождественскаго поста до Крещенія. Для Чеховъ подобное церковное постановленіе очень тяжело, потому что они большіе любители танцевъ. Это можно было замѣтить и на гудлицкихъ крестьянахъ. Описанныя мною вечеринки имъ не слишкомъ нравились; игры велись какъ-то вяло, безжизненно. За то, съ какимъ увлеченіемъ, какъ неугомонно танцевали Гудличане! Танцевальныя вечера начались съ Крещенья и продолжались до Великаго поста. Они обыкновенно давались въ гостиницахъ.

Въ Гудлицахъ двѣ гостиницы; одна находится въ центрѣ селенія и принадлежитъ предсѣдателю Юнгмановскаго литературнаго общества. Другая гостиница красуется на косогорѣ, въ концѣ селенія. Первую Гудличане называютъ нижнею гостиницей (*dolejší hostinec*), а вторую верхнею (*hořejší hostinec*). Это—каменные двухъ-этажныя зданія. Во второмъ этажѣ обѣихъ гостиницъ находятся очень помѣстительныя залы, которыя обыкновенно не топятся въ продолженіе цѣлой зимы, но чрезвычайно

скоро нагрѣваются, когда въ нихъ соберется до семидесяти человѣкъ.

Каждое воскресенье и вообще каждый праздникъ, около шести часовъ вечера, въ гостиницахъ уже слышится музыка. Народъ идетъ туда толпами. Заглянемъ въ одну изъ этихъ гостиницъ, чтобъ имѣть понятіе о сельскихъ танцахъ въ Чехіи. У самой гостиницы вы видите большую толпу народа. Здѣсь стоятъ большею частію дѣти и пожилыя женщины; они слушаютъ музыку, которая такъ гремитъ, что звенятъ стекла въ окнахъ. Входя по лѣстницѣ, вы то и дѣло сталкиваетесь, то съ тѣмъ, то съ другимъ; кто бѣжитъ сверху, кто на верхъ. Тутъ же размѣстились мелочныя торговки съ конфетными пряниками и конфетами, а около торговыхъ тѣсняются покупатели. Наконецъ вы пробрались въ залъ... Какая тѣснота, какая суматоха! Въ залѣ нѣтъ свободнаго мѣста. Въ одномъ углу сидятъ музыканты, въ другомъ продается пиво, все остальное пространство занято гостями, въ числѣ которыхъ, вмѣстѣ съ молодежью есть и люди пожилые. Отъ лампы, повѣшенной середи потолка, падаетъ довольно тусклый свѣтъ, но вы все-таки различаете фizioноміи. Есть очень хорошенькія и очень мило одѣтыя крестьяночки. А молодые парни—о, это молодцы первой руки! Они расхаживаютъ по залѣ въ фуражкахъ, съ трубками, или съ сигарами и съ кружками пива въ рукахъ.

Вотъ музыка играетъ польку. Толпа раздвигается и среди комнаты остается большое свободное пространство. Пары уносятся одна за другою. Сначала въ танцахъ еще удерживается порядокъ, но потомъ все перемѣшивается, все танцуетъ и, въ добавокъ, кто подпѣваетъ, кто подсвистываетъ. Но вы, несмотря на страшную тѣсноту и духоту, съ удовольствіемъ смотрите на танцующихъ. Полька идетъ превосходно. Дѣвицы и мужчины держатъ себя очень граціозно. Да и какъ же иначе?—вѣдь полька чешскій народный танецъ! Черезъ полчаса музыка умолкаетъ. Начинаются снова бѣготня, говоръ, смѣхъ. Утомленная танцами молодежь спѣшитъ освѣжить себя нѣсколькими глотками пива. Дѣвицы, конечно, не покупаютъ пива; мужчины обязаны угощать ихъ. И вотъ идетъ угощеніе. Вотъ не вдалекѣ отъ васъ одинъ молодецъ подаетъ дѣвицѣ, по всей вѣроятности своей возлюбленной, кружку пива; та

отопьет не много и потомъ отказывается, говоря, что не можетъ болѣе пить, но услужливый парень не хочетъ вѣрить ей, и не беретъ кружки изъ ея руки. Со же, говоритъ онъ ей, *nechutná ti pivo? ne chceš pít spolu se mnou?* (Что же, не нравится тебѣ пиво? или не хочешь пить вмѣстѣ со мною?) Раскраснѣвшаяся дѣвица отпиваетъ еще немного и въ то же самое время бросаетъ на молодца взглядъ, полный любви и упрека за подобныя рѣчи... А тамъ, далѣе, вы видите небольшой кружокъ молодежи, въ которомъ парни рисуются передъ дѣвицами, стараясь показать себя. Тутъ уже не замѣтно никакихъ нѣжныхъ отношеній. „Пейте, пожалуйста, пиво, говоритъ одинъ изъ молодцовъ, обращаясь къ дѣвицамъ, я велю подать еще.“—„Мы не выпьемъ и этого, отвѣчаютъ дѣвицы, больше не надо.“ Молодецъ, дѣйствительно, приказываетъ принести еще нѣсколько кружекъ, но дѣвицы благодарятъ его за любезность и рѣшительно отказываются. „Господа, обращается онъ къ музыкантамъ, ну выпейте вы это пиво,—дѣвицы не хотятъ.“ Музыканты берутъ кружки и разомъ опоражниваютъ ихъ. „Вотъ такъ хорошо, продолжаетъ тароватый молодецъ, съ самодовольною улыбкой посматривая то на музыкантовъ, то на дѣвицъ,—это я люблю. Ну, теперь сыграйте намъ что-нибудь.“

Музыка загремѣла снова. Снова началась полька, и всѣ засуетились по прежнему. Полька танцевалась Гудличанами съ особеннымъ наслажденіемъ. Иногда она перемежалась и другими народными танцами, въ числѣ которыхъ *страшакъ* (*strašák*) и *сосѣдская* (*sousedská*), кажется, особенно любимы гудличскими крестьянами.

Страшакъ (*strašák*) танцуется подобно вальсу, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что въ немъ, при извѣстномъ тактѣ, всѣ пары вдругъ останавливаются, мужчины становятся противъ женщинъ, потомъ всѣ вмѣстѣ топаютъ ногами и грозятъ другъ другу: мужчина грозитъ женщинѣ правою рукой, и та тоже правою, мужчина грозитъ лѣвою и женщина лѣвою, послѣ чего дѣлается оборотъ, и пары снова уносятся въ вальсъ, и вдругъ снова останавливаются при упомянутомъ тактѣ и т. д. Но вся прелесть этого танца состоитъ въ томъ, что въ то самое время какъ пары останавливаются и послѣ угрозъ дѣлаютъ оборотъ, совершаетъ

ся похищеніе дамъ. Это дѣлается обыкновенно такъ: не танцующіе мужчины готовятся къ похищенію и ждутъ, когда всѣ пары остановятся. Вотъ, какая-либо пара, при упомянутомъ тактѣ въ музыкѣ, останавливается близъ одного изъ не танцующихъ. Послѣдній пользуется случаемъ и, какъ только дѣлается оборотъ, беретъ чужую даму и уносится съ нею въ вальсъ. Танцовавшій же доселѣ мужчина, оборачиваясь, обхватываетъ только воздухъ вмѣсто талии и рѣшается похитить для себя другую даму при слѣдующей остановкѣ. То же самое несчастіе, и въ то же самое время, постигаетъ и многія другія пары. Конечно, все это дѣлается въ одну минуту и не производитъ ни малѣйшаго безпорядка въ танцахъ, а возбуждаетъ только общій смѣхъ. Угроза же пальцемъ въ страшакѣ имѣетъ особое значеніе; танцующіе, грозя (страхая, отсюда и названіе танца: страшакъ) другъ другу, напоминаютъ о предстоящемъ похищеніи и просятъ не измѣнять, угрожая, въ противномъ случаѣ, местію.

Сосѣдская (sousedská) тоже очень милый танецъ. Она, точно такъ же, какъ и страшакъ, начинается вальсомъ, потомъ, при извѣстномъ тактѣ въ музыкѣ, всѣ пары вдругъ останавливаются, мужчины и дамы берутся за руки и начинаютъ дѣлать па: мужчина правою ногой, дама тоже, мужчина лѣвою ногой, дама тоже. Послѣ этого дѣлается полу-оборотъ, и снова продолжается вальсъ до слѣдующаго такта и т. д.

За порядкомъ въ танцахъ слѣдятъ такъ-называемые распорядители. Они должны давать знать музыкантамъ, когда и что именно слѣдуетъ играть. Очень часто голосъ распорядителей остается голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, хотя зала и набита народомъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже среди самаго разгара танцевъ, распорядителямъ удается возстановить порядокъ. Такъ мнѣ нѣсколько разъ приводилось быть свидѣтелемъ того, какъ они устраивали „соло“ для старосты или для кого-либо изъ членовъ сельскаго выбора. Послѣднимъ хочется иногда протанцовать польку, или страшакъ на свободѣ, чтобы не было слишкомъ большой тѣсноты, и вотъ они передаютъ свое желаніе одному изъ распорядителей. Распорядитель выходитъ на середину зала и провозглашаетъ: Ránové, sólo, sólo! Воцаряется тишина, всѣ отстраняются, и староста, или

членъ *выбора*,¹ танцуютъ въ первой парѣ, а за ними слѣдуютъ еще паръ пятнадцать, или двадцать, но никакъ не болѣе (распорядитель строго смотритъ, чтобы не было большой толкотни). Вся эта исторія называется у гудлицкихъ крестьянъ *udelat sólo* (устроить соло). Соло устраивается вообще для людей почтенныхъ и для постороннихъ гостей—городскихъ или сельскихъ, все равно, чѣмъ выражается особенное вниманіе къ нимъ всего общества. Ко мнѣ, напримѣръ, какъ къ гостю изъ далекаго края, подходили мои знакомые съ предложеніемъ, не хочу ли я танцевать соло.

Деньги за музыку на такихъ вечерахъ собираются обыкновенно съ танцующихъ. Каждый изъ нихъ даетъ столько, сколько можетъ дать. Зрители же ничего не платятъ. Въ случаѣ, если музыканты остаются недовольны собранными деньгами, сборъ повторяется. Вечеръ продолжается до двухъ, до трехъ, а иногда и до четырехъ часовъ утра.

За день до новаго года Гирза и Адольфъ получили изъ Яхимова письма, въ которыхъ писали имъ, что въ Яхимовѣ, въ гостиницѣ у Филиппа, яхимовскіе и нѣкоторые окрестные „*ráni* (парни) и „*slesnu*“ (дѣвицы) будутъ встрѣчать новый годъ, что, поэтому, не угодно ли будетъ и имъ, вмѣстѣ съ двоими русскими, провести вечеръ на святаго Сильвестра въ упомянутой гостиницѣ.

Часа въ четыре послѣ обѣда пришелъ къ намъ Гирза.

— Сегодня я получилъ отъ одного моего знакомаго письмо, началъ онъ, значительно улыбаясь и покручивая великолѣпные усы;—всѣхъ насъ просятъ встрѣчать новый годъ въ Яхимовѣ. Что же, какъ вы, господа, думаете?

— Да мы только что объ этомъ говорили, отвѣчалъ Адольфъ,—я тоже получилъ письмо, то же самое пишутъ и мнѣ.

— Почему же это хотятъ встрѣчать новый годъ въ гостиницѣ? спросилъ я Гирзу.

— Такъ ужъ принято здѣсь, говорилъ Гирза:—въ гостиницѣ можетъ собраться общество болѣе разнообразное, да

Выборомъ (*wýbor*) въ селеніяхъ называется комитетъ состоящій изъ выборныхъ людей, которые слѣдятъ за дѣйствіями старосты (тоже выборнаго), и контролируютъ сельское управленіе. См. *Русскій Вѣстникъ* ноябрь, 1861, стран. 285.

тамъ и мѣста, конечно, больше... Идемте, идемте, господа, будетъ весело, будетъ играть музыка, гостей соберется много.

Мы дали слово идти непременно. Какъ же не встрѣтить новаго года? И какъ же не встрѣтить его въ Яхимовѣ, въ гостиницѣ у Филиппа, когда насъ приглашаютъ туда?

А. Троянскій.

Прага. 1861 года;
декабря 15-го дня.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

Въ Копенгагенѣ нашелъ я много расположенія къ Русскимъ, къ языку ихъ и литературѣ. Въ университетѣ недавно славянскіе языки введены въ число предметовъ преподаванія, и доцентомъ по этой части опредѣленъ г. Смитъ, путешествовавшій по нѣкоторымъ славянскимъ землямъ и написавшій весьма хорошую польскую грамматику. Нѣсколько студентовъ усердно посѣщаютъ его лекціи. Другой здѣшній литераторъ, г. Торсонъ, издалъ на датскомъ языкѣ собраніе повѣстей переведенныхъ имъ съ русскаго, польскаго и чешскаго языковъ: въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаютъ произведенія Гоголя и Загоскина.

Между тѣмъ обѣ здѣшнія библіотеки, королевская и университетская, очень бѣдны русскими книгами. Въ первой просмотрѣлъ я эту часть по каталогу и нашелъ въ ней, сверхъ разнагохлама, изъ новой нашей литературы только сочиненія Пушкина и Гоголя, и то неполныя, да *Библіотеку для Чтенія* съ 1834 по 1853 г., подаренную вѣроятно Сенковскимъ.

Королевская библіотека помѣщается уже лѣтъ двѣсти въ

особомъ флигелѣ Христіансборга, главнаго копенгагенскаго дворца, гдѣ большую часть года живетъ король. Число томовъ ея доходитъ нынѣ уже до 500.000, и помѣщеніе становится тѣснымъ. Главная зала этой библіотеки замѣчательна своею обширностью. Читальная зала (во 2-мъ этажѣ) не велика, да здѣсь нѣтъ и надобности въ болѣе-просторной, потому что книги выдаются всякому желающему на домъ, лишь бы онъ представилъ поручительство какого-нибудь служащаго или другаго надежнаго лица. Книги получаютъ изъ библіотеки тотчасъ по требованію. Библіотека открыта ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней, но только отъ 11-ти часовъ до 2-хъ. По срединѣ читальной залы находится большой овальный столъ, за которымъ располагаются посѣтителі: въ тотъ день, когда я занимался въ ней, насъ было всего семь человѣкъ, не считая троихъ служащихъ при библіотекѣ, находившихся тутъ же за другими столами. Каждый разъ, когда у двери раздавался звонокъ, одинъ изъ посѣтителей, занимавшій ближайшее къ выходу мѣсто, вставалъ и впускалъ новое лицо. Вообще въ этой библіотекѣ все устроено чрезвычайно просто, и ничего не сдѣлано для внѣшности. Внизу, въ пріемной комнатѣ, гдѣ сидятъ начальникъ библіотеки, почтенный старецъ, конференцъ-секретарь Верлауфъ, и его помощникъ, совѣтникъ юстиціи Беллингъ, находятся шкапы со всевозможными библіографическими пособіями и справочными книгами. Въ слѣдующей комнатѣ — каталоги самой библіотеки; систематическій, составляющій 200 фоліантовъ, переплетенныхъ съ большимъ запасомъ пробѣловъ, и алфавитный, состоящій изъ билетовъ, которые наполняютъ 600 папковыхъ футляровъ.

Всѣ образованные люди, съ которыми мнѣ довелось здѣсь разговаривать, отзывались съ особеннымъ участіемъ и уваженіемъ объ ожидаемыхъ въ Россіи улучшеніяхъ, объ успѣхахъ нашей литературы и великомъ будущемъ, котораго можетъ ожидать наше отечество.

Въ университетѣ кончались уже лекціи весенняго полугодія, когда я пріѣхалъ въ Копенгагенъ. Онѣ прекращаются 9 іюня, и до октября продолжаются вакаціи. Университетъ, основанный въ 1479 году (вскорѣ послѣ Упсальскаго), помѣщается въ новомъ зданіи, въ одной изъ лучшихъ частей города. Сверхъ того, въ Копенгагенѣ есть нѣсколько

казенныхъ домовъ, въ которыхъ недостаточные студенты живутъ на счетъ правительства. Они занимаются совершенно свободно, безъ опредѣленнаго времени для курсовъ; и только при экзаменахъ оказывается, къ какому факультету кто изъ нихъ принадлежитъ. Датскіе студенты ведутъ себя скромно и тихо; мнѣ сказывали, что бывающія у нихъ собранія, для которыхъ есть, особое помѣщеніе съ читальною залой, очень замѣчательны и сопровождаются прекрасными пѣснями. Въ день пріѣзда моего въ Копенгагенъ, я успѣшилъ прежде всего посѣтить здѣшній университетъ и пріобрѣлъ у вахмистра (старшаго служителя) *программу* лекцій. Изъ этой брошюры узналъ я что здѣсь пять факультетовъ: 1) богословскій, 2) правъ и государственныхъ наукъ; 3) медицинскій, 4) философскій и 5) математическій и естественныхъ наукъ. Далѣе, изъ этого каталога видно, что кромѣ публичныхъ лекцій почти всѣ профессора имѣютъ такъ-называемыя экзаминаціи, то-есть назначаютъ своимъ слушателямъ, отъ времени до времени, бесѣды по нѣкоторымъ частямъ науки для повѣрки, все ли понято и усвоено какъ слѣдуетъ, и для дополненія лекцій. Это очень употребительно. Многіе изъ здѣшнихъ профессоровъ читаютъ свои лекціи послѣ обѣда, отъ 5 до 6 и отъ 6 до 7 часовъ; одинъ изъ нихъ объяснилъ мнѣ, что это время преимущественно избирается по такимъ предметамъ, по которымъ слушаніе лекцій не такъ обязательно, — чтобы не отнимать у студентовъ важныхъ для нихъ утреннихъ часовъ, въ которые многіе изъ нихъ сами даютъ уроки для прокормленія себя.

Въ первый же день послѣ обѣда я попалъ на лекцію г. Гаука, который въ этотъ семестръ объяснялъ значеніе датскаго драматическаго писателя Эвальда. Въ немъ узналъ я стараго знакомаго, съ которымъ въ еороковыхъ годахъ встрѣчался въ Стокгольмѣ у извѣстнаго писателя Бескова; тогда Гаукъ занималъ кафедру датской литературы въ голштейнскомъ городѣ Килѣ и, разумѣется, былъ очень недоволенъ своимъ положеніемъ. Къ удивленію моему, я нашелъ на лекціи его семнадцать дамъ и только четверыхъ молодыхъ людей. Профессоръ кончалъ чтеніе перваго акта одной пьесы Эвальда; онъ разбиралъ нѣкоторыя мѣста, и потомъ распространился о *на-востъ*. Это была послѣдняя лекція его въ весенній семестръ и

потому-то, вѣроятно, собралось у него на этотъ разъ такъ мало университетскихъ слушателей.

Такъ какъ многія изъ любопытнѣйшихъ для меня лекцій уже не читались, то я и не посѣщалъ болѣе университета; но я былъ въ библіотекѣ его, которая, такъ какъ и обсерваторія, помѣщается до сихъ поръ въ такъ-называемой круглой башнѣ, но вскорѣ будетъ перенесена въ особое зданіе, которое строится при университетѣ. Въ этой библіотекѣ болѣе 200.000 томовъ, и особенно замѣчательно богатѣйшее въ Скандинавіи собраніе исландскихъ рукописей, изъ которыхъ самыя древнія писаны въ XII-мъ столѣтіи особымъ, въ Исландіи изобрѣтеннымъ письмомъ. Многія изъ этихъ рукописей уже напечатаны здѣшнимъ обществомъ сѣверныхъ древностей; нѣкоторыя рукописи этого рода, но въ гораздо-меньшемъ числѣ, хранятся въ королевской библіотекѣ. Университетъ обязанъ этимъ собраніемъ извѣстному Финнъ-Матусену, который, родясь въ Исландіи, съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ до памятниковъ старинной литературы, и въ послѣдствіи принесть всѣ собранныя имъ рукописи въ даръ Копенгагенскому университету.

Башня, въ которой покуда еще находится университетская библіотека, построена Христіаномъ IV, королемъ, участвовавшимъ въ Тридцатилѣтней войнѣ, и примыкаетъ къ церкви Св. Троицы. Это та знаменитая башня, на которую поднимаются по выходящему внутри ея винтомъ гладкому мощеному входу: по этому-то входу Петръ Великій, будучи въ Копенгагенѣ въ 1716 году, взѣзжалъ верхомъ, а супруга его въ каретѣ. Съ вершины башни прекрасный видъ на весь городъ съ его окрестностями.

Назову теперь тѣхъ изъ профессоровъ философскаго факультета, которые болѣе замѣчательны въ какомъ-либо отношеніи.

Верлауфъ, начальникъ королевской библіотеки, сеніоръ университета, профессоръ исторіи, освобожденъ отъ лекцій; онъ написалъ подробную исторію старѣйшаго изъ многочисленныхъ копенгагенскихъ ученыхъ обществъ.

Вестергардъ, извѣстный санскритистъ.

Петерсенъ, профессоръ скандинавскихъ языковъ, уже достигшій глубокой старости, уважаемый за нѣсколько превосходныхъ сочиненій, какъ-то: исторію датскаго и швед-

скаго языка; подробную исторію датской литературы, въ семи томахъ, доведенную имъ теперь до 1800 г. и лучшую книгу о скандинавской мифологіи.

Скернз, профессоръ исторіи, открылъ слѣды славянскихъ колоній на датскихъ островахъ.

Алленз, профессоръ исторіи, написалъ исторію Даніи въ двухъ видахъ: какъ книгу для чтенія, составляющую толстый томъ, напечатанный убористымъ шрифтомъ, и какъ сокращенный учебникъ.

Гисласонз, профессоръ старо-скандинавскаго языка, глубокій знатокъ древне-германскихъ нарѣчій, отличающійся удивительною памятью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ издалъ двѣ небольшія книжки по своему главному предмету, но важнѣйшій его трудъ—большой датско-исландскій словарь, напечатанный въ 1851 г. Теперь Гисласонъ занятъ двумя новыми предпріятіями: исландскимъ словаремъ и христоматіей этого языка. Первый трудъ будетъ особенно важнымъ пріобрѣтеніемъ для ученаго міра, потому что до сихъ поръ только и есть одинъ исландскій словарь Бьерна Гаальдорсона, далеко не удовлетворительный.

О *Смитъ* я уже говорилъ: онъ началъ свое преподаваніе польскимъ языкомъ, потомъ намѣренъ перейти къ церковно-славянскому и еще позже къ русскому. Сверхъ упомянутой выше польской грамматики, онъ издалъ на датскомъ языкѣ брошюру о сербской народной поэзіи и книгу о датскомъ писателѣ Гольбергѣ (басни котораго переведены у насъ Фонъ-Визинимъ), да на латинскомъ разсужденіе о нѣкоторыхъ формахъ прибалтійскихъ языковъ, которое онъ еще и теперь продолжаетъ.

Изъ профессоровъ прочихъ факультетовъ—самый замѣчательный по общему голосу *Мадвигъ*, котораго часть классическая филологія.

Вотъ еще нѣсколько подробностей о Копенгагенскомъ университетѣ:

Число здѣшнихъ студентовъ трудно знать въ точности, потому что они, разъ записавшись, не подлежатъ никакому контролю и, выходя изъ университета, не обязаны заявлять о томъ. Такимъ образомъ одни поступаютъ въ разныя гражданскія должности, другіе въ инженерное вѣдомство, третьи въ военную службу, четвертые—учителями въ разныя учебныя заведенія. Если предположить, что въ уни-

верситетъ ежегодно поступаютъ отъ 150 до 160 человѣкъ, и что въ немъ всегда до пяти поколѣній, то число студентовъ можно считать отъ 750 до 800. Университетъ не имѣетъ никакой собственной юрисдикціи; всѣ студенты подлежатъ общей полиціи: въ случаѣ важнаго поступка, она увѣдомляетъ университетское начальство о виновномъ, и отъ университета зависитъ исключить его (релегировать, по употребительному во всѣхъ скандинавскихъ университетахъ выраженію). Изъ среды студентовъ не выходятъ и тѣ лица, которыя поступили уже въ число преподавателей университета или въ государственныя должности; они продолжаютъ считаться студентами, и принадлежатъ къ студентскому клубу. Отъ того происходятъ особенно близкія отношенія между университетскою молодежью и преподавателями и вообще старшимъ поколѣніемъ, что конечно имѣетъ свою хорошую сторону, но представляетъ также ту невыгоду, что молодые люди, увлекаясь преждевременно въ кругъ дѣятельности чуждый ихъ положенію, не всегда могутъ развиваться съ полною самостоятельностью. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ. Студентскій клубъ (förening) состоитъ изъ пяти сотъ, которые вносятъ ежегодную плату и собираются въ особомъ занимаемомъ ими помѣщеніи, гдѣ находится библіотека съ газетами, гдѣ бывають публичныя чтенія, студентскіе концерты и драматическія представленія, на которыя по билетамъ приглашаются студенты и „ихъ дамы“ (то-есть матери, сестры и другія близкія родственницы). Правительство позволяетъ студентамъ всякія частныя общества, потому что они никогда не обнаруживали вреднаго или опаснаго направленія, хотя въ послѣднее время и стали принимать участіе въ политикѣ, что безъ сомнѣнія не благопріятно дѣйствуетъ на занятія. У студентовъ есть хорошій хоръ, который иногда ѣздитъ въ другіе города и даетъ концерты, но вообще уступаетъ хорамъ шведскихъ университетовъ, доведеннымъ до высокой степени совершенства. Въ Швеціи вообще пѣніе болѣе процвѣтаетъ (Jenny Lind, Nissen и др.).

По поступленіи въ университетъ, студентъ первый годъ готовится къ экзамену изъ философіи. и потомъ почти исключительно слушаетъ лекціи по этой части, да развѣ еще по одному или двумъ предметамъ, которыми хочетъ современемъ спеціально заниматься. Выдержавъ экзамень изъ фило-

софіи, который однакожь не даетъ ему никакой степени, студентъ уже переходитъ къ факультетскимъ занятіямъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ прямой обязанности быть на всѣхъ лекціяхъ по своему факультету; при факультетскихъ экзаменахъ требуется только засвидѣтельствованіе, что студентъ прослушалъ нѣкоторую часть курса по главнымъ наукамъ; стипендіатъ же обязанъ слушать лекціи по крайней мѣрѣ по двумъ наукамъ. Степени магистра здѣсь вовсе нѣтъ; въ старину она здѣсь, какъ и въ Швеціи, была соединена съ докторскою (*magister artium et doctor*). Теперь существуютъ здѣсь, правда, степени лиценціата и доктора, но рѣдко кто ищетъ ихъ; большею частію одни медики дорожатъ этимъ титуломъ, и то не всѣ: въ Даніи есть много искусныхъ врачей не имѣющихъ докторскаго званія, тѣмъ менѣе пріобрѣтаютъ его юристы и богословы; вообще онъ считается необходимымъ только для тѣхъ, которые готовятся въ университетскіе преподаватели. Экзамены производятся въ концѣ семестра публично, безъ предварительнаго домашняго экзамена (*tentamen*), необходимаго въ шведскихъ университетахъ ¹. На юридическомъ экзаменѣ присутствуетъ, сверхъ преподавателей, членъ высшаго суда. По каждой наукѣ требуется много, и отъ того полный курсъ продолжается семь лѣтъ.

Наибольшее число студентовъ принадлежитъ къ юридическому, богословскому и медицинскому факультету, но первенство въ отношеніи къ численности колеблется между двумя первыми періодически. Въ настоящее время болѣе всего юристовъ; но лѣтъ десять тому назадъ было болѣе богослововъ. Въ датской части гессударства, на островахъ, въ Ютландіи и сѣверномъ Шлезвигѣ, можно считать до 1200 пасторовъ; отъ того долгое время происходило такое стремленіе къ этимъ должностямъ, что при университетѣ множе-

¹ Въ шведскихъ университетахъ, а по ихъ примѣру и въ нашемъ Гельсингфорескомъ, всякому публичному экзамену, на который смотрятъ только какъ на формальность, предшествуетъ строгое домашнее испытаніе: въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ профессоръ спрашиваетъ одного или нѣсколькихъ студентовъ изъ цѣлаго курса науки, и тутъ рѣшаетъ могутъ ли они быть допущены на публичный экзаменъ и какую отмѣтку заслуживаютъ. Юридическій экзаменъ требуется не для всѣхъ должностей, но для высшихъ административныхъ мѣстъ, для адвокатуры и для судебныхъ должностей.

ство кандидатовъ богословія, выдержавшихъ экзаменъ, оставалось безъ мѣстъ. Вакансіи открывались для каждаго не прежде какъ лѣтъ черезъ двѣнадцать по окончаніи курса. Между тѣмъ, всѣ эти лица дѣлались старыми студентами, не учились, были не довольны своимъ положеніемъ и, разумѣется, имѣли вредное вліяніе на молодыхъ товарищей. Слѣдствіемъ этого было то, что число богослововъ уменьшилось, и теперь едва достаетъ людей для всѣхъ открывающихся въ церкви вакансій. Большое число изучающихъ медицину происходитъ оттого, что край хорошо населенъ, что даже крестьяне по большей части зажиточны, и потому требуется много врачей не только въ города, но и въ села. Въ Даніи вообще до $2\frac{1}{2}$ мил. жителей. Изъ этого числа на датскія собственно земли приходится до двухъ милліоновъ, и мѣстами на одной квадратной милѣ живетъ болѣе 3.000 человекъ.

Профессора, сверхъ публичныхъ лекцій, могутъ читать приватныя, за которыя студенты должны по настоящему вносить небольшую плату: но на самомъ дѣлѣ и приватныя лекціи читаются даромъ. Только занятія *privatissime* происходятъ по особой просьбѣ желающихъ, которые за полугодіе вносятъ по 10 долларовъ, что на наши деньги составляетъ не болѣе 6 р. Казенное содержаніе старшихъ профессоровъ простирается до 2 т. руб. сер.; въ эту сумму, сверхъ жалованья, входитъ прибавочный окладъ, возрастающій чрезъ каждое трехлѣтіе, потомъ особая сумма на освѣщеніе и другіе небольшіе доходы. Жизнь въ Копенгагенѣ относительно дорога (хотя и дешева въ сравненіи съ петербургскою), и многіе профессора имѣютъ еще постороннія должности; напримѣръ, профессоръ Мадвигъ—инспекторъ частныхъ училищъ; онъ же, по назначенію короля, членъ или даже чуть ли не президентъ государственнаго совѣта; засѣдаетъ и въ другихъ собраніяхъ по управленію, такъ что это отвлекаетъ его отъ науки. Вслѣдствіе политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ всего болѣе разрабатываются въ университетѣ скандинавская литература, исторія и древности. Имъ посвящаютъ труды свои Петерсенъ, Гисласонъ, Алленъ, Ворсо. Послѣдній приобщенъ къ университету, но не несетъ всѣхъ профессорскихъ обязанностей, не экзаменуетъ и получаетъ менѣе всѣхъ жалованья. Онъ нѣчто въ родѣ инспектора надъ древностями, разсѣянными по всему краю,—охраняетъ старинныя зданія, руни-

ческіе камни и дѣлаетъ путешествія для раскопа кургановъ. Ему же поручено храненіе старинныхъ принадлежностей ольденбургскаго дома въ Розенбургскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и живетъ. Надобно знать, что самъ король особенно интересуется скандинавскими древностями, лично участвуетъ въ обществѣ по этому предмету, сносится съ лицами, которыя имъ занимаются, и собираетъ относящіяся къ нему драгоценности.

Киль, какъ главный городъ Готторпскаго герцогства, имѣлъ особенное значеніе, когда эта часть Голштиніи принадлежала царствующему въ Россіи дому (Петру III, Екатери-нѣ II и Павлу). Тамошній университетъ, основанный въ 1665 году, помѣщается въ зданіи, которое построено было по случаю его столѣтняго юбилея императрицей Екатери-ной: она въ теченіи десяти лѣтъ управляла этимъ краемъ за несовершеннолѣтняго сына своего, великаго князя Павла Петровича¹. Черезъ четыре года Кильскій университетъ будетъ слѣдовательно праздновать свой 200лѣтній юбилей. Онъ всегда принадлежалъ къ разряду маленькихъ нѣмец-кихъ университетовъ, и число его студентовъ, въ прежнее время, простиралось отъ 200 до 300 человѣкъ; но особенно уменьшилось оно послѣ 1848 г., когда датское правитель-ство стало стараться привлекать молодыхъ людей изъ Шлезвига въ Копенгагенъ. Такъ, между прочимъ, придумана мѣра, что на пасторскія мѣста въ Шлезвигъ опредѣляются только лица учившіяся въ Копенгагенѣ. Отъ этого шлез-вигскіе уроженцы, которые прежде составляли половину всѣхъ студентовъ этого университета, теперь составляютъ едва одну треть ихъ, то-есть человѣкъ 50: всѣхъ студентовъ не болѣе 150. Пріемные экзамены бываютъ въ концѣ каждаго семестра. Они довольно строги, но чтобъ университетомъ могли пользоваться и тѣ молодые люди, которые получили домашнее воспитаніе и не имѣютъ намѣренія поступить въ службу, а хотятъ пріобрѣсти только общее универси-тетское образованіе, на пріемномъ экзаменѣ не требуется безусловно гимназическій курсъ: требуются только вообще такія свѣдѣнія, съ которыми студентъ могъ бы слѣдить за лекціями. Такимъ образомъ, въ университетъ могутъ посту-

¹ О времени управленія Голштиніи Екатериной есть брошюра, напи- санная въ семидесятыхъ годахъ профессоромъ Гане (Hane).

пять напимѣръ и сыновья помѣщиковъ желающіе заниматься преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Но тѣ молодые люди, которые намѣрены идти по ученой части, должны напередъ выдержать въ такъ-называемой ученой школѣ (гимназіи) удовлетворительный экзаменъ; иначе они, въ послѣдствіи, и въ университетѣ не имѣютъ права экзаменоваться на ученую степень. Впрочемъ степень доктора здѣсь пріобрѣтается почти исключительно только по философскому факультету; по медицинскому обыкновенно довольствуются степенью лиценціата. Вообще всѣ экзамены, кромѣ философскихъ, называются здѣсь *служсебными* (Amts-examina). Ректоръ университета, профессоръ Карстенъ, снабдилъ меня нѣсколькими довольно толстыми брошюрами, печатаемыми ежегодно подъ заглавіемъ *Chronik der Universität zu Kiel*. Сверхъ того профессоръ Ратъенъ написалъ исторію этого университета, а докторъ Фольберъ статью о числѣ студентовъ посѣщавшихъ его въ разное время.

Въ Килѣ посѣтилъ я, между прочимъ, извѣстнаго профессора классическихъ древностей, Форхгаммера. Онъ разказывалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ въ наше географическое общество о посѣщенныхъ имъ странахъ Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ обществу мысль свою объ обязанности, которая лежитъ на Русскихъ: описать въ точности мѣстность Колхиды и ходъ времени года въ этомъ краю, что необходимо для повѣрки свѣдѣній переданныхъ о немъ древними. Форхгаммеръ выразилъ сожалѣніе, что русское географическое общество, повидимому, не обратило вниманія на его мысль.

Онъ завѣдываетъ кильскимъ музеемъ искусствъ, главное богатство котораго составляютъ гипсовые слѣпки многихъ замѣчательныхъ произведеній древности: между прочимъ знаменитаго фарнезскаго быка и торсовъ вывезенныхъ лордомъ Эльгиномъ изъ Аѳинъ. Замѣчательно-хорошо составленъ каталогъ музея, обогащенный мифологическими объясненіями, и продаваемый за безцѣнокъ при входѣ. Такіе каталоги при заграничныхъ музеяхъ — вещь обыкновенная.

Какъ не вспомнить, при этомъ случаѣ, превосходныхъ описаній берлинскаго зоологическаго сада и копенгагенскаго этнографическаго музея? Въ первомъ, при имени каждаго животнаго помѣщены всѣ нужныя свѣдѣнія о его

быть, мѣстъ происхожденія и т. п. Въ послѣднемъ разсѣяны любопытнѣйшія этнографическія подробности о народахъ всѣхъ частей свѣта. Этнографическій музей въ Копенгагенѣ, единственный въ мірѣ по своему богатству, замѣчательенъ не только въ этомъ отношеніи, но и по прекрасному размѣщенію всего, что въ немъ содержится. Въ нынѣшнемъ состояніи своемъ онъ есть созданіе г. Томсена, который завѣдываетъ имъ уже лѣтъ пятнадцать, и помощника его, г. Стейнгауера, составителя упомянутаго мною каталога. Въ одно изъ посѣщеній лишь этого музея, г. Стейнгауеръ водилъ по безчисленнымъ его комнатамъ воспитанниковъ какого-то училища. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ г. Стейнгауеръ объяснялъ имъ всѣ предметы и съ какимъ вниманіемъ молодые люди слушали его. Вотъ какими способами, а не однимъ мертвымъ ученіемъ въ класной комнатѣ, уставленной рядами лакированныхъ скамей, но лишенной всякихъ живыхъ пособій, возбуждается въ молодомъ поколѣніи любовь къ наукѣ и распространяется въ націю свѣтъ знаній.

Къ числу людей, съ которыми я познакомился въ Килѣ, принадлежитъ также докторъ Клаусъ (то-есть Николай) Гротъ (Groth), доцентъ университета по нѣмецкой литературѣ, который недавно пріобрѣлъ въ Германіи большую извѣстность народными стихами на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій (platt-deutsch). Въ этихъ стихахъ много поэтическаго таланта и прекрасно выражается народная жизнь. Отъ извѣстнаго аллеманскаго поэта Гебеля, котораго переводилъ Жуковскій, Клаусъ Гротъ отличается тѣмъ, что его особенность—не младенческое простодушіе, а глубокое сочувствіе всѣмъ сторонамъ народной жизни. Лирическія піесы его нѣсколько сентиментальны и гораздо слабѣе. (Собраніе его стихотвореній напечатано нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: *Quickborn*; это имя одной голштинской деревни и значитъ живой ключъ.) Онъ сынъ мельника, и родился въ 1819 году близъ Глюкштадта, въ западной части Голштиніи, извѣстной подъ именемъ Дитмарсенъ. Въ молодости онъ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе, давая уроки иногда по 40 часовъ въ недѣлю. Потомъ онъ хотѣлъ приготовиться къ высшему преподаванію и учился въ Кильскомъ университетѣ. Его *Quickborn* доставилъ ему званіе почетнаго доктора въ университетѣ Боннскомъ.

Поэтъ водилъ меня по красивымъ окрестностямъ Килъ, орошаемымъ рѣчкою Seventine, которой славянское имя (святыня: я въ первомъ слогѣ звукъ первоначально носовый) остается однимъ изъ немногихъ памятниковъ пребыванія здѣсь въ отдаленное время Славянъ. Замѣчательно еще названіе одной деревни близъ Килъ; ее зовутъ Russee по небольшому озеру того же имени. Вотъ, стало-быть, еще Русъ на берегахъ Балтійскаго моря!

Всѣ сословія въ Голштиніи громко осуждаютъ дѣйствія датскаго правительства въ отношеніи къ этой странѣ и къ Шлезвигу. Трактирщикъ маленькаго города Плѣна, куда я ѣздилъ изъ Килъ, жаловался, что оно хочетъ отнять у Шлезвига даже родной языкъ, и прибавилъ: *Es gährt Alles* (все въ броженіи)! Профессоръ Михельсонъ въ Іенѣ, прежде бывшій при Кильскомъ университетѣ и много занимавшійся исторіею Голштиніи, говорилъ мнѣ, что по мнѣнію покойнаго датскаго ученаго Мольбена, все населеніе Ютландіи—германское; только въ восточной части ея, языкъ въ граматическомъ отношеніи образовался по скандинавскому типу.

Въ Берлинѣ хотѣлось мнѣ получить понятіе о нѣкоторыхъ знаменитостяхъ тамошняго университета. Я посѣтилъ лекціи нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, которые читали въ удобные для меня часы.

Раумеръ читалъ при мнѣ о монархической власти и сеймахъ среднихъ вѣковъ. Тиранинъ въ собственномъ смыслѣ тогда не было, власть была ограничена, но не существовало еще въ точности опредѣленныхъ конституцій; сеймы собирались то тутъ, то тамъ, и въ нихъ участвовали то одни лица, то другія. Дѣла рѣшались не такъ какъ теперь, ариѳметическимъ расчетомъ числа голосовъ, а моральнымъ перевѣсомъ нѣкоторыхъ или другихъ мнѣній. Представительство многихъ немногими (депутатами) придумано въ первый разъ императоромъ Фридрихомъ II.

Раумеръ—человѣкъ небольшого роста, сѣдой, довольно полный, съ пріятнымъ выраженіемъ лица; говоритъ скоро и не очень громко; во всемъ изложеніи его много простоты и ясности. Слушателей у него было въ этотъ разъ человѣкъ двадцать пять. Послѣ лекціи нѣкоторые студенты стали подходить къ нему съ какими-то листами, прося его расписаться. Одинъ изъ нихъ

объяснилъ мнѣ, что всякій студентъ имѣетъ списокъ лекцій, которыя онъ намѣренъ посѣщать: противъ cadaго предмета должна быть расписка профессора, и въ концѣ семестра дѣлается повѣрка дѣйствительно ли заявившіе желаніе слушать посѣщали его лекціи. Въ аудиторіяхъ все очень просто, скамьи старыя и довольно грязныя; на верхней доскѣ каждой изъ нихъ выставленъ номеръ; студенты вѣшаютъ свои шляпы у дверей.

Мишеле (котораго не должно смѣшивать съ французскимъ профессоромъ этого имени) читаетъ исторію философіи, или, вѣрнѣе, философическую исторію XVIII вѣка. У него живые приемы и веселый видъ; онъ преподаетъ съ жаромъ и часто прибѣгаетъ къ жестамъ; иногда читаетъ по бумагѣ, низко наклоняя голову. Предметомъ лекціи его при мнѣ было начало французской революціи. Вотъ, въ немногихъ словахъ, содержаніе этой лекціи. Значеніе трехъ собраній: *constituante*, *legislative*, *conventive*; характеристическіе признаки: 1) появленіе *tiers état* вообще; 2) борьба *tiers état* съ 4-мъ сословіемъ, пролетаріатомъ, 3) торжество *tiers état*. Характеристика Лудовика XVI: онъ заплатилъ за вины своихъ, предковъ; самъ образецъ семейныхъ добродѣтелей; но вмѣстѣ лицемеренъ, двуличенъ. Хотѣлъ реформъ; преобразованія сверху самыя благотворныя; главное дѣло не въ образѣ правленія, а именно въ томъ, чтобы существующее правительство понимало, чего требуетъ время и дѣлало нужныя преобразованія. Лудовикъ понималъ это и избралъ популярныхъ министровъ, но онъ былъ подъ вліяніемъ придворной партіи (*samarilla*), къ которой принадлежала и королева. Поэтому онъ вскорѣ отмѣнилъ свое распоряженіе и уволилъ министровъ. Назначенъ былъ Клоннъ. Этотъ требовалъ новыхъ налоговъ, но парламентъ и народъ въ нихъ отказали. Такіе налоги, какъ послѣднее средство къ спасенію государства, служатъ дурнымъ предзнаменованіемъ; понимая это, народъ противится имъ. Преемникъ Клонна, Бриеннъ, также не имѣлъ успѣха въ требованіи налоговъ. Тогда вновь назначенъ былъ одинъ изъ прежнихъ популярныхъ министровъ Неккеръ. Созванные имъ *notables* не берутся обременять народъ новыми налогами и составляютъ бюджетъ, который обнаруживаетъ отчаянное положеніе финансовъ. За этимъ профессоръ Мишеле перешелъ къ развитію главныхъ по-

дробностей времени учредительнаго собранія (Constituante), находя ихъ необходимыми по важности этой эпохи. Qu'est-ce que le tiers état? C'est la nation. Въ этомъ словѣ, по мнѣнію профессора, заключается вся революція, вся исторія нашего столѣтія. Лекція Мишеле продолжалась двѣ часа, съ отдыхомъ между ними на четверть часа.

У Бонна прослушалъ я лекцію о санскритскихъ суффиксахъ, при чемъ онъ приводилъ сравненія изъ другихъ языковъ. По спеціальности предмета этой лекціи, не стану о ней распространяться.

Экзаменъ для поступленія въ университетъ производится въ гимназіяхъ и продолжается до пяти дней; въ первый день экзаменующіеся пишутъ латинское сочиненіе и остаются за этою работою часовъ пять взаперти. Во второй день они пишутъ нѣмецкое сочиненіе; потомъ переводятъ письменно же съ латинскаго на нѣмецкій языкъ, также съ греческаго и даже съ еврейскаго. По окончаніи письменнаго экзамена начинается устный, при чемъ предлагаютъ по четыре вопроса изъ разныхъ наукъ. Такъ всѣ поступающіе въ университетъ, для внесенія именъ ихъ въ матрикулу (университетскій альбомъ), должны имѣть *научное образованіе*. Только въ видѣ исключенія допускаются на частныя лекціи, съ разрѣшенія профессора, и сторонніе молодые люди, которые желаютъ временно слушать преподаваніе по какой-нибудь части. Профессоръ долженъ напередъ узнать степень ихъ образованія по разговору съ ними; они посѣщаютъ университетъ только для дополненія общаго образованія, но не могутъ пріобрѣтать степеней. Отдѣльной степени магистра давно уже нѣтъ въ германскихъ университетахъ; она присоединена тамъ къ степени доктора. Кандидатомъ же называется тотъ, кто готовится держать экзаменъ на степень по какому-нибудь факультету. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что строгость требованій при приѣмѣ въ университетъ необходима; естественно, что молодые люди, слабые при поступленіи въ студенты, остаются по большей части слабыми и въ званіи студентовъ. При слабой подготовкѣ большинства слушателей, и лекціи профессоръ должны болѣе и болѣе принимать характеръ элементарнаго ученія. Отъ степени же образованія между студентами много зависитъ и степень ихъ умственной и нравственной зрѣлости, слѣдовательно весь духъ

университета. Въ примѣръ вліянія слабыхъ требованій при вступленіи въ университетъ можно привести Францію, гдѣ молодые люди поступаютъ въ Collège de France безъ всякихъ условій этого рода, и вслѣдствіе того навсегда остаются, въ общей массѣ, лишенными истиннаго научнаго образованія. Но спрашивается, какъ поступать въ странѣ, гдѣ уровень гимназическаго и вообще приготовительнаго ученія низокъ? Не будутъ ли тамъ слишкомъ строгія требованія для приѣма въ университетъ неумѣстны, потому что при такихъ требованіяхъ университеты будутъ рисковать оставаться пустыми? Подобное опасеніе справедливо: въ такой странѣ нѣкоторое снисхожденіе при приѣмѣ въ университетъ должно составлять временную мѣру, необходимое зло, и для устраненія его всѣ усилія должны быть устремлены къ тому, чтобъ улучшить способы преподаванія въ училищахъ. Но съ этимъ зломъ неизбѣжно связано и другое: низкая степень общаго развитія студентовъ, недостатокъ въ нихъ самостоятельности, зрѣлости и любви къ труду.

Штейнталь читаетъ исторію греческой грамматики. Когда я былъ на его лекціи, онъ диктовалъ ее, разбирая изъ разговора Платона нѣкоторыя слова, съ примѣненіемъ къ этикѣ древнихъ. Штейнталь совершенно молодой человѣкъ; слушателей у него было не болѣе четырехъ.

Наконецъ я былъ еще на лекціи Ранке. Такъ какъ онъ читаетъ только частныя лекціи, то надо было напередъ испросить у него позволеніе присутствовать на одной изъ нихъ. Я познакомился съ нимъ на университетскомъ дворѣ, гдѣ онъ прогуливался передъ своею лекціей. Это маленькій человѣчекъ, довольно полный и приземистый, рябой, и тѣмъ болѣе некрасивый, что держится криво. Сказавъ мнѣ очень любезно, что для входа въ его аудиторію совсѣмъ не нужно было его позволенія, онъ сталъ спрашивать меня о русской литературѣ, и между прочимъ замѣтилъ, что у насъ теперь нѣтъ великихъ писателей. „Есть и теперь замѣчательные,“ отвѣчалъ я, но они мало извѣстны за границей.“ „Однакожь не такіе, какъ Карамзинъ и Пушкинъ,“ отвѣчалъ Ранке. Между тѣмъ пора было начинать лекцію, и мы вошли въ зданіе. Ранке читалъ о реформаціи, но я не слышалъ и половины его лекціи. Онъ сидѣлъ развалившись и закинувъ голову назадъ, гово-

рилъ то громко, то тихо, то скоро, то медленно и иногда замахиваясь рукою, вообще съ таинственнымъ видомъ и вопросами, произносимыми вполголоса. Слѣдить за его лекціей очень трудно; надобно прежде привыкнуть къ его манерѣ, чтобъ имѣть возможность слушать его съ интересомъ и пользою.

Дройзена, къ сожалѣнію, въ то время не было въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ посѣтилъ я также публичную библіотеку. На лѣвой сторонѣ сѣней, внизу было окошечко, изъ котораго выдавали книги. Служитель, попросивъ меня расписаться въ книгѣ, повелъ меня къ директору, тайному *регирунгс-рату*, доктору Перцу, по порученію котораго одинъ изъ библіотекарей показалъ мнѣ библіотеку; порядокъ выдачи книгъ изъ нея очень простъ и легокъ: люди имѣющіе право получать книги (по поручительству) могутъ два раза въ день вкладывать свои письменныя требованія въ особый выставленный передъ библіотекой ящикъ. Дежурный *custos* (еженедѣльный) распредѣляетъ эти билеты, или карточки, по отдѣламъ библіотеки, и *custos* каждаго отдѣла отыскиваетъ книги: въ каждую книгу вкладываетъ онъ одну изъ полученныхъ карточекъ, на которыхъ находится заглавіе книги и подпись требователя, и книга кладется на столъ отдѣла. Дежурный слуга подбираетъ всѣ такія книги съ закладками, и онѣ посредствомъ особаго механизма опускаются въ нижній этажъ, гдѣ раскладываются по алфавиту именъ требователей и выдаются имъ чрезъ окошечко, которое я видѣлъ при входѣ. Карточки, содержащія требованіе, напередъ вынимаются: на каждую налагается печать библіотеки, и карта получаетъ значеніе расписки. Ящикъ, куда опускаются требованія, открывается въ 9 или въ 12 часовъ дня, и кто вложилъ свою карточку до 9 часовъ, можетъ получить книгу уже въ 11; кто чрезъ 4 недѣли не возвратитъ полученной книги, тотъ обязанъ заплатить нѣкоторый штрафъ.

Между берлинскими учеными, которыхъ я посѣтилъ, былъ и знаменитый филологъ Яковъ Гриммъ; онъ живетъ въ отдаленной части города, за Бранденбургскими воротами. У дверей его, въ сѣняхъ, бѣлая доска съ крупною черною надписью: *Grimm*. Пожилая женщина отворила мнѣ дверь, я далъ ей свою карточку, и она тотчасъ же воро-

тилась съ приглашеніемъ въ кабинетъ. При самомъ входѣ въ него, я былъ встрѣченъ маститымъ хозяиномъ шедшимъ ко мнѣ на встрѣчу; я былъ пораженъ его прекрасною головою, съ греческимъ типомъ въ чертахъ лица, сіявшаго веселою привѣтливостью посреди суровыхъ сѣдинъ. Гриммъ съ участіемъ разспрашивалъ меня о состояніи филологіи въ Россіи, о занятіяхъ 2-го отдѣленія академіи наукъ и положеніи его членовъ; пожелалъ также узнать, кто изъ Русскихъ занимается теперь литовскимъ языкомъ. На мой вопросъ о ходѣ его словаря, Гриммъ отвѣчалъ мнѣ, что безпрерывно надъ нимъ работаетъ и что надѣется издать вскорѣ еще выпускъ, что смерть брата его Вильгельма нѣсколько замедлила работу, но что впрочемъ онъ не ищетъ новыхъ сотрудниковъ, потому что совокупный трудъ можетъ идти успѣшно только при совершенномъ единодушіи участвующихъ въ немъ, какъ было пока былъ живъ его братъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду, что если самъ онъ не успѣетъ кончить свое огромное предпріятіе, то найдутся люди, которые приведутъ его къ окончанію. Видъ этого почтеннаго труженика посреди нескончаемой работы, наполняющей всю его жизнь, произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Онъ живетъ только для своей идеи и въ выполненіи ея находитъ свое счастье и свою награду; готова своей націи великое наслѣдіе, онъ не боится ни разнорѣчивыхъ толковъ критики, ни самой смерти, которая, какъ онъ твердо надѣется, не пресѣчетъ его предпріятія. Понимая всю цѣну времени Якова Гримма, я поспѣшилъ проститься съ нимъ, и отъ сердца пожимая ему руку, не могъ удержаться отъ замѣчанія о значеніи, какое его труды имѣли для успѣховъ филологіи въ Россіи, и о славѣ, какою его имя у насъ пользуется. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ опять въ Берлинѣ и видѣлъ бюстъ Гримма въ комнатахъ Александра Гумбольта посреди вещей покойнаго, который слуга и наслѣдникъ его собирался продавать съ публичнаго торга. Бюстъ Гримма поразилъ меня своимъ сходствомъ и живымъ выраженіемъ. Онъ возбудилъ во мнѣ желаніе побесѣдовать еще разъ съ ветераномъ нѣмецкой филологіи, но я не рѣшился беспокоить его вторично.

Мѣсто, гдѣ живетъ Гриммъ, отыскалъ я по берлинскому адресъ-календарю. Эта книга, издаваемая подъ заглавіемъ:

Wohnungsanzeiger, находится въ каждомъ берлинскомъ домѣ. Подобныя есть и во всякомъ порядочномъ германскомъ городѣ, не говоря уже о главныхъ столицахъ Европы. Берлинская адресная книга составляется особенно тщательно и заключаетъ въ себѣ наиболѣе свѣдѣній. Чтобы дать о ней сколько-нибудь точное понятіе, сообщу коротко содержаніе ея. Въ ней, послѣ списка королевской фамиліи, заключается:

- 1) Указатель для отысканія всѣхъ жителей, за исключеніемъ рабочихъ пощенщиковъ и слугъ.
- 2) Указатель для отысканія всякаго нумерованнаго дома, съ означеніемъ жильцовъ и владѣльца, а также улицъ, какъ онѣ взаимно пересѣкаются.
- 3) Списокъ всѣхъ занимающихся торговлей и промыслами.
- 4) Указатель всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, публичныхъ учрежденій и зданій, а также замѣчательнѣйшихъ частныхъ заведеній.
- 5) Списокъ улицъ и площадей Берлина и его окрестностей, съ означеніемъ полицейскихъ частей, городскихъ округовъ, комиссій для бѣдныхъ и церковныхъ приходовъ.
- 6) Списокъ городскихъ округовъ, окружныхъ старшинъ, третейскихъ судей, комиссій для бѣдныхъ, начальниковъ этихъ комиссій и врачей для бѣдныхъ.
- 7) Списокъ членовъ верхней камеры (Herrenhaus).
- 8) Списокъ членовъ камеры депутатовъ.
- 9) Адресный указатель для Шарлоттенбурга (загороднаго дворца и селенія).

Неужели существованіе подобной книги въ одномъ Петербургѣ не возможно? Впрочемъ, для распространенія такого изданія у насъ очевидно не достаетъ одного необходимаго условія—общей грамотности, обстоятельство, которое долго еще будетъ препятствовать въ Россіи многимъ полезнымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ отсутствіе адреснаго указателя безпрестанно чувствуется. Отчего на примѣръ не прививается къ нашему быту обычай означать адреса жителей выставленными на домахъ нумерами? Ясно, что это возможно только при существованіи адресной книги, потому что безъ помощи ея нельзя помнить множество цифръ принадлежащихъ домамъ, въ которыхъ каждый изъ насъ имѣетъ надобность.

Замѣчательный признакъ большаго распространенія гар-

мотности въ западной Европѣ составляютъ надписи, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, и снаружи, и внутри домовъ. Встрѣчаются иногда и такія, которыя смѣшны, потому что онѣ излишни предполагають черезчуръ большую недогадливость въ прохожемъ, напр. въ берлинскихъ университетскихъ сѣняхъ, у самаго входа, внизу стѣны вы читаете: *Для чистки ногъ*. Другія надписи забавны по тону или мелочности заключающагося въ нихъ напоминанія, напримѣръ въ Берлинѣ же есть и такія: *Запирайте дверь* (*Thür zu!*), или: *Просятъ запереть дверь тихонько*. Въ Копенгагенѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но не въ Лондонѣ, всего чаще попадаетъ на стѣнахъ домовъ, въ разныхъ видахъ надпись, которая на нѣмецкомъ языкѣ обыкновенно читается такъ: „*Dieser Ort darf nicht verunreinigt werden*“. Иногда частица *nicht* бываетъ нарочно затерта какимъ-нибудь шалуномъ. Есть и такія надписи, которыя доказываютъ печальную истину, что съ успѣхами образованія объ руку идутъ и успѣхи плутовства. Подъѣзжающаго въ первый разъ къ Берлину, непріятно поражаетъ надпись, повторяющаяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ станціи: *Берегитесь карманныхъ воровъ* (*Man hüte sich vor Taschendieben*). Нѣкоторыя надписи характеризуютъ націю, посреди которой онѣ встрѣчаются; въ Лондонѣ, на площадяхъ и улицахъ начинаютъ появляться домики, подобные тѣмъ, которыхъ такъ много разсѣяно по Парижу; въ одномъ изъ нихъ встрѣчается такая надпись: „пожалуста, поправьте свой туалетъ, прежде чѣмъ выйдете (*please, adjust your dress before leaving*).“

Объявленіе о таксѣ извозчиковъ находится внутри публичныхъ экипажей во всѣхъ странахъ западной Европы, но Берлинъ перещегоолялъ всѣ другія города въ мѣрахъ къ соблюденію такой таксы и въ подробности экипажныхъ объявленій. Надпись внутри берлинскихъ дрожекъ начинается такими словами: „*денегъ за проѣздъ никто не платитъ извознику, если онъ не представитъ свѣдоку, при занятіи экипажа, карточку, на которой означена цѣна извѣстнаго рода переѣзда*.“ На верху каждой карточки выставленъ нумеръ, показывающій, которую поѣздку извозникъ дѣлаетъ съ утра. Въ Берлинѣ извозничья такса очень низка, именно: за конецъ платится всего 5 серебряныхъ грошей (15 коп. сер.), въ Копенгагенѣ, который менѣе Берлина,

такса выше: 25 к. сер. (2 марки) за конецъ; въ Гамбургѣ 20 коп. (8 шиллинговъ). Въ Берлинѣ сверхъ таксы за конецъ назначена такса по разчету времени, начиная съ 20 минутъ; далѣе за 30, 40, 50 и 70 (т.-е. за часъ съ прибавленіемъ 10 льготныхъ минутъ); если экипажъ берется на нѣсколько часовъ, то за одинъ 1-й часъ опредѣлена нормальная цѣна, за слѣдующіе же уменьшенная. Въ Лондонѣ троякая такса: 1) за конецъ, 2) по разчету времени и 3) по разчету пространства, т.-е. столько-то за милю, за $1\frac{1}{2}$, за 2 и т. д. Само собою разумѣется, для того чтобы возможна была такса послѣдняго рода, разстоянія отъ извѣстнаго пункта должны быть размѣрены и означены. Парижская экипажная такса хорошо извѣстна. Можетъ ли твердая экипажная такса быть введена и у насъ? Что установленіе ея для нашихъ потребностей трудно, показалъ уже опытъ. Прежде всего должно очень внимательно разобратить всѣ обстоятельства, находящіяся въ связи съ установленіемъ таксы и вникнуть во всѣ различія нашей городской жизни съ заграничною; только тогда можно будетъ рѣшить, дѣйствительно ли такса этого рода возможна въ нашихъ столицахъ при нашихъ нравахъ и порядкахъ, и особенно при безграмотности, почти общей въ нашемъ простомъ народѣ, и если такая такса возможна, то на какихъ именно основаніяхъ¹. Теперь позволю себѣ замѣчаніе совсѣмъ другаго рода: отчего во всѣхъ германскихъ странахъ на материкѣ Европы, отъ Швеціи до Швейцаріи, небольшіе публичные экипажи (крытые вездѣ, кромѣ Швеціи) называются русскимъ именемъ—*дрошсками* (eine Droschke)? Кажется, проще всего предположить, что легкія русскія дрожки были когда-то вывезены въ сосѣднія страны, можетъ-быть въ Кенигсбергъ, Любекъ или Гамбургъ, а оттуда распространились въ другіе города, потомъ были усовершенствованы, но сохранили и въ новомъ видѣ прежнее свое названіе. Впрочемъ, возможно также, что названіе *дрошски* распространилось по Европѣ черезъ Польшу: въ Варшавѣ также извѣстны *дрошски*; конечно ихъ знали и въ Данцигѣ, когда этотъ городъ еще принадлежалъ Польшѣ, а съ Данцигомъ германскіе города всегда находились въ тѣсныхъ

¹ Извощичья такса въ Петербургѣ теперь уже отмѣнена. Ред.

сношеніяхъ. Наконецъ, путемъ для этого заимствованія, могли послужить и наши остзейскія провинціи.

Къ этимъ замѣчаніямъ о наемныхъ экипажахъ кстати будетъ присоединить два слова и объ омнибусахъ. Изумительнаго развитія достигли сообщенія этого рода въ Лондонѣ. Тамъ всѣхъ публичныхъ экипажей, какъ мнѣ говорили, до 12 тысячъ, и между ними число омнибусовъ превышаетъ уже 7300: эту цифру я самъ видѣлъ на одномъ изъ лондонскихъ омнибусовъ. Въ Парижѣ такихъ публичныхъ каретъ гораздо менѣе, и онѣ превосходятъ лондонскія только бдительностію своихъ кондукторовъ во взысканіи платы съ пассажировъ, для чего парижскіе кондукторы безпрестанно взлѣзаютъ на имперіаль и прогуливаются по ногамъ сидящихъ. Можетъ-быть, еще одно преимущество парижскихъ омнибусовъ состоитъ въ томъ, что снаружи ихъ можно всегда прочесть есть ли въ нихъ еще свободныя мѣста и сколько именно: по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ этого въ Лондонѣ. За то въ Лондонѣ всякій омнибусъ со всѣхъ сторонъ покрытъ крупными надписями, по которымъ прохожій издали узнаетъ его направленіе. Кучеръ знаками и крикомъ приглашаетъ встрѣчныхъ присоединиться къ поѣзду. Кондукторъ чрезвычайно услужливъ, и по первому требованію всякаго готовъ остановиться, что въ Лондонѣ непримѣтно задерживаетъ ѣзду при ея удивительной быстротѣ; денегъ кондукторъ никогда не требуетъ впередъ, и всякій расплачивается когда ему удобнѣе. Цѣна мѣсту въ лондонскихъ омнибусахъ бываетъ по большей части въ 4 пенса (11 коп. сер.), но есть и такіе омнибусы, въ которыхъ платятъ по 3 и даже по 2 пенса. Прежде, когда ихъ было не такъ много, мѣсто стоило 6 пенсовъ (около 17 к. сер.), но увеличившееся совмѣстничество повлекло за собой пониженіе платы. Теперь, по тѣмъ направленіямъ гдѣ болѣе ѣзды, тянутся иногда цѣлые ряды омнибусовъ, такъ что пѣшеходу негдѣ пробраться между ними. Устройство ихъ такъ крѣпко, удобно и опрятно, ихъ везетъ пара такихъ дюжихъ и прыткихъ лошадей, что весело смотрѣть на этотъ поѣздъ, и въ каждомъ омнибусѣ всегда можно найти хорошее общество, состоящее не только изъ мужчинъ, но и изъ дамъ. Обыкновенно бываетъ 12 мѣстъ внутри и 34 снаружи, то-есть на имперіаль и возлѣ кучера; иногда бываетъ еще рядъ открытых мѣстъ

впереди кареты за кучеромъ; число всѣхъ мѣстъ внутри и снаружи всегда бываетъ объявлено особою подписью. Для входа на имперіаль и спуска оттуда висятъ особые толстые ремни, очень облегчающіе эту операцію. И тамъ сидятъ по большей части образованные люди, и у многихъ вы видите газеты въ рукахъ. Въ образованныхъ странахъ понимаютъ цѣну времени: тамъ на чтеніе газетъ многіе употребляютъ потерянные минуты на улицѣ, въ театрѣ, и пр. Въ креслахъ и партерѣ всѣ читаютъ газеты въ антрактахъ.

Говоря о парижскихъ омнибусахъ, я ничего не упомянулъ о такъ-называемой *корреспонденціи*, то-есть о возможности переходить изъ одного омнибуса въ другой, идущій по другому направленію; для этого можно брать билеты изъ особыхъ конторъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ города. Бывъ въ Парижѣ только короткое время, я не успѣлъ ближе ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, но понятно, какъ велико доставляемое имъ удобство сообщеній.

Не великолѣпны германскіе театры съ ихъ тѣсными ложами и партерами, гдѣ экономія мѣста доходитъ до того, что для пропуска сосѣда зритель долженъ не только встать самъ, но и поднять свое сидѣніе, чтобы смиренно пріютиться между ножками креселъ. Всѣ эти театры, равно какъ и большая часть парижскихъ, очень скромны; но за то на нихъ можно видѣть пьесы Гете, Шиллера, Расина и Мольера, что и дѣйствительно случилось со мной: въ Галле веймарскіе актеры сыграли при мнѣ *Ифигенію въ Тавридѣ*, въ Висбаденѣ видѣлъ я *Марію Стюартъ*, въ Берлинѣ *Фауста* Гете, въ Парижѣ *Britannicus*, *Tartuffe* и *le Medecin malgré lui*. Однакожь не объ этихъ представленіяхъ собираюсь я говорить, а намѣренъ сказать нѣсколько словъ о юмористической пьесѣ, которую видѣлъ на одномъ изъ частныхъ берлинскихъ театровъ, именно на загородномъ (*Vorstädtisches Theater*), что за гамбургскою заставой. Сцена и мѣста для зрителей устроены въ саду; передъ скамьями, — столы уставленные пивными кружками, или стопами разнаго размѣра, начиная отъ самыхъ огромныхъ, въ которыя входитъ бутылки три и за которыми иной охотникъ прохлаждается нѣсколько часовъ сряду. Сверхъ того, въ длинныхъ узенькихъ стопахъ, съ деревянными ложками, подается тутъ чай. Все это получается изъ двухъ палатокъ, изъ

которыхъ одна служить кондитерскою, а другая—рестораномъ. Человѣкъ, который раздавалъ билеты, подсунулъ мнѣ, какъ прїѣзжему, самое дорогое мѣсто, то-есть стоившее около полтинника въ проscenium: это балконъ возлѣ сцены, что-то въ родѣ нашихъ литерныхъ ложъ. Отсюда я могъ свободно обозрѣвать и сцену, и зрителей, но за то и самъ, сидя одинъ впереди на возвышеніи, былъ у всѣхъ безпрестанно на глазахъ. Піеса называлась *Берлинскіе типографіицики* и состояла изъ шести отдѣленій. Въ ней интрига плоха, и притомъ тутъ не одна, а двѣ интриги, но довольно хорошо представлены нѣкоторыя стороны берлинскаго быта. Сначала дѣйствіе происходитъ внутри типографіи, потомъ на улицѣ. Главное лицо *Zettelankleber*, то-есть приклеиватель объявленій, который рано утромъ является на берлинскихъ улицахъ съ кипой афишъ и съ мѣднымъ на груди ящикомъ для клейстера.¹ Это весельчакъ и острякъ. Другое лицо—Русскій, *Рузимовскій*, человѣкъ, котораго вспыльчивость и самовластное обращеніе съ лакеемъ безпрестанно подаютъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и остротамъ. *Zettelankleber* смѣется надъ его горячкой и говоритъ: „прїѣхалъ изъ Сибири и не можетъ выносить здѣшняго жаркаго климата.“ Предметомъ смѣха служитъ также и то, что Рузимовскій своего лакея всегда сажаетъ съ кучеромъ на козлахъ, когда ѣздитъ по городу. На сценѣ являются между прочимъ и небольшіе домики (*Trinkhalle*), недавно построенные мѣстами на берлинскихъ улицахъ для утоленія жажды прохожихъ. Въ этихъ домикахъ льются изъ крановъ зельтерская и содовая вода, которую подаютъ сидящіе за прилавкомъ дѣвушки, извѣстныя въ цѣломъ Берлинѣ подъ шуточнымъ названіемъ *kohlensaure Jungfrauen*, то-есть углекислыя дѣвы. Вся эта обстановка служитъ рамкой фарса очень сложнаго, часто безсвязнаго и грубаго, но вообще недурно сыграннаго. Однакожь не совсѣмъ приличныя выходки не понравились нѣкоторымъ бывшимъ тутъ берлинскимъ дамамъ, и я самъ слышалъ, какъ одна старушка, при выходѣ сказала своей сосѣдкѣ, что никогда больше не пойдетъ въ загородный театръ.

¹ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по всему Берлину, были разставлены особые, довольно красивые столбики для наклейки всякихъ объявленій, которыми прежде облѣпывались дома, какъ и до сихъ поръ дѣлается въ Парижѣ и Лондонѣ.

Хотя я и не охотникъ осматривать зданія, однакожь рѣшился съѣздить въ Потсдамъ, какъ мѣсто, известное въ цѣломъ мірѣ. Въ 11 часовъ отправился я на желѣзную дорогу, и для бѣльшаго удобства спросилъ билетъ въ Потсдамъ и обратно, (ein Tagesbillet). Дѣйствительно я заплатилъ цѣлый талеръ за проѣздъ туда и назадъ, но разсмотрѣвъ свой билетъ, замѣтилъ съ удивленіемъ, что онъ только на одинъ конецъ. Кассиръ, у котораго я потребовалъ объясненія, извинился въ ошибкѣ и подалъ мнѣ другой. Странная ошибка, подумалъ я: подобныхъ даже и у насъ не бываетъ! Между моими сосѣдами въ каретѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я случайно завелъ разговоръ. Я замѣтилъ въ немъ большую образованность и потому охотно принялъ его предложеніе соединиться съ нимъ для осмотра Потсдама. Это былъ, какъ я послѣ узналъ отъ него, молодой гамбургскій купецъ, который, по окончаніи воспитанія въ родномъ городѣ, путешествовалъ около двухъ лѣтъ (таковъ обычай между его соотечественниками), много видѣлъ и имѣлъ не только обширныя познанія, но и замѣчательно развитый вкусъ въ изящныхъ искусствахъ; онъ не разъ поражалъ меня своими сужденіями о статуяхъ и картинахъ, которыя мы разсматривали. Не стану разказывать о дворцахъ, по которымъ насъ водили, ни объ алчности и важномъ видѣ вожатыхъ, которые какъ будто считаютъ себя хозяевами этихъ зданій и обращаются съ публикою довольно безцеремонно. Упомяну только объ одномъ мальчикѣ, который водилъ насъ по Сансуси и безпрестанно смѣшилъ своими объясненіями, доказывавшими грубѣйшее невѣжество: такъ передъ однимъ фонтаномъ, поддерживаемымъ мальчиками, онъ увѣрялъ насъ, что это 12 апостоловъ—не учениковъ Іисуса Христа, объяснилъ онъ, а тѣхъ апостоловъ, которыхъ будто бы отправилъ Лютеръ „und die die ganze Welt arrangirt haben.“ Моему гамбургскому республиканцу многое казалось страннымъ въ королевскомъ Потсдамѣ, гдѣ даже образцовая ткацкая мастерская носитъ на вывѣскѣ эпитетъ Königliche. Однакожь онъ отдавалъ Берлинцамъ справедливость въ ихъ уваженіи къ закону, которое въ Гамбургѣ не такъ сильно развито; въ подтвержденіе своихъ словъ приводилъ онъ, что въ Гамбургѣ, на примѣръ, извозчики всегда стараются выманить у сѣдока больше денегъ чѣмъ имъ по положенію слѣдуетъ; онъ цѣнилъ въ Берлинцахъ также ихъ аккурат-

ность и любовь къ порядку, чему именно они, по его мнѣнію, много обязаны своимъ политическимъ возвышеніемъ. Привожу эти замѣчанія, потому что они показались мнѣ особенно любопытными въ устахъ германскаго путешественника, который судить о своихъ соплеменникахъ; притомъ они и въ примѣненіи къ намъ не лишены нѣкотораго значенія. Его поражали большія площади передъ потсдамскими дворцами и пустыя пространства между сельскими домами въ окрестностяхъ, потому что въ Гамбургѣ, напротивъ, очень тѣсно, и даже около него чувствуется недостатокъ земли; подивился онъ также, что деревенскіе мальчишки, близъ Берлина, въ воскресные дни бѣгаютъ босикомъ: этого же около Гамбурга никогда не увидишь.

Городъ Потсдамъ очень напоминаетъ Царское Село, только что въ первомъ вовсе не видать деревянныхъ домовъ, и множество лавокъ свидѣтельствуешь о большемъ движеніи промышленности; притомъ на каждомъ шагу кофейни и пивныя заведенія, передъ которыми тѣсные ряды скамеекъ и столовъ, и все облѣплено посѣтителями. Мой спутникъ при этомъ замѣтилъ, что обязательность до того развита въ Германіи, что одинокій человѣкъ можетъ подѣсть къ незнакомому кружку и всегда будетъ хорошо принятъ. Мостовая потсдамскихъ улицъ въ родѣ петербургской, но тротуаръ только съ одной стороны, а по срединѣ улицы асфальтовая полоса для экипажей. Изъ мѣстъ, занятыхъ дворцами, лучшее Бабельсбергъ, гдѣ жилъ прежде принцъ-регентъ (нынѣшній король),—живописный уголокъ съ красивыми холмами и озерами.

Послѣ всѣхъ прогулокъ въ плохихъ потсдамскихъ дрожкахъ, запряженныхъ жалкими клячами, мы возвратились къ 9 часамъ вечера на желѣзную дорогу. Товарищъ мой долженъ былъ, по торговымъ дѣламъ своимъ, отправиться въ Магдебургъ, а я назадъ въ Берлинъ. Къ удивленію нашему, вещи гамбургскаго купца, уже свѣщенные въ Берлинѣ, здѣсь были снова положены на вѣсы, несмотря на протестъ владѣльца. Мы много смѣялись возраженіямъ станціоннаго служителя, производившаго эту операцію, и я не могъ не сказать про себя: *Tout comme chez nous*. Проводивъ добраго товарища, съ которымъ случайно прожилъ одинъ день моей жизни и едва ли опять когда-либо встрѣчусь, я хотѣлъ воспользоваться первымъ поѣздомъ (*Kurierzug*) въ

Берлинъ. Мнѣ сказали, что на это мой билетъ, стоившій однако цѣлый талеръ, не даетъ мнѣ права; я желалъ перемѣнить его: „а этого нельзя сдѣлать“, отвѣчали мнѣ; итакъ пришлось взять новый, чтобы не ждать еще часа, а прежній подарилъ я какому-то бѣдному Нѣмцу, который чрезвычайно обрадовался такой находкѣ. Поездъ тронулся по крайней мѣрѣ десятью минутами позже назначеннаго срока: опять *tout comme chez nous!*—съ тою однакожь разницею, что въ Германіи случаи подобной неисправности составляютъ рѣдкія исключенія, а у насъ они принадлежатъ къ обычному порядку.

На другой день я посѣтилъ профессора Ю. Р. преподающаго древніе языки въ гимназіи; профессорскій титулъ данъ ему только въ видѣ отличія. Онъ печатаетъ приготовляемое имъ новое изданіе Аристофана, но жалуется, что занятія, которыми онъ обремененъ по преподаванію, не позволяютъ ему вести это дѣло съ желаемымъ успѣхомъ. По этому поводу разговоръ между нами коснулся окладовъ и пенсій по учебному вѣдомству въ Пруссіи. Старшіе преподаватели гимназій получаютъ тамъ до 1200 талеровъ жалованья. Пенсіи всѣхъ вообще служащихъ образуются прибавочнымъ жалованьемъ: за первыя 15 лѣтъ прибавляется $\frac{5}{16}$ частей, и за каждыя слѣдующія 5 лѣтъ еще $\frac{1}{16}$, такъ что за 30 лѣтъ приходится $\frac{8}{16}$ или полъ-оклада, а за 50 лѣтъ $\frac{3}{4}$ оклада. Узнавъ нашъ порядокъ производства пенсій по учебному вѣдомству, Р. позавидовалъ намъ и замѣтилъ, что онъ ничего лучшаго не желалъ бы для Пруссіи. Въ Берлинѣ семь гимназій, и въ нѣкоторыхъ болѣе 600 учениковъ.

Въ тотъ же день вечеромъ готовился между студентами факельный ходъ. Я зналъ это и никакъ не хотѣлъ пропустить такого новаго для меня зрѣлища, а потому и спѣшилъ въ городъ изъ зоологическаго сада, гдѣ удивлялся прекрасному устройству звѣринца. Факельцугъ былъ въ честь профессора Ницша, по случаю празднованія его юбилея; университетскій судья запретилъ было эту манифестацію, подъ предлогомъ болѣзни короля; но министръ просвѣщенія разрѣшилъ студентамъ почтить такимъ образомъ престарѣлаго профессора. Въ 9 часовъ вечера вся широкая улица передъ университетомъ наполнилась народомъ; лѣстница зданія королевской библіотеки была покрыта толпами

любопытныхъ; студенты уже собирались въ университетскомъ саду, съ трудомъ проталкиваясь между народомъ; они были въ красивыхъ костюмахъ: въ черныхъ бархатныхъ кафтанѣхъ, съ цвѣтными шарфами, въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ; на головѣ были у нихъ разноцвѣтные береты, а въ рукахъ знамена. Вокругъ университета, на дворѣ его и всюду явилась въ большомъ числѣ полиція. Сборы были очень продолжительны. Толпа все увеличивалась и начинала выражать свое нетерпѣніе; но особенно шумѣли мальчишки, которыхъ множество сбѣжалось къ самому университету: они взлѣзали на столбы и деревья, и безпрестанно оглашали воздухъ дикими криками и свистомъ. Наконецъ вдали, передъ самымъ университетомъ, стали показываться горящіе факелы; безпрестанно зажигались новые, безпрестанно ряды огней становились шире и длиннѣе, и мало-по-малу число факеловъ увеличилось, по крайней мѣрѣ, до двухсотъ. И вотъ, во мракѣ и дымѣ, шествіе тронулось; хорошъ былъ видъ движущейся, дымящейся массы огней, подъ которыми тянулась и шевелилась чуть видная въ полумракѣ толпа...

Въ Галле посѣтилъ я между прочимъ извѣстнаго историка Лео, читающаго также лекціи по древне-скандинавскому языку. Слышавъ прежде, что онъ выучился по-русски, я спросилъ у него: правда ли это? „Да, отвѣчалъ онъ, это было во время крымской войны; я зналъ уже по-польски и меня интересовалъ русскій языкъ; мнѣ хотѣлось видѣть, что говорятъ противники Англичанъ, которыхъ я ненавижу. Я принялся за *Съверную Пчелу* и сталъ понимать ее, кромѣ, однакожь, фельетона, въ которомъ многія выраженія меня затрудняли. А первымъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было то, что я, изучая кельтскій языкъ, искалъ пособій къ тому въ англійской литературѣ, и не нашедши никакихъ, былъ въ негодованіи на Англичанъ, за то что они не пользуются для науки близостью остатковъ кельтскаго населенія. Но тутъ у меня родилась мысль; не то ли же и мы дѣлаемъ въ отношеніи къ Славянамъ, когда миляхъ въ 20 отъ насъ живутъ Венды? Тогда-то я рѣшился заняться славянскими языками. Прежде всего я обратился къ нарѣчію Хорутанъ, какъ болѣе испытавшему вліяніе нѣмецкаго; потомъ перешелъ къ чешскому.“ Помниваю Лео, даже въ

окрестностяхъ Галле и въ самомъ городѣ, мѣстныя названія представляютъ остатки присутствія Вендовъ. Таково названіе *Lucke* (мѣсто на берегу рѣки Саалы), въ которомъ онъ видитъ искаженное славянское слово *луга*. Имя улицы *Rannische Strasse*, по мнѣнію его, происходитъ отъ славянскаго корня *ран*, который въ чешскомъ языкѣ значитъ *восточный* (улица та идетъ въ восточномъ направленіи). Самое имя *Берлинъ* Лео признаетъ славянскимъ, находя начало его въ чешскомъ словѣ *brlo*, жезль, скипетръ. откуда *brlyn*, рѣшетка (въ смыслѣ забора). Къ этому же корню относитъ онъ названіе встрѣчающагося во многихъ нѣмецкихъ городахъ мѣста: *Brühl*.

Я спросилъ у Лео, все ли еще онъ придерживается особенной орѳографіи, принятой имъ въ его курсѣ всемірной исторіи. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, въ послѣднихъ изданіяхъ я бросилъ это правописаніе, по желанію книгопродавцевъ.“ Такимъ образомъ вездѣ повторяется то же явленіе, что въ языкѣ обычай составляетъ силу несокрушимую, и что слишкомъ рѣзкія отступленія отъ него никогда не удаются.

Я. Гротъ.

(Продолженіе будетъ.)

HÔTEL «LA SIRENA»

ВЪ СОРРЕНТО.

Изъ стихотвореній: *Русскія пѣсни на чужбинѣ.*

Здѣсь текутъ стихи природы
Моря звучною волной;
Пѣнясь, силою свободы
Дышетъ ритмъ ихъ разсыпной.

Я стыжусь стиха людскаго:
Притаясь въ душѣ моей,
Онъ созналъ, какъ бѣдно слово
Предъ глаголами зыбей.

Въ ихъ стихахъ мой слухъ ласкала
Риѣма—небо и земля,
Ихъ цезура разсѣкала
Острой грудью корабля.

Воздухъ, созданный цвѣтами
Въ померанцевыхъ садахъ,
Тѣ стихи читалъ предъ нами
И по вилламъ, и въ горахъ.....

И внимали имъ, смолкая,
Судьи лучшіе стиховъ—
Соловьи земнаго рая,
Соррентинскихъ береговъ....

Но и здѣсь родной Россіи
Отдалъ я себя всего:
Снятся мнѣ стихи иные—
Строй народа моего.

Пѣсня Волги удалая
Мнѣ и здѣсь слышна въ волнахъ;
Вижу снѣгъ роднаго края
Въ Калабрійскихъ высотахъ....

Здравствуй, мой землякъ холодный!
Какъ тебя въ отчизну розъ
Вѣтеръ съ сѣвера свободный
На крылахъ своихъ занесъ?...

Что жь, онъ веселъ, нашъ питалецъ,
Переживъ свой тяжкій рокъ,
Искони многострадалецъ,
Свѣторусскій мужичокъ?...

Ты здѣсь, глядя на оливы,
Вспоминаешь ли, какъ я,
Наши пажити и нивы—
Безрубежныя поля,

Ширь и глубь души народной:—
То грядущаго зерно,
Что надеждой благородной
Намъ въ сердца заронено?...

Снѣгъ! Быть-можетъ, въ край родимый,
Въ стаѣ южныхъ облаковъ,
Завесешься ты, гонимый
Мощной прихотью вѣтровъ,—

Благодатью дождевою
Тамъ спади на зеленя,
И снеси поклонъ съ собою
Русскимъ людямъ отъ меня....

Н. Щербина.

Неаполь.—1861 г.

ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ.

Все ревность, все любовь,—все муки жгучей страсти!
Когда избавлюсь я отъ ихъ мятежной власти?
Увы, для нихъ однихъ я чувствовалъ и жилъ,
И силы юности безумно расточилъ!
Отъ нихъ я вдаль бѣжалъ искать успокоенья—
Отдать себя труду и грезамъ вдохновенья;
Я думалъ: дальній путь, другія небеса,
Языкъ Италіи, природы чудеса,
Уединенный трудъ и свѣтлый міръ искусства
Смирять въ моей груди бунтующія чувства,
И отрезвять мой умъ, и успокоять кровь,—
Напрасная мечта! И здѣсь, и здѣсь любовь,—
И здѣсь и здѣсь блещутъ красавицъ гордыхъ очи!
И здѣсь, безсонныя томительныя ночи!
Напрасно силюсь я вперить лѣнивый умъ
Въ творенья мудрецовъ—въ міръ свѣтлыхъ важныхъ думъ,
Все тщетно, все! Опять то трепетъ ожиданья,
То муки ревности, то пылкія желанья
Смущаютъ мой покой, тревожатъ въ часъ труда...
О юность бурная, умчишься ль ты когда?
А ты, о мудрая и кроткая подруга,
Цѣлительница грезъ обманчивыхъ недуга,
О старость тихая, приди, приди скорѣй!
Дай миръ и тишину и мощь душѣ моей,
И сердца слабаго въ гноящіяся раны
Пролей забвенія бальзамъ благоуханный!
Дай въ чистыхъ помыслахъ мнѣ созерцать черты
Меня плѣняющей тревожно красоты,—
Чтобъ твердою рукой, безъ страстнаго волненья,
Я могъ ихъ начертать въ минуту вдохновенья.

Б. Алмазовъ.

15 января.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ третій. Ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А. Н. Пыпинымъ. С.-Петербургъ. 1862.

Такъ-называемыя „отреченныя“ книги появляются на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Исповѣданіе христіанской вѣры, будто бы представленное греческимъ философомъ великому князю Владиміру Святому, уже заключаетъ въ себѣ выдержки изъ книгъ отреченныхъ. Нестору были извѣстны ложныя сказанія Меѳодія Патарскаго; Даніилъ Паломникъ заносилъ въ свой „Странникъ“ разказы о Мельхиседекѣ, о хожденіи Іоанна Богослова, о Богородицѣ,—разказы, частію слышанные имъ во время благочестиваго странствованія „отъ вожа и языка“, или отъ другихъ странниковъ, частію почерпнутые изъ книжныхъ источниковъ, но въ томъ и другомъ случаѣ составлявшіе достояніе отреченныхъ книгъ. Поэтическія сказанія Востока, созданныя вѣрованіемъ и фантазіей первыхъ христіанскихъ вѣковъ, легли въ основу многихъ неканоническихъ книгъ и, при посредствѣ Византіи, переданныя народамъ Европы, обогатили собою сферу христіанской поэзіи европейскихъ народовъ. Съ самой ранней эпохи перенесенныя въ Россію, отреченныя книги сдѣлались у насъ любимымъ, особенно уважаемымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. Изъ той же Византіи, которая дала намъ бѣольшую часть ложныхъ книгъ, пришли въ Россію и индексы запрещенныхъ произведеній; но это не помѣшало

распространенію ложныхъ писаній. Строго-систематическаго преслѣдованія запрещенныхъ книгъ и предполагать нельзя въ древней Россіи. Составитель *Великихъ Четивхъ Миней* внесъ въ свой громаднѣйшій сборникъ не мало отреченныхъ книгъ¹, конечно считая ихъ „истинными“,—и что за дѣло, если въ послѣдствіи, по нѣкоторымъ изъ нихъ, прошла красная черта позднѣйшаго цензора? Несомнѣннымъ остается, что и образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной. „Толстые поповскіе сборники“ были хранилищемъ нелѣпыхъ апокрифическихъ разказовъ и отреченныхъ суевѣрій. Въ старыхъ требникахъ, рядомъ съ церковными молитвами, стояли заговоры и заклинанія языческаго происхожденія. Въ церковныхъ правилахъ, множество положеній и запрещеній заимствовано было изъ ложныхъ книгъ („худые номокануны“, по выраженію индексовъ), и подъ опасеніемъ проклятія за неисполненіе ихъ, пускались въ невѣжественный и суевѣрный народъ. Бумажки съ надписями Господнихъ именъ или съ посланіемъ Авгаря къ Іисусу Христу навѣшивались при разныхъ причитаніяхъ и молитвахъ на шею больныхъ: старое языческое вѣрованіе въ „наузы“ сливалось съ обрядомъ христіанскимъ. Слѣдованныя псалтири сопровождались отреченными гадательными книгами „о лунныхъ дняхъ“, предсказаніями о томъ, когда удобно садить, сѣять, въ бракъ вступать и т. п. Въ религіозномъ сознаніи древняго русскаго человѣка господствовало тяжелое двоевѣріе; обрядовая сторона христіанства подавлялась языческими суевѣріями. Въ отреченной литературѣ смѣшались языческія вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями. Въ XVII вѣкѣ она являлась для многихъ образованныхъ людей помѣхою на пути къ просвѣщенію, но за то, тѣмъ дороже дѣлалась она для людей, которые, въ виду постепеннаго сближенія Россіи съ латинскимъ Западомъ, крѣпче хватались за свою родную православную старину и бѣжали отъ этого „седмиглаваго змѣя, звѣрски превращавшаго весь церковный чинъ, злобно истреблявшаго вся преданія“. Раскольники сберегли за со-

¹ Въ *Великихъ Четивхъ Минейхъ* находится: Слово Яноха праведнаго, Сказаніе Афродитіана о рождествѣ Спасителя, Разказъ о Вавилонскомъ плѣненіи, означенный въ нашихъ индексахъ и др.

бой литературное наслѣдіе старой Руси; отреченная литература осталась для нихъ священнымъ завѣтомъ православной старины, къ которому они любятъ прислушиваться. Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще въ „полномъ цвѣтѣ“ во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу. Въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ, старымъ отреченнымъ книгамъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Русскіе духовные стихи представляютъ большею частію только стихотворную обработку отреченныхъ книгъ: критическое изученіе послѣднихъ необходимо для вѣрнаго пониманія историческаго значенія нашихъ духовныхъ стиховъ; безъ него изслѣдователи нашей народной словесности будутъ впадать въ постоянныя промахи.

Критическая разработка индекса запрещенныхъ книгъ должна быть положена въ основу исторіи отреченной русской литературы. Первоначально перенесенные въ намъ изъ Византіи, эти индексы постоянно дополнялись русскими указаніями на ложныя книги и вѣрованія, и къ XVII вѣку статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ вытянулась до длиннаго списка, въ какомъ представляетъ ее Кириллова книга и многочисленныя рукописи XVII вѣка. Къ сожалѣнію, въ нихъ рѣдко приведены точныя заглавія ложныхъ книгъ; индексъ часто ограничивается наудачу вырванными изъ нихъ фразами, часто со словъ индексовъ византійскихъ повторяетъ заглавія такихъ книгъ, которыхъ, вѣроятно, никогда не существовало въ славянскихъ переводахъ. Невѣжество переписчиковъ въ свою очередь исказило непонятныя для нихъ названія многихъ отреченныхъ книгъ и затруднило возможность отыскать и опѣнить памятники отреченной литературы, упомянутые въ индексѣ. Г. Пыпинъ „предположилъ издать небольшой рядъ ложныхъ книгъ русской старины“. Ему прежде всего слѣдовало выяснить себѣ объемъ и содержаніе русской отреченной литературы, на основаніи русскаго индекса и полемическихъ указаній въ другихъ памятникахъ древней русской литературы (въ Стоглавѣ,

мостроѣ, писаніяхъ Максима Грека и др.) Не одну характеристическую черту древнерусскаго развитія доставить изслѣдователю знакомство съ тѣмъ, что древняя Русь въ разные періоды своей жизни предписывала считать истиннымъ и ложнымъ въ литературѣ, какъ мѣнялись ея взгляды въ этомъ отношеніи, и книга, нѣкогда истинная, переходила въ разрядъ сомнительныхъ или же прямо ложныхъ.¹ И напротивъ, къ какимъ чудовищнымъ результатамъ можетъ придти изслѣдователь русской старины, если будетъ руководствоваться не ея положительными указаніями, а своими собственными соображеніями! Къ сожалѣнію, г. Пыпинъ въ своемъ изданіи часто оставлялъ руководство индекса и печаталъ въ своемъ сборникѣ такія книги, которыя „русская старина“ не считала ни ложными, ни отреченными. Слово *Адама во адѣ къ Лазарю* (стр. 11—12) не упомянуто ни въ одномъ спискѣ ложныхъ русскихъ книгъ и заимствовано изъ такъ-называемаго „Златоуста“, сборника, который пользовался особеннымъ авторитетомъ, какъ книгъ каноническая и всегда цитовался въ спискѣ книгъ „истинныхъ“. Статья о „пророкѣ Іереміи“ (стр. 72), неправильно приписываемая Св. Епифанію, никогда не считалась отреченною. И почему же г. Пыпинъ изъ всей статьи Псевдо-Епифанія о 16 пророкахъ² выписалъ только разказъ о пророкѣ Іереміи, и пожаловалъ отрывокъ этотъ въ „ложныя книги русской старины“? Статья помѣщалась въ *Кормчихъ*, что можетъ служить отчасти доказательствомъ ея каноническаго значенія для русской старины, и никогда не упоминалась въ спискѣ ложныхъ книгъ. Быть-можетъ, разказъ Псевдо-Епифанія не отличается вѣрностью каноническимъ; но „русская старина“ нигдѣ не назвала его отреченнымъ или ложнымъ, ни разу его не зародозрила. Г. Пыпинъ руководствуется какими-то особенными соображеніями при опредѣленіи истинности и ложности древнихъ русскихъ памятниковъ. Извѣстное обличительное *Написаніе Аѳанасія мниха іерусалимскаго къ Панковѣ о древъ разум-*

¹ Во многихъ индексахъ замѣчено; „Василій о се новѣй, и Нифонтъ, и Андрей Юродивый, и Мефодій Патарскій, и Странникъ—подобаетъ о сихъ вѣдущаго вопросите, аще истинна суть.“

² Наиболѣе исправный текстъ этой статьи изданъ недавно Тишендорфомъ въ его *Anecdota sacra et profana, Lipsiae, 1861, p. 103—109.*

нѣмъ добру и злу, помѣщавшееся въ Кормчихъ наряду съ церковными постановленіями, онъ печатаетъ въ „ложныхъ книгахъ русской старины“, и обличенію на отреченное писаніе даетъ мѣсто среди ложныхъ писаній, безъ всякихъ оговорокъ! Согласны, что *Написаніе Аванасія* имѣетъ отношеніе къ исторіи нашей отреченной литературы; но зачѣмъ же ставить его въ „небольшой рядъ памятниковъ литературы“?—оно совсѣмъ не относится къ ложнымъ произведеніямъ. *Вопросъ отъ Евангелія и другія статьи* (стр. 89) также не относятся къ числу произведеній названныхъ въ индексѣ. Можно было бы составить нѣсколько томовъ, безъ всякой пользы для исторіи отреченныхъ русскихъ книгъ, еслибы подобныя статьи выписывать изъ нашихъ старыхъ сборниковъ. Легенда о *Св. Аганіи и о раѣ* (стр. 134) также произвольно отнесена г. Пыпинымъ къ числу русскихъ отреченныхъ книгъ; ни одинъ индексъ не упоминаетъ о ней въ этомъ смыслѣ; знаемъ напротивъ, что Аганій выставлялся образцомъ для подражанія монашествующимъ¹ и его *Хожденіе* въ извѣстный день года читалось иноками². Самый списокъ, по которому напечатана легенда, весьма испорченъ въ концѣ и, какъ статья Пролога, есть только сокращеніе сказанія о *Хожденіи Св. Аганія въ земной рай*.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, г. Пыпинъ потому произвольно относилъ нѣкоторыя книги къ разряду тѣхъ, которыя русская старина будто бы называла отреченными, что совершенно оставилъ въ сторонѣ указанія индекса. Иногда, подыскивая ложныя книги даже по индексу, г. Пыпинъ вноситъ въ свое изданіе совсѣмъ не ту статью, которую разумѣлъ индексъ, произвольно навязываетъ ей заглавіе искомой статьи и потомъ спокойно печатаетъ, какъ ложную книгу русской старины. На стр. 150 — 153 помѣщена, подъ заглавіемъ: *Епистолия о недѣли*, статья *Свитокъ изъ іерусалимской земли*. Мы рѣшительно не пони-

¹ Одно русское послѣсловіе къ *Хожденію Аганія* говоритъ: „Поревнуйте же митрополиты и владыки и игумены и попове и вси христіане отцу сему благородному“ и т. д. Рукопись XVI вѣка Троицко-Сергіевой Лавры, № 784 и 374.

² „Чтѣнца апрѣла 14 дня“, замѣчаетъ рукопись XVII вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, № 90 и 1167.

маемъ, почему г. Пыпинъ въ *Иерусалимскомъ Свиткѣ* увидалъ *Епистолю о недѣли*. Последняя имѣетъ другое содержаніе и встрѣчается и въ старыхъ рукописяхъ, и въ новыхъ раскольничьихъ тетрадкахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ которымъ знаетъ ее индексъ: *Епистоля Господа нашего Иисуса Христа о святѣй преславнѣй благочестивѣй недѣли*.¹ Г. Пыпинъ можетъ возразить, что *Иерусалимскій свитокъ* по своему тону и характеру близко подходитъ къ *Епистолѣ*; но мы снова замѣтимъ, что памятники русской старины не доказываютъ, чтобы *Свитокъ* считался ложною книгой, а напротивъ представляютъ доказательство противнаго. Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ *Иерусалимскаго Свитка*² находится слѣдующее замѣчательное послѣсловіе: „Написажеса сіе посланіе въ лѣто 6966 (1448) индикта 12 въ градѣ Иерусалимѣ; приписажеса сей списокъ въ богоспасаемомъ градѣ славномъ Москвѣ при державѣ великого самодержца князя Василя Васильевича, а по благословенію господина нашего преосвященнаго митрополита Ионы кievскаго и всея Руси, въ лѣто 6960 (1452) индикта 15 мѣсяца марта въ 2 день, того году, коли пошелъ князь великій Иванъ Василіевичъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на князя Дмитрія Юрьевича на Шемяку.“ Ясныя и опредѣленныя указанія индекса не спасаютъ г. Пыпина отъ ошибокъ. Этихъ указаній часто бываетъ недостаточно для того чтобы отыскать и напечатать ложную книгу въ ея настоящемъ видѣ. Многія отреченныя произведенія „русской старины“ ходятъ не отдѣльно, а вошедши въ составъ какого-нибудь сборника, въ родѣ *Пролога* или *Златоуста*, или же въ составъ болѣе или менѣе стройной исторической компиляціи, въ родѣ *Палеи*. Въ первомъ случаѣ ложная книга невольно должна утратить нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ особенностей, чтобы *по формѣ* поддѣлаться къ остальнымъ

¹ Такъ въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Иосифу Волоколамскому монастырю, нынѣ Московской Духовной Академіи, № 135—365; начало статьи: „Епистоля Господа нашего Иисуса Христа пришедши въ Римъ, въ олтарь святыхъ преславныхъ крестьянскихъ апостолъ Петра и Павла, рекшоу Господоу нашему Ис Христу, яко ты еси Петръ...“

² Въ полууставномъ сборникѣ XV вѣка, принадлежавшемъ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ С.-Петербургской Духовной Академіи. № 11—1088.

статьямъ того же сборника; въ *Прологахъ* она всегда сокращается; въ *Златоустахъ* также: *Никодимово Евангеліе* въ *Златоустахъ* имѣетъ совсѣмъ другой видъ и объемъ, нежели какимъ представляютъ его рукописи, въ которыхъ оно стоитъ опредѣленною статьею (хоть бы Погодинская рукопись, по которой напечаталъ Евангеліе г. Пыпинъ). Редакторъ *Палеи*, внося отреченную книгу въ свою обширную компиляцію, уже передаетъ разказъ ея отъ своего собственнаго лица, многое отбрасываетъ, многое прибавляетъ, руководствуясь основною мыслию *Палеи*—представить въ ветхозавѣтныхъ событіяхъ обличеніе жидовину. Разумѣется, критическое изданіе ложныхъ и отреченныхъ книгъ не возьметъ за норму того вида ихъ, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ указанныхъ сборникахъ. Роль издателя памятниковъ отреченной русской литературы была бы очень легка и не завидна, еслибъ онъ, взявши въ руки индексъ ложныхъ книгъ, сталъ подыскивать ихъ по каталогамъ Строева, Калайдовича, Востокова, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій выписывать ихъ изъ рукописей, указанныхъ этими почтенными библіографами. Такой процессъ изданія немного принесетъ пользы исторической наукѣ, а пожалуй, еще приведетъ къ самымъ ложнымъ выводамъ относительно нашей древней литературы. При такомъ процессѣ ложная книга спутается съ истинною, сокращеніе будетъ принято за цѣлое, середина за конецъ,—и какъ найти выходъ изъ этого сплетенія ошибокъ и недоразумѣній? Г. Пыпинъ, къ сожалѣнію, не обращалъ особеннаго вниманія на составъ и значеніе тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ выписывалъ свои „отреченныя книги“, а потому и впалъ въ эти ошибки. На стр. 129—133 онъ напечаталъ, въ двухъ вариантахъ, *Павлово видѣніе*¹, заимствуя его изъ одного Погодинскаго сборника (полагаю, изъ *Златоуста*; у г. Пыпина не означенъ вѣкъ рукописи.) Въ примѣчаніи къ этой статьѣ издатель говоритъ: „Подъ такимъ заглавіемъ означали это произведеніе въ старину; съ этимъ именемъ упомянуто оно въ статьѣ о книгахъ истинныхъ

¹ Въ томъ видѣ, какъ представляетъ его изданіе г. Пыпина, оно извѣстно намъ въ *Златоустѣ* Новгородской Софіѣйской библіотеки № 1266, Чудова монастыря № 125, и въ одномъ *Прологѣ* Троицко-Сергіевой лавры.

и ложныхъ.“ Но произведеніе, напечатанное г. Пыпинымъ есть только *скудное сокращеніе* того, которое упомянуто въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ,—сокращеніе, старавшееся удержать только дидактическую сторону статьи и совершенно отбросившее длинный и любопытный разказъ о хожденіи апостола Павла по мукамъ и по раю. А между тѣмъ именно этотъ разказъ и составляетъ *сущность* видѣнія; начальное обращеніе къ сынамъ человѣческимъ, составляющее въ изданіи г. Пыпина едва ли не треть *Видѣнія*, есть очевидно позднѣйшая вставка. Въ поэмѣ XIII вѣка *La vision de St. Paul* ¹ темою разказа служить хожденіе апостола Павла по аду, а не различная смерть праведнаго и грѣшнаго, какъ въ сокращенной статьѣ г. Пыпина. *Видѣніе апостола Павла*, въ его настоящемъ видѣ, извѣстное намъ по рукописи XV вѣка, ² осязательно убѣждаетъ насъ, что авторъ поэмы *La vision de St. Paul* пользовался тою же самою греческою статьёй (изъ вторыхъ или изъ первыхъ рукъ, все равно), съ которой переведена наша ложная книга, и такимъ образомъ исторію нашей отреченной литературы приводитъ въ связь не только съ исторіею византійской, но и западно-европейской словесности. Славянскій переводъ *Павлова видѣнія* тѣмъ болѣе драгоцененъ, что греческій подлинникъ его, какъ многихъ другихъ апокрифовъ, остается до сихъ поръ неизданнымъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство, потому что самъ г. Пыпинъ очень хорошо понималъ особенное значеніе нашихъ ложныхъ книгъ для исторіи литературъ византійской и славянскихъ вообще. „Значительная часть ложныхъ книгъ (говоритъ онъ въ предисловіи) была заимствована древнею Русью изъ источниковъ южно-славянскихъ и византійскихъ: они доставляютъ такимъ образомъ *важныя данныя* для опредѣленія литературныхъ отношеній къ Византіи и для объясненія самихъ византійскихъ памятниковъ; по нашимъ ложнымъ книгамъ *возстановляется* въ нихъ многое, что до сихъ поръ только подозрѣвали

¹ Издано Озанамомъ въ его *Dante et la philosophie catholique au XII siècle*. См. *Oeuvres complètes de A. F. Ozanam VI*, 413.

² Начало: „Бы слово Господне, ко мнѣ глаголя: рчи людемъ симъ: доколѣ согрѣшаете.“ Конецъ: „Многашды бо моляхуть его глаголюще ангели, и рече Господь: потерпитъ дондеже ильа помолится о бездождьи повелю о семъ послю дождь на землю. Богу же....“

ученые или даже считали потеряннымъ. Такую же важность имѣютъ наши книги и для древней письменности южныхъ Славянъ.“

Къ какимъ выводамъ придетъ изслѣдователь, если изъ сокращеній и отрывковъ, напечатанныхъ г. Пыпинымъ подъ названіемъ ложныхъ книгъ, онъ примется извлекать „важныя данныя для опредѣленія нашихъ литературныхъ отношеній къ Византіи и для объясненія самихъ византійскихъ памятниковъ“, если по позднимъ извлеченіямъ изъ ложныхъ книгъ и ихъ русскимъ передѣлкамъ будетъ „возстановлять въ византійской литературѣ то, что до сихъ поръ только подозрѣвали ученые или даже считали потеряннымъ“? *Павлово видѣніе*—не единственный примѣръ того, какъ сокращеніе и выписку г. Пыпинъ принимаетъ за самую книгу. Бóльшая часть ложныхъ книгъ, извлеченныхъ г. Пыпинымъ изъ *Палеи*, представляетъ памятники не въ настоящемъ, истинномъ видѣ ихъ, а въ самой обезображенной и изуродованной формѣ,—то съ огромными посторонними наростами, то въ жалкихъ отрывкахъ. А между тѣмъ самой легкой критики рукописей достаточно было для того чтобъ избѣжать этого легкомысленнаго искаженія нашей старой отреченной литературы. Самое бѣглое, поверхностное сравненіе разныхъ списковъ *Палеи* убѣдило бы г. Пыпина, что та редакція *Палеи*, которою онъ пользовался (Румянц. 1494 г.), есть результатъ длинной литературной исторіи этого памятника на русской почвѣ. Древнѣйшіе списки *Палеи* не представляютъ нѣкоторыхъ отреченныхъ статей, которыя г. Пыпинъ беретъ изъ Румянцовской *Палеи* 1494 г. и которыя есть въ большей части списковъ этой компиляціи, относящихся къ концу XV вѣка. Откуда же взялись въ *Палеѣ* конца XV вѣка эти отреченныя статьи? Онѣ прежде ходили отдѣльно, потомъ вставлены въ *Палею* въ своемъ первоначальномъ видѣ, и сначала стоятъ въ ней особнякомъ, безъ всякой связи съ остальнымъ содержаніемъ этого памятника, и наконецъ уже приспособляются редакторомъ къ содержанію *Палеи*, посредствомъ болѣе или менѣе значительныхъ перемѣнъ въ ихъ составѣ. Вотъ примѣры. Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ деселѣ списковъ *Палеи* (паргаменномъ XIV вѣка, принадлежащемъ Алекса́ндро - Невской Лаврѣ) нѣтъ отреченнаго *Откровенія*

Авраама¹. Но въ Сильвестровскомъ сборникѣ, часть котораго несомнѣнно составляла эта Палея, Откровеніе Авраама находится отдѣльною книгой, рядомъ съ Сказаніемъ о ѡсѣтїи и погубленїи Бориса и Глѣба и другими статьями. Въ копїи, сдѣланной съ этой Палею въ XVI вѣкѣ, Откровеніе Авраама стоитъ отдѣльною статьей и вписано въ Палею²; а въ другихъ спискахъ послѣдней оно потеряло уже значеніе самостоятельнаго цѣлаго, перенеслось съ палейными обличенїями на жидовина и во многомъ утратило свой первоначальный видъ. Г. Пыпинъ напечаталъ часть этого отреченнаго памятника подъ произвольнымъ заглавіемъ (заимствованнымъ отъ одного отдѣла Палею) Книгъ обѣ Авраамъ (стр. 24—26), не прослѣдивъ предварительно коротенькой литературной исторїи памятника по разнымъ спискамъ Палею, и впалъ въ слѣдующія ошибки: 1) Въ видѣ цѣлой самостоятельной статьи, съ громкимъ заглавіемъ Книгъ обѣ Авраамъ, у него издано только небольшое вступленіе въ Откровеніе Авраама. Г. Пыпинъ введенъ былъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе, какъ намъ кажется, г. Срезневскимъ, который, при описанїи Сильвестровскаго сборника,³ для образца языка привелъ именно отрывокъ изъ Откровенія Авраама въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ изданъ теперь и г. Пыпинымъ. Издатель отреченныхъ книгъ самое то Откровеніе и просмотрѣлъ, чего не случилось бы, еслибъ онъ обратился къ другимъ спискамъ Палею. Въ нихъ онъ вѣрно нашелъ бы любопытнѣйшую отреченную книгу, съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Книгы откровленія авраамъ, сына ферина, сына наоръ, сына серухова, сына роогова, сына арфаксадова, сына силова, сына ноева, сына латехова, сына мефусаламля, сына енохова, сына аредова“. 2) Къ самому отрывку изъ Откровенія, принятому издателемъ за цѣлое, съ другой стороны приклеено г. Пыпинымъ начало, вовсе ему не принадлежащее (Сара роди Аврама — седи помысливъ Авраамъ), а захваченное издателемъ изъ Палею. 3) Отрывку изъ одной книги г. Пыпинъ далъ заглавіе, ко-

¹ Его нѣтъ и въ пергаменномъ спискѣ Палею 1406 г., писанномъ въ Коломнѣ и принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ, № 38.

² Такова Уваровская Палея № 8³/₂₈₆; при Откровенїи Авраама здѣсь находятся тѣ же минїатюры, что и въ Сильвестровскомъ сборникѣ.

³ Сказаніе о Свв. Борисѣ и Глѣбѣ, изданныя И. Срезневскимъ, стр. XIX—XXI.

торое обнимаетъ *всѣ книги* объ Авраамѣ и тѣмъ сузилъ объемъ и значеніе указанія греческихъ индексовъ *Авраамъ*, ограничивши *всѣ апокрифическія сказанія* объ Авраамѣ однимъ отрывкомъ. Между тѣмъ, къ тому же циклу относится превосходное сказаніе о смерти Авраама, встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ и указанное въ нашихъ индексахъ словами: „*Архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ на небо и далъ ему видѣти, что дѣютъ на землю и судилъ имъ*“. Греческіе подлинники той и другой статьи не изданы. *Житіе Пророка Моисея* (стр. 39—48) также не находится въ древнѣйшихъ спискахъ *Палеи* и внесено въ нее не безъ измѣненій. Длинные обличительныя вставки на жидовина явились въ немъ, только благодаря помѣщенію его въ *Палею*. Г. Пыпинъ оставилъ ихъ безъ всякихъ оговорокъ, какъ принадлежность статьи. Ихъ слѣдовало или выбросить (какъ дѣлаетъ самъ издатель, въ нѣкоторыхъ другихъ отреченныхъ статьяхъ (стр. 9, 78, 52), или оговорить. Кромѣ того *эсцитіе* напечатано безъ конца. „На этомъ мы кончаемъ свое извлеченіе (говоритъ издатель): *разказъ о казняхъ египетскихъ не представляетъ особенной занимательности*“ (стр. 48). Напротивъ этотъ разказъ слѣдовало удержать, чтобы представить памятникъ въ его полномъ объемѣ и дать возможность изслѣдователямъ изучить отношеніе нашего *эсцитія* къ еврейскому подлиннику, ¹ Кто знаетъ: можетъ-быть, это изученіе доставило бы важныя данныя для исторіи нашей отреченной литературы въ эпоху ереси жидовствующихъ и для оцѣнки литературнаго значенія *Палеи*? И какой это особенной занимательности принесъ г. Пыпинъ въ жертву цѣлостность историческаго памятника?

Статья о Соломоновыхъ судахъ (стр. 55) также получила въ изданіи г. Пыпина начало, ей не принадлежащее, и снова занятое изъ *Палеи*, по неумѣнію выдѣлить изъ послѣдней ложную книгу. Слова: „И возвеличись царь Соломонъ—рече писаніе“ лишнія. Послѣдняя фраза прямо указываетъ, что они заимствованы изъ каноническаго источника; отдѣльно стоящія статьи о Соломоновыхъ судахъ прямо начинаются словами: „Бысть Соломонъ мужъ мудръ.“ ²

¹ Латинскій переводъ еврейскаго подлинника перепечатанъ у Гфререра *Prophetæ veteres pseudëpigraphi*, 305—316.

² Ср. *Палею* гр. А. С. Уварова,

Наконецъ, въ статьѣ *Лѣствица* (стр. 27—32) не принадлежащія къ ней палейныя обличенія занимаютъ вдвое болѣе мѣста нежели сама ложная статья; она должна оканчиваться словами: „и потомъ поборетъ Господь по племени твоему“ (стр. 28).

Впрочемъ не одно отсутствіе предварительной критики рукописей заставляло г. Пыпина принимать отрывки за цѣлое или присоединять къ ложнымъ статьямъ такія мѣста, которыя совсѣмъ имъ не принадлежатъ. Издатель упустилъ иногда изъ виду и немногія изслѣдованія, которыя изрѣдка посвящались у насъ ложнымъ книгамъ. Сравнивъ напечатанную имъ статью: *О виноградѣ и како растяше* (стр. 7) съ разборомъ сказанія о древѣ крестномъ, предложеннымъ въ *Историческихъ Очеркахъ* Буслаева (II, 491), г. Пыпинъ легко могъ бы убѣдиться, что его статья о виноградѣ есть не болѣе какъ отрывокъ отреченнаго Слова о крестѣ честнѣ и о двою кресту разбойничю. Статья о виноградѣ начинается у г. Пыпина безсвязно: „Тако егда насади Господь виноградъ въ раи,“ именно потому что это есть отрывокъ указаннаго слова, расположеннаго по вопросамъ и отвѣтамъ. Передъ ней опущенъ слѣдующій вопросъ, связывающій ее съ началомъ Слова: *Како зачахуся тѣ древа*. Этимъ объясняется тако, стоящее въ началѣ статьи. Небольшая загадка изъ *Бесѣды трехъ святителей* помѣщена у г. Пыпина отдѣльною статьей безъ указанія источника (стр. 11).

Палеографическія особенности рукописей, изъ которыхъ г. Пыпинъ заимствовалъ ложныя книги, также не всегда вѣрно имъ оцѣнены. Въ Румянцевскомъ сборникѣ XVI вѣка, № 96, л. 91—95 об., помѣщено Слово святаго праведнаго Іоанна Θεолога. Первые два листка этой статьи вписаны позднѣйшею рукою на мѣсто утраченныхъ ея страницъ; эту-то позднѣе вписанную часть статьи г. Пыпинъ принимаетъ за цѣлую статью (онъ самъ ограничиваетъ объемъ Слова листами 91—93), и опять отрывокъ играетъ роль цѣлаго произведенія, хотя въ рукописи оно помѣщено вполнѣ!

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ *Громникъ и Колядникъ* (стр. 156—157) напечатаны статьи: 1) о небеси и 2) стихіи дванадцатымъ мѣсяцомъ. Это опять отрывки, которые не относятся ни къ *Громнику*, ни къ *Коляднику*, и которые со-

ставляютъ часть обширной статьи *О лѣтнемъ обхожденіи и воздушныхъ прелѣненіяхъ*. Въ этой послѣдней я позволяю себѣ видѣть астролога нашихъ древнихъ индексовъ.

Но довольно о смѣшеніи истинныхъ книгъ съ ложными, о вырѣзкахъ и надставкахъ, которыя позволилъ себѣ г. Пыпинъ въ памятникахъ нашей отреченной литературы; скажемъ хотя нѣсколько словъ объ изданіи тѣхъ отреченныхъ книгъ, въ истинномъ содержаніи и объемѣ которыхъ г. Пыпинъ не могъ ошибиться. Издатель часто не означаетъ, къ какому вѣку относится рукопись, по которой онъ печатаетъ памятникъ, или ограничивается общими и неопредѣленными указаніями. Что значить напр. выраженіе: *изъ старой рукописи* (стр. 58)? Многія опуски рукописей оставлены безъ оговорокъ и поправокъ тамъ, гдѣ это было легко сдѣлать: напр. *разорю закону твою* (стр. 5) вм. *икону* (εἰκὼν, образъ); *увратъ эдемскихъ заря ми* вм. *за раемъ* (стр. 10). На стр. 13 совершенно напрасно поставленъ вопросительный знакъ послѣ слова *теслоу*: значеніе его понятно.¹

Чѣмъ важнѣе историческое значеніе тѣхъ памятниковъ, которые имѣлъ въ виду г. Пыпинъ, тѣмъ болѣе осторожности и предварительныхъ работъ требовали они отъ издателя. Произведенія, оставившія такой прочный и долговѣчный слѣдъ въ исторіи народной культуры, какъ отреченныя русскія книги,—произведенія, около которыхъ группируется множество вопросовъ, важныхъ въ исторіи общеевропейской словесности,—должны внушать изслѣдователю нѣкоторое уваженіе и не подвергаться легкомысленнымъ искаженіямъ ради какой-то особенной „занимательности.“ Предлагая ихъ въ первый разъ на судъ „исторической критики,“¹ слѣдуетъ держаться только положительныхъ требованій науки и отказаться отъ дилеттантизма, оставляющаго при себѣ только то, что кажется ему „занимательнымъ“: подобные взгляды не имѣютъ ничего общаго съ историческою критикой.

Н. Тихонравовъ.

¹ „Въ старой русской письменности (говоритъ г. Пыпинъ въ предисловіи къ изданію) до сихъ поръ остается множество памятниковъ, до которыхъ мало касалась историческая критика.“

ЗАМѢТКА

Объ книжки *Русскаго Вѣстника*, послѣдняя за прошлый годъ и первая за нынѣшній, печатались въ одно время и выходятъ почти въ одинъ день. Намъ стоило это немалыхъ усилій; за то отнынѣ каждая книжка будетъ выходить въ тотъ самый мѣсяцъ, который значится на ея оберткѣ.

Мы надѣемся, что читатели найдутъ удобными новый форматъ и шрифтъ нашего журнала. Форматъ нѣсколько уменьшенъ противъ прежняго, а шрифтъ тотъ самый, къ которому читатели *Современной Лѣтописи*, безъ сомнѣнія, успѣли уже привыкнуть. Онъ мельче нашего прежняго крупнаго шрифта, но нѣсколько шире и разборчивѣе, такъ что даетъ намъ возможность, при уменьшенномъ форматѣ, сохранить прежніе размѣры содержанія.

При выпускѣ этой первой книжки мы болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы не слишкомъ запоздать и чтобы войти въ сроки. Вотъ почему нѣкоторыя статьи, предназначавшіяся нами въ эту книжку (между прочимъ и новый романъ г. Тургенева), не могли войти въ нее; вотъ почему также отлагаемъ мы до слѣдующаго нумера наши обычные замѣтки о разныхъ явленіяхъ въ литературной и общественной жизни. Эти замѣтки будемъ мы продолжать и въ нынѣшнемъ году. Недостатка въ

матеріалъ, кажется, не будетъ; съ каждымъ днемъ является что-нибудь новое, и мы дѣлаемъ надъ собою немалое усиліе, рѣшаясь отложить нашу бесѣду съ читателями до слѣдующаго мѣсяца.

Время дѣйствительно наступаетъ новое, но тѣмъ крѣпче должны мы стоять и тѣмъ усерднѣе дѣйствовать, хотя наша дѣятельность и не совсѣмъ правится нѣкоторымъ изъ нашихъ сотоварищей по журналистикѣ. Годъ тому назадъ, одна изъ петербургскихъ газетъ объявляла о нашей близкой кончинѣ. Та же газета хоронитъ насъ и теперь. *Русскій Инвалидъ* перемѣнилъ редакцію; но онъ попрежнему думаетъ, что намъ пора умирать. Эту газету почему-то особенно занимаетъ судьба *Русскаго Вѣстника*. Кстати и не кстати обращается она къ *Русскому Вѣстнику*, чтобы сказать ему какую-нибудь любезность. Недавно эта газета обратилась даже лично къ издателю *Русскаго Вѣстника*, называя его по имени и отчеству, находя, что у него очень дурно „въ верхнихъ этажахъ“ (то-есть въ головѣ, какъ надобно думать), сравнивая его въ этомъ отношеніи съ гг. Аскоченскимъ, Полиньякомъ и Гизо, приглашая его покинуть журнальное поприще и предоставить дѣло жизни, въ которомъ онъ ничего не смыслитъ, *Русскому Инвалиду* и другимъ могучимъ дѣятелямъ, исполненнымъ юныхъ силъ, и составляющимъ одну дружную семью въ петербургской журналистикѣ. *Русскій Инвалидъ* извѣщаетъ насъ, что эта фаланга людей жизни служить усердно правительству и обществу, между тѣмъ какъ мы причиняемъ собою только докучный диссонансъ въ этомъ стройномъ хорѣ. Мы состарѣлись, отстали, испугались „проблесковъ жизни“, не возрадовались великимъ событіямъ, которыми ознаменовался прошлый годъ; мы не понимаемъ прелести разрушенія, мало изучали Токвиля, который учитъ о пользѣ и необходимости этого процесса: только исчезновенія нѣтъ въ природѣ, учитъ въ свою очередь *Русскій Инвалидъ*, а разрушеніе есть. Далѣе, эта газета извѣщаетъ насъ, что мы живемъ чужимъ умомъ, не имѣемъ своего сужденія, между тѣмъ какъ самостоятельная мысль вырабатывается въ *Русскомъ Инвалидѣ* и другихъ журналахъ, составляющихъ дружную семью. Выходитъ, что мы все говорили съ чужихъ словъ, черпали нашу мудрость изъ *Times*, и что наши теоріи давно опровергнуты въ акихъ-то катихисизахъ, которые печатались въ Брауншвейгѣ

въ 1848 году. *Русскій Инвалидъ* беретъ открытъ и указать наши источники, и мы усердно просимъ его объ этомъ, потому что это и для насъ будетъ интересною новостью; между тѣмъ онъ кое съ чѣмъ познакомится, разыскивая наши источники, а мы можетъ-быть узнаемъ поближе, что такое брауншвейгскіе катихизисы.

Почтенная газета находитъ, что наша дѣятельность бесплодна и безуспѣшна, что наши идеи оказываются совершенно несостоятельными, и что все дѣлается не такъ какъ мы хотимъ. Въ доказательство, *Русскій Инвалидъ* беретъ недавній фактъ,—вопросъ объ устройствѣ университетовъ.

Русскій Инвалидъ свидѣтельствуетъ, что наши взгляды по этому вопросу оказались несостоятельными, что правительство не обратило на нихъ вниманія, и что университеты устраиваются теперь на новыхъ началахъ, въ противность нашимъ „тенденціямъ“. Но мы никогда не имѣли притязаній дѣйствовать на правительство; мы обращаемся не къ правительству, а къ публикѣ; наша обязанность—разъяснять, по силамъ, общественныя понятія, по поводу возникающихъ вопросовъ, а не проводить законодательныя мѣры. Мы не знаемъ, что предполагаетъ правительство, что находитъ оно возможнымъ и нужнымъ; но мы пользуемся правомъ, которое, въ извѣстной мѣрѣ предоставлено всѣмъ,—высказывать въ печати свои мнѣнія. Далѣе этого наши притязанія не простираются. Но дѣло не въ этомъ,—дѣло вотъ въ чемъ: *Русскій Инвалидъ* радуется, что университеты будто бы получаютъ устройство совершенно не согласное съ нашими взглядами. А какіе наши взгляды? И чему обрадовался *Русскій Инвалидъ*? Послѣ того какъ высказали мы наше мнѣніе о значеніи университетовъ въ возраженіе на проекты нѣкоторыхъ петербургскихъ профессоровъ, завелъ объ этомъ рѣчь и *Русскій Инвалидъ*. Мы помнимъ, въ немъ появилась тогда статья, которая насъ очень порадовала. Мнѣнія, высказанныя въ этой статьѣ, назвали бы мы очень умными и очень дѣльными, еслибы насъ не удерживало чувство скромности. Мнѣнія, высказанные тогда въ этой газетѣ, совпадали съ нашими. Только одно показалось намъ очень страннымъ: высказавшись въ одинаковомъ смыслѣ съ нами, *Русскій Инвалидъ* заключилъ свою статью гнѣвною выходкой противъ насъ, неизвѣстно за

что. Странная тактика бросаться въ того грязью, съ кѣмъ соглашаешься во мнѣніяхъ. Вотъ еще примѣръ, ближайшій: заговоривъ о дворянствѣ и о томъ какъ должны быть организованы у насъ земскіе выборы, *Русскій Инвалидъ* не преминулъ также ругнуть насъ, хотя высказалъ о выборномъ началѣ именно то, что всегда высказывалось въ *Русскомъ Вѣстникѣ*,—высказывалось тогда, когда новая редакція *Русскаго Инвалида* еще не появлялась на свѣтъ. Странныя отношенія къ тѣмъ, съ кѣмъ сближаешься въ мнѣніяхъ, и странный способъ заявлять свою самостоятельность! Но чему обрадовался *Русскій Инвалидъ*, полагая, что университеты получаютъ устройство не согласное съ нашими взглядами? Забылъ ли онъ, какихъ мнѣній держался самъ нѣсколько недѣль тому назадъ, говорилъ ли онъ тогда безсознательно, или ему точно пріятно думать, что все будетъ сдѣлано въ противность его собственнымъ „тенденціямъ“?

Что же касается до совѣта прекратить нашу дѣятельность, то мы затрудняемся послѣдовать ему: не имѣя притязанія дѣйствовать на правительство, не находясь къ нему ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ тѣхъ общихъ, въ какихъ всѣ граждане находятся къ своему правительству, не пользуясь и не желая пользоваться никакою исключительною привилегіей, даже привилегіей частныхъ объявленій, которая предоставлена новой редакціи *Русскаго Инвалида*,—мы служимъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, обществу, и думаемъ, что служба наша не бесполезна и не бесплодна. Мы думаемъ такъ, потому что вниманіе публики къ нашему голосу не уменьшалось, а возрастало съ теченіемъ времени, и никогда не было такъ сильно какъ теперь, въ это трудное время съ „проблесками новой жизни“, предъ которыми, по мнѣнію *Русскаго Инвалида*, оказались мы несостоятельными. Въ этомъ отношеніи *Русскій Инвалидъ* и русское общество совершенно расходятся,—и нельзя на насъ свѣтовать за то, что мы болѣе руководствуемся мнѣніемъ публики о нашей дѣятельности нежели мнѣніемъ *Русскаго Инвалида*.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА ^и К^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

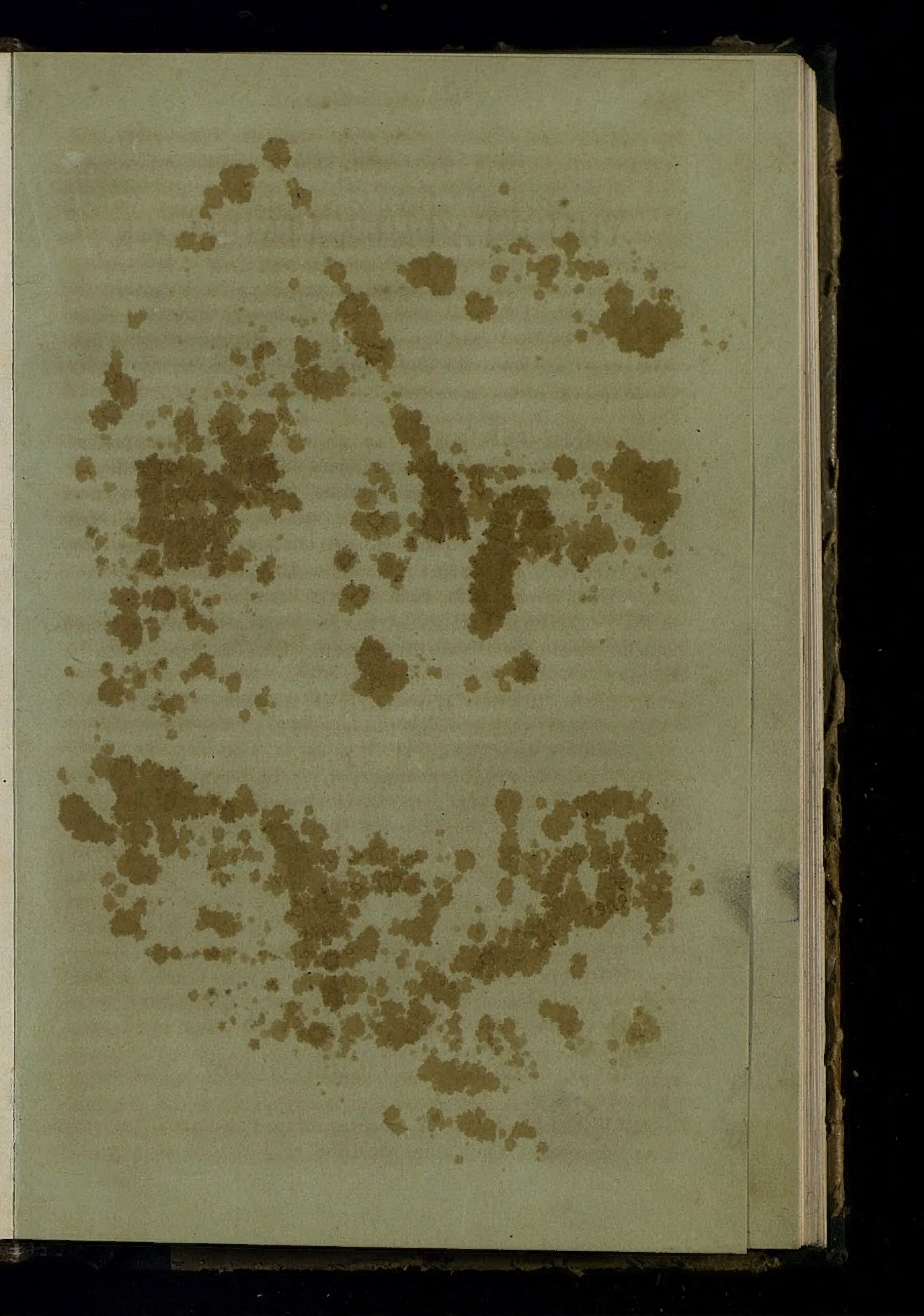
РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ, преимущественно съ физиологической и анатомопатологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей**;

за СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

Печатать позволяется.

Января 31. Цензоръ А. Петровъ.

Цензоръ Н. Гилляровъ-Платоновъ.